К 76 3/199
Х т 3-4

2824623

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №
К76 3/199	5652.35 554.35 № тома: т 3-4
Количество страниц или листов текста	т3 - 322 стр
Количество иллюстраций таблиц, карт и т. п.	т3. 17л. илл. т4 - 22л. илл. 39 л.
Дефекты	отс. 1л. илл. из тома 4 стр 333 („Нашествие Гензериха" Брюллова)
Примечания	в т4. неправильное вложение иллюстр.
Дата составления паспорта	14/3

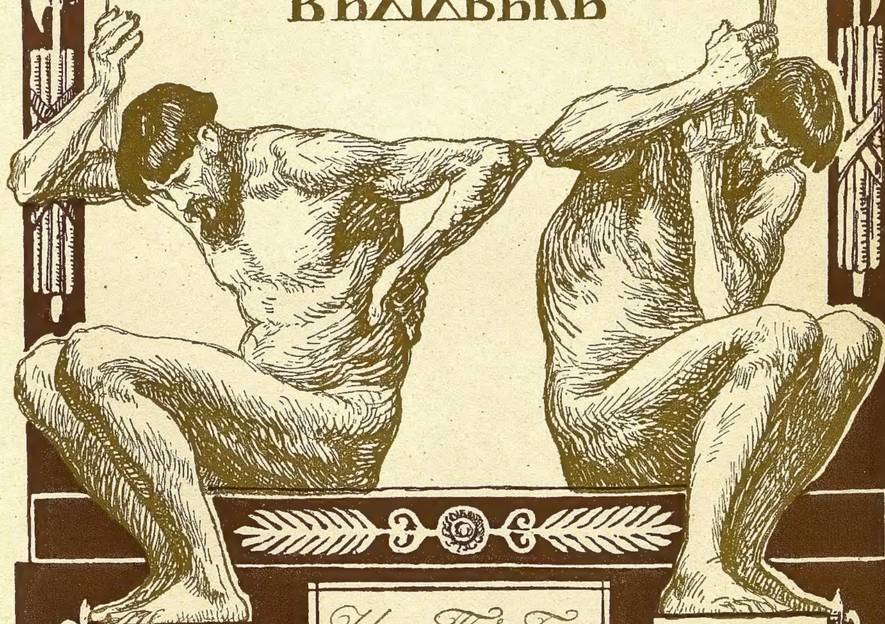
Зак. 15 ГПИБ.

К76 3/199

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОММУНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА г. ПЕТРОГРАДА
Комиссаровская улица, д. № 23.

9/282462

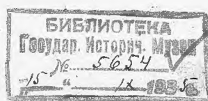
ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°

Томъ. № 4.

Л. Пастернакъ

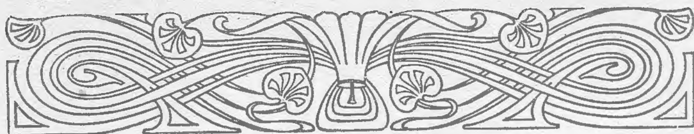

ТЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ" С.-ПЕТЕРБУРГЪ ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.) С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

ЭПОХА РЕФОРМЪ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Оглавленіе IV-го тома.

(Часть вторая, отдѣлъ второй.)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОММУНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА г. ПЕТРОГРАДА
Нижегородская улица, д. № 23.

ГЛАВА VI.

Городъ и Городовое положенiе 1870 года.

(Г. И. Шрейдера).

1.

Городъ въ первой половинѣ XIX в.

Въ теченiе 40 лѣтъ, начиная съ 21 года, русское правительство не переставало проявлять заботы объ улучшенiи „состоянiя города“. Читатель настоящаго сочиненiя знаетъ уже, къ чему сводились эти заботы. „Посредствомъ пересмотра Городового положенiя, — напомнимъ мы слова А. А. Кизеветтера въ первой части (стр. 201),—надѣялись вывести русскiй городъ на путь преуспѣянiя, оживить городскую промышленность и поднять уровень городской культуры“. Но „вопросъ о томъ, возможно ли возрожденiе городской жизни путемъ однихъ административныхъ преобразованiй безъ измѣненiя всѣхъ соцiальныхъ условiй и отношенiй, въ которыхъ пребывала тогдашняя Россiя, въ правительственныхъ сферахъ того времени, повидимому, не поднимался“. Естественно, что частичныя реформы того времени (1846) были реформами „чисто бумажными“, не провозглашавшими „какого-либо животворнаго принципа“, въ конечномъ итогѣ сводясь „къ коекакимъ чисто техническимъ починкамъ старой екатерининской системы городскихъ учрежденiй“. Но съ освобожденiемъ крестьянъ, съ перемѣною „всѣхъ соцiальныхъ условiй и отношенiй“ и для правительства должно было сдѣлаться яснымъ, что „техническими починками“ ограничиваться болѣе нельзя, ибо стало и неотложно необходимымъ, и *возможнымъ* коренное преобразованiе городскихъ учрежденiй на основѣ новаго „животворнаго принципа“, въ соотвѣтствiи съ кореннымъ измѣненiемъ въ условiяхъ городской и государственной жизни. Тогда появилось положившее начало реформѣ 1870 года Высочайшее повелѣнiе отъ 20 марта 1862 года „безотлагательно приступить къ улучшенiю общественнаго управленiя во всѣхъ городахъ имперiи“,—появилось не какъ простое только продолженiе предыдущихъ правительственныхъ заботъ объ улученiи „состоянiя городовъ“, а какъ самостоятельный, отъ нихъ независимый актъ, имѣющiй свой источникъ въ освобожденiи въ той же мѣрѣ, въ какой съ нимъ причинно связаны всѣ остальныя преобразованiя „эпохи великихъ реформъ“. Невозможно по-

этому въ достаточной мѣрѣ уяснить себѣ смыслъ и значеніе городской реформы 1870 года, не принявъ въ соображеніе прежде всего условій жизни и хозяйства дореформеннаго города, а затѣмъ и тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ этихъ условіяхъ съ упраздненіемъ крѣпостного права. Намъ приходится поэтому начать съ анализа данныхъ, характеризующихъ городскую жизнь и городское хозяйство въ періодъ, предшествующій реформѣ, т.-е. въ первой половинѣ XIX вѣка.

Ко времени освобожденія крестьянъ въ Европейской Россіи и Сибири насчитывалось уже болѣе 700 городскихъ поселеній *). Цифра весьма почтенная, которая могла бы служить свидѣтельствомъ довольно крупной роли города въ дореформенный періодъ нашей исторіи, если бы русскій „городъ" того времени не былъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ городомъ только по названію,—понятіемъ условнымъ, очень мало соотвѣтствующимъ истинному смыслу и значенію этого слова.

То, что дѣлаетъ населенный пунктъ „городомъ", что кореннымъ образомъ отличаетъ его отъ деревни,—это прежде всего и главнымъ образомъ *численность населенія*. Къ этому моменту, какъ къ первоисточнику и первопричинѣ, мы сводимъ всѣ существенныя особенности, рѣзко отличающія городскую жизнь отъ сельской**). Постепенно обособляясь и дифференцируясь отъ деревни, городъ стягиваетъ къ себѣ все бóльшія и бóльшія массы населенія. Происходящая такимъ образомъ концентрація людскихъ массъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ городской территоріи даетъ начало другому существенному признаку города—невѣдомой въ деревнѣ плотности или *скученности* городского населенія. Вмѣсто одной-двухъ семей, составляющихъ обычное населеніе сельскаго дома, городскіе дома населены десятками и даже сотнями семей. Послѣднее, конечно, не было бы возможно, если бы не третій признакъ города—совершенно иной, чѣмъ въ деревнѣ *способъ застройки* его территоріи, совершенно особый характеръ и размѣръ городскихъ построекъ. Усиленный, благодаря концентраціи, спросъ на жилища поднимаетъ цѣну городскихъ земельныхъ участковъ подъ застройку до неизвѣстной въ деревнѣ высоты; уже прямой экономическій разсчетъ побуждаетъ возводить на этихъ участкахъ возможно большія тѣсно сплоченныя зданія изъ наиболѣе прочнаго матеріала,—камня и желѣза, вмѣсто дерева, глины и соломы, царящихъ въ деревнѣ. Четвертый чрезвычайно важный отличительный признакъ города,—это чрезвычайная *разнородность его населенія*, ибо городская концентрація населенія является также причиной его всесторонней дифференціаціи. Если въ условіяхъ и въ обстановкѣ сельской жизни всѣ первостепенныя жизненныя нужды и потребности (въ хлѣбѣ, водѣ и т. д.) удовлетворяются почти исключительно путемъ индивидуальной самодѣятельности

*) 60 губернскихъ и областныхъ городовъ, 506 уѣздныхъ, 125 заштатныхъ (безуѣздныхъ) и 47 посадовъ.

**) См. мою статью: „Городское хозяйство" въ VI вып. „Словаря юридическихъ и государственныхъ наукъ".

и домашняго производства, то въ условіяхъ городской скученности это становится совершенно невозможнымъ. Здѣсь потребитель во всѣхъ смыслахъ рѣзко дифференцируется отъ производителя и посредника-торговца; квартирантъ — отъ домохозяина, жилецъ—отъ квартиронанимателя и т. д.; возникаетъ необходимость во множествѣ спеціально городскихъ промысловъ, каковы, напримѣръ, хлѣбопекарный, трактирный (меблированныя комнаты), водовозный, извощичій, разные виды мелочного разноснаго и развознаго торга и т. д.; слѣдовательно, нужны и люди, цѣлыя группы населенія, которыя бы этими промыслами занимались. Но составляясь такимъ образомъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, городское населеніе не перестаетъ быть органическимъ цѣлымъ. Разнородныя группы, на которыя оно распадается, связаны между собою не механически, не внѣшнимъ только образомъ — отношеніями *сосѣдства,* сожительствомъ бокъ-о-бокъ на одной территоріи,—а кореннымъ образомъ, узами сложнаго сотрудничества, густой сѣтью сложныхъ общественно-экономическихъ отношеній. Всѣ онѣ члены одной огромной коопераціи и прямо или косвенно, но всѣ взаимно обслуживаютъ другъ друга. Это взаимное обслуживаніе является для нихъ жизненной необходимостью, ибо въ немъ главная экономическая база ихъ существованія. Уничтожьте городскую дифференціацію—эта база исчезнетъ, существованіе городского населенія сдѣлается невозможнымъ, исчезнетъ самый городъ. Въ этой неразрывной, органической *хозяйственной связи* городского населенія съ городской дифференціацией—пятый отличительный признакъ города, ибо, въ противоположность горожанину, питающійся отъ земли сельскій житель не зависитъ въ своемъ промыслѣ отъ населеннаго пункта, въ которомъ онъ обитаетъ: онъ можетъ одинаково заниматься своимъ промысломъ и въ многолюдной деревнѣ, и въ изолированномъ хуторѣ...

Та дифференціація, о которой у насъ только что шла рѣчь, уже сама собою предполагаетъ такое развитіе торговли и ремеслъ, какому не можетъ быть мѣста въ деревнѣ. Это развитіе становится сугубымъ, когда, кромѣ мѣстнаго городского спроса, появляется и сельскій спросъ на продукты городскихъ торговли и ремеслъ. Кромѣ того, условія городской жизни вообще, въ частности же наличность большой массы рабочихъ рукъ, чрезвычайно благопріятствуютъ развитію въ городѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, разсчитанныхъ на обширные рынки сбыта. Отсюда, въ-шестыхъ, значеніе города, какъ *промышленнаго центра.* Понятно затѣмъ, что скопленіе въ городѣ большой массы разнороднаго населенія, при сложности городскихъ отношеній, должно быть сопряжено также съ концентраціей, если можно такъ выразиться, культурныхъ, интеллектуальныхъ и духовныхъ нуждъ и запросовъ. Если послѣдніе достигаютъ здѣсь особеннаго напряженія и заявляютъ о себѣ съ особенною остротою, то вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ знакомыхъ уже намъ оообен-

ностяхъ городской обстановки оказываются на лицо и всѣ данныя для наилучшаго ихъ удовлетворенія. Отсюда, въ-седьмыхъ, роль города, какъ *культурнаго центра*. Наконецъ, въ-восьмыхъ, все тѣ же условія городской концентраціи, вліяніе города на окружающую его территорію, тяготѣніе послѣдней къ городу,—все это дѣлаетъ его также наиболѣе пригоднымъ для роли *административнаго центра*.

Обращаясь къ даннымъ, характеризующимъ дореформенное состояніе русскихъ городовъ, прежде всего поражаешься ихъ ничтожными размѣрами, крайней ихъ малолюдностью. Иного, впрочемъ, тогда и быть не могло. Городскія массы—продуктъ не естественнаго прироста, а слѣдствіе иммиграціи, притока извнѣ, изъ деревень. Для того, чтобы процессъ концентраціи населенія въ городахъ могъ получить надлежащее развитіе, необходимо, во-1-хъ, чтобы у сельскаго населенія была потребность и возможность, бросая деревню, стекаться въ города, во-2-хъ, чтобы городъ обладалъ соотвѣтствующей притягательной силой—промышленной или культурной. Но въ условіяхъ крѣпостной Россіи не могло быть ни того, ни другого. Помѣщику, всѣ интересы котораго, если онъ не служилъ, были сосредоточены въ деревнѣ, нечего было дѣлать въ городѣ, и онъ появлялся здѣсь только въ качествѣ случайнаго гостя. Многомилліонное же крестьянство, которое должно бы служить главнымъ резервуаромъ для пополненія городского населенія, связано было крѣпостными узами, прикрѣплено было къ землѣ, лишено было свободы передвиженія и потому могло выдѣлять изъ своей среды въ городъ только небольшое число отпущенныхъ на волю, на оброкъ и т. п. Съ другой стороны, и городъ того времени не могъ сколько-нибудь сильно тянуть къ себѣ, благодаря его совершенно ничтожному, какъ увидимъ, культурному и промышленному значенію *). Неудивительно, что правительству того времени, озабоченному улучшеніемъ „состоянія городовъ", приходилось придумывать особыя мѣры для привлеченія въ нихъ населенія, но естественно также, что искусственность этихъ мѣръ, стоявшая въ противорѣчіи съ живой дѣйствительностью, дѣлала ихъ вполнѣ безплодными, и города, за немногими исключеніями, попрежнему, оставались поразительно безлюдными. По даннымъ, относящимся къ половинѣ сороковыхъ годовъ, въ Европейской Россіи (кромѣ Эстляндіи, Финляндіи и Польши) и въ Сибири насчитывалось всего 14 городовъ съ населеніемъ болѣе 30 тыс. чел., въ 12 городахъ численность населенія колебалась между 20 и 30 тыс., въ 46 городахъ—между 10 и 20 тыс. чел.; въ остальной же подавляющей массѣ городскихъ поселеній (568) не насчитывалось въ каждомъ даже 10 тыс. жителей, а въ 60 изъ нихъ

*) Не нужно еще упускать изъ виду и того, что сила городского „притяженія" зависитъ также отъ численности его населенія, и притомъ, согласно извѣстному закону, прямо пропорціональна квадрату его массы. Такимъ образомъ уже малочисленность городского населенія дѣлала ничтожной и силу „городского притяженія".

не насчитывалось даже по 1000 жителей!

Данныя, рисующія картину размѣщенія городского населенія по жилищамъ, столь же мало свидѣтельствуютъ о городскомъ характерѣ дореформенныхъ городскихъ поселеній. По свѣдѣніямъ, относящимся къ началу пятидесятыхъ годовъ, сколько-нибудь замѣтную плотность населенія можно констатировать только въ двухъ столичныхъ губерніяхъ: въ среднемъ на домъ приходилось тогда въ городахъ Петербургской губерніи 42 чел., въ городахъ Московской—22 чел. Это—наивысшія для того времени среднія плотности городского населенія, полученныя только благодаря введенію въ разсчетъ столицъ. Когда же мы перейдемъ къ другимъ губерніямъ, въ составѣ которыхъ нѣтъ такихъ исключительно крупныхъ центровъ, то средняя плотность городского населенія сразу и рѣзко падетъ, именно, до 10—14 чел. на домъ въ 10 губ. и област., до 8—9 человѣкъ въ городахъ 21 губ., наконецъ, до 5—8 чел. въ городахъ 23 губ. и обл. Эти цифры едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ дореформенномъ городѣ, какъ и въ деревнѣ, каждая семья въ огромномъ большинствѣ случаевъ жила въ своемъ домѣ. И домъ этотъ опять-таки немногимъ отличался отъ деревенскаго—тотъ же деревянный, крытый соломой, обложенный глиною, окруженный большимъ дворомъ и отдѣленный отъ сосѣдняго дома огромнымъ пустыремъ. Тѣсно сплоченныя, желѣзомъ крытыя каменныя зданія были тогда довольно рѣдкимъ явленіемъ, встрѣчавшимся только въ центральныхъ кварталахъ немногихъ крупныхъ пунктовъ, дѣйствительно имѣвшихъ право называться городами.

Данныя о составѣ дореформеннаго городского населенія, къ сожалѣнію, крайне скудны и сколько-нибудь опредѣленно выясняютъ намъ только его *сословный* составъ. Мы убѣдимся, однако, что даже эти скудные и односторонніе матеріалы даютъ достаточно основаній заключить о чрезвычайной не только сословной, но и профессіональной однородности главной массы тогдашняго городского населенія, объ отсутствіи въ его средѣ той дифференціаціи, которая составляетъ такую важную особенность города. Изъ 4.727.619 ч. городского населенія тогда насчитывалось 2.344.599 мѣщанъ, т.-е. почти 50%; купцы составляли 4,5%, почетн. граждане 0,15%, дворяне и чиновники 5,5%, духовенство 1,4%. Наконецъ, остальные 38,5% — „разные", т.-е. разночинцы, солдаты, крестьяне и т. д. Наибольшій интересъ для насъ представляетъ именно послѣдняя цифра. Кто такіе эти „разные" по своему профессіональному составу? По свидѣтельству Дитятина, „все это—или ремесленники, или фабричные, или извощики, ямщики, поденщики". Слѣдовательно, это какъ разъ тѣ занимающіеся спеціально городскими промыслами элементы городского населенія, которые являются продуктами его дифференціаціи и въ наибольшей мѣрѣ обусловливаютъ его разнородность. Наличность поэтому въ составѣ дореформенныхъ городскихъ поселеній цѣлыхъ 38% „разныхъ" могла бы служить сви-

дѣтельствомъ того, что городская дифференціація, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнородность тогдашняго городского населенія достигли весьма высокой степени, если бы только общерусская дѣйствительность не маскировалась тутъ введеніемъ въ разсчетъ нѣсколькихъ исключительно крупныхъ центровъ, особенно, столицъ. Выдѣливъ ихъ, мы увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ значительную роль, какъ и должно, „разные" играли только въ настоящихъ городахъ, какъ Петербургъ—65%, Москва—57%; въ остальной же Россіи, гдѣ настоящихъ городовъ не было, они оказываются едва въ количествѣ 11—17%. Иначе оно, конечно, и быть не могло. Тонъ и характеръ городской жизни опредѣляется основной массой городского населенія, а такой основной массой тогда было мѣщанство. Мы видѣли только что, что уже въ общемъ мѣщане составляютъ около 50% городского населенія; если же выдѣлить особо губерніи Петербургскую, Московскую и Херсонскую, заключающія въ себѣ такіе крупные городскіе центры, какъ Петербургъ, Москва и Одесса, то получится слѣдующій характерный рядъ цифръ: въ общемъ, въ городахъ Петербургской губерніи мѣщанъ было менѣе 9%, Московской—21%, Херсонской—немного болѣе 30%, и, наконецъ, въ остальной Россіи—отъ 66 до 91%, при чемъ масса уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ и посадовъ была почти поголовно мѣщанской. Эти цифры довольно вразумительно говорятъ о томъ, какую огромную, рѣшающую роль играли въ жизни дореформенныхъ городовъ мѣщане,—роль тѣмъ большую, чѣмъ мельче были городскія поселенія, чѣмъ менѣе они соотвѣтствовали истинному понятію города. Прибавьте сюда, что въ общемъ мѣщанамъ принадлежало тогда, исключая немногіе крупные центры, отъ 70 до 90% всѣхъ городскихъ домовъ (значитъ, почти всѣ они жили въ своихъ домахъ), что главнымъ ихъ занятіемъ даже во многихъ губернскихъ городахъ было хлѣбопашество, и выводъ получится самъ собою: основная масса городского населенія жила въ условіяхъ, дававшихъ каждому возможность самому, собственными силами и средствами, удовлетворять свои важнѣйшія жизненныя потребности; слѣдовательно, не могло быть почвы для той дифференціаціи, а слѣдовательно, и для той разнородности населенія, которая такъ существенно отличаетъ городъ отъ деревни.

Конечно, кромѣ мѣщанъ, мы видимъ еще въ дореформенныхъ городахъ чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и духовенство; но, во-1-хъ, эти группы слишкомъ малочисленны для того, чтобы они могли оказать существенное вліяніе на складъ городской жизни, во-2-хъ, по характеру своего жизненнаго обихода и своихъ запросовъ, они едва ли въ то время существенно отличались отъ мѣщанъ, и въ 3-хъ, поскольку они отъ послѣднихъ отличались, для обслуживанія ихъ, очевидно, и существовала та небольшая группа „разныхъ", о которой мы только что говорили. Была затѣмъ еще, правда, какъ мы видѣли, въ составѣ городскихъ жителей

группа — дворянъ. Немногочисленная, но изъ всѣхъ наиболѣе сильная экономически и культурно, эта группа должна бы оказать наибольшее вліяніе на складъ и характеръ городской жизни, на происходящіе въ городѣ процессы производства, обмѣна и потребленія, — *должна бы*, если бы не крѣпостное право. Послѣднее создавало для дворянства свободную возможность, проживая въ городѣ, оставаться внѣ всякихъ къ нему отношеній, пользуясь своеобразно-экономической экстерриторіальностью. „Въ то время, — свидѣтельствуетъ Крапоткинъ въ своихъ „Запискахъ революціонера", — завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ приготовлялось собственными крѣпостными людьми... Если кто-нибудь изъ гостей замѣтитъ: „Какъ хорошо настроенъ вашъ рояль. Вашъ настройщикъ, вѣроятно, Шаммель?" — то истинный баринъ отвѣчалъ: „У меня собственный настройщикъ". „Что за прекрасное пирожное! — бывало воскликнетъ кто-нибудь изъ гостей, когда къ концу обѣда появлялось своего рода художественное произведеніе изъ мороженнаго и печенія, — признайтесь, князь, это отъ Tremblé (модный кондитеръ того времени)?" — „Нѣтъ, это дѣлалъ мой собственный кондитеръ, ученикъ Tremblé. Я позволилъ ему сегодня показать свое искусство". Завѣтнымъ желаніемъ каждаго богатаго и знатнаго помѣщика было имѣть мебель, сбрую, вышивки, словомъ, все отъ собственныхъ мастеровъ". Городовое положеніе 1785 г. благопріятствовало осуществленію этого желанія, такъ какъ позволяло проживавшимъ въ городѣ помѣщикамъ держать при себѣ для собственныхъ надобностей своихъ крѣпостныхъ ремесленниковъ, не записывая ихъ въ цехъ. Понятно, окружая себя въ городѣ многочисленной дворней, помѣщики такимъ образомъ увеличивали численность городского населенія, но въ силу той же своеобразной „экстерриторіальности" это было, такъ сказать, увеличеніе номинальное, собственно города, какъ такового, нисколько не касавшееся. Многочисленную дворню нужно было содержать и кормить, но для этого было такъ же мало необходимости въ городскомъ рынкѣ, въ городскомъ торговцѣ, какъ и въ городскомъ ремесленникѣ. „Во время крѣпостного права, — читаемъ мы въ тѣхъ же „Запискахъ революціонера", — все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ: „Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губ., Мещовскаго у., по рѣкѣ Сиренѣ, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера, — *приказъ:* По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать пять крестьянскихъ парныхъ подводъ, по лошади отъ двора, да по человѣку и по дровнямъ отъ другого; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также куръ, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми". Само собою разумѣется,

что приказъ исполнялся въ точности и „не задолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней дѣйствительно въѣзжали въ ворота и заполняли весь громадный дворъ"...

Такимъ образомъ у „проживавшихъ" въ городѣ дворянъ не было съ нимъ почти никакой хозяйственной связи и даже странно было бы говорить о нихъ, какъ объ органической части городского населенія. Почти то же приходится сказать и о подавляющей массѣ этого населенія—о мѣщанахъ. Занимаясь земледѣліемъ, они нисколько не зависѣли въ своемъ промыслѣ отъ города, какъ такового, и проживаніе ихъ въ послѣднемъ было явленіемъ чисто-внѣшнимъ и случайнымъ. Существованіе въ городѣ рядомъ другихъ группъ было для нихъ въ массѣ фактомъ безразличнымъ, такъ какъ ихъ отношеніе къ этимъ группамъ почти не заходило дальше отношеній простого *сосѣдства*. Такимъ образомъ, какъ объ органическомъ цѣломъ, хозяйственно связанномъ съ городской дифференціацією, можно говорить только о незначительной части тогдашняго *наличнаго* городского населенія; эта часть образуется небольшимъ числомъ купцовъ и чиновниковъ, немногочисленнымъ мѣстнымъ городскимъ духовенствомъ и группою „разныхъ".

Изъ всего только что сказаннаго ясно также, въ какой мѣрѣ ничтожнымъ должно было быть тогда торгопромышленное развитіе города. „Земледѣльцы, — писала Екатерина въ своемъ Наказѣ, — живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, и это есть ихъ жребій. Въ городахъ же обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ". Но это „живутъ" и „обитаютъ"—не констатированіе факта, а общее теоретическое положеніе безъ какой бы то ни было реальной почвы въ русской дѣйствительности не только екатерининской, но и гораздо болѣе поздней эпохи. Произведеннымъ наканунѣ городской реформы 1870 года изслѣдованіемъ объ экономическомъ состояніи городовъ къ началу 60 года обнаружено, что изъ 595 обслѣдованныхъ городскихъ поселеній Европейской Россіи, едва только одна шестая часть представляла собой дѣйствительно промышленные пункты, которые, хотя и не „цвѣли фабриками", какъ выражается Наказъ, то все-таки служили для „обращенія торга", „къ продажѣ продуктовъ пріѣзжающимъ земледѣльцамъ" и т. д. Почти треть городскихъ поселеній, согласно тому же обслѣдованію, имѣла частью промышленный, частью земледѣльческій характеръ; населеніе же всей остальной подавляющей массы городскихъ поселеній занималось исключительно земледѣліемъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда недостатокъ земли не давалъ городскому населенію возможности вести земледѣльческое хозяйство въ размѣрахъ, способныхъ обезпечить его существованіе, это населеніе снискивало себѣ пропитаніе разными мелкими *отхожими* промыслами. Одновременно изслѣдованіемъ были обнаружены цѣлыя губерніи, гдѣ „кромѣ губернскаго города, почти ни одинъ городъ не заслуживаетъ этого названія въ смыслѣ сосредоточія торговли и промышленности". Иначе, конечно, и быть

не могло. Малочисленность сколько-нибудь замѣтно дифференцированной части городского населенія исключала возможность значительнаго спроса со стороны послѣдняго на продукты городской торговли и городского ремесла. Не находя сколько-нибудь обширнаго рынка въ городѣ, эти продукты еще менѣе могли тогда найти его въ крѣпостной деревнѣ съ ея примитивными запросами, вполнѣ удовлетворявшимися продуктами домашняго производства. Въ условіяхъ натуральнаго хозяйства крѣпостной Россіи не могли, конечно, возникнуть въ городахъ и крупныя промышленныя предпріятія.

О *культурномъ* значеніи дореформенныхъ городовъ едва ли даже приходится говорить. Оно было и могло быть только нулевымъ. Грамотность тогда въ средѣ горожанъ, за крайнимъ недостатомъ образовательныхъ средствъ, была распространена чрезвычайно слабо. Даже высшіе торговопромышленные слои, даже правящія группы, даже излюбленныя выборныя, общественныя должностныя лица были тогда людьми темными, невѣжественными. Еще ниже стояла по своему образовательному и культурному уровню городская мѣщанская масса. Уже въ виду тождественности основнаго промысла, опредѣлявшаго и всю ея бытовую обстановку, она не могла стоять сколько нибудь выше обычнаго сельскаго культурнаго уровня. Наличность въ городахъ такихъ болѣе культурныхъ элементовъ, какими должны были быть духовенство, чиновники и дворяне, не могла имѣть существеннаго значенія въ виду крайней ихъ малочисленности. Кромѣ того наиболѣе важный изъ этихъ элементовъ, дворяне, какъ мы знаемъ уже, не принималъ непосредственнаго активнаго участія въ городской жизни, а потому не могъ оказывать вліянія и на ея культурный уровень. Единственный существенный городской признакъ, которымъ вполнѣ обладали дореформенныя городскія поселенія,—это ихъ роль какъ *административныхъ* центровъ, сосредоточія мѣстныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Однако, по условіямъ того времени, и этотъ признакъ оказывался признакомъ мнимымъ, совсѣмъ не свидѣтельствовавшимъ о томъ, что данный губернскій или уѣздный центръ былъ дѣйствительно городомъ. Тогда, чаще всего, не городъ, какъ таковой, признавался административнымъ центромъ естественно тяготѣвшаго къ нему территоріальнаго района, а пунктъ, который начальство облюбовало, сочтя его почему-либо удобнымъ для сосредоточенія въ немъ управленія даннымъ райономъ, признавался городомъ. Такимъ пунктомъ очень часто бывало даже совсѣмъ незаселенное пустое мѣсто, на которомъ по мановенію бюрократическаго жезла и возводился городъ. Не удивительно, если эти искусственные плоды административнаго творчества оказывались чаще всего мертворожденными, неспособными выполнить даже ту единственную административную функцію, ради которой спеціально создавались; въ концѣ-концовъ ихъ приходилось упразднять, переводить въ безъуѣздные, отчислять за штатъ...

Тѣ моменты, наличность которыхъ дѣлаетъ населенный пунктъ городомъ, опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ также сущность городского хозяйства, какъ особаго, самостоятельнаго, существенно отъ другихъ отличнаго вида мѣстной общественной хозяйственной дѣятельности. Едва ли есть необходимость пространно разъяснять, въ какой огромной степени объемъ и содержаніе этого хозяйства зависятъ отъ численности городского населенія, отъ мѣры его скученности, отъ степени его дифференціаціи, отъ характера его экономической связи съ городомъ, отъ количества и рода его торговопромышленныхъ и культурныхъ нуждъ и запросовъ и, наконецъ, отъ роли города, какъ административнаго центра. Уже a priori должно быть ясно, въ какой мѣрѣ существеннымъ должно быть различіе между хозяйствомъ крупнаго и хозяйствомъ мелкаго центра. Это различіе должно быть не только количественнымъ, но и качественнымъ, рѣзко обнаруживаясь не только въ размѣрахъ и объемѣ городского хозяйства, но и въ самомъ существѣ его составныхъ элементовъ. Тѣ специально городскія нужды и потребности, удовлетвореніе которыхъ составляетъ задачу городского хозяйства, въ большинствѣ своемъ таковы, что и возникнуть-то онѣ могутъ только на извѣстной ступени развитія городской жизни, при условіи надлежащей численности, скученности и разнородности городского населенія. Съ другой стороны, нельзя забывать, что для осуществленія мѣропріятій, обусловливаемыхъ городскими нуждами, требуется матеріальная, техническая и финансовая возможность; но именно для большинства мѣропріятій, составляющихъ какъ разъ самыя существенныя отрасли городского хозяйства, возможность эта является только при условіи довольно значительныхъ размѣровъ городского поселенія и довольно высокой степени концентраціи его населенія. Было бы экономической и финансовой нелѣпостью освѣщать или мостить улицы, по которымъ почти никто не ѣздитъ и не ходитъ, или сооружать водопроводъ тамъ, гдѣ, благодаря малочисленности населенія, самое широкое потребленіе питьевой воды не могло бы окупить затратъ на его сооруженіе. Сколь ни велика и сколь ни ясно сознана была бы потребность въ этихъ элементарнѣйшихъ мѣропріятіяхъ городского благоустройства, но населенію естественно отказаться отъ нихъ тамъ, гдѣ осуществленіе ихъ требовало бы несоразмѣрныхъ жертвъ, а потому пало бы на это самое населеніе непосильной налоговой тяжестью.

А въ такомъ случаѣ не трудно было бы даже a priori безошибочно опредѣлить, что такое должно было представить собою дореформенное городское хозяйство. Крайняя мизерность его должна была явиться неизбѣжнымъ послѣдствіемъ незначительности самихъ городовъ. И въ дѣйствительности на всю Россію въ концѣ 50-хъ годовъ насчитывалось едва 15 городовъ съ бюджетомъ, превышавшимъ 100 тыс. руб.; бюджетъ 21 города колебался въ предѣлахъ отъ 50 до 100 тыс. руб.; съ бюджетомъ отъ 20 до 50 тыс. руб было 48 городовъ; съ бюджетомъ

отъ 10 до 20 тыс. — 152 города и, наконецъ, въ 169 городахъ бюджетъ опускался даже ниже 5 тыс. руб.!.. Затѣмъ, принимая во вниманіе слабое развитіе соотвѣтствующихъ потребностей и почти совершенное отсутствіе въ дореформенномъ городѣ матеріальныхъ условій для удовлетворенія этихъ потребностей, вполнѣ естественно, что мы почти не встрѣчаемъ въ составѣ дореформеннаго городского хозяйства самыхъ существенныхъ отраслей, именно, тѣхъ, которыя посвящены заботамъ о нуждахъ городского благоустройства. На эти нужды уходила ничтожная, едва *третья* часть мизерныхъ городскихъ бюджетовъ,—и то, *въ общемъ,* вводя въ разсчетъ также немногіе тогда крупные городскіе центры съ наиболѣе развитымъ городскимъ хозяйствомъ; огромное же большинство городовъ ограничивалось расходами на городское благоустройство въ нѣсколько десятковъ рублей, а значительное количество ихъ и совсѣмъ не затрачивало на него ни единой копейки. Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, лежалъ тогда центръ тяжести городского хозяйства?

При всемъ безспорномъ рѣшающемъ значеніи, какое имѣетъ степень развитія города для городского хозяйства въ качествѣ момента, опредѣляющаго существо лежащихъ на немъ задачъ и мѣру ихъ возможнаго практическаго осуществленія, это все же моментъ не единственный; рядомъ съ нимъ существуютъ еще и другіе болѣе или менѣе важные факторы, частью параллельно дѣйствующіе, частью вліяющіе въ направленіи ему противуположномъ. Особенно важна та роль, которую въ данномъ случаѣ играетъ *государство,* даже вѣрнѣе—интересы даннаго политическаго режима: городское хозяйство легко можетъ быть призвано не только отчасти, но даже главнымъ образомъ къ удовлетворенію ряда требованій, предъявляемыхъ къ нему во имя этихъ интересовъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ мѣстными городскими нуждами и потребностями, но даже нерѣдко находящихся съ послѣдними въ неразрѣшимомъ антагонизмѣ. Что такое представлялъ собою нашъ дореформенный политическій режимъ и каково было его отношеніе къ мѣстному управленію и хозяйству, — это уже въ достаточной степени выяснено на предыдущихъ страницахъ нашей „Исторіи“. Для нашей цѣли на этотъ разъ достаточно будетъ напомнить, что самымъ своимъ возникновеніемъ огромное количество городовъ обязано административнымъ соображеніямъ, что дореформенный городъ былъ почти исключительно административнымъ терминомъ,—территоріальной административной единицей, образованной во имя интересовъ и задачъ „внутренняго управленія“. Вполнѣ послѣдовательно поэтому было и тогдашнему городскому хозяйству обслуживать не столько мѣстныя нужды и потребности, сколько нужды общегосударственныя, потребности общаго государственнаго управленія. Въ общемъ двѣ трети городскихъ бюджетныхъ средствъ, а въ частности во многихъ городахъ и цѣликомъ весь бюджетъ поглощался тогда именно расходами этого рода,—на „издерж-

ки по военной части", на содержаніе разныхъ административныхъ „мѣстъ и лицъ", включая сюда полицію, гауптвахты, разнаго рода административные комитеты и т. п. Даже содержаніе собственно городскихъ исполнительныхъ органовъ тогда не было расходомъ мѣстнаго значенія, потому что эти органы дѣлали главнымъ образомъ казенное дѣло и обслуживали не столько мѣстное населеніе, сколько центральную и мѣстную правительственную администрацію, занимаясь почти исключительно выполненіемъ многоразличныхъ ея порученій и распоряженій.

Мы рекомендуемъ особенному вниманію читателя только что отмѣченный своеобразный характеръ дореформеннаго городского хозяйства и вотъ почему. Поразителенъ тотъ индиферентизмъ, то равнодушіе, съ какимъ тогдашнее городское населеніе относилось къ судьбамъ городского управленія. Оно не только не стремилось къ расширенію своего участія въ этомъ управленіи, но даже не принимало его въ той мѣрѣ, въ какой имѣло къ тому юридическую возможность. Дѣйствовавшія на данный случай правовыя нормы, столь узкія съ современной точки зрѣнія, на-самомъ дѣлѣ оказывались значительно шире наличной въ то время жизненной потребности. И не общество жаждало тогда реформы городского управленія, а правительство, которое стремилось, по выраженію Дитятина, „оживить городское населеніе, возбудить въ немъ интересъ къ дѣлу самоуправленія". Намѣчая причины этого страннаго явленія, Дитятинъ усматриваетъ ихъ въ слабомъ культурномъ уровнѣ тогдашняго городского населенія, въ его неспособности оцѣнить блага самоуправленія, въ отсутствіи сознанія общественнаго долга, въ безправномъ положеніи городского самоуправленія и во всемертвящей бюрократической опекѣ. При этомъ въ частности, что касается дворянства, то его уклоненіе отъ участія въ городскомъ управленіи объясняется еще (Дитятинъ, Джаншіевъ и др.) главнымъ образомъ его „достоинствомъ", не позволявшимъ ему унижаться до сотрудничества съ податными сословіями. Правительство же принимало на себя иниціативу въ дѣлѣ городской реформы потому, что, по словамъ Дитятина, „только въ правительственныхъ сферахъ скрывались въ это время люди образованные, люди развитые, понимавшіе всю важность городского самоуправленія въ общей цѣпи государственной администраціи". Мы думаемъ, однако, что это объясненіе далеко не все объясняетъ и вѣрно только до извѣстной степени. Не сомнѣнно, напр., что „достоинство" играло извѣстную роль въ уклоненіи дворянства отъ участія въ городскомъ управленіи, но исторія россійскаго благороднаго сословія, вплоть до самыхъ послѣднихъ дней, даетъ рядъ доказательствъ, что это сословіе нисколько не задумывалось поступаться своимъ „достоинствомъ", когда того требовалъ его *интересъ*. Нѣтъ сомнѣнія также, что дѣйствительно въ средѣ городского населенія было несравненно меньше, чѣмъ въ правительственныхъ сферахъ людей, понимавшихъ „всю важность городского самоуправле-

нія въ общей цѣпи государственной администраціи", но если бы даже все населеніе поголовно это поняло, то едва ли все-таки его отношеніе къ городскому самоуправленію измѣнилось бы, едва ли индиферентизмъ и апатія могли бы смѣниться живымъ къ нему отношеніемъ. Для того, чтобы произошла такая перемѣна необходимо было бы, чтобы городское населеніе сознало „всю важность городского самоуправленія", не „въ общей цѣпи государственной администраціи", а *въ интересахъ самого этого населенія*. Но такой именно важности не было и быть не могло. Все то, что нами сказано было выше о дореформенномъ городѣ, о численности и особенно составѣ его населенія, вообще, о степени развитія городской жизни, обусловившей въ конечномъ итогѣ извѣстный намъ характеръ городского хозяйства,—все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что тогдашнее городское населеніе, за исключеніемъ, быть можетъ, самой ничтожной части его, не было и не могло быть сколько-нибудь серьезно заинтересовано въ городскомъ хозяйствѣ и потому въ правѣ было относиться къ его судьбамъ вполнѣ равнодушно. Особенно важно въ данномъ случаѣ то, что степень развитія города, какъ мы видѣли, дѣлала почти вполнѣ неосуществимыми тѣ отрасли хозяйства, которыхъ назначеніе—удовлетворять нужды городского благоустройства. Вѣдь это благоустройство, по крайней мѣрѣ, въ элементарнѣйшихъ его формахъ, было въ дореформенномъ городѣ тѣмъ почти единственнымъ, необходимость чего должна была чувствоваться одинаково *всѣмъ* городскимъ населеніемъ, независимо отъ раздѣлявшихъ его сословныхъ и иныхъ перегородокъ,—и дворяниномъ, несмотря на его своеобразную „экстерриторіальность", и купцомъ, и мѣщаниномъ, хотя бы онъ занимался не городскими промыслами, а хлѣбопашествомъ, и разночинцемъ. Слѣдовательно, фактическая по условіямъ мѣста и времени неосуществимость соотвѣтствующихъ отраслей городского хозяйства исключала наличность какъ разъ того единственнаго момента, который вѣрнѣе всего могъ бы обусловить живое отношеніе населенія къ городскому управленію, который скорѣе всего могъ бы вызвать одинаково у всѣхъ слоевъ населенія потребность во всесословномъ городскомъ управленіи, въ совмѣстной всесословной работѣ на его поприщѣ для разрѣшенія общими силами всѣмъ одинаково близкихъ задачъ благоустройства *). И если общество

*) Конечно, одинаково всѣ слои населенія были заинтересованы въ качествѣ плательщиковъ городскихъ сборовъ и налоговъ, но это не могло устранить равнодушія къ городскому управленію уже потому, что тутъ приходилось считаться не съ этимъ управленіемъ, а съ независимымъ отъ него административнымъ комитетомъ о повинностяхъ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, участвовалъ и представитель отъ дворянства. Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что тамъ, гдѣ участіе въ этомъ комитетѣ почему-либо недостаточно гарантировало дворянъ, какъ плательщиковъ, они, отложивъ „достоинство" въ сторону, усиленно добивались участія въ городскомъ управленіи (напр., петербургское дворянство еще въ 1832 году добивалось участія въ думѣ „для наблюденія за оброчными статьями и вообще за всѣми доходами и расходами города").

не добивалось городской реформы, а инціативу ея брало на себя правительство, то едва ли дѣйствительно потому, что оно было просвѣщеннѣе и прогрессивнѣе общества, а вѣрнѣе всего потому, что въ тогдашнихъ условіяхъ оно было тутъ главной, если не единственной заинтересованной стороной, — приведенныя выше данныя о дореформенныхъ городскихъ бюджетахъ, кажется, доказываютъ это въ достаточной мѣрѣ убѣдительно. Стоя твердо на той выраженной еще въ 1806 году точкѣ зрѣнія, что „городскіе доходы установлены на предметъ *государственной потребы и службы*“, правительство не могло не быть особенно чувствительнымъ къ тѣмъ многоразличнымъ дефектамъ городского управленія, которыми обусловливалось къ конечномъ итогѣ слабое развитіе городского хозяйства, а, слѣдовательно, и скудость городской кассы. Уже одно то, что, благодаря этой скудости, правительство, вмѣсто усиленнаго переложенія на мѣстные городскіе бюджеты общегосударственныхъ потребностей, оказывалось часто, по неволѣ, вынужденнымъ приходить на помощь городамъ пособіями изъ казеннаго сундука, — уже одно это обстоятельство явилось достаточно сильнымъ стимуломъ для того, чтобы побудить правительство проявить энергичную реформаторскую инціативу. Странно было бы, если бы у правительства не было стремленія „оживить городское населеніе и возбудить въ немъ интересъ къ дѣлу самоуправленія“, разъ это прямымъ путемъ должно было привести къ соблазнительной возможности извлечь изъ населенія при посредствѣ „самоуправленія“ съ наименьшими хлопотами и затрудненіями наибольшее количество средствъ. Но странно было бы также, если бы эта правительственная инціатива встрѣтила сколько-нибудь горячій откликъ въ средѣ городского населенія. Наоборотъ, вполнѣ естественно, что это населеніе было такъ холодно равнодушно къ реформамъ и даже подчасъ прямо враждебно имъ, — въ такой мѣрѣ, что просвѣщенному правительству, понимавшему „всю важность городского самоуправленія въ общей цѣпи государственной администраціи“, приходилось нерѣдко насаждать блага этого „самоуправленія“ при помощи... воинскихъ командъ!..

2.

Городская реформа 1870 года. — Ея ходъ и характерныя черты.

Когда Дитятинъ утверждаетъ, что „въ средѣ городского общества, даже столицъ, мы не встрѣчаемъ въ теченіе всей первой половины настоящаго (XIX) столѣтія ни малѣйшаго проблеска сознанія о томъ, что *строй городского управленія вовсе не соотвѣтствуетъ потребностямъ и условіямъ общественной жизни*“, — когда онъ утверждаетъ это, то, несомнѣнно, ошибается. И ошибается онъ не потому, что на самомъ дѣлѣ сознаніе существовало, а потому, что оно и существовать не могло, такъ какъ для него не существовало реальнаго основанія, ибо, за исключе-

ніями, о которыхъ ниже, никакого *несоотвѣтствія* не существовало. Если мы примемъ въ соображеніе, въ какой мѣрѣ строй дореформеннаго городского управленія опредѣлялся сущностью его функцій; если мы примемъ во вниманіе, что эти функціи опредѣлялись задачами городского хозяйства; если мы вспомнимъ, наконецъ, въ какой тѣсной причинной зависимости это хозяйство находилось отъ дореформеннаго города, — то мы должны будемъ придти къ заключенію, что тогдашній муниципальный строй находился именно въ строгомъ соотвѣтствіи съ „потребностями и условіями общественной жизни" дореформеннаго города, что онъ являлся ихъ прямымъ продуктомъ, что инымъ при ихъ наличности онъ и быть не могъ. Для того, чтобы несоотвѣтствіе имъ муниципальнаго строя дѣйствительно оказалось налицо, необходимо было, чтобы предварительно измѣнились самыя эти „потребности и условія". Но при господствѣ крѣпостного строя такое измѣненіе было почти немыслимо, по крайней мѣрѣ, въ сколько-нибудь существенныхъ размѣрахъ *). Для этого прежде всего было необходимо упраздненіе самаго крѣпостного строя...

Актъ 19 февраля является началомъ новой эры и для русскаго города. „Реформа 1861 года, перевернувшая вверхъ дномъ всю русскую жизнь,—скажемъ мы словами С. А. Приклонскаго,—оказала также громадное вліяніе и на городской бытъ. Въ то время, какъ одни города захудѣли и запустѣли, въ другихъ населеніе стало увеличиваться съ поразительной быстротой. Съ одной стороны сюда нахлынули изъ деревень стаи разжирѣвшихъ, разжившихся кулаковъ и оскудѣвшіе помѣщики, которымъ больше нечего было дѣлать въ деревнѣ, съ другой стороны здѣсь же осѣла и образовала многочисленный городской пролетаріатъ сначала масса дворовыхъ людей, потомъ безземельные крестьяне, а за ними потянулись бездомовые, безлошадные и др.". Помимо всего прочаго, уже одно это чрезвычайное увеличеніе численности городского населенія, какъ мы знаемъ, должно было произвести цѣлый переворотъ въ „потребностяхъ и условіяхъ общественной жизни" города, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было дѣйствительно исчезнуть соотвѣтствіе имъ строя городского управленія. И тогда это обнаружившееся несоотвѣтствіе не только немедленно же ярко отразилось въ сознаніи общества, но и вызвало съ его стороны вполнѣ активное къ себѣ отношеніе, посильное стремленіе къ соотвѣтствующей муниципальной реформѣ. Когда 20 марта 1862 года послѣдовало высочайшее повелѣніе „безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи", то оно явилось уже не столько актомъ правительственной инициативы, сколько откликомъ на общественную инициативу, отвѣтомъ на рядъ ходатайствъ

*) Не выходя изъ тѣхъ ограниченныхъ предѣловъ, въ которыхъ и тогда оказалась возможность,—какъ слѣдствіе и одновременно какъ факторъ разложенія крѣпостного строя,—возникновенія немногихъ крупныхъ истинно-городскихъ центровъ.

о реформѣ городского управленія на всесословныхъ началахъ.

Выполняя это высочайшее повелѣніе, министерство внутреннихъ дѣлъ съ одной стороны приступаетъ къ собиранію обширнаго историческаго, статистическаго и бытового матеріала о городахъ и городскомъ управленіи, съ другой—озабочивается (циркуляръ Валуева отъ 26 апрѣля 1862 г.) организаціей на мѣстахъ въ губернскихъ и другихъ городахъ всесословныхъ комиссій для разработки основаній городской реформы. Такихъ комиссій образовано было 509, при чемъ въ руководство имъ преподана была обширная, обстоятельно разработанная въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, программа. Отзывы этихъ комиссій—лучшее доказательство того, въ какой степени сознательно относилось общество къ вопросу и какъ далеко оно опережало въ своихъ стремленіяхъ правительство. Всѣ комиссіи единогласно высказываются за полную самостоятельность городского управленія, за уничтоженіе административной опеки и произвола. Представительство въ городскомъ самоуправленіи, по ихъ мнѣнію, должно быть всесословнымъ. Значительная часть комиссій проявляетъ заботу объ усиленномъ привлеченіи въ составъ городского представительства образованныхъ элементовъ широкимъ предоставленіемъ имъ избирательныхъ правъ. Высказываются противъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ ограниченій, исходя изъ того, что „вѣроисповѣданіе по отношенію къ общественнымъ интересамъ вреднаго вліянія имѣть не можетъ". Наконецъ, нѣкоторыя комиссіи, если не прямо, то косвенно, высказываются противъ ограниченія компетенціи городского самоуправленія исключительно хозяйственными функціями и за передачу ему всей мѣстной администраціи. Это само собою вытекаетъ изъ ихъ требованія замѣны правительственной полиціи подчиненной городскому управленію выборной общественной полиціей,—требованія, мотивированнаго тѣмъ, что „нужно положить прочный фундаментъ этому прекрасному зданію (самоуправленія), именно *охраненіемъ личности* городского населенія *отъ произвола* городскихъ администраторовъ и тѣмъ возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ, внушить ему понятіе права и долга"... Тутъ сказывается уже довольно ясное и для того времени изумительное пониманіе того, что „прочнымъ фундаментомъ" самоуправленія можетъ быть только гарантія личности.

По полученіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отзывовъ комиссій, составленъ былъ въ 1864 году проектъ новаго Положенія о городскомъ общественномъ управленіи, представленный на заключеніе второго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Согласно замѣчаніямъ этого отдѣленія проектъ былъ министерствомъ переработанъ и 31 марта 1866 года внесенъ въ Государственный совѣтъ. Здѣсь онъ пролежалъ до марта 1868 года, когда, въ виду смѣщенія Валуева, былъ возвращенъ его преемнику Тимашеву. Проектъ снова былъ пересмотрѣнъ министерствомъ въ особой комиссіи при участіи нѣсколькихъ губернаторовъ, оттуда перешелъ въ совѣтъ министра

16

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ 1873 г.
[illegible] галлерее [illegible] въ Москве.

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. Изд. Т-ва Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°

и затѣмъ 28 марта 1869 года опять внесенъ былъ въ Государственный совѣтъ. Но на этотъ разъ Государственный совѣтъ нашелъ неудовлетворительнымъ чисто бюрократическій способъ выработки законопроекта и потому возвратилъ его министерству для пересмотра при участіи лицъ, „непосредственно участвующихъ въ завѣдываніи общественными дѣлами городовъ и наглядно знакомыхъ съ условіями городского управленія и хозяйства при различныхъ степеняхъ населенности и вообще развитія городскихъ поселеній“. Тогда составлена была комиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, съ участіемъ двухъ столичныхъ и 6 провинціальныхъ городскихъ головъ и двухъ столичныхъ же гласныхъ подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго второго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Выработанный этой комиссіей проектъ 31 марта 1870 года внесенъ былъ Тимашевымъ въ Государственный совѣтъ. 15 и 16 апрѣля онъ былъ разсмотрѣнъ также при участіи двухъ столичныхъ городскихъ головъ, въ Соединенныхъ департаментахъ законовъ, государств. эконом., гражданск. и духовн. дѣлъ, а 11 мая 1870 года въ общемъ собраніи Государственнаго совѣта. Наконецъ, 16 іюня 1870 года новое Городовое положеніе получило высочайшее утвержденіе.

Такова внѣшняя исторія хода городской реформы 1870 г. Какъ мы видимъ, она растянулась на цѣлыхъ 8 лѣтъ. Это было и хорошо, и дурно. Хорошо потому, что масса затраченнаго времени и труда должна была гарантировать зрѣлость, продуманность, а потому и жизненность реформы. Дурно потому, что за 8 лѣтъ многое измѣнилось на Руси, особенно въ правительственныхъ сферахъ, и измѣнилось въ направленіи, наименѣе благопріятномъ для дѣла реформы. Благодаря этому, завершившись въ 1870 году, городская реформа неизбѣжно должна была быть менѣе совершенной, болѣе реакціонной, чѣмъ она могла бы быть, завершившись на нѣсколько лѣтъ раньше. Мы видѣли уже, какъ отразилась реакція на самомъ способѣ разработки реформы. Начавъ съ широкаго привлеченія общества къ участію въ этой разработкѣ, правительство кончаетъ такой бюрократической канцелярщиной, которая вызываетъ возмущеніе даже Государственнаго совѣта. Тѣмъ болѣе должна была отразиться реакція на самомъ существѣ реформы.

Каждая система внутренняго управленія есть прежде всего, — напомнимъ мы слова Градовскаго, — „средство для обезпеченія господства данной государственной власти надъ всѣми слоями и элементами народа и поддержанія даннаго государственнаго порядка, т.-е. опредѣленной формы правленія“. Поэтому, „когда законодатель въ абсолютной монархіи имѣетъ въ виду преобразованіе административной системы, онъ руководствуется соображеніями двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ разсматриваетъ реформу съ точки зрѣнія удобствъ и успѣшности осуществленія различныхъ цѣлей, поручаемыхъ органамъ администраціи; во-вторыхъ, онъ ищетъ въ этихъ учрежденіяхъ точки опоры для общаго государственнаго по-

рядка и данной государственной власти". Понятно, что „какія бы выгоды ни представляло самоуправленіе съ точки зрѣнія осуществленія разныхъ цѣлей, онѣ оставляются въ сторонѣ, если того требуютъ политическія цѣли даннаго государства". По условіямъ того или другого историческаго момента можетъ, конечно, случиться и такъ, что, предпринимая реформу мѣстнаго управленія, правительство упускаетъ изъ виду интересы „данной государственной власти" или, по крайней мѣрѣ, не соображаетъ тѣхъ послѣдствій для этой власти, къ которымъ должна привести предпринятая реформа. Но такое недоразумѣніе, обыкновенно, длится недолго. Правительство скоро спохватывается и тогда или совсѣмъ отказывается отъ реформы или соотвѣтственно видоизмѣняетъ ее, частью совершенно исключая, частью суживая и искажая начала, первоначально заложенныя въ ея основу. И Городовое положеніе 1870 года—превосходная иллюстрація къ только что сказанному.

Исходнымъ пунктомъ реформы было понятіе *городского общества,* которое само вѣдаетъ свои интересы и нужды. Такъ, въ упомянутомъ выше циркулярѣ Валуева губернаторамъ объ учрежденіи комиссій (26 апрѣля 1862 г.) рекомендуется обратить ихъ вниманіе на необходимость „принятія *самими обществами* болѣе заботливаго участія въ *собственныхъ дѣлахъ своихъ,* такъ какъ правительство не можетъ постоянно нести на себѣ бремя заботъ о потребностяхъ городовъ, *общества* которыхъ... *сами* должны имѣть попеченіе о *своихъ интересахъ и нуждахъ*". И ст. 54 Город. полож. 1870 года вполнѣ послѣдовательно гласитъ: „Городская Дума представляетъ собой *все городское общество.* На семъ основаніи она входитъ въ обсужденіе дѣлъ, касающихся *всего городского общества,* и дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ по симъ дѣламъ общественнаго постановленія или приговора". Но послѣдовательность законодателя оказывается чисто словесной, дальше текста ст. 54 она почти не идетъ, и мы едва-ли не тщетно стали бы искать ея реальные слѣды въ самой организаціи городского общественнаго управленія. Если городское управленіе, это—самоуправляющееся городское общество, то, казалось бы, его компетенція, въ смыслѣ предметовъ вѣдомства, должна бы охватывать все многообразіе мѣстныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей. Но для интересовъ „данной государственной власти" съ ея точки зрѣнія такая логически неизбѣжная широта компетенціи могла бы представить существенныя неудобства; и вотъ уже въ самый послѣдній моментъ Государственный совѣтъ вноситъ въ Городовое положеніе отсутствовавшую въ его проектѣ ст. 1: „попеченіе и распоряженіе по *городскому хозяйству и благоустройству* предоставляется городскому общественному управленію". Въ интересахъ режима, но въ искаженіе основныхъ началъ реформы, вопреки требованіямъ жизни и въ противорѣчіе съ сущностью тѣхъ функцій, которыя само же Городовое положеніе въ дальнѣйшемъ возлагаетъ на городскія учрежденія, — рефор-

мированное городское управленіе было искусственно вогнано въ гибельныя для его жизнедѣятельности рамки органа исключительно хозяйственнаго. Далѣе, если городское управленіе, это—городское общество (при томъ же, какъ подчеркиваетъ статья 54 Город. Полож., именно „*все* городское общество"), само вѣдающее свои (опять-таки, именно, *всѣ*) интересы и нужды, то это съ логической неизбѣжностью предполагаетъ такую избирательную систему, въ силу которой городское представительство было бы представительствомъ этого общества во всей его цѣлости, во всемъ разнообразіи его состава. Но совмѣстимо ли было бы такое широкое демократическое представительство съ интересами самодержавія? „Когда законодатель въ абсолютной монархіи, — говоритъ Градовскій, — имѣетъ въ виду преобразованіе административной системы" и въ преобразуемыхъ учрежденіяхъ ищетъ прежде всего „точки опоры для общаго государственнаго порядка и данной государственной власти", то „въ однихъ случаяхъ такою опорою является сильно организованная бюрократія, въ другихъ — бюрократія и *привилегированныя сословія*", а въ третьихъ, добавимъ мы, бюрократія и привилегированные классы, — тѣ имущественные слои населенія, интересы которыхъ до поры до времени наиболѣе совпадаютъ съ интересами даннаго режима. Временно, какъ уже сказано, интересы режима могутъ быть самимъ правительствомъ упущены изъ виду, но ненадолго. Въ самомъ дѣлѣ, для начальнаго періода реформы, начиная еще съ преподанной мѣстнымъ комиссіямъ въ руководство „Программы для составленія соображеній относительно улучшенія общественныхъ учрежденій въ городахъ", — для этого дѣвственнаго періода реформы очень характерна настойчивость, съ которой подчеркивалось то обстоятельство, что новое общественное устройство въ городахъ имѣетъ открыть доступъ къ участію въ городскомъ управленіи „*всему* городскому населенію", „*всѣмъ* заинтересованнымъ" въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ, для того, чтобы эти дѣла были рѣшаемы „по возможности справедливо и безобидно для *каждаго* члена общества". Но уже два года спустя, уже „въ проектѣ представленія мин. внутр. дѣлъ объ устройствѣ городского общественнаго управленія" (сост. въ 1864 году), правительство спохватывается и разъясняетъ, что *всѣ* не значитъ въ самомъ дѣлѣ *всѣ*, „Нѣтъ сомнѣнія,—признаетъ оно,— что *всѣ* жители города заинтересованы въ его благоустройствѣ", но городское благоустройство „можетъ поддерживаться и развиваться лишь съ помощью матеріальныхъ средствъ", средства же сіи „составляются преимущественно изъ уплаты мѣстными жителями повинностей"; отсюда дѣлается изумительный логическій выводъ, что только жители, несущіе эти повинности, „а потому заинтересованные не только наравнѣ съ прочими обывателями города въ общемъ его благоустройствѣ, но также ближайшимъ образомъ и въ правильномъ распредѣленіи и соотвѣтственномъ употребленіи уплачиваемыхъ ими повинностей—и должны пользоваться пра-

вомъ участія въ общественномъ управленіи". И Городовое полож. 1870 года предоставило избирательное—активное и пассивное—право только тѣмъ городскимъ обывателямъ, которые, будучи русскими поддаными и имѣя 25 лѣтъ отъ роду, владѣли въ предѣлахъ города какой-нибудь недвижимой собственностью, подлежавшей оцѣночному сбору, или же уплачивали въ пользу города сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго, промысловаго, приказчичьяго перваго разряда или съ билета на содержаніе промышленнаго заведенія. Установленный такимъ образомъ имущественный цензъ, правда, нельзя признать высокимъ, но съ точки зрѣнія интересовъ режима онъ былъ вполнѣ цѣлесообразенъ въ томъ смыслѣ, что лишалъ избирательныхъ правъ почти всю сложную и разнородную группу квартиронанимателей, главнымъ же образомъ — городской пролетаріатъ и бóльшую часть городской интеллигенціи,—двѣ группы, участіе которыхъ въ мѣстномъ управленіи не могло быть для „данной государственной власти" особенно пріятнымъ. И странно было бы поэтому, если бы попытка П. П. Семенова въ Государственномъ совѣтѣ добиться предоставленія избирательныхъ правъ квартирантамъ увѣнчалась успѣхомъ. По мѣрѣ того, какъ реформа „созрѣвала", по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе покрывались пылью забвенія первоначально поставленныя ей цѣли и задачи, должно было еще явиться опасеніе, что даже установленіе имущественнаго ценза само по себѣ недостаточно для охраны тѣхъ интересовъ, которые для правительства имѣли несравненно большую цѣнность, чѣмъ интересы „всего" городского общества. Уже въ 1870 году, въ засѣданіи 14 января, высочайше утвержден. комиссія по пересмотру проектовъ Положенія спохватывается, что „такъ какъ уплачиваемыя городскими жителями повинности весьма неравномѣрны и жители, *уплачивающіе низшій размѣръ* повинностей, составляютъ значительное *большинство*", то хозяевами положенія могутъ оказаться какъ разъ „низшіе слои населенія". Но средство противъ такой опасности найти было не трудно: оно подсказывалось уже тѣми мотивами, которыми обосновывалось установленіе имущественнаго ценза. Если основаніемъ для избирательнаго права служитъ платежъ въ городскую кассу, то трудно ли отсюда сдѣлать выводъ, что самая *мѣра* этого права должна опредѣляться *величиною* платежа, что „степень участія каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ должна строго соразмѣряться съ количествомъ уплачиваемыхъ ими въ городскую кассу сборовъ и налоговъ". Для достиженія этой цѣли устанавливается по готовому прусскому образцу трехразрядное дѣленіе избирателей. Первый разрядъ образуютъ плательщики высшихъ окладовъ, уплачивающіе въ общей сложности одну треть общей суммы городскихъ сборовъ. Второй разрядъ образуютъ плательщики послѣдовательно низшихъ окладовъ, уплачивающіе въ сложности вторую треть этой суммы. Наконецъ, плательщики мель-

чайшихъ окладовъ, уплачивающіе въ общей сложности остальную треть общей суммы городскихъ сборовъ, образуютъ третій разрядъ. Каждый разрядъ образуетъ особую избирательную курію и выбираетъ отдѣльно отъ другихъ одну треть гласныхъ. Это значитъ, что тысячи избирателей третьяго разряда получаютъ столько же представителей, сколько сотни избирателей—втораго и десятки избирателей—перваго. Этимъ предполагается—„не допустить преобладанія большинства надъ меньшинствомъ, неизбѣжнаго при совокупной подачѣ голосовъ"...

Если городское управленіе, это—общество, вѣдающее *свои* общественныя дѣла, то не было никакихъ основаній отказывать ему ни въ надлежащей полнотѣ власти въ предѣлахъ предметовъ его вѣдомства, ни тѣмъ болѣе—въ необходимой ему самостоятельности. Между тѣмъ право городского общественнаго управленія издавать обязательныя для жителей постановленія,—право, которое дѣйствительно могло бы сдѣлать его общественной властью—распространялось, во 1-хъ, далеко не на всѣ его предметы вѣдомства, а исчерпывалось относительно немногими случаями, точно перечисленными въ ст. 103 Город. Полож. Во 2-хъ, издавая обязательныя постановленія, городское управленіе въ тоже время не располагало ни юридической, ни фактической возможностью настоять на ихъ исполненіи. Въ его распоряженіи не было никакой принудительной власти; оно не могло даже привлекать къ суду нарушителей ея постановленій,—это зависѣло отъ доброй воли полиціи. Городское управленіе пользовалось только „на томъ же основаніи какъ отдѣльныя общества и частныя лица" правомъ „на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями"; но это право оставалось jus nudum, такъ какъ городскому управленію не дано было никакихъ средствъ и способовъ настоять на немъ и добиться дѣйствительнаго „содѣйствія и исполненія". Что же касается самостоятельности, то Городовое положеніе 1870 года категорически признаетъ городское управленіе дѣйствующимъ „въ предѣлахъ предоставленной ему власти *самостоятельно*", въ виду чего правительственной администраціи предоставленъ былъ только надзоръ за *законностью* дѣйствій город. управленія, безъ права вмѣшательства въ ихъ существо. Но такая самостоятельность не могла быть по нутру „данной правительственной власти" и потому она тутъ же ограничивается въ самомъ главномъ и основномъ. Едва ли нужно доказывать, что объ истинномъ самоуправленіи можно говорить только тамъ, гдѣ само населеніе въ лицѣ своихъ выборныхъ органовъ распоряжается своимъ кошелькомъ. Право самообложенія въ такой же мѣрѣ одно изъ его основныхъ условій, какъ и право свободнаго распоряженія добытыми такимъ путемъ средствами. Что значатъ свободная самодѣятельность и автономія общественнаго управленія,—спросимъ мы словами итальянскаго финансиста Ivanoe Bonomi,—„если онѣ не подкрѣплены *финансовой* автономіей, которая позволяетъ мѣстнымъ учрежденіямъ

свободно изыскивать рессурсы соразмѣрно ихъ потребностямъ". Очень немногое, если не совсѣмъ ничего. Предоставьте коммунамъ „сколь угодно широкую административную автономію, но когда вы скупитесь въ предоставленіи имъ финансовыхъ рессурсовъ, когда вы ставите самыя стѣснительныя препятствія ихъ праву обложенія... — то вы не можете претендовать на то, чтобы коммуна была свободной и независимой. *Дать коммунѣ свободу, значитъ, дать ей финансовую автономію*". Но дать таковую для правительства значило бы отказаться отъ доброй доли общественнаго кошелька какъ разъ тогда, когда оно имѣло на него особые виды. И бюджетное право городовъ подвергается существеннымъ ограниченіямъ. Городское управленіе лишается права выходить изъ опредѣленнаго круга предметовъ обложенія и переступать предѣлы установленнаго maximum'а высоты сборовъ. Еще менѣе свободно оно въ расходованіи своихъ средствъ. Эти послѣднія прежде всего должны быть обращены на покрытіе цѣлой массы обязательныхъ расходовъ, по преимуществу общегосударственнаго значенія, и только остающіяся затѣмъ средства городское управленіе можетъ расходовать по своему усмотрѣнію на мѣстныя нужды.

Отмѣтимъ еще то вредное вліяніе, какое интересы политическаго режима оказали на установленіе нормальнаго взаимоотношенія между распорядительскимъ и исполнительнымъ органами городского управленія. Исполнительнымъ органомъ его была избираемая думою городская управа съ городскимъ головой во главѣ. Распорядительскимъ, надзирающимъ и контролирующимъ органомъ была городская дума въ составѣ извѣстнаго количества избираемыхъ поразрядно гласныхъ, представлявшая собою, какъ мы знаемъ, городское общество и дѣйствовавшая его именемъ. Предсѣдателемъ же думы былъ опять-таки все тотъ же городской голова. Вредъ такого совмѣстительства не трудно было понять. На него указывали мѣстныя комиссіи, о немъ свидѣтельствовалъ опытъ дореформенныхъ учрежденій. Противъ такого совмѣстительства высказался даже министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ. Но Государственный совѣтъ настоялъ на немъ, по очень простой причинѣ,—потому что „совмѣщеніе предсѣдателя думы и управы въ одномъ лицѣ представляется важнымъ и для *самого правительства*, въ интересахъ котораго необходимо, чтобы во главѣ городского управленія стояло лицо, значеніе коего давало бы ему способы во-время сдерживать *увлеченія* и подлежащимъ образомъ *направить* общество". „Увлеченія", конечно, противоправительственныя; „направить", конечно, на путь правительству желательный...

3.

Условія дѣятельности городского самоуправленія и ея результаты.

Въ какой обстановкѣ, при какихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ пришлось реформированному городскому управленію развивать свою дѣятельность?

Отъ своего дореформеннаго предшественника это управленіе не унаслѣдовало почти ничего, кромѣ пустого мѣста, и ему пришлось начинать все съ самаго начала, все создавать заново. Но это еще въ лучшемъ случаѣ. Гораздо болѣе труднымъ было его положеніе тамъ, гдѣ оказывалось невозможнымъ сразу приступить къ созидательной работѣ, а предварительно необходимо было затратить, частью безплодно, огромное количество труда и усилій на очистку муниципальной арены отъ заваливщей ее невообразимо хаотической груды мусора,—являвшей собою образъ дореформеннаго хозяйства. Между тѣмъ время не ждало. Уже самый фактъ введенія новаго всесословнаго городского управленія долженъ былъ поставить муниципальному хозяйству рядъ новыхъ задачъ, какимъ прежде не могло быть мѣста. Въ еще большей мѣрѣ появленію новыхъ задачъ содѣйствовалъ вызванный пореформенными условіями быстрый ростъ городовъ. Читатель, незнакомый съ городскимъ хозяйствомъ, и вообразить себѣ не можетъ, съ какой головокружительной быстротой умножались и осложнялись въ пореформенную эпоху задачи городского управленія. Чтобы дать ему хотя слабое, хотя отдаленное представленіе объ этомъ, приведемъ изъ цитированной уже книги С. А. Приклонскаго нѣсколько строкъ, касающихся притомъ одной только области—народнаго здравія, да и то не всей этой области, а только части ея—общественной гигіены и санитаріи. „Города стали быстро застраиваться, — пишетъ онъ,—чтобъ удовлетворить потребность въ жильѣ для новыхъ пришельцевъ. Гдѣ прежде были сады, огороды, обширные дворы, тамъ теперь выстроены новые дома. Вмѣсто старыхъ, небольшихъ одноэтажныхъ домовъ, теперь построены новые въ 5—6 этажей съ подпольнымъ жильемъ,—эти дома исполины, убійцы общественнаго здоровья. Тѣснота въ городахъ сдѣлалась ужасная, и все это на старой почвѣ, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій пропитывалась нечистотами... Кладбища, которыя прежде были далеко за городомъ, теперь уже очутились въ городской чертѣ и совершенно переполнены трупами отъ чрезмѣрно увеличившагося населенія. Городскія свалки нечистотъ, по той же причинѣ, принимаютъ въ себя ежегодно въ нѣсколько разъ большую, чѣмъ прежде, массу разлагающихся органическихъ веществъ... Въ то же время притокъ свѣжаго воздуха извнѣ сдѣлался затруднительнѣе, потому что вокругъ городовъ лѣса вырублены, а степи истощились и растительность ихъ оскудѣла“.

При всей огромности предстоявшаго новымъ учрежденіямъ сложнаго труда, ихъ положеніе могло бы быть значительно облегчено, если бы

къ ихъ услугамъ были извѣстныя традиціи, опытъ, практическій навыкъ. Но именно этого-то и не было. Все то, что въ этомъ смыслѣ осталось отъ прежняго городского управленія, могло имѣть только отрицательное значеніе и должно было быть безусловно и всецѣло выброшено за бортъ. Положеніе, слѣдовательно, было таково, что, принимая къ своему разрѣшенію тѣ или иныя ставшія на очередь задачи, новое городское управленіе должно было затрачивать еще массу энергіи, труда и времени на выработку самыхъ методовъ и пріемовъ своей практической работы. Это часто до чрезвычайности замедляло удовлетвореніе самыхъ насущныхъ нуждъ, не говоря уже о томъ, какъ дорого приходилось населенію оплачивать ошибки и промахи, неизбѣжно сопряженные съ неопытностью и непрактичностью. При всемъ томъ мы не сомнѣваемся ни на минуту, что реформированное городское управленіе, благодаря заложенному въ немъ живому общественному началу, все-таки очень быстро выбилось бы на широкую торную дорогу, если бы тому не препятствовали дефекты его организаціи и тѣ тяжелыя общія условія, въ которыхъ ему приходилось существовать.

Первымъ важнымъ тормозомъ была узость его компетенціи, особенно, трактованіе его, какъ исключительно хозяйственнаго органа. Это наиболѣе чувствительно связывало руки городскому самоуправленію какъ разъ тогда, когда у него являлось наиболѣе широкое и правильное пониманіе своихъ обязанностей, наиболѣе сильное стремленіе выполнить ихъ въ согласіи съ дѣйствительными жизненными интересами массы городского населенія.

Вторымъ весьма важнымъ тормозомъ была крайняя неудовлетворительность избирательной системы. Имѣя цѣлью „не допустить преобладанія большинства надъ меньшинствомъ“, т.-е., низшихъ *классовъ* надъ высшими, трехразрядная система въ дѣйствительности привела къ поглощенію третьеразряднаго экономически слабаго большинства имущественно сильнымъ меньшинствомъ первыхъ двухъ разрядовъ. Судьба городского управленія очутилась, благодаря этой системѣ, почти всецѣло въ распоряженіи небольшой группы наиболѣе крупныхъ торговцевъ и домовладѣльцевъ. По особому характеру русскихъ городовъ, являющихся собственниками подчасъ огромныхъ земельныхъ владѣній въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, — это сказалось прежде всего въ земельной политикѣ городскихъ управленій. Частью сказалось это въ свободномъ и безнаказанномъ присвоеніи себѣ крупными хищниками городскихъ владѣній, особенно же — въ такой системѣ эксплоатаціи городскихъ земель, которая отдавала нуждающуюся въ нихъ земледѣльческую массу городского населенія въ руки крупныхъ земельныхъ барышниковъ и кулаковъ. На счетъ правящаго же торговопромышленнаго меньшинства должно быть отнесено усиленное стремленіе къ учрежденію въ интересахъ этого меньшинства городскихъ банковъ, еще болѣе усиленное расхищеніе ихъ, и въ результатѣ цѣлая эпиде-

мія банковскихъ краховъ, ознаменовавшая первое пореформенное десятилѣтіе и очень дорого обошедшаяся массѣ городского населенія. Наконецъ, если окраины были сильно запущены, въ то время какъ прилагались усиленныя заботы о „благолѣпіи“ городскихъ центровъ; если было мало элементарныхъ школъ, не было доступной медицинской помощи; если оцѣночный сборъ и сопряженныя съ домовладѣніемъ повинности падали наименьшей тяжестью на крупныхъ домовладѣльцевъ; если усиленно облагались мелкая торговля и мелкіе промыслы; если, вообще, интересы мелкаго обывателя находились въ забвеніи,—то все это опять-таки нужно отнести на счетъ трехразрядной системы. Однако, нѣтъ худа безъ добра. Именно страдательная роль мелкаго третьеразряднаго обывателя заставила его относиться особенно чутко ко всему, творившемуся въ области городского общественнаго управленія, заставила его съ особенной настойчивостью стремиться къ усиленію вліянія его представительства на ходъ и направленіе городскихъ дѣлъ. Избирательная система лишала его возможности усилить это представительство количественно; естественно было явиться идеѣ о сугубой въ такомъ случаѣ важности его качественнаго усиленія. Третій разрядъ избирателей началъ поэтому усиленно проводить въ гласные людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ *). И стремленіе третьяго разряда къ такого рода улучшенію состава своихъ гласныхъ было такъ велико, что, напр., на послѣднихъ выборахъ, наканунѣ упраздненія Городового полож. 1870 г., количество гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ по третьему разряду сразу увеличилось на 72%*)... Именно этому разряду реформированное городское управленіе въ значительной мѣрѣ обязано тѣмъ, что, несмотря на сознательное устраненіе законодателемъ интеллигенціи въ лицѣ квартиронанимателей, на муниципальной аренѣ все-таки появилось значительное количество просвѣщенныхъ и энергичныхъ общественныхъ дѣятелей, правильно понимавшихъ свои задачи и свои обязанности по отношенію къ массѣ городского населенія. Такое улучшеніе состава городского представительства, вопреки данной избирательной системѣ, могло бы дать чрезвычайно полезные результаты, если бы... не третій тормозъ въ лицѣ правительственной администраціи.

Бюрократіи не могла быть понутру даже та ограниченная „самостоятельность“, которою пользовались города. Администрація дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы окончательно свести эту самостоятель-

*) Имуществен. цензъ, установлен. Гор. Полож. 1870 г., былъ не настолько высокъ, чтобы представлялось невозможнымъ, особенно, когда того требовалъ общественный интересъ, пріобрѣтеніе его спеціально для выборныхъ цѣлей.

*) Это стремленіе, что особенно важно, сказалось не только на думахъ, но и на составѣ городскихъ управъ. По нашимъ вычисленіямъ, въ этомъ составѣ среди лицъ, вышедшихъ изъ рядовъ I разряда, людей со среднимъ и высшимъ образованіемъ было 37,7%, изъ второго—38,4%, а изъ третьяго—*43,2*%. (См. *Г. И. Шрейдеръ*: „Наше Городск. общ. управл“. т. I, стр. 20—24).

ность къ нулю, что было совсѣмъ уже не трудно. Надзоръ за *законностью* дѣйствій городского управленія былъ возложенъ на губернатора съ состоящимъ при немъ губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Составъ же присутствія былъ не таковъ, чтобы отъ него можно было ожидать не только энергичнаго, но даже какого-нибудь противодѣйствія губернаторскимъ покушеніямъ на самостоятельность городского управленія. Не трудно привести сотни случаевъ, когда губернскія по городскимъ дѣламъ присутствія, услуживая губернатору, подъ видомъ возстановленія *законности* самымъ грубымъ образомъ вмѣшивались въ *существо* думскихъ распоряженій. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, сколь категорически ни признавалъ бы законъ самостоятельности общественнаго самоуправленія,—это признаніе имѣетъ нулевое значеніе тамъ, гдѣ отсутствуютъ гарантіи личности. Обыватель, хотя бы и въ почетномъ званіи гласнаго думы, рѣшительно ничѣмъ не былъ гарантированъ отъ беззаконія и произвола администраціи, которая не стѣснялась доходить до прямыхъ угрозъ, особенно по адресу наиболѣе ей ненавистной и наиболѣе преслѣдуемой ею думской интеллигенціи, когда добивалась отъ думы какого-нибудь желательнаго ей постановленія. И какъ часто запуганныя городскія думы слѣпо и послушно творили волю не только губернаторовъ, но и полицеймейстеровъ, исправниковъ и даже увы! — полицейскихъ приставовъ, когда послѣдніе принадлежали къ числу губернаторскихъ „любимцевъ"...

Четвертымъ огромной важности тормозомъ была ограниченность бюджетныхъ правъ городского управленія. При всѣхъ усиліяхъ городскихъ думъ, направленныхъ на изысканіе матеріальныхъ средствъ, рессурсы городскихъ кассъ, хотя бы и увеличиваясь изъ года въ годъ, все-таки не могли поспѣть за ростомъ потребностей. Между тѣмъ все большая и большая часть этихъ рессурсовъ поглощалась обязательными расходами. Въ какой мѣрѣ трагическимъ было, благодаря этому, положеніе городского финансоваго хозяйства, можно судить по слѣдующему примѣру: по росписи города Екатеринослава на 1891 г. однихъ только обязательныхъ расходовъ предстояло произвести 294.870 руб., а всѣхъ доходовъ по смѣтѣ по самому щедрому исчисленію, предвидѣлось всего 277.667 руб. При такихъ условіяхъ кое-какъ удовлетворять мѣстныя городскія нужды оказывалось возможнымъ только путемъ накопленія огромныхъ недоимокъ по казеннымъ повинностямъ и огромныхъ долговъ казнѣ по невыполненнымъ обязательнымъ расходамъ. Это давало администраціи законный поводъ для репрессій и открывало путь для сугубаго давленія на городское управленіе...

Тѣмъ не менѣе, городское общественное управленіе, организованное Городовымъ положеніемъ 1870 г. хотя и связанное, и стѣсненное, и гонимое, все-таки было *самоуправленіемъ*. И тутъ—разгадка того, почему, несмотря на всѣ неблагопріятныя внутреннія и внѣшнія условія, оно въ конечномъ итогѣ сдѣлало не мало, даже весьма много для улуч-

шенія условій быстро развивавшейся городской жизни, для удовлетворенія многоразличныхъ нуждъ и интересовъ. Уже спустя первое десятилѣтіе, слѣдовательно, періодъ по новизнѣ дѣла, наиболѣе трудный и наименѣе продуктивный, когда новыя городскія учрежденія не успѣли даже какъ слѣдуетъ наладиться со своей работой,—уже въ 1880 г. сенаторская ревизія констатируетъ значительный прогрессъ въ различныхъ отрасляхъ городского хозяйства. Особенно отмѣчается при этомъ значительное увеличеніе средствъ народнаго образованія, усиленіе охраны пожарной безопасности и т. п. А вотъ нѣсколько интересныхъ цифровыхъ данныхъ, заимствуемыхъ нами изъ офиціальныхъ „отчетовъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ" и относящихся къ 1871 г., т.-е. къ первому году дѣятельности реформированныхъ городскихъ учрежденій и къ ея заключительному періоду—1889 году. Въ 1871 г. городовъ съ бюджетами свыше 200.000 руб. было всего 10, въ 1889 году такихъ городовъ насчитывается уже 39. Въ 1871 г. средній городской бюджетъ*) не превышалъ 29.443 руб., а въ 1889 г. онъ поднялся уже до 77.809 руб. Что это крупное увеличеніе должно быть отнесено не только на счетъ естественнаго роста городовъ, но и на счетъ дѣятельности городскихъ управленій, легче всего убѣдиться, обратившись къ отрасли, въ которой вліяніе иниціативы и творческой дѣятельности городского управленія должно было сказаться съ особенной силой. Въ 1871 г. русскій городъ въ среднемъ получалъ дохода съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей 7.435 руб., а въ 1889 г. онъ получаетъ уже слишкомъ втрое больше—24.778 руб. Это—результатъ упорядоченія земельнаго хозяйства и, въ особенности, созданія ряда новыхъ доходныхъ городскихъ сооруженій и предпріятій. Обратившись къ расходному бюджету, нельзя не обратить вниманія на такое улучшеніе, какъ значительное удешевленіе стоимости самаго городского управленія. Вначалѣ расходы по его содержанію поглощали почти 20%, т.-е., почти пятую часть расходнаго бюджета, а въ 1889 г. эти расходы поглощаютъ уже только 12%, но особенно интересны слѣдующія цифры. Въ 1871 г. на содержаніе учебныхъ заведеній было затрачено 581.140 руб., въ 1889 г. 4.439.220 руб.—почти въ 8 разъ больше! Эта разница такъ огромна, что для точности сравненія даже нѣтъ необходимости прибѣгать къ среднимъ, хотя дѣло идетъ о различномъ количествѣ городовъ (665 и 686). То же самое и относительно благотворительныхъ учрежденій. Въ 1871 г. на содержаніе ихъ израсходовано 785.977 руб., а въ 1889 г.—5.219.743 руб. Не такъ рѣзокъ, но все-таки весьма великъ ростъ заботъ о народномъ здравіи. Въ 1871 г. на содержаніе городского медицинскаго состава затрачено

*) Намъ приходится здѣсь приводить *среднія* вмѣсто конкретныхъ общихъ итоговъ, потому что отчеты за разные годы трактуютъ о разномъ количествѣ городовъ; сравненіе конкретныхъ общихъ итоговъ, поэтому, не дало бы вполнѣ яснаго и точнаго представленія о происшедшей перемѣнѣ.

было 91.767 руб., а въ 1889 году—498.020 руб. Оказывается у реформированныхъ городскихъ учрежденій также весьма значительная, очень важная съ финансовой точки зрѣнія „способность накопленія“. Въ 1871 г. общая сумма городскихъ капиталовъ не достигала 11.5 мил. руб., въ 1889 г. она превышаетъ уже 34 мил. руб. Въ 1871 г. только 12 городовъ обладали капиталами (запасными и неприкосновенными), превышавшими сумму 100 тыс., въ 1889 г. такими болѣе, чѣмъ стотысячными капиталами обладали уже 46 городовъ. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ возросла и задолженность, — въ 1871 г. только 5 городовъ имѣли каждый свыше 100.000 руб. долгу, въ 1889 г.—такіе болѣе, чѣмъ стотысячные долги числились уже за 35 городами. Но, во-1-хъ, это было неизбѣжно, при томъ условіи, когда собственныя городскія средства поглощались по преимуществу обязательными расходами. Во-2-хъ, задолженность города совсѣмъ не есть признакъ безхозяйственности. „Особенно характернымъ для прогрессирующаго городского хозяйства,—повторимъ мы сказанное уже нами въ другомъ мѣстѣ*),—является быстрое увеличеніе доходовъ отъ городскихъ предпріятій и не менѣе стремительный ростъ задолженности по займамъ... Если сравнить едва 9 мил. руб. городского долга въ Россіи съ суммою въ 262.017.000 ф. стр., въ которую опредѣляется Фаулеромъ задолженность англійскихъ городовъ, то станетъ яснымъ, какую огромную роль въ развитіи городского хозяйства играютъ займы“. Никакое серьезное улучшеніе городского благоустройства, требующее капитальныхъ сооруженій, не можетъ быть произведено безъ крупной единовременной затраты, которая отнюдь не можетъ и не должна быть дѣлаема въ счетъ текущихъ городскихъ средствъ, — во-1-хъ, потому, что ихъ для этого рѣдко можетъ оказаться достаточнымъ, во-2-хъ, потому, что это было бы нарушеніемъ элементарной справедливости. Капитальныя сооруженія предназначены служить не только данному, но и будущимъ поколѣніямъ. Блага городского благоустройства этимъ поколѣніямъ достанутся почти даромъ, почему же и не переложить на нихъ соотвѣтствующей части расходовъ на сооруженія, которыми эти блага обусловлены. И реформированное городское самоуправленіе, конечно, стало на совершенно правильный путь, когда, подобно европейской муниципальной демократіи, отрѣшилось отъ боязни займовъ,—боязни, столь характерной именно для архаическихъ городскихъ управленій. Возрасли долги, но вмѣстѣ съ тѣмъ заложены основы городскому благоустройству и созданы новые солидные источники дохода для городскихъ финансовъ. Такимъ образомъ, принявъ отъ своего предшественника почти пустое мѣсто, реформированное на началахъ самоуправленія городское общественное управленіе оставило своему преемнику — городскому управленію, пришедшему къ нему на смѣну

*) См. статью: „Городское хозяйство“ въ „Словарѣ юридич. и государст. наукъ“ подъ редакціей *А.* Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова, вып. VI.

въ 1892 году,—крупное и цѣнное наслѣдство. Неожиданность ли это? Нисколько, ибо такова могучая жизненная и творческая сила, присущая началу общественной самодѣятельности. Въ самой малой дозѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, но разъ только этой самодѣятельности дано мѣсто,—безплодной она остаться не можетъ...

ГЛАВА VII.

Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера.)

Городъ въ жизни Прибалтійскаго края издавна игралъ исключительно видную роль, и для лучшаго уясненія послѣдующаго развитія экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ краѣ необходимо предварительно ближе ознакомиться съ исторіей его городскихъ центровъ, особенно въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда они по всему своему строю столь рѣзко отличались отъ другихъ городовъ Россіи.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Рига, всегда являвшаяся сосредоточіемъ торгово-промышленной дѣятельности и духовной культуры края.

Рига—въ своей внутренней жизни—развивалась по типу германскихъ вольныхъ торговыхъ городовъ. Города Гамбургъ и Временъ оказали сильное вліяніе на развитіе самоуправленія г. Риги, и въ городскихъ статутахъ столицы Прибалтійскаго края мы находимъ много общаго съ законами обоихъ знаменитыхъ нѣмецкихъ городовъ. Развитіе отношеній между отдѣльными городскими сословіями и классами городского населенія въ Ригѣ имѣетъ также много общаго съ исторіей развитія коммунальной жизни германскихъ городовъ. Были, конечно, и различія, но они обусловливались особымъ положеніемъ Риги, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій была сосредоточена почти вся верховная власть надъ краемъ.

Какъ извѣстно, Рига основана въ XIII стол. нѣмецкими крестоносцами и монахами, которые образовали впослѣдствіи привилегированное сословіе городскихъ патриціевъ-гражданъ или ратсгеровъ. Въ своихъ правахъ они были во всемъ равны рыцарямъ ордена меченосцевъ (впослѣдствіи тевтонцевъ), принадлежали къ свободному дворянскому сословію. За ними долго (до XIX столѣтія) сохранялось ихъ привилегированное положеніе и связанныя съ нимъ права и преимущества, изъ которыхъ важнѣйшимъ было право выбирать членовъ магистрата (городского управленія) изъ своей среды.

Кромѣ гражданъ первоначальное населеніе Риги составляли купцы и ремесленники, образовавшіе двѣ гильдіи: большую (купеческую) и малую (ремесленную). Городъ находился подъ верховною властью рижскаго епископа, резиденціею котораго онъ являлся. Завѣдывавшій дѣлами города магистратъ представлялъ коллегіальное присутственное мѣсто, члены котораго сначала избирались гражданами на 1 годъ и исполняли разныя городскія должности.

Происхожденіе цеховъ въ Ригѣ относится къ XIV ст., когда впервые историки края упоминаютъ о цехахъ ремесленниковъ. Въ XIV и XV ст. происходили распри между епископомъ и орденомъ, опиравшимся на крупное землевладѣльческое дворянство, и во время этой борьбы политическое могущество магистрата сильно возросло. Съ расширеніемъ города, съ развитіемъ его экономической жизни, съ ослабленіемъ власти епископа, благодаря постояннымъ раздорамъ съ орденомъ, внутри самой городской общины возникла потребность въ сильной, организованной власти, которая твердою рукою направляла и регулировала бы разнообразныя теченія осложнившейся городской жизни. И эта власть образовалась въ лицѣ магистрата, ставшаго въ концѣ XV ст. полновластнымъ господиномъ города. Уже съ XIV ст. ратсгеры занимали свои должности пожизненно. Въ XVI ст. Рига представляла изъ себя богатую и сильную торговую республику. Но вскорѣ начались внутренніе раздоры въ городской общинѣ, вызванные несоотвѣтствіемъ установившагося политическаго строя съ экономическими интересами отдѣльныхъ слоевъ городского населенія. Магистратъ превратился въ замкнутое корпоративное учрежденіе, отстаивавшее интересы высшаго городского сословія — гражданъ. Корпораціи остальной части городского населенія — купцовъ и ремесленниковъ, представлявшія собою интересы экономически сильныхъ группъ населенія,—стали настойчиво добиваться равноправнаго участія въ дѣлахъ городского самоуправленія.

Начиная съ XVII ст. этою борьбою опредѣляется весь ходъ исторіи внутренней жизни города. Съ подчиненіемъ города верховной власти Польши, Швеціи, а затѣмъ Россіи, борьба эта особенно обострилась. Оба „низшія“ городскія сословія надѣялись при помощи верховной власти добиться осуществленія своихъ законныхъ притязаній, хотя въ борьбѣ за свои права противъ магистрата оба сословія не всегда оставались на строго лойяльной почвѣ, а иногда вступали на явно революціонный путь (такъ было, напр., во время т. н. „календарныхъ безпорядковъ“ и при началѣ царствованія Александра I).

Верховная власть колебалась, принимая то сторону магистрата, то сторону обоихъ сословій. Такъ, напр., подавивъ „календарные безпорядки“—возстаніе обѣихъ гильдій съ цѣлью добиться равноправія,—польское правительство чрезъ нѣкоторое время (въ 1604 г.) склонилось на сторону гильдій и признало принципъ участія всѣхъ городскихъ сословій (исключая чернора-

бочихъ, слугъ и группы туземцевъ-обывателей, которыхъ въ общемъ было немного) въ управленіи городскими дѣлами. Въ исключительномъ вѣдѣніи магистрата было оставлено лишь судебное дѣло. Еще рѣшительнѣе стало на сторону обоихъ сословій русское правительство Екатерины II; введеніемъ въ Ригѣ Городового положенія 1786 г. былъ нанесенъ сильный ударъ самовластію магистрата. Но Павелъ I въ 1796 г. снова возстановилъ магистратъ, предоставивъ ему полную и неограниченную власть надъ городомъ. Это вызвало сильное недовольство среди городского населенія, и начавшееся движеніе въ пользу широкой реформы городского самоуправленія снова привело къ Городовому положенію 1786 г.

Итакъ, въ началѣ XIX ст. мы въ Ригѣ, а также и въ остальныхъ городахъ края застаемъ полное самодержавіе магистрата и сильную оппозицію противъ него со стороны обѣихъ гильдій,—оппозицію, скоро перешедшую въ открытую борьбу. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи этой борьбы, слѣдуетъ разсмотрѣть вкратцѣ организацію всесильнаго магистрата, которому было суждено сохранить свое положеніе, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями и ограниченіями, до введенія Городового положенія 1870 г.

Какъ сказано выше, магистратъ представлялъ изъ себя замкнутую корпорацію, члены которой были связаны между собою тѣсными узами общности кастовыхъ интересовъ, а также кровнаго родства. Половина членовъ магистрата въ XIX ст. принадлежала къ высшему купеческому сословію, другая половина—къ такъ наз. сословію „литератовъ", т.-е. лицъ свободныхъ профессій въ болѣе узкомъ значеніи этого слова.

Должности членовъ магистрата были пожизненны. Освободившіяся вакансіи членовъ магистрата изъ сословія „литератовъ" замѣщались членами магистрата же по собственному выбору изъ числа чиновниковъ магистратской канцеляріи. Вакансіи членовъ-купцовъ замѣщались лицами купеческаго званія высшаго разряда по выбору старшинъ (эльтермановъ) большой гильдіи *).

Законовѣды - литераты, желавшіе попасть въ число членовъ магистрата, должны были пройти нѣсколько ступеней службы въ магистратской канцеляріи. Поступали они туда въ званіи аускультантовъ, затѣмъ получали званіе нотаріусовъ, послѣ того — секретарей. Изъ секретарей они попадали въ члены магистрата, при чемъ строго соблюдалась очередь по старшинству.

Служащіе магистратской канцеляріи принадлежали къ высшимъ аристократическимъ семьямъ города, получали одинаковое воспитаніе и были товарищами со школьной скамьи. Отсюда—полнѣйшее единодушіе и солидарность во всѣхъ житейскихъ и служебныхъ дѣлахъ и строгая кастовая дисциплина. Число членовъ магистрата достигало 12—16 человѣкъ. Магистратъ вполнѣ са-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать рижскія гильдіи—корпораціи гражданъ разныхъ сословій—съ возникшими позднѣе т. н. купеческими гильдіями.

модержавно и безотчетно распоряжался судьбами города, его хозяйственными и административными дѣлами.

На городскія должности онъ назначалъ лицъ по своему собственному усмотрѣнію; въ его рукахъ была сосредоточена судебная власть надъ городомъ и его окрестностями по гражданскимъ и городскимъ дѣламъ, завѣдываніе полиціей города и округа, охрана общественнаго спокойствія и безопасности, надзоръ за порядкомъ и нравственностью, забота о внутренней и внѣшней торговлѣ, о благосостояніи всего городского населенія и т. д.

Такое всемогущество магистрата должно было имѣть опору въ существующихъ экономическихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что сила его основывалась на защитѣ интересовъ купеческой аристократіи, нѣсколькихъ торговыхъ домовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ всю почти внѣшнюю и внутреннюю торговлю города и ревниво оберегавшихъ свои монопольныя права. Съ другой стороны магистратъ защищалъ права и привилегіи сословія „литератовъ", наслѣдниковъ древнихъ патриціевъ г. Риги—„гражданъ". Всѣ же остальныя сословія были настроены враждебно по отношенію къ магистрату и добивались ограниченія его правъ, а то и полнаго упраздненія его власти. Однако, въ борьбѣ сословій съ магистратомъ въ началѣ XIX ст. мы замѣчаемъ крупныя перемѣны по сравненію съ тою же борьбою въ концѣ XVI вѣка. Направленіе этой борьбы осталось то же, но зато содержаніе ея пріобрѣло другой смыслъ. Тогда противъ магистрата, какъ представителя интересовъ высшаго городского сословія (гражданъ), стояло все купечество въ цѣломъ, теперь же силы оппозиціи раскололись: часть купечества проникла въ самый магистратъ, завоевала его и сдѣлала орудіемъ своей классовой борьбы, а въ оппозиціи оказалось, по преимуществу, только мелкое купечество да ремесленная гильдія. Это перемѣщеніе борющихся общественныхъ силъ знаменовало собою побѣду крупнаго торговаго капитала въ жизни городовъ и нарожденіе средней городской буржуазіи.

Въ началѣ XIX ст. въ городахъ еще прочно держался цеховый бытъ, достигшій однако уже кульминаціоннаго пункта своего развитія.

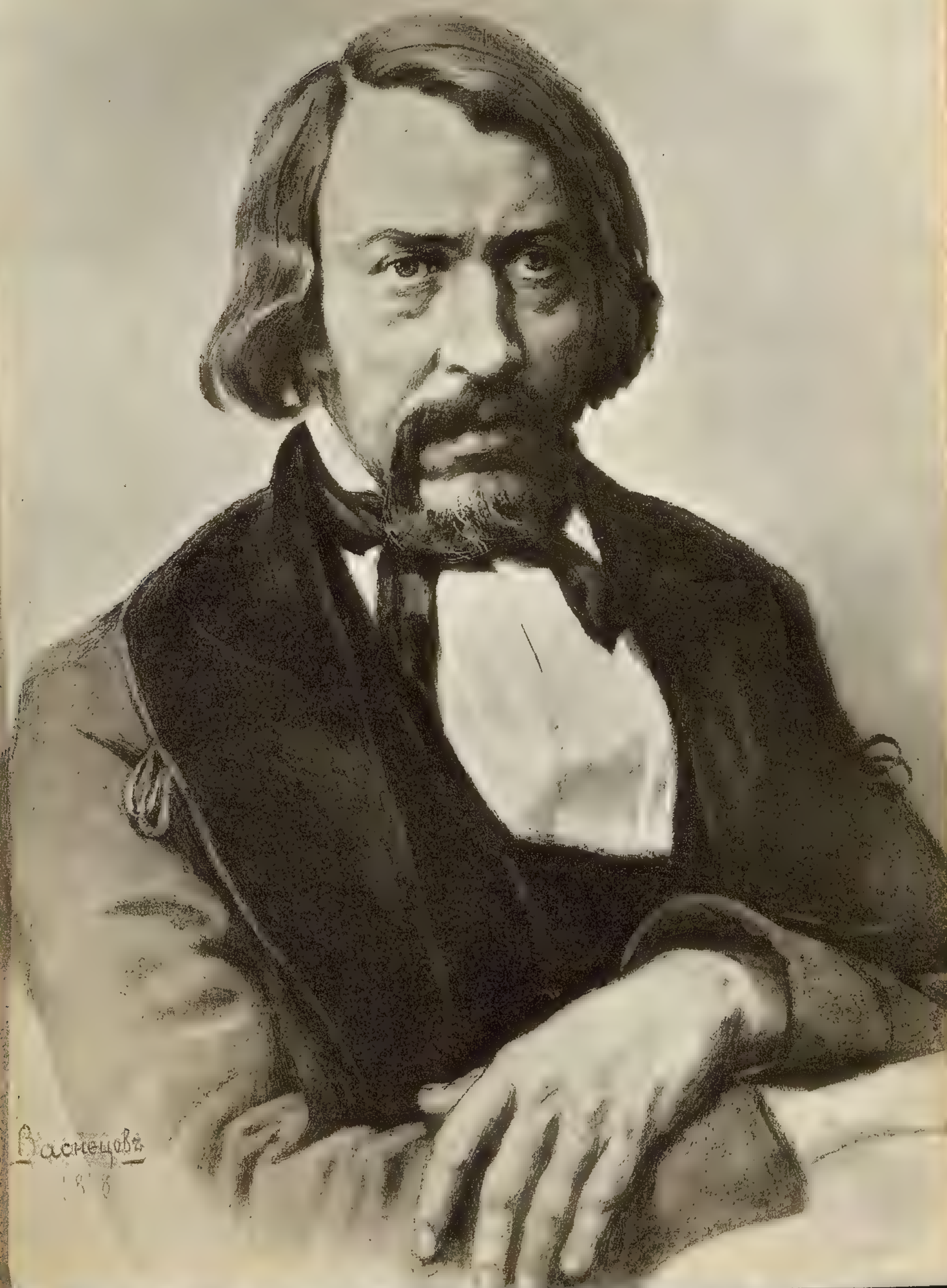
Пріемъ въ цехи былъ очень ограниченъ и стѣсненъ разными обременительными для вновь поступающихъ условіями—требовалось, напр., свидѣтельство о свободномъ (не отъ туземныхъ, крѣпостныхъ, родителей) и законномъ рожденіи, объ изученіи соотвѣтствующаго ремесла въ качествѣ подмастерья и т. д. Чтобы сдѣлаться мастеромъ подмастерье долженъ былъ удовлетворительно сдѣлать пробную работу въ присутствіи судей - мастеровъ; послѣ удовлетворительнаго исполненія работы испытуемый представлялся альдтрихтеру для утвержденія въ званіи мастера; послѣ утвержденія онъ выставлялъ обильное угощеніе судьямъ и товарищамъ. Однако, вновь утвержденный цеховой мастеръ долго еще былъ лишенъ права выставлять вывѣску, пока онъ не пріобрѣталъ права гражданства—

5

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи В. М. Васнецовымъ.
([illegible] въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Васнецовъ

путемъ приписки къ третьему сословію, что опять было сопряжено съ расходами. Третье городское сословіе въ Ригѣ составляли мастера всѣхъ цеховъ, которыхъ насчитывалось въ ней до 1000 человѣкъ. Третье сословіе еще называлось по старому обычаю малою гильдіею. Собранія малой гильдіи происходили одинъ разъ въ году. Каждый цехъ выбиралъ на два года старшину (эльтермана) и двухъ помощниковъ старшины. Во время засѣданій гильдіи эльтерманы совѣщались особо въ т. н. комнатѣ старшинъ.

Граждане Риги, принадлежащіе къ одному изъ упомянутыхъ сословій, пользовались всѣми гражданскими правами и преимуществами, были освобождены отъ всѣхъ чрезвычайныхъ повинностей, въ томъ числѣ отъ рекрутчины.

Особо стояли т. н. „обыватели", паріи города, образовавшіе четвертое сословіе (I—магистратъ, II—купечество, III — цеховые мастера). Обыватели состояли, по преимуществу, изъ туземцевъ — латышей и эстовъ, населявшихъ предмѣстья города, форштадты. Обыватели имѣли право владѣть собственностью—землею и домами въ городѣ и окрестностяхъ. Но магистратъ неоднократно нарушалъ это право — дома обывателей часто сжигались или ломались, если этого, по мнѣнію магистрата, требовали общественные интересы города; земли отчуждались въ пользу города. Такимъ образомъ, право владѣнія землей и другой недвижимостью сводилось для обывателей въ значительной степени къ праву временнаго пользованія ими.

Были среди обывателей ремесленники и мастеровые низшаго разряда — первая брешь въ цеховомъ строѣ ремесленной жизни города. Этихъ ремесленниковъ терпѣли, для нихъ создали особыя организаціи, т. н. амты, имѣвшіе нѣкоторое внѣшнее, организаціонное сходство съ цехами, но они были лишены всѣхъ присвоенныхъ цехамъ правъ и преимуществъ. Латыши сами по себѣ составляли особый амтъ, особое сословіе служилыхъ людей, т.-е. слугъ или лицъ, находящихся въ услуженіи. Въ латышскій амтъ принимались лишь вѣрные, испытанные слуги нѣмцевъ.

Въ 1803 г. въ Ригѣ насчитывалось 37.000 жителей обоего пола, изъ нихъ до 16.000 нѣмцевъ. Гражданъ всѣхъ 3-хъ сословій было 2,200 ч., свободныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ и слугъ—2.500 ч. Податныхъ душъ числилось до 15.000 ч., войска было 13.000. Обывателей и вообще лицъ туземнаго происхожденія (эстовъ и латышей) было до 8.000 ч. Въ 1810 г. населеніе форштадтовъ составляло всего 5,933 ч. До 1808 г. ввозъ Риги достигалъ 5.000.000 рублей, вывозъ—6.000.000 руб. въ годъ. Въ 1808 г., благодаря войнѣ со Швеціею, наступилъ упадокъ торговли, продолжавшійся до 1817 г. Число кораблей, посѣтившихъ рижскую гавань въ 1805 г., достигало 2.084. Ежегодный приходъ города составлялъ 183.000 руб., расходъ—187.000 руб. Въ дѣйствительности, въ городскую кассу поступало всего 173.000 руб., такъ что ежегодный дефицитъ города достигалъ 14.000 руб., а долгъ города въ 1803 г. равнялся 364.000 р.

Нѣкоторыя обременительныя оброчныя статьи сильно стѣсняли граждан низшихъ сословій, что тоже возбуждало сильное недовольство. Хозяйственныя неурядицы и послужили ближайшею причиною движенія 1801—2 гг., направленнаго противъ магистрата.

До изданія Свода мѣстныхъ узаконеній для губерній остзейскихъ Рига не имѣла общаго городового уложенія. Уставы различныхъ городскихъ учрежденій и сословій не были между собою согласованы. Правда, существовало т. н. рижское городское право, начало которому было положено еще въ XIII ст. Оно называлось иначе еще городскими статутами и содержало въ себѣ до 400 статей, обнимавшихъ собою уголовное и гражданское судопроизводство, полицейское, торговое, морское и вексельное право. Но послѣдняя редакція рижскаго городского права относилась къ 1768 г., а съ тѣхъ поръ многое измѣнилось во внутренней жизни города; измѣнившіяся экономическія условія и формы хозяйственной жизни не соотвѣтствовали устарѣлой регламентаціи; ощущалась настоятельная необходимость въ новыхъ формахъ юридическаго строя, въ новомъ законодательствѣ. Въ частности, сильно устарѣли и стѣсняли развитіе ремеслъ законы о цехахъ (шраги). Когда же, словно на-зло назрѣвшей потребности, послѣдовало возстановленіе магистрата,—недовольство гражданъ приняло форму открытыхъ волненій. Правда, возстановить магистратъ въ его дореформенномъ видѣ, какимъ онъ былъ до шведскаго и польскаго господства, не удалось. Были сохранены всѣ ограниченія правъ магистрата, сдѣланныя польскимъ и шведскимъ правительствами; была сохранена т. н. касса-коллегія, вѣдавшая хозяйственную часть города, хотя фактически она находилась подъ контролемъ магистрата и передъ нимъ несла фактическую отвѣтственность за исправное веденіе городского хозяйства; были оставлены учрежденные въ Ригѣ цензурный комитетъ и медицинское управленіе, отнявшіе у магистрата часть его функцій. Но и реформированный магистратъ не удовлетворялъ гражданъ обѣихъ гильдій, добивавшихся реформы городского самоуправленія на началахъ ранoправнаго участія всѣхъ гражданъ 3-хъ сословій въ управленіи городскими дѣлами.

Столкновеніе произошло изъ - за дефицита, который магистратъ предлагалъ покрыть путемъ повышенія квартирнаго налога или займа, а граждане обѣихъ гильдій воспротивились этому и предлагали подвергнуть коренному пересмотру всю налоговую систему. Оппозиція организовалась еще въ 1800 г.: образовался комитетъ гражданъ, открывшій кампанію противъ магистрата. Когда возникъ конфликтъ изъ-за дефицита, комитетъ гражданъ взялъ все дѣло въ свои руки и потребовалъ отъ имени обѣихъ гильдій реформы городского самоуправленія. Правительство въ этомъ дѣлѣ приняло сторону магистрата. Указомъ 1802 г. было повелѣно учредить особый комитетъ для урегулированія квартирнаго налога и одновременно наряжено судебное слѣдствіе по поводу происшедшихъ „безпоряд-

ковъ". Было также выпущено воззваніе къ гражданамъ Риги, чтобы они спокойно дожидались результатовъ работъ комиссіи. „Зачинщики" были преданы суду, однако Александръ I, въ бытность свою въ Ригѣ въ 1802 г., простилъ ихъ. Но граждане продожали настойчиво добиваться своего. „Безпорядки" возобновились въ томъ же 1802 году. Во главѣ оппозиціи сталъ гражданинъ Клеманъ. Ему было поручено представить на высочайшее имя прошеніе о нуждахъ и желаніяхъ гражданъ отъ имени городской общины. Прошеніе это, препровожденное сенатомъ на заключеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, содержало въ себѣ слѣдующіе основные пункты требованій оппозиціи: 1) введеніе въ Ригѣ общаго Городового положенія 1786 г.; 2) предоставленіе всѣмъ гражданамъ (исключая обывателей) участія въ управленіи городскими дѣлами—квартирною кассою, церквами, школами, больницами; 3) потребовать у магистрата подробнаго отчета объ управленіи городскими дѣлами и взыскать съ него причиненные городу за время его хозяйничанья убытки; 4) снаряженіе особой комиссіи для разсмотрѣнія и провѣрки всего городского хозяйства, при чемъ половина членовъ комиссіи должна состоять изъ выборныхъ членовъ-гражданъ.

Къ этому прошенію была приложена обстоятельная объяснительная записка „о состояніи г. Риги и ея гражданскомъ управленіи", заключающая въ себѣ рѣзкую критику олигархическаго управленія магистрата. „Магистратъ вкупѣ со скамьею старшинъ деспотически властвуетъ надъ 30.000 населеніемъ города", говорилось въ запискѣ. Старая система управленія является причиной всѣхъ затрудненій и неурядицъ въ дѣлахъ города. Кромѣ того въ запискѣ проводилась подкрѣпленная рядомъ фактическихъ датъ мысль, что нынѣшнее хозяйство города пришло въ упадокъ по сравненію съ прежнимъ, когда господствовала дума.

15 декабря 1802 г. должно было состояться собраніе представителей всѣхъ городскихъ сословій для выборовъ въ попечительство о бѣдныхъ. И это собраніе приняло совсѣмъ другой характеръ. На него явились 43 купца I гильдіи (купеческой), 20 нѣмцевъ, 23 русскихъ *) и масса мелкихъ торговцевъ. Собраніе, состоявшее, по преимуществу, изъ представителей оппозиціи, занялось обсужденіемъ вопроса о реформѣ городского самоуправленія. Уже въ самомъ началѣ совѣщанія съ него удалились представители и сторонники старой системы. Оставшіеся большинствомъ 150 гол. противъ 2-хъ постановили ходатайствовать предъ высочайшею властью о введеніи въ Ригѣ общаго Городового положенія и выбрали для этого 4 депутатовъ, въ томъ числѣ Клемана. Скамья старшинъ категорически отказалась примкнуть къ „бунту". Въ заключеніе были составлены протоколъ засѣданія и

*) Русскіе примкнули къ движенію потому, что были стѣснены въ своихъ торговыхъ и прочихъ гражданскихъ правахъ и занимали почти одинаковое положеніе съ иностранцами. Иностранцы же въ Ригѣ образовали особую гильдію, т. н. гильдію черноголовыхъ.

прошеніе къ генералъ-губернатору, заключающее въ себѣ требованіе сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ городскомъ самоуправленіи. Со своей стороны магистратъ и 70 именитыхъ рижскихъ купцовъ составили протестъ противъ дѣйствій незаконнаго собранія гражданъ и просили оставить въ полной силѣ и неприкосновенности всѣ старые порядки. Однако, граждане успѣли подать свое прошеніе нѣсколько раньше. 16 января 1803 г., въ отвѣтъ на прошеніе гражданъ, послѣдовала высочайшая резолюція, коей повелѣвалось прекратить всякія „препирательства“ между гражданами по вопросу объ измѣненіи рижскаго городского самоуправленія до разрѣшенія этого вопроса въ установленномъ порядкѣ. Вскорѣ послѣ этого ландратомъ Сиверсомъ былъ произведенъ опросъ городскихъ сословій о желательности и своевременности предполагаемой реформы. 21 марта 1803 года былъ учрежденъ комитетъ для пересмотра мѣстнаго городового положенія, но въ этомъ комитетѣ оказался лишь одинъ убѣжденный сторонникъ реформы, нѣкій Раве, котораго въ слѣдующемъ, 1804 г. смѣстили. Остались въ комитетѣ одни лишь сторонники старой системы, задача котораго такимъ образомъ свелась къ подновленію стараго строя.

Въ результатѣ работы комиссіи привели къ слѣдующему: 1) выборы членовъ магистрата изъ сословія „литератовъ“ производятся не только изъ числа магистратскихъ секретарей, но и другихъ лицъ, изучившихъ юридическія науки; 2) составъ магистрата увеличивается 2 членами-гражданами; 3) апелляціи по гражданскимъ дѣламъ магистрата направляются непосредственно въ сенатъ; 4) въ выборахъ городского проповѣдника участвуютъ оба сословія (отъ каждаго сословія по 7 депутатовъ, всего — 21 депутатъ, отъ магистрата — 7 депутатовъ); 5) учреждается особое экономическое управленіе города, дѣйствующее подъ контролемъ сословій, съ предоставленіемъ магистрату въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣнять рѣшенія его; 6) учреждается особая квартиртирная комиссія; 7) упраздняются древнія постановленія (шраги) о собраніяхъ и совѣщаніяхъ гражданъ большой и малой гильдіи; 8) измѣняются нѣкоторые пункты стараго торговаго права; 9) возбуждается ходатайство о передачи городу таможенныхъ доходовъ (75.000 рублей ежегодно) и объ освобожденіи города отъ содержанія крѣпостныхъ сооруженій и артиллеріи, что стоило ежегодно до 20.000 рублей. Кромѣ того комитетъ изготовилъ докладъ о состояніи рижскаго городского самоуправленія и о необходимыхъ реформахъ. То были незначительныя частичныя уступки, но и ихъ удалось осуществить только постепенно. Чрезъ 3 мѣсяца на докладъ комитета послѣдовала высочайшая резолюція, что записки, проекты и соображенія комитета будутъ приняты во вниманіе при дальнѣйшей законодательной разработкѣ этого вопроса, а пока—все осталось по-старому!

Слегка подновленный предыдущими реформами магистратъ продолжалъ властвовать. Недовольство гражданъ, однако, не улеглось. Когда

происходили выборы въ комиссію по урегулированію квартирнаго налога, снова была сдѣлана попытка устранить магистратъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ, что, однако, не удалось. Комитетъ образовался изъ представителей всѣхъ сословій, въ томъ числѣ магистрата. Въ этотъ комитетъ между прочимъ вошелъ ольдерманъ лигеровъ (грузчиковъ), латышъ Кальнингъ. Предсѣдателемъ былъ членъ магистрата Бульмерингъ, ярый защитникъ стараго строя, оставшійся на своемъ посту, несмотря на единодушные протесты сословій — губернаторъ утвердилъ его въ званіи предсѣдателя. Оппозиція создавала всевозможныя препятствія работамъ комиссіи, рѣшивъ использовать ее въ агитаціонныхъ цѣляхъ противъ магистрата; попутно были раскрыты многія важныя злоупотребленія и преступленія магистрата по управленію дѣлами города. Работы комиссіи закончились въ 1807 г. По ходатайству комиссіи городъ былъ освобожденъ отъ поставки топлива и освѣщенія на цитадель, флотскую команду и др. учрежденія, что нѣсколько сократило расходы квартирной кассы.

Въ общемъ, дѣятельность комитета по реформѣ городского самоуправленія дала слѣдующіе результаты: 1) состоялось объединеніе судебной, полицейской и распорядительной власти магистрата въ лицѣ 3 ратсгеровъ (Ratshern), непосредственно подчиненныхъ магистрату; 2) былъ возстановленъ т. н. словесный (устный) судъ и расширены его компетенція и власть въ предѣлахъ города и его окрестностей; 3) учрежденъ особый постоянный комитетъ для надзора за торговлею города; 4) для выборовъ (активныхъ и пассивныхъ) на городскія должности установленъ высокій имущественный цензъ; 5) сохранены всѣ ограниченія при пріемѣ въ каждую изъ трехъ гильдій; 6) латыши попрежнему остались лишенными правъ гражданства. Дальше реформа коснулась цехового быта: былъ разрѣшенъ пріемъ учениковъ свободнаго (не туземнаго) происхожденія безъ различія племени и вѣроисповѣданія, понижены расходы по пріобрѣтенію званія мастера, разрѣшено заниматься „свободными“ ремеслами, не приписываясь къ цеху, каждому „желающему снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ“, за исключеніемъ цеховыхъ учениковъ, подмастерьевъ, солдатъ и крѣпостныхъ людей. Въ такомъ видѣ „обновленный“ магистратъ просуществовалъ до 1845 г., когда былъ опубликованъ „Сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній остзейскихъ“.

Въ 1816 г. въ Ригѣ были учреждены биржевой комитетъ и биржевое общество. Биржевой комитетъ состоялъ изъ 15 лицъ, избиравшихся на 5 лѣтъ биржевымъ обществомъ. Въ составъ биржевого общества входили всѣ купцы и торговые люди. Члены магистрата могли участвовать въ составѣ биржевого о—ва, но не могли быть избираемы въ биржевой комитетъ. Биржевому о—ву было предоставлено: 1) дѣлать представленія объ устраненіи злоупотребленій, объ улучшеніи отдѣльныхъ отраслей торговли и мореплаванія, 2) покровительствовать и надзирать

за частными торговыми заведеніями, не подлежащими правительственному надзору.

Съ 1818 г. открылись работы комиссіи по составленію свода мѣстныхъ узаконеній при ближайшемъ участіи ландрата Самсона, но только въ 1830 г. былъ законченъ сводъ мѣстныхъ узаконеній о правахъ состоянія и въ 1831 г.—всѣ остальныя части свода: законы гражданскіе, уставы судопроизводства уголовнаго и гражданскаго и т. д. Послѣ того для провѣрки работъ комиссіи были образованы т. н. губернскіе комитеты изъ представителей дворянства, городовъ и правительственныхъ чиновниковъ. Туда и были переданы всѣ вновь разработанные законы; комитетомъ были сдѣланы кое-какія поправки, затѣмъ законы поступили въ ревизіонный комитетъ, послѣ чего уже началось постепенное опубликованіе ихъ.

Законы эти носили тотъ же палліативный характеръ, что и всѣ предыдущія „реформы" магистрата, и цѣлью ихъ было, — какъ откровенно высказалъ одному члену комиссіи видный участникъ и дѣятель ея, Сперанскій, — возможно лучше оградить права дворянъ-помѣщиковъ и вообще высшихъ сословій, сохранить старый порядокъ, или, вѣрнѣе, укрѣпить его новыми средствами. Но средства эти плохо дѣйствовали—жизнь шла своимъ чередомъ, вырывая уступку за уступкой у защитниковъ стараго строя.

Опубликованію свода мѣстныхъ узаконеній предшествовала ревизія городского устройства отдѣльныхъ городовъ, обнаружившая многіе крупные недостатки стараго порядка, которые реформисты тщетно пытались замазать своими жалкими палліативами. Ревизія города Риги обнаружила крайне небрежное веденіе городского хозяйства; долгъ города возросъ до 600.000 рублей, ежегодный дефицитъ достигалъ 50.000 рублей. Граждане обременялись весьма тягостными и непосильными налогами и податями. Сборъ за прописку въ т. н. обывательскую книгу достигалъ: съ купцовъ I гильдіи 80 руб., II—60, III—40 руб, съ мастеровъ—20 руб. Кромѣ того взимался еще промысловой налогъ съ купцовъ I гильдіи ежегодно—35 руб., II—17 р. 50 к., III—8 руб., съ капиталистовъ—17 р. 50 к., ученыхъ и литератовъ — 10 рублей, торговыхъ комиссіонеровъ 2-хъ разрядовъ—7 р. 50 и 3 р. 50 к., ремесленниковъ 1 и 2 разряда—5 и 3 р., мѣщанъ или, какъ ихъ тогда называли, лицъ мѣщанскаго оклада—2 рубля. Приписка къ мѣщанскому окладу обходилась не дешевле 100 руб.: единовременный сборъ—70 рублей, ежегодная подушная подать—по 9 рублей за взрослаго члена семьи, канцелярскіе расходы—4 р. 50 к. Званіе мастера обходилось не дешевле 300—600 рублей. Подушная подать въ Ригѣ въ 1841—48 гг. составляла для цеховыхъ—9 рублей, для мѣщанъ—9 руб., для т. н. вольныхъ людей—6 руб., для слугъ—3 р. 50 к. Съ 1840 г. рижскіе мѣщане и ремесленники, не приписанные ни къ одной изъ гильдій, платятъ подушную подать, отбываютъ рекрутскую повинность частью натурой, частью деньгами и отвѣчаютъ круговой порукой за своевременный и полный взносъ всѣхъ

причитающихся съ нихъ платежей. Они несутъ всѣ повинности и налоги, но совершенно устранены отъ участія въ раскладкѣ платежей. Законъ предоставляетъ имъ возможность заниматься извѣстнымъ ремесломъ—это необходимо для взысканія съ нихъ причитающихся платежей; за ними обезпечена свобода труда, профессіи, но они лишены всѣхъ правъ и привилегій, предоставленныхъ цехамъ—свободы собраній, права участія въ городскомъ самоуправленіи и т. д.

Въ томъ же родѣ шло развитіе городской жизни и въ Либавѣ. Подобно Ригѣ, Либава была основана тоже въ XIII ст. въ качествѣ торговой колоніи. Права города были предоставлены Либавѣ въ 1625 году курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ. Либава представляетъ собою чистый типъ торговаго города, съ чисто купеческимъ и ремесленнымъ населеніемъ, свободнымъ отъ всякихъ дворянскихъ традицій. Торговое значеніе города особо возросло въ началѣ XIX ст. Въ 1818—20 г. торговые обороты города ежегодно достигали 5—6.000.000 рублей. За границу было вывезено товаровъ въ 1818 году на сумму 1.100.000 рублей, въ 1831 году—на 1.400.000 руб. Предметы вывоза—разное сырье, хлѣбъ, лѣсные матеріалы и т. п. Вся почти внѣшняя торговля находилась въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ нѣмецкихъ фирмъ, составлявшихъ аристократію города. Внутренняя сухопутная торговля города была тоже довольно значительна. Либава вела торговлю съ сосѣднею Литвой, Лифляндіей и Курляндіей. Литовцы привозили въ городъ — по преимуществу зимой, когда устанавливался санный путь,—ленъ, пшеницу, льняное сѣмя, пеньку, курляндскіе латыши—рожь, ячмень, шерсть и т. д. Зимою дороги, прилегающія къ Либавѣ, имѣли очень оживленный видъ; торговые караваны тянулись въ городъ и обратно длинными вереницами; создался и особый классъ людей, занимавшихся извозомъ, по преимуществу, изъ крестьянъ-бобылей. Къ тому же времени относится расцвѣтъ корчемъ—постоялыхъ дворовъ съ продажею крѣпкихъ напитковъ. Корчемъ по всей губерніи насчитывалось до 1400 и были онѣ расположены по всѣмъ большимъ дорогамъ на разстояніи 3—9 верстъ одна отъ другой. Принадлежали онѣ помѣщикамъ, которые сдавали ихъ въ аренду за высокую плату; однако, несмотря на это, арендаторы-корчмари тоже получали значительный доходъ. Либава славилась еще своими судостроительными верфями; суда мѣстныхъ купцовъ—21—были выстроены на либавскихъ же верфяхъ. Кромѣ того либавскіе судостроительные мастера получали заказы даже изъ-за границы. Число либавскихъ жителей достигало 6000 и сословно-классовая группировка ихъ была та же, что и въ Ригѣ, съ тою только разницею, что здѣсь высшее сословіе составляли богатѣйшіе купцы, въ рукахъ которыхъ и находился магистратъ. Самую незначительную группу населенія составляли туземцы-латыши.

Типичнымъ дворянскимъ гнѣздомъ, столицею земельной аристократіи Курляндіи былъ городъ Ми-

тава, бывшая резиденція Курляндскаго герцогства. Здѣсь сосредоточивалось административное управленіе губерніи, всѣ губернскія присутственныя мѣста. Здѣсь же засѣдалъ дворянскій ландтагъ и находился центръ дворянскаго самоуправленія. Торговое значеніе города было весьма незначительно.

Что касается развитія другихъ небольшихъ городовъ края, то оно представляетъ собою мало любопытнаго. То были, по преимуществу, административные центры со слабо развитою торговлей, съ населеніемъ въ 500—2000 человѣкъ и значительной роли въ хозяйственной жизни края они никогда не играли. Населеніе ихъ состояло въ Лифляндіи, по преимуществу, изъ нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, а въ Курляндіи—изъ евреевъ. Въ первой половинѣ XIX ст. латыши и эсты повсюду составляли меньшинство городского населенія края. Въ небольшихъ городахъ были двѣ гильдіи: 1) большая, купеческая, и 2) малая, ремесленная. Дѣлами города управлялъ магистратъ, состоявшій изъ 8—10 членовъ. Школьнымъ дѣломъ завѣдывала консисторія, состоявшая изъ священниковъ и ратсгеровъ. Уѣздный физикъ (врачъ) вѣдалъ дѣломъ народнаго здравія.

Съ сороковыхъ годовъ въ Прибалтійскомъ краѣ наблюдается нѣкоторый упадокъ торговли; это произошло благодаря введенію новой таможенной системы, сильно стѣснившей внѣшнюю торговлю. Особенно пострадала торговля Либавы, гдѣ торговые обороты съ 1840 г. до 1860 г. упали съ 5.000.000 рублей до 500.000. Либава, согласно новой классификаціи, была отнесена къ III разряду таможенъ, черезъ которыя ввозъ многихъ заграничныхъ произведеній былъ вовсе воспрещенъ, Рига же—ко II разряду, благодаря чему ея торговля пострадала не столь сильно.

Въ 1840—60 гг. развитіе внутренней и внѣшней торговли породило классъ рабочихъ, занятыхъ разгрузкой и нагрузкой товаровъ; увеличилось также число внѣцеховыхъ ремесленниковъ и торговцевъ, возрастало и число обывателей-туземцевъ и мало-по-малу назрѣвалъ тотъ крупный экономическій переворотъ, который въ 64—76 гг. окончательно измѣнилъ картину городской жизни во всемъ краѣ.

Въ Лифляндской губерніи въ 1861 г. городского населенія насчитывалось всего 108.703 ч., изъ нихъ купцовъ всѣхъ 3-хъ гильдій до 1.500 ч., мѣщанъ—19.780 ч., цеховыхъ—16.017 ч., лицъ рабочаго сословія 31.319 чел. обоего пола. Населеніе Риги достигало 75.000 ч., Пернова—7.000 ч., Юрьева—15.000 ч. Всѣхъ фабрикъ въ Ригѣ и окрестностяхъ насчитывалось 118, вырабатывавшихъ ежегодно разныхъ товаровъ на сумму 6.000.000 рублей. Въ 1860 г. въ Ригѣ числилось 146 разныхъ цеховъ, 1.745 цеховыхъ мастеровъ, 3.416 подмастерьевъ, 2.389 учениковъ; мѣщанъ считалось 23.211 чел. обоего пола; то были, по преимуществу, русскіе, евреи и онѣмечившіеся туземцы. Въ томъ же году въ Ригѣ было объявлено 1.089 капиталовъ на 3.855.600 руб.; ежегодное обращеніе векселей, государственныхъ и другихъ бумагъ

на рижской биржѣ) достигало 150.000.000 рублей.

Однимъ изъ наиболѣе развитыхъ промысловъ въ краѣ было винокуреніе, находившееся, по преимуществу, въ рукахъ помѣщиковъ. Еще въ 1842 г. въ одной лишь Лифляндіи существовало около 600 винокуренныхъ заводовъ, производившихъ ежегодно вина на сумму 1.400.000 р.; въ 1860 г. число ихъ уменьшилось до 502 и производство упало до 850.000 р. Почти всѣ они принадлежали помѣщикамъ; сократилась численность именно помѣщичьихъ винокуренныхъ заводовъ, и объясняется это сокращеніе конкуренціей большихъ городскихъ заводовъ, гдѣ примѣнялись новѣйшія техническія усовершенствованія и большой капиталъ. Пивоваренныхъ заводовъ было въ губерніи въ 1861 году 472, изъ нихъ около 400 находились въ уѣздахъ и принадлежали помѣщикамъ, и лишь не болѣе 72 были разсѣяны по городамъ, составляя собственность купцовъ и гражданъ. Эти заводы производили ежегодно пива почти на 500.000 р. или до 7.000.000 бутылокъ. Важную доходную статью для помѣщиковъ составляли также корчмы и мельницы; первыхъ въ Лифляндіи насчитывалось 3,868, въ Курляндіи до 1.500; мельницъ считалось въ Лифляндіи—1670, на нихъ было смолото въ 1860 г. разнаго хлѣба на 155.000 руб. Помѣщикамъ же принадлежали и всѣ известковые заводы, которыхъ насчитывалось въ губерніи 168, дегтярные заводы (58) и угольныя ямы (65), а также каменоломни и кирпичные заводы (234). Всѣхъ заводовъ и фабрикъ въ Лифляндской губерніи считалось 1540 и изъ нихъ почти $^3/_4$ (1.142) принадлежали помѣщикамъ-баронамъ. Заводы и фабрики производили почти исключительно для мѣстнаго потребленія; лишь часть фабрикатовъ сбывалась въ Литву, Волынь и внутреннія губерніи. На всѣхъ этихъ заводахъ и фабрикахъ было занято 17.031 рабочихъ (на заводахъ 5.987, мельницахъ—2.212, фабрикахъ—8.592); въ городахъ насчитывалось заводскихъ рабочихъ 729, фабричныхъ—3.699; въ уѣздахъ—5.288 заводскихъ и 4.823 фабричныхъ. На помѣщичьихъ заводахъ были заняты крѣпостные, вслѣдствіе чего уровень заработной платы былъ тамъ крайне низкій. Низшій заработокъ составлялъ въ это время 8 руб. въ мѣсяцъ, высшій заработокъ фабричнаго рабочаго въ 60-хъ гг. достигалъ 40 руб. въ мѣсяцъ (на зеркальныхъ фабрикахъ Перновскаго и Феллинскаго уѣздовъ), средняя заработная плата равнялась 20 руб. въ мѣсяцъ. Стоимость всѣхъ фабрично-заводскихъ произведеній въ 1860 г. достигала 8.500.000 руб., изъ нихъ на городскія фабрики и заводы приходилось 4.300.000 руб., на уѣздныя (помѣщичьи по преимуществу) фабрики и заводы — 4.200.000 руб. О ростѣ фабрично-заводской промышленности даетъ представленіе слѣдующая табличка стоимости фабрично-заводскихъ произведеній въ разные годы:

1854 г.	5.293.613	руб.
1855 „	4.847.225	руб. *)
1856 „	6.130.224	„
1857 „	6.956.100	„

*) Крымская война, блокада рижскаго порта.

1858 г. . . . . 6.773.555 руб.
1859 „ . . . . 7.665.731 „
1860 „ . . . . 8.569.768 „

За границу свои произведенія сбываютъ всего 5 рижскихъ фабрикъ и заводовъ, 2 маслобойни, 2 лѣсопильныхъ завода и пробочный заводъ. Въ большинствѣ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ работало отъ 30—50 чел., на заводахъ—отъ 2—4.

Центромъ торговли и промышленности, являлась Рига. По Западной Двинѣ и ея судоходнымъ притокамъ ежегодно направлялось въ Ригу громадное количество судовъ, струговъ, плотовъ, лодокъ. Предметами привоза были: табакъ—съ нижегородской ярмарки и съ юга, мѣдь, свинецъ, олово, желѣзо—изъ Петербурга, льняное сѣмя—изъ Эстляндіи, изъ балтійскихъ же губерній—шерсть, сало, масло, известь, гипсъ, лѣсъ и т. д.

Какимъ усиленнымъ темпомъ шло развитіе внутренней торговли края, можно заключить изъ слѣдующаго сопоставленія данныхъ о количествѣ и стоимости доставленныхъ по Двинѣ и другимъ рѣкамъ грузовъ и о числѣ занятыхъ при этомъ рабочихъ*) за 1851—1860 года (см. табл.).

По внѣшней торговлѣ Рига тоже занимаетъ первое мѣсто. Предметы ввоза: табакъ—изъ Америки, сахаръ-сырецъ—оттуда же, глина—изъ Голландіи, литая сталь, олово, хлопокъ, шерсть—изъ Англіи. Предметы вывоза—мѣстное сырье, среди котораго первое мѣсто занимаетъ

ГОДЫ.	Число			Стоимость грузовъ въ тысяч. рубл.
	струговъ *)	плотовъ	рабочихъ	
1851	6.518	1.451	13.626	6.795
1852	6.371	6.514	15.057	7.328
1853	8.263	4.540	43.698	6.609
1854	5.666	3.203	38.833	5.705
1855 **)	6.514	1.509	32.782	3.819
1856	11.690	2.163	67.059	8.188
1857	11.153	3.154	51.483	7.442
1858	12.068	3.612	60.972	7.622
1859	12.122	4.522	67.893	7.751
1860	11.900	5.369	67.075	6.934

ленъ—38% всего вывоза, затѣмъ пенька (20%), льняное сѣмя ($14^1/_2$%) и рожь. За десятилѣтіе 1851—60 гг. стоимость вывоза удвоилась и съ $15^1/_2$ милл. руб. въ 1851 г. достигла въ 1860 г. слишкомъ 29 милліон., импортъ, однако, оставался на одномъ и томъ же уровнѣ: 5,2—5,7 мил. руб.

Городское населеніе Курляндской губерніи составляло въ цѣломъ въ 1862 г. 62.049 ч., населеніе Митавы—22.479 ч., Либавы—9.781 ч., Гольдингена—5.085 ч. и т. д. Купцовъ всѣхъ гильдій съ семьями насчитывалось 4.817 ч., мѣщанскаго званія—46.934 ч., цеховыхъ—19,792, городскихъ рабочихъ—18.306 чел.

Что касается національнаго состава городского населенія, то въ первой половинѣ XIX ст. оно почти

*) То были почти исключительно крестьяне-бобыли и полу-хозяева, занимавшіеся сплавомъ лѣса и плотовъ въ качествѣ подсобнаго промысла.

*) Стругъ—большая лодка стоимостью въ 250—600 руб.

**) Причина сокращенія торговли — война.

сплошь состояло изъ нѣмцевъ. Въ городахъ края не замѣчается того любопытнаго явленія, которое мы наблюдаемъ въ деревнѣ: совпаденія національныхъ различій съ классовыми. Правда, латышская часть городского населенія принадлежитъ къ паріямъ—обывателямъ, слугамъ, рабочимъ. Но зато въ 60 гг. уже встрѣчается немало онѣмечившихся латышей во всѣхъ городахъ края. Лишь послѣ реформъ 1864—80 гг. положеніе вещей рѣзко измѣняется. Латыши массами хлынули въ города, образовали здѣсь многочисленное сословіе мелкой городской буржуазіи и повели упорный походъ противъ старыхъ сословій, принадлежавшихъ къ нѣмецкой національности. Началась жестокая классовая борьба подъ флагомъ національизма. То была эпоха „возрожденія“ латышской народности, какъ ее опредѣляютъ идеологи латышскаго національизма и буржуазіи. Этотъ интересный періодъ мы разсмотримъ въ слѣдующемъ очеркѣ по исторіи Прибалтійскаго края.

ГЛАВА VIII.

Расколъ въ первой половинѣ XIX в.

(Н. М. Никольскаго.)

1. Начало раскола. Не разъ выражалось удивленіе, что такое крупное явленіе русской жизни, какъ расколъ, произошло отъ такой малозначительной причины, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ при Никонѣ. Привыкли видѣть и думать, что религіозное разслоеніе можетъ быть и бываетъ только въ томъ случаѣ глубокимъ и рѣзкимъ, когда спорные вопросы касаются содержанія вѣроученія или церковной организаціи, но не той или другой орѳографіи требниковъ или внѣшнихъ обрядностей богослуженія, легко измѣняющихся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и обычаевъ. И историкъ общества, обращаясь къ началу раскола, сразу чувствуетъ, что спорные пункты объ Іисусѣ — Ісусѣ, троеперстіи — двуеперстіи, тройной—сугубой аллилуіи, четвероконечномъ—осьмиконечномъ крестѣ, пяти—семи просфорахъ, крестныхъ ходахъ противъ солнца — посолонь и т. д., были только поводами къ войнѣ, а глубокія причины раздора надо искать въ другомъ мѣстѣ. Если раскольники, исходя изъ указанныхъ обрядовыхъ разногласій, заявляли, что ученіе никоніанской церкви душевредное, еретическое (не отрицая при этомъ *ни одного* догмата этого ученія), что ея службы—не службы, что ея таинства—не таинства, ея пастыри—волки, что ея духовный чинъ—лживый пророкъ, предсказанный Апокалипсисомъ, что поддерживающій ее царь — антихристъ,—мы въ правѣ сказать, что или дѣло идетъ о недоразумѣніи

между двумя случайно поссорившимися друзьями, либо то, что высказывается въявь, лишь въ малой степени соотвѣтствуетъ внутреннему существу дѣла. И если гипнозу указанныхъ обрядовыхъ споровъ поддались многочисленные профессіональные „обличители" раскола и даже нѣкоторые ученые историки Россіи, то историкъ общества не можетъ слѣдовать за ними. Онъ обратитъ главное вниманіе на соціально-политическую сторону раскола и попытается съ этой точки зрѣнія освѣтить этотъ запутанный вопросъ. Но чтобы понять явленія жизни раскола въ XIX вѣкѣ, необходимо помнить, что они суть послѣднія, пока, звенья долгаго процесса, начавшагося во второй половинѣ XVII вѣка. Отсюда слѣдуетъ, что прежде всего надо бросить бѣглый взглядъ на начало раскола.

Эпоха первыхъ Романовыхъ была печальной эпохой безконтрольнаго и почти неограниченнаго властвованія помѣстнаго дворянства. Первый классъ, на который прежде всего ложилось тяжкимъ бременемъ хозяйничанье дворянъ, было крестьянство, которое какъ разъ къ половинѣ XVII вѣка окончательно и надолго прикрѣпилось къ землѣ. Съ другой стороны, посадскіе люди, т.-е., по преимуществу, городское купечество, еще только нарождавшееся и еще не накопившее капиталовъ, было дойной коровой для дворянскаго правительства. Вмѣстѣ съ крестьянами посадскіе были тяглыми людьми; на ихъ плечи всею тяжестью валились запросные (экстренные) сборы, съ нихъ наживались дворянскіе воеводы и приказные. Положеніе усложнялось цѣлымъ рядомъ народныхъ бѣдствій, имѣвшихъ мѣсто какъ разъ въ 50-хъ годахъ XVII вѣка: неурожай слѣдовалъ за неурожаемъ, а въ довершеніе всего въ 1656 г. прошла моровая язва. Переживъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ революцію, выдвинувшую дворянство, Московское государство было наканунѣ новой революціи, на этотъ разъ, по преимуществу, крестьянской. И она прошла во второй половинѣ XVII вѣка, одѣвшись въ обычную оболочку всѣхъ крестьянскихъ революціонныхъ выступленій: стихійнаго безпорядочнаго бунта и религіознаго движенія, объявлявшаго существующую церковь и государство антихристовыми и ожидавшаго конца свѣта. Исправленіе старыхъ богослужебныхъ обрядовъ и книгъ, по которымъ испоконъ вѣковъ спасались дѣды, прадѣды и многочисленные угодники, для крестьянъ и отчасти посадскихъ людей было только свидѣтельствомъ въ пользу того, что забывшіе божію правду цари и патріархи, одобрившіе всѣ тяжкія для крестьянъ реформы послѣ 1613 года, забыли и вѣру, надругаются надъ старымъ святымъ укладомъ религіозной жизни. Пришли послѣднія времена; вотъ и комета на небѣ, а вотъ и солнечное затменіе. И началось стихійное, малопонятное съ перваго взгляда, мрачное и полное отчаянія раскольничье движеніе. Оно выдвинуло своихъ героевъ-мучениковъ, оно ознаменовалось пріостановкой съ 1668 г. всякихъ полевыхъ работъ, безумной эпидеміей самосожигательствъ; правительство показало всю силу своей власти,

народъ—всю силу своей ненависти и терпѣнія. Расколъ смѣшался съ бунтами; съ одной стороны онъ былъ глубоко реакціоненъ, поскольку онъ боролся съ неизбѣжнымъ ходомъ соціальнаго развитія и прикрывался флагомъ церковной старины; съ другой стороны онъ былъ прогрессивенъ, поскольку онъ въ противовѣсъ союзу крѣпостническаго государства съ патріаршеской церковью выставлялъ начало народнаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, всегда ослабляющаго эксплоататорскую силу правящаго класса, когда послѣдній подчинитъ себѣ церковную организацію.

Синодики первыхъ раскольничьихъ движеній подтверждаютъ правильность вышеприведеннаго взгляда. Раскольники—это или крестьяне, или казаки, т.-е. тѣ же крестьяне, только бѣглые, или стрѣльцы (тоже изъ крестьянъ), или сельскіе попы, всегда идущіе вмѣстѣ съ крестьянствомъ; замѣчается значительный процентъ посадскихъ людей, но почти нѣтъ ни одного дворянина. Напротивъ, дворянское правительство отвѣтило указомъ 1685 г. (царевны Софьи), установившимъ за преступленія, связанныя съ расколомъ, сожженіе, смертную казнь, батоги и ссылку. Расколъ отвѣтилъ на это двоякимъ образомъ. Съ одной стороны онъ поднялъ активное движеніе: въ 1686 г. съ Дона пошла толпа раскольниковъ, увеличивавшаяся повсюду приставшими крестьянами, на Москву бояръ и патріарха; но до Москвы она не дошла, разбившись на партизанскія дѣйствія по Волгѣ (осада Чернаго Яра) и въ Тамбовской области (захватъ Тамбова и Козлова). Съ другой стороны, раскольники массами бѣжали въ сѣверные лѣса и на сѣверное поморье, и за границу. Эти бѣглецы положили начало цѣлому ряду раскольничьихъ общинъ, наиболѣе крупными изъ которыхъ были слѣдующія: 1) въ *Поморьѣ,* между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, у озера и рѣки *Выгъ;* 2) по р. *Керженцу,* въ нижегородскихъ лѣсахъ и болотахъ, гдѣ былъ образованъ цѣлый рядъ скитовъ; 3) въ Стародубскихъ лѣсахъ, откуда раскольники скоро перешли на островъ *Вѣтку,* на р. Сожѣ. Прочія поселенія въ Россіи (на Дону и въ др. мѣстахъ) были незначительны, болѣе значительны были поселенія за границей, въ особенности въ Австріи, Румыніи и Турціи. Въ теченіе XVIII вѣка идетъ разслоеніе раскольничьей массы на различные соціальные элементы и сообразно съ этимъ образуется цѣлый рядъ раскольничьихъ толковъ. Всѣ они сгруппировываются вокругъ двухъ главныхъ направленій раскола: *поповщины и безпоповщины.*

2. Поповщина. Расколъ перестаетъ быть стихійнымъ аморфнымъ движеніемъ, когда въ 1702 году не оправдалось предсказаніе о концѣ свѣта, который былъ пріуроченъ къ этому году, послѣ того какъ не сбылось первое предсказаніе (Аввакума), ожидавшее конца свѣта въ 1669 г. Считавшійся антихристомъ Петръ не только не преслѣдовалъ раскольниковъ, но воспользовался ими, какъ удобнымъ объектомъ фиска, которому слѣдовало покровительствовать. Указомъ 1706 года раскольникамъ на Выгѣ и въ Стародубьѣ

было предоставлено право свободнаго богослуженія и внутренняго самоуправленія, а въ 1714 г. въ возмѣщеніе за это раскольники указомъ обязаны были записываться въ двойной подушный окладъ. Началась мирная жизнь, періодъ мученичества кончился. И сейчасъ же сказались внутреннія противорѣчія и различія раскольничьей среды.

Мы видѣли, что кадры раскола пополнялись, главнымъ образомъ, крестьянами и затѣмъ, въ извѣстномъ процентѣ, посадскими людьми. Уже это обстоятельство оказало могущественное вліяніе на дальнѣйшую дифференціацію раскольничьей массы. Элементъ посадскаго купечества въ расколѣ былъ немногочисленъ; но на его сторонѣ было то крупное преимущество, что купецъ могъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, остаться въ метрополіи, скрываясь, „еле можаху", но все-таки живя въ родной странѣ, въ привычныхъ условіяхъ. Крестьянинъ же, наоборотъ, волей-неволей долженъ былъ бѣжать: за нимъ охотилось не только правительство, но и его помѣщикъ. Это различіе соціальнаго положенія немедленно отразилось и на религіозныхъ воззрѣніяхъ. Купецъ не склоненъ былъ, конечно, поступиться „святою" стариною, но не былъ расположенъ къ нетерпимости и эсхатологіи, которыя сулили его карману одинъ убытокъ. Крестьянинъ, напротивъ, убѣгая на сѣверъ, на Донъ, или на востокъ, отряхалъ со своихъ ногъ прахъ своей родины, становился бывшимъ человѣкомъ, для котораго московское, а вслѣдъ затѣмъ и петербургское правительство было Левіаѳаномъ, чудовищнымъ дракономъ Апокалипсиса, грозящимъ пожрать его безъ остатка. Крестьянинъ, съ другой стороны, считалъ такимъ же враждебнымъ себѣ элементомъ и тотъ экономическій порядокъ, который, какъ желѣзными гирями, привязывалъ его къ помѣщичьей землѣ, а затѣмъ грозилъ привязать и къ самому помѣщику. Поэтому, крестьяне съ одной стороны должны были выработать новый экономическій укладъ существованія, изгонявшій понятіе частной собственности, а съ другой стороны и въ религіозномъ отношеніи имѣли тенденцію развивать начала непримиримости къ господствующей церкви и отвергать всю ее цѣликомъ. За новымъ соціально-экономическимъ творчествомъ неминуемо и неизбѣжно слѣдовало творчество новыхъ религіозныхъ идей и формъ.

Тамъ, гдѣ образовались чисто-крестьянскія общества, и гдѣ мѣстныя условія не благопріятствовали быстрому хозяйственному развитію и классовой дифференціаціи, всѣ указанныя условія проявились въ полной мѣрѣ; тамъ создались очаги *безпоповщины*, явленія, какъ мы увидимъ ниже, коммунистическо-эсхатологическаго характера. Но тамъ, гдѣ образовались общины смѣшанныя и гдѣ, въ особенности, условія благопріятствовали быстрому росту денежно-хозяйственныхъ отношеній, гдѣ проявились характерныя явленія первоначальнаго капиталистическаго накопленія,—тамъ создались очаги *поповщины*, церковной организаціи, въ которой клерикальныя тенденціи поддерживались развивались и бы-

ли доведены до естественнаго завершенія господствующимъ классомъ—торговыхъ капиталистовъ и отчасти фабрикантовъ, вышедшихъ изъ лона посадскихъ людей.

Какъ и всякая церковная организація, организація поповщины стала лишь орудіемъ эксплоатаціи въ рукахъ этого владѣющаго класса. Исторія поповщины и займетъ прежде всего наше вниманіе, такъ какъ безпоповщину, въ виду указаннаго ея характера, удобнѣе всего разсматривать въ связи съ сектантскими движеніями.

Смѣшанныя раскольничьи поселенія, ставшія разсадникомъ поповщины, — это вѣтковскія поселенія. Первоначально, вѣтковскіе раскольники жили въ Стародубьѣ; ядро стародубскихъ поселенцевъ составили 12 купеческихъ семействъ изъ Москвы подъ руководствомъ московскаго же попа Кузьмы отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Это первоначальное ядро обросло пришельцами, купцами и крестьянами изъ другихъ мѣстностей, образовавшими четыре слободы. Но когда послѣ смерти Петра I отношеніе къ стародубцамъ правительства измѣнилось, они, по приглашенію владѣльца Вѣтки, польскаго пана Халецкаго, заняли этотъ пустынный до тѣхъ поръ островъ на р. Сожѣ и стали прекрасными его колонистами, обратили его въ цвѣтущій край. Только небольшая часть раскольниковъ, по преимуществу крестьяне, остались въ стародубскихъ лѣсахъ и образовали чисто крестьянскія поселенія, бывшія, однако, подъ сильнымъ экономическимъ и идейнымъ вліяніемъ сосѣдней Вѣтки.

Вѣтковскія поселенія быстро разраслись въ богатыя торговыя слободы, управлявшіяся выборными людьми; въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ населеніе этихъ 14 слободъ достигло солидной цифры 40.000 человѣкъ; они вели бойкую торговлю съ сосѣдними пристанями и областями и поддерживали постоянныя и торговыя и, такъ сказать, партійныя сношенія со старообрядцами, оставшимися въ метрополіи. Посредниками этихъ сношеній были, кромѣ купцовъ, еще ушедшіе и уходившіе въ расколъ попы и монахи. Когда послѣ двухъ „выгонокъ“ (при Аннѣ Ивановнѣ въ 1735 г. и при Екатеринѣ въ 1764 г.), вѣтковцы принуждены были выселиться въ сосѣднее Стародубье, они перемѣнили только мѣсто, но не образъ жизни. Въ Стародубьѣ они основали также рядъ торговыхъ слободъ, часть которыхъ еще при Екатеринѣ II была превращена въ уѣздные города, и подчинили руководству своихъ поповъ старинныхъ лѣсныхъ старообрядцевъ Стародубья, которые до тѣхъ поръ жили безъ поповъ, безъ богослуженія и безъ таинствъ. Въ Клинцахъ переселенцы съ Вѣтки завели суконныя мануфактуры и правильныя сношенія съ Москвой и Петербургомъ; къ концу XVIII в. въ ихъ рукахъ скопились значительные капиталы; изъ другихъ раскольничьихъ поселеній выдвинулся Гомель, который уже въ 30-хъ годахъ XVIII в. былъ богатымъ городомъ.

Другой центръ поповщины, правда, недолго былъ въ Керженскихъ лѣсахъ. Туда бѣжали не одни крестьяне, но цѣлый рядъ монаховъ и

поповъ. Послѣдніе основали тамъ 77 скитовъ, которые и были первоначально іерархическимъ источникомъ и ученой академіей поповщины. Выходцевъ оттуда съ распростертыми объятіями принимали посадскіе старообрядцы въ метрополіи, которые не могли жить безъ законнаго брака, законной семьи и филистерскаго благочестія, но не могли обращаться къ еретическимъ никоніанскимъ попамъ; керженцы были нужны и для вѣтковцевъ и позднѣйшихъ стародубцевъ, которые хотѣли и могли безпрепятственно и открыто отправлять культъ. Керженскій выходецъ, попъ Ѳеодосій завелъ впервые правильное богослуженіе на Вѣткѣ, построивъ и освятивъ тамъ церковь. Монахи и бѣглые попы съ самаго начала были, такимъ образомъ, неотъемлемой частью поповщины. Эксплоатирующая сила капитала всегда соединяется съ гипнотизирующей силой алтаря.

Керженецъ удержалъ свое господствующее положеніе недолго. Съ 1763 года въ Саратовскомъ краѣ основываются монастыри по р. Иргизу, основываются раскольниками, вернувшимися изъ-за границы по приглашенію Екатерины II. Эти монастыри и становятся іерархическимъ центромъ поповщины на мѣсто Керженца. Такое перемѣщеніе центра объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что съ одной стороны Керженецъ былъ захолустьемъ, трущобой, въ которую крайне трудно было пробраться, а на Иргизъ вела такая широкая дорога, какъ Волга, съ другой стороны тѣмъ, что бѣдные скиты Керженца не могли конкурировать съ иргизскими монастырями, на основаніе которыхъ богатое старообрядческое купечество затратило огромные капиталы, (напр. сынъ московскаго купца Юршевъ, или саратовскій купецъ Калмыковъ и его сынъ Прохоръ). Но Иргизъ сталъ не только іерархическимъ центромъ, какъ Керженецъ. Иргизскіе монастыри стали центрами, вокругъ которыхъ скопилось весьма многочисленное смѣшанное населеніе, правда, съ преобладаніемъ земледѣльческаго и охотничьяго элемента. Однако, кромѣ послѣдняго около монастырей селились, въ качествѣ или подъ видомъ раскольниковъ, всѣ, кого такъ или иначе гналъ законъ: бѣглые солдаты, попы, скрывавшіеся купцы и т. д. Принадлежность къ расколу стала своего рода иммунитетомъ, монастыри получили какъ бы право убѣжища. Поселенцы образовали рядъ слободъ по Иргизу (Криволучье, Балоково, Каменку, Мечетное, теперь Николаевскъ), нынѣ превратившихся въ города или посады городского типа. Ростъ монастырей на Иргизѣ завершился укрѣпленіемъ за ними въ собственность болѣе 12.500 дес. земли съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, по указамъ Александра I 1801 и 1804 гг. Незадолго до этого, въ 1783 г. раскольничій соборъ поповцевъ подтвердилъ преобладаніе Иргиза надъ Керженцемъ, постановивъ не принимать поповъ ни откуда, кромѣ иргизскихъ монастырей.

Наконецъ, рядомъ съ указанными центрами, въ метрополіи, почти въ каждомъ мало-мальски крупномъ городѣ, существовали старообряд-

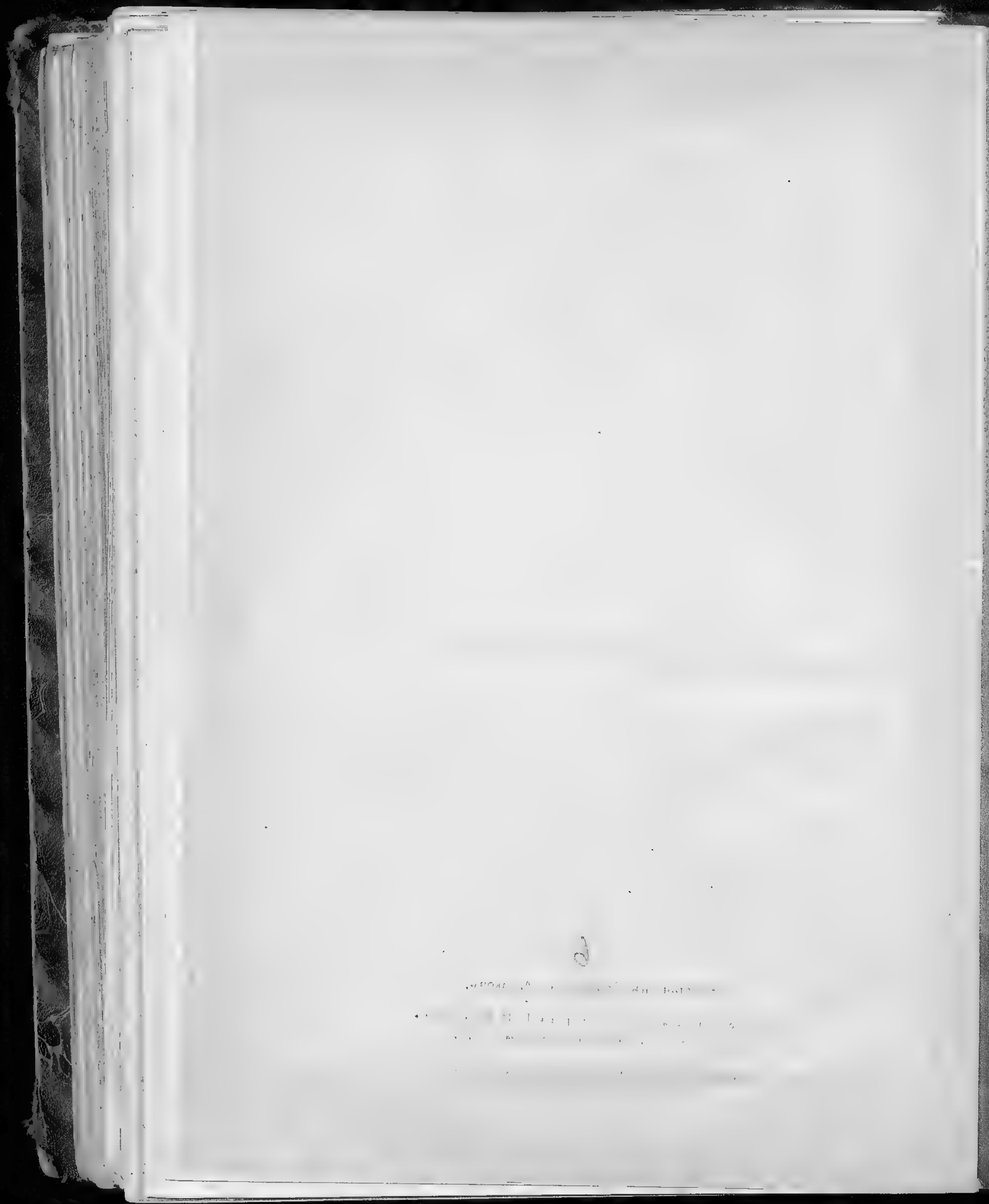
6

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи В. М. [illegible]

[illegible] при Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

ческія поповщинскія группы. Эти группы образовались отчасти изъ прежнихъ тайныхъ старообрядцевъ, а главнымъ образомъ изъ вернувшихся послѣ указовъ 1762, 1764, 1765 гг. заграничныхъ старообрядцевъ. Екатерина предоставила имъ записываться или въ крестьяне, или въ купечество, но, кромѣ иргизцевъ, прочіе переселенцы предпочитали селиться въ городахъ, записываясь въ купечество.

Въ городскихъ группахъ тонъ задавали купцы, а массу составляли въ болѣе мелкихъ городахъ представители мелкой буржуазіи: ремесленники, мелкіе торговцы и др. Съ 1771 г. московская группа сразу выдвигается на первое мѣсто и вскорѣ становится въ одинъ рядъ со старинными центрами старообрядчества. Въ этомъ случаѣ москвичамъ помогла чума. Испросивъ у властей разрѣшеніе открыть и содержать на средства группы московскихъ старообрядцевъ за Рогожской заставой чумный карантинъ и кладбище, старообрядцы устроили тамъ часовню и создали организацію, имѣвшую офиціальное право на существованіе подъ флагомъ благотворенія. Съ этого времени московская община очень быстро подбираетъ къ рукамъ руководство дѣлами поповщины. Въ ея рукахъ къ началу XIX вѣка оказывается всемогущая сила милліонныхъ капиталовъ, которая заставила передъ собой склониться и Стародубье и Иргизъ, не говоря уже о множествѣ остальныхъ группъ, разбросанныхъ по всей Россіи.

Всѣ эти центры и группы поповщины, образовавшіеся къ концу XVIII в., совершенно опредѣленно вскрываютъ намъ соціально-экономическую основу поповщины. Это чисто буржуазная организація, и какъ таковая, она притянула къ себѣ цѣлый рядъ зависимыхъ элементовъ: мелкую буржуазію въ городахъ и крестьянство на Иргизѣ и въ Стародубьѣ. Описанная соціально-экономическая основа опредѣлила собою и всю исторію поповщины, какъ опредѣленной религіозной организаціи. Исторія поповщины есть не что иное, какъ исторія организаціи старообрядческой церкви, существовавшей и существующей до сихъ поръ рядомъ съ господствующей церковью. Въ дальнѣйшемъ выяснится характеръ ихъ взаимоотношеній; въ настоящемъ же очеркѣ главнымъ образомъ насъ будетъ интересовать исторія возникновенія и организаціи старообрядческой церкви.

Въ эпоху начала раскола посадское населеніе было еще, такъ сказать, въ младенческомъ возрастѣ. Оно еще не было богато деньгами, но и тѣ, которыя у него были, выкачивались московскимъ дворянскимъ правительствомъ. Но посадскіе люди, покорно подставляя шею подъ ярмо тягла, уже чувствовали безсознательно, что ихъ будущее не таково, чтобы быть вѣчно безропотной тяглой скотиной. Уходъ въ расколъ для нихъ былъ своеобразнымъ выраженіемъ протеста. Они съ удовольствіемъ слушали ученыя выкладки поповъ о времени пришествія антихриста и толкованія этого явленія въ примѣненіи къ Никону и царю; богъ, какъ революціонная сила, имъ ничего не стоилъ, и они охотно полагались на его дѣятель-

ность. Но ожиданія оказались обманутыми и отъ эсхатологическихъ мечтаній пришлось перейти къ живой дѣйствительности. Было три пути: примириться съ господствующей церковью, признавъ все бывшее печальнымъ недоразумѣніемъ и измѣнивъ тактику въ сторону „реальной" политики, остаться безъ церкви или создать свою организацію.

Первый путь былъ простъ, но улыбался мало. Господствующая церковь, съ реформированными обрядами, съ гнетущей властью царя и патріарха, а со времени Петра — одного царя и его синодскихъ епископовъ и чиновниковъ, казалась имъ богопротивнымъ учрежденіемъ, связывающимъ всякую свободную инициативу, всегда готовымъ защищать интересы крѣпостническаго государства. Остаться безъ церкви они не хотѣли — это значило внести разстройство въ весь житейскій укладъ, такъ какъ идея гражданскаго брака тогда еще не могла возникнуть, а простое сожительство, безъ признаваемаго государствомъ церковнаго брака, грозило разрушить всѣ имущественныя и торговыя дѣла. Посадское старообрядчество не могло и думать о такомъ ужасномъ исходѣ. И оно усиленно занялось вопросами церковнаго устройства, которые не замедлили стать на очередь. Пятьдесятъ лѣтъ спустя вымерло поколѣніе поповъ, крещенныхъ до Никона, и передъ старообрядствомъ сталъ грозный вопросъ: откуда достать священство? Безъ священства нѣтъ таинствъ, но самого священства нѣтъ безъ епископа; а единственный оставшійся вѣрнымъ расколу епископъ, Павелъ Коломенскій, умеръ, не догадавшись посвятить на свое мѣсто преемника. Началась долгая борьба мнѣній по вопросу о священствѣ. Поповцы давно оставили мысли о кончинѣ міра, о государствѣ и церкви въ роли антихристовыхъ слугъ; каково бы ни было государство, оно все-таки было имъ необходимо; пусть синодальная церковь еретическая, на землѣ все-таки есть церковь, которая, по слову божію, будетъ существовать до скончанія вѣка. Эта послѣдняя и есть старообрядческая церковь, послѣ того какъ солнце православія, при Никонѣ, зашло въ Москвѣ. Вопросъ не сразу, но все-таки разрѣшился до извѣстной степени. Съ одной стороны, началось исканіе епископовъ. Стали ходить легенды о томъ, что гдѣ-то за моремъ, въ „опоньской", или какой другой странѣ, есть истинная церковь и истинная іерархія; но поиски такой страны остались тщетны. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. на Вѣткѣ и въ Москвѣ появлялись ловкіе проходимцы, выдававшіе себя за епископовъ; но ихъ карьера кончилась рядомъ скандаловъ. Съ другой стороны, стали искать отвѣта въ правилахъ отцовъ церкви и апостоловъ, и тутъ дѣло пошло удачнѣе. По каноническимъ правиламъ, отъ нѣкоторыхъ еретическихъ церквей разрѣшалось принимать священниковъ, при чемъ ереси дѣлились на три разряда: священники изъ среды еретиковъ перваго чина или разряда принимались послѣ вторичнаго крещенія, при чемъ благодать священства новокрещеннымъ утра-

чивалась; второго чина—послѣ вторичнаго миропомазыванія (въ просторѣчіи перемазыванія); третьяго чина — послѣ проклятія ересей (исправы). Такимъ образомъ, открывалась возможность принимать священниковъ, переходящихъ въ расколъ изъ господствующей церкви. Споры вертѣлись только около вопроса о томъ, по какому чину совершать принятіе. О первомъ чинѣ говорили недолго; ясно было, что онъ не достигалъ цѣли. Споры разгорѣлись вокругъ второго и третьяго чина. Защитники третьяго чина говорили, что, во-первыхъ, для перемазыванія у раскольниковъ нѣтъ настоящаго мира, такъ какъ миро, сваренное въ 90-хъ годахъ XVII в. на Вѣткѣ попомъ Ѳеодосіемъ, не имѣетъ надлежащей силы, ибо миро долженъ варить епископъ, и что, во-вторыхъ, перемазываніе тоже будто бы смываетъ благодать священства. На это сторонники второго чина возражали, что „по нуждѣ" допускаются при мировареніи отступленія отъ каноническаго порядка, какъ и при освященіи церквей, и что избѣжать потери благодати священства возможно такимъ путемъ: перемазываемый долженъ быть одѣтъ въ полное облаченіе. Ясно было, что признаніе позиціи третьяго чина, въ сущности, ведетъ къ соглашенію съ никоніанскою церковью; поэтому возгорѣлся жестокій споръ, который разрѣшился на московскомъ соборѣ 1779 года, гдѣ на сторону второго чина сталъ Юршевъ и все купечество, а третьечинники остались въ меньшинствѣ. За нихъ оказалась только часть стародубскаго старообрядчества, этой мѣщанской неопредѣленной массы, вѣчно колеблющейся, подобно маятнику, какъ всякая мелкая буржуазія. Ихъ вождь, Никодимъ Колмыкъ, вступилъ въ переговоры съ господствующей церковью, и въ 1800 г. было учреждено *единовѣріе:* старообрядцы признавали іерархію и догматы синодальной церкви, а взамѣнъ получали священниковъ, обязанныхъ служить согласно со старыми книгами и обрядами.

Но крупная буржуазія не пошла въ Каноссу; она уже начинала чувствовать свою силу, добившись отъ архидворянскаго правительства Екатерины II цѣлаго ряда мѣръ въ свою пользу, начиная съ новаго Городового Уложенія и кончая протекціоннымъ тарифомъ. Нужды не было, что эти мѣры все еще предпринимались больше съ фискальной точки зрѣнія; очевидно было, что буржуазія начинаетъ имѣть значительный удѣльный вѣсъ, и потому старообрядческая буржуазія не хотѣла поступиться своею церковной самостоятельностью, обѣщавшей ей не мало пользы въ будущемъ. Терпимая политика Екатерины II по отношенію къ старообрядчеству позволила собраться съ силами. Засіяло солнце православія на Иргизѣ, который получилъ исключительное право перемазыванія и сдѣлалъ это право своею доходной статьей; окрѣпла московская рогожская община; начались правильные съѣзды и соборы выборныхъ представителей старообрядчества.

Въ XIX-й вѣкъ поповщина вступаетъ съ правильной организаціей, съ многочисленнымъ составомъ, но съ сомнительнымъ священствомъ;

это послѣднее, однако, не очень огорчало вождей поповщины, хорошо понимавшихъ, что дѣло не въ личныхъ качествахъ поповъ, а въ ихъ правильной службѣ: благодать у нихъ была, служили они по-старому и ни въ чемъ не перечили старшимъ, за что и получали прекрасное содержаніе. Правительство продолжало относиться такъ же терпимо къ расколу, какъ и ранѣе: указомъ 1811 г. приказано смотрѣть сквозь пальцы на существованіе раскольничьихъ церквей и молитвенныхъ домовъ, а правила 1822 г. разрѣшили старообрядцамъ безпрепятственно имѣть у себя бѣглыхъ поповъ, если послѣдніе не учинили до побѣга уголовнаго преступленія, съ тѣмъ, чтобы они вели метрическія книги. Это была уже огромная побѣда; но ею недолго пришлось упиваться. Крѣпостническое государство уже расшатывалось, и при Николаѣ I, въ стремленіи къ самосохраненію, объявило войну всѣмъ враждебнымъ силамъ. Не избѣжала судьбы и старообрядческая церковь. Правительство Николая I поставило себѣ опредѣленную цѣль: постепенно уничтожить расколъ, дѣйствуя такъ, чтобы наличные раскольники дожили свой вѣкъ, а новыхъ не было. Съ этой цѣлью были пущены въ ходъ обычныя полицейскія и репрессивныя мѣры. Новый курсъ опредѣлился сразу высочайшимъ повелѣніемъ, возстанавливавшимъ терминъ *раскольникъ,* офиціальное употребленіе котораго было запрещено еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Этимъ распоряженіемъ старообрядцы лишались даже тѣхъ скудныхъ правъ, которыя были признаны за инославными и иновѣрными исповѣданіями. Послѣднія признавались, какъ таковыя, пользовались въ извѣстныхъ предѣлахъ гражданскою правоспособностью и имѣли возможность легально отправлять культъ. Но объявивъ старообрядцевъ раскольниками, правительство этимъ отрицательнымъ терминомъ хотѣло показать, что для него не существуетъ старообрядчества, какъ опредѣленной вѣроисповѣдной организаціи, а существуетъ лишь группа дезертировъ, ушедшихъ изъ офиціальной синодской церкви. Всѣми послѣдующими распоряженіями правительство показало, что помянутое распоряженіе носило програмный характеръ, и что смыслъ термина *раскольникъ* въ его глазахъ былъ аналогиченъ термину *военный дезертиръ.*

Правительственныя репрессіи направились, главнымъ образомъ, противъ поповщины. Такъ случилось не потому, чтобы правительство было точно освѣдомлено о томъ, что поповщина представляетъ изъ себя стройную организацію, имѣющую многочисленныхъ адептовъ и потому особенно опасную для синодскаго православія. Если церковные „обличители“ раскола, располагавшіе рядомъ документовъ и обладавшіе хоть какими-нибудь крупицами ума и образованія, обнаруживали изумительное неумѣніе или нежеланіе понять сущность и черты различія отдѣльныхъ толковъ раскола, то отъ полицейскихъ агентовъ, на основаніи донесеній которыхъ дѣйствовало правительство, нельзя было ожидать даже простого различенія попов-

щины и безпоповщины. Удары правительства пришлись больнѣе всего по поповщинѣ потому, что именно она менѣе всего была и могла быть подпольной, тайной организаціей. Правительство шло на яркіе огни: поповщинскія организаціи были открытыми и замѣтными явленіями, и противъ нихъ больше всего направилось усердіе репрессивныхъ мѣропріятій. Задача, однако, была не изъ легкихъ, и правительство, сначала разсчитывавшее справиться наличными полицейскими силами, принуждено было въ 40-хъ и 50-хъ гг. усиливать свои кадры: въ 1840 г. въ Черниговской губерніи оно, не ограничиваясь полицейскими преслѣдованіями, прибѣгло къ военнымъ постоямъ въ раскольничьихъ селеніяхъ, въ 1847 г. принуждено было учредить тамъ же особые штаты полиціи для надзора за расколомъ, а въ 1853 г. было сдѣлано общее распоряженіе объ усиленіи полицейскаго надзора за раскольниками и объ усиленіи для этой цѣли полицейскихъ штатовъ. Работа полиціи была немалая: кромѣ веденія съ 1840 г. именныхъ раскольничьихъ списковъ, полиція была завалена сыскомъ за раскольниками и исполненіемъ цѣлаго ряда распоряженій по борьбѣ съ расколомъ.

Правительственныя мѣры противъ раскола вообще и противъ поповщины въ частности были разсчитаны въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, правительство стремилось разрушить самую основу раскола, посредствомъ разгрома организацій и экспропріаціи имуществъ; во-вторыхъ, оно стремилось положить конецъ старообрядческому культу, посредствомъ изъятія бѣглыхъ поповъ и уничтоженія молитвенныхъ зданій; въ-третьихъ, оно стремилось уничтожить и самихъ старообрядцевъ, отказывая имъ въ гражданской правоспособности и стараясь перевести ихъ потомство въ синодское православіе насильственнымъ путемъ. Очевидно, что всѣ эти мѣры оказались болѣе всего чувствительны для поповщины.

„Священное“ право собственности по отношенію къ расколу перестало признаваться. Начиная съ середины 30-хъ годовъ послѣдовалъ цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній, экспропріировавшихъ старообрядческія имущества. Первое распоряженіе этого рода, своего рода пробный камень, состоялось въ 1840 г. по дѣлу, возникшему еще въ 1836 г. Петербургскій купецъ Долговъ завѣщалъ въ 1836 г. Выговской пустыни домъ; но по высочайшему повелѣнію 1840 г. домъ этотъ былъ переданъ наслѣдникамъ Долгова, на томъ основаніи, что общество выговскихъ старообрядцевъ, не будучи признано закономъ, не имѣетъ права владѣть недвижимой собственностью. Поповцы Рогожскаго кладбища, почуявъ послѣ этого надвигающуюся грозу, быстро попытались сдѣлать диверсію: въ 1841 г. они выстроили этапный домъ и изъявили желаніе содержать его на свой счетъ. Казалось бы, что лучшаго доказательства благонадежности въ видѣ такого дара, долженствовавшаго быть особенно пріятнымъ николаевскому правительству, не придумаешь. Но—timeo Danaos et dona ferentes! На всеподданнѣйшее прошеніе рогожскихъ поповцевъ о принятіи столь полез-

наго для блага россійскаго государства дара послѣдовала 16 февраля такая высочайшая резолюція: „принять за правило, чтобы никакія пожертвованія отъ имени раскольничьихъ обществъ не были принимаемы“. Диверсія не удалась, громоотводъ оказался негоднымъ. И въ силу послѣдовавшихъ за тѣмъ распоряженій Преображенское (безпоповское) и Рогожское кладбища въ Москвѣ, Волковская и Малоохтенская богадѣльни въ Петербургѣ, монастыри и ихъ земли на Иргизѣ были отняты у раскольниковъ. Московскія и петербургскія учрежденія были переданы сначала въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія, а съ 1853 г.—Императорскаго Человѣколюбиваго Общества; монастыри на Иргизѣ были обращены въ единовѣріе и переданы синоду. Къ ихъ судьбѣ, особенно поучительной, мы сейчасъ и перейдемъ, въ связи съ вопросомъ объ уничтоженіи старообрядческаго культа.

Въ этомъ отношеніи удары правительственныхъ репрессій легли почти исключительно на поповщину, такъ какъ она имѣла въ своемъ распоряженіи организованную іерархію и цѣлый рядъ церквей и монастырей, въ то время какъ культъ безпоповщины носилъ скорѣе домашній характеръ и потому не такъ былъ замѣтенъ для недреманнаго полицейскаго ока. Правила 1822 г., упомянутыя выше, еще при жизни Александра I были ограничены въ своемъ примѣненіи нѣсколькими распоряженіями, въ которыхъ сказался реакціонный духъ аракчеевщины. Уже черезъ годъ по ихъ изданіи, въ 1823 г., одинъ петербургскій старообрядческій священникъ былъ сосланъ въ Соловки за публичное совершеніе богослуженія, а въ 1824 г. въ Ригѣ были запрещены открытыя старообрядческія похороны. Это были, однако, разрозненныя мѣры; но съ 1826 г. начинается систематическій походъ правительства противъ старообрядческаго культа и, главнымъ образомъ, противъ поповщины. Въ 1826 г. было сдѣлано распоряженіе о снятіи крестовъ со всѣхъ раскольничьихъ молитвенныхъ зданій; оно, по существу, еще не лишало возможности совершать богослуженіе, но не предвѣщало ничего добраго. И дѣйствительно, уже въ 1827 г. послѣдовала первая мѣра по существу: старообрядческимъ попамъ было запрещено переходить изъ уѣзда въ уѣздъ. Это запрещеніе фактически было равносильно уничтоженію культа въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, главнымъ образомъ, въ приволжскихъ селахъ, гдѣ не было постоянныхъ церквей и причта, и куда время отъ времени духовенство наѣзжало для отправленія требъ: крещенія, брака, причащенія, и совершало ихъ, такъ сказать, оптомъ. Приходилось съ этого времени прибѣгать къ нелегальному образу передвиженій: попы ѣздили переодѣтыми, съ чужими паспортами, а требы совершали тайкомъ, по ночамъ. Въ 1832 г. правительство нанесло первый рѣшительный ударъ бѣглопоповщинѣ: правила 1822 г. были отмѣнены, а всѣхъ бѣглыхъ поповъ было приказано арестовывать, возвращать въ надлежащую епархію и лишать священства. Одновременно съ этимъ правительство

приступило къ разгрому иргизскихъ монастырей, которые были поставщиками поповъ для всѣхъ старообрядческихъ общинъ. Вопросъ объ иргизскихъ монастыряхъ наиболѣе интересовалъ историковъ раскола, и мы имѣемъ о нихъ довольно подробныя свѣдѣнія.

По существу, иргизскіе монастыри мало чѣмъ отличались отъ монастырей синодской церкви. Монахи жили эксплоатаціей крѣпостного труда приписанныхъ къ монастырямъ крестьянъ; жадность, объяденіе и развращенность иргизскихъ монаховъ были извѣстны по всей округѣ. Но въ двухъ отношеніяхъ иргизскіе монастыри существенно отличались отъ православныхъ монастырей. Во-первыхъ, въ управленіи монастырями, какъ вообще во всѣхъ старообрядческихъ организаціяхъ, было проведено выборное начало. Въ соотвѣтствіи съ каноническими правилами въ выборахъ настоятелей монастырей принимали участіе не только монахи, но и представители отъ міранъ, слободскихъ жителей, главнымъ образомъ мѣщанъ и купцовъ. Выбранные настоятели имѣли полную власть по управленію монастырями и представляли монастыри при сношеніяхъ съ гражданскими властями. Эта организація создавала органическую и чрезвычайно крѣпкую связь между монастырями и слобожанами, которая сказалась самымъ ощутительнымъ образомъ при разгромѣ монастырей. Во-вторыхъ, монастыри на Иргизѣ не были простыми корпораціями тунеядцевъ, живущихъ на счетъ поддерживаемаго ими народнаго суевѣрія. Ихъ существованіе оправдывалось опредѣленной функціей, которую они исполняли: въ этихъ монастыряхъ испытывались и исправлялись бѣглые попы, которые затѣмъ разсылались по поповщинскимъ общинамъ. Эта чрезвычайно важная функція была золотымъ источникомъ для иргизскихъ монастырей. Съ одной стороны, за исправу и посылку попа платила соотвѣтствующая община; съ другой стороны, старообрядческіе тузы, болѣе всего заинтересованные въ сохраненіи церковной іерархіи, поддерживали монастыри богатыми вкладами. Описи монастырскаго имущества, произведенныя послѣ обращенія монастырей въ единовѣрческіе, свидѣтельствуютъ, что по богатству утвари, ризницъ и др. иргизскіе монастыри не уступали первоклассным монастырямъ синодской церкви. Такимъ образомъ, правительство, приступая къ разгрому иргизскихъ монастырей, стало на вѣрный путь: оно поражало поповщину въ самое сердце. Недаромъ еще въ 1821 г., когда была сдѣлана неудавшаяся попытка обязать иргизскіе монастыри подпиской не принимать бѣглыхъ поповъ, монастыри отвѣтили, что они не могутъ сдѣлать этого, ибо тогда имъ одна дорога: въ ѳедосѣевщину и „иныя богопротивныя секты". Полумѣщанская, полукрестьянская безпоповщина претила сердцу буржуазнаго поповца: она была для нихъ слишкомъ радикальна и демократична, несмотря на свою реакціонную идеологію.

Первымъ былъ разгромленъ Нижне-Воскресенскій монастырь (въ іюнѣ—іюлѣ 1827 г.). Разгрому предшествовалъ доносъ тогдашняго сара-

товскаго губернатора, кн. Голицына, въ которомъ иргизскіе монастыри назывались „убѣжищемъ праздности, разврата и разсадникомъ раскола“ и высказывалось мнѣніе что пора рѣшительными мѣрами положить предѣлъ „разврату и преступнымъ дѣйствіямъ иргизскихъ монастырей, приводя ихъ постепенно къ совершенному уничтоженію“. Этотъ лицемѣрный доносъ возымѣлъ дѣйствіе. Состоялось высочайшее повелѣніе объ обращеніи Нижне-Воскресенскаго монастыря въ единовѣріе. Губернаторъ лично пріѣзжалъ въ монастырь и убѣждалъ монаховъ добровольно принять единовѣріе. Среди братіи пошли раздоры, тянувшіеся болѣе года; наконецъ, въ 1827 г. выяснилось, что изъ всей братіи согласны принять единовѣріе только 14 (по другой версіи 12) человѣкъ. Тогда для защиты этихъ монаховъ была прислана полиція, а прочіе монахи (въ числѣ 62) были частью сосланы въ Сибирь, частью отданы въ военную службу. Одновременно съ этимъ, по высочайшему указу 2 августа 1828 г., дарованныя монастырямъ на правѣ собственности по указамъ Александра I-го земли и крестьяне были отобраны въ казну. Однако, пока Саратовской губерніей управляли мягкіе и тактичные губернаторы, смѣнившіе Голицына (Рославлевъ и Переверзевъ), эти мѣры не приводились въ дѣйствіе. Въ 1836 г. въ Саратовскую губернію былъ назначенъ сторонникъ „сильной власти“, Степановъ, который немедленно и рѣшительно покончилъ съ иргизскими монастырями.

По его докладу состоялось повелѣніе объ обращеніи всѣхъ иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе. Первый монастырь, который постигла эта участь, былъ Средне-Никольскій. Когда туда пріѣхалъ губернаторъ съ жандармскимъ полковникомъ и исправникомъ, окрестное населеніе стеклось къ монастырю, готовое защищать его грудью отъ поруганія. Губернаторъ уѣхалъ ни съ чѣмъ и вернулся съ воинской командой (казаками и артиллеріей) и пожарными. Произошло возмутительное избіеніе безоружнаго народа, собравшагося къ монастырю: били прикладами, поливали водой, сейчасъ же замерзавшей на морозѣ. Разогнавъ толпу, губернаторъ арестовалъ всю братію. Никто не согласился принять единовѣріе; правительству достались только стѣны. Солдаты и казаки, занявшіе монастырь, разграбили его; было похищено множество серебряныхъ и золотыхъ ризъ, содранныхъ съ иконъ, и много дорогихъ облаченій. Часть похищеннаго была отобрана и возвращена въ монастырь.

Этотъ ударъ привелъ старообрядческій міръ въ волненіе. Въ 1837 г. старообрядцы сдѣлали попытку вернуть Средне-Никольскій монастырь. Ихъ собственническое сознаніе не могло переварить, чтобы правительство, которому они всегда подчинялись, за котораго молились, какъ перваго хранителя священнаго права собственности, могло такимъ грубымъ образомъ нарушить ихъ законное право собственности. Еще въ промежутокъ между первымъ пріѣздомъ Степанова въ монастырь и февральскимъ штурмомъ иргизскіе старообрядцы обратились съ

прошеніемъ на высочайшее имя, въ которомъ перечислялись всѣ правительственные акты, узаконявшіе существованіе монастыря и утверждавшіе его права на владѣніе землею и крестьянами, свидѣтельствовались вѣрноподданническія чувства иргизскихъ монаховъ и излагались жалобы на происки единовѣрческаго духовенства и произволъ гражданскихъ властей. Прошеніе заканчивалось просьбою „на основаніи вышеупомянутыхъ и прочихъ существующихъ узаконеній освободить вышеозначенную старообрядческую собственность отъ усильственнаго присвоенія означенныхъ распространителей противнаго господствующей церкви единовѣрческаго вѣрослуженія, и благоволено бы было мирнымъ жителямъ сего монастыря, въ высочайше дарованныхъ ему границахъ, предоставить прежнее спокойное пребываніе и безпрепятственное продолженіе приносить къ Всевышнему теплѣйшія свои молитвы, по закону и чиносложенію своихъ праотцевъ, по силѣ 44 и 45 ст. основныхъ государственныхъ законовъ, томъ I“. Какъ мы уже знаемъ, отвѣтомъ на это прошеніе былъ штурмъ монастыря. Послѣ этого подавались безрезультатно еще два аналогичныхъ прошенія; но,—увы!—принципъ частной собственности былъ забытъ по отношенію къ иргизскимъ монастырямъ. Въ 1841 г. былъ обращенъ въ единовѣріе Верхній Спасо-Преображенскій монастырь, въ которомъ согласились принять единовѣріе только два монаха, и „солнце православія зашло на Иргизѣ“.

Этотъ тяжелый ударъ былъ неодинаково принятъ различными элементами поповщинскаго міра. На мѣстѣ, на Иргизѣ, гдѣ крупно-буржуазные элементы были слабы, гдѣ масса держалась въ поповщинѣ исключительно авторитетомъ иргизскихъ монастырей, старобрядцамъ съ ихъ гибелью предстояло одно изъ двухъ: или подчиниться единовѣрію, или уйти въ безпоповщину. Первымъ путемъ пошла сравнительно небольшая часть: изъ 40.000 (приблиз.) по официальнымъ даннымъ въ 1844 г. приняли единовѣріе только 10.333 человѣка. Остальные, оставшись безъ пастырей, отрѣзанные отъ московскаго центра, въ силу своей крестьянской психологіи, ударились въ эсхатологію. Сразу вынырнули старыя представленія объ антихристѣ и концѣ свѣта. Антихристомъ былъ объявленъ императоръ Николай I; кромѣ того, что все его поведеніе въ иргизскомъ вопросѣ явно, въ глазахъ раскольниковъ, изобличало въ немъ антихриста, налицо были и другіе признаки близкаго конца свѣта. 1842 г. начался голодомъ, видѣли комету, произошло затменіе луны. По селамъ ходили экзальтированные проповѣдники и предсказывали близкій конецъ свѣта, именно на Пасхѣ 1842 г. Правительство своими дѣйствіями только укрѣпляло старообрядцевъ въ этомъ ожиданіи. Только что (въ 1841 г.) оно еще разъ строго подтвердило неисполнявшійся почти указъ 1838 г. объ отобраніи дѣтей у раскольниковъ и крещеніи ихъ по православному обряду, въ томъ же году отобрало всѣ колокола, а съ 1842 г. усиленно начало запечатывать молитвенныя зданія (по 1846 г.

было запечатано 102 зданія и уничтожено за ветхостью 147). Проповѣдниковъ конца свѣта хватали и ссылали; на ихъ мѣсто сейчасъ же появлялись новые. Когда, однако, Пасха 1842 г. прошла благополучно, экзальтація остыла, и приволжскіе раскольники мало-по-малу должны были примѣниться къ обстоятельствамъ. Послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ они были жертвою явныхъ проходимцевъ, выдававшихъ себя за бѣглыхъ поповъ, которыхъ въ концѣ-концовъ самимъ старообрядцамъ приходилось передавать въ руки властей за воровство и вымогательство, иргизскіе старообрядцы выработали формы культа и брачные обряды, приближающіеся къ нормамъ монинскаго безпоповщинскаго толка, о которомъ рѣчь будетъ ниже. „Святое православіе" превратилось въ „богопротивную секту".

Не таково было настроеніе основного элемента поповщины, городской буржуазіи. Для нея была немыслима религіозная организація безъ священства. Какъ только въ 1832 г. были отмѣнены правила 1822 г., въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, былъ созванъ соборъ для разрѣшенія вопроса объ отысканіи священства. Для большинства участниковъ собора было ясно, что источникъ бѣглопоповства теперь быстро изсякнетъ; выходъ оставался одинъ: возобновить поиски епископства, имѣвшіе мѣсто въ XVIII в. и кончившіеся тогда столь неудачно. За это стоялъ иргизскій делегатъ, Кочуевъ, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ среди поповцевъ не только благодаря своему богатству и связямъ, но и какъ одинъ изъ немногихъ образованныхъ людей среди тогдашняго старообрядческаго купечества (онъ былъ страстнымъ собирателемъ древнихъ рукописей, а въ 1847 г. былъ выбранъ членомъ общества любителей исторіи и древностей россійскихъ). За отысканіе епископа стояли и вліятельнѣйшіе московскіе старообрядцы, богатѣйшіе купцы Рахмановы, раскольничьи короли, за которыми стояла огромная партія. Оппозиція купца Царскаго и его небольшой партіи была безсильна. На тотъ же выходъ косвенно указывало даже и само правительство. Петербургскій купецъ Громовъ обращался къ шефу жандармовъ, Бенкендорфу, съ вопросомъ о томъ, нельзя ли возстановить правила 1822 г. На это Бенкендорфъ отвѣтилъ, что на возстановленіе правилъ 1822 г. императоръ, какъ членъ господствующей церкви, никогда не согласится, но онъ, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть противъ самостоятельной іерархіи. Такимъ образомъ, и Петербургъ склонился къ тому же рѣшенію, за которое стояла рахмановская партія. Дѣло отысканія архіерея было поручено энтузіасту старообрядчества, Павлу Великодворскому, потратившему на это дѣло всѣ свои силы и средства. Поиски были направлены на востокъ, который считался незараженнымъ никоніанствомъ; но и тамъ было трудно найти епископа, который согласился бы, рискуя своимъ положеніемъ и опасностью навлечь на себя преслѣдованія турецкаго правительства, на весьма незавидную роль: признать истинность по-

повщинскаго толка и рукоположить въ епископы человѣка, который будетъ ему указанъ. Ясно было, что ни одинъ порядочный, настоящій епископъ на это не пойдетъ. Но это мало смущало старообрядческихъ тузовъ. Они готовы были на огромныя денежныя жертвы, лишь бы купить себѣ архіерея и сохранить за собою господство надъ старообрядческой массой, готовой теперь уйти въ безпоповщину.

Въ концѣ-концовъ поиски увѣнчались успѣхомъ. Нашли подходящаго архіерея, и удалось поставить дѣло на легальную почву. Архіерей былъ нѣкто Амвросій, бывшій босно-сараевскій епископъ, отрѣшенный отъ епархіи константинопольскимъ патріархомъ вслѣдствіе его столкновеній съ турецкимъ правительствомъ. На легальную почву дѣло было поставлено такимъ образомъ. Въ Буковинѣ была община переселившихся сюда съ Вѣтки въ 1783 г. старообрядцевъ (въ мѣстечкѣ Бѣлая Криница), которымъ Іосифъ II далъ привилегію свободнаго исповѣданія вѣры. Послѣ долгихъ хлопотъ Великодворскій выхлопоталъ въ 1844 г. указъ императора Фердинанда, разрѣшавшій бѣлокриницкимъ старообрядцамъ имѣть своего епископа. Амвросій былъ привезенъ въ Бѣлую Криницу, перемазанъ (27 окт. 1846 г.) и тотчасъ же посвятилъ себѣ преемника, бѣлокриницкаго монаха Кирилла. Затѣмъ имъ были посвящены епископы въ нѣкоторыя другія заграничныя общины старообрядцевъ. Какъ только николаевское правительство узнало объ этомъ, оно сейчасъ же потребовало отъ вѣнскаго двора примѣненія репрессивныхъ мѣръ. Бѣлокриницкій монастырь былъ закрытъ, а Амвросій сосланъ, но дѣло было уже сдѣлано, поповщинская церковь нашла новую самостоятельную опору. Естественный циклъ ея развитія завершился, она стала правильно организованною іерархической церковью. Правительство могло дѣлать, что угодно; поповцы съ гордостью сознавали, что послѣ Амвросія и Кирилла у нихъ „паче всякаго чаянія священство, яко финикъ процвѣтъ, и яко кедръ на Ливанѣ умножися“.

Когда въ Москву пришла вѣсть объ отысканіи архіерейства, тамъ поднялся вопросъ объ епископѣ для Россіи. Руководящую роль взяли и здѣсь на себя Рахмановы. Прежде всего нужно было поддержать Бѣлую Криницу; они дали на это 200.000 (по другимъ свѣдѣніямъ—400.000). Затѣмъ нужно было подыскать подходящаго кандидата въ русскіе митрополиты. У Рахмановыхъ кандидатъ былъ готовъ; это былъ одинъ членъ ихъ семьи, Дмитрій Андреевичъ Рахмановъ, который заблаговременно принялъ монашество подъ именемъ Діонисія. Эта кандидатура отдавала въ руки Рахмановыхъ распоряженіе всѣми дѣлами старообрядческой церкви, сила ихъ капитала должна была соединиться съ авторитетомъ епископскаго омофора. Однако, эту кандидатуру не удалось провести: противъ Діонисія, въ связи съ обыскомъ въ скиту, гдѣ онъ былъ постриженъ въ монахи, было возбуждено судебное преслѣдованіе, и ему пришлось скрыться за границу. Тогда Рахмановы же предложи-

ли другую кандидатуру ничтожнаго человѣка, Степана Жарова, содержавшаго въ Москвѣ постоялый дворъ. Въ 1847 г. Кириллъ посвятилъ его первымъ русскимъ старообрядческимъ епископомъ, подъ именемъ Софронія; вслѣдъ затѣмъ были посвящены, по указаніямъ московскихъ тузовъ, еще цѣлый рядъ лицъ, такъ что въ 1859 году было уже 10 старообрядческихъ епархій (московская, симбирская, уральская, новозыбковская, саратовская, пермская, казанская, балтская, кавказская, коломенская). Эти десять архіереевъ, вмѣстѣ съ избранными священниками, образовали въ Москвѣ *духовный совѣтъ,* управлявшій всѣми дѣлами церкви. Такъ какъ назначеніе на каѳедры зависѣло отъ старообрядческихъ съѣздовъ, на которыхъ рѣшающую роль всегда играли крупные капиталисты, то духовный совѣтъ сталъ въ ихъ рукахъ послушнымъ орудіемъ. Старообрядческая церковная организація есть, такимъ образомъ, только особая форма капиталистической эксплоатаціи. Однако, въ сравненіи съ синодской, „цезарепапистской", какъ говорятъ старообрядцы, церковью, поповщинская церковь имѣетъ свои преимущества. Можно даже сказать что поповщинская организація есть пока единственное проявленіе независимаго духа, свойственнаго обычно молодой буржуазіи. Въ этомъ отношеніи любопытно было бы сравненіе поповщинской церкви съ гугенотскими организаціями во Франціи конца XVI и начала XVII вѣка. Съ другой стороны, старообрядцы правы, указывая, что ихъ организація ближе къ первоначальной церковной организаціи вслѣдствіе выборнаго начала и участія мірянъ, чѣмъ „цезарепапистская" синодская церковь, а потому и каноничнѣе. Но вопросы юридической истинности всегда останутся спорными; по существу же старообрядческая церковь основана на свободномъ вступленіи въ нее членовъ и является организаціей прогрессивной силы капитала, въ то время какъ синодская церковь есть принудительная организація, служащая крѣпостническому, реакціонному государству.

Вновь образовавшейся церкви недоставало, однако, одного: у нея была организація, но не было точно опредѣлено вѣроученіе, которое отличало бы ее отъ другихъ вѣроисповѣдныхъ организацій. Всякая религіозная организація, пріобрѣвшая характеръ церковности, нуждается въ точно установленномъ катехизисѣ: это есть то знамя, на оправданіи котораго строится провозглашеніе той или иной церкви единою и истинною, и къ которому привлекаются адепты. До сихъ поръ поповцы ограничивались отрицательными положеніями; но теперь, когда они стали церковью въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. создали организацію для господства, нужна была и положительная идеологія, оправдывавшая это господство. Та же Москва принялась за выработку положительныхъ основаній вѣроученія.

Въ августѣ 1861 г. на московскую митрополичью каѳедру былъ избранъ саратовскій епископъ Аѳанасій. Онъ, однако, тотчасъ по избраніи обратился къ избравшему его собору съ прошеніемъ, въ ко-

торомъ соглашался принять должность только въ томъ случаѣ, если соборъ согласится признать необходимымъ исправленіе нѣкоторыхъ обрядностей и чиноположеній, которыя были указаны въ прошеніи, какъ несогласныя съ древнимъ уставомъ. Вслѣдъ за этимъ отъ разныхъ старообрядческихъ общинъ стали поступать запросы о разныхъ догматахъ вѣроученія и случаяхъ изъ практики. Результатомъ былъ знаменитый документъ: „Окружное посланіе единыя, святыя, соборныя, древле - православно - каѳолическія церкви", составленное первоначально міряниномъ Ксеновымъ и 24 февраля 1862 санкціонированное духовнымъ совѣтомъ. „Окружное посланіе" опредѣляетъ позицію поповщинской церкви съ одной стороны по отношенію къ безпоповщинѣ, съ другой стороны—къ синодской церкви. Въ первомъ случаѣ оно прежде всего предаетъ анаѳемѣ десять старыхъ раскольничьихъ сочиненій, появившихся еще въ XVII и въ XVIII в. и весьма популярныхъ среди раскольничьей массы. Главнымъ образомъ эти сочиненія трактовали о концѣ міра, примѣняя пророчества Апокалипсиса и Даніила къ царямъ, императорамъ и патріархамъ, а церковь и таинства объявлялись въ этихъ сочиненіяхъ прекратившимися со временъ Никона. Эта эсхатологія была совершенно чужда духу поповщинской буржуазіи; наоборотъ, какъ открыто было заявлено во второй части „Окружнаго посланія", императоръ есть лицо богохранимое и боговѣнчанное, а церковь по слову Христову будетъ существовать вѣчно, ибо врата адовы ея не одолѣютъ. Эта истинная церковь, которая со священствомъ и таинствами пребудетъ до скончанія вѣка, и есть старообрядческая церковь. Далѣе, отмежевавшись отъ мѣщанско - крестьянской безпоповщины, „Окружное посланіе" переходитъ къ опредѣленію своего взгляда на господствующую церковь и попутно излагаетъ свои положительные догматы. Синодская церковь, говоритъ посланіе, вѣруетъ не въ иного Бога, а въ того же самаго, что и старообрядческая церковь. Ея праздники, богослуженія и таинства не призрачны, а имѣютъ дѣйствительную силу. Подъ именемъ Іисуса синодская церковь чтитъ не антихриста, какъ говорили безпоповцы, а того же спасителя міра; поэтому старообрядцы не хулятъ, а почитаютъ это имя, какъ другое, менѣе правильное изображеніе и произношеніе имени спасителя. Точно такъ же четвероконечный крестъ и другія принадлежности культа синодской церкви старообрядцы не хулятъ, а почитаютъ, какъ святыя вещи. Камень раздора не въ этомъ, а въ поведеніи господствующей церкви по отношеніи къ старообрядцамъ. Никонъ измѣнилъ древнецерковныя преданія, освященныя именами патріарховъ Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа и Іосифа; соборъ 1667 г. произнесъ клятву и анаѳему на придерживающихся старыхъ обрядовъ, изрекъ хулу на святое имя Ісуса и двуперстное сложеніе. Въ заключеніе, „Окружное посланіе" еще разъ возвращается къ вопросу объ антихристѣ,—и это весьма характерно для поповщины. Въ

двухъ параграфахъ (IX и X) посланіе объясняетъ, что объ антихристѣ оно думаетъ одинаково съ синодскою церковью: что по писанію онъ будетъ изъ племени еврейскаго, изъ колѣна Данова, отъ блуда и т. д. и т. д. Когда онъ явится и когда будетъ второе пришествіе и кончина міра, этого никто не знаетъ, только самъ Іисусъ Христосъ. Такимъ образомъ, „Окружное посланіе" подчеркнуло, что новая церковь хочетъ жить и благоденствовать, что она не порываетъ съ міромъ, а признаетъ его законное право на существованіе. У нея еще не было прошлаго; у нея было только настоящее и будущее. Въ настоящемъ она выходила на борьбу, начинавшуюся борьбу капитала съ феодализмомъ. Феодальная церковь и буржуазная церковь стали другъ противъ друга. Одна опиралась на механическую силу абсолютизма, другая выдвигала національную церковную традицію. И въ наши дни, когда началась открытая борьба за власть между феодальнымъ государствомъ и буржуазіей, выплыло на поверхность и соперничество двухъ церквей.

„Окружное посланіе", однако, не сразу завоевало положеніе. Когда оно появилось, то старообрядческая поповщинская масса спросила: теперь насъ не анаѳематствуютъ, наоборотъ, ласкаютъ и манятъ въ единовѣріе, предоставляя намъ всѣ старые обряды; почему же вы не предлагаете прямо перейти въ единовѣріе? Мы уже видѣли, что этому препятствовала различная соціальная основа двухъ церквей; но если поповщинскіе верхи инстинктивно чувствовали невозможность примиренія, то низы, состоявшіе отчасти изъ мелкой буржуазіи, отчасти изъ крестьянства, соблазнились. Одни пошли въ единовѣріе, другіе не признали „Окружнаго посланія" и подняли противъ него борьбу, пытаясь выставить принципіальныя разногласія между старообрядческой и синодской церковью. Вокругъ „Окружнаго посланія" загорѣлась жестокая борьба мнѣній, расколовшая поповщину на два лагеря и затихающая только въ наши дни. Поэтому, исторія этой борьбы уже выходитъ за предѣлы настоящаго очерка и будетъ изложена въ III части.

3. Безпоповщина. Этимъ общимъ названіемъ до сихъ поръ изслѣдователи раскола называютъ чрезвычайно разнообразные раскольничьи толки, имѣющіе одинъ общій признакъ: считая, что благодать божія со времени Никона взята на небо, эти толки не признаютъ священства. Этотъ общій отрицательный признакъ далъ поводъ къ указанному названію; но если вникнуть поглубже въ исторію и идеологію безпоповщинскихъ толковъ, между ними раскроется цѣлый рядъ существенныхъ различій.

Безпоповщина, какъ единое опредѣленное цѣлое, существовала лишь въ первой половинѣ XVIII вѣка. Тогда былъ единый опредѣленный центръ ея, Поморская община, на рѣкѣ Выгѣ, основанная братьями Денисовыми, была и опредѣленная идеологія, изложенная въ Поморскихъ отвѣтахъ 1720 г. Тогда совершенно однороденъ былъ и соціальный составъ безпоповщины: за

ничтожными исключеніями, Выгорѣцкая община составилась изъ бѣглыхъ крестьянъ, которые, примѣняясь къ суровымъ условіямъ безлюдной страны, и создали эту полумонашескую, полукоммунистическую общину. Удалившись физически отъ обитаемаго міра, выговцы отрѣшились отъ него и всѣмъ своимъ укладомъ жизни и міросозерцанія. Міръ, который они оставили, это царство антихриста; они, выговцы,— единственная оставшаяся вѣрною горсть людей, на которыхъ антихристъ не успѣлъ наложить свою печать.

Но къ началу второй половины XVIII вѣка это единство было нарушено. Съ одной стороны его разрушали внѣшнія условія: конецъ міра не приходилъ, и эсхатологическая идеологія не оправдывалась. Но этотъ внѣшній импульсъ еще не былъ настолько могуществен, чтобы преобразовать безпоповщину въ разнообразныя теченія. На помощь спѣшилъ внутренній факторъ: неизбѣжная хозяйственная и соціальная дифференціація первоначальной безпоповщинской массы. Наконецъ, безпоповщинскіе толки явились изъ другихъ источниковъ: изъ вернувшихся изъ-за границы эмигрантовъ и упомянутаго уже разложенія нѣкоторыхъ поповщинскихъ общинъ. Образовавшіеся къ концу XVIII вѣка безпоповщинскіе толки распадаются рѣзко на два разряда: крестьянскіе толки и мѣщанскіе, или точнѣе, мелкобуржуазныя организаціи. Тѣ и другіе имѣютъ совершенно ясную физіономію, опредѣлявшуюся ихъ соціальной основой. Какъ будетъ видно, почти не приходится говорить объ ихъ *исторіи;* въ большинствѣ случаевъ, здѣсь нѣтъ развитія, а лишь прозябаніе крестьянскихъ толковъ и обычная трагедія мѣщанской души въ городскихъ мелко-буржуазныхъ согласіяхъ.

Вполнѣ ясна и понятна крестьянская основа безпоповщины. Пока существовало крѣпостное право, для наиболѣе независимыхъ или самостоятельныхъ элементовъ крѣпостного крестьянства представленіе о государственной власти и служащей ей церкви, какъ слугахъ антихриста, было вполнѣ жизненнымъ. Была возможна, правда, и появилась другая идеологія, на почвѣ которой выросло сектантство, идеологія положительнаго характера; но въ условіяхъ крѣпостной эпохи для ея развитія не было достаточно широкихъ данныхъ. Поэтому, какъ мы уже видѣли, безпоповщинскіе толки появлялись въ крестьянской средѣ и въ XVIII и въ XIX вѣкѣ совершенно независимо отъ, такъ сказать, идейной заразы. Стародубскіе поповцы, пока буржуазные верхи принуждены были уйти на Вѣтку, превратились, по существу, въ безпоповцевъ; та же участь постигла, какъ мы видѣли, приволжскихъ поповцевъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, какъ только были разгромлены Иргизскіе монастыри, удерживавшіе ихъ въ поповщинѣ. Но наиболѣе характерными безпоповщинскими крестьянскими сектами являются секты *филипповцевъ* и *странниковъ или бѣгуновъ,* вышедшія изъ нѣдръ поморской общины.

Поморская выговская община очень быстро утратила свой перво-

бытно-коммунистическій характеръ. Она приняла дѣятельное участіе въ торговлѣ мѣхами и кожей; съ другой стороны, правительство Петра I сдѣлало примирительные шаги по адресу раскола. Результатомъ было то, что въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія поморцы стали записываться въ двойной окладъ, ввели молитву за царя и даже посылали ему подарки. Такимъ образомъ, бѣглые крестьяне достигли примиренія съ государствомъ, получили своего рода амнистію и превратились въ честныхъ буржуа. Но подъ вліяніемъ Выгорѣцкой общины былъ цѣлый рядъ раскольничьихъ поселеній въ теперешнихъ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. Ихъ хозяйственная основа осталась неизмѣнною; добывающая промышленность почти безъ всякаго сбыта до конца XIX вѣка оставалась почти исключительно источникомъ ихъ существованія. Эти поселенія, въ лицѣ нѣкоего Филиппа, предали поморцевъ проклятію. Филипповцы не молятся за царя-антихриста, не записывались въ двойной окладъ. Только теперь, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ оживленіемъ сѣвера, они платятъ обычныя повинности, сойдя, такимъ образомъ, со своей непримиримой точки зрѣнія.

Бѣгуны или странники уже только внѣшнимъ образомъ связаны съ Поморской общиной. Основатель секты, бѣглый солдатъ и крестьянинъ Евфимій, былъ въ Выгорѣцкой общинѣ наставникомъ (въ послѣдней четверти XVIII в.), но ушелъ оттуда, найдя, что поморцы совсѣмъ не подходящая компанія для подобныхъ ему людей. Его проповѣдь создала секту, составившуюся изъ такихъ же людей, какъ и онъ: бѣглые крестьяне, бѣглые преступники, бездомные нищіе. Въ идеологіи этой секты возродились старыя безпоповщинскія представленія, но уже съ большими дополненіями и новыми подробностями, появившимися въ связи съ измѣненіями въ крестьянской жизни за вторую половину XVIII в.

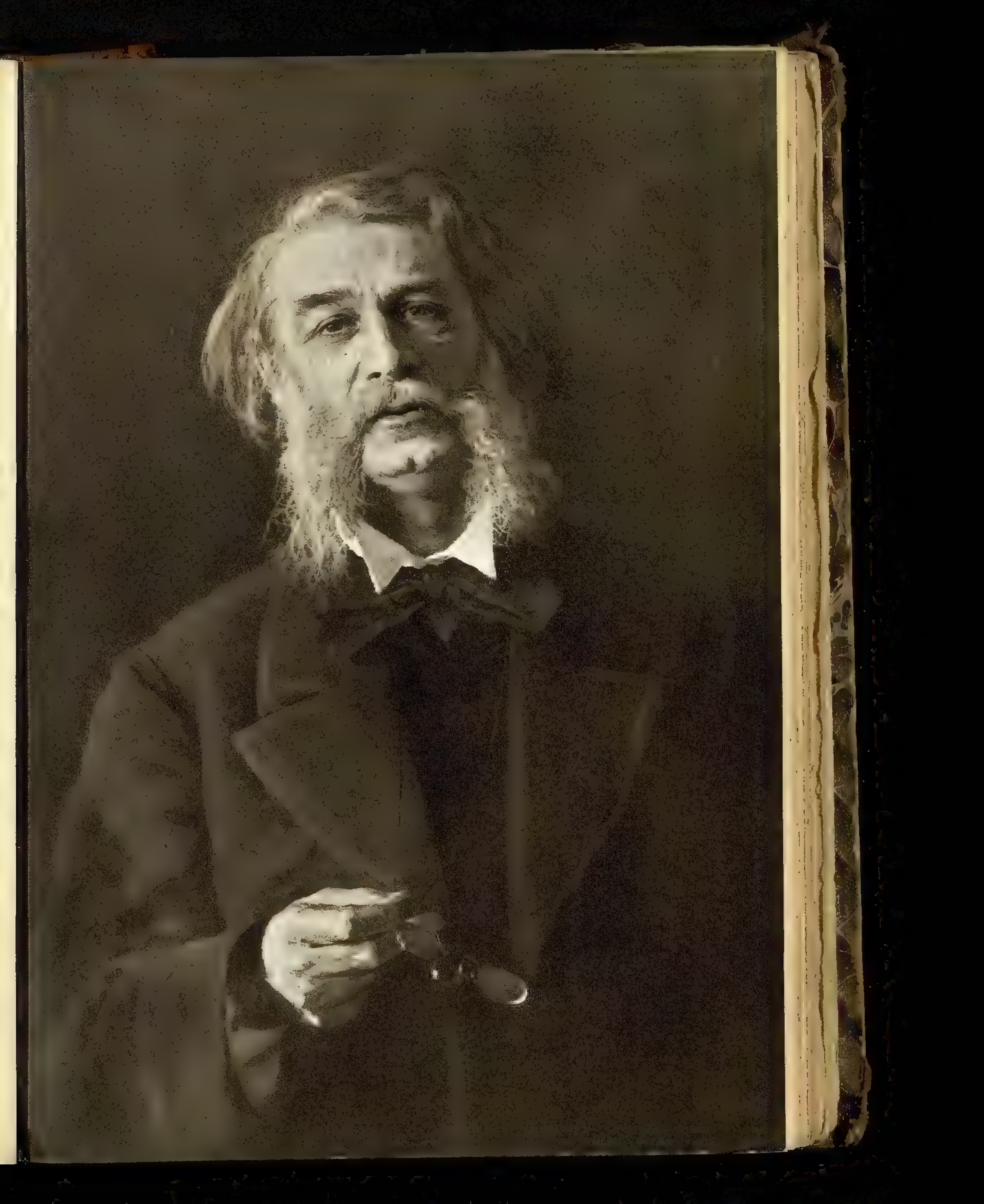
Превращеніе крестьянъ въ рабовъ, уничтоженіе въ цѣломъ рядѣ мѣстностей крестьянской запашки съ переводомъ крестьянъ на барщину, подушная подать, рекрутчина, паспортная система,—все это были новыя явленія, еще неизвѣстныя раскольнику XVII в. Евфимій внесъ, поэтому, въ свою проповѣдь даже коммунистическіе мотивы, доселѣ неслыханные въ расколѣ. Антихристъ—это преемственный рядъ царей, начиная съ Петра, отъ котораго пошло все зло: собственность, соціальное неравенство съ борьбой между богатыми и бѣдными, невыносимыя подати, размежеваніе земель. Между тѣмъ самое слово *мое* есть изобрѣтеніе діавола; онъ и царствуетъ теперь въ мірѣ. Паспорта — это печать антихристова; всякій живущій вмѣстѣ съ паспортомъ, есть запечатлѣнный антихристомъ человѣкъ, его слуга. Отсюда всякій человѣкъ, желающій спастись, долженъ уйти отъ всякаго соприкосновенія съ гражданской жизнью. Онъ не долженъ принимать печати антихриста, т.-е. не долженъ имѣть паспорта; онъ не долженъ записываться въ раскольничьи списки, такъ какъ это значитъ подчиняться антихристу; онъ не долженъ имѣть

10

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ. 1876.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко“

„ни града, ни села, ни дому". Такой человѣкъ долженъ вѣчно бѣгать, вѣчно странствовать; онъ долженъ быть странникомъ, невѣдомымъ міру, разорвавшимъ всякую связь съ обществомъ. Эта идеологія была настоящимъ кладомъ для всякаго рода бѣглыхъ людей; но, съ другой стороны, она была практически неудобоисполнима безъ извѣстнаго сочувствія бѣглымъ ихъ соціальныхъ собратій, не рѣшавшихся, однако, разрывать связи съ міромъ. И такое сочувствіе, конечно, выражалось съ полною готовностью. Сочувствующіе принимались въ качествѣ страннопріимцевъ, обязанныхъ принимать и укрывать у себя бѣгуновъ. Въ теченіе первой половины XIX в. сплошь и рядомъ случайно открывались цѣлыя деревни и села, заселенныя страннопріимцами, и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Въ такихъ деревняхъ всѣ дома оказывались соединенными потайными ходами, а крайніе дома соединялись такими же ходами съ сосѣдними перелѣсками. Такого рода деревни по сію пору еще существуютъ въ глухихъ частяхъ Новгородской губерніи. Страннопріимцы должны умереть настоящими странниками. Когда страннопріимецъ смертельно заболѣваетъ, обыкновенно даютъ знать въ полицію, что онъ скрылся неизвѣстно куда. Это обозначаетъ формальный разрывъ съ обществомъ. Затѣмъ, если больной имѣетъ еще достаточно силы, онъ самъ уходитъ или его уносятъ въ сосѣдній домъ или лѣсъ, гдѣ онъ и умираетъ. Наибольшее распространеніе странничество получило при Николаѣ I.

Въ странничествѣ выразился, такимъ образомъ, наиболѣе крайній протестъ крестьянства, какой только былъ возможенъ на почвѣ раскола; далѣе пришлось бы перейти уже въ область сектантства. Обратимся теперь къ другой категоріи безпоповщинскихъ толковъ, къ городскимъ мѣщанскимъ согласіямъ.

Почти одновременно съ образованіемъ Рогожскаго кладбища, образовались въ Москвѣ двѣ безпоповщинскія общины: ѳедосѣевская, на Преображенскомъ кладбищѣ, и поморская, вокругъ Монинской Покровской часовни. Первая называлась по имени Ѳеодосія, наставника безпоповщинскаго толка за польской границей, послѣдователи котораго переселились въ Москву и другіе города при Екатеринѣ II; вторая—по имени Монина, на имя котораго была куплена земля для часовни. И та и другая общины имѣли филіальныя отдѣленія въ другихъ городахъ; соціальный составъ ихъ нѣсколько различался другъ отъ друга. Въ то время какъ въ ѳедосѣевской московской общинѣ преобладало мелкое купечество (изъ числа подписавшихся подъ прошеніемъ объ открытіи Преображенскаго кладбища было 18 купцовъ, 4 оброчныхъ крестьянина, 2 экономическихъ и 1 безъ опредѣленнаго обозначенія), прихожане монинской часовни были мелкіе ремесленники и мѣщане, со слабой примѣсью купеческаго элемента (въ 30-хъ годахъ XIX в. среди монинцевъ числилось только 4 лавочника (торговцы живой рыбой), 14 ремесленниковъ, прочіе—безъ обозначенія). Этимъ различіемъ соціаль-

наго состава объясняется различіе идеологій той и другой общинъ и ихъ взаимныя пререканія.

Различныя точки зрѣнія у ѳедосѣевцевъ и монинцевъ были по вопросамъ о бракѣ, о молитвѣ за власть и объ отношеніи къ господствующей церкви. И та и другая общины образовались изъ мелкобуржуазныхъ элементовъ, дифференцировавшихся изъ первоначальной безпоповщины. Первоначальная безпоповщина, въ ожиданіи близкаго конца свѣта, отрицала бракъ, какъ и всѣ прочія таинства, прекратившіяся „за разсыпаніемъ рукъ освященныхъ". Но теперь, когда эсхатологическія мечтанія стали удѣломъ лишь крестьянскихъ элементовъ безпоповщины, вопросъ о бракѣ сталъ со всею остротою. Поморцы, а вслѣдъ за ними и монинцы вышли изъ затрудненія очень простымъ образомъ. Они признали, что въ бракѣ надо признавать двѣ стороны: сторону обрядово-богослужебную, которая теперь на практикѣ стала неисполнимою, и сторону внутренней необходимости, освященную заповѣдью божіей о размноженіи рода человѣческаго. Если исчезла благодать, то нерушимо стоитъ заповѣдь божія; а поэтому и брачное сожитіе не должно прекращаться. Поэтому, къ XIX вѣку монинцы выработали особый брачный уставъ, по которому центръ тяжести брака переносился на домашнія церемоніи благословенія при свидѣтеляхъ, послѣ котораго уже въ качествѣ придатка слѣдовало благословеніе наставника въ часовнѣ. Тутъ монинцы шли на прямое примиреніе съ гражданскимъ обществомъ какъ въ вопросѣ о молитвѣ за царя, такъ и въ отношеніи къ церкви.

Сложнѣе обстояло дѣло у ѳедосѣевцевъ. Теоретически они заняли непримиримую позицію; практически эта позиція осложнялась двойственнымъ составомъ ѳедосѣевщины и приводила къ двойственной политикѣ. Ѳедосѣевцы отрицали совершенно возможность брака, какъ законнаго благословеннаго союза, и предпочитали незаконное сожительство со всѣми его неустойчивыми послѣдствіями. Первымъ условіемъ для поступленія въ ѳеоосѣевскую общину былъ отказъ супруговъ другъ отъ друга; но, по ядовитому замѣчанію монинцевъ, ѳедосѣевцы были, тѣмъ не менѣе, „почтенные воздержники, законнаго брака не имущіе, но безъ женскаго пола мало живущіе". Ѳедосѣевцы продолжали придерживаться теоріи объ царѣ-антихристѣ; это не мѣшало Ильѣ Ковылину, основателю Преображенской общины, сноситься съ московскими властями, угощать ихъ обѣдами и подавать прошенія на высочайшее имя, составленныя въ самомъ раболѣпномъ духѣ. Въ Преображенской общинѣ былъ введенъ строгій монашескій уставъ; мужчины и женщины давали обѣтъ цѣломудрія и жили въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; но это не мѣшало самому безпорядочному половому смѣшенію, на которое Ковылинъ смотрѣлъ сквозь пальцы, а монинцы указывали и негодовали. Эта двойственная политика, это лицемѣріе съ одной стороны, какъ и нѣкоторыя другія явленія, объяснялись поистинѣ трагическимъ положеніемъ, въ которое всегда попа-

даетъ качающаяся, какъ маятникъ, мелкая буржуазія, мелкое мѣщанство. Мѣщане никогда не бываютъ людьми настоящаго; это или бывшіе люди, которыхъ судьба безпощадно гонитъ въ кадры пролетаріевъ, либо это завтрашніе люди, которымъ завтра улыбнется счастье первоначальнаго накопленія. Послѣдующее замѣчаніе покажется парадоксальнымъ, но именно преобладаніе среди ѳедосѣевцевъ завтрашнихъ людей, наживавшихъ капиталы купцовъ, объясняетъ въ значительной степени ихъ лицемѣрное поведеніе въ вопросѣ о бракѣ и антихристѣ.

Дѣло въ томъ, что Ковылинымъ же было установлено правило, по которому всѣ наслѣдства, за расторженіемъ браковъ вступавшихъ въ общину лицъ, должны были переходить въ ея собственность. А принесенное однажды въ жертву Богу уже не можетъ быть возвращено: оно принято Богомъ, и какъ бы сгорѣло, какъ свѣча передъ иконою. Эти „сгорѣвшія" имущества лишь отчасти шли на содержаніе богадѣльни, больницы и другихъ учрежденій общины. Изъ составившейся такимъ образомъ кассы черпали заправлявшіе общиной купцы. Въ такомъ духѣ былъ составленъ Ковылинымъ и утвержденъ Александромъ I въ 1808 г. уставъ Преображенскаго богодѣленнаго дома, по § 14 котораго попечителямъ разрѣшалось обращать весь или часть капиталовъ дома (за покрытіемъ расходовъ по содержанію) на торговую комерцію. Такъ расторженіе браковъ стало для купеческихъ элементовъ ѳедосѣевщины орудіемъ первоначальнаго накопленія.

Наконецъ, общей трагической чертой монинцевъ и ѳедосѣевцевъ была невозможность стать въ нормальныя отношенія къ міру. Ремесло и торговля требовали постоянныхъ сношеній съ „внѣшними"; между тѣмъ всякое сближеніе такого рода оскверняло безпоповца. Отсюда явилась нужда примирить теорію съ практикой. Пришли къ тому же выходу, къ какому въ свое время пришло фарисейство іудейской общины второго храма: установили особый эпитимейникъ, расписывавшій эпитиміи поклонами, постами и срочнымъ отлученіемъ отъ общенія за сношенія съ „внѣшними". Такъ городская жизнь безпощадно разрушала старыя идеологіи прежнихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ.

Исторія той и другой общины въ первой половинѣ XIX вѣка есть исторія ихъ постепеннаго разложенія, по мѣрѣ того, какъ дифференцировались ихъ элементы, и исполнялось ихъ назначеніе. Первою стала разлагаться ѳедосѣевская община. Въ 1812 году цѣлый рядъ ея самыхъ вліятельныхъ членовъ, изъ среды купечества, перешелъ къ монинцамъ. Очевидно, эти купцы считали уже дѣло Преображенской общины сдѣланнымъ. Она не могла дать имъ больше того, что они уже получили; съ другой стороны, перейдя въ ряды чистой буржуазіи, они не хотѣли болѣе лицемѣрить. Монинцы молились за властей и признавали бракъ—прямой путь и привелъ этихъ купцовъ въ Покровскую часовню. Съ этихъ поръ ѳедосѣевская община осталась въ составѣ непримиримыхъ доктринеровъ и прозябала въ спорахъ съ

монинцами, пока распоряженіемъ Николая I Преображенское кладбище не было отдано единовѣрцамъ, а всѣ его капиталы конфискованы.

Долѣе держались монинцы. Съ 1812 г., когда Покровская община инкорпорировала ѳедосѣевскихъ купцовъ, вплоть до 1827 г. она прогрессировала, главнымъ образомъ, на счетъ все тѣхъ же ѳедосѣевцевъ. Съ 4.000 прихожанъ 1812 г. она достигла 7.000 въ 1827 г. Но послѣ этого начинается разложеніе. Вскорѣ монинская часовня была по распоряженію правительства запечатана, и тогда ея прихожане частью разбились между домашними купеческими молельнями, частью ушли въ единовѣріе. Началось господство и соперничество отдѣльныхъ купцовъ между собою, настоящая вакханалія эксплоатаціи купеческимъ капиталомъ мелкаго мѣщанства, составлявшаго массу прихожанъ Покровской часовни. Только одинъ разъ, въ 1843 г., купцу Казанкову удалось на небольшой промежутокъ времени (до 1847 г.) объединить монинцевъ. Но съ 1847 г. разложеніе пошло усиленнымъ темпомъ. Среди отдѣльныхъ моленъ особенно выдѣлились морозовскія часовни, которыхъ было въ Москвѣ четыре, и одна на фабрикѣ Морозова, въ Орѣховѣ-Зуевѣ, гдѣ богослуженіе совершалъ самъ хозяинъ, а прихожанами были рабочіе. Эта послѣдняя молельня является наиболѣе откровеннымъ показателемъ роли городской безпоповщины, какъ орудія разложенія мѣщанской среды и капиталистическаго накопленія. Если поповщина есть организація уже властвующаго капитала, то городская безпоповщина была организаціей первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Когда она сыграла свою роль, она сошла со сцены, и послѣ разгрома ея Николаемъ I, который хронологически совпалъ съ заключительными моментами процесса накопленія, мы уже почти ничего не слышимъ о ея существованіи.

ГЛАВА IX.

Начальное образованіе въ первой половинѣ XIX столѣтія.

(В. И. Чарнолускаго).

1. Положеніе народнаго образованія къ началу столѣтія. На разработку блестящихъ просвѣтительныхъ плановъ Екатерины II, о которыхъ торжественно оповѣщался чуть не весь міръ, какъ извѣстно, было положено несравненно больше заботъ, чѣмъ на мѣропріятія, необходимыя для практическаго осуществленія ихъ въ жизни. Нигдѣ, быть можетъ, контрастъ между словами властныхъ представителей той эпо-

хи и ея мрачной дѣйствительностью не проявлялся съ такой яркостью и рѣзкостью, какъ въ области народнаго образованія. На самой зарѣ XIX вѣка, въ журналѣ „комиссіи объ учрежденіи училищъ“, которой принадлежало ближайшее завѣдываніе всѣми гражданскими учебными заведеніями въ Россіи, находимъ слѣдующія характерныя строки о положеніи народныхъ (малыхъ) школъ *): „всѣ эти школы находятся вездѣ въ совершенномъ единообразіи: ученики всѣ, въ какой бы они школѣ ни были, читаютъ одинакія учебныя книги, а учителя употребляютъ одинакій способъ обученія и наблюдаютъ одинаковое распредѣленіе часовъ, назначенное прежде и послѣ полудня, такъ что науки въ школахъ сихъ преподаются въ самомъ отдаленномъ краю Россіи въ одно и то же время и на томъ единообразномъ основаніи, на каковомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ“. По даннымъ той же комиссіи, въ 1800 году подъ ея вѣдѣніемъ „всѣхъ школъ и пансіоновъ въ Россійской имперіи состояло 315, учителей въ нихъ 720, а обучавшагося юношества 19.915 человѣкъ, въ томъ числѣ мужеска пола 18.128, а женска — 1.787. Сверхъ сихъ губернскихъ и уѣздныхъ школъ, на содержаніи комиссіи состоитъ учительская гимназія, а въ ней нынѣ обучается двадцать человѣкъ студентовъ“**). Итакъ, вотъ все наслѣдство, оставленное Россіи XIX вѣка „блестящимъ вѣкомъ“ Екатерины. Каково было качество этихъ ничтожныхъ по количеству училищъ, ярко рисуютъ показанія современниковъ.

„Нельзя себѣ представить ничего ничтожнѣе и хуже состоянія народнаго образованія въ Россіи до Александра,—читаемъ въ воспоминаніяхъ кн. Чарторыйскаго *),—въ Россіи были только такъ называемыя народныя училища, въ которыхъ довольно плохо преподавались начальныя основанія небольшого числа учебныхъ предметовъ. Наблюденіе за школами было ввѣрено несчастнымъ наставникамъ, опившимся отъ бездѣйствія и скуки; никто не посылалъ дѣтей въ эти школы, которыя никого не интересовали и о которыхъ никто не говорилъ“. А вотъ непосредственное, живое впечатлѣніе мальчика - Аксакова, попавшаго въ народное училище въ Уфѣ: „трудно было примириться дѣтскому уму и чувству съ мыслью, что видѣнное мною зрѣлище не было исключительнымъ злодѣйствомъ, разбоемъ на большой дорогѣ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича (учителя), какъ преступника, что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что самые родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить со временемъ, что В. М. могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ“...**)

Общая организація народнаго об-

*) Журналъ 14 апр. 1800 г.

**) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. I, стр. 199.

*) Тамъ же, т. II, стр. XXXIV.

**) С. Т. Аксаковъ. „Дѣтскіе годы Багрова—внука“. Изд. 5. Спб. 1895, стр. 92.

разованія къ началу XIX столѣтія была такая. Всѣ гражданскія ученыя и учебныя заведенія имперіи,— академіи наукъ и художествъ, московскій и виленскій университеты, главныя и малыя народныя школы, частные пансіоны и школы, повѣтовыя школы, коллегіи и училища католическихъ монашескихъ орденовъ въ западныхъ губерніяхъ,— находились въ главномъ завѣдываніи третьяго департамента сената. Ему же была подчинена учрежденная Екатериною II для ближайшаго завѣдыванія всѣми гражданскими учебными заведеніями „комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ". Всѣ учебныя заведенія въ губерніяхъ и служащія въ нихъ лица находились въ непосредственномъ вѣдѣніи „приказовъ общественнаго призрѣнія". Предсѣдателями приказовъ и попечителями училищъ были губернаторы, которые въ каждомъ уѣздномъ городѣ избирали смотрителей для наблюденія за школами въ уѣздахъ. Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ назначала губернскихъ директоровъ училищъ, которые завѣдывали учебною частью въ губерніи, подчинялись губернаторамъ и засѣдали въ приказахъ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касавшимся учителей и училищъ.

2. Законодательство эпохи правительственнаго либерализма (1801—1812 гг.). Высшее руководство „систематической работой надъ реформою безобразнаго зданія государственной администраціи" принадлежало въ 1801—1803 гг. „неофиціальному Комитету" — тѣсному кружку ближайшихъ друзей императора Александра I. Вопросомъ о народномъ образованіи онъ впервые занялся въ декабрѣ 1801 г., когда ему было предложено обсудить полученную государемъ отъ Лагарпа записку. Лагарпъ предлагалъ учредить для завѣдыванія народнымъ образованіемъ государственный комитетъ съ министромъ во главѣ, съ вѣтвями въ губерніяхъ и инспекторами, назначаемыми отъ дворянства. Далѣе Лагарпъ указывалъ на необходимость имѣть сельскія школы и развивалъ мысль, что „не начавъ ничего, —нельзя ничего достигнуть". Въ обсужденіи комитета интересы общаго образованія выдвинулись на первый планъ и комитетъ готовъ былъ даже ввести въ систему общаго образованія спеціальныя учебныя заведенія.

Въ торжественныхъ актахъ, провозглашавшихъ новые порядки высшаго государственнаго управленія, значеніе образованія усиленно подчеркивалось. Такъ, въ наказѣ государственному совѣту (1801 г.) указывается, что законъ безъ „нравовъ" можетъ имѣть только насильственное, а потому слабое дѣйствіе, „нравы же укореняются и превращаются въ общее народное свойство просвѣщеніемъ большинства гражданъ". Однако, послѣднее тутъ же подраздѣляется на „истинное" и „ложное" и совѣтъ призывается „постановить твердыя начала къ возрожденію перваго и уклоненію второго". Въ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ (1802 г.) снова говорится о распространеніи „наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ". Въ числѣ другихъ министерствъ было

учреждено и министерство „народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ". Компетенція министерства намѣчена очень широкая; въ вѣдѣніи министра сосредоточено „главное училищное правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, академія наукъ, россійская академія, университеты и всѣ другія училища, кромѣ предоставленныхъ особому попеченію императрицы Маріи Ѳеодоровны и находящихся по особому повелѣнію въ управленіи другихъ особъ или мѣстъ, типографіи частныя и казенныя, исключая изъ сихъ послѣднихъ состоящія также подъ непосредственнымъ чьимъ-либо вѣдомствомъ; цензура, изданіе вѣдомостей и всякихъ періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, собраніе крѣпостей, натуральные кабинеты, музеи и всякія учрежденія, какія впредь для распространенія наукъ быть могутъ". Въ этомъ первомъ законѣ о министерствѣ народнаго просвѣщенія въ Россіи нельзя не отмѣтить двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, несмотря на очень широкую компетенцію министерства, изъ вѣдѣнія его изъяты цѣлыя категоріи училищъ, причемъ играли роль соображенія, не имѣющія ничего общаго ни съ требованіями правильной организаціи государственнаго управленія, ни съ интересами народнаго образованія. Съ другой стороны, одному и тому же высшему правительственному органу были поручены двѣ такія, по внутреннему своему характеру діаметрально противоположныя, задачи, какъ забота о развитіи образованія и чисто полицейскія функціи цензуры.

Одновременно съ манифестомъ объ учрежденіи министерствъ произведены были назначенія членовъ въ „комиссію объ училищахъ", состоящую подъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія (были назначены, между прочимъ, кн. А. Чарторыйскій и гр. С. Потоцкій); члены этой комиссіи должны были „раздѣлить между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ и провинціямъ" и выработать общій планъ системы народнаго просвѣщенія. Несмотря на учрежденіе министерства и новой комиссіи, старая „комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" не была уничтожена; она продолжала заниматься текущими административными и хозяйственными дѣлами и прекратила свое существованіе только въ 1803 году *).

Основы новой учебной системы были изложены въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія" 1803 года. Правила преобразовали „комиссію объ училищахъ" въ „главное училищъ правленіе",—высшій совѣщательный органъ министерства, состоящій изъ попечителей университетовъ и ихъ округовъ и другихъ членовъ по высочайшему назначенію. По этому законодательному акту всѣ училища назначаются „для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія" и „опредѣляются" четырехъ родовъ: приходскія, уѣздныя, губернскія, или гимназіи, и университеты.

*) См. замѣтку объ этой комиссіи С. Рождественскаго въ Изв. по нар. образ. 1906 г. 5., стр. 126.

Правила постановляли, что „всякій церковный приходъ или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жительствъ, должны имѣть, по крайней мѣрѣ, одно приходское училище“, а „въ каждомъ уѣздномъ городѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, одно уѣздное училище“. Что касается „хозяйственной части“ училищнаго дѣла, то она совершенно не соотвѣтствовала этимъ широковѣщательнымъ планамъ, и правила ограничиваются скромными статьями, что „назначеніе суммъ на содержаніе приходскихъ училищъ предоставляется учинить впредь, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей“, уѣздныя же училища „будутъ содержимы изъ доходовъ городскихъ обществъ съ достаточнымъ дополненіемъ изъ казны, гдѣ оное потребуется“. Такимъ образомъ изъ государственныхъ средствъ на народное образованіе не было удѣлено ничего, кромѣ туманныхъ обѣщаній. Мѣстнымъ начальникамъ правила рекомендовали „споспѣшествовать“ исполненію намѣреній правительства относительно народнаго просвѣщенія“ не „понудительными средствами“, а „благоразуміемъ“. „Благонамѣреннымъ гражданамъ“, вспомоществующимъ правительству „патріотическими пожертвованіями“ на устроеніе училищъ, обѣщается, что они пріобрѣтутъ „особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній“.

Мѣстная школьная администрація установлена правилами въ такомъ видѣ. Губерніи распредѣлены на учебные округа (6), съ университетомъ во главѣ каждаго, подчиненные попечителямъ — членамъ главнаго училищъ правленія. Университетамъ исключительно предоставлена „внутренняя расправа надъ подчиненными имъ лицами и мѣстами“. Въ каждой губерніи назначаются главнымъ училищъ правленіемъ, по представленію университета, губернскіе директоры училищъ. Въ случаяхъ, когда для училищъ потребуется „пособіе земскаго правительства“, директоры должны обращаться къ губернаторамъ. Губернскіе директоры „имѣютъ въ губерніяхъ общее смотрѣніе“ надъ уѣздными училищами и „частными заведеніями сего рода“, исключая тѣ, „которыя по особеннымъ обстоятельствамъ ввѣрены будутъ иному начальству“. Въ каждый уѣздъ университетомъ опредѣляются смотрители уѣздныхъ училищъ, подчиненные директору „во всѣхъ отношеніяхъ по училищамъ, въ ихъ вѣдѣніи находящимся“. Въ томъ, „что принадлежитъ до благоустройства приходскихъ училищъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ“, имъ и самимъ предоставляется „требовать пособія отъ помѣщиковъ и содѣйствія отъ уѣзднаго предводителя дворянства“. Само-собой разумѣется, что эти слова закона были и могли быть только словами, не имѣющими никакого реальнаго значенія. Что касается, наконецъ, отдѣльныхъ приходскихъ училищъ, то въ казенныхъ селеніяхъ они „ввѣрялись“ „приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей“, а въ помѣщичьихъ „предоставлялись“ „просвѣщенной и благонамѣренной

попечительности самихъ помѣщиковъ". Законъ признаетъ „весьма полезнымъ", чтобы „приходскіе священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей, столь соотвѣтственную ихъ званію", и синоду предписано „пещись", „чтобы въ непродолжительномъ времени сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ".

Приходскія и уѣздныя училища и гимназіи поставлены правилами въ прямую преемственную между собою связь. Въ курсъ приходскихъ училищъ, продолжающійся одинъ годъ, введено обученіе чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, началамъ закона Божія, наставленіе „благонравію" и „обязанностямъ къ государю, начальству и ближнему". Въ уѣздныя училища, съ двухлѣтнимъ курсомъ, поступаютъ окончившіе училища приходскія и въ курсъ здѣсь вводятся: грамматика русскаго и мѣстнаго языка, сокращенная исторія и географія, первоначальныя основанія геометріи и естественныхъ наукъ, наставленіе въ должностяхъ человѣка и гражданина, „практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края". Для ученія во всѣхъ училищахъ „будутъ употребляемы единообразныя книги и правила". По части приготовленія учительскаго персонала правила постановляли, что всякій университетъ долженъ имѣть учительскій или педагогическій институтъ. Одновременно съ „предварительными правилами" былъ опубликованъ указъ синоду о принятіи имъ „соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія благоуспѣшному теченію сей государственной части" и о предписаніи епархіальнымъ архіереямъ, „дабы они изъ семинарій отпустили то число семинаристовъ, какое по требованію министра просвѣщенія окажется нужнымъ для наполненія учительскихъ мѣстъ".

Подобное развитіе общихъ началъ, изложенныхъ въ „предварительныхъ правилахъ", было дано „уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ", опубликованнымъ 5 ноября 1804 года. Каждому разряду общеобразовательной школы уставъ ставитъ двоякую цѣль: подготовлять къ поступленію въ высшую школу и давать законченное образованіе тѣмъ, которые не будутъ продолжать его дальше. Приходскія училища должны „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣріе и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію". Цѣль уѣздныхъ училищъ—„открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности". Уставъ подробно останавливается на обязанностяхъ учителей и излагаетъ правила ихъ поведенія, „общія" по отношенію къ ученикамъ и другъ къ другу, и „частныя", имѣющія цѣлью усовершенствованіе учителей, распространеніе ими своихъ познаній въ наукахъ, собираніе научныхъ свѣдѣній и т. д. Особая глава посвяще-

на частнымъ пансіонамъ, которые предоставлено открывать каждому, имѣющему соотвѣтственный образовательный цензъ; открываются пансіоны съ разрѣшенія университета и находятся подъ наблюденіемъ директоровъ гимназій. Выборъ предметовъ преподаванія предоставленъ содержателямъ пансіоновъ, при чемъ обязательно должны преподаваться только русскій языкъ и законъ Божій.

Таковы были основныя черты общеимперскаго законодательства по народному образованію въ первой половинѣ царствованія Александра I. Каково было истинное положеніе образованія въ странѣ, мы увидимъ ниже, теперь же ограничимся только слѣдующей характеристикой новаго центральнаго правительственнаго аппарата, принадлежащей такому компетентному свидѣтелю — современнику, какъ Сперанскій. „Министерства юстиціи, коммерціи, просвѣщенія, финансовъ, остались и по сіе время въ точно томъ же положеніи, въ какомъ они въ первые два мѣсяца были,— пишетъ онъ,— то-есть, сдѣланы оклады жалованья, или штаты, переименованы канцеляріи въ департаменты, и на семъ все остановилось. Ни внутри ихъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія“ *). „Каждый министръ,— пишетъ онъ далѣе,— считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старается наполнить ее и людьми и деньгами“; какъ увидимъ ниже, министерство просвѣщенія представляло въ этомъ отношеніи очень заброшенную и захудалую деревню, достаточную впрочемъ для кормленія министерскихъ верховъ. По собственному плану государственнаго преобразованія, Сперанскій относилъ учебную часть къ министерству внутреннихъ дѣлъ, вѣдающему „промышленность“ народа въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ учебная часть назначена для „усовершенія физическихъ способностей“. Планъ Сперанскаго, какъ извѣстно, получилъ осуществленіе только въ небольшой и наименѣе важной части его, въ видѣ изданія въ 1811 году „общаго учрежденія министерства“. Въ организацію министерства народнаго просвѣщенія этотъ законъ не внесъ существенныхъ перемѣнъ, но закрѣпилъ нѣкоторыя измѣненія, произведенныя нѣсколько ранѣе (1810 г.), по которымъ къ вѣдомству этого министерства были присоединены „всѣ вообще академіи и учебныя ихъ заведенія, исключая духовныхъ“; исключались изъ его вѣдомства духовныя училища только православнаго исповѣданія, всѣ же остальныя должны были входить въ общую систему учебныхъ заведеній; въ организаціи военныхъ училищъ министерство просвѣщенія должно было только оказывать содѣйствіе военному вѣдомству.

3. Правительственная реакція (1812—1825). Таковы были въ общихъ чертахъ законодательные результаты либеральной преобразовательной правительственной дѣятельности къ началу второго десятилѣтія. Развиваясь внѣ всякой связи съ дѣйстви-

*) Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго (Введеніе къ уложенію государств. законовъ 1809 г.). М. 1905, стр. 69.

тельнымъ положеніемъ народныхъ массъ и не считаясь съ ихъ реальными нуждами, она носила внѣшній характеръ, очень скоро достигла своего предѣла и не обладала никакой устойчивостью. Во всеподданнѣйшей запискѣ гр. Кочубея 1814 г. находимъ откровенное заявленіе: „впрочемъ, всѣмъ извѣстно, что министерство народнаго просвѣщенія въ настоящемъ его видѣ имѣетъ занятія весьма ограниченныя“ *). Самыя эти „занятія“ послѣ 1812 года получаютъ совершенно другое направленіе. Наступала реакція противъ великой французской революціи; „доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка: въ учебныхъ заведеніяхъ видѣли скопище полузнаекъ, самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушить то, чего они не жалуютъ, то-есть все“ **). Новый правительственный курсъ, нашедшій яркое выраженіе въ актѣ Священнаго союза, въ области народнаго образованія поставилъ себѣ цѣлью „основать народное воспитаніе на благочестіи“. „Дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“, манифестъ 24 октября 1817 года призналъ „полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій“ въ одномъ „министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“. Въ инструкціи ученому комитету новаго министерства (1818 г.), цѣлью его дѣятельности признается достиженіе „постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью, или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ“. Руководителями министерства выступили люди, враждебные реформаторамъ начала вѣка и просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка. Въ ихъ рукахъ народное просвѣщеніе и школа были прежде всего и главнѣе всего орудіемъ политики. Реформа министерства не коснулась мѣстной школьной административной организаціи, но зато въ самомъ корнѣ измѣнила внутреннюю постановку школъ. По новымъ учебнымъ планамъ (1819 г.), изъ курса уѣздныхъ училищъ исключены начала естественной исторіи и технологіи и сокращены курсы географіи и исторіи, а латинскій и нѣмецкій языки сдѣланы обязательными только для готовящихся въ гимназію. Во всѣхъ безъ исключенія училищахъ предписано ввести чтеніе изъ св. писанія или изъ евангелистовъ, издаваемыя департаментомъ народнаго просвѣщенія, книга же „о должностяхъ человѣка и гражданина“ исключена изъ учебныхъ руководствъ, какъ изложенная „по философскимъ началамъ, всегда слабымъ“, по выраженію архіепископа Филарета.

Въ новомъ своемъ видѣ министерство просуществовало только до 1824 года, когда вѣдомство православнаго исповѣданія было снова отдѣлено. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей министерства А. С. Стурдза писалъ, что „самой грубой ошибкой“ въ его организаціи было то,

*) Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. 1, стр. 565.

**) Сухомлиновъ. Матеріалы, гл. I.

что „дѣла синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества, установили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ“. Въ такомъ „вѣроисповѣдномъ индиферентизмѣ“, по выраженію офиціальнаго историка министерства, сказались послѣдніе пережитки вѣяній начала вѣка. „Господствующая церковь“ помириться съ этимъ не могла; наиболѣе видные ея дѣятели дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы довести начавшуюся реакцію до неизбѣжнаго логическаго конца и внести въ систему народнаго образованія послѣдній, еще недостававшій ей для полнаго торжества ихъ идей элементъ. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Шишковъ, который въ первомъ же засѣданіи главнаго правленія училищъ развернулъ такую программу предстоящей дѣятельности министерства: оно должно прежде всего оберегать юношество отъ заразы „лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ; науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго... Сверхъ сего, науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ... Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ“. Въ первомъ же докладѣ государю (1824 г.) министръ просилъ позволенія составить планъ, „какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось“. Былъ образованъ особый комитетъ для пересмотра всѣхъ постановленій по учебной части и составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній. Однако, работа эта была осуществлена уже при новомъ царствованіи, представляющемъ въ исторіи нашего народнаго образованія цѣльную самостоятельную страницу. Къ ней мы перейдемъ ниже, теперь же остановимся на тѣхъ сторонахъ положенія народнаго образованія въ первой четверти вѣка, которыхъ еще почти не касались.

4. Народная самодѣятельность въ первой четверти вѣка. Чтобы правильно оцѣнить правительственную роль, чрезвычайно важно было бы опредѣлить значеніе, которое имѣла въ дѣлѣ просвѣщенія народа его собственная, ничѣмъ извнѣ не регламентированная дѣятельность. Къ сожалѣнію, сколько-нибудь точный количественный учетъ ея совершенно невозможенъ. Безспорно только, что она существовала, а относительно отдѣльныхъ мѣстностей выяснены интересные факты, характеризующіе отношеніе, которое установилось между дѣятелями офиціальной школы и просвѣтительной дѣятельностью самого народа. Такъ, извѣстно, что „народныя элементарныя школы существовали у мало-

россійскаго населенія нынѣшнихъ губерній — Черниговской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Курской, Екатеринославской и, вѣроятно, Херсонской и Таврической и число ихъ было весьма значительно. Онѣ возникали внѣ всякой правительственной организаціи и помощи... Бѣдныя, разбросанныя по деревнямъ, народныя школы стояли не совсѣмъ одиноко, а представляли какъ бы части великаго цѣлаго, какъ бы отдѣльные элементы особаго цикла образованія, лишеннаго, впрочемъ, какой бы то ни было регламентаціи" *). Учительствовали въ этихъ школахъ дьячки, званіе которыхъ тѣсно слилось въ понятіи народа съ учительствомъ: они выбирались самимъ народомъ и—„дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло— были въ ладу со средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣріемъ" **). Однако же судьба этихъ школъ была очень печальна и вмѣсто качественнаго и количественнаго роста онѣ все болѣе и болѣе исчезали. Разбирая причины этого явленія, академикъ Сухомлиновъ находитъ, что онѣ коренятся не въ неудовлетворительности самихъ школъ и даже не въ крѣпостномъ правѣ, а въ рвеніи тѣхъ „гасителей народнаго просвѣщенія, которые со времени Екатерины стали называться опекунами народнаго просвѣщенія" ***). „Опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа,—говоритъ онъ,—едва ли не самая дѣйствительная причина смерти училищъ, въ будущность которыхъ еще такъ недавно вѣрили лучшіе люди края. Рѣшительныя мѣры, принятыя... къ учрежденію офиціальныхъ училищъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрами противъ народныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ-то книгамъ, въ такіе-то часы, подчиняться такимъ-то начальникамъ. Но исполненію подобныхъ требованій представлялись на первыхъ порахъ препятствія непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать дѣтей своихъ въ училища; власти прибѣгали къ угрозамъ, но видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлку — допускали совмѣстное обученіе и въ офиціальныхъ и въ домашнихъ школахъ. Въ разныхъ городахъ Черниговской губерніи уцѣлѣли въ архивахъ любопытные памятники введенія новой системы образованія... Перебирая вереницу данныхъ, невольно приходишь къ вопросу, зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопытнаго врага—старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? Съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ ли былъ дѣйствительный успѣхъ, или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями, училищные чиновники по цивилизованнымъ образцамъ и краснорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранные языки". Борьбу съ народными школами вели не только екатерининскія, но и але-

*) Багалѣй, Д. И. Опытъ исторіи харьковскаго университета, т. I (1802—1815 г.), стр. 1101.

**) Сухомлиновъ. „Училища и народн. образованіе въ Черниговской губ". Ж. М. Н. П. 1864 г.

***) Тамъ же.

ксандровскія школы, говоритъ историкъ Харьковскаго университета; „тѣмъ не менѣе, количество ихъ въ началѣ XIX в. было еще довольно значительно“ и еще въ отчетѣ визитатора Тимковскаго за 1806 годъ читаемъ, напримѣръ, что „во всѣхъ уѣздныхъ городахъ существуютъ частныя школы, часто многолюдныя, которыя признаются всѣми учителями малыхъ народныхъ училищъ причиною недостаточнаго числа учениковъ въ этихъ послѣднихъ. Школы эти населеніе признаетъ какъ бы за приходскія и издревле ихъ по старому обычаю поддерживаетъ, хотя дѣти въ нихъ ничему иному не учатся кромѣ азбуки, часослова и псалтыря, при томъ съ неправильнымъ чтеніемъ и письмомъ дурного почерка“ *). Такія же точно данныя находимъ въ отчетахъ визитаторовъ казанскаго университета (за 1807 г.): Въ чистопольскомъ официальномъ училищѣ учениковъ было очень мало и учитель объяснилъ, что это происходитъ отъ существованія въ городѣ пяти частныхъ училищъ, гдѣ учащихся въ нѣсколько разъ больше и „сіе вѣроятно отъ раскола въ вѣрѣ“. Въ сел. Сеитово близъ Оренбурга „поразило визитаторовъ при осмотрѣ татарскихъ училищъ и хорошее устройство ихъ, и множество учащихся, понравились и учителя, разные почтенные ахуны и муллы“ **).

Правительственная регламентація частныхъ учебныхъ заведеній была направлена главнымъ образомъ противъ иностранцевъ. Въ 1811 году было установлено требованіе, чтобы содержатели пансіоновъ и учителя знали русскій языкъ и преподаваніе въ нихъ велось по-русски; кромѣ того пансіоны были обложены 5% сборомъ съ платы за учениковъ, который просуществовалъ, впрочемъ, только до 1816 г. Въ 1812 году былъ возстановленъ экзаменъ для пріѣзжихъ иностранцевъ и прекращена педагогическая дѣятельность іезуитовъ въ столицѣ. Въ Сибири въ роли домашнихъ наставниковъ часто выступали ссыльные, потому что, по объясненію мѣстныхъ властей, „казенныя училища находились въ дурномъ состояніи“; въ 1813 году было постановлено, что „людямъ, за порочность въ Сибирь сосланнымъ, не должно ввѣрять обученіе дѣтей“.

5. Внутреннее состояніе правительственной школы въ первой четверти вѣка. Какія же училища давало населенію само правительство, какіе въ нихъ были учителя и какіе чиновники завѣдывали ими на мѣстахъ? Несмотря на далеко неполную разработку архивныхъ данныхъ и другихъ источниковъ, существующая литература даетъ на эти вопросы достаточно опредѣленные отвѣты. „Уже при первыхъ двухъ министрахъ выяснились главныя препятствія успѣшному развитію низшаго образованія,—пишетъ официальный историкъ министерства просвѣщенія,—несоотвѣтствіе учебныхъ плановъ потребностямъ общества, скудость матеріальныхъ средствъ, недостатокъ учителей“. Приводя слова историка петербургскаго учебнаго округа, что „вообще всѣ сель-

*) Богалѣй, стр. 1175.

**) Буличъ, И. „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“, ч. I, изд. 2-е, стр. 505.

скія училища не имѣли прочнаго существованія и большей частью закрывались въ скоромъ времени послѣ открытія", онъ прибавляетъ, что эту „характеристику положенія сельскаго начальнаго образованія" „можно, безъ сомнѣнія, распространить и на другіе учебные округа". Въ отчетахъ университетскихъ визитаторовъ находимъ рядъ яркихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что училищныя помѣщенія обычно не удовлетворяли самымъ скромнымъ требованіямъ не только школьной гигіены, но даже простого человѣческаго жилища; тѣ же немногія школьныя зданія, которыя были получше, нерѣдко отбирались для другихъ, болѣе серьезныхъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ властей, надобностей. Такъ, домъ училища въ Бузулукѣ „почесть не только не можно домомъ училища, но ниже пристойною почти мѣсту воспитанія квартирою" (1807 г.). Въ Уфѣ хорошій домъ, отведенный подъ училище, былъ занятъ губернаторомъ, а предоставленный взамѣнъ него училищу другой домъ „развалился совершенно и потому ученіе было прекращено" (1807 г.). Въ Симбирскѣ почти все помѣменіе, отведенное училищу по предписанію министра, было занято дворянскимъ благороднымъ собраніемъ, при чемъ иностранный „содержатель сего трактира" не только самъ имѣлъ 5 просторныхъ комнатъ, но и множество его собакъ имѣли „особые отхожіе покои"; „тремъ же учителямъ предоставлены два въ землѣ подъ домомъ выхода", у одного изъ нихъ больна вся семья, „да и самъ онъ, какъ тѣнь шатается" (1807 г.).*) Въ Новгородской и Псковской губерніяхъ „училищные дома вездѣ почти въ худомъ состояніи, ветхи, тѣсны и неопрятны" **). Попечитель виленскаго округа въ 1807 году доносилъ министру, что „училищные домы, неизвѣстно почему, преимущественно предъ прочими на мѣстахъ зданіями признаваются для военныхъ надобностей. Въ однихъ помѣщаются лазареты, въ другихъ магазины, въ нѣкоторыхъ даже присутственныя мѣста..."

Жалкому состоянію школьной обстановки какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало и положеніе „души школы"—ея учителей и школьной администраціи. Говоря о препятствіяхъ, встрѣченныхъ при введеніи въ дѣйствіе устава 1804 г., историкъ министерства пишетъ, что „преобразованіе старыхъ училищъ и открытіе новыхъ должно было совершаться подъ ближайшимъ руководствомъ директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ; но составъ тѣхъ и другихъ въ началѣ реформы совершенно не соотвѣтствовалъ важности возлагаемой на нихъ задачи: директорами назначались отставные, необразованные офицеры; смотрителями малыхъ училищъ... оказывались невѣжественные купцы и мѣщане... Еще болѣе серьезнымъ препятствіемъ успѣшному проведенію реформы былъ крайній недостатокъ въ учителяхъ. Матеріальная необезпеченность и низкое соціальное положеніе учителя отвращали учащуюся молодежь

*) Буличъ. „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета".

**) Всеподд. отчетъ по м—ву народн. просв. за 1803 г.

отъ педагогической карьеры. Педагогическій трудъ менѣе, чѣмъ какой-либо другой, встрѣчалъ сочувствіе со стороны сословныхъ традицій общества...“ Въ глазахъ дворянства „педагогическая профессія была менѣе другихъ совмѣстна съ дворянскимъ достоинствомъ“. Въ то же время, представители крѣпостной массы населенія или вовсе не допускались къ занятію учительскихъ мѣстъ, или допускались съ большими ограниченіями. Вопросъ о томъ, могутъ ли крѣпостные люди быть учителями въ сельскихъ училищахъ, возникъ въ 1807 г. въ харьковскомъ округѣ и попечитель одобрилъ мнѣніе одного изъ директоровъ, опасавшагося, чтобы „при низкомъ мнѣніи къ сему состоянію не произвести купно презрѣніе къ публичному учительскому званію“. Главное правленіе постановило, „что помѣщики могутъ употреблять способныхъ крѣпостныхъ людей своихъ для обученія юношества въ приходскихъ училищахъ, но таковаго состоянія учители не должны по общимъ узаконеніямъ почитаться въ дѣйствительной государственной службѣ, или же пользоваться правами и преимуществами, съ оною соединенными“ *).

Только въ 1812 г. дозволено было вступать въ учебную службу, съ исключеніемъ изъ окладовъ, вольноотпущеннымъ и уволеннымъ мѣщанскими и купеческими обществами лицамъ, „отличившимся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“. Что касается духовенства, „съ призваніемъ и традиціями котораго педагогическая дѣятельность находилась въ полномъ согласіи“, то въ 1815 году позволено было принимать на учебную службу лицъ, уволенныхъ изъ духовнаго званія, безъ предварительнаго разрѣшенія синода. Обращаясь къ офиціальнымъ документамъ того времени, нетрудно убѣдиться, что крайне приниженное и бѣдственное положеніе учителей было прекрасно извѣстно и правительству, и его мѣстнымъ представителямъ. Въ одномъ изъ офиціальныхъ представленій (1816 г.) министръ откровенно заявляетъ, что „никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ, выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ“. Харьковскій попечитель гр. Потоцкій въ 1817 г. писалъ: „учителя, при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни отъ правительства, ни отъ частныхъ людей достаточныхъ средствъ къ содержанію себя и семейства, должны, наконецъ, возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы“. „Никакія мѣры,—пишетъ онъ далѣе,—принимаемыя училищнымъ начальствомъ для усовершенствованія учебной части, не могутъ быть успѣшными, если прежде всего не будетъ обращено попеченіе о доставленіи учительскому званію большихъ выгодъ и уваженій“. Однако, министръ призналъ, что правительству „едва ли возможно“ „предпринять общую мѣру для лучшаго обезпеченія вдругъ всего многочисленнаго класса народныхъ учителей“. Въ результатѣ министерство признало необ-

*) Рождественскій. Историч. обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія (1802—1902), стр. 73.

ходимымъ прибѣгнуть къ введенію платы за ученіе. Для характеристики создавшагося на мѣстахъ положенія можно было бы привести массу живыхъ иллюстрацій изъ различныхъ, относящихся къ тому времени документовъ, но мы ограничимся лишь нѣсколькими. Въ 1814 г. министръ писалъ попечителю казанскаго округа, что „учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности“ *). Въ 1806—1807 гг. директоромъ оренбургскихъ училищъ былъ П. Протопоповъ, поведеніе котораго вызвало разслѣдованіе университетскаго визитатора. Въ результатѣ были установлены факты, одна возможность которыхъ бросаетъ яркій свѣтъ на прошлое нашей школы. Этотъ директоръ „всегда почти упивался горячихъ напитковъ“, въ училищѣ „завелъ торжище распутства“; жившіе съ нимъ рядомъ учителя показали, что по ночамъ они нерѣдко приходили въ страхъ, такъ какъ „по-часту онъ въ глубокую ночь топочетъ и кричитъ необычайнымъ голосомъ, отъ намѣренія ли то насъ безпокоить, или отъ находящаго на него умоизступленія, или отъ непомѣрнаго пьянства“; по донесенію одного учителя „директоръ пьяница, нахалъ, всѣми презрѣнъ, служитъ вездѣ шутомъ и музыкантомъ и, какъ говорятъ, проигрываетъ въ карты книги“. Вѣнцомъ его подвиговъ была поѣздка въ Бузулукъ для обозрѣнія училищъ; здѣсь „представилъ онъ собою самое постыдное и соблазнительнѣйшее ко вреду просвѣщенія зрѣлище, допустивъ нарядить себя въ хлѣбный куль, водить по улицѣ, мазать сажею, посадить подъ столъ, и, на подобіе пуделя, при подачѣ стакана пунша, дѣлать всѣ его экзерциціи“. Самъ П. называлъ этотъ случай „одною пріятельскою шуткою“. Этотъ директоръ постоянно бывалъ у мѣстнаго генералъ-губернатора Волконскаго, забавлялъ его и пользовался его благосклонностью настолько, что для покрытія обнаруженнаго у него недочета генералъ-губернаторомъ была лично устроена подписка между чиновниками *).

Историкъ учебныхъ заведеній черниговской дирекціи, на основаніи тщательнаго изученія сохранившихся документовъ, приходитъ къ выводу, что весь личный педагогическій составъ „раздѣлялся на двѣ группы: одну мирную, работающую спокойно и безвѣстно, другую бурную и безпокойную, ратующую за свои интересы“, девизомъ которой былъ „личный интересъ, произволъ, доходящій до буйства и пренебреженіе не только высокихъ обязанностей наставника, но даже и обязанностей порядочнаго человѣка“. Однимъ изъ представителей этой части былъ смотритель остерскаго училища Липкинъ, подвиги котораго не уступаютъ описаннымъ выше подвигамъ Протопопова въ Оренбургѣ **).

*) Буличъ, ч. 2, изд. 2, стр. 425.

*) Буличъ, ч. I, изд. 2, стр. 492,

**) Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній Черниговской дирекціи, съ 1789—1832 г. Цирк. Кіевск. Уч. Окр. 1865 г. 1, 2, 5, 7, 8.

На общемъ фонѣ учителей, приниженныхъ нуждой и безправіемъ съ одной стороны, и дѣятелей типа Протопопова и Липкина съ другой, рѣдкими оазисами выдѣляются личности, искренно и горячо преданныя дѣлу просвѣщенія народа, но онѣ были очевидно совсѣмъ „не ко двору" въ ту эпоху. Директоръ бѣлорусской губерніи С. Цвѣтковскій, обращаясь къ члену главнаго училищнаго правленія Янковичу де Миріево съ просьбой предложить приказу общественнаго призрѣнія „изыскать потребныя суммы на нужды училищъ", заканчиваетъ письмо характерными словами: „смѣю только всепокорнѣйше просить предъ здѣшнимъ начальникомъ имени моего не упоминать, ибо и безъ того считаютъ меня школьнымъ хлопотуномъ" *). Въ тамбовской губерніи начало учительства было положено еп. Ѳеофиломъ, который принялъ рядъ энергичныхъ мѣръ для образованія и церковниковъ и населенія, но „всѣ эти просвѣщенныя желанія умнаго епископа не вызывали въ свѣтскихъ людяхъ желаннаго отклика. Училищныхъ домовъ никто не дарилъ и не строилъ. Книгъ мальчикамъ никто не покупалъ. Большой расходъ былъ только на однѣ розги", а кончина Ѳеофила (1811 г.) „была вмѣстѣ съ тѣмъ кончиною вопросовъ о развитии народной школы" **). Опубликованные въ послѣдніе годы матеріалы, освѣщающіе роль университетовъ въ судьбахъ народнаго образованія, показываютъ, что среда профессоровъ выдвинула значительное число искреннихъ работниковъ народной школы, вносившихъ въ окружавшую ее общую затхлую атмосферу и знаніе, и творческую мысль, и любовь къ дѣлу. Одинъ изъ визитаторовъ харьковскаго университета Тимковскій, исходя изъ того, что директора, смотрители и учителя разныхъ губерній могутъ нуждаться для своихъ ученыхъ работъ во взаимныхъ совѣтахъ и помощи, предлагалъ даже училищному комитету рекомендовать имъ „установить между собою такую связь, такъ какъ отъ нея могутъ возрастать общее благо народнаго образованія и успѣхи наукъ *). На какую почву падали эти старанія немногихъ преданныхъ дѣлу работниковъ того времени, показываетъ хотя бы отвѣтъ уфимскаго губернатора на ходатайство визитатора о нуждахъ мѣстнаго училища. Губернаторъ сказалъ „якобы Г. Императоръ, между всѣми богоугодными заведеніями приказа, училища соизволяетъ почитать въ числѣ послѣднихъ" **). Таковъ жизненный выводъ, который сдѣлалъ представитель мѣстной власти изъ громкихъ словъ, щедро разсыпавшихся въ правительственныхъ законахъ, которые никто не читалъ, и дѣлъ правительства, безъ всякихъ словъ ясно показывавшихъ всѣмъ и каждому истинные его интересы.

Нетрудно представить себѣ, что могли дать учащимся такія школы и такіе учителя. Визитація харь-

*) Сборникъ матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. I, стр. 195.

**) Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, стр. 147, 151.

*) Багалѣй, т. I, стр. 1157.

**) Буличъ, ч. I, стр. 505.

ковскаго проф. Успенскаго въ 1814 г. обнаружила, что „ни въ одномъ изъ училищъ ученики не умѣютъ даже порядочно сидѣть и держать ни пера, ни бумаги“ *). „Школа производила безграмотныхъ невѣждъ и недорослей. Многія дѣти въ двуклассномъ уѣздномъ училищѣ достигали совершеннолѣтія и выходили изъ училища съ самыми бѣдными свѣдѣніями, которыя въ пору было имѣть мальчику 10 или 11 лѣтъ“ **). Гуманная система школьныхъ наказаній, предписанная учителямъ въ 1794 году, вовсе не допускающая тѣлесныхъ наказаній, „существовала только въ теоріи“, и налицо „множество доказательствъ не только употребленія тѣлесныхъ наказаній, но даже и неслыханной жестокости тогдашнихъ воспитателей“. Сначала директора, хотя и безъ замѣтныхъ отъ того результатовъ, „стояли на стражѣ закона“, но по мѣрѣ усиленія реакціи они совершенно перестаютъ имъ стѣсняться. Характеренъ отвѣтъ, данный черниговскимъ директоромъ на жалобу одного діакона-отца за нанесенныя его сыну въ школѣ побои; директоръ не только не одобряетъ отца за принесеніе жалобы, но еще укоряетъ его, „что онъ самъ изъ духовнаго званія и что долженъ знать священное писаніе, въ которомъ твердится, чтобы не жалѣть своего жезла надъ дѣтьми своими, если мы хотимъ имѣть ихъ добрыми и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ себѣ, и въ отношеніи къ государству“ *). Представители государства того времени, разумѣется, знали, что дѣлается въ школахъ. Въ министерскомъ выговорѣ харьковскому директору въ 1811 году, вызванномъ сѣченіемъ одного ученика, читаемъ, что такіе поступки „истребляютъ въ дѣтяхъ любочестіе и отъ таковаго воспитанія грубѣютъ чувствованія, благородный образъ мыслей, съ каковыми дѣти нерѣдко поступаютъ изъ домовъ своихъ въ училища и въ нихъ оныя теряютъ, вопреки цѣли просвѣщенія, и въ директорѣ вмѣсто отца, представляютъ себѣ мучителя“ **). Эта правдивая картина внутренняго состоянія школы, разумѣется, не могла сколько-нибудь замѣтно измѣниться отъ какихъ бы то ни было министерскихъ выговоровъ. При всѣхъ условіяхъ жизни школъ того времени она и не могла быть иной.

Говоря о внутреннемъ строѣ школъ, нельзя не упомянуть, что даже въ эпоху господства правительственнаго либерализма, когда о реакціи еще никто не думалъ, правительственная администрація зорко слѣдила уже за „направленіемъ“ преподаванія въ школахъ. Характернымъ памятникомъ этого является журналъ комиссіи (1801 г.), подписанный между прочимъ и Янковичемъ, по дѣлу объ обнаруженныхъ въ минской и подольской губерніяхъ учебныхъ книгахъ, „наполненныхъ многими изъясненіями, неприличными монархическому правленію“. Комиссія признала „весь-

*) Харьковскія школы въ старину. Харьк. Губ. Вѣд. 1865 г. 6—9.

**) Матеріалы для исторіи учебн. завед. Черниговск. дирекціи. Ц. Кіев. Уч. Окр. 1865 г. стр. 395.

*) Тамъ же, стр. 401.

**) Харьковск. школы въ старину.

ма вредными“ книги „историческія и толкующія о правахъ“. Приводя въ журналѣ выдержки изъ двухъ учебниковъ, что „иго тиранства и самодержавіе унижаютъ истинное краснорѣчіе“ и что „большаго распространенія власть законодательная имѣть не можетъ, уважая, что оная есть въ народѣ, отъ народа и для народа“, комиссія пишетъ: „государство, управляясь монархомъ, министры его не употребляютъ краснорѣчія, а по обстоятельствамъ общаго блага полагая планъ къ производству дѣлъ, принимаютъ твердое и мужеское исполненіе онаго безъ всякаго витійства“. Разсужденія комиссіи о сущности самодержавія сдѣлали бы честь іезуитамъ: „какъ законодательная власть имѣетъ своею цѣлью *благо народа,*—пишетъ она,—то и справедливо, что оная есть для народа; но что оная *въ народѣ* и *отъ народа,* этого сказать нельзя; ибо какъ власть родителей надъ дѣтьми и хозяина надъ домочадцами не зависитъ отъ воли дѣтей и домочадцевъ, а оная зависитъ отъ цѣли того союза, какую ему природа положила... тотъ, который повелѣваетъ, имѣя цѣлью общее благо повинующихся, имѣетъ и законодательную власть для достиженія той цѣли не отъ воли повинующихся, а отъ самаго естества и положенія таковаго союза, которое служитъ основаніемъ и вмѣстѣ предѣломъ законодательной власти“ *). Далѣе комиссія проситъ позволить ей имѣть собственную типографію и дать ей исключительное право печатать „учебныя и всѣ прочія, разсматриваемыя комиссіею, книги“ „и чтобъ нигдѣ не были учебныя и прочія, ею издаваемыя, книги перепечатываемы, дабы не воспослѣдовало какого-нибудь въ оныхъ подлога“.

6. Финансовая политика правительства Александра I. Общій очеркъ основного законодательства по народному образованію и дѣйствительнаго его положенія былъ бы неполонъ, если бы мы хотя бѣгло не коснулись еще нѣсколькихъ сторонъ описываемой отрасли общественнаго хозяйства первой четверти вѣка. Какъ мы видѣли, уже въ „предварительныхъ правилахъ“ 1803 г. правительство, уклонившись само отъ какого-либо ассигнованія на народное образованіе, возлагаетъ большія надежды въ этомъ отношеніи на частную благотворительность „благонамѣренныхъ гражданъ“. Съ теченіемъ времени эта мысль получила дальнѣйшее развитіе и надолго сдѣлалась одной изъ характерныхъ особенностей постановки у насъ народнаго образованія. Въ 1811 г. была учреждена должность почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, „наиболѣе благорасположенныхъ къ наукамъ и могущихъ по достатку и щедрости своей споспѣшествовать выгодамъ училищъ“. Въ 1816 г. издается спеціальное положеніе о наградахъ для благотворителей училищъ. Въ немъ говорится, что „штатныя отъ казны суммы, на училища опредѣленныя, содѣлались на содержаніе сихъ заведеній недостаточными“ и министерство, „изыскивая легчайшія и

*) Сборн. матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи, т. I, стр. 385.

для казны не обременительныя средства къ поддержанію училищъ, находитъ, что большая часть училищныхъ недостатковъ исправлена быть можетъ пожертвованіями благотворительныхъ особъ въ пользу народнаго просвѣщенія. Но дабы сихъ людей больше къ тому поощрить и возбудить въ другихъ соревнованіе къ благотвореніямъ, нужно предназначить для нихъ нѣкоторыя почести и награды". Положеніе устанавливаетъ затѣмъ цѣлый длинный рядъ такихъ „почестей и наградъ". Чрезвычайно характерно отношеніе правительства къ вопросу о введеніи въ училищахъ платы за ученіе, о которомъ мы уже вскользь упомянули выше. Впервые плата за ученіе была введена въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ дерптскаго округа, а въ 1817 г. утвержденъ проектъ объ установленіи самой умѣренной, но постоянной платы въ учебныхъ заведеніяхъ петербургскаго округа. Представляя этотъ проектъ, министръ доказывалъ вредъ безплатнаго обученія, „возрождающаго нѣкую пагубную безпечность въ родителяхъ, особливо въ низшемъ классѣ, и въ разсужденіи прилежнаго хожденія дѣтей въ училища и ихъ успѣховъ". Въ 1819 г. утверждено было общее положеніе о введеніи платы за ученіе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ее признаетъ нужной министерство, которому предоставлено и назначеніе размѣра платы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами. Главнымъ мотивомъ, вызвавшимъ этотъ законъ, были уже не отвлеченныя педагогическія соображенія, подобныя приведеннымъ, а конкретная и вполнѣ реальная цѣль: „плата за ученіе должна была служить тѣмъ важнымъ рессурсомъ, дополнявшимъ скудное штатное содержаніе учебныхъ заведеній, какимъ были пособія отъ городскихъ обществъ" *).

Къ тому же самому времени относятся разсчеты вершителей судебъ народнаго образованія возложить на плечи самого населенія не только расходы по содержанію училищъ, но и самое преподаваніе въ нихъ. Средствомъ для этого должна была послужить метода Ланкастера (метода взаимнаго обученія), относительно которой въ министерскомъ докладѣ 1819 г. говорится, что она „будетъ общимъ для всего государства учрежденіемъ, по которому откроется средство къ первымъ началамъ обученія для всего нижняго и бѣднаго состоянія людей". За границу были въ 1816 г. командированы 4 студента для изученія этой методы; на учрежденіе второго разряда главнаго педагогическаго института также смотрѣли какъ на разсадникъ къ ея „скорѣйшему и надежному распространенію" (1817 г.); въ Петербургѣ было разрѣшено спеціальное „общество для заведенія училищъ по методѣ взаимнаго обученія" (1819 г.); въ 1820 г. былъ образованъ особый комитетъ для устройства и наблюденія за училищами взаимнаго обученія, просуществовавшій до 1831 г.; предполагалось ввести эту методу во всѣ приходскія училища. Изъ всей этой затѣи однако почти ничего не вы-

*) Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902, стр. 138.

шло. Правительственный комитетъ очень скоро сталъ во враждебныя отношенія не только къ упомянутому частному обществу, обвиняя его въ неупотребленіи изданныхъ департаментомъ таблицъ и требуя его закрытія (1821 г.), но даже къ учительскому институту при петебургскомъ университетѣ (бывшій второй разрядъ), въ которомъ онъ усмотрѣлъ преобладаніе вредной методы Песталоцци. Все это дѣло кончилось изданіемъ въ 1822 г. распоряженія о принятіи ланкастерской методы въ приходскихъ училищахъ при обученіи чтенію, письму и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики.

7. *Удѣльныя школы въ первой четверти вѣка.* Характерной частностью общей картины положенія въ странѣ народнаго образованія въ первой четверти столѣтія являются удѣльныя школы*). Еще „учрежденіемъ объ императорской фамиліи“ 1797 г. было указано, что „экспедиціи удѣловъ обязаны стараться заводить во всякомъ приходѣ, при церквахъ, школы, кои состоять должны подъ особымъ надзираніемъ приходскихъ священниковъ“ и въ которыя должны поступать дѣти 6—10 лѣтъ, чтобы они, „не будучи въ состояніи сносить никакой тягостной работы, время сіе ко вреду своему праздно не провождали“. Сельскимъ приказнымъ предписывалось постоянно наблюдать, чтобы „установленіе сіе не оставалось безъ успѣха“; они обязаны были склонять родителей посылать дѣтей въ школы, но „не чинить никому при этомъ принужденія“. Однако всѣ эти предписанія на дѣлѣ не привели почти ни къ какимъ реальнымъ результатамъ. Въ 1800 и 1802 гг. мѣстнымъ экспедиціямъ предписывалось приступить къ учрежденію школъ уже не при каждомъ приходѣ, а при каждомъ приказѣ, крестьянамъ были уступлены строенія изъ-подъ закрытыхъ суконныхъ мастерскихъ для помѣщенія въ нихъ больницъ, богадѣленъ и школъ, и экспедиціямъ предписывалось выяснить на мірскихъ сходкахъ, „сколько по состоянію крестьянъ можно на первый случай имѣть въ школахъ учениковъ“. На это распоряженіе почти всѣ экспедиціи донесли о невозможности открытія школъ по непригодности предназначенныхъ для нихъ строеній и вслѣдствіе нежеланія крестьянъ обучать дѣтей. Тамбовская экспедиція писала по этому случаю, что „такъ какъ крестьяне не имѣютъ никакихъ другихъ промысловъ, кромѣ хлѣбопашества, то и изученіе грамотѣ малолѣтнихъ было бы только поводомъ отвлеченія отъ онаго безъ всякихъ выгодныхъ послѣдствіевъ въ ихъ крестьянскомъ обиходѣ“. Отсутствіе сельскихъ училищъ и необходимость нѣкотораго числа грамотныхъ для канцелярскихъ нуждъ самаго удѣльнаго управленія привели къ изданію въ 1804 г. предписанія экспедиціямъ выбрать изъ каждаго приказа по три мальчика и помѣстить ихъ для обученія грамотѣ въ народныя училища уѣздныхъ городовъ, съ обязательствомъ содержанія этихъ учениковъ на мірской счетъ. Мальчики назначались для кан-

*) См. „Исторію удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“, 1797—1897, т. II, Спб. 1902, стр. 373—398.

целярскихъ должностей въ удѣльныхъ управленіяхъ, и экспедиціямъ предписывалось убѣждать крестьянъ не оказывать противодѣйствія этому дѣлу, разъясняя имъ всѣ его выгоды. Такимъ образомъ, когда рѣчь зашла объ удовлетвореніи потребности самой удѣльной администраціи въ грамотныхъ служащихъ, она прибѣгла прямо къ насильственной мѣрѣ, но даже и въ этомъ случаѣ не сочла нужнымъ ассигновать на образованіе населенія что-либо изъ собираемыхъ съ этого населенія средствъ, а возложила всю тяжесть новой повинности на мірскія плечи. Кромѣ приведенныхъ, въ разное время удѣльнымъ управленіемъ издавались и другія предписанія, настоянія и т. д. по школьному дѣлу, которыя однако же ровно ни къ чему не приводили. Въ 1827 году, на запросъ министра просвѣщенія о числѣ удѣльныхъ училищъ и о томъ, какія они имѣютъ „для руководства своего постоянныя правила и пособія", министръ двора долженъ былъ отвѣтить, что въ удѣльныхъ селеніяхъ находится только 5 училищъ, неимѣющихъ никакихъ правилъ, служащихъ къ руководству учащимъ и учащимся.

8. *Православное духовенство и школа въ первой четверти вѣка.* Высшія духовныя власти начала вѣка не отставали отъ своихъ свѣтскихъ товарищей въ письменномъ и словесномъ усердіи въ дѣлѣ насажденія народнаго образованія. Уже въ 1804 г. синодъ составилъ особое положеніе объ участіи священно и церковно-служителей въ устроеніи сельскихъ приходскихъ училищъ, которое было признано министерствомъ просвѣщенія „на первый случай достаточнымъ" и вызвало предписаніе сената всѣмъ губернскимъ начальствамъ оказывать содѣйствіе духовному начальству въ заведеніи сельскихъ школъ. Этимъ положеніемъ предписывается, чтобы ученіе въ школахъ вели діаконы и причетники, обучавшіеся въ семинаріяхъ. Училища должны открываться тамъ, гдѣ имѣются подобные діаконы и причетники, въ противномъ случаѣ архіереямъ вмѣняется въ обязанность опредѣлять на эти мѣста лицъ, способныхъ къ преподаванію. Училища помѣщаются въ домахъ „отъ свѣтскаго правительства", обученіе въ нихъ производится по книгамъ, изданнымъ правительствомъ, и духовенство не принимаетъ на себя расходовъ по ихъ пріобрѣтенію. Въ мѣстностяхъ инородческихъ ученіе производится на мѣстномъ нарѣчіи, „доколѣ всѣ прихожане, отъ мала до велика, разумѣть будутъ совершенно россійскій языкъ". Въ 1818 г. появился проектъ о передачѣ сельскихъ школъ всецѣло въ руки духовенства, но былъ отвергнутъ послѣ отрицательнаго отзыва о немъ архіеп. Филарета, по мнѣнію котораго въ основѣ проекта лежитъ предположеніе „преобразовать приходское духовенство и его управленіе ради образованія приходскихъ народныхъ". По мнѣнію этого представителя высшаго духовенства того времени, „должность діакона-земледѣльца соединять съ должностью учителя неудобно. Плата за ученіе не доставитъ насущнаго хлѣба, который доставляетъ воздѣлываніе земли собственными руками. Семинаристовъ, окончившихъ курсъ уче-

нія, не достаетъ и для священническихъ мѣстъ: гдѣ же взять ихъ въ учители съ чиномъ діакона? Церковной суммы въ большей части церквей едва достаетъ на собственныя потребности церквей. Впрочемъ, мысль употребить діаконовъ для наставленія отрочества, въ частномъ видѣ, не совсѣмъ неудобоисполнима и даже заслуживаетъ вниманія *). Такъ относилось къ дѣлу народнаго образованія православное духовенство въ то время, когда передъ нимъ было открыто въ этомъ отношеніи непочатое поприще работы, но такой, которая не сулила ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ и требовала только безкорыстной преданности дѣлу. Въ дѣйствительности, духовныя власти и духовенство дали народу въ области просвѣщенія то же, что и свѣтскія власти — краснорѣчивыя предписанія и постановленія и почти ровно ничего реальнаго.

9. Народное образованіе на окраинахъ въ первой четверти вѣка. Учебныя реформы 1803—1804 гг. создали систему, общую для всей территоріи государства и не заключавшую никакихъ особыхъ постановленій для тѣхъ или другихъ окраинъ, отличавшихся своеобразными условіями, или для тѣхъ или другихъ національностей. Въ эпоху этихъ реформъ, стоявшихъ очень далеко отъ дѣйствительной жизни, для такой дифференціаціи правительственныхъ мѣропріятій или, точнѣе, правительственныхъ разсужденій по части устройства народнаго образованія, почвы еще не было. Однако, и въ то время можно было уже подмѣтить очень характерныя явленія. Такъ, еще въ самомъ началѣ вѣка въ одномъ изъ журналовъ комиссіи объ учрежденіи училищъ читаемъ уже, что она „не находитъ лучшаго средства“, „къ приведенію присоединяемой Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею“, „какъ завести въ училищахъ нѣкоторые классы на языкѣ Россійскомъ“, но „приступить къ важному предпріятію сему должно съ великимъ благоразуміемъ и осторожностью“ *).

Западный край. Западныя и югозападныя губерніи составили обширный виленскій округъ, попечителемъ котораго вплоть до 1824 г. былъ горячій польскій патріотъ кн. А. Чарторыйскій, близкій другъ императора Александра, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ при первомъ министрѣ народн. просвѣщенія гр. Завадовскомъ. Правой рукой попечителя былъ другой польскій патріотъ, визитаторъ Ѳ. Чацкій. Въ 1803 г. были утверждены уставы виленскаго университета и училищъ его округа. Университетъ получилъ широкое самоуправленіе и полномочіе управлять всѣми учебными заведеніями въ округѣ, не исключая состоявшихъ въ духовномъ вѣдомствѣ и содержавшихся католическими монастырями, а также домашнихъ. Университету было предоставлено право опредѣлять и увольнять директоровъ гимназій, смотрителей училищъ и учителей; въ его завѣдываніи была семинарія для приготовленія учителей. Во главѣ уни-

*) Рождественскій, стр. 144.

*) Сборн. матер. для исторіи просвѣщ. въ Россіи, т. I, стр. 391.

верситета стоялъ совѣтъ, или общее собраніе всѣхъ его профессоровъ; въ 1807 г. при немъ былъ учрежденъ „особый комитетъ, подъ названіемъ училищнаго“ въ составѣ ректора и двухъ профессоровъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ университетъ отвѣчалъ только передъ попечителемъ округа, жившимъ, какъ и всѣ попечители того времени, въ Петербургѣ. Уставъ 1803 г. построенъ иа принципѣ единства школьной системы. Первые два класса гимназіи „должны почитаться какъ уѣздное училище“; въ уѣздномъ училищѣ—„имѣетъ быть по крайней мѣрѣ три класса наукъ“, въ приходскихъ училищахъ „должно обучать чтенію и письму, закону Божію или катехизису, начальнымъ правиламъ нравоученія, основаніямъ ариѳметики и преподавать простое и точное познаніе существенныхъ предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ“. Для приходскихъ училищъ волынской, кіевской и подольской губерній въ 1807 г. изданъ особый уставъ, нѣкоторыя особенности котораго чрезвычайно характерны для того времени. По уставу „приходскія училища служатъ единственными заведеніями для скудныхъ дворянъ, для ремесленниковъ и для крестьянъ“, но отношеніе закона къ образованію первыхъ двухъ группъ съ одной стороны и крестьянъ съ другой далеко не одинаково. Изъ дальнѣйшаго текста устава слѣдуетъ, что приходскія училища, раздѣляющіяся на два разряда и на мужскія и женскія отдѣленія, назначены собственно только для дворянъ и ремесленниковъ. Уставъ различаетъ въ училищахъ „два предмета“—„одинъ первоначала наукъ служащихъ подпорою другимъ, а другой относится только къ хозяйственнымъ надобностямъ“. Дѣти дворянъ и ремесленниковъ „должны обучаться наукамъ обоихъ сихъ родовъ“. Что же касается крестьянскихъ дѣтей, то „крестьянскіе сыновья въ свободное отъ работы время должны обучаться пересажденію и прививанію деревъ, дѣланію хорошихъ земледѣльческихъ орудій, подаванію скорой помощи больной скотинѣ; а дочери пріучаться къ домашнему хозяйству. Въ сіе же время дѣти обоего пола затверживаютъ наизусть духовныя пѣсни о домашнихъ добродѣтеляхъ и отвращеніи отъ пороковъ“. „Сверхъ сего, *не возбраняется* крестьянскимъ *сыновьямъ* въ зимнее время учиться наукамъ, преподаваемымъ въ приходскихъ училищахъ“. Признавая, что для крестьянскихъ дѣтей „желательно только образованіе ихъ сердца и развитіе въ нихъ здраваго разсудка въ хозяйственныхъ предметахъ“, уставъ предписываетъ училищному начальству „прилагать все попеченіе“, чтобы имъ давалось соотвѣтствующее изложенному „наставленіе“ и производилось обученіе въ праздничные дни. Слѣдуетъ также отмѣтить, что этотъ уставъ впервые отводитъ предводителямъ дворянства очень видную роль въ дѣлѣ завѣдыванія приходскими училищами и народнымъ образованіемъ вообще.

Приведенный уставъ бросаетъ яркій свѣтъ на общее направленіе просвѣтительной работы въ западныхъ губерніяхъ. По тому времени

здѣсь кипѣла очень оживленная дѣятельность, о характерѣ которой можно судить хотя бы по слѣдующимъ выдержкамъ *). „Виленскій университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскій и для польскихъ провинцій", писалъ въ своихъ мемуарахъ кн. Чарторыйскій, „нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться. Университетъ, куда я пригласилъ наиболѣе извѣстныхъ мѣстныхъ ученыхъ и кое-кого изъ выдающихся иностранныхъ, руководилъ этимъ движеніемъ съ такимъ рвеніемъ и съ такимъ пониманіемъ дѣла, что лучшаго нельзя было и желать". Среди дѣятелей этого края первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ талантливому и энергичному визитатору Чацкому. Еще въ концѣ 1803 г., при дѣятельномъ его участіи, въ г. Луцкѣ было организовано многолюдное собраніе римско-католическаго духовенства трехъ юго-западныхъ губерній, которое признало, что „приходскія училища составляютъ первую надобность", и ассигновало на нихъ значительныя средства. Въ одномъ изъ писемъ Чацкаго ярко подчеркивается мысль о важности національной школы, во имя которой онъ работалъ: „всегда, когда науки преподавались на иностранномъ языкѣ, пишетъ онъ, ихъ свѣтомъ могло пользоваться только очень ограниченное число людей, а вся масса населенія оставалась въ невѣжествѣ, да и языкъ ея не выходилъ изъ варварскаго состоянія". Для характеристики общихъ педагогическихъ взглядовъ руководителей виленскаго округа интересно отношеніе Чарторыйскаго къ университетскому правленію (1817 г.), въ которомъ онъ пишетъ: „необходимо всячески стараться, чтобы всякая школа могла совершенно образовывать тѣхъ учениковъ, которые не пойдутъ въ высшую, а ихъ большинство... Учителя низшихъ школъ обязаны, согласно данной имъ инструкціи, заботиться не столько о быстрыхъ успѣхахъ небольшого числа учениковъ, одаренныхъ особенными способностями, но объ основательномъ образованіи и пользѣ большинства, обладающаго средними способностями. Лучше учить поменьше, но основательно, до конца и хорошо".

Первые же признаки наступавшей общей реакціи сказались и на судьбахъ народнаго образованія въ западномъ краѣ. Въ 1810 г. виленскому университету предложено было временно „не входить ни въ какое распоряженіе по училищамъ іезуитскимъ", а въ 1812 г. всѣ они были подчинены полоцкой іезуитской коллегіи, которая была поставлена подъ непосредственное покровительство верховной власти и подчинена по учебной части, наравнѣ съ университетами, министерству народнаго просвѣщенія; такой порядокъ продолжался вплоть до 1820 г., когда іезуиты были высланы изъ Россіи, академія ихъ уничтожена, а училища поручены другимъ монашескимъ орденамъ. Одновременно было обращено вниманіе на національный вопросъ въ школьномъ

*) Сборн. матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. IV, вып. I, стр. VII, XIII, XVI.

дѣлѣ. Въ 1814 г. министръ указывалъ виленскому университету на плохое положеніе обученія русскому языку, объясняя это тѣмъ, что учащіе „обучаются русскому языку по большей части поляками и на польскомъ языкѣ“. Въ 1821 году министръ обращаетъ вниманіе православныхъ епископовъ юго-западнаго края на недостатокъ мѣръ „для утвержденія молодежи въ началахъ христіанства и твердаго сохраненія ими правилъ религіи“. Въ 1823 г. началось слѣдствіе о тайныхъ обществахъ среди учащейся молодежи и въ одномъ изъ актовъ этого слѣдствія говорится, что въ западномъ краѣ и вся система ученія имѣла только то въ предметѣ, чтобъ внѣдрять въ юношество республиканскія правила и питать въ немъ надежду на возстановленіе прежней Польши“. Въ 1824 г. кн. Чарторыйскій, уже утерявшій свое прежнее вліяніе, былъ уволенъ отъ должности попечителя и на очередь былъ поставленъ вопросъ о новомъ уставѣ для училищъ виленскаго округа.

Прибалтійскій край. Самыми рѣзкими особенностями отличалось развитіе народнаго образованія въ прибалтійскомъ краѣ. Распространеніе на этотъ край съ своеобразной культурой общаго порядка, на первыхъ же порахъ встрѣтилось съ оппозиціей, и уже въ отчетѣ 1804 г. университетъ пишетъ, что „магистраты, совѣтъ профессоровъ въ Митавѣ и курляндское дворянство, желая управлять училищами, утверждаются на правахъ, кои столь же противны великодушнымъ пожертвованіямъ Его Импер. Величества, сколько и общему плану общественнаго наставленія“ *).

Вскорѣ дерптскій университетъ убѣдился въ невозможности, благодаря „мѣстнымъ положеніямъ и обстоятельствамъ“, слѣдовать всѣмъ статьямъ общаго устава учебныхъ заведеній и выработалъ довольно многочисленныя къ нему измѣненія, „въ которыхъ учебный матеріалъ представленъ былъ въ значительно иномъ видѣ, нежели въ училищахъ внутри Россіи, особенно въ отношеніи изученія нѣмецкаго языка, какъ природнаго языка сихъ провинцій“. Измѣненія эти были утверждены въ 1807 г. **). Однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей университета былъ Парротъ, который въ 1804 г. составилъ выдающійся для того времени проектъ организаціи въ краѣ начальнаго народнаго образованія, проектъ, который не получилъ осуществленія, но судьба котораго представляетъ одну изъ характернѣйшихъ страницъ той эпохи. Оставляя въ прежнемъ положеніи первоначальныя сельскія школы, „ввѣренныя попеченію помѣщиковъ“, проектъ предлагалъ учрежденіе на казенный счетъ высшихъ приходскихъ школъ—по одной на каждый приходъ съ населеніемъ въ 6.000 душъ и менѣе, а также 5 учительскихъ семинарій. Главное правленіе училищъ разсматривало этотъ проектъ цѣлыхъ два года, рѣшительно отвергло принятіе учебныхъ заведеній на казенный счетъ, какъ несогласное съ „предварительными

*) Рождественскій, стр. 89, 154 и т. д.

**) Пѣтуховъ. И. Юрьевскій, б. Дерптскій университетъ за столѣтіе его существованія, т. I, стр. 203.

правилами“, предоставившими заведеніе училищъ „доброй волѣ жителей, для которыхъ малыя издержки на столь полезный имъ предметъ не могутъ быть обременительными“; къ тому, прибавляетъ правленіе, „полезно также не вдругъ открывать оныя (приход. училища), дабы лучъ просвѣщенія постепенно проникалъ въ состоянія народныя“. Мѣстное дворянство и духовенство также отнеслись къ проекту несочувственно; зато многія сельскія общества, по донесенію училищной комиссіи, „согласились на необходимыя пожертвованія въ пользу училищъ“. Крупныя реформы въ дѣлѣ народнаго образованія состоялись позднѣе, въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ прибалтійскихъ губерній отъ крѣпостной зависимости. По положенію о крестьянахъ Курляндской губерніи (1817 г.), каждому волостному мірскому обществу „въ особенности постановляется въ обязанность завести и содержать на каждую тысячу душъ обоего пола по крайней мѣрѣ одну школу“. Въ 1819 г. издано положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ, заключающее подробно разработанныя постановленія объ учрежденіи волостныхъ школъ на каждыя 500 душъ мужского пола и высшихъ приходскихъ школъ въ каждомъ приходѣ съ 2.000 душъ обоего пола. Эти школы находятся подъ надзоромъ училищныхъ комитетовъ, пасторовъ, церковныхъ старостъ и попечителей. Всѣ дѣти, съ десятаго года, должны посѣщать школы до тѣхъ поръ, „пока священникъ признаетъ, что они имѣютъ уже достаточныя познанія“; въ противномъ случаѣ родители, воспитатели, или хозяева подвергались взысканію штрафа въ пользу мірской казны, за каждый день небытности дѣтей въ школѣ. Въ томъ же 1819 году учрежденъ особый „комитетъ для учрежденія и управленія сельскихъ школъ въ Эстляндіи“ изъ представителей дворянства и духовенства; а въ 1821 г. получило утвержденіе составленное имъ положеніе для сельскихъ школъ въ Эстляндіи. Приведенными законами главное завѣдываніе народнымъ образованіемъ края было сосредоточено въ рукахъ мѣстнаго дворянства и духовенства; хотя нѣкоторое участіе въ немъ предоставлялось и мѣстному сельскому населенію; вліяніе же министерства народнаго просвѣщенія было сведено до минимума. Законы эти впервые осуществили у насъ начала не только всеобщности, но и обязательности начальнаго образованія. Всѣ эти особенности рѣзко выдѣлили прибалтійскій край изъ остальныхъ мѣстностей Россіи, а ранняя отмѣна въ немъ крѣпостного права дала необходимую почву для здороваго культурнаго развитія даже при наличности крайне несовершенныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Въ заключеніе намъ остается только упомянуть, что въ 1820 г. былъ изданъ новый уставъ для училищъ, подвѣдомственныхъ дерптскому университету, который не внесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ порядокъ управленія ими, но детально разработалъ административную и учебно-воспитательную части. По этому уставу, въ начальныхъ училищахъ должны преподаваться: начальныя основанія нѣ-

мецкаго языка, чтеніе съ правильнымъ удареніемъ, чистописаніе, ариѳметика и законъ Божій.

Сибирь. По отношенію къ отдаленной Сибири въ первой четверти вѣка были сдѣланы едва первые, ничтожные шаги для развитія народнаго образованія, къ которому однако же мѣстная администрація болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой мѣстности, относилась враждебно или вполнѣ равнодушно. Слѣдуетъ отмѣтить, что къ концу этого времени относится дозволеніе инородцамъ отдавать дѣтей для обученія въ правительственныя учебныя заведенія, или же заводить свои собственныя школы. Такимъ образомъ, ранѣе для образованія инородцевъ не только ничего не дѣлалось, но оно считалось для нихъ запретнымъ плодомъ.

Евреи. Относительно образованія евреевъ въ самомъ началѣ царствованія Александра I было установлено, что дѣти ихъ, безъ всякаго отличія отъ другихъ, могутъ обучаться во всѣхъ безъ исключенія россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ; на ихъ счетъ могли учреждаться и особенныя школы. Въ дѣлѣ народнаго образованія „еврейскаго вопроса" въ началѣ вѣка не существовало.

10. Статистика народнаго образованія въ первой четверти вѣка. Въ количественномъ отношеніи положеніе народнаго образованія въ Россіи къ концу первой четверти вѣка характеризуется слѣдующими данными, хотя необходимо оговориться, что они далеко не отличаются ни точностью, ни достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ они сообщаютъ не объ училищахъ, дѣйствительно функціонировавшихъ, а объ училищахъ, значившихся по спискамъ и отчетамъ, что въ то время было далеко не однозначущими величинами. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1834 году, общее число учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ (кромѣ университетовъ) какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, равнялось въ 1824 году 2.118 съ 263.223 учащимися, изъ которыхъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія было 1.411 школъ съ 69.629 учащимися, а церковныхъ школъ православнаго исповѣданія было 344 съ 45.851 учащимся*). Къ тому же времени (1825 г.) относятся заслуживающія бо́льшаго довѣрія данныя о положеніи народнаго образованія въ городахъ, по которымъ оказывается, что изъ общаго числа существовшихъ въ имперіи 686 штатныхъ и заштатныхъ городовъ, мѣстечекъ и посадовъ, не имѣли ни одного учебнаго заведенія—259, имѣли по одному заведенію—250 и болѣе 10 учебныхъ заведеній имѣли только 12 городовъ. Во всѣхъ 686 городскихъ поселеніяхъ, съ болѣе чѣмъ $3^1/_2$ милліоннымъ населеніемъ, было только 1.095 учебныхъ заведеній всякаго рода; въ то же время въ городахъ существовало 9.957 питейныхъ домовъ и 4.266 церквей и монастырей **).

*) Krusenstern. Précis du système des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Varsowie. 1837.

**) Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. Имперіи по 1825 г. Изд. Центр. Стат. Комитета.

Насколько приведенныя цифры соотвѣтствовали дѣйствительности—точныхъ данныхъ, къ сожалѣнію, имѣется крайне мало, но несомнѣнно, что очень многія училища существовали только на бумагѣ. Для характеристики этой стороны дѣла можно однако привести хотя бы слѣдующія выдержки изъ вѣдомостей о состояніи учебныхъ заведеній по харьковскому округу (1821 г.): *) въ сумскомъ уѣздѣ въ 6 училищахъ значились вездѣ учитель, помощникъ и надзиратель, съ отмѣткой: „учениковъ не имѣется"; въ валковскомъ уѣздѣ въ 2 училищахъ значатся учителя и надзиратели, но безъ учениковъ.

По территоріи страны училища были распредѣлены крайне неравномѣрно. О половомъ и соціальномъ составѣ учащихся въ народныхъ училищахъ того времени имѣются только отрывочныя свѣдѣнія, не оставляющія однако же никакого сомнѣнія въ томъ, что образованія дѣвочекъ тогда, можно сказать, почти не существовало, а дѣти главной массы населенія—крестьянъ—составляли лишь незначительную часть учащихся. Такъ, во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ харьковской губерніи въ 1814 г. на 557 учениковъ приходилось только 8 ученицъ, а по новгородской дирекціи въ 1818 г. изъ 772 учащихся, крестьянъ, крѣпостныхъ и солдатскихъ дѣтей было 121, мѣщанъ—389.

Что касается финансовой стороны дѣла, то свѣдѣнія о ней еще болѣе скудны: о мѣстныхъ расходахъ не имѣется пока никакихъ сводныхъ данныхъ, а о государственныхъ расходахъ имѣются только общія цифры, безъ подраздѣленія ихъ на отдѣльныя категоріи учебныхъ заведеній. Въ 1800 г. всѣ государственные расходы не превышали 88½ м. р. (ассигнаціями), а расходы на вѣдомство просвѣщенія („на училища, воспитательные дома и больницы") были менѣе 1,2 м. р. (т.-е. составляли 1,3%). Въ 1825 г. всѣ государственные расходы равнялись почти 413½ м. р., а расходы на вѣдомство просвѣщенія („на духовный штатъ и народное просвѣщеніе") нѣсколько превышали 8,6 м. р. (т.-е. около 2%). Такимъ образомъ, по своей абсолютной величинѣ общая цифра государственныхъ расходовъ увеличилась за это время почти въ 5 разъ, а расходы по вѣдомству просвѣщенія въ 7 разъ. Однако, необходимо помнить, что въ приведенныхъ цифрахъ расходовъ по вѣдомству просвѣщенія заключаются не только расходы на учебныя заведенія, но и крупные, но не отдѣленные отъ нихъ, расходы на предметы, ничего общаго съ народнымъ образованіемъ не имѣющіе (въ 1800 г.—на воспитательные дома и больницы, въ 1825 г.—на духовный штатъ) *).

*) Харьковскія школы въ старину. Хар. Губ. Вѣд. 1865. 6—9.

*) По отчету министра народнаго просвѣщенія за 1802 г. (при общей цифрѣ расхода по вѣдомству просвѣщенія около 1,2 м. р.) весь расходъ комиссіи народныхъ училищъ не достигалъ 83½ т. р. (въ томъ числѣ на содержаніе учительской гимназіи около 8 т. р., отправленіе учителей около 1½ т. р., изданіе и покупка книгъ и содержаніе лавки около 23 т. р.) Въ 1818 г. расходы на духовный штатъ составляли около 2 м. р., а расходы по министерству народнаго просвѣщенія свыше 3,8 м. р.

11. Народное образованіе въ проектѣ декабриста. Для полноты представленія о положеніи народнаго образованія въ Россіи въ началѣ вѣка нельзя не сказать хотя бы нѣсколькихъ словъ о тѣхъ идеалахъ въ этой области, которые исповѣдывались передовой интеллигенціей страны. Самымъ яркимъ выразителемъ одного изъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ общественныхъ теченій является въ этомъ отношеніи декабристъ Пестель. Въ своей „Русской Правдѣ" онъ довольно подробно касается также и вопросовъ образованія, которое, по его плану, должно быть построено на принципахъ демократизма, но по системѣ крайней государственной централизаціи и регламентаціи. Говоря о различныхъ народахъ и племенахъ, населяющихъ Россію, онъ пишетъ, что „безпрестанно должно непремѣнную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ нихъ всѣхъ только одинъ народъ и всѣ различные оттѣнки въ одну массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе" и „на цѣломъ пространствѣ россійскаго государства господствовалъ одинъ только языкъ россійскій" *). Все общественное образованіе сосредоточивается Пестелемъ въ рукахъ государства, и частная иниціатива отъ него совершенно устраняется. „Каждый отецъ семейства, — пишетъ онъ, — можетъ по произволу дѣтей своихъ или воспитать у себя въ домѣ, подъ собственнымъ своимъ надзоромъ, или отдавать ихъ въ общественныя учебныя заведенія, отъ правительства учрежденныя". „Частныя лица не должны имѣть права заводить ни пансіоновъ, ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане дѣтей своихъ отдавали, потому что правительство обязано о воспитаніи юношества лично заботиться и неупустительно надъ онымъ надзирать, хотя и можетъ оное родителямъ предоставить и на ихъ стараніе въ полной мѣрѣ положиться. Но коль скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты онымъ заниматься, то должно правительство ихъ мѣсто заступать и не дозволять, чтобы сіе было предоставлено постороннимъ людямъ, ибо нельзя имѣть къ симъ послѣднимъ достаточной довѣренности, дабы имъ поручить многотрудное исполненіе священной сей обязанности, тѣмъ болѣе, что надзоръ правительства за таковыми частными заведеніями всегда будетъ слабъ и недостаточенъ" *). Пестель доходитъ до того, что требуетъ совершеннаго запрещенія „всякихъ частныхъ обществъ, съ постояннною цѣлью учреждаемыхъ": „какъ открытыхъ, такъ и тайныхъ, потому что первыя безполезны, а вторыя вредны". Первыя безполезны потому, что „только такихъ предметовъ касаться могутъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствія правительства и для которыхъ правительство уже учреждено со всѣми отраслями, частями и подраздѣленіями, особенно при существованіи волостныхъ обществъ" **).

---

*) Пестель. „Русская Правда". Спб. 1901 г. стр. 55.

*) Тамъ же, стр. 237.

**) Тамъ же, стр. 237.

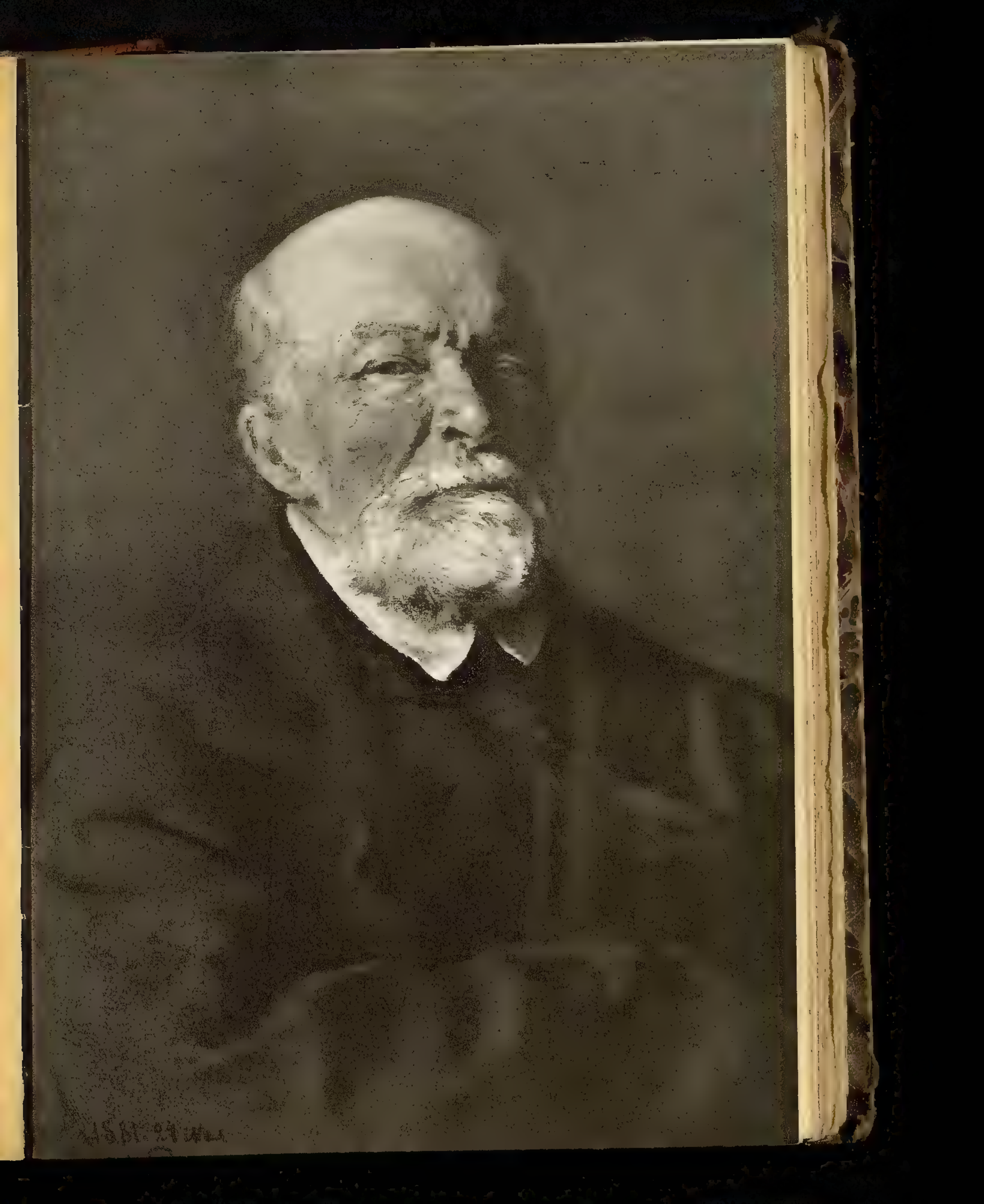
12. Школьное законодательство второй четверти вѣка. События 14 декабря 1825 года и личныя особенности новаго императора обострили и ускорили эволюцію въ отношеніяхъ правящихъ круговъ къ вопросамъ народнаго образованія, которая стала все болѣе и болѣе намѣчаться во второй половинѣ царствованія Александра I и которая представляла неизбѣжный результатъ всего современнаго ей крѣпостническаго, дворянско-бюрократическаго строя страны. Въ манифестѣ, объявлявшемъ приговоръ надъ декабристами, ясно указывалось на тщетность всѣхъ усилій правительства, „если домашнее воспитаніе не будетъ приготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ". И съ перваго же года новаго царствованія образованіе было подвергнуто неустанному, систематическому воздѣйствію правительства въ одномъ и томъ же, отъ начала до конца, строго выдержанномъ, направленіи. Рескриптомъ 14 мая 1826 г. былъ учрежденъ особый „комитетъ устройства учебныхъ заведеній", которому поручается „сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ, и разсмотрѣть курсы ученія, въ нихъ преподаваемые", „уравнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышенія", „опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впредь быть преподаваемы", „дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ". Въ слѣдующемъ году издается новый рескриптъ, подчеркивающій вторую цѣль предпринятаго преобразованія. „Необходимо, говорится въ немъ, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый... не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ ему суждено оставаться". Упомянувъ затѣмъ о случаяхъ обученія крѣпостныхъ людей въ гимназіяхъ и университетахъ, рескриптъ находитъ, что „отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны сіи молодые люди нерѣдко входятъ въ училища съ дурными навыками; съ другой стороны, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію; неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны и отъ того они въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ". Въ заключеніе повелѣвается, чтобы въ гимназіи и высшія учебныя заведенія допускались только люди свободныхъ состояній и чтобы крѣпостные могли „невозбранно обучаться" только въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а также въ особыхъ заведеніяхъ для обученія ремесламъ, сельскому хозяйству и садоводству". Въ 1828 году кантонистамъ былъ закрытъ доступъ не только въ гимназіи, но даже и въ уѣздныя училища, а въ 1837 году подобное же ограниченіе было уста-

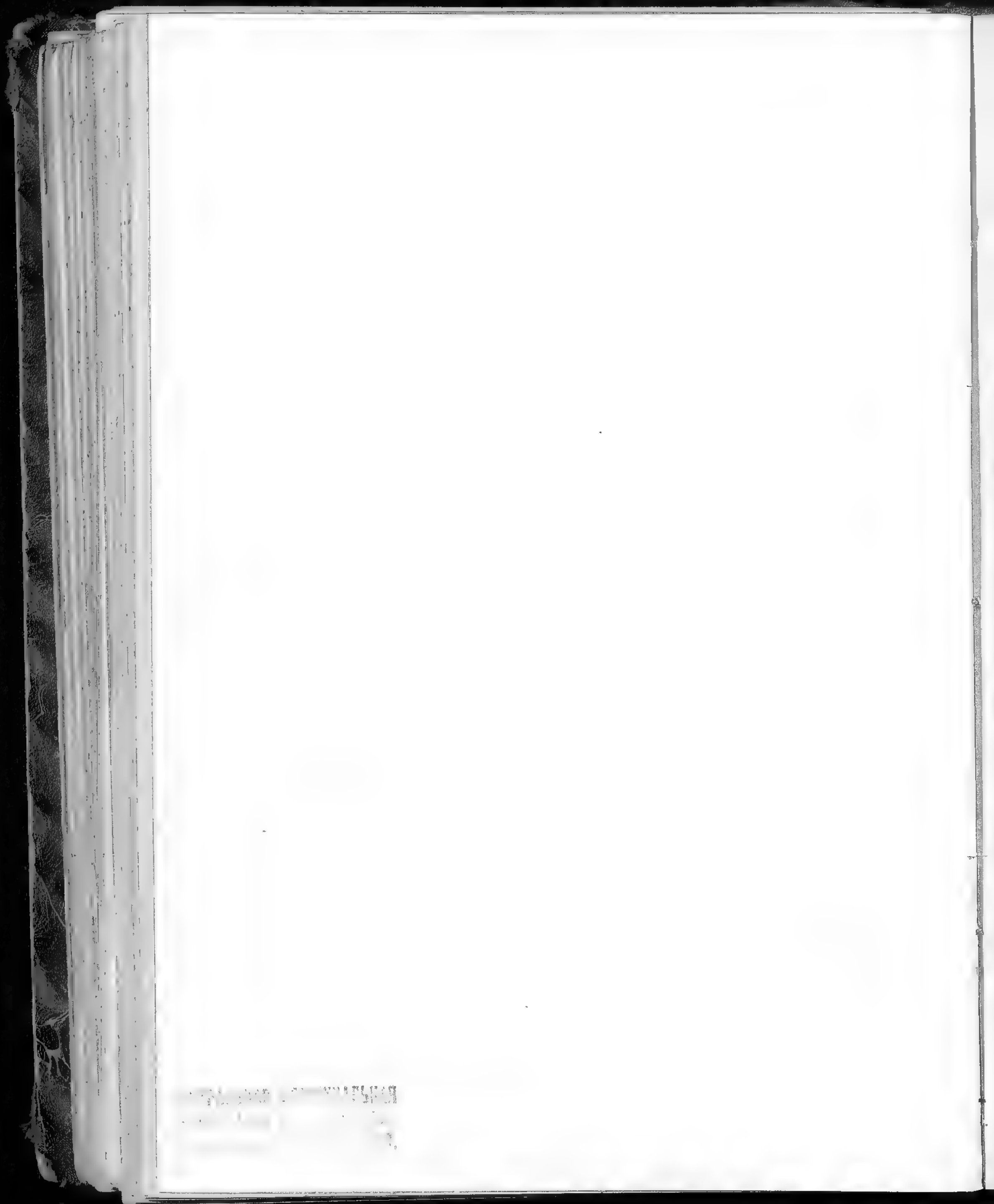
Николай Ивановичъ Пироговъ.

Съ портрета писаннаго И. Е. Рѣпинымъ. 188[illegible]

[illegible] С. Т[illegible] [illegible]

[illegible]

новлено для незаконнорожденныхъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія.

Въ 1828 году работы по составленію новаго школьнаго закона были окончены, и 8 декабря изданъ „Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ". Общую цѣль ихъ уставъ видитъ въ томъ, „чтобы при нравственномъ образованіи доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію нужнѣйшихъ *по состоянію каждаго* познаній" и сохраняетъ прежнія три ступени общеобразовательной школы. „Особенную цѣль" приходскихъ училищъ онъ видитъ въ распространеніи „первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ свѣдѣній, между людьми и *самыхъ низшихъ сословій*". Открываются они „повсюду, гдѣ лишь представятся къ тому средства", и въ помѣщичьихъ селеніяхъ попрежнему „ввѣряются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, кои могутъ поручать смотрѣніе за оными и другимъ, достойнымъ сего, благонадежнымъ лицамъ, по своему выбору". Въ селеніяхъ казенныхъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ всею учебною частью завѣдуетъ учитель, непосредственно зависящій отъ штатнаго смотрителя, а „ближайшій надзоръ" за училищами поручается благочинному. Въ учителя приходскихъ училищъ опредѣляются „люди всякаго состоянія", выдержавшіе испытаніе въ уѣздномъ училищѣ, при чемъ содержатели училищъ имѣютъ право представлять своихъ кандидатовъ въ учителя, которые „должны быть предпочитаемы другимъ".

Предметами обученія въ приходскихъ училищахъ являются З. Божій, чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати и чтеніе рукописей, чистописаніе, четыре дѣйствія ариѳметики; гдѣ много ремесленниковъ и промышленниковъ, можетъ учреждаться второй классъ „для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, назначаемыхъ для нижняго класса училищъ уѣздныхъ". Законъ подробно регламентируетъ порядокъ, время и часы занятій въ приходскихъ училищахъ, обязывая ихъ имѣть лишь книги и пособія, одобренныя министерствомъ. Въ противоположность прежнему закону, тѣлесныя наказанія не только не воспрещаются, но прямо вводятся въ систему: „какъ, несмотря на всѣ старанія, иногда нельзя обходиться безъ строгихъ и даже тѣлесныхъ наказаній, то учитель можетъ, въ случаѣ нужды, употреблять и сіи мѣры исправленія, но не иначе, какъ испытавъ уже всѣ другія" Что касается расходовъ по содержанію училищъ, то правительство попрежнему уклонилось отъ какого бы то ни было участія въ нихъ, возложивъ эти расходы въ городахъ и казенныхъ селеніяхъ на городскія и сельскія общества, а въ помѣщичьихъ селеніяхъ—на счетъ „добровольныхъ приношеній помѣщиковъ".

Уѣздныя училища должны быть въ каждомъ уѣздномъ городѣ и открываться для „людей всѣхъ состояній", но „въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго

образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ наиболѣе полезны". Учителями въ нихъ могутъ быть только „люди свободнаго состоянія", выдержавшіе испытаніе въ гимназіи. Обучаются въ училищахъ „дѣти только мужскаго пола"; что же касается однородныхъ училищъ для дѣвочекъ, то предписывается только, чтобы мѣстное начальство „содѣйствовало" ихъ учрежденію. Курсъ ученія сдѣланъ трехлѣтнимъ, но по сравненію съ уставомъ 1804 года изъ него исключены „должности человѣка и гражданина", физика, естественная исторія, технологія, другіе же предметы сокращены. Для вступленія въ училища введены испытанія. При училищахъ могутъ быть открываемы дополнительные курсы для обученія „искусствамъ и наукамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности". Ходъ занятій въ училищахъ подробно регламентированъ закономъ. Содержатся они на счетъ суммъ казенныхъ, городскихъ думъ и приказовъ общественнаго призрѣнія.

Введеніе новаго устава въ дѣйствіе состоялось только въ 1832 г., когда было окончено составленіе учебныхъ плановъ. Въ какомъ духѣ велась эта работа, показываетъ любопытный инцидентъ съ руководствомъ „Наставленіе учителямъ, заключающее въ себѣ общія правила для руководства ихъ". Руководство это было одобрено двумя комитетами, но снабжено такимъ введеніемъ, что Николай, хотя и соглашался по существу съ его мыслями, но не рѣшился утвердить въ виду выраженнаго гр. Строгановымъ мнѣнія, что оно „облечено въ формы неупотребительныя для такого рода сочиненій, напоминающія языкъ того времени, когда подъ покровомъ религіи скрывалось гоненіе на просвѣщеніе и науки".

Порядокъ административнаго завѣдыванія учебными заведеніями остался, въ общемъ, тотъ же, что дѣйствовалъ раньше. Приходскія училища подчинены штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, а эти послѣдніе—губернскимъ директорамъ училищъ, каждый изъ которыхъ является „хозяиномъ гимназіи и начальникомъ всѣхъ казенныхъ училищъ, въ губерніи находящихся". Сохранены также учебные округа „подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ университетовъ". Учебныя заведенія, „содержимыя и управляемыя частными людьми, или обществами", подчинены надзору директоровъ и смотрителей, за исключеніемъ „училищъ для воспитанія духовенства, военныхъ и тѣхъ, кои по Высочайшей волѣ поручены особымъ управленіямъ". Слѣдуетъ отмѣтить, что во время разработки устава возникло предположеніе учредить губернскіе совѣты „для усовершенствованія училищной части" въ составѣ губернатора, предводителей дворянства, попечителя гимназіи, директора и городского головы. Однако, проектъ остался безъ осуществленія, вызвавъ резолюцію Николая, что „мысль допустить нѣкоторое участіе предводителей губернскихъ въ завѣдываніи училищами

заслуживаетъ уваженія", но участіе это должно быть лишь „родъ контроля или прокураторства для увѣдомленія министра о томъ, что въ губерніи по учебной части исполняется". Впрочемъ, рескриптомъ 1837 года представители дворянства были привлечены къ дѣлу народнаго образованія, но съ совершенно особыми цѣлями: рескриптъ требовалъ, „чтобы въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ" и на уѣздныхъ предводителей дворянства возлагается обязанность „имѣть за симъ ближайшій и самый точный надзоръ, донося подъ собственною ихъ отвѣтственностью своевременно и по порядку о всякомъ отступленіи, какое ими будетъ замѣчено". Вскорѣ послѣ изданія устава 1828 г. состоялось нѣсколько частныхъ мѣръ, измѣнявшихъ прежнее распредѣленіе губерній по учебнымъ округамъ, а въ 1835 г. было издано „Положеніе объ учебныхъ округахъ", радикально измѣнившее дѣйствовавшій раньше порядокъ и положившее начало обособленію школьной администраціи въ особый институтъ, независимый отъ состава учебныхъ заведеній. Этотъ законъ оставлялъ еще въ силѣ прежній порядокъ іерархической зависимости низшихъ учебныхъ заведеній отъ среднихъ, но исключалъ изъ компетенціи университетовъ управленіе учебными заведеніями въ округахъ и передавалъ его въ руки попечителей, при которыхъ учреждаются совѣщательные совѣты изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій. Въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ первый дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и учреждена особая должность директора училищъ для петербургской губерніи. Съ 1850 г. въ большихъ городахъ учреждены особыя должности наблюдателей за преподаваніемъ Закона Божія.

Для подготовки учителей низшихъ училищъ во все царствованіе Николая не было сдѣлано почти ничего. Правда, въ 1838 г. былъ учрежденъ, въ видѣ опыта, второй разрядъ при главномъ педагогическомъ институтѣ на 30 воспитанниковъ для приготовленія учителей въ уѣздныя училища, но онъ просуществовалъ только до 1847 года, когда былъ закрытъ вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ, „какъ учрежденія, уже исполнившія временное свое назначеніе: ибо уѣздныя училища достаточно снабжаются учителями изъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ приготовительнаго курса главнаго педагогическаго института, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобъ сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій". Въ 1848 г. при томъ же институтѣ было учреждено отдѣленіе для приготовленія домашнихъ наставниковъ, но фактически оно скоро перестало существовать. Единственнымъ спеціальнымъ заведеніемъ для приготовленія народныхъ

учителей во второй четверти вѣка была дерптская учительская семинарія.

Въ отношеніи правящихъ круговъ къ финансовой сторонѣ народнаго образованія во второй четверти вѣка не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Государство по прежнему совершенно устранялось отъ расходовъ по содержанію приходскихъ училищъ, которое всецѣло предоставлялось на волю помѣщиковъ, городскихъ и сельскихъ обществъ. Что касается уѣздныхъ училищъ, то казна хотя и отпускала на нихъ средства, но въ увеличеніи сихъ, по выраженію офиціальнаго историка министерства, послѣднее „соблюдало извѣстную сдержанность"; по словамъ самого министра, оно „не принимало на себя обязанности учреждать на свой счетъ учебныя заведенія для мѣщанъ и поселянъ тамъ, гдѣ въ самихъ жителяхъ еще не пробудилось стремленіе къ образованію" *). Въ 1835 году по министерству народнаго просвѣщенія учрежденъ былъ особый комитетъ, обязанный „извлекать способы къ возможному уменьшенію расходовъ". Такіе комитеты учреждены были и по всѣмъ другимъ министерствамъ, кромѣ министерства двора, расходы котораго „не могли подлежать сокращенію", хотя и составляли крупную сумму свыше 18 м. р., болѣе чѣмъ вдвое превышавшую всю смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

Уставъ 1828 г. нѣсколько улучшилъ матеріальное обезпеченіе учителей уѣздныхъ училищъ, но совершенно не коснулся приходскихъ учителей. Содержаніе ихъ всецѣло зависѣло отъ мѣстныхъ средствъ и колебалось между 15 и 180 руб. сер. въ годъ. Послѣ долгихъ проволочекъ, въ 1845 г. получило утвержденіе „Положеніе о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ учителямъ начальныхъ учебныхъ заведеній министерства", по которому высшій окладъ пенсіи за 25 лѣтъ службы опредѣленъ въ 20 р. сер.; вычеты въ этотъ капиталъ съ жалованья учителей начались задолго до утвержденія самаго положенія. Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ учительскому составу, отмѣтимъ циркуляръ 1844 г., воспретившій замѣщать учительскія вакансіи людьми податного состоянія и вольноотпущенными, „имѣющими единственною цѣлью выступить изъ предѣловъ своего состоянія".

Что касается отношенія правительства къ вопросу о платѣ за ученіе, то по уставу 1828 года какъ въ приходскихъ, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ обученіе признано безплатнымъ. Въ вопросѣ о платѣ за ученіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ правительство впервые ввело уже не финансовую, какъ было раньше, а чисто политическую точку зрѣнія, видя въ ней способъ затруднить доступъ дѣтямъ народа въ среднія и высшія школы. Въ 1845 году получилъ утвержденіе докладъ министра о возвышеніи платы за ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ пре-

*) Рождественскій, стр. 282.

дѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій". На докладѣ Николаемъ была положена резолюція: „притомъ надо сообразить, нѣтъ ли способа затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ" и въ результатѣ явилось еще требованіе для нихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ. Въ 1852 г. постановлено, что лица податного состоянія ни въ какомъ случаѣ не должны освобождаться отъ платы за ученіе въ гимназіяхъ.

По сравненію съ законами по народному образованію начала вѣка, николаевское законодательство гораздо болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію въ странѣ этого дѣла и дѣйствительной роли въ немъ правительства. Однако и оно нуждается въ дополненіи и освѣщеніи посредствомъ ряда другихъ документовъ, ярко и безъ всякихъ умолчаній вскрывающихъ отношеніе Николая и его правительства къ образованію вообще и образованію народныхъ массъ въ частности. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1833 г. и въ рядѣ другихъ своихъ докладовъ, отчетовъ и записокъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ неустанно развиваетъ „тройственную формулу", которая направляла собой всю дѣятельность министерства. Высшая цѣль министерства, писалъ Уваровъ въ отчетѣ за 1837 г.,—„изгладить противоборство такъ называемаго Европейскаго образованія съ потребностями нашими"... „обратить сіи развивающіеся элементы (гражданскаго образованія) и пробужденныя силы, по возможности къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи Православія, Самодержавія и Народности" *). „Православіе, самодержавіе и народность"—три основныя начала, которыя должны „приноровить общее всемірное просвѣщеніе къ нашему народному быту, къ нашему народному духу". Формула эта, писалъ Уваровъ въ 1843 г., „должна была возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ министерства все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей", такъ какъ, поясняетъ онъ далѣе, „министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ", а „выраженіе „православіе" довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ". Что касается „народности", то точный смыслъ этого термина былъ поясненъ министромъ въ особомъ циркулярѣ 1847 г., въ которомъ говорится, что „возбужденіе духа отечественнаго" должно быть достигаемо въ школахъ „не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго... безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ". Мысль о воспитаніи, „соразмѣрномъ съ истинными потребностями того рода жизни, къ которому каждый предназначается", преподанная въ руководство при

*) Всеподд. отчетъ за 1837 г., стр. 146.

составленіи устава 1828 г. и проведенная въ немъ, впослѣдствіи еще неоднократно подтверждается и развивается. О ней говорится въ рескриптѣ 1837 г., ей же удѣляется особенное вниманіе въ запискѣ министра 1843 г., возвращенной ему съ надписью Николая: „читалъ съ удовольствіемъ". „Различіе потребностей разныхъ сословій народа и разныхъ состояній неминуемо ведетъ къ надлежащему разграниченію предметовъ ученія между ними," читаемъ мы здѣсь. „Не исключая даже лицъ крѣпостного состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностью для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія ограниченъ одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній, подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ, всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостного состоянія эта строгость еще болѣе усилена: они не иначе допускаются въ эти заведенія, какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія" *). Въ 1847 г. комитетъ министровъ обратилъ вниманіе министра народнаго просвѣщенія на замѣчаніе одного изъ губернаторовъ, „что упадокъ ремесленнаго сословія въ России происходитъ отъ того, что съ нѣкотораго времени ремесленники стараются дать сыновьямъ своимъ высшее образованіе" *). Правительство не останавливалось ни передъ какими средствами, чтобы сдѣлать образованіе не болѣе какъ послушнымъ орудіемъ для проведенія своихъ собственныхъ взглядовъ и безжалостно истребляло все, что выходило за эти предѣлы. Однако, и при этихъ условіяхъ жизнь и знаніе все же оставались жизнью и знаніемъ и въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 марта 1842 г. Николай говорилъ: „нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Причины этой перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ я не могу не отнести больше всего къ двумъ причинамъ"; первой выставлена имъ „собственная неосторожность помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное состоянію послѣднихъ высшее воспитаніе, дѣлаютъ ихъ положеніе еще болѣе тягостнымъ". Въ заключеніе дѣлался выводъ, что „не должно давать вольности, но должно проложить дорогу къ переходному состоянію" **). Въ дѣлѣ народнаго образованія, однако, никакого „переходнаго состоянія" не полагалось, и система приведенія его къ одному знаменателю „самодержавія, право-

*) Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія, 1833—1843 гг. Спб. 1864 г., стр. 11.

*) Истор. обзоръ дѣят. комитета министровъ, т. II, ч. 2, стр. 244.

**) Государственный Совѣтъ. 1801—1901. Спб. 1901, стр. 64.

славія и народности“ продолжала развиваться безъ малѣйшаго послабленія. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда правительство было напугано революціонной грозой въ западной Европѣ, система достигаетъ своего апогея. Даже министръ Уваровъ оказался въ то время недостаточно отвѣчающимъ своему назначенію. Новымъ министромъ назначенъ Ширинскій-Шихматовъ (1850 г.), котораго Николай напутствовалъ словами, что „Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію“. Во время этого министра, по свидѣтельству современника А. В. Никитенко, подъ самое министерство „подкапывались со всѣхъ сторонъ“ и оно „сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтственное лицо передъ допросами, чѣмъ государственный чиновникъ“.

Одинъ изъ адептовъ и дѣятелей николаевской системы въ области народнаго образованія въ періодъ ея высшаго развитія характеризовалъ ее слѣдующими словами: „государь императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и безполезныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству“ *).

*) Изъ рѣчи проф. Лоренца на актѣ главн. педагогич. института въ 1856 г. Цитир. по „Сочиненіямъ Н. А. Добролюбова“. Изд. 3, т. 1, стр. 204.

Легко представить себѣ, на какое отношеніе къ себѣ при такой системѣ могла разсчитывать частная иниціатива въ области народнаго образованія. И судьба частныхъ училищъ въ николаевскую эпоху, дѣйствительно, представляетъ собой одну изъ самыхъ характерныхъ ея страницъ. При разработкѣ устава 1828 г. въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній министръ Шишковъ высказывался за полное закрытіе частныхъ пансіоновъ послѣ введенія общей реформы, а членъ комитета Пушкинъ также признавалъ необходимымъ „во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное“. Однако, на такую мѣру все же не рѣшились и по уставу 1828 г. „дозволяется“ открывать частныя учебныя заведенія „для содѣйствія видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія“. Для открытія каждаго такого училища необходимо дозволеніе училищнаго начальства, которое затѣмъ „обязано имѣть тщательный, безпрестанный за оными надзоръ“. „Въ числѣ и распорядкѣ учебныхъ предметовъ“ частныя училища должны, по возможности, сближаться съ соотвѣтствующими казенными училищами“, но въ ихъ курсѣ признана однако же возможность нѣкоторыхъ дополненій, „соображаясь съ мѣстными потребностями, или особенною цѣлью заведенія“. Точно такъ же, „для единообразія въ воспитаніи“, признано желательнымъ употреблять въ частныхъ училищахъ „лишь тѣ же учебныя книги и пособія, кои назначаются для училищъ казенныхъ“; употребленіе

другихъ „не воспрещается“, но и для нихъ требуется одобренiе училищнаго начальства. Вскорѣ же послѣ изданiя устава 1828 г., „какъ по ходу политическихъ происшествiй, такъ и по направленiю общественнаго мнѣнiя въ большей части иностранныхъ государствъ“, правительственныя репрессiи противъ частныхъ училищъ стали все болѣе обостряться. Въ 1831 году предписано испрашивать разрѣшенiе министра на открытiе каждаго новаго пансiона, при чемъ отъ учредителей требовалось засвидѣтельствованiе мѣстнаго начальства и производился негласный розыскъ объ ихъ поведенiи и нравственности; учебному начальству предписано имѣть самый бдительный надзоръ за „образомъ мыслей и нравственными качествами“ содержателей и учащихъ частныхъ училищъ. Въ 1833 г.—„впредь до усмотрѣнiя особой надобности“, открытiе новыхъ частныхъ пансiоновъ въ столицахъ было вовсе остановлено, а въ другихъ городахъ предписано было разрѣшать ихъ лишь тогда, если „не представляется другой возможности къ образованiю юношества въ казенныхъ учебныхъ заведенiяхъ“; одновременно были введены еще нѣкоторыя ограниченiя, а въ столицахъ были учреждены особые инспекторы для надзора за частными учебными заведенiями.

Домашнее преподаванiе также не укрылось отъ тяжелой руки николаевскаго правительства, которое стремилось распространить свою „охранительную“ систему даже на дядекъ и мамокъ. Въ 1831 г., при разсмотрѣнiи вопроса въ комитетѣ министровъ, комитетъ предложилъ „отъ мамокъ и дядекъ не требовать свидѣтельствъ въ познанiяхъ, а только въ добромъ поведенiи“. Николаю показалось этого мало и онъ прибавилъ: „къ сему требовать и удостовѣренiя священниковъ ихъ прихода, что они ему извѣстны своимъ благочестiемъ, опасенiе лицемѣрства въ подобномъ удостовѣренiи не должно быть препятствiемъ“ *). Въ 1834 г. было издано „Положенiе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ“, требующее отъ всѣхъ поступающихъ въ частные дома „для нравственнаго воспитанiя дѣтей“ окончанiя учебныхъ заведенiй или прiобрѣтенiя посредствомъ спецiальныхъ испытанiй, вновь устанавливаемыхъ для этого званiй. Право на нихъ предоставлено только лицамъ свободнаго состоянiя, христiанскаго исповѣданiя, „извѣстнымъ со стороны нравственныхъ качествъ“. Однимъ изъ „косвенныхъ средствъ“ для обезпеченiя влiянiя министерства на „воспитанiе, совершаемое въ домахъ и укрывающееся отъ непосредственнаго влiянiя правительства за святынею семейнаго крова и родительской власти“, было признанiе за домашними наставниками и учителями, состоящими русскими подданными, правъ государственной службы и учрежденiе для нихъ особыхъ пенсiй и пособiй изъ государственныхъ средствъ (1853 г.). Значенiе, которое имѣла эта новая мѣра для народнаго образованiя, было слишкомъ ясно и даже комитетъ министровъ

*) Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ, (1802—1902), т. II, ч. 2, стр. 237.

призналъ (1834 г.), что „запрещеніе первоначальнаго обученія лицамъ, не имѣющимъ установленныхъ свидѣтельствъ, затруднило бы дѣло народнаго просвѣщенія; слѣдуетъ объяснить, что занимающіеся только первоначальнымъ обученіемъ могутъ продолжать свое занятіе, не подвергаясь никакимъ испытаніямъ, но что они не изъемлются отъ обыкновеннаго надзора". Однако, министръ просвѣщенія нашелъ, что это неудобно, такъ какъ всѣ воспитатели станутъ объявлять, что занимаются исключительно первоначальнымъ обученіемъ и повѣрять ихъ будетъ крайне трудно. Николай положилъ резолюцію: „замѣчаніе министра народнаго просвѣщенія совершенно справедливо, и я удивляюсь, что комитетъ министровъ могъ предложить подобную мѣру" *).

Обозрѣвая въ 1843 г. дѣятельность правительства въ области частнаго образованія, министръ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія пишетъ, что „министерство не должно было оставить безъ ближайшаго и тщательнаго вниманія, оно не могло упустить изъ виду великость вреда, который можетъ производить ученіе, предоставленное произволу людей, которые или не обладаютъ необходимыми познаніями и нравственными свойствами для дѣла столь великой важности, или не умѣютъ и не хотятъ дѣйствовать въ духѣ правительства и для цѣлей имъ указываемыхъ..." „Домашнее воспитаніе, приведенное въ устройство и которое министерство подчинило себѣ непосредственно во всѣхъ движеніяхъ... мало-по-малу было поглощено воспитаніемъ публичнымъ. Нынѣ частныя училища или пансіоны составляютъ малѣйшую частицу въ средствахъ народнаго образованія" *).

13. Удѣльныя школы николаевскаго времени. Министерство народнаго просвѣщенія было далеко не единственнымъ центральнымъ правительственнымъ вѣдомствомъ, въ рукахъ котораго находилось народное образованіе. Напротивъ, едва ли можно указать хотя бы одно министерство того времени, не имѣвшее большаго или меньшаго касательства къ этому дѣлу. Нѣкоторыя изъ нихъ создали у себя цѣлыя школьныя системы, существовавшія или вполнѣ независимо отъ министерства просвѣщенія, или же находившіяся подъ его вліяніемъ, фактически почти номинальнымъ, лишь по отношенію къ учебной части училищъ (напр., училища вѣдомствъ военнаго и министерства внутреннихъ дѣлъ). Наиболѣе видную и самостоятельную роль имѣли въ этомъ дѣлѣ удѣльное вѣдомство, министерство государственныхъ имуществъ и синодъ.

Для удѣльныхъ училищъ въ 1828 году были утверждены постоянныя правила и открыты два главныхъ сельскихъ училища спеціально для приготовленія учителей, но оба эти училища не просуществовали и десяти лѣтъ. Сельскія удѣльныя училища должны были учреждаться въ каждомъ приказѣ и преслѣдо-

---

*) Тамъ же, стр. 238.

*) Десятилѣтіе министерства нар. просв. 1833—1843, стр. 14, 34.

вали двѣ цѣли—образованіе удѣльныхъ крестьянъ и приготовленіе писарей для удѣльныхъ конторъ. Программа преподаванія была самая примитивная, преподаваніе должно было вестись по ланкастерскому методу, срокъ обученія опредѣленъ не былъ, а школьники набирались приказными старшинами и зажиточные крестьяне нерѣдко прямо откупались отъ этого набора. Съ сороковыхъ годовъ во всѣхъ училищахъ учителями были преимущественно священники, которымъ впослѣдствіи стали давать помощниковъ, обыкновенно изъ окончившихъ удѣльныя училища. Все содержаніе училищъ производилось на мірской счетъ. Изъ этого же источника стали затѣмъ производить денежныя пособія родителямъ учащихся (4—30 р. на ученика). Такой порядокъ просуществовалъ вплоть до 1862 г. и только благодаря этимъ пособіямъ приказнымъ властямъ удавалось „вызвать добровольное согласіе крестьянъ на обученіе дѣтей". Само собою разумѣется, что на этой почвѣ происходила масса злоупотребленій; по самарскому имѣнію, напримѣръ, произвольно распускали часть учениковъ и содержали ихъ гораздо меньше, чѣмъ значилось по спискамъ и насколько взыскивалось денегъ съ удѣльныхъ крестьянъ. Въ инородческихъ мѣстностяхъ учрежденіе удѣльныхъ училищъ нерѣдко преслѣдовало обрусительныя и миссіонерскія цѣли *).

*) Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. 1797—1897. т. II, стр. 373.

14. Школы государственныхъ крестьянъ николаевскаго времени. До учрежденія особаго министерства государственныхъ имуществъ (1837 г.) казенные поселяне находились въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и въ 1830 г. было издано особое положеніе о волостныхъ училищахъ казенныхъ поселянъ. Училища находились въ вѣдѣніи вице-губернаторовъ и подъ ближайшимъ надзоромъ окружного комиссара и волостного головы; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ принадлежалъ лишь „надзоръ по учебной и нравственной части", и они не могли вмѣшиваться въ хозяйственную часть училищъ. При пріемѣ государственныхъ крестьянъ въ завѣдываніе новаго министерства *) всѣхъ такихъ училищъ оказалось 60 съ 1.880 учащимися. Школы эти, какъ заявлялъ гр. Киселевъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1836 г., не получили „хорошихъ основныхъ правилъ", „находились въ совершенномъ пренебреженіи" и ревизоры, командированные въ разныя губерніи, „дали, большею частью, невыгодные отзывы о волостныхъ училищахъ". Указомъ 1837 года и наказомъ новому министру 1838 г. надъ государственными крестьянами и свободными хлѣбопашцами, а также надъ колонистами и кочующими инородцами было установлено „попечительство", которое должно было дѣйствовать „не столько властію, сколько нравственною силою"; министръ долженъ былъ

*) Историческое обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ. 1837—1887, ч. II, стр. 49 и слѣд.

„заботиться о нравственномъ ихъ образованіи и распространеніи между ними свѣдѣній, полезныхъ въ ихъ быту и сообразныхъ съ ихъ состояніемъ; для сего онъ печется... объ учрежденіи приходскихъ училищъ въ селеніяхъ". Однако, новые казенные „попечители" отнеслись къ дѣлу просвѣщенія своего крестьянства съ чрезвычайной осторожностью и опаской. „Открытію училищъ предшествовалъ 4-лѣтній переходный періодъ, въ теченіе котораго можно было удостовѣриться, въ какой степени сильна въ крестьянахъ готовность къ усвоенію религіозно-нравственнаго образованія и подготовить ихъ къ самому учрежденію цѣлой системы постоянныхъ училищъ, во избѣжаніе какихъ-либо превратныхъ толковъ среди поселянъ отъ внезапнаго ея появленія". Къ тому же, прибавляетъ официальный историкъ новаго министерства, „съ самаго начала не имѣлось и особыхъ источниковъ для покрытія расходовъ на содержаніе постоянныхъ сельскихъ училищъ". Рѣшено было прибѣгнуть къ „временнымъ училищамъ",—къ отдачѣ крестьянскихъ мальчиковъ за особую плату благонадежнымъ сельскимъ священникамъ для обученія закону Божію и грамотѣ. Для начала „избрано было" по 1 мальчику на каждые 1.000 душъ, а въ 1842 году гакихъ временныхъ училищъ числилось уже 748 съ 9.106 учащимися. Этотъ опытъ убѣдилъ попечителей въ „существованіи среди госуд. крестьянъ потребности въ религіозно-нравственныхъ началахъ образованія" и рѣшено было приступить къ учрежденію постоянныхъ приходскихъ училищъ. Дѣло это оказывалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что произведенныя ревизіи показали, „что въ народѣ потребность въ грамотности уже болѣе или менѣе обнаруживалась и, безъ высшаго направленія и руководства, безъ утвержденія въ правилахъ вѣры и нравственности, могла увлечь его на ложный путь; многія тысячи крестьянъ, проживая временно по заработкамъ въ столицахъ, разносили по своимъ селеніямъ слышанныя свѣдѣнія, иногда истолкованныя превратно, со вредомъ для нравственности и здравыхъ религіозныхъ понятій". Такимъ образомъ, какъ откровенно констатируетъ официальный историкъ, назначеніемъ постоянныхъ училищъ должно было служить „не только распространеніе среди крестьянъ знанія... но, главнымъ образомъ, утвержденіе среди крестьянъ правилъ православной вѣры и обязанностей вѣрноподданства, какъ главныхъ основаній нравственности и порядка". Въ этихъ видахъ въ новыхъ училищахъ предположено было даже изучать полицейскій уставъ, составленный такъ, что въ немъ, въ удобопонятной для поселянина формѣ, излагались всѣ его обязанности, какъ православнаго, вѣрноподданнаго, члена общества и семейства. Основныя положенія по училищной части, утвержденныя въ 1842 г., возложили обученіе въ училищахъ на духовенство, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ управленія государственными имуществами, а расходы по содержанію училищъ отнесены на счетъ общественнаго съ крестьянъ сбора, при чемъ платы

за ученіе не взималось. Въ каждой волости предположено было на первый разъ основать по одному приходскому училищу и въ нихъ должны были быть преобразованы всѣ училища, какія существовали въ то время въ казенныхъ селеніяхъ подъ разными названіями, а отдача крестьянскихъ мальчиковъ священникамъ была прекращена. Съ цѣлью поддержки и благоустройства училищъ повелѣно было войти въ сношеніе съ учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами о содѣйствіи и надзорѣ со стороны общаго училищнаго начальства и о прiисканіи достойнѣйшихъ наставниковъ изъ среды духовенства.

Излагая всѣ эти мѣры, офиціальный историкъ констатируетъ, что „въ то время даже въ высшихъ сферахъ держался еще недовѣрчивый взглядъ на пользу и необходимость образованія простого народа; нужно было прежде всего побѣдить упомянутое предубѣжденіе, что не безъ труда и не сразу удалось сдѣлать“ министру гр. Киселеву. Въ 1842 г. министерство издало подробное наставленіе по устройству и управленію сельскихъ училищъ, дѣйствовавшее вплоть до 1866 г. Наставленіе это не допускало никакого принужденія родителей къ отдачѣ дѣтей въ школы, опредѣляло полный курсъ ученія въ 3 года и устанавливало жалованье наставникамъ по опредѣленному штату (85—115 р.). Въ 1844 г., „вслѣдствіе чрезмѣрнаго обремененія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священниковъ занятіями“, „а иногда и по недостатку у нихъ усердія“ въ училищахъ, гдѣ оказывалось до 100 учениковъ, имъ были назначены помощники изъ семинаристовъ. Образованіе дѣвочекъ первоначально считалось преждевременнымъ, но въ 1844 г., когда въ нѣкоторыхъ селеніяхъ дѣйствительно обнаружилось стремленіе крестьянокъ къ обученію дѣвочекъ, министерство дозволило имъ безпрепятственно навѣщать приходскія училища и распорядилось, чтобы наставники „обучали ихъ преимущественно чтенію по духовнымъ книгамъ, съ разъясненіемъ молитвъ и церковной службы“. Въ послѣдующіе годы для обученія дѣвочекъ было открыто нѣсколько параллельныхъ классовъ и особыхъ школъ. Тогда же стали подготовлять благонадежныхъ крестьянскихъ женщинъ къ должностямъ надзирательницъ съ тѣмъ, чтобы онѣ состояли подъ вѣдѣніемъ приходскихъ священниковъ; признано было также необходимымъ подготовлять „сельскихъ наставницъ изъ крестьянскихъ дѣвицъ, преимущественно круглыхъ сиротъ, посредствомъ отдачи ихъ въ обученіе, на счетъ общественнаго сбора, заслуживающимъ особаго довѣрія сельскимъ священникомъ“.

Офиціальныя ревизіи, не говоря уже о другихъ источникахъ, скоро показали министерству, что въ его училищахъ „много недостатковъ какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ отношеніи“, и что въ дѣло вкралось „несоотвѣтствавшее первоначальнымъ намѣреніямъ министерства отношеніе“. Уже въ 1845 г. по западнымъ губерніямъ обнаружилось, что „большая часть палатъ совсѣмъ не заботилась ни объ открытіи опредѣленнаго количества училищъ

въ губерніи на счетъ общественнаго сбора, ни о веденіи особаго счета училищнаго капитала", а „одна изъ палатъ, наоборотъ, завела училищъ такъ много, что даже недоставало учебныхъ пособій, а наставники не получали жалованья". Въ 1849 году понадобилось спеціальное распоряженіе, чтобы наставники самовольно не оставляли училищъ. Министерскія распоряженія о распространеніи между крестьянами „желанія" отдавать дѣтей въ сельскія училища, „искоренять предубѣжденіе, будто бы ученіе составляетъ для крестьянъ повинность или обязанность", и устранять при этомъ „всѣ крутыя мѣры или измѣненія, недоступныя понятію поселянъ", „со временемъ перестали ясно сознаваться исполнителями предначертаній" министра „и даже подверглись искаженіямъ со стороны ближайшихъ къ народу властей", какъ дипломатично выражается офиціальный историкъ. Въ результатѣ, „хотя вообще крестьяне охотно отдавали дѣтей въ училища, но число учащихся все-таки было недостаточно, и дѣти покидали училища до окончанія курса. Особенно съ 1852 г. замѣтно уменьшеніе учащихся такъ, что многія училища даже не приносили пользы" и въ виду этого было рѣшено въ 1853 г. имѣть въ каждой волости по одному постоянному училищу, остальныя же училища въ волости признавать временными и переводить ихъ каждыя 6 лѣтъ изъ одного селенія въ другое. Однако, и это не помогло. Въ 1855 г. „замѣчено было, что многія сельскія училища пустѣютъ отъ неисправнаго посѣщенія ихъ учениками". И вотъ, вмѣсто предписаній распространять среди населенія „желаніе" учиться, само министерство открыто переходить въ этомъ году на другую почву: въ устраненіе замѣченнаго „безпорядка" „были назначены постоянные ученики, изъ сиротъ обоего пола, для которыхъ ежедневное посѣщеніе училища въ установленное для ученія время было признано обязательнымъ". Понятно, что всѣ эти мѣры принужденія были особенно тягостны для населенія инородческаго и въ 1844 г., напримѣръ, до свѣдѣнія министерства доведено было, что въ казанской губерніи всѣ находящіеся тамъ 150.000 татаръ „противятся убѣжденію посылать дѣтей въ сельскія приходскія училища".

Кромѣ заботъ о насажденіи училищъ, министерство государств. имуществъ съ 1846 г. взяло на себя также заботы объ изданіи книгъ для чтенія поселянъ и завело училищныя библіотеки. Съ теченіемъ времени признано было необходимымъ особенно распространять среди крестьянъ „свѣдѣнія, полезныя въ крестьянскомъ быту". Въ училищахъ также сталъ получать преобладаніе сельскохозяйственный и ремесленный характеръ обученія. Кромѣ того, „съ цѣлью распространенія среди крестьянъ сознанія законности производимыхъ съ нихъ сборовъ и установленныхъ повинностей", „учащіеся съ особою внимательностью должны были разбирать платежныя книжки". Въ 1860 г. стали усиленно распространяться школы грамотности и „для обученія крестьянскихъ дѣтей въ помѣщеніяхъ, отведенныхъ поселянами, или

въ причетническихъ домахъ" стали приглашаться „священники, дьяконы, причетники и ихъ жены".

15. Православное духовенство и народное образованіе во второй четверти вѣка. Третьимъ вѣдомствомъ, стоявшимъ совершенно независимо отъ министерства народнаго просвѣщенія и игравшимъ самостоятельную роль въ дѣлѣ народнаго образованія, былъ св. синодъ. Въ 1836 г. синодъ составилъ „Правила для первоначальнаго обученія поселянскихъ, въ томъ числѣ и раскольническихъ дѣтей", возлагавшія эту обязанность на приходское духовенство. Предметами обученія были обычные Законъ Божій, чтеніе, письмо и начальная ариѳметика; надзоръ за школами ввѣрялся благочиннымъ и архіереямъ, а вознагражденіе наставникамъ должно было производиться изъ суммъ земскаго сбора. Правила были посланы для отзыва министру просвѣщенія; послѣдній хотя и призналъ въ этой мѣрѣ учрежденіе при церковныхъ причтахъ приходскихъ училищъ, которыя по общему уставу должны быть подчинены штатнымъ смотрителямъ, однако же „въ виду особенной цѣли, преслѣдуемой въ данномъ случаѣ правительствомъ", не встрѣтилъ препятствій къ приведенію правилъ въ исполненіе съ тѣмъ, чтобы благочинные ежегодно доставляли директорамъ училищъ свѣдѣнія о школахъ *). Въ ближайшемъ же отчетѣ оберъ-прокурора Синода (за 1837 г.) уже заявлялось, что „*вслѣдствіе предписаній* объ открытіи школъ при церквахъ и монастыряхъ, *получены* изъ разныхъ мѣстъ *самыя удовлетворительныя свѣдѣнія*"; количество вновь явленныхъ церковныхъ школъ было показано круглой цифрой—100. Съ тѣхъ поръ число церковныхъ школъ, по отчетамъ оберъ-прокурора, стало быстро расти вплоть до 1853 г., когда оно стало столь же быстро сокращаться. Въ дѣйствительности, всѣ эти школы или существовали только на страницахъ офиціальныхъ отчетовъ, или же ученіе производилось въ нихъ безъ всякой системы, изрѣдка, урывками отъ занятій по приходу и хозяйству. Яркія иллюстраціи дѣйствительнаго отношенія духовенства къ дѣлу народнаго образованія находимъ въ офиціальныхъ отчетахъ, которые намъ уже приходилось цитировать выше и которые отнюдь нельзя заподозрѣть въ этомъ отношеніи въ какомъ-либо преувеличеніи или „тенденціозности". По свидѣтельству гр. Киселева, „духовенство не обращало ни малѣйшаго вниманія на дѣло обученія сельскаго юношества". Тѣмъ не менѣе, придавая огромное значеніе укорененію религіозно-нравственнаго воспитанія подъ вліяніемъ духовенства, которое „должно распространить и утвердить въ новомъ поколѣніи добрыя нравы, а съ ними порядокъ и покорность", гр. Киселевъ въ 1849 г. составилъ проектъ подчиненія всѣхъ училищъ министерства госуд. имуществъ епархіальному начальству „не только относительно выбора преподавателей, но и по отношенію къ наблюденію за преподаваніемъ вообще, а также за достиженіемъ религіозно - нравственной цѣли образованія сельскаго

*) Рождественскій, стр. 284.

юношества“; за управленіемъ госуд. имуществами должна была остаться только хозяйственная сторона дѣла. Проектъ этотъ, однако, не получилъ осуществленія... „за неполученіемъ отзыва отъ духовнаго вѣдомства“ *). Положеніе церковныхъ школъ въ удѣльныхъ селеніяхъ официальная исторія удѣловъ **) характеризуетъ такими чертами. Священники старались пристроиться къ приказнымъ школамъ, гдѣ они получали за преподаваніе жалованье, а въ церковныхъ школахъ преподавали обыкновенно низшіе члены причта. „Преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ шло обыкновенно крайне неуспѣшно, и большая часть ихъ, когда требованія духовныхъ властей стихали и начальство успокаивалось, въ увѣренности, что разъ обученіе начато, то оно и продолжается, въ дѣйствительности скоро прекращали свое существованіе или согласно желаніямъ самихъ священнослужителей, или же по отсутствію въ этихъ школахъ учениковъ, такъ какъ крестьяне сами усматривали безполезность обученія дѣтей у учителей такого рода. Впрочемъ, номинально, на бумагѣ, школы числились долго“, а когда дѣйствительное положеніе случайно дѣлалось извѣстнымъ духовной власти, „мѣстное духовенство объясняло закрытіе школы отсутствіемъ въ населеніи потребности въ ученіи“. Тогда духовное начальство возобновляло свои обращенія къ удѣльному начальству „о внушеніи поселянамъ о пользѣ обученія дѣтей ихъ“. Обыкновенно управляющіе удѣльными конторами „назначали въ церковныя школы мальчиковъ, преимущественно изъ бѣдныхъ семействъ“. Приведенныя свѣдѣнія о положеніи церковныхъ школъ въ удѣльныхъ селеніяхъ, безъ всякой ошибки, можно распространить и на всѣ вообще церковныя школы того времени. Не можемъ не привести здѣсь еще одно характерное свидѣтельство. Въ официальномъ изданіи, *) описывающемъ положеніе саратовскаго Заволжья въ концѣ 30-хъ годовъ, говорится, между прочимъ, что здѣсь „начало просвѣщенію, можно сказать, еще не положено“ и что только въ нѣмецкихъ колоніяхъ пасторы „завѣдуютъ народными школами, обучая дѣтей катехизису, чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики“; что же касается нашихъ священниковъ, то они ни въ чемъ не уступаютъ здѣшнимъ пасторамъ и, слѣдовательно, въ томъ же кругу дѣятельности „*могли бы* принести еще большую пользу“.

16. Народная самодѣятельность во второй четверти вѣка. Какъ ни силенъ былъ гнетъ николаевскаго правительства, онъ, разумѣется, не былъ въ состояніи окончательно придушить жизнь. Теплилась эта жизнь, хотя и слабо, и въ области народнаго образованія. Чуждаясь и избѣгая казенной школы, народъ не переставалъ пользоваться своими собственными средствами для распространенія грамотности. Правда, средства эти были

*) Историч. обозр. 50 л. дѣятельности мин. госуд. имущ. Ч. II, стр. 51, 59.

**) Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, т. II, стр. 373—398.

*) Историко-статистическое описаніе Заволжскаго края Саратовской губерніи 1837 г. Леопольдова (Матеріалы для статистики Россійской имперіи. Спб. 1839 г.).

жалки, результаты были крайне слабы и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ, но они, по крайней мѣрѣ, не носили на себѣ печати ненавистной казенщины и удовлетворяли понятіямъ и вкусамъ самого населенія. О томъ, что эти домашнія средства образованія дѣйствительно практиковались населеніемъ, есть масса вполнѣ достовѣрныхъ указаній. Такъ, у государственныхъ крестьянъ, крестьянскіе мальчики въ подгородныхъ селеніяхъ „обучались грамотѣ у разночинцевъ, мѣщанъ, дьячковъ, даже у отставныхъ канцеляристовъ, а также у раскольниковъ, которые по преимуществу составляли сельскихъ грамотѣевъ; происходило все это безъ всякаго наблюденія мѣстнаго начальства", а во многихъ деревняхъ, вмѣсто посылки дѣтей въ волостныя школы, крестьяне „предпочитали нанимать ходячихъ учителей, преимущественно изъ отставныхъ солдатъ, которые и занимались обученіемъ дѣтей по недѣльно, по очереди" *). Относительно удѣльныхъ крестьянъ, къ концу разсматриваемаго періода также стали появляться извѣстія, что въ промышленныхъ и торговыхъ селахъ крестьяне стали отдавать дѣтей своихъ на выучку „разнаго званія грамотнымъ людямъ": безсрочно-отпускнымъ солдатамъ, ветеринарнымъ ученикамъ, причетникамъ, калѣкамъ и т. д.; многіе изъ этихъ учителей „могли лишь читать, а писать и сами не умѣли" **). Наконецъ и среди наиболѣе угнетенныхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ наблюдалось такое же явленіе. Изъ отвѣтовъ тульскихъ помѣщиковъ оказывается, что отзывы о дѣятельномъ участіи владѣльцевъ въ дѣлѣ народнаго образованія значительно рѣже отзывовъ о просвѣтительныхъ заботахъ со стороны самихъ крестьянъ. Грамотность проникала въ ихъ среду всевозможными способами: отдачей крестьянами дѣтей своихъ „для обученія къ разнымъ лицамъ", черезъ духовенство, „другъ отъ друга", черезъ дворовыхъ, во время обученія ремесламъ и мастерствамъ. Въ одномъ отвѣтѣ констатируется, что крестьяне съ каждымъ годомъ проявляютъ болѣе желанія къ грамотности *).

Что касается частной инициативы со стороны интеллигентнаго общества, то при николаевскомъ режимѣ она, конечно, не имѣла никакой возможности проявиться въ сколько-нибудь замѣтной формѣ, а крѣпостническое большинство правящихъ круговъ, разумѣется, могло относиться къ ней только враждебно. Слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить, что въ тридцатыхъ годахъ въ петербургскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ заходила рѣчь объ учрежденіи въ обществѣ особаго отдѣла по народному образованію и происходившія по этому поводу собранія безпокоили правительство. Проектъ этотъ однако остался въ то время безъ осуществленія. Въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства также возникъ однородный вопросъ и въ 1845 г. здѣсь былъ учрежденъ ко-

*) Историч. обозр. 50 л. дѣят. мин. государственныхъ имущ. Ч. II, стр. 51, 52.

**) Исторія удѣловъ, т. II, стр. 373—398.

*) Помѣщики и грамотн. крестьянъ. „Р. Мысль". 1904 г., 3.

митетъ для распространенія церковной грамотности между крестьянами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ Ригѣ въ 1827 г. возникло латышское литературное общество, въ задачи котораго входило также „распространеніе лучшаго и основательнѣйшаго знанія латышскаго языка“ и „споспѣшествованіе умственному образованію и нравственному просвѣщенію латышскаго народа“. Въ высшей степени характерна судьба возникшаго въ 1847 г. проекта компаніи на акціяхъ для изданія и сбыта книгъ въ Россіи. Согласно съ мнѣніемъ Уварова, комитетъ министровъ призналъ, что разрѣшеніе этой комиссіи неудобно, такъ какъ для своихъ выгодъ она займется „изданіемъ романовъ, т.-е. такихъ книгъ, размноженіе которыхъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, а затѣмъ, располагая большимъ капиталомъ, компанія создастъ себѣ монополію въ книжномъ дѣлѣ“. Николай положилъ резолюцію: „самое вздорное предложеніе и комитетъ очень правильно рѣшилъ“ *).

17. Народное образованіе на окраинахъ во второй четверти вѣка. Правительственная система, подобная системѣ николаевскаго времени, разумѣется, должна была оставить глубокій слѣдъ на положеніи народнаго образованія различныхъ окраинъ государства и въ средѣ не-великорусскаго и не-православнаго населенія. Какого рода долженъ былъ быть этотъ слѣдъ—легко заключить изъ всего, что уже изложено выше. Одной изъ характерныхъ и общихъ для различныхъ окраинъ мѣръ того времени является подчиненіе управленій учебными округами на окраинахъ высшей мѣстной администраціи. Управленіе нѣкоторыми учебными округами прямо поручено было мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, а въ 1838 г. состоялось повелѣніе, чтобы начальства учебныхъ округовъ по всѣмъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ власти главныхъ мѣстныхъ начальствъ, „оказывали имъ всякое содѣйствіе и не останавливались въ исполненіи мѣръ по полицейской части, предписанныхъ этими начальствами“ *).

Западный край. По отношенію къ западнымъ губерніямъ задача министерства народнаго просвѣщенія сводилась къ тому, какъ выражается его офиціальный историкъ, чтобы „искоренить господствующій „духъ полонизма“ и распространить на нихъ общегосударственную учебную систему“. Въ 1829 г. на бѣлорусскія губерніи распространенъ общій уставъ 1828 г., при чемъ было однако же разрѣшено имѣть въ уѣздныхъ училищахъ учителей польскаго языка и словесности и предписано увеличить число русскихъ приходскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ казны. Возстаніе 1830—1831 гг. побудило правительство къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ въ томъ же направленіи, и въ 1831 г. министерству было повелѣно относительно сѣверо-и юго-западныхъ губерній „приложить всевозможное стараніе къ скорѣй-

*) Историч. обзоръ дѣят. комит. министровъ, т. II, ч. 2, стр. 258.

*) Рождественскій, стр. 241.

шему исполненію имѣющихся предположеній о постепенномъ уничтоженіи духовныхъ училищъ при римско-католическихъ монастыряхъ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ наукъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ, имѣя постоянно цѣлью направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными россіянами". Въ слѣдующемъ же году министру просвѣщенія снова сообщается „о принятіи мѣръ насчетъ усиленія русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерніи". Въ юго-западномъ краѣ всѣ училища во время возстанія перестали функціонировать; въ 1831 г. послѣдовалъ указъ объ ихъ закрытіи и возстановляться они стали только въ слѣдующіе три года. Въ 1832 г. католическія приходскія училища волынской и подольской губерній повелѣно было закрыть, а вмѣсто нихъ открыть училища при православныхъ приходскихъ церквахъ, „ибо симъ только средствомъ" правительство разсчитывало „тамошній нижній классъ народа исторгнуть изъ рукъ духовенства западной церкви". Въ извѣстной запискѣ Уварова (1843 г.) говорится, что въ борьбѣ русскаго и польскаго начала въ западныхъ губерніяхъ министерство должно идти „среднимъ путемъ между двухъ крайнихъ мнѣній, равно одностороннихъ и опасныхъ", съ цѣлью достигнуть „умственнаго сліянія враждебныхъ началъ съ надлежащимъ перевѣсомъ русскаго", помня, что „сліяніе политическое не можетъ имѣть другого начала, кромѣ сліянія моральнаго и умственнаго". По мнѣнію министерства, въ этомъ краѣ „образованіе юношества было устроено не въ видахъ общей государственной пользы, но подъ вліяніемъ мѣстныхъ страстей и предразсудковъ" и „первою обязанностью министерства явилось полное и коренное преобразованіе всего существующаго въ томъ краѣ по учебной части". Въ крайне характерномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1835 г. министръ изложилъ вполнѣ продуманную систему дѣйствій для вѣрнаго достиженія цѣли; онъ считалъ необходимымъ „возстановить" въ западномъ краѣ систему учебныхъ заведеній „въ духѣ русскомъ, хотя большею частью подъ наружностью прежнихъ наименованій", дабы не испугать съ перваго пріема умы, ослѣпленные заблужденіями продолжительными и недавними, и прежде всего овладѣть довѣренностью того края въ учрежденіи сихъ училищъ, слѣдуя твердому плану, снисходить на первый случай къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, кои не явно противны сему плану, а между тѣмъ вводить непреклонно въ духѣ и формахъ преподаванія тѣ главныя условія, кои прямо относятся къ имѣющейся въ виду цѣли" и „перенести центръ учебной системы въ Россію". Первой задачей министерства было устранить отъ народнаго образованія католическое духовенство, но рѣшено было съ этимъ „не спѣшить", какъ выразился офиціальный историкъ министерства, „вслѣдствіе скудости денежныхъ средствъ и недостатка въ русскихъ учителяхъ". Въ 1839 г. въ краѣ введены были 4 должности губернскихъ смотрителей приходскихъ училищъ. Главныя законода-

тельныя мѣры относительно приходскихъ училищъ въ краѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Въ 1833 г. въ губерніяхъ виленской, гродненской и минской разрѣшено было устраивать на средства училищныхъ фундушей и мѣстныхъ обществъ приходскія училища по уставу 1828 г., но съ преподаваніемъ польскаго и жмудскаго языковъ и католическаго вѣроученія и рѣшено учредить витебскую учительскую семинарію. Въ 1834 г. общему уставу 1828 г. подчинены уѣздныя училища края. Въ 1845 г. введены были правила для приходскихъ училищъ юго-западнаго края, которыя также должны были подчиняться уставу 1828 г. и устраиваться на мѣстныя средства. Были приняты всѣ мѣры, чтобы постепенно прекратить преподаваніе польскаго языка въ училищахъ всѣхъ 9 западныхъ губерній, что и было достигнуто къ концу 30-хъ годовъ; параллельно съ этимъ шло усиленіе преподаванія русскаго языка. Цѣлый рядъ мѣръ былъ также принятъ для подавленія въ краѣ домашняго воспитанія—этого „вѣрнаго союзника мѣстныхъ предразсудковъ", по признанію гр. Уварова. Уже въ 1838 г. этотъ министръ Николая считалъ свою задачу достигнутой и писалъ, что „поле сраженія, по собственному сознанію враговъ, остается въ рукахъ правительства". Въ запискѣ 1843 г. онъ въ приподнятомъ, торжественномъ тонѣ писалъ Николаю: „по прошествіи 10 лѣтъ, Ваше Величество имѣете отъ Днѣпра до Нѣмана полный рядъ заведеній для воспитанія туземнаго юношества... Въ сихъ училищахъ, съ твердостью, но безъ угрозъ и безъ преслѣдованія не выказывая даже безъ нужды направленія имъ даннаго, образованіе молодого поколѣнія обезпечено, сколько дано человѣческому уму предусмотрѣть будущее. Языкъ русскій, этотъ двигатель русской народности, получилъ въ томъ краѣ неоспоримое первенство. Тамъ, гдѣ его звуки за 10 лѣтъ были чужды и ненавистны, онъ изучается съ любовью, съ радушіемъ, съ успѣхами необыкновенными. Изъ рукъ духовенства, закоснѣлаго въ политическихъ заблужденіяхъ, воспитаніе невидимо, нечувствительно перешло въ руки наставниковъ, избираемыхъ правительствомъ и дѣйствующихъ по его указаніямъ; даже частное воспитаніе почти исчезло отъ того только, что вновь учрежденныя училища лучше прежнихъ" *). Насколько эти слова соотвѣтствовали дѣйствительному положенію народнаго образованія въ краѣ и отношенію населенія къ новому порядку можетъ дать представленіе хотя бы слѣдующій отзывъ одного изъ дѣятелей этого порядка. Наблюдая „ненадежное политическое настроеніе учащейся молодежи" онъ выражалъ убѣжденіе, „что не въ училищахъ почерпается этотъ духъ, но въ домахъ родительскихъ, и что въ семъ отношеніи сами отцы развращаютъ дѣтей, стараясь искоренить изъ нихъ чувство, наставниками внушаемыя" **). Дѣйствительно, учебныя заведенія были „завоеваны" николаевскимъ правительствомъ и „врагъ" — населеніе,

*) Стр. 46.

**) Рождественскій, стр. 303.

которому должны были они служить—былъ побѣжденъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была порвана всякая внутренняя связь населенія съ этими казенными школами, и вся система офиціальнаго народнаго образованія западнаго края была пропитана началами политическаго, національнаго и религіознаго угнетенія мѣстнаго населенія.

Прибалтійскій край. По отношенію къ народному образованію въ прибалтійскомъ краѣ, министерство, отнюдь не упуская изъ виду своей конечной цѣли, избрало нѣсколько другую политику, сущность которой изложена министромъ въ его докладѣ 1838 г. и запискѣ 1843 г. Въ то время, какъ въ западномъ краѣ „мѣры министерства были обширны и рѣшительны", „въ нѣмецкихъ губерніяхъ, напротивъ, необходима большая осмотрительность, нѣкоторое даже снисхожденіе къ предразсудкамъ, вкоренившимся съ давнихъ лѣтъ въ томъ краѣ". Вскрывая затѣмъ съ полной откровенностью причины такого различнаго отношенія, Уваровъ указываетъ, что въ этомъ краѣ „политическая вѣрность сопутствуетъ политическимъ предразсудкамъ", а „чувство преданности законному государю большею частью покрываетъ, такъ сказать, странности обветшалыхъ понятій". Въ заключеніе онъ констатируетъ, что „нѣмцевъ налету схватить нельзя; противъ нихъ надобно вести, такъ сказать, осаду; они сдадутся, но не вдругъ". Главныя перипетіи этой „осады" заключались въ слѣдующемъ. Уже въ 1833 г. былъ готовъ проектъ измѣненій въ положеніи училищъ дерптскаго университета, но былъ отложенъ, такъ какъ для этого требовалась ежегодная прибавка изъ казны 80 тыс. руб., а министръ финансовъ призналъ „увеличеніе расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія крайне затруднительнымъ для госуд. казначейства". Въ 1835 г. министръ изложилъ государю выработанный имъ общій планъ преобразованій школьнаго дѣла въ этомъ краѣ, которыя должны были начаться съ ряда частныхъ мѣръ къ усиленію русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы такимъ образомъ „приготовить всѣ стихіи", необходимыя для преобразованія. Весь планъ рѣшено было оставить „негласнымъ". Въ 1836 г. утвержденъ новый, также „негласный" докладъ Уварова, которымъ рѣшено совершенно отдѣлить училища „отъ вѣдомства и вліянія университета и вручить управленіе оными попечителю", „усилить всѣми возможными средствами обученіе въ училищахъ русскому языку" и постановить строгимъ правиломъ, чтобы по истеченіи 3 лѣтъ никто изъ уроженцевъ остзейскихъ губерній не былъ опредѣляемъ учителемъ, если не будетъ способенъ преподавать свой предметъ на русскомъ языкѣ". Объ исполненіи всѣхъ этихъ мѣръ министру было предоставлено объявлять попечителю „постепенно", что и было имъ исполнено въ 1837 г. Въ слѣдующемъ году послѣдовалъ новый докладъ министра въ томъ же духѣ, который произвелъ въ краѣ чрезвычайное впечатлѣніе и побудилъ бывшаго ректора, академика Паррота, отправить государю личное письмо, въ которомъ онъ

возражалъ противъ всѣхъ основныхъ положеній министерскаго доклада и писалъ, что „русскій языкъ проникнетъ самъ собою въ образованные классы балтійскаго народа, но медленно и соразмѣрно успѣху науки и литературы въ Россіи“, что „насильственныя мѣры могутъ лишь замедлить наступленіе этой эпохи“ *). Это письмо, разумѣется, осталось безрезультатнымъ, и правительство продолжало принимать все новыя и новыя мѣры, клонившіяся къ „сближенію мѣстныхъ порядковъ съ общегосударственною учебною системой“ и къ насильственному водворенію въ учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка. Мѣры эти продолжались даже послѣ доклада самого министра въ 1848 г., въ которомъ высказано, что все, что слѣдовало сдѣлать въ пользу развитія русскаго языка въ остзейскомъ краѣ, сдѣлано съ успѣхомъ несомнѣннымъ и что всякая дальнѣйшая въ настоящее время принудительная мѣра принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы“. Насколько дѣйствительно были велики эти успѣхи, показываетъ относящійся къ тому же году отзывъ мѣстнаго генералъ-губернатора, указывавшаго на „крайне недостаточное знаніе русскаго языка всѣми состояніями остзейскаго края“ и даже нѣкоторыми учителями этого языка.

Въ 1840 г. министерство учредило здѣсь около 100 школъ для православнаго населенія, которыя были затѣмъ переданы духовенству и влачили самое жалкое существованіе.

*) Пѣтуховъ, И. Юрьевскій университетъ, стр. 431.

Ц. Польское. Учебная часть ц. Польскаго была присоединена къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія указомъ 1839 г., а въ слѣдующемъ году издано положеніе о варшавскомъ учебномъ округѣ, въ устройствѣ котораго отъ прежней самостоятельной организаціи въ царствѣ учебнаго дѣла остались нѣкоторыя особенности. Между прочимъ, попечителю округа предоставлено „во всѣхъ особенныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ“ получать отъ намѣстника „разрѣшенія и приказанія къ немедленному исполненію“. Намѣчая задачи правительства по преобразованію учебной системы края, министръ Уваровъ находилъ необходимыми „осторожность“ и „безпристрастность“ и остановился на „средней стезѣ“, которая „лежитъ между двумя крайностями: между ультра-русскимъ, понятнымъ, но безплоднымъ и безполезнымъ чувствомъ явнаго презрѣнія къ народу, имѣвшему доселѣ мало правъ на наше сочувствіе, и между ультра-европейскою наклонностью сдѣлаться въ глазахъ этого народа предметомъ слѣпого энтузіазма“ *). По отношенію къ низшимъ училищамъ въ то время дѣйствовалъ уставъ 1834 г., при составленіи котораго былъ уже принятъ въ руководство общій уставъ 1828 г., но на особую комиссію былъ возложенъ пересмотръ этого закона. Въ основу новаго устава, появившагося въ 1840 году, также былъ положенъ уставъ 1828 г. и въ отступленіе отъ него допущены только „самыя необходимыя, по

*) Рождественскій, стр. 310.

мѣстнымъ обстоятельствамъ, измѣненія". По этому уставу начальныя училища учреждаются на средства помѣщиковъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, „съ участіемъ казны, принимающей на себя въ семъ случаѣ не свыше одной трети издержекъ". Особыя правила изданы для воскресно-ремесленныхъ школъ, учреждаемыхъ въ колоніяхъ и мануфактурныхъ городахъ. Для частныхъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія въ 1841 г. издано особое положеніе, основанное „на точныхъ началахъ узаконеній, введенныхъ по сей части въ имперіи". Въ 1842 г. издано положеніе о варшавскихъ педагогическихъ курсахъ для приготовленія учителей обводовыхъ (уѣздныхъ) училищъ, а въ слѣдующемъ году преобразованъ учрежденный еще въ 1805 г. институтъ первоначальныхъ учителей. Особому комитету поручено разсмотрѣть, „какія изъ учебныхъ книгъ имперіи могутъ быть введены въ учебныя заведенія царства безъ измѣненій и какія съ перемѣнами по недостаточному знанію русскаго языка учениками низшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя мѣра была только временная, впредь до открытія возможности усвоить тѣмъ заведеніямъ всѣ учебныя книги имперіи".

Главнымъ средствомъ „къ желаемому слiянію двухъ противоположныхъ стихій, разумѣется, считалось распространеніе русскаго языка, но Уваровъ не скрывалъ всей трудности этого дѣла и въ докладѣ 1839 г. писалъ, что „мѣры, которыя дотолѣ принимались, мало соотвѣтствовали цѣли, потому что слишкомъ рѣзко и преждевременно обнаруживали виды правительства. Въ политическомъ смыслѣ языкъ можно уподобить оружію, которое должно нанести рану рукѣ, неопытно имъ владѣющей. Въ бывшихъ польскихъ и даже остзейскихъ губерніяхъ можно, не запинаясь, сказать русскимъ подданнымъ: учитесь по-русски. Въ царствѣ введеніе языка русскаго требуетъ другихъ условій". Министръ разсчитывалъ „нечувствительно" поселить въ умахъ польскаго юношества „уваженіе къ первенству Россіи между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-по-малу перемѣнить до корня всѣ ихъ понятія". Очень характеренъ эпизодъ, происшедшій на этой почвѣ въ 1840 г. и имѣвшій значеніе для системы народнаго образованія во всей странѣ. Гр. Гуровскій, въ видѣ переходной мѣры къ замѣнѣ въ преподаваніи польскаго языка русскимъ, предложилъ ввести церковно-славянскій языкъ, на что послѣдовала резолюція Николая: „согласенъ: во всякомъ случаѣ введеніе славянскаго языка вмѣсто половины часовъ латинскаго нахожу весьма полезнымъ вездѣ". На этомъ основаніи славянскій языкъ былъ введенъ въ два высшихъ класса обводовыхъ училищъ (1840 г.) и предписано было учителями русскаго языка принимать въ нихъ только лицъ, могущихъ преподавать славянскій языкъ (1841 г.). Мѣра эта просуществовала однако только до 1837 г. При послѣдующихъ законодательныхъ мѣрахъ по учебному дѣлу въ царствѣ Польскомъ, состоявшихся въ 1845—1851 гг., обученіе въ пер-

воначальныхъ училищахъ было оставлено на прежнемъ положенiи. Впрочемъ въ докладѣ 1851 г. министръ Ширинскiй-Шахматовъ выразился, что эти школы „едва ли не получили слишкомъ обширнаго развитiя, потому что обученiе въ нихъ обязательно, между тѣмъ какъ многiя общины еще не чувствуютъ въ томъ надобности“; въ виду этого рѣшено было освободить населенiе отъ обязательнаго обученiя и общины, не желающiя имѣть школы, освобождать отъ училищной складки. Упомянемъ еще о двухъ характерныхъ частныхъ мѣрахъ: въ 1846 году послѣдовало запрещенiе уроженцамъ западно-русскихъ губернiй обучаться въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведенiяхъ варшавскаго округа, а въ 1852 г. уроженцамъ этого округа разрѣшено поступать въ уѣздныя училища имперiи съ дозволенiя попечителя. Такимъ образомъ, созданы были заставы, искусственно разобщавшiя порядки, вводимые правительствомъ въ различныхъ мѣстностяхъ и имѣвшiе общей цѣлью, хотя и разными прiемами, „нечувствительно“ привести все и всѣхъ къ одному знаменателю. Насколько это стремленiе къ „нечувствительности“ дѣйствительно достигало цѣли, видно хотя бы изъ того, что уже съ начала сороковыхъ годовъ среди польской учащейся молодежи были обнаружены политическая пропаганда и броженiе.

Сибирь. На училища въ Сибири былъ съ самаго начала распространенъ общiй уставъ 1828 г., но съ весьма существенными административными исключенiями. На этой далекой окраинѣ училища были изъяты изъ вѣдѣнiя казанскаго университета, учрежденная для нихъ ранѣе должность постояннаго визитатора была упразднена и училища были подчинены „начальству тамошнихъ гражданскихъ губернаторовъ, которые должны состоять по сей части въ непосредственномъ отношенiи къ министру народнаго просвѣщенiя, какъ попечители учебныхъ округовъ“. Впослѣдствiи (1836 и 1840 гг.) сибирскiя училища были кромѣ того подчинены генералъ-губернаторамъ Западной и Восточной Сибири, которые играли по отношенiю къ нимъ роль попечителей учебныхъ округовъ.

Кавказъ. По отношенiю къ училищамъ на Кавказѣ уставъ 1828 г. получилъ лишь частичное примѣненiе и въ 1829 г. издано специальное Положенiе о закавказскихъ училищахъ, по которому было учреждено въ краѣ 20 двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ „для дѣтей всякаго свободнаго состоянiя“, съ курсомъ, приближающимся къ курсу приходскихъ училищъ по уставу 1828 г.; на содержанiе училищъ были ассигнованы средства по штату. Всѣми училищами Закавказья на правахъ попечителя управлялъ главноуправляющiй Грузiей. Указомъ 1835 г. въ уѣздныхъ училищахъ положено было преподавать мѣстные языки. Въ 1848 г. былъ образованъ кавказскiй учебный округъ и уѣзднымъ училищамъ поставлена специальная цѣль: готовить „дѣтей недостаточныхъ дворянъ и чиновниковъ для государственной службы въ низшихъ управленiяхъ“. Въ Положенiи 1848 г. впервые говорится объ от-

крытіи въ краѣ приходскихъ училищъ, которыя по общему правилу должны содержаться на мѣстныя средства, и учреждаются по мѣрѣ надобности для одного только христіанскаго населенія, всякій разъ не иначе, какъ съ разрѣшенія намѣстника кавказскаго. Частные пансіоны и школы грамоты разрѣшено заводить въ округѣ на общихъ основаніяхъ. Въ 1850 г. намѣстнику предоставлено разрѣшать въ краѣ открытіе мусульманскихъ училищъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ въ 1847 и 1848 гг. были открыты первыя два такія училища при мечетяхъ аліева и омарова ученія; эти училища подчинены намѣстнику, который назначаетъ для нихъ попечителя изъ русскихъ чиновниковъ, и находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи мусульманскаго духовенства. Въ 1853 г. было издано новое Положеніе о Кавказскомъ учебномъ округѣ, имѣвшее цѣлью „постепенно ввести на Кавказѣ и за Кавказомъ ту же систему народнаго просвѣщенія, которая существуетъ въ прочихъ частяхъ государства".

Евреи. Чтобы покончить со всѣми главными чертами школьной системы николаевскаго правительства намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, что было имъ сдѣлано въ дѣлѣ образованія еврейскаго народа. Общими законами о евреяхъ 1804 и 1835 гг. для обученія евреевъ въ государственныхъ школахъ не было введено никакихъ ограниченій, а еврейскимъ обществамъ предоставлено было на общемъ основаніи заводить свои школы, но съ условіемъ преподаванія въ нихъ рускаго языка. Однако, вскорѣ послѣдовалъ рядъ мѣръ (1841, 1842 и 1844 гг.), создавшихъ новую систему въ дѣлѣ образованія евреевъ и имѣвшихъ главной цѣлью „постепенное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и искорененіе суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда". Взамѣнъ общихъ и частныхъ училищъ, „руководимыхъ фанатичными раввинами и подлежавшихъ постепенному закрытію", учреждены были казенныя еврейскія училища двухъ разрядовъ, соотвѣтствующія приходскимъ и уѣзднымъ училищамъ. Всѣ еврейскія учебныя заведенія и домашнее обученіе евреевъ подчинены министерству народнаго просвѣщенія и для завѣдыванія ими учреждены особыя временныя губернскія и уѣздныя комиссіи, состоящія подъ предсѣдательствомъ губернскихъ директоровъ училищъ. Начальниками всѣхъ училищъ и преподавателями общихъ предметовъ назначаются христіане. Частныя школы и домашніе учителя поставлены подъ строгій контроль мѣстнаго учебнаго начальства. Для содержанія казенныхъ училищъ съ 1845 г. возстановленъ спеціальный свѣчной сборъ съ еврейскаго населенія. Слѣдуетъ упомянуть, что всѣми этими мѣрами не было однако затронуто право евреевъ обучаться въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ.

18. Статистика народнаго образованія во второй четверти вѣка. Обратимся теперь къ имѣющимся статистическимъ данныъ, характеризующимъ движеніе народнаго образованія во второй четверти вѣка, имѣя, конечно, въ виду крайнюю

недоброкачественность этихъ цифръ. Здѣсь намъ прежде всего необходимо упомянуть, что къ разсматриваемой эпохѣ принадлежитъ первое правительственное обслѣдованіе положенія дѣла образованія въ странѣ по всѣмъ вѣдомствамъ и разрядамъ учебныхъ заведеній. Вызвано оно было появленіемъ въ заграничной печати крайне нелестныхъ отзывовъ о состояніи народнаго образованія въ Россіи, и Уваровъ рѣшилъ опровергнуть эти свѣдѣнія. Министерство народнаго просвѣщенія собрало свѣдѣнія отъ всѣхъ другихъ министерствъ и отдѣльныхъ управленій и въ результатѣ появилась книга, изданная на французскомъ языкѣ отъ имени Крузенштерна *), со свѣдѣніями, относящимися къ 1836 г. Цифры этого изданія въ высшей степени недостовѣрны. Достаточно сказать, что авторъ позволяетъ себѣ, не имѣя ровно никакихъ для этого данныхъ, исчислять общее число учащихся по сословіямъ и приходитъ къ выводу, что въ духовномъ сословіи 1 учащійся приходится на 4 взрослыхъ („это единственная пропорція не только для Россіи, но, можетъ быть, и для цѣлаго міра"), въ дворянствѣ—1 на 5 („всѣ дѣти безъ исключенія получаютъ тщательное воспитаніе"), въ классѣ чиновниковъ и военныхъ—1 на 7; среди купеческаго сословія „просвѣщеніе сильно пошло впередъ" и учится $1/7$ часть, среди жителей городовъ и мѣстечекъ „на 4 семьи или на 20 человѣкъ учится одинъ хотя чему-нибудь"; изъ крестьянъ „учится 1 на 15 человѣкъ". Такимъ образомъ, получается общее число учащихся 1.058.000 душъ (изъ нихъ 597.424 душъ учащихся дома), т.-е. въ среднемъ для Россіи получается 1 учащійся на 48 жителей. О положеніи школьнаго образованія эта книга даетъ такія данныя: всѣхъ учебныхъ заведеній 3.988, изъ которыхъ содержатся государствомъ 2.851 съ 460.576 учащимися и государственнымъ расходомъ по ихъ содержанію около 29 м. р. Изъ этого общаго числа на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія приходится 1.681 учебн. заведеній съ 85.707 учащимися и около $7^1/_2$ м. р. государственнаго расхода. Все это даетъ автору основаніе высокопарно и торжественно разглагольствовать о томъ, что „Россія дѣлаетъ гигантскіе успѣхи, которые стремятся поставить ее въ недалекомъ будущемъ въ ряду наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ", что „этими успѣхами она обязана просвѣщеннымъ и отеческимъ взглядамъ своего правительства" и что „никогда раньше воспитаніе юношества въ Россіи не велось въ такомъ соотвѣтствіи съ ея нуждами, съ духомъ народовъ, обитающихъ ее, и съ тѣмъ особымъ положеніемъ, которое она занимаетъ въ средѣ европейскихъ государствъ". Министръ въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ также не преминулъ указать на этотъ трудъ и заявить, что „отечество наше, не взирая на малолюдность значительныхъ пространствъ, препятствующихъ учрежденію училищъ, и на кочевую жизнь многихъ племенъ, для которыхъ

*) Précis du systême, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Redigé d'après des documents officiels, par A. Krusenstern, chambellenn de S. m. L'empereur de Russie. Varsowie 1837.

осѣдлость должна предшествовать образованію, занимаетъ и въ статистическомъ отношеніи къ массѣ народнаго просвѣщенія не послѣдніе мѣсто въ ряду европейскихъ державъ".

Въ 1856 году былъ произведенъ другой подсчетъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ *), при чемъ оказалось, что во всей имперіи, безъ ц. польскаго, при населеніи около 64 м. д. было 8.227 низшихъ училищъ съ 450.002 учащимися; на каждую губернію или область приходилось среднимъ числомъ по 126—127 училищъ, по 6.923 учащихся; на каждое училище приходилось по 55 учащихся, а 1 учащійся приходился на 143 жителя. При этомъ оказалось, что „большая часть учебныхъ заведеній учреждены въ городахъ; въ уѣздахъ есть только сельскія школы въ иностранныхъ колоніяхъ и въ поселеніяхъ вѣдомства удѣловъ и госуд. имуществъ"; число учащихся въ сельскихъ школахъ не превышало $1/4$ общаго итога. По проценту учащихся къ населенію совершенно исключительными оказались тутъ прибалтійскія губерніи, въ которыхъ онъ колебался между 2,7 и 4,6%.

Главнѣйшія данныя о развитіи народнаго образованія по отдѣльнымъ вѣдомствамъ сводятся къ слѣдующимъ. По министерству народнаго просвѣщенія **):

	1830 г.		*1857 г.*	
	училищъ.	*учащихся.*	*училищъ.*	*учащихся.*
Уѣздныя училища и подходящія къ нимъ. . . .	416	„	463	32.403
Начальныя училища. .	718	„	2.214	105.517
Частные пансіоны и школы.	402	„	818	„
Казен. еврейскія училища.	*1841 г.* 6	279	112	3.774
Лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ.	*1838 г.* 1111		1696	

По отчетамъ вѣдомства св. синода *) число начальныхъ школъ въ 1837 г. было 100; въ 1853 г.—4.820 (съ 98.260 учащимися, изъ которыхъ 10.609 дѣвочекъ); въ 1857 г.—2.270.

По удѣльному вѣдомству числилось въ 1860 г: приказныхъ удѣльныхъ училищъ 243 съ 8.280 учащимися, частныхъ школъ 1.766 съ 23.256 учащимися.

По министерству государственныхъ имуществъ въ 1838 г. числилось 60 училищъ съ 1.880 учащимися, а къ 1866 г.—2.754 сельскихъ приходскихъ школъ съ 121.003 учащимися мальчиками и 16.579 дѣвочками и 3.842 начальныя школы грамотности съ 71.976 учениками и 11.152 ученицами.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что среди мальчиковъ и дѣвочекъ образованіе было крайне неравномѣрно: въ церковныхъ школахъ учащіяся дѣвочки составляли около 10% всѣхъ учащихся, а въ школахъ государственныхъ

*) Статистическія таблицы Россійской имперіи за 1856 г. Изд. центр. стат. комитета.

**) См. сводъ официальныхъ отчетовъ въ книгѣ „Народное образованіе въ Россіи" Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Спб. 1899 г. таблицы.

*) См. тамъ же.

имуществъ—около 13%. По отчету министра народнаго просвѣщенія 1850 г. въ московскомъ учебномъ округѣ дѣвочки составляли менѣе 7%, въ то время какъ въ Дерптскомъ округѣ—чуть не 30%. Характерно, что даже въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Казань „вопросъ объ опредѣленіи учениковъ въ училища поднятъ былъ въ первый разъ" только въ 1849 году, но „остался открытымъ, не имѣя за собою никакихъ послѣдствій, и возбужденъ былъ вновь только черезъ десять лѣтъ" *). Впрочемъ, на отношеніе населенія къ вопросу объ образованіи дѣвочекъ, безъ сомнѣнія, оказывала огромное вліяніе общая постановка тогдашней школы. Въ исторіи удѣльныхъ школъ находимъ, между прочимъ, очень характерное освѣщеніе этого вопроса. Какъ мы уже видѣли, обученіе мальчиковъ въ этихъ школахъ носило принудительный характеръ, обученіе же дѣвочекъ было добровольнымъ и стало успѣшно развиваться именно благодаря этому обстоятельству.

Данныя, характеризующія финансовую сторону народнаго образованія, къ сожалѣнію, слишкомъ суммарны, но тѣмъ не менѣе они все же даютъ общую картину, краски которой, конечно, были бы еще болѣе мрачными, еслибы изъ этихъ общихъ данныхъ были выдѣлены цифры, относящіяся спеціально къ расходамъ на начальное образованіе. По отчетамъ государственнаго контроля, общая картина государственнаго хозяйства въ этой области представляется въ такомъ видѣ *) (въ переводѣ на серебро):

	832 г.	1860 г.
Общая сумма государственныхъ расходовъ.	141.889.640	438.239.223
Расходы по министерству нар. просвѣщенія. . . .	1.369.155	3.495.064
Расходы по св. синоду . . .	902.390	4.766.209
Расходы по высоч. двору .	5.902.436	9.595.612
Расходы по военному и морскому министерствамъ .	59.393.080	128.796.642

Расходы удѣльнаго вѣдомства на школьное дѣло достигли въ 1863 г. 853 т. р.

Общая сумма денежныхъ земскихъ повинностей въ 1842 году по всѣмъ губерніямъ кромѣ закавказскаго края опредѣлена была около 6 м. р. и изъ нихъ на народное образованіе не было назначено ни копейки **).

19. Внутреннее состояніе правительственной школы во второй четверти вѣка. О внутреннемъ состояніи народной школы, о положеніи народнаго учителя и отношеніи къ дѣлу общей и школьной администраціи во второй четверти столѣтія пришлось бы повторить почти дословно то, что уже сказано по этимъ вопросамъ въ предшествующій періодъ. Ограничимся поэтому лишь очень немногимъ. Офиціальный историкъ школъ удѣльнаго вѣдомства свидѣтельствуетъ, что „если обратиться

*) Алексѣевъ. Историч. очеркъ казанскихъ городск. начальн. училищъ съ 1806 по 1890 г., стр. 9.

*) См. Статист. Временникъ Росс. имперіи. I. 1866 г.

**) Бліохъ. Финансы Россіи, т. I, стр. 235.

къ вопросу о томъ, насколько успѣшно шло обученіе въ этихъ школахъ и къ какимъ результатамъ оно приводило, то по этому предмету, на основаніи имѣющихся данныхъ, за періодъ времени до 1856 г. сказать что-нибудь положительное затруднительно". Предсѣдатель департамента удѣловъ, объѣхавъ въ 1838 г. удѣльныя имѣнія, призналъ, что вопросъ о распространеніи грамотности среди удѣльныхъ крестьянъ оставался въ томъ же положеніи, какъ и въ началѣ вѣка—„не извлеченнымъ изъ области умозрѣній, и далекъ отъ того, чтобы превратиться въ дѣйствительный животворный фактъ". По относящимся къ тому же времени донесеніямъ управляющихъ уѣздными конторами, въ приказныхъ удѣльныхъ училищахъ преподаваніе велось безъ всякой системы и метода, сплошь и рядомъ обученіе чтенію производилось безъ объясненія прочитаннаго и мальчики, выучивая заданные уроки наизусть, не понимали смысла выученнаго, составлявшаго для большей части учениковъ „совершенную тайну". „Множество мальчиковъ,—писалъ, напримѣръ, завѣдывавшій вятской конторой,—не знаютъ самыхъ необходимыхъ молитвъ, не понимаютъ ни одного изъ обрядовъ вѣры, чужды знанія самыхъ обыкновенныхъ ея правилъ; даже выпускные мальчики не могли рѣшить совершенно простой ариѳметической задачи и не имѣютъ понятія о письмѣ подъ диктовку" и т. д. Отмѣтимъ характерный фактъ, что лишь въ концѣ 50-хъ годовъ въ удѣльныя училища вторично были разосланы „необходимые учебники взамѣнъ прежнихъ, остававшихся въ училищахъ съ сороковыхъ годовъ безъ возобновленія и пришедшихъ поэтому въ совершенную негодность". Удѣльныя школы, разумѣется, не представляли собой чего-либо исключительнаго; въ такомъ же положеніи находились въ эту эпоху и всѣ другія начальныя народныя училища. Очень любопытны свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія, представленныя помѣщиками тульской губерніи въ 1858 г.*) Добрая половина ихъ констатировали полное отсутствіе въ ихъ имѣніяхъ грамотныхъ и писали, что „способовъ распространенія грамотности не имѣется", „къ распространенію грамотности никакихъ средствъ не нахожу". „способовъ распространенія грамотности никакихъ нѣтъ, да едва-ли и быть когда могутъ" и т. д. Помѣщики, очевидно, считали образованіе крестьянъ дѣломъ для себя совершенно стороннимъ, не касающимся ихъ владѣльческихъ обязанностей; обычнымъ отвѣтомъ было, что „способы распространенія грамотности среди крестьянскихъ дѣтей предоставляются на волю ихъ родителей". Нѣкоторые сваливали всѣ просвѣтительныя обязанности на духовенство и причину крестьянскаго невѣжества видѣли только въ его бездѣятельности. Одни признавали грамотность несущественной потребностью для народа; другіе опасались, что она отвлечетъ ихъ отъ хозяйства („времени у крестьянъ для занятій науками нѣтъ"); третьи считали ее прямо вредной („способа

*) Д. Успенскій. Помѣщики и грамотность крестьянъ. „Р. Мысль" 1904 г. 3.

распространенія грамотности, для крестьянъ болѣе вредной, нежели полезной, въ имѣніи не существуетъ"). Судьба немногихъ грамотныхъ, судя по помѣщичьимъ отвѣтамъ, была обыкновенно крайне тяжела и печальна: въ одномъ имѣніи, напримѣръ, нашелся лишь одинъ грамотный, онъ же живописецъ, „но очень дурного поведенія"; „если же и были со способностями изъ числа дворовыхъ, то за разные ихъ поступки и худое поведеніе отдавались въ рекруты" и т. д. Изъ общаго числа помѣщиковъ лишь очень немногіе считали нужнымъ содѣйствовать образованію народа, но болѣе или менѣе серьезное вниманіе обращалось на грамотность лишь тогда, когда она соотвѣтствовала личнымъ интересамъ владѣльца (подготовка конторщиковъ и т. д.). Иногда отсутствіе школъ объясняется скудостью средствъ, отсутствіемъ учителей, невѣжествомъ самихъ крестьянъ; есть единичные отзывы, указывающіе на необходимость „насильнаго принужденія" къ обученію. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ заявляется, что развитіе крестьянской грамотности помѣщиками будто бы уже имѣется въ виду и что вообще дѣло образованія крестьянъ обстоитъ вполнѣ благополучно. Въ дѣйствительности, однако, на всю губернію оказалось 8 случаевъ устройства помѣщичьихъ школъ, да и тѣ были поставлены крайне неудовлетворительно. Такъ, одинъ изъ этихъ „просвѣщенныхъ" помѣщиковъ учредилъ у себя школу, составилъ для нея программу и поручилъ обученіе за особую плату священнику; расходъ на школу производился $4^1/_2$ года, но оказалось, что все это время въ школѣ учились „одни и тѣ же 10 мальчиковъ", при чемъ „только 4 изъ нихъ могутъ порядочно читать и писать, остальные же читаютъ и пишутъ весьма плохо", нѣкоторые знаютъ наизусть часословъ и псалтырь, о прочихъ предметахъ программы не имѣютъ никакого понятія. Помѣщикъ нашелъ, что отъ такой школы въ крестьянахъ только „съ новою силою развилось отвращеніе отъ грамотности", и приказалъ школу закрыть.

Народныя школы того времени отличались не только полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь правильной постановки техники преподаванія, но и крайне жестокими наказаніями. Въ одномъ изъ уже цитированныхъ нами источниковъ находимъ по этому вопросу такую краткую и въ то же время ужасную характеристику этой стороны дѣла въ народной школѣ николаевскаго времени: „съ 1828 года начинается періодъ сѣченія учениковъ безпощаднаго и безпрерывнаго, доводившаго многихъ учащихъ до ожесточенія" *).

Въ одномъ изъ немногихъ трудовъ, посвященныхъ исторіи народнаго образованія въ Россіи, принадлежащемъ перу вполнѣ компетентнаго въ этомъ отношеніи человѣка, находимъ слѣдующую сжатую, вѣрную и мѣткую характеристику общаго положенія народнаго образованія въ половинѣ вѣка, которую намъ остается только здѣсь повторить: „о школахъ, повидимому, заботились чуть не всѣ вѣдомства,

*) Матеріалы для исторіи учебн. заведеній Черниговской дирекціи. Ц. Кіев. Уч. Окр. 1865 г., стр. 402.

но школы отъ этого не выигрывали ничего... наблюдателями являлись лица, нимало со школьнымъ дѣломъ не знакомыя и нисколько имъ не заинтересованныя. „Окружные“ и разныхъ видовъ чиновники, больше изъ отставныхъ военныхъ, всего тщательнѣе заботились о томъ, чтобы въ школахъ была субординація; наблюдали, чтобы вывѣска на школѣ съ орломъ была „надлежащаго рисунка“ и блистала свѣжестью, школа, на случай проѣзда высшаго начальства, бѣлилась и книги были бы цѣлы, хотя бы лежали не разрѣзанными, на стѣнахъ развѣшивались разныя „правила“, которыхъ никто не исполнялъ, „инструкціи“, которыми никто не руководился, „расписанія“, съ которыми никто не справлялся. Постороннія лица школъ не посѣщали, но пріѣздъ „особы“ составлялъ эпоху и предварялся перепиской и предписаніями объ устроеніи „подобающаго пріема“. Училище перерождалось: грязь исчезала, стѣны бѣлились, битыя стекла и сгнившія рамы замѣнялись новыми, тщательно устранялось все, могущее „оскорбить благородный взоръ посѣтителя“, ученики „выдалбливали“ особые уроки для отвѣта, заучивали привѣтствія и даже стихи... Само собою разумѣется, что обозрѣніе школы было „показное“, бѣглое; ублаженный посѣтитель, предложивъ нѣсколько вопросовъ ученикамъ, полюбовавшись видомъ училища, выражалъ удовольствіе о „благосостояніи его“, и затѣмъ все оканчивалось „надлежащимъ пріемомъ“ сановнаго лица у представителей власти или торговли. Отсюда и объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что по отчетамъ училищъ числилось много и считались они „благоустроенными“, на самомъ же дѣлѣ школъ было мало, да и тѣ стояли пусты, многія числились лишь на бумагѣ; обученіе въ школахъ шло такъ, что народъ не видѣлъ отъ него никакой пользы. Частные случаи благоустройства училищъ оставались исключеніями. Господствовавшая „административно - ограничительная“ система управленія училищами привела къ тому, что народъ сталъ смотрѣть на школу прямо недоброжелательно. Онъ отвернулся отъ чуждой ему „казенной учебы“, которая имѣла цѣлью готовить волостныхъ и сельскихъ писарей, столь ненавидимыхъ народомъ, фельдшеровъ и землемѣрскихъ помощниковъ. Видя повсюдныя ограниченія и стѣсненія въ школьномъ дѣлѣ, но въ то же время не видя никакого толку отъ ученія, направляемаго и руководимаго лицами, ничего въ немъ не знающими, нимало имъ не заинтересованными, народъ сталъ смотрѣть на школу какъ на какую - то повинность, установленную, въ неизвѣстныхъ и непонятныхъ ему видахъ, отъ начальства, для народа совершенно безполезную. Съ общества взыскивались только деньги на содержаніе учителей и училищъ, но само общество отъ участія въ училищномъ дѣлѣ было совершенно устранено. Отъ того общество всячески старалось обойти эту повинность и сборъ на школы приходилось взимать силою. Учителя голодали. Мизерное жалованье ихъ нерѣдко задерживалось... Учителями народа являлось всякое отре-

бье: изгнанные изъ службы чиновники, недоучки разныхъ учебныхъ заведеній, отставные солдаты, писаря, даже и не слышавшіе про существованіе педагогіи" *).

Вся эта неприглядная внѣшняя картина школьнаго дѣла прикрывала еще болѣе ужасное внутреннее содержаніе, сущность котораго нашла себѣ такое яркое выраженіе въ произведеніяхъ нашихъ великихъ писателей и гражданъ, бывшихъ живыми свидѣтелями той эпохи. Въ то время, пишетъ Щедринъ, „и просвѣщеніе, и продовольствіе, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа— въ одной горсти было" **). Знаніе, которое признавала та эпоха, „было не знаніе, а составная часть привилегіи, которая проводила въ жизни рѣзкую черту: *надъ* чертою значились „люди досужіе, правящіе; *подъ* чертою стояло одно только слово: мужикъ" ***). Отношеніе къ самому знанію было также далеко неодинаково, и щедринскій градоначальникъ Бородавкинъ весьма убѣдительно разсуждалъ на ту тему, что „науки бываютъ разныя; однѣ трактуютъ объ удобреніи полей, о построеніи жилищъ человѣческихъ и скотскихъ, о воинской доблести и непреоборимой твердости—сіи суть полезныя; другія, напротивъ, трактуютъ о вредномъ франмасонскомъ и якобинскомъ вольномысліи, о нѣкоторыхъ, якобы природныхъ человѣку, понятіяхъ и правахъ, при чемъ касаются даже строенія міра— сіи суть вредныя" *), и не должны быть вовсе допускаемы.

Правда, господствовавшая правительственная система, съ полной послѣдовательностью проявлявшаяся въ высшей и особенно въ средней и спеціальной школѣ, была не въ состояніи съ такой же силой проявить себя въ школѣ народной, уже по одному тому, что удѣляла ей неизмѣримо менѣе вниманія. Но разница здѣсь была только въ степени, а не въ типѣ и самой сущности системы; потому къ народной школѣ съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены слѣдующія, пропитанныя глубокой болью и негодованіемъ строки Герцена: „одно изъ ужаснѣйшихъ посягательствъ прошлаго царствованія состояло въ его настойчивомъ стремленіи сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первомъ шагѣ въ жизнь и развращало... Безпощадно, систематически вытравляло оно въ нихъ человѣческіе зародыши, отучало ихъ, какъ отъ порока, отъ всѣхъ людскихъ чувствъ кромѣ покорности. За нарушеніе дисциплины оно малолѣтнихъ наказывало такъ, какъ не наказываютъ въ другихъ странахъ закоренѣлыхъ преступниковъ" **). „Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьѣ, не зная, какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ тупымъ, стихійнымъ упорствомъ, затапливая всѣ нивы и всѣ выходы. Знатокъ своего дѣла, онъ съ 1831 г. началъ воевать съ дѣтьми: онъ

---

*) Миропольскій. Школа и государство. Спб. 1883, стр. 101.

**) Щедринъ. Сочиненія, т. 8, стр. 261.

***) Тамъ же, т. 6, стр. 374.

*) Тамъ же, т. 3, стр. 136.

**) Колоколъ, 1860 г. № 60.

понялъ, что въ ребяческомъ возрастѣ надобно вытравлять все человѣческое, чтобы сдѣлать вѣрноподданныхъ по образу и подобію своему. Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе, считалось такой же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ разстегнутый воротникъ. И это избіеніе душъ младенческихъ продолжалось тридцать лѣтъ! Отраженный въ каждомъ инспекторѣ, директорѣ, ректорѣ, дядькѣ — стоялъ Николай передъ мальчикомъ въ школѣ, на улицѣ, въ церкви, даже до нѣкоторой степени въ родительскомъ домѣ, стоялъ и смотрѣлъ на него оловянными глазами безъ любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не замѣтятъ ли *глаза* какой-нибудь ростокъ свободной мысли, какое-нибудь человѣческое чувство" *). „Надъ всѣмъ царила всепоглощающая долбня... Что же удивительнаго, что такая наука поселяла только отвращеніе въ ученикѣ и что онъ скорѣе начнетъ играть въ плевки или продѣнетъ изъ носа въ ротъ нитку, нежели станетъ учить урокъ! Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то препаратъ, въ которомъ стоитъ нажать пружину— вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ, удивительно! нѣтъ мысли, какъ бывало прежде" *). „Все было проклято въ этой средѣ; все ходило ощупью въ мракѣ безнадежности и отчаянья, который окутывалъ ее. Одни были развращены до мозга костей, другіе придавлены до потери человѣческаго образа. Только безсознательность и помогала жить въ такомъ чаду" **).

*) Колоколъ, 1860 г. № 83.

*) Помяловскій. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1902, стр. 341. (Очерки бурсы).

**) Щедринъ. Сочиненія, т. 9, стр. 126.

ГЛАВА X.

Средняя школа.

(М. Н. Коваленскаго.)

I.

Вопросъ о школахъ въ комиссіи 1767 г.

Въ екатерининской комиссіи 1767 года—въ той самой комиссіи, гдѣ три сословія спорили о правѣ владѣть крестьянами, и отъ дворянства, купечества и духовенства по-

18

Григорій Федоровичъ Квитка

Съ портрета, писаннаго художникомъ Мартиновичемъ.
(Дашковское Собраніе изображеній русскихъ дѣятелей въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

[illegible]

слышался—по выраженію Соловьева—этотъ дружный и страшно печальный крикъ „рабовъ!“—въ этой самой комиссіи съ разныхъ сторонъ былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи, объ устройствѣ школъ. Дворянскіе депутаты требовали новыхъ дворянскихъ школъ, гимназій, корпусовъ, училищъ для дѣвицъ. Существующихъ учебныхъ заведеній оказывалось недостаточно; дворяне жаловались, что дѣти ихъ „выростаютъ въ невѣжествѣ и лѣности, становятся неспособны къ службѣ и вида дворянскаго не имѣютъ“. Дворянамъ были нужны школы, закрытыя для другихъ сословій. Эти школы должны были оплачиваться казной, которая „снабдитъ ихъ отъ материнской своей щедроты нужнымъ содержаніемъ“ и дастъ воспитанникамъ „провіантъ“, одежду и „питомство“.

Требовали школъ и другія сословія. Депутатъ отъ Симбирска говорилъ о „невѣжествѣ и неученіи“, царящихъ въ купеческой средѣ, и просилъ о школахъ для купеческихъ дѣтей, гдѣ бы обучали ихъ „ариеметикѣ, бухгалтеріи, навигаціи и иностраннымъ языкамъ“. Однодворцы тоже просили учителей, свѣтскихъ и духовныхъ, и говорили объ устройствѣ „дѣтскихъ школьныхъ ученій“. Они доказывали, что получать образованіе „не только не слѣдуетъ никому препятствовать, къ какому бы кто званію ни принадлежалъ, если бы только онъ пожелалъ имѣть просвѣщенный разумъ, но еще приложить къ тому особое попеченіе“. Нѣкоторые помѣщики толковали даже о школахъ для крѣпостныхъ крестьянъ; это, можетъ быть, „исправитъ ихъ нравы“, „покажетъ имъ ихъ долгъ къ Богу, Государю и отечеству“ и искоренитъ ихъ „свирѣпство“, выражающееся въ убійствѣ помѣщиковъ.

Никто не возражалъ противъ школъ для купечества, для городского сословія. Но школы для земледѣльцевъ вызвали возраженія. Депутатъ отъ Пензы, Степанъ Любавцевъ, выразилъ свое „купеческое мнѣніе“: „Земледѣльцамъ другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты; училища (для нихъ) не принесутъ никакой пользы, кромѣ казеннаго ущерба, и отъ того послѣдовать можетъ въ земледѣліи уменьшеніе, отъ чего и въ хлѣбныхъ цѣнахъ уповательно быть возвышенію. — Земледѣльцу та и школа, чтобы обучать дѣтей съ малолѣтства хлѣбопашеству и прочимъ домовымъ работамъ.—А для употребленія въ наукѣ имѣется весьма довольно другихъ родовъ, по состоянію къ тому приличныхъ“.

Противъ школъ для земледѣльцевъ высказывался и обоянскій дворянинъ Глазовъ.

Защитники школъ, напротивъ, доказывали, что просвѣщеніе не оторветъ земледѣльца отъ земледѣлія, но даже поможетъ „распространить оное“. Отъ „школьныхъ ученій“ „можетъ воспослѣдовать общественная польза; ученые люди для государственныхъ надобностей и вотчинному правленію завсегда могутъ быть способны“. Одинъ изъ депутатовъ говорилъ при этомъ, что онъ и не требуетъ „живыхъ и прочихъ иностранныхъ языковъ, а объ

сціенціяхъ и думать не имѣетъ намѣренія“; но „катехизисъ, напримѣръ, такая наука, безъ коей познанія человѣку скотомъ можно быть“.

Въ результатѣ этихъ споровъ, въ одной изъ 18 подкомиссій большой комиссіи былъ выработанъ проектъ организаціи школъ — нижнихъ и среднихъ и особыхъ школъ для инородцевъ. Среднимъ училищемъ должна быть гимназія; въ ней должны учиться и свѣтскія лица и готовящіеся къ духовному званію; подъ помѣщеніе для гимназіи можно обратить большіе монастыри.

Въ гимназіяхъ учатся дѣти дворянъ и разночинцевъ; но живутъ они при гимназіи отдѣльно, въ разныхъ помѣщеніяхъ: и въ классѣ и за столомъ сажаютъ ихъ порознь— дворянъ съ одной стороны, разночинцевъ—съ другой. Во главѣ гимназіи долженъ быть ректоръ, назначенный отъ университета, и архимандритъ, присланный отъ синода; сверхъ того, главными директорами будутъ губернаторъ и архіерей.

Были составлены и программы этихъ училищъ. Нижнія школы— элементарныя; но въ среднихъ училищахъ—цѣлый ассортиментъ наукъ; сверхъ обычныхъ въ гимназіи учебныхъ предметовъ и языковъ— 2 древнихъ и 2 новѣйшихъ, еще: англійскій, еврейскій, философія, метафизика, механика, геодезія, архитектура гражданская и военная, коммерція, политика, юриспруденція и медицина. Все это гимназія должна была имѣть у себя и предлагать учащимся; но что кому изъ нихъ изучать,—рѣшалось совѣтомъ гимназіи, а для своекоштныхъ учениковъ—также и ихъ родителями; проходить всю программу не требовалось.

Составляя свои проекты и свои программы, комиссія объ училищахъ черпала матеріалы изъ уставовъ русскихъ учебныхъ заведеній и изъ опыта чужихъ странъ. Въ ней читались положенія объ англійскихъ университетахъ, объ ирландскихъ и прусскихъ школахъ.

Но всѣ эти работы училищной комиссіи остались, повидимому, неизвѣстными Екатеринѣ; „не можетъ быть сомнѣнія“, говоритъ гр. Д. Толстой, „что императрица не видѣла работъ комиссіи и не слыхала о нихъ“.

Запросъ на школы, раздавшійся въ екатерининской комиссіи, не дошелъ такимъ образомъ до самой императрицы. Но онъ былъ, этотъ запросъ, былъ въ разныхъ слояхъ населенія и порождалъ уже школьные проекты и цѣлыя программы, выраставшія снизу, изъ самого общества. Посмотримъ, какъ былъ удовлетворенъ сверху этотъ запросъ.

II.

Сословная школа XVIII вѣка.

Вся русская школа XVIII вѣка была сословная школа; только послѣднее созданіе Екатерины, народныя училища, выводятъ насъ изъ этого круга. Сословная рознь, сословная обособленность, царившая въ обществѣ, отражалась сильнѣйшимъ образомъ и на школѣ. Въ

академическую гимназію, гдѣ было много дѣтей низкаго, „подлаго" званія, дворяне не отдавали своихъ дѣтей. Въ университетскихъ гимназіяхъ для дворянскихъ дѣтей было свое дворянское отдѣленіе, и благородные съ разночинцами не смѣшивались; они учились врозь, по разнымъ программамъ, ихъ пути расходились. Сухопутный шляхетскій корпусъ, обѣщанный дворянству еще верховниками и учрежденный, затѣмъ, императрицей Анной, былъ исключительно дворянскимъ заведеніемъ.

Чисто сословной была и закрытая, воспитательная школа, созданная Екатериной. Ея Смольный монастырь, основанный въ 1764 г. по образцу французскаго Сенъ-Сира, рѣзко распадался на двѣ половины—одну для благородныхъ дѣвицъ и другую—для мѣщанскихъ. Екатерина хотѣла воспитать новую человѣческую породу и воспитывала сразу двѣ породы—дворянскую и мѣщанскую. Эти двѣ породы ни въ чемъ не смѣшивались; ихъ готовили для разныхъ цѣлей и по разнымъ программамъ; весь складъ ихъ жизни былъ совершенно различный. Благороднымъ дѣвицамъ предстояло быть украшеніемъ общества, блистать въ свѣтѣ; ихъ брали и ко двору. Сообразно съ этимъ, ихъ обучали французской болтовнѣ, музыкѣ, танцамъ, внушали имъ правила свѣтскаго обхожденія и учтивости, культивировали ихъ „остроумныя примѣчанія"; чтобы заранѣе пріучить ихъ къ свѣтской жизни, ихъ вывозили на обѣды и вечера къ „особамъ"; въ самомъ институтѣ устраивали спектакли, балы, балеты. Мѣщанокъ воспитывали мѣщанками. Ихъ готовили къ совсѣмъ иной, скромной долѣ. Имъ предстояло выйти замужъ за мѣщанина или крестьянина или поступить на мѣсто въ дворянскій домъ. Языки и танцы могли имъ пригодиться и въ дворянскомъ домѣ; ихъ учили тому и другому. Но больше всего обучали ихъ „экономіи": уставомъ требовалось, чтобы, при переходѣ въ 4-й возрастъ, воспитанницы „могли употребляемы быть ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть и всю службу экономическую исправлять".

Этой сословной школѣ, управляемой „знатными особами—опекунами и за-опекунами", Екатерина поставила воспитательную задачу. Эта школа должна была создать новую человѣческую породу. На пути къ этой цѣли Екатерина устранила всѣ препятствія. Воспитательная школа должна была быть закрытой. Дѣтей брали въ нее съ самаго юнаго возраста, съ 4, 5, 6 лѣтъ, и не выпускали до 18; никакихъ отпусковъ не полагалось; свиданія съ родителями могли быть только при свидѣтеляхъ; родители должны были давать подписку, что не возьмутъ дѣтей до срока. Но родители мирились со всѣмъ этимъ, и съ долгой разлукой, и съ отсутствіемъ отпусковъ, и давали требуемую подписку: казенная школа давала ихъ дѣтямъ и воспитаніе, и содержаніе. и „провіантъ" „отъ материнской своей щедроты". И если на первый пріемъ въ Смольный привезли вмѣсто 50-ти дѣвицъ—16, то впослѣдствіи пришлось расширять пріемъ.

Гимназіи, академическая и университетскія, были школы образовательныя; онѣ готовили къ университету и съ этой цѣлью сажали учениковъ за книгу, за какую-нибудь латынь или греческій языкъ. Важнѣйшей задачей новой школы, созданной Бецкимъ и Екатериной, было воспитаніе; образовательная задача отодвигалась на задній планъ. „Не науки и художества умножать, но вкоренять въ сердца добронравіе“ — такъ формулировалась эта задача. „Разумъ, науками украшенный“,—торжественно развѣнчивался; самъ по себѣ, безъ добродѣтели, онъ могъ быть даже вреднымъ.

Культурная цѣнность сословныхъ школъ стояла очень невысоко. Въ этомъ сходились равно всѣ школы, это была ихъ общая черта. Возьмемъ, напримѣръ, шляхетскій корпусъ эпохи Анны; онъ выпускалъ кадетъ оберъ-офицерскимъ чиномъ. Здѣсь были обязательны только три предмета: законъ Божій, ариѳметика и военныя экзерциціи. Изъ предметовъ необязательныхъ больше всего процвѣтали языки и танцы; имъ обучалось всего большее число кадетъ. Но исторіи изъ 245 обучалось всего 28 человѣкъ, а русскому языку—18. Предметы проходились не цѣликомъ, а отдѣльные кусочки; одни кончали курсъ, дойдя въ универсальной исторіи до новой, другіе только „до короля Магнуса“. Одни имѣли „въ математической географіи доброе начало“, другіе знали „пять спеціальныхъ европейскихъ картъ“. При Екатеринѣ II оказалось, что ни на одномъ изъ пяти возрастовъ, на какіе дѣлился корпусъ, не преподаются почти всѣ науки, положенныя уставомъ для этихъ возрастовъ; однѣ—потому, что не было у воспитанниковъ къ нимъ склонности, другія—потому, что недостаточна была подготовка; такъ, исторіи въ 3-мъ возрастѣ не обучали—„за недовольнымъ знаніемъ географіи“, „а для чего прочимъ наукамъ не обучались, самимъ приставникамъ кадетскаго корпуса неизвѣстно“.

Въ Смольномъ, гдѣ танцмейстеру платили 1100 р. въ годъ, а учителю ариѳметики 180 р., учебная часть почти вовсе не существовала. На 20-й годъ существованія института его ревизовала комиссія графа Завадовскаго. Ревизія нашла, что на дворянской половинѣ воспитанницы разучивались русской грамотѣ, если знали ее раньше; отдѣльные предметы начинались тогда, когда надо было ихъ кончать; къ ариѳметикѣ приступали на 10-й годъ обученія. На мѣщанской половинѣ были воспитанницы, не умѣвшія подписать свое имя. „Дѣвицы, такимъ образомъ пренебреженныя, не изобилуютъ познаніемъ вещей различныхъ“. Вообще, по словамъ комиссіи, ревизовавшей Смольный, институтское обученіе „вдыхаетъ въ воспитанницъ отъ наукъ отращеніе и вмѣсто просвѣщенія разума омрачаетъ оный“.

III.

Народная школа Екатерины II и Александра I.

Темно и скромно происхожденіе нашего героя; оно теряется во мракѣ Приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ 1775 г. велѣно было этимъ приказамъ, только что учрежденнымъ, заводить въ городахъ и селеніяхъ „народныя, элементарныя школы". Учителя за 60 и за 90 рублей въ годъ должны были обучать дѣтей чтенію, письму, ариѳметикѣ, катехизису за умѣренную плату, бѣдныхъ же совсѣмъ безплатно. семь такихъ школъ было открыто въ столицѣ, большею частью при церквахъ; нѣсколько школъ возникло въ провинціи. Въ тѣсные классы набраны дѣти, посажены дешевые учителя; обучать ариѳметикѣ взялись штыкъ-юнкеры и сержанты.

Лѣтъ черезъ 10 на мѣсто этихъ учителей прислали другихъ; жалованья имъ положили по 100—120 рублей. Элементарныя школы переименовали въ малыя; сдѣлали ихъ двухклассными. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ пристроили еще по два класса,—получили 4-классныя главныя училища. Платы и въ тѣхъ и въ другихъ не брали вовсе. Въ 1783 г. устроили первое главное народное училище въ Петербургѣ; въ 1786 г., въ самую годовщину коронаціи, велѣно было открыть еще 25 въ другихъ губерніяхъ. Губернаторы очень вездѣ старались, чтобы не опоздать; набирали дѣтей отовсюду; брали ихъ силой, черезъ полицію, закрывали частные пансіоны, отбирали дѣтей у нихъ. На ряду съ главными открывались малыя училища. Къ 1801 г. было уже всѣхъ училищъ, главныхъ и малыхъ, 315.

Эти народныя училища, заведенныя при Екатеринѣ, императоръ Павелъ приказалъ „переименовать въ школы". Александръ I въ 1804 г. далъ имъ новое устройство. Главное народное училище распалось на составныя части. Два младшихъ класса, составлявшихъ малое училище, раздѣлились на приходское училище и уѣздное; первое—одноклассное, ко второму придали новый второй классъ. Старшіе классы главнаго училища дополнили сверху новыми двумя классами и въ такомъ видѣ назвали губернскими училищами, или гимназіями. Всѣ три училища составляли одинъ рядъ, ведшій снизу вверхъ, „отъ азбуки къ университету". Главное училище не исчезло; оно только удлинялось, два раза давая отростки, и распадалось не на двѣ, а на три ступени, примыкавшія вплотную къ высшей школѣ. Къ 1808 г. было по всей Россіи 126 уѣздныхъ училищъ и 32 гимназіи; къ 1831 г. гимназій было 48. Въ то же время исчезли старыя гимназіи XVIII вѣка. Казанская университетская гимназія преобразовалась по новому уставу въ 1804 г. Въ то же время старая академическая гимназія совсѣмъ закрылась въ 1805 г. Московская университетская сгорѣла въ 1812 г.

Новыя училища, возникшія при Екатеринѣ и Александрѣ I, элементарныя, потомъ малыя и главныя, потомъ приходскія, уѣздныя и губернскія, брали дѣтей отовсюду.

Въ екатерининскихъ училищахъ принимали дѣтей всѣхъ званій — солдатскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ, дѣтей крестьянъ и приказныхъ, придворныхъ и госпитальныхъ служителей, а рядомъ съ ними—офицерскихъ и дворянскихъ дѣтей. То же было и при Александрѣ I. Чтобы попасть въ школу, надо было только имѣть достаточныя познанія. Даже для крѣпостныхъ крестьянъ не было запрета. Дѣти крѣпостныхъ, господскихъ людей, дворовыхъ обучались во всѣхъ училищахъ, были они и въ гимназіяхъ. Въ московскомъ главномъ народномъ училищѣ (нынѣшняя 1-я гимназія), при самомъ его открытіи, въ 1786 г. было принято 105 человѣкъ, въ томъ числѣ 10 дворянскихъ дѣтей и 60 дворовыхъ и крѣпостныхъ; въ 1801 г.—всего 137 человѣкъ, изъ нихъ 33 дворовыхъ, 29 купеческихъ, 24 мѣщанскихъ и 20 дворянскихъ и офицерскихъ. Въ училищахъ новгородской дирекціи при Александрѣ I больше всего было купечества и мѣщанства; ихъ дѣтей считали сотнями—300, 400, 500 человѣкъ; дворовыхъ считали десятками—32, 42, 52; дворянъ — еще меньше 19, 12, 21. Въ большемъ числѣ или въ меньшемъ, но сходились въ школѣ дѣти разныхъ званій и всѣхъ сословій.

При Екатеринѣ брали одинаково, въ тѣ же самыя училища, мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ первыхъ, элементарныхъ школахъ, на 486 всѣхъ учившихся въ 7 школахъ Петербурга было 40 дѣвочекъ,—около $^1/_{12}$ всего числа. То же было и въ народныхъ училищахъ, возникавшихъ въ 1783—86 годахъ. За время до конца столѣтія черезъ нихъ прошло по всей Россіи 175 тысячъ человѣкъ, и изъ нихъ $12^1/_2$ тысячъ женскаго пола, то-есть, 7%. Это измѣнилось при Александрѣ I. Уставъ 1804 г. изгналъ женщинъ изъ гимназій и изъ уѣздныхъ училищъ; для нихъ осталось только одноклассное приходское. То же правило примѣняли и къ частнымъ пансіонамъ. Когда въ годъ Отечественной войны дошло до свѣдѣнія министерства, что въ Петербургѣ есть много частныхъ пансіоновъ, „для мужского и женскаго пола вмѣстѣ учрежденныхъ“, особымъ циркуляромъ было велѣно всѣ такіе пансіоны упразднить,— „поелику таковые пансіоны возбраняются уставомъ учебныхъ заведеній“.

Но сразу это осуществить не удалось. Дѣвочекъ отдавали и въ приходскія училища и въ пансіоны, но ихъ можно было найти, вмѣстѣ съ мальчиками, и въ уѣздномъ училищѣ и гимназіи. Въ 1808 г. во всѣхъ пансіонахъ училось 3420 дѣвочекъ; въ приходскихъ училищахъ—1482; въ новгородской гимназіи — 3, въ псковской—7, въ могилевской—13; въ витебской — 20 дѣвочекъ. Въ 1820 г. въ уѣздныхъ училищахъ ихъ было 338.

Программа этихъ школъ, училищъ, гимназій становилась все сложнѣй и сложнѣй. Въ элементарныхъ школахъ курсъ ограничивался элементарными предметами да чтеніемъ книги „о должностяхъ человѣка и гражданина“. Въ главныхъ училищахъ былъ уже цѣлый рядъ новыхъ предметовъ—исторія, географія, геометрія, механика, физика, естественная исторія и гражданская

архитектура, а для желающихъ итти дальше въ гимназію и университетъ еще латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ. Въ училищахъ Александра I программа была еще обширнѣй. Ученикамъ приходскаго училища—изъ земледѣльцевъ и другихъ состояній—надо было „дать свѣдѣнія, имъ приличныя, дать точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки". Здѣсь проходились элементарные предметы и читалась книга „о сельскомъ домоводствѣ". Ученикамъ уѣзднаго училища требовалось „открыть познанія, необходимыя ихъ состоянію и промышленности". Въ программу укладывался чуть не весь курсъ прежнихъ главныхъ училищъ, безъ гражданской архитектуры и механики, но съ технологіей. Ученикамъ гимназіи нужно было сообщить свѣдѣнія, „необходимыя для благовоспитаннаго человѣка". Къ этимъ необходимымъ свѣдѣніямъ были отнесены: исторія, географія, математика, физика, естественная исторія, языки—латинскій, французскій и нѣмецкій (русскій кончался въ уѣздномъ училищѣ) и затѣмъ цѣлый рядъ наукъ университетскихъ—философія съ логикой, этикой, эстетикой, естественнымъ и народнымъ правомъ, статистика и политическая экономія, технологія и коммерческія науки. Въ случаѣ, если найдутся средства, можно было еще вводить танцы, музыку и гимнастику, а если пожелаютъ и съ разрѣшенія начальства и другіе предметы „размножать". Многопредметность этой программы дѣлала ее невыполнимой при какихъ угодно условіяхъ. И всю эту колоссальную программу надо было пройти въ 7 лѣтъ, а программу одной гимназіи—въ 4 года.

Особенностью народныхъ школъ Екатерины II и Александра I былъ ихъ рѣзко выраженный свѣтскій характеръ. Училища Екатерины не были подчинены духовной власти; никакой архіерей не касался ихъ, и даже законъ Божій преподавался свѣтскимъ лицомъ. По уставу 1804 г. законъ Божій совсѣмъ былъ изгнанъ изъ программы гимназій; оставили его лишь въ приходскомъ училищѣ и уѣздномъ.

Всѣ эти школьныя системы Екатерины и Александра I вводились по иноземнымъ образцамъ. Задумавъ устроить народное обученіе „отъ азбуки до университета", Екатерина обращалась за совѣтами и къ Дидро, и къ Гримму. Дидро прислалъ ей свой планъ народнаго образованія, съ 8-лѣтнею среднею школой, ультра-реальной, со словесными науками только съ шестого класса, съ древними языками въ одномъ восьмомъ, и почти совсѣмъ безъ закона Божія. Но не этотъ планъ легъ въ основу народныхъ училищъ Екатерины; планъ Дидро не былъ осуществленъ. Но и эти народныя училища строились на западный ладъ.

Ихъ вводила комиссія объ училищахъ графа Завадовскаго и вводила по прусско-австрійскому образцу. Съ этой цѣлью, „для удобнѣйшаго изъясненія", былъ приглашенъ ученый иностранецъ, сербъ Янковичъ де Миріево, „знающій россійскій языкъ и нашъ православный законъ исповѣдующій". Его рекомендовалъ Екатеринѣ Іосифъ II; Янковичъ устраивалъ такія же шко-

лы въ одномъ изъ округовъ австрійской Венгріи. Когда открылось первое главное училище въ Петербургѣ, Янковичъ былъ назначенъ его директоромъ. Училища и гимназіи Александра I насаждалъ тотъ же графъ Завадовскій уже въ новомъ званіи министра; только что было учреждено министерство народнаго просвѣщенія. Но графъ Завадовскій долженъ былъ служить только ширмой; за его спиной дѣйствовали другія лица; направленіе реформы давали либеральные совѣтники молодого государя, Чарторыйскій, Новосильцевъ и другіе; самъ Завадовскій, по словамъ императора Александра, былъ „настоящая овца"; „il est nul et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en fût exclû". Творцами устава 1804 г. оказывались либеральные совѣтники Александра; практическую разработку всѣхъ связанныхъ съ реформой вопросовъ выполняли ученые академики — Румовскій, Озерецковскій и Фусъ, Каразинъ и тотъ же Янковичъ де Миріево. Эти лица „выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть исполнительной работы". Училища и гимназіи Александра I насаждались также по западнымъ образцамъ. На этотъ разъ образцами служили лицеи наполеоновской Франціи и польскія школы, созданныя польской эдукаціонной комиссіей; изъ Польши, между прочимъ, было заимствовано подчиненіе учебныхъ округовъ университетамъ.

Но съ самаго же своего появленія у насъ этотъ новый цвѣтокъ, выращенный на почвѣ Пруссіи и Австріи, Франціи и Польши, долженъ былъ захирѣть и зачахнуть. Съ первыхъ же дней своего существованія, народная школа попала въ положеніе нелюбимой дочери. Ее начали держать въ черномъ тѣлѣ и кормили только впроголодь. Уже элементарныя школы Екатерины были лишены казеннаго содержанія и поставлены въ зависимость отъ щедротъ Приказовъ общественнаго призрѣнія. То же случилось и съ народными училищами Янковича. „Изыскивать" средства для главныхъ училищъ должны были тѣ же Приказы; но у нихъ самихъ была „скудость средствъ", а на ихъ отвѣтственности были еще больницы, аптеки и богадѣльни, работные и смирительные дома. Содержать малыя училища должны были городскія думы. Казна, дававшая по 100 тысячъ на одинъ Смольный, ничего не давала народнымъ школамъ. При Александрѣ I казна стала давать, но давать мало. На 49 гимназій и 405 уѣздныхъ училищъ положено было отпускать въ годъ около 800 тысячъ, по 5—6 тысячъ на каждую гимназію и по 1250—1600 руб. на уѣздное училище. Это не позволяло свести концы съ концами; а Приказы изыскивали средствъ все меньше и меньше. Приходилось изобрѣтать чрезвычайныя мѣры, находить дополнительные доходы. Еще въ 1802 г. Янковичъ предложилъ, въ виду „скудости средствъ" Приказовъ, ввести плату за обученіе, чтобы какъ-нибудь покрывать расходы; но тогда это не прошло. Въ 1819 г. пришлось, однако, вводить плату; министерство должно было вводить ее во всѣхъ училищахъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Наконецъ, казенная народная школа протянула

руку къ частнымъ благотворителямъ. Министерство приглашало „благомыслящихъ особъ“ къ „пожертвованіямъ на народное просвѣщеніе“, обѣщало жертвователямъ различныя награды, назначало ихъ въ училища почетными смотрителями.

При такихъ условіяхъ положеніе училищъ было весьма печальное. Не на что было оборудовать училищныя библіотеки, не на что платить достаточное жалованье учителямъ. Въ библіотекахъ главныхъ училищъ было книгъ совсѣмъ мало. На полкахъ одного училища стояло всего 33 названія книгъ, а въ другомъ училищѣ—5. Жалованье учителямъ элементарныхъ школъ было, какъ мы видѣли, отъ 60 до 90 р. въ годъ. Учителя народныхъ училищъ получали немногимъ больше—отъ 80 до 120 р.; за эти деньги надо было работать круглый годъ — отъ ноября до пасхи и отъ пасхи до ноября; въ году было два курса, два „теченія“, лѣтнее и зимнее. Въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ Александра I жалованье поднялось еще нѣсколько выше; его minimum остановился на 150 р., но до maximum'а—750 р.—достигали лишь весьма немногіе. Матеріальное положеніе учителей само министерство находило совершенно ненормальнымъ. „Учителя, не получающіе достаточныхъ средствъ,—говорилъ въ 1817 г. одинъ попечитель,—должны, наконецъ, возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы“. Занимать учительскія мѣста люди рѣшались „не иначе, какъ изъ одной крайности“. „Въ случаѣ смерти учителей, нѣтъ возможности замѣщать ихъ“, жаловался годомъ раньше самъ министръ народнаго просвѣщенія. „Никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ, выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ. Чего можно ожидать отъ людей, находящихся въ столь бѣдственномъ положеніи?“

Такова была та народная школа, которую выращивало правительство рядомъ съ сословной школой.

Но всесословной школѣ не могло быть мѣста въ сословной и крѣпостной Россіи. Въ этой школѣ были дѣти разныхъ сословій, дѣти купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и даже господскихъ людей, крѣпостныхъ и дворовыхъ. Съ этимъ никакъ не могло примириться дворянство. Мысль, что ихъ дѣти встрѣтятся въ школѣ съ дѣтьми „подлыхъ“ званій и, пожалуй, „переймутъ ихъ дурныя привычки“,—эта мысль мѣшала дворянамъ отдавать дѣтей въ народныя школы. И дворянскихъ дѣтей было здѣсь меньшинство, 13—16% всего числа. Мы видѣли, что тамъ, гдѣ другихъ сословій дѣти считались сотнями, дворянскихъ дѣтей оказывались десятки. Въ Казани профессора должны были держать къ родителямъ рѣчь, должны были убѣждать ихъ не гнушаться гимназіей, отдавать туда сыновей. Дворянскихъ дѣтей было мало въ народной школѣ; зато они наполняли частные пансіоны. Частные пансіоны быстро росли. Въ 1803 г. ихъ было въ одномъ Петербургѣ 28, черезъ 25 л. ихъ уже было 62; цифра учащихся за это же время поднялась съ 695 до 2275 человѣкъ. Въ Перми дворяне и богатые чиновники не отдавали дѣтей въ гимназію, но пригла-

шали къ себѣ на домъ гимназическихъ учителей. Дѣти получали гимназическое образованіе, но при этомъ не смѣшивались съ дѣтьми низшихъ сословій.

Дворянское давленіе было такъ сильно, что народная школа не могла его выдержать. Приходилось итти на уступки, оставлять всесословныя позиціи. На другой же годъ послѣ открытія гимназій при нихъ устраиваются благородные пансіоны для дворянскихъ дѣтей, съ военными науками и „пріятными искусствами“. Затѣмъ, возникъ вопросъ о недопущеніи въ гимназію господскихъ людей. Въ 1813 г. графъ Безбородко прислалъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію своего крѣпостного мальчика. Узнавъ объ этомъ, министръ гр. Разумовскій распорядился „объяснить графу Безбородкѣ, что какъ въ гимназіи обучаются большею частью (?) дворянскія и другихъ лучшихъ состояній дѣти, то не совсѣмъ прилично было бы принимать въ гимназію господскихъ людей, тѣмъ болѣе, что для нихъ, кажется, достаточно ученія, преподаваемаго въ уѣздномъ училищѣ“. Если графъ Безбородко будетъ настаивать на своемъ, пусть отпуститъ мальчика на волю; тогда будетъ можно его принять. Въ заключеніе министръ предписывалъ о всѣхъ подобныхъ случаяхъ сообщать ему.

Всесословная школа понемногу разрушалась, понемногу утрачивала всесословный характеръ. Въ нее сами не шли дворяне, изъ нея выгнали женщинъ и начинали выгонять крѣпостныхъ крестьянъ. Но были и другія причины, подтачивавшія ея существованіе, вырывавшія у нея изъ-подъ ногъ почву.

Мы видѣли, какъ устраивалась эта школа, какъ правительство въ ней насаждало дорогія науки и дешевыхъ учителей; мы видѣли, какою загнанной была эта школа рядомъ съ привилегированной школой сословной. Что могла она дать своимъ ученикамъ? И мы видимъ, что школа не имѣетъ большого успѣха, что учениковъ приходится загонять въ нее силой и что потомъ они изъ нея бѣгутъ, не кончивъ курса, не пройдя всѣхъ роскошныхъ „университетскихъ“ наукъ — ни этики съ эстетикой, ни „народнаго права“. Въ Московскомъ главномъ училищѣ въ 1787 и 88 годахъ въ различныхъ классахъ было учащихся: въ I классѣ — 103 и 78, во II — 95 и 88, въ III—27 и 62, въ IV — 16 и 9. Изъ 103 доходило до выпуска лишь 16 и изъ 78- только 9. Та же картина при Александрѣ I. Въ московской I гимназіи, выросшей изъ главнаго училища, въ 1822 и 23 годахъ изъ I класса переведено во II-й 22 ученика и 24, а изъ III въ IV—10 и 10; окончили курсъ 7 и 8. Въ 1819 г. въ гимназіяхъ московскаго округа старшіе классы были подчасъ совсѣмъ пусты. Въ петербургской гимназіи въ 1816 г. въ младшихъ классахъ было человѣкъ по 100, въ старшихъ—человѣкъ 10—12. И такъ по всей странѣ. Въ новгородской дирекціи при Екатеринѣ за 18 лѣтъ было 1432 всѣхъ учащихся, а окончило курсъ 52. Гимназія Александра I была продолженіемъ уѣзднаго училища; въ 1828 г. было 126 уѣздныхъ училищъ съ 13 тысячами учащихся, и 32 гимназіи съ 3-мя тысяча-

ми учащихся. 10 тысячъ учениковъ уѣздныхъ училищъ совсѣмъ не переходили въ гимназію. Многіе, конечно, не кончали курса, потому что спѣшили занять мѣсто въ жизни, стать на работу. Одни торопились устроиться гдѣ-нибудь въ канцеляріи; другихъ ставили ихъ отцы скорѣй за прилавокъ. Таково обычное объясненіе подобныхъ фактовъ; все дѣло сводится къ отсутствію серьезнаго запроса на образованіе, къ простой некультурности массъ. Но нельзя игнорировать, при такомъ объясненіи, и некультурности самой школы. Мы сейчасъ увидимъ, какова была эта некультурность.

Посмотримъ сперва на ея учителей, на ея директоровъ и смотрителей. Рядъ фактовъ покажетъ намъ, въ чьихъ рукахъ было народное просвѣщеніе. Въ элементарныхъ школахъ ариѳметикѣ обучали штыкъ-юнкеры и сержанты. Въ главныхъ училищахъ отставные офицеры, лишенные образованія, были директорами; въ малыхъ училищахъ были смотрителями назначенные Приказомъ общественнаго призрѣнія невѣжественные купцы и мѣщане. Въ Оренбургѣ директоръ главнаго училища приходилъ въ классъ въ „самомъ развратномъ видѣ, въ халатѣ, рубашкѣ и порванныхъ башмакахъ, дѣлалъ самыя гадкія кривлянья и произносилъ самыя гнусныя и непристойныя выраженія". Зато саратовскій директоръ просилъ, чтобы ему назначили учителя словесности „умѣющаго изъясняться по-французски, притомъ ловкаго, съ чистымъ голосомъ и красивой наружностью". Въ Иркутскѣ пришлось прекратить спектакли въ пользу бѣдныхъ учителей и учениковъ по причинѣ „буйства" учителей и ихъ „непристойнаго поведенія". Обыватели рѣже видали ихъ трезвыми, чѣмъ пьяными, а учитель латинскаго языка, „имѣя отъ природы характеръ вѣтренный, любилъ трезвый хвастать знаніями своими и силой, отчего въ обществѣ бывалъ довольно несносенъ, въ нетрезвомъ же видѣ былъ предпріимчивъ и дерзокъ на руку". Чтобы дополнить нѣсколько эту картину, достаточно вспомнить, что въ одномъ изъ училищъ Александра I обучался нѣкогда Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, а въ другомъ училищѣ былъ позднѣе смотрителемъ гоголевскій Лука Лукичъ.

Теперь о методахъ. И въ школахъ Екатерины II, и въ школахъ Александра I учебникъ заучивался наизусть, слово въ слово. Австрійская метода, введенная Янковичемъ, требовала только, чтобы ученикъ понималъ, что онъ заучиваетъ, а учитель помогалъ ему это заучивать; зубрежка должна была производиться въ классѣ, а не дома и „совокупно" всѣмъ классомъ, а не каждымъ врозь; для облегченія зубрежки учитель долженъ былъ писать планъ заучиваемаго на доскѣ или еще писать сначала весь текстъ, а потомъ — только начальныя буквы отдѣльныхъ словъ, напр., „Богъ всемогущъ", потомъ „Б. В.". Но и эти требованія исполнялись мало. Выражаясь словами одного министерскаго циркуляра, „во многихъ училищахъ науки преподавались безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, учителя старались больше обременять, чѣмъ изощрять память, и вмѣсто развиванія разсудка притупляли оный".

IV.

Женская школа императрицы Маріи Феодоровны.

Женщина, изгнанная либеральнымъ царствованіемъ изъ общей школы, сдѣлалась между тѣмъ предметомъ любопытныхъ попеченій въ другомъ, сосѣднемъ, вѣдомствѣ. Это было вѣдомство императрицы Маріи, вѣдомство почетныхъ опекуновъ. Возникнувъ при Павлѣ, оно состояло въ личномъ завѣдываніи его супруги Маріи Феодоровны—вплоть до смерти ея въ 1828 г. Къ ней, подъ ея начало, перешелъ Смольный монастырь, обѣ его половины. И сословная, закрытая, воспитательная школа Екатерины не только не захирѣла при ея преемницѣ, но дала новые многочисленные ростки. Достаточно сказать, что за эти 30 лѣтъ возникло 5 новыхъ казенныхъ институтовъ (Маріинскій и Павловскій въ Петербургѣ, Екатерининскіе въ Петербургѣ и Москвѣ и Александровское училище въ Москвѣ) и что по образцу казенныхъ стали возникать въ это время частные, или общественные, институты, основанные дворянствомъ и на дворянскій счетъ (патріотическій, харьковскій, одесскій).

Все это были яркіе образцы сословной школы. Убѣжденной противницей смѣшенія сословій была сама императрица. „Непремѣнно надо ихъ раздѣлить", говорила она. „Дворянство и мѣщанство оба имѣютъ одинаково священное право на благодѣянія монарха, на заботы, которыя мы къ нимъ прилагаемъ, но каждое въ своей сферѣ". Не должно быть смѣшенія и въ школѣ; что хорошо для дворянки, не годится для мѣщанской дѣвицы. „Пріобрѣтеніе талантовъ и пріятныхъ для общества искусствъ, которое существенно для благородной дѣвицы, становится не только вреднымъ, но пагубнымъ для мѣщанки, ибо это ставитъ ее внѣ своего круга и заставляетъ искать опаснаго для ея добродѣтели общества". Чтобы не смѣшивать сословій даже въ мелочахъ, было приказано возить дворянокъ не иначе, какъ въ придворныхъ каретахъ, а мѣщанокъ—только въ наемныхъ. Когда въ 1812 г. Москва была занята французами, екатерининскихъ институтокъ пришлось увозить изъ Москвы въ Казань не только не въ придворныхъ каретахъ, но въ телѣгахъ. Императрица была внѣ себя. „Великій Боже! Какое зрѣлище представилось столицѣ имперіи, когда цвѣтъ дворянства увозили на телѣгахъ!" Почетный опекунъ долженъ былъ выслушать формальный выговоръ.

Кромѣ дѣленія по сословіямъ, императрица дѣлила воспитанницъ еще иначе, по табели о рангахъ. Ихъ распредѣляли по институтамъ въ точномъ соотвѣтствіи съ ихъ сословіемъ и съ служебнымъ положеніемъ ихъ отцовъ. Безчисленныя перегородки, существовавшія въ русскомъ обществѣ, отражались всѣми своими изгибами на сословной школѣ Маріи Феодоровны. Между институтами проводилось строгое различіе. Одинъ изъ нихъ существовалъ исключительно для родовыхъ дворянокъ, „а не по единому токмо чину родителей". Это—благородная

половина Смольнаго. Въ Екатерининскіе институты доступъ былъ открытъ „для дочерей бѣдныхъ природныхъ дворянъ, какихъ бы они ни были, или чины чиновъ которыхъ даютъ дѣтямъ дворянское достоинство (до капитана въ арміи включительно и до 8-го класса службы гражданской)“. Дочери офицеровъ военной, статской и придворной службы, для коихъ по чину ихъ отцовъ закрыты Екатерининскіе институты, принимались въ московское Александровское училище, открытое также для дочерей мѣщанъ, записанныхъ въ гильдіи, священниковъ, медиковъ, лѣкарей безъ штабъ-офицерскаго чина и учителей и художниковъ. На мѣщанской половинѣ Смольнаго при каждомъ пріемѣ составлялись точные списки, кого можно принять и кого нельзя. По три, по четыре раза обсуждались утомительно-длинные перечни гофъфурьеровъ, профессоровъ, метръд'отелей, архиваріусовъ, актуаріусовъ и капраловъ. Отдѣльныя профессіи то вносились въ родительскій списокъ, то изъ него вычеркивались. Чтобы рѣшить, можно ли принять дѣвицу, приходилось еще высчитывать, былъ ли ея отецъ въ опредѣленномъ чинѣ до рожденія дочери, или получилъ его послѣ.

Сословная школа Екатерины становилась при Маріи Өеодоровнѣ еще болѣе сословной. Притомъ дворянская школа понемногу вытѣсняла мѣщанскую школу. Это дѣлалось какъ разъ путемъ пересмотра родительскихъ списковъ, составлявшихся при каждомъ пріемѣ. Къ 1828 г. оказалось, что и Александровское училище, и Павловскій институтъ, и мѣщанская половина Смольнаго закрылись совсѣмъ для мѣщанокъ и обратились въ заведенія для воспитанія дочерей чиновниковъ и низшаго дворянства. Мѣщанскимъ остался только Маріинскій институтъ.

Школа Маріи Өеодоровны была женской школой. Раздѣляя сословія, разграничивая чины, эта школа воздвигала китайскую стѣну и между женщиной и мужчиной. Женщину воспитывали для семейной жизни, готовили изъ нея добродѣтельную супругу, жену и мать. Ее воспитывали въ невинности и непорочности, въ невѣдѣніи зла, въ незнаніи жизни и міра. Для этого и служила закрытая школа безъ отпусковъ, съ свиданіями для родителей на глазахъ классныхъ дамъ; никакимъ „молодымъ ровственникамъ, братьямъ и кузенамъ“ туда не было доступа, и на балы и празднества не приглашались отнюдь мужчины, развѣ только учителя да почетные опекуны. Только одна уступка была сдѣлана школой: пріемный возрастъ былъ нѣсколько повышенъ—для дворянокъ до 8 лѣтъ, для мѣщанокъ до 11-ти. Воспитывать новую породу людей не собирались, не зачѣмъ было и отрывать отъ семьи пятилѣтнихъ дѣтей; и семейныя добродѣтели лучше воспитывались, когда дѣти не забывали тѣхъ, кому они „одолжены жизнью“. Но пока дѣвица находилась въ институтѣ, до нея не должно было коснуться ничто безнравственное и порочное. Институтъ долженъ былъ быть „пристанищемъ отъ пороковъ“, отъ царящей кругомъ „коловратной нравственности“. Нужна была особая вы-

учка для этой *профессіи* матери и жены. „Жена должна быть совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлять свое существованіе между дѣтской, кухней, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и сараемъ. Ученость безполезна для женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ученость—это подлинная язва душевная“, она — „непримѣтное препятствіе щастливаго супружества и хорошаго воспитанія“. Такъ писалъ Кампе въ книгѣ „Отеческіе совѣты“, чтеніе которой было обязательно въ институтахъ. То же стояло на первомъ мѣстѣ въ тетрадяхъ императрицы: „нехорошо, и по многимъ причинамъ, чтобы женщина изучала и пріобрѣтала слишкомъ обширныя познанія. Воспитывать въ добрыхъ нравахъ дѣтей, вести хозяйство, имѣть наблюденіе за прислугой, блюсти въ расходахъ бережливость —вотъ въ чемъ должно состоять ея ученіе и ея философія“.

Бѣдной дворянкѣ, если ей не удавалось пристроиться замужъ, грозила участь, полная труда и лишеній; ей предстояло быть гувернанткой, учительницей или няней, жить въ чужомъ домѣ, служить за кусокъ хлѣба. Одно трудолюбіе могло ей доставить „безбѣдное существованіе“; въ немъ будетъ для нея, „можетъ статься, единственное средство къ пропитанію“. Поэтому, сверхъ добродѣтелей, нужныхъ для семейной жизни, надо было еще пріучить воспитанницу къ мысли о бѣдности, развить въ ней довольство малымъ и трудолюбіе. „Внутри себя и около себя“ онѣ должны были находить „всѣ свои удовольствія, всѣ сладости“. Но для того, чтобы трудолюбіе могло быть для нихъ средствомъ къ пропитанію, нужно было дать имъ профессіональную выучку, дать имъ тѣ „познанія и искусства“, какія могли впослѣдствіи быть ихъ богатствомъ и ихъ приданымъ.

Во главѣ профессіональной выучки, нужной для заработка и для семейной жизни, стояли французскій языкъ, рукодѣліе и танцы. На „учебныя пособія“ въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ всего больше тратилось денегъ для рукодѣлія; на покупку для него матеріаловъ расходовалось ежегодно $1^1/_2$ тысячи рублей; въ то же время въ институтской библіотекѣ было всего 11 книгъ. Громадные расходы были связаны съ обученіемъ танцамъ; не будемъ забывать, что еще при Екатеринѣ жалованье танцмейстеру въ 5 или 6 разъ превышало окладъ учителя ариѳметики. Французскій языкъ царилъ во всѣхъ видахъ. Ему отводилось всего больше часовъ классныхъ занятій; сверхъ того, съ воспитанницами занимались французскимъ же языкомъ классныя дамы; цѣлый рядъ предметовъ преподавался не на русскомъ, а на французскомъ языкѣ: физика, геометрія, исторія, географія, естественная исторія и т. д. Когда не нашли физика, знающаго французскій языкъ, предпочли совсѣмъ обойтись безъ физики. И на экзаменахъ приходилось сдавать по-французски какія-нибудь царствованія королей и геометрическія теоремы. Воспитанницы должны были и между собой говорить по-французски. Если же онѣ забывали свой долгъ и начинали, „какъ кухарки болтать по-русски“, самъ Господь

Богъ ихъ наказывалъ за этотъ самый „тяжелый и важный грѣхъ"; одинъ разъ, специально для устрашенія воспитанницъ, Онъ устроилъ пальбу на улицахъ Петербурга въ день 14 декабря 1825 года (такъ объяснило эту пальбу начальство въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ); воспитанницы раскаялись и перестали болтать по-русски.

На такихъ началахъ строилась вся система институтскаго „образованія". Если нужны были какія-нибудь науки, то съ какой-нибудь спеціальной цѣлью. Такъ, ариѳметику признавали нужной для всякой хозяйки, для счета расходовъ. „Изъ *числословія*" надо было „извлекать пользу для содержанія своего домоводства въ надлежащемъ порядкѣ и ясности". Въ „*бытописаніяхъ*", т.-е. въ исторіи, надо было „выбирать себѣ примѣры кротости, цѣломудрія, терпѣнія и великія добродѣтели". *Физика* и *естественная исторія* должны были показать воспитанницамъ „въ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ природы, какъ и въ душеспасительныхъ истинахъ христіанской вѣры, могущество и благость Всевышняго" и привлечь ихъ „благоговѣйнымъ удивленіемъ и любовью къ усерднѣйшему исполненію Его заповѣдей".

Присматриваясь къ тому, какъ выполнялась эта программа, мы прежде всего находимъ и здѣсь, какъ и въ министерской школѣ, погоню за дешевымъ учителемъ. Учительскіе оклады такъ невелики, что учителя на нихъ не соглашаются; происходитъ торгъ, и нѣкоторымъ счастливцамъ удается поднять себѣ цѣну рублей на 200. За 26 часовъ въ недѣлю по двумъ предметамъ учителю предлагаютъ 400 рублей въ годъ и еще 100 рублей на квартиру и на дрова. Затѣмъ, оказывается, что не всякій учитель, даже дешевый, подходитъ для института. Мы видѣли, какъ обходились безъ физики, не найдя учителя „съ французскимъ языкомъ". Но вотъ другой фактъ. Не можетъ быть приглашенъ учитель математики, человѣкъ очень знающій и превосходный преподаватель, на томъ основаніи, что онъ „очень малъ ростомъ и толстъ". Въ другой разъ исторію съ географіей предлагаютъ читать священнику, который самъ долго сомнѣвается, можетъ ли онъ взяться за это, такъ какъ давно уже забросилъ науку.

Посмотримъ теперь учебники, по какимъ велось институтское обученіе. Учебники эти полны длиннѣйшихъ перечней; эти перечни предназначены для зубрежки. По географіи, наприм., въ учебникѣ перечислялись всѣ германскія государства, королевства, курфюршерства, герцогства, княжества и въ каждомъ изъ нихъ отмѣчались города съ цифрами населенія, съ ихъ школами и фабриками: табачными, карандашными, фаянсовыми, цихорейными etc., etc. Учебникъ риторики былъ Кошанскаго. Въ этой книгѣ были страницы, заполненныя перечнями голыхъ терминовъ. Перечислялись, напримѣръ, украшающія слогъ тропы и фигуры; фигуръ было больше пятидесяти. Среди нихъ были, наприм., такія: восхожденіе, окруженіе, наклоненіе, остроуміе, пріятное недоумѣніе, единоначатіе, единоокончаніе, единозначеніе, восклицаніе и совосклицаніе. По русской исторіи учебникъ былъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Среди вопросовъ были такіе: „Кто принялъ престолъ Ростислава Мстиславича?“ Отвѣтъ: „Изяславъ III, кн. Черниговскій“. Вопросъ: „Когда взошелъ на престолъ Изяславъ III?“ Отвѣтъ: „Въ 1154 г.; княжилъ нѣсколько мѣсяцевъ“. Былъ еще и такой вопросъ: „Какого возмездія заслуживаетъ Августѣйшій нашъ Монархъ за таковыя славныя дѣянія свои?“ Отвѣтъ: „Удивленія всѣхъ вѣковъ“.

И все это затверживалось наизусть по учебнику или по запискамъ, если не было учебника. Затверженное сдавалось на урокахъ и на экзаменахъ. Экзамены были каждый годъ, и на нихъ уходило по нѣскольку мѣсяцевъ; почти не оставалось времени на самый курсъ. Результаты были не одинъ разъ подсчитаны. То тутъ, то тамъ физика была слаба, ариѳметика была туга, алгебра тоже, иностранные языки—главный предметъ профессіональной выучки—оказывались „труднѣйшею частью ученія“. Съ 1815 г. на это было, наконецъ, обращено вниманіе. Въ институтахъ поднялось движеніе; начавшись со Смольнаго, оно охватило и другіе институты; главными застрѣльщиками явились болѣе передовые петербургскіе инспектора: профессоръ Лодій, послѣ него Германъ. Они принялись производить чистку; по всѣмъ институтамъ увеличивали оклады, приглашали лучшихъ учителей; такъ, были приглашены Арсеньевъ, Срезневскій, Шульгинъ, Ободовскій. Ежегодные экзамены отмѣнены и замѣнены трехгодичными. Наконецъ, усиленно и неоднократно запрещалось затверживаніе наизусть учебниковъ или записокъ. И сама Марія Ѳеодоровна, оглядываясь на все сдѣланное и несдѣланное, писала въ 1821 г. начальницѣ Смольнаго: „Мы должны, Mütterchen, хорошо учить, это самая главная и первая наша задача“.

V.

Мужская школа Николаевской эпохи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась ультрасословная Маріинская школа, становилась сословной и министерская. Собрать и удержать на одной школьной скамьѣ представителей всѣхъ сословій не удавалось. Школа, гдѣ были дѣти податныхъ сословій, „весьма рѣдко снискивала довѣріе дворянства“, какъ говорилъ при Николаѣ I министръ графъ Уваровъ. Уже при преемникѣ графа Завадовскаго, графѣ Разумовскомъ, изъ Петербурга былъ данъ первый окрикъ на „господскаго“ мальчика, по примѣру другихъ протянувшаго руку къ гимназическому образованію. При министрахъ николаевскаго царствованія, Шишковѣ и князѣ Ливенѣ, графѣ Уваровѣ и князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, борьба съ господскими мальчиками подвинулась далеко впередъ.

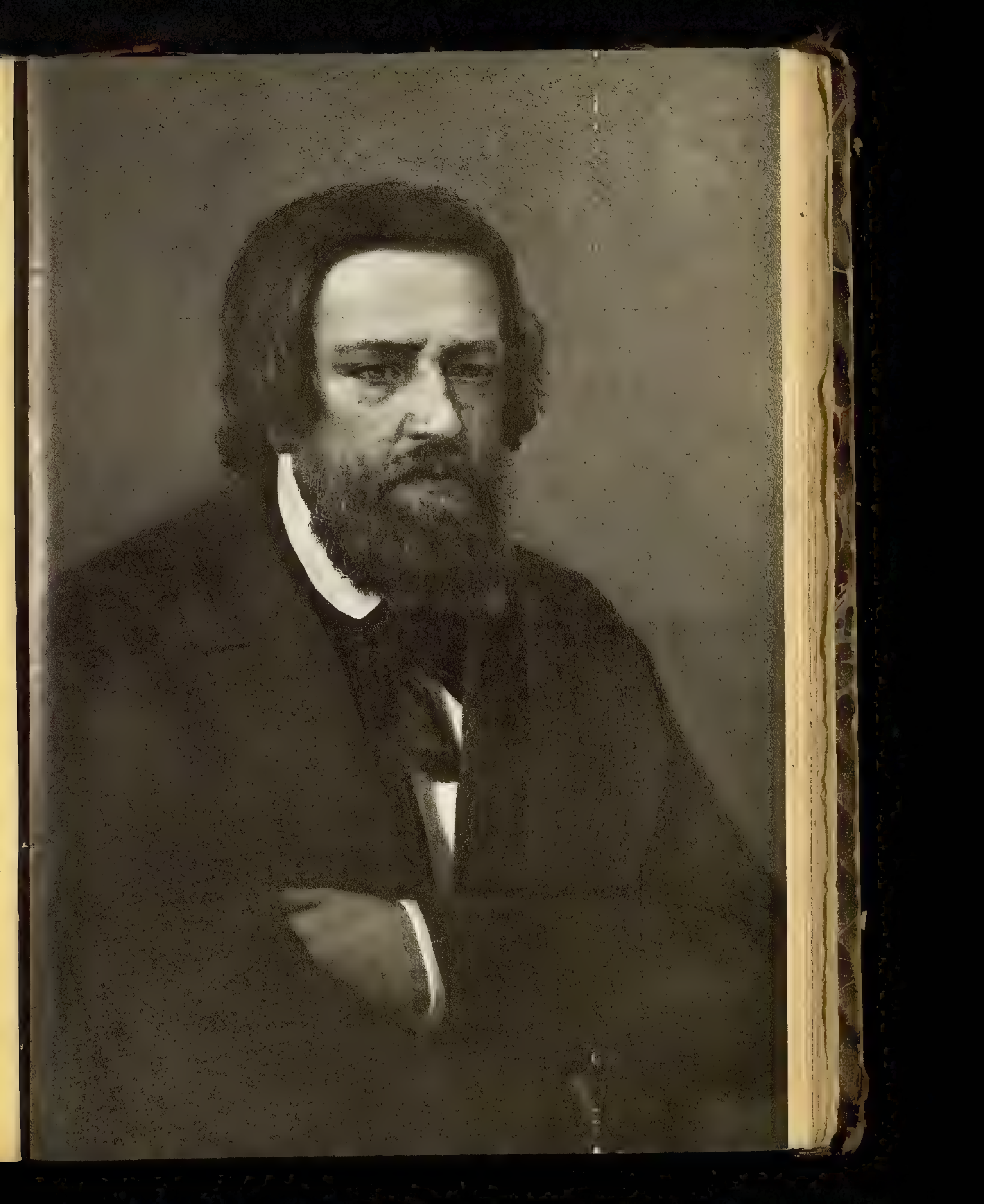
Уже въ 1826 г. при всесословной гимназіи стали пристраивать сословные пансіоны для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ 1827 г. доступъ въ гимназію для дѣтей несвободныхъ состояній былъ совсѣмъ закрытъ. Это запрещеніе вошло затѣмъ и въ новый уставъ 1828 г. Для несво-

22

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи С. П. Постниковымъ
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

бодныхъ состояній уставъ оставилъ уѣздныя училища и приходскія. Но въ гимназіи оставались еще дѣти купцовъ, мѣщанъ и другихъ сословій, хотя и свободныхъ, но не благородныхъ. Уставъ 1828 г. стремился раздѣлить и эти сословія. Самое низшее, приходское, училище предназначалось для „самыхъ низшихъ общественныхъ состояній"; уѣздное училище—„для всѣхъ состояній, но *въ особенности* для купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей". Изъ соединенія прежнихъ уѣзднаго училища и гимназіи, съ добавленіемъ новаго 7 класса, составлялась новая гимназія, совсѣмъ закрытая для несвободныхъ. Она предназначалась *главнѣйшимъ образомъ* для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Цѣлью всѣхъ этихъ перемѣнъ выставлялось стремленіе „доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію нужнѣйшихъ *по состоянію каждаго* познаній".

Подготовленный Шишковымъ и изданный Ливеномъ, этотъ уставъ былъ затѣмъ дополненъ рядомъ отдѣльныхъ мѣръ въ томъ же направленіи при преемникѣ ихъ, графѣ Уваровѣ. Для дворянскихъ дѣтей устраивались не только дворянскіе пансіоны, гдѣ они жили, учась все-таки въ общей гимназіи, но и особые дворянскіе институты, со своимъ гимназическимъ курсомъ. На устройство этихъ дворянскихъ заведеній дворянство давало и свои деньги. Въ 20 лѣтъ, до конца царствованія, было собрано болѣе 13 милліоновъ и открыто 47 дворянскихъ институтовъ и пансіоновъ. Разрѣшеніемъ этихъ сословныхъ школъ графъ Уваровъ надѣялся „заслужить со временемъ признательность сословія, къ коему онъ самъ имѣлъ честь принадлежать".

Въ то же время, чтобы отвлечь отъ гимназій лицъ податныхъ сословій, которымъ прямо не запрещался доступъ, устраивались и для нихъ особыя заведенія. Это были реальные классы при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Такіе классы возникли въ Тулѣ, Вильнѣ, Курскѣ, Ригѣ и Керчи. Основывались также новыя гимназіи, съ 4-го класса дѣлившіяся на отдѣленія: одно—преимущественно для дворянскихъ дѣтей, другое—для остальныхъ. Таковы были Ларинская гимназія въ Петербургѣ и 3-я гимназія въ Москвѣ.

Наконецъ, чтобы стѣснить доступъ въ гимназію лицамъ податныхъ сословій, было принято при Уваровѣ двѣ спеціальныхъ мѣры. Во-первыхъ, отъ лицъ этихъ сословій требовались при пріемѣ увольнительныя отъ ихъ обществъ свидѣтельства. Это была одна плотина. Другою плотиной, и болѣе серьезной, было повышеніе платы за ученіе. Плата за ученіе, введенная при Александрѣ I съ цѣлью усилить бюджетъ гимназій, теперь повышалась совсѣмъ съ другой цѣлью. Это дѣлалось, какъ было сказано въ секретномъ докладѣ, „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій". Повышеніе платы, думалъ Уваровъ, сдѣлаетъ гимназіи „преимущественнымъ мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чинов-

никовъ, а среднее сословіе обратится въ уѣздныя училища“. При Ширинскомъ-Шихматовѣ, въ 1852 г., правила о взиманіи платы были дополнены еще одной мѣрой: „сироты и дѣти совершенно недостаточныхъ родителей“ могли совсѣмъ освобождаться отъ платы; но „лица податныхъ сословій ни въ какомъ случаѣ отъ взноса платы не освобождались“.

Поддерживая въ школѣ сословныя дѣленія, давая каждому просвѣщеніе лишь въ мѣру его состоянія, правительство вело оборону старой дворянской Россіи со всѣми ея перегородками отъ какихъ-либо потрясеній. Во имя этой охранительной задачи нельзя было допускать ни общей школы, ни школы, равной для всѣхъ. Люди разныхъ сословій различались по своему положенію; они должны были различаться и по своему образованію. Получивъ образованіе выше своего сословія, каждый стремился бы стать и самъ выше своего сословія, нарушая порядокъ, ломая перегородки. Такіе люди, „выведенные изъ природнаго ихъ состоянія“, только „мучатъ самихъ себя безпрестанными мечтаніями и совращаютъ другихъ съ истиннаго пути спокойной жизни“. „Не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ“, они „дѣлаются гораздо чаще людьми безпокойными и недовольными настоящимъ положеніемъ вещей“.

Такъ говорили министры народнаго просвѣщенія, открывавшіе и заканчивавшіе собой николаевскую эпоху, — Шишковъ и Ширинскій-Шихматовъ. Вотъ почему не слѣдовало никого „возвышать черезъ мѣру надъ тѣмъ состояніемъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться“ (слова Николая I).

Тотъ же принципъ при Уваровѣ распространили и на частныя школы. Особымъ рескриптомъ 1837 г. министру предписывалось принять мѣры, чтобы „въ частные пансіоны, коихъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназическому, ни подъ какимъ видомъ не допускались лица крѣпостныхъ состояній; въ частныхъ училищахъ, гдѣ допускаются лица всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ долженъ быть приведенъ въ мѣру училищъ приходскихъ и уѣздныхъ, съ исключеніемъ всего, что принадлежитъ къ кругу училищъ высшихъ и среднихъ.

Тѣмъ, кто въ нее былъ допущенъ, школа должна была давать очень опредѣленное политическое воспитаніе. Школа получала новую воспитательную задачу. Какъ формулировалъ эту задачу Шишковъ, она должна была „образовывать вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, преданныхъ Богу и царю, потому что въ этомъ только смыслѣ просвѣщенный человѣкъ можетъ быть названъ благовоспитаннымъ“.

Школа, дававшая политическое воспитаніе, должна была сдѣлаться монополіей правительства. Борьба съ частнымъ воспитаніемъ наполнила собой все николаевское царствованіе.

Въ тоже время казенная школа была удлинена. Къ уѣздному учили-

щу прибавленъ 3-й классъ; старая гимназія соединена съ трехкласснымъ уѣзднымъ училищемъ въ одну семиклассную гимназію. Въ этой удлиненной семиклассной гимназіи „обогащеніе“ учениковъ „познаніями“ должно было быть, по рецепту Шишкова, „болѣе основательное, нежели обширное“. Чтобы основательнѣе засадить учащихся за казенную программу, надо было повысить требованія. Съ этой цѣлью въ 1837 г., при Уваровѣ, была регламентирована балловая система. Было точно разъяснено, какъ должно оцѣнивать отвѣты учащихся на экзаменахъ, за какой отвѣтъ ставить тотъ или другой баллъ. Такъ, пяти заслуживалъ тотъ, кто все пройденное знаетъ весьма основательно, на всѣ вопросы отвѣчаетъ весьма удовлетворительно, и притомъ въ систематическомъ порядкѣ, всѣ возраженія опровергаетъ, выражается ясно, точно и свободно. Но и для того, чтобы получить тройку, надо было отвѣчать на всѣ вопросы, только не отчетливо и не послѣдовательно, не разрѣшая возраженій и выражаясь не совсѣмъ ясно. Даже для двойки надо было понимать пройденное порядочно и отвѣчать на вопросы посредственно.

Теперь посмотримъ, какого рода познанія считались достаточно основательными, чтобы ими можно было обогащать умы учащихся. Прежде всего это былъ законъ Божій; онъ былъ орудіемъ политическаго воспитанія молодежи. Изгнанный изъ гимназіи въ 1804 г., онъ былъ опять введенъ въ нее, и съ законоучителемъ, священникомъ, при князѣ Голицынѣ, предшественникѣ Шишкова, въ эпоху Священнаго Союза. И не только былъ введенъ законъ Божій, но еще было велѣно читать въ классѣ Новый завѣтъ, Притчи Соломоновы и Премудрости Іисуса, сына Сирахова; для этого учениковъ собирали въ гимназію ежедневно, передъ началомъ занятій за $^1/_2$ часа, а также по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ.

Таково было библейское благочестіе Голицына. При Шишковѣ его смѣнило благочестіе церковное, греко-россійское, безъ чтенія Библіи, но съ хожденіемъ въ церковь. При Уваровѣ попечители должны были, при обозрѣніи учебныхъ заведеній, обращать особенное вниманіе, не уклоняются ли учащіеся отъ наблюденія правилъ церковныхъ, посѣщаютъ ли они въ праздничные дни храмъ Божій.

При томъ же Голицынѣ, при которомъ вводился въ гимназіи законъ Божій, изъ нея изгонялись университетскія науки, введенныя въ либеральную эпоху. Философскія науки, политическая экономія, технологія и коммерція были совсѣмъ исключены изъ программы; статистика соединена съ географіей. Искоренивъ такимъ образомъ „пагубную систему энциклопедическаго образованія“, замѣнили изгнанные предметы другими. Это были, кромѣ закона Божія, русскій языкъ и, въ усиленномъ размѣрѣ, древніе языки; прежде былъ одинъ латинскій. Это была уваровская идея; онъ хотѣлъ такимъ путемъ подготовить лучшихъ студентовъ для университета. Въ 1811 г. Уваровъ ввелъ свой классицизмъ въ петербургскомъ округѣ, гдѣ онъ

былъ тогда попечителемъ; въ 1817 г. уваровскій классицизмъ былъ распространенъ на всю Россію и затѣмъ введенъ въ уставъ 1828 г. Доза, въ какой прописывались учащимся мертвые языки, за 11 лѣтъ сильно выросла. Въ 1811 г. на латинскій языкъ отводилось 32 часа и на греческій (въ двухъ старшихъ классахъ)—6 часовъ въ недѣлю. Въ 1828 г. на латинскій языкъ отвели 39 часовъ и на греческій—30; предлагали даже 50 часовъ на греческій и 70 на латинскій. Греческій языкъ, за отсутствіемъ учителей, вводился лишь въ университетскихъ городахъ. Однимъ изъ плодовъ этого классицизма было то, что учащіеся „отвлекались отъ суетнаго чтенія безполезныхъ и вредныхъ книгъ"; это заднимъ числомъ призналъ Норовъ, послѣдній министръ Николая I и первый—Александра II.

Но въ министерство самого Уварова (1833—49 гг.) положеніе классицизма въ школѣ было сильно поколеблено. Для отвлеченія отъ гимназій податныхъ классовъ устраивались для нихъ спеціальные реальные классы; классицизмъ утрачивалъ свою монополію и становился завидной привилегіей одного дворянства. Но гораздо болѣе сильный ударъ нанесъ классицизму 1848-й годъ. Классицизмъ былъ заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности. Классическая литература была литературой республикъ; занятіе классицизмомъ отрывало отъ реальной почвы, переносило въ область воображенія. Въ 1849 г. въ гимназіяхъ введена бифуркація; древніе языки оставлены для подготовки къ университету; для лицъ, поступающихъ изъ гимназій прямо на службу, введено взамѣнъ древнихъ языковъ законовѣдѣніе, важное для гражданской службы. Въ 1852 г., уже при Ширинскомъ-Шихматовѣ, уваровскій классицизмъ былъ еще болѣе ослабленъ. Греческій языкъ былъ оставленъ лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ были университеты или гдѣ жило много грековъ (Таганрогъ, Одесса). Въ другихъ гимназіяхъ греческій языкъ совсѣмъ упразднялся и замѣнялся науками естественными. Сверхъ того тамъ, гдѣ были еще древніе языки, должно было знакомить учащихся не съ классической литературой, но съ твореніями отцовъ церкви — Климента Римскаго, Кипріана, Августина, Тертулліана, Пактанція, Юстина Философа, Иринея, Игнатія Богоносца, Евсевія, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста. Нѣсколько раньше изгнанія древнихъ языковъ, въ 1844, 1845 и 1847 гг., были изгнаны изъ гимназическаго курса: статистика „со всѣми ея политическими разсужденіями", затѣмъ, геометрія и логика.

Чтобы „разрушительныя идеи" какъ-нибудь не проникали въ школу, было необходимо овладѣть не только программой, но и книгой, и самимъ преподавателемъ. Было необходимо связать преподавателя точной инструкціей и опредѣленной, начальствомъ одобренной книгой. Въ 1826 г. Шишкову было поручено „опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы; поручить профессорамъ и академикамъ восполнить пробѣлы учебной

литературы, дабы уже—за совершеніемъ сего—запретить всякія произвольныя преподаванія по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ".

Задача „означенія сочиненій, по коимъ курсы ученій должны впредь преподаваться", была еще при Голицынѣ возложена на ученый комитетъ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на этомъ поприщѣ комитетъ изъялъ книгу „о должностяхъ человѣка и гражданина", введенную въ школы Екатериной; книга была отобрана и продана съ пуда на бумажную мельницу. Ученый комитетъ продолжалъ работу и при Николаѣ I. Имъ были одобрены тѣ учебники, по которымъ учились наши отцы и дѣды. Такъ, по исторіи были одобрены: Учебная книга всеобщей исторіи Кайданова, Начертаніе русской исторіи Устрялова, Краткое начертаніе всеобщей исторіи Смарагдова. Познакомимся съ ними. Учебникъ Устрялова весь проникнутъ специфическимъ духомъ патріотизма. „Русскіе справедливо могутъ сказать, что предки ихъ, неоднократно застигнутые жестокими бѣдствіями, спасали себя вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ Престолу, любовью къ отечеству; страницы ихъ исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока". „Усвоивъ лучшіе плоды европейской гражданственности, безъ вредныхъ, однако же, плевелъ, одушевляемая отличительнымъ свойствомъ народнаго духа — безпредѣльною преданностью вѣрѣ и престолу,— Россія была непоколебима среди всеобщаго потрясенія западныхъ государствъ французской революціей". Учебникъ Смарагдова полонъ войнъ, битвъ, годовъ. Года сведены въ концѣ въ особыя таблицы, занимающія 33 страницы. По древней исторіи перечислено больше 120 годовъ, по средней и новой— по 200, такъ что всего—больше 500 годовъ. Въ самой книгѣ французская революція объясняется слѣдующимъ образомъ: „Безпрерывныя войны и безпредѣльная расточительность какъ Лудовика XIV, такъ, послѣ него, герцога Орлеанскаго и самого Лудовика XV ввергли Францію въ неоплатные долги; а ослабленіе Вѣры и проистекшая изъ того испорченность нравовъ во всѣхъ классахъ французскаго народа поколебали въ ней всѣ основанія общественнаго порядка: всѣ хотѣли новыхъ правъ и привилегій, и никто не думалъ объ исполненіи своихъ обязанностей". Но до французской революціи не всегда и доходили мудрые педагоги; „снисходя", по выраженію Писарева, „къ отроческой невинности" своихъ питомцевъ, они „набрасывали завѣсу на послѣднія событія XVIII вѣка".

За преподавателями былъ установленъ постоянный надзоръ. Однимъ изъ уваровскихъ циркуляровъ (1833 г.) попечителямъ предписывалось „наблюдать строго, чтобы въ урокахъ профессоровъ и учителей не укрывалось ничего, колеблющаго или ослабляющаго ученіе православной вѣры", а также обращать особенное вниманіе на то, „внушается ли учащимся при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ?" Въ мартѣ 1848 г., когда реакція усилилась, было предписано —„по причинѣ новѣйшихъ событій на

западѣ Европы, чтобы пагубныя мудрованія не могли проникнуть въ многолюдныя учебныя заведенія наши",—„усугубить надзоръ: обратить вниманіе на духъ преподаванія, на благонадежность начальниковъ и наставниковъ". Министръ требовалъ, чтобы „не упускали изъ вида ни одного обстоятельства, которое можетъ благопріятствовать къ сохраненію между учащимися добраго духа, покорности власти и преданности къ правительству".

При Ширинскомъ-Шихматовѣ въ 1852 г. было издано „Наставленіе преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ С.-П.Б. учебнаго округа". Въ этой инструкціи учителямъ рекомендовалось „не входить въ тонкости умозрѣнія тамъ, гдѣ все можетъ быть понято здравымъ смысломъ". Требовалось чтеніе „образцовъ русскаго слога съ ихъ разборами, имѣя преимущественно въ виду творенія митрополита Филарета, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина". Ученики должны были знать „исторію отечественной литературы, какъ часть исторіи общей образованности, умѣя цѣнить благодѣянія правительства, постоянно старающагося утвердить эту образованность на началахъ христіанской нравственности и самобытной народности".

Не менѣе тщателенъ былъ надзоръ за учениками. При Шишковѣ учащимся было запрещено бывать „въ театрахъ, въ прочихъ собраніяхъ и увеселеніяхъ—безъ письменнаго дозволенія начальства", безъ такого же дозволенія нельзя было ходить „за городъ на прогулки и даже для ботанической гербаризаціи". И при Шишковѣ, и при Уваровѣ учебное начальство должно было ограждать учащихся отъ вредныхъ книгъ. При Шишковѣ оно должно было слѣдить, чтобы студенты и гимназисты „книгъ, противныхъ христіанской вѣрѣ и существующимъ системамъ правительства, въ особенности же Россійскаго Государства, и другихъ соблазнительныхъ, а также къ лекціямъ не принадлежащихъ, не читали и у себя не имѣли". При Уваровѣ надо было „строго наблюдать", чтобы „въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ, противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы подобныя сочиненія отнюдь не обращались въ рукахъ ихъ". Послѣ февральской революціи надзоръ за учащимися былъ еще усугубленъ.

Что послѣ этого всего оставалось отъ просвѣщенія въ николаевской школѣ, можно судить по разсказамъ лицъ, которыя сами прошли эту школу. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Учили мы географію очень подробно. Знали, напримѣръ, во Франціи всѣ департаменты, въ Англіи—всѣ графства". Изъ тѣхъ же воспоминаній узнаемъ, что ученики „перевели съ нѣмецкаго, бывши въ V классѣ, словарь къ Одиссеѣ".

Писаревъ, кончившій петербургскую гимназію въ 1856 г. съ серебряной медалью, принадлежалъ, по его словамъ, къ разряду овецъ, „спокойно и радостно тупѣющихъ" надъ гимназической премудростью, „не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ от-

вѣчалъ краснорѣчиво и почтительно и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ преуспѣвающимъ". Что же вынесъ этотъ образцовый, преуспѣвающій ученикъ николаевской школы изъ этой школы? Русскихъ писателей онъ зналъ только по именамъ, чтеніе „Исторіи Англіи" Маколея казалось ему настоящимъ подвигомъ, а критическія статьи журналовъ были для него „кодексомъ гіероглифическихъ надписей". „Любимымъ его чтеніемъ были романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма", а „любимымъ занятіемъ при поступленіи въ университетъ — раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ".

VI.

Женская школа Николаевской эпохи.

Судьба женской школы въ николаевскую эпоху была нѣсколько иная, чѣмъ судьба мужской. И тутъ и тамъ шла борьба съ податными классами; но въ министерской школѣ правительство боролось, желая выгнать ихъ изъ всесословной гимназіи; въ маріинской та же борьба велась, чтобы ихъ не допустить въ институтъ благородныхъ дѣвицъ.

За время съ 1828 по 1855 г. Маріинское вѣдомство сильно выросло. Количество заведеній въ немъ увеличилось; возникло 24 новыхъ училища; всего вмѣстѣ съ прежними было 38, а съ сиротскими—46. Учащихся было въ нихъ до 7 тысячъ. Это было настолько крупное вѣдомство, что имъ нельзя уже было управлять по-старому. Личное управленіе Маріи Өедоровны должно было уступить мѣсто болѣе сложной организаціи. Марія Өедоровна могла близко стоять къ своей школѣ, вести переписку съ начальницами, вмѣшиваться во всѣ дѣла, вникать и въ программы преподаванія, и въ счетъ институтскаго бѣлья, и въ расчеты съ подрядчиками, и въ истребленіе таракановъ. Новая покровительница институтовъ, императрица Александра Өедоровна, не стояла уже такъ близко къ институтамъ, ко всей ихъ жизни. Между нею и институтами выросли новыя лица и новыя учрежденія. Это было IV отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, а съ 40-хъ годовъ главный совѣтъ женскихъ воспитательныхъ заведеній, комитетъ по пересмотру уставовъ этихъ заведеній и, наконецъ, предсѣдатель этого комитета, принцъ П. Г. Ольденбургскій (съ 1844 г.).

Но это вѣдомство существовало не на казенныя только средства. Уже при Маріи Өедоровнѣ возникали институты, основанные на счетъ дворянства; теперь, при Александрѣ Өедоровнѣ, на институты жертвовало и купечество. Среди отдѣльныхъ жертвователей были, напримѣръ, графиня Орлова-Чесменская и вдова купца 1-й гильдіи Медвѣдникова, нижегородскій помѣщикъ Бреховъ и астраханскій купецъ Колпаковъ. Разъ купечество несло деньги на новые институты, нельзя было устранить отъ нихъ это купечество. Правитель-

ство боролось съ смѣшеніемъ сословій; но само дворянство должно было на это соглашаться, чтобы заполучить крупныхъ жертвователей. Еще при Маріи Өедоровнѣ дочери купцовъ 1 и 2 гильдіи были допущены въ харьковскій институтъ; теперь ихъ допускали въ полтавскій, одесскій, тамбовскій, казанскій, керченскій и иркутскій. Казенные институты были попрежнему дворянскими.

Одновременно съ вопросомъ о допущеніи въ дворянскіе институты дочерей купцовъ возникъ вопросъ о допущеніи приходящихъ и полуприходящихъ воспитанницъ. Содержаніе института съ одними живущими стоило страшно дорого; жертвователи хотѣли соблюсти экономію; приходилось допускать и полупансіонерокъ, и приходящихъ. Типъ закрытой школы начиналъ разрушаться, эта школа давала трещины. Къ концу царствованія Николая I въ 7 институтахъ первая брешь была пробита.

Но громадное большинство институтовъ оставались еще заведеніями закрытыми. И сословность была также еще сильна. Въ сороковыхъ годахъ комитетъ принца Ольденбургскаго раздѣлилъ институтъ на разряды. Къ первому разряду были отнесены всѣ чисто-дворянскіе (Смольный, Екатерининскіе и другіе), ихъ было всего 14. Институты, принимавшіе и дѣвицъ другихъ званій, были расписаны по другимъ разрядамъ. По разрядамъ распредѣляли и институтское образованіе. Чѣмъ выше былъ разрядъ, тѣмъ больше вниманія отводилось въ немъ научнымъ предметамъ; чѣмъ ниже былъ разрядъ института, тѣмъ сильнѣе преобладали рукодѣлья, „экономія" и искусства. Для дворянокъ I разряда полагалось въ недѣлю (во всѣхъ классахъ) на науки и языки $28^1/_2$ часовъ, во II разрядѣ — $25^1/_2$, въ III—$16^1/_2$; на рукодѣлье, хозяйство, музыку, танцы и пѣніе: въ I раздядѣ $7^1/_2$, во II-мъ $10^1/_2$, въ III-мъ $19^1/_2$ часовъ.

Задача всѣхъ этихъ заведеній была та же, что и при Маріи Өедоровнѣ. Въ 1842 году статсъ-секретарь Гофманъ обозрѣвалъ институты; въ результатѣ этой ревизіи комитету принца Ольденбургскаго было поручено лучше приноровить учебную часть къ главной цѣли женскаго воспитанія — къ образованію добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ. Чтобы воспитать добрыхъ женъ и полезныхъ матерей, принцъ ввелъ въ институтахъ образцовыя кухни и купальни и хотѣлъ ввести ванны и души, но Николай I нашелъ это лишней прихотью. Послѣ 1848 г. и въ институтское воспитаніе проникла политическая струя. Въ „Наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній" принца Ольденбургскаго (1852 г.) выражалась надежда, что, сдѣлавшись женою и матерью, воспитанница будетъ „передавать своимъ дѣтямъ, съ самаго лепетанія младенца, правила благочестія, добродѣтели и непоколебимой преданности къ престолу и отечеству". И на институтскомъ балу воспитанницы образовывали своими рядами вензель императрицы или слова гимна — „Боже, царя храни", а въ классѣ писали сочиненія на тему: „Les sentiments qu'excite en nous le

prochain retour de Sa Majesté Impériale“.

Если воспитаніе, какое давалось въ институтахъ, было, по выраженію одного журнала, „сахарное и аркадское“, то образованіе, по отзыву самихъ воспитанницъ, было „орнаментальное“. Ему не придавали серьезнаго значенія; оно было предоставлено случаю. Бывали въ институтахъ удачные инспектора и хорошіе учителя,—изъ первыхъ можно назвать Гулакъ-Артемовскаго въ Харьковѣ и Полтавѣ, Плетнева и Рѣдкина въ Петербургѣ, Шульгина въ Кіевѣ; учителями были: Никитенко, Гоголь, Галаховъ, Шульгинъ, Стасюлевичъ, въ Кіевѣ — Бунге, Иконниковъ, Костомаровъ. Но вся институтская система, все отношеніе къ этой сторонѣ дѣла парализовали всякое дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ. То тутъ, то тамъ отмѣнялись различные учебные предметы. Въ 1830 г. отмѣнили въ Харьковѣ геометрію, въ 1831 г. въ Полтавѣ и Одессѣ упразднили физику и естественную исторію, въ 1832 г. геометрія и „головное вычисленіе“ исчезли въ Смольномъ и въ обоихъ Екатерининскихъ. Цѣлый рядъ предметовъ проходился попрежнему на французскомъ языкѣ, даже русская исторія. Исторію съ географіей можно было бы, собственно, совсѣмъ отбросить: „исполненіе священныхъ обязаностей супруги и матери“ признавалось для женщины „и лучше, и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ“. Напротивъ, ботаника, „доставляющая столь невинное утѣшеніе“, считалась „изъ всѣхъ наукъ—наиболѣе свойственной дѣвицамъ“.

Ученье продолжалось въ году только 5 мѣсяцевъ, съ августа по январь; съ января начинались репетиціи къ экзаменамъ, послѣ Пасхи—публичные экзамены. Все ученіе сводилось къ заучиванью наизусть, слово въ слово. Что именно приходилось заучивать, видно изъ такого, напримѣръ, билета, предложеннаго на экзаменѣ исторіи: „хронологическій взглядъ на исторію Англіи отъ основанія королевства до Тюдоровъ“. Такая же зубрежка царила и по другимъ предметамъ. Въ концѣ николаевской эпохи и въ образованіе, какъ въ воспитаніе институтокъ, проникла полицейская струя. „Наставленіе“ принца Ольденбургскаго предписывало: учителю географіи, при описаніи разныхъ странъ, „какъ можно короче упоминать о ихъ образѣ правленія“, а учителю исторіи—указывать воспитанницамъ всю несбыточность „химеръ объ уравненіи сословій“, обличать „ложный блескъ древнихъ республикъ“, разъяснять необходимость монархическаго правленія, „къ которому, послѣ продолжительныхъ смутъ и безпорядковъ, всегда возвращались народы“.

Остается разсмотрѣть, какъ чувствовали себя въ институтскихъ стѣнахъ сами воспитанницы. „Шорохъ женскаго шелковаго платья наводилъ на меня трепетъ; я уничтожалась“, — читаемъ въ воспоминаніяхъ харьковской институтки. „Этотъ великолѣпный шорохъ торжественно слышался намъ на королевскихъ, большихъ и малыхъ, выходахъ начальницы. Вмѣстѣ съ ея голосомъ и жестомъ властной руки онъ замораживалъ намъ дѣтскую

горячую кровь, и мы блѣднѣли, тупѣли до идіотства". Въ другомъ, московскомъ, институтѣ воспитанницы „испытывали вѣчный страхъ отъ одного тона и физіономіи классныхъ дамъ", отъ ихъ „олимпійской недоступности". „Чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, — классная дама, не возвышая голоса, наказываетъ. Насъ доходили тишиной". Въ дортуарахъ стѣны были желтыя, безъ зеркалъ; воспитанницамъ „запрещалось вѣшать даже образки и портреты матери". Даже ходить по институтскимъ коридорамъ воспитанницы не могли свободно; онѣ должны были ходить парами. За столомъ запрещено было разговаривать; ѣли молча. Только въ 1855 г. по новому уставу было разрѣшено не ходить непремѣнно парами и, для возбужденія аппетита, разговаривать за столомъ. На самомъ дѣлѣ требовалось не возбуждать аппетитъ, но какъ слѣдуетъ удовлетворять его. Пища, между тѣмъ, давалась „отвратительная". За обѣдомъ на каждый столъ ставилась лучшая „пробная" порція, на случай внезапнаго посѣщенія. Институтки считали себя счастливыми, если удавалось съѣсть эту порцію. Вообще, кормили въ институтахъ впроголодь. Голодныя воспитанницы бродили по коридорамъ и разыскивали гдѣ-нибудь завалившейся сухой корки. По постнымъ днямъ кормили еще меньше и хуже. Въ 1854 г. врачи констатировали сильную заболѣваемость воспитанницъ, проистекавшую отъ обилія постовъ и непитательной пищи. Число постовъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, было сокращено, но пища не стала лучшей.

И посреди этихъ желтыхъ стѣнъ и олимпійскихъ дамъ, посреди этой мертвой тишины, нарушаемой лишь вопросами учителя, отвѣтомъ зазубреннаго, да шорохомъ платья начальницы, были заперты, заперты безвыходно на 8 лѣтъ, живые люди, молодыя, жаждущія впечатлѣній существа. Справа и слѣва имъ предлагали вокабулы и вязанье, образцовую кухню — и далеко не образцовый столъ; издали слышался леденящій кровь звукъ шелка. И только „гдѣ-нибудь въ завѣтномъ уголкѣ, подальше отъ дамы, или ночью подъ лампой, съ замираніемъ сердца прочитывалась — „Капитанская дочка", „Юрій Милославскій", „Евгеній Онѣгинъ"...

VII.

Мужская и женская школа шестидесятыхъ годовъ.

1.

Шестидесятые годы были годами тяжелаго кризиса для старой сословной школы.

Сословная школа, и мужская и женская, разрушалась сама собой. Разрушеніе началось, какъ мы видѣли, раньше, въ николаевскую эпоху; при Александрѣ II оно пошло дальше, сдѣлало новые успѣхи. Дворянская задолженность, дворянское оскудѣніе все болѣе выдергивали почву изъ подъ ногъ у сословной школы. Она была очень дорога; ее не на что становилось содер-

жать. Не помогли и выкупные платежи, пошедшіе, какъ извѣстно, далеко не на школы.

Для благородныхъ пансіоновъ при мужскихъ гимназіяхъ наступили плохія времена. Взносы дворянъ не поступали; сокращался притокъ платныхъ пансіонеровъ; къ 1864 г. ихъ было всего 43%. Приходилось закрывать пансіоны. Въ 1861 г. ихъ было 45 и еще 3 дворянскихъ института; черезъ 3 года осталось 38 пансіоновъ и 1 институтъ. Чтобы остановить начавшееся паденіе и спасти дѣло пансіоновъ, было необходимо привлечь ко взносамъ новые общественные слои. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось отказываться отъ сословной замкнутости и раскрывать двери пансіоновъ этимъ новымъ общественнымъ слоямъ. Въ 1863 г. была сдѣлана попытка побудить дворянъ сдѣлать взносы; повысили также плату за обученіе; но все это были мѣры совершенно безнадежныя. Пришлось въ то же время допустить въ пансіоны и дѣтей духовенства, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдій.

То же происходило и съ женскими институтами, созданными на дворянскія средства. И тутъ тоже не поступали взносы, не поступала и плата за своекоштныхъ воспитанницъ, уменьшалось и ихъ число. Въ облегченіе дворянамъ, разоренымъ крестьянской реформой, въ Смольномъ увеличили число казенныхъ пансіонерокъ съ 70 до 280-ти. Но нельзя было всѣхъ воспитанницъ во всѣхъ институтахъ взять на казенный счетъ. Приходилось соблюдать экономію, сокращать расходы и изыскивать доходы. Поиски доходовъ заставляли раскрывать двери передъ купечествомъ. Въ 1865 г. былъ разрѣшенъ пріемъ дѣвицъ всѣхъ сословій, кромѣ обложенныхъ подушнымъ окладомъ, во всѣ институты, кромѣ Смольнаго, двухъ Екатерининскихъ, Патріотическаго и трехъ сиротскихъ, а въ керченскій институтъ открыли сверхъ того доступъ дочерямъ купцовъ-евреевъ. Чтобы привлечь болѣе платныхъ воспитанницъ, въ нѣкоторыхъ институтахъ открыли пріемъ для полупансіонерокъ и приходящихъ. Для умноженія доходовъ все это было совершенно необходимо.

Сокращеніе расходовъ вело къ другой радикальной мѣрѣ. Воспитанницамъ начали разрѣшать отпуски, сперва только на лѣто, потомъ и на Рождество и Пасху; во время отпуска воспитанницы содержались на счетъ родителей, а не на институтскій счетъ. „Мудрой экономіи“ въ этомъ отношеніи послѣдовали и казенные институты. Въ 1864 г. были опрошены начальницы институтовъ; 24 изъ 27 высказались за отпуски; и лѣтніе отпуски были разрѣшены на лѣто, хотя и съ ограниченіями— кромѣ воспитанницъ выпускного класса, только къ ближайшимъ родственникамъ и подъ отвѣтственностью начальницы. Въ 1870 г. разрѣшили отпуски и на Рождество и Пасху,—чтобы не уменьшить числа своекоштныхъ и лучше конкурировать съ возникшей тогда открытой женской школой. Но и на этотъ разъ были сдѣланы оговорки: отпускъ давали лишь на 1, 2, 3 дня, на Пасху—послѣ воскресной литургіи, на Рождество—въ сочельникъ послѣ богослуженія, и не всѣмъ, а

въ награду за лучшія отмѣтки; выпускной классъ опять оставался безъ отпусковъ.

Но всѣ эти перемѣны допускались лишь скрѣпя сердце, послѣ борьбы. Особенно это приходится сказать про маріинское вѣдомство. Мы видѣли, какими оговорками обставлялось разрѣшеніе отпусковъ. То же самое и при допущеніи въ школы новыхъ сословій. Купцы 3-й гильдіи остались за флагомъ; они „слишкомъ мало отличались отъ мѣщанъ".

2.

Идея открытыхъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ зародилась еще при Николаѣ I. Въ 1846 г. съ этой идеей выступилъ петербургскій попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Онъ предлагалъ далеко не всесословную школу; его училище для приходящихъ дѣвицъ имѣло въ виду лишь дочерей дворянъ, чиновниковъ и купцовъ 1-й гильдіи; дальше этого онъ не шелъ. Это было движеніе, несомнѣнно, имѣвшее подъ собой почву; въ этомъ направленіи эволюціонировало маріинское вѣдомство. Но въ министерствѣ народнаго просвѣщенія на это не нашлось средствъ, и проектъ остался неосуществленнымъ.

Въ 1856 г. съ идеей открытой женской школы выступилъ Норовъ. Послѣдній министръ Николая I, сдѣлавшись первымъ министромъ его преемника, предложилъ „довершить великую и стройную систему" николаевской школы устройствомъ училищъ для дѣвицъ средняго сословія. „Лица средняго сословія", говорилъ Норовъ, „лишены средствъ дать дочерямъ своимъ необходимое образованіе, соотвѣтственное скромному ихъ быту"; существующія женскія заведенія, „обязанныя существованіемъ своимъ и успѣхами высокимъ попеченіямъ Августѣйшаго дома", предназначены лишь для дочерей дворянъ и чиновниковъ. Новыя школы, довершавшія собой николаевскую систему, должны были служить тому же дѣлу политическаго воспитанія страны; до сихъ поръ оно имѣло въ виду лишь мужскую половину населенія, теперь должно было захватить и женскую. Женщина, „имѣющая на всю гражданственность столь могущественное вліяніе", призывалась играть ту же охранительно-полицейскую роль, какую игралъ при Николаѣ мужчина. Она должна была „улучшать семейные нравы" и „развивать въ массахъ народныхъ истинныя понятія объ обязанностяхъ каждаго".

Въ 1858 г., при другомъ уже министрѣ, Е. Ковалевскомъ, было издано первое „Положеніе" объ училищахъ для дѣвицъ министерства народнаго просвѣщенія. Училища учреждались двухъ разрядовъ,—6-годичныя и 3-годичныя, и имѣли цѣлью давать ученицамъ „то религіозное, нравственное и умственное образованіе, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства". Черезъ 2 года въ новой редакціи „Положенія" вставлено: „супруги и матери". О допущеніи въ новыя школы дѣвицъ всѣхъ сословій не было рѣчи ни въ положеніяхъ 1858 и 1860 гг., ни въ новомъ проектѣ 1862 г., на что указывали рецензенты проекта. Всесо-

словность была внесена лишь въ новый проектъ 1865 г.; но этотъ проектъ министерство Головнина не успѣло осуществить. Училища для дѣвицъ, переименованныя позже въ гимназіи и прогимназіи, открывались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ; къ 1867 году ихъ было открыто 92.

Одновременно на тотъ же путь вступило и маріинское вѣдомство. Разрушеніе старой маріинской школы, закрытой и сословной, приводило само собой къ созданію новой школы—открытой и не-сословной. Съ того же 1858 г. начали возникать женскія училища для приходящихъ, предназначенныя для лицъ, если не всѣхъ сословій, то, по крайней мѣрѣ, всѣхъ свободныхъ сословій. Эти училища, тоже получившія затѣмъ имя гимназій, должны были служить какъ бы противовѣсомъ закрытой школѣ.

Институты строились на недовѣріи къ семьѣ, устраняли семью, вырывали у нея дѣтей, вмѣсто семейнаго воспитанія стремились дать свое, институтское. Институты мало учили и много воспитывали. Новая открытая школа строилась на противоположныхъ началахъ. „Школа учитъ лучше, чѣмъ семья; но семья воспитываетъ лучше, чѣмъ школа“, говорилъ первый организаторъ этой школы, Н. А. Вышнеградскій. Развитіемъ своихъ мыслей о семейномъ воспитаніи, объ „одномъ солнцѣ на небѣ—объ одной у каждаго изъ насъ матери“—онъ умѣлъ вызвать слезы у Покровительницы институтовъ. Разъ семья воспитываетъ лучше школы, то семьѣ и должно быть предоставлено дѣло воспитанія; школа должна дать мѣсто семейному началу, не отгораживаться отъ него институтскими стѣнами. Сообразно съ этимъ и въ уставѣ маріинскихъ гимназій 1862 г. говорилось, что гимназіи эти имѣютъ цѣлью дать дѣвицамъ образованіе, „не отлучая ихъ отъ семейной жизни“, сама школа должна была представлять „какъ бы одну большую семью“. Институтская дисциплина тутъ была значительно смягчена. Ученицамъ позволено сидѣть „вольно“, опираться на спинку лавки, мѣнять положеніе, смѣяться во время урока и т. п. Этотъ режимъ вводился „Правилами“ Вышнеградскаго, утвержденными принцемъ Ольденбургскимъ.

Возникновеніе всѣхъ этихъ открытыхъ школъ еще сильнѣе подорвало закрытую сословную школу. Содержаніе институтовъ стоило несравненно дороже; гимназіи, болѣе дешевыя, привлекали къ себѣ множество учащихся и оттягивали платныхъ воспитанницъ отъ институтовъ. Конкурировать съ новой дешевой школой было трудно. Были институты, сами, по ходатайству своихъ совѣтовъ, обращавшіеся въ гимназіи (астраханскій, тамбовскій); въ другихъ мѣстахъ деньги, собранныя на институты, отдавались на открытіе гимназій,—такъ было въ Томскѣ и Могилевѣ. „Въ настоящее время признано полезнымъ воспитывать дѣвицъ въ заведеніяхъ открытыхъ, такъ называемыхъ гимназіяхъ“, заявляло учебное начальство.

Но то, что было признано столь полезнымъ, не всегда соотвѣтственно пользѣ обезпечивалось казной. Маріинскія женскія гимназіи осно-

вывались на счетъ самаго вѣдомства; министерскимъ былъ данъ „характеръ частныхъ заведеній для того, чтобы упростить способъ устройства и управленія—и тѣмъ содѣйствовать ихъ скорѣйшему развитію"; но, какъ частныя заведенія, онѣ и не получали казенныхъ средствъ, и должны были существовать на частный или общественный счетъ. Предоставленныя въ жертву случаю, министерскія женскія гимназіи зависѣли цѣликомъ отъ „доброхотныхъ даяній". Не всегда легко было добиться этихъ даяній. Въ Костромской губерніи уѣздныя городскія думы лишь тогда согласились на процентныя отчисленія въ пользу женскихъ школъ, когда отъ директора училищъ услышали, что устраивать ихъ велитъ самъ царь, „желая каждому изъ насъ семейнаго счастья". Въ Великомъ Устюгѣ было то же самое; въ Нижнемъ, въ Харьковѣ, въ Вологдѣ женскія гимназіи заводились лишь „по случаю проѣзда Его Величества". Самыя суммы на содержаніе гимназій отпускались часто въ ничтожномъ размѣрѣ. Уѣзды Ярославской губерніи ассигновали ежегодно на это дѣло по 34 рубля и по 25 р., въ городѣ Киржачѣ — даже по 10 рублей. Отъ 43 крупнѣйшихъ городовъ поступало ежегодно на 92 училища 43 тысячи рублей. Больше жертвовали отдѣльныя лица, купцы и дворяне: купецъ Мамонтовъ, дворяне Рюминъ, Лазаревъ, Демидовъ. Отъ казны получали субсидіи только 3 гимназіи; 23 прогимназіи существовали на случайныя средства. Приходилось устраивать концерты, лотереи и т. п. Но всѣхъ этихъ случайныхъ поступленій было мало; были гимназіи, гдѣ не на что было купить глобуса. При такихъ условіяхъ, женская открытая школа не только не могла платить учителямъ обычнаго въ другихъ школахъ жалованья, но должна была эксплоатировать даровой учительскій трудъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на помощь школѣ приходили сами мѣстные педагоги, съ энтузіазмомъ принимавшіеся за новое просвѣтительное дѣло. Такъ было, напримѣръ, въ Полтавѣ, гдѣ 54 преподавателя разныхъ заведеній предложили свой даровой трудъ и обѣщали учить безплатно первыя 6 лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ педагоги отчисляли на женское образованіе извѣстный % со своего жалованья.

3.

И мужская школа 60-хъ годовъ началась съ продолженія николаевской школы. Тотъ же Норовъ, въ докладѣ своемъ государю въ 1856 г., говорилъ объ истинахъ православной вѣры, какъ „коренномъ основаніи всего воспитанія и образованія отечественнаго", объ улучшеніи методовъ преподаванія Закона Божія, чтобы оно было „нравственно назидательнымъ, одушевляющимъ ученіемъ, способнымъ дѣйствовать на воспріимчивыя и мягкія сердца юношей и поселять съ христіанскимъ образомъ мыслей и жизни христіанскія чувствованія". Закономъ Божіимъ Норовъ хотѣлъ, по выраженію императора Николая I, „разогрѣвать сердца юношей".

Но сердца юношей плохо разогрѣвались Закономъ Божіимъ. Они

гораздо больше разогрѣвались другими силами. Студенческіе безпорядки, происходившіе въ университетахъ и стоившіе министерскаго кресла сперва Норову, а потомъ и Ковалевскому, захватывали и учащихся средней школы. Сочувствовали студенчеству и болѣе передовые изъ учителей гимназій; учащіеся средней школы сами волновались. Въ министерство адмирала Путятина, открывавшаго Японію и закрывавшаго университеты, раздраженіе учащейся молодежи еще усилилось; приходилось уже пускать въ ходъ оружіе. Тогда императоръ Александръ, по словамъ его біографа, „не замедлилъ прійти къ убѣжденію, что дѣйствительнаго улучшенія въ состояніи нашихъ разсадниковъ просвѣщенія можно ожидать лишь отъ коренного измѣненія всей системы народнаго образованія, высшаго, средняго и низшаго". Реформа должна была замѣнить репрессію; средство было новое, но цѣль старая—надо было покончить съ безпорядками. Проводить школьную реформу былъ призванъ новый человѣкъ, человѣкъ изъ либеральнаго кружка Милютина, Кавелина и другихъ, руководитель „Морского Сборника", посредникъ между либералами и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ — А. В. Головнинъ.

Реформа средней школы, какъ и университетская реформа, зародилась въ моментъ обостренной борьбы съ учащейся молодежью. Она подготовлялась въ періодъ борьбы съ „уродливыми теоріями", соціальными и политическими, проникшими въ школу, съ „путаницей понятій у родителей, у многихъ наставниковъ и воспитателей", съ „общимъ упадкомъ школьной дисциплины". Она должна была все это устранить изъ школы, но только мирнымъ путемъ.

И Головнинъ началъ подготовку своей реформы съ вопроса „объ усиленіи религіозно-нравственнаго воспитанія, которое на всѣхъ ступеняхъ общественнаго обученія должно стоять на первомъ планѣ". Но жизнь, заставившая перейти отъ репрессій къ реформамъ, двигала министерство дальше впередъ. О школьной реформѣ говорили и газеты и журналы. „Русское Слово" полемизировало съ „Московскими Вѣдомостями". Спеціальныя статьи печатались въ „журналѣ" министерства и въ различныхъ педагогическихъ органахъ—въ „Учителѣ", „Воспитаніи", „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ". Пять разъ собирались учительскіе съѣзды — по естествознанію и русскому языку, 3 въ Кіевѣ, 1 въ Митавѣ и 1 въ Одессѣ (1861 — 64 гг.). На этихъ съѣздахъ, по словамъ министерства, учителя „провѣряли свой опытъ опытомъ товарищей", родители „заинтересовывались вопросами воспитанія", а окружное начальство оказывало свое „непосредственное вліяніе на преподавателей и директоровъ и разъясняло имъ необходимость тѣхъ или другихъ мѣръ и улучшеній—гораздо удобнѣе, чѣмъ съ помощью циркуляровъ и предписаній".

Въ этой атмосферѣ создавался новый уставъ. Первый проектъ, выработанный еще при Ковалевскомъ, былъ разосланъ черезъ попечите-

лей по гимназіямъ и напечатанъ сверхъ того въ газетахъ; мнѣнія, высказанныя о немъ въ печати, и отзывы, поступившія отъ педагогическихъ совѣтовъ, были разсмотрѣны въ министерствѣ, и на основаніи ихъ составленъ новый проектъ 1862 г.,—проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Этотъ проектъ съ обширной объяснительной запиской былъ опять разосланъ—на этотъ разъ по Россіи и по Западной Европѣ; было получено 42 отзыва изъ-за-границы и 335 — изъ Россіи, 110 отъ университетовъ и педагогическихъ совѣтовъ и 225 отъ частныхъ лицъ.

Шесть томовъ этихъ рецензій полны и сейчасъ живого интереса. Въ нихъ чувствуется живая педагогическая мысль, не умершая какимъ-то чудомъ въ николаевскую эпоху. Директора, учителя, цѣлые совѣты шлютъ свои подробнѣйшіе отзывы, мнѣнія, особыя мнѣнія; ни одинъ § проекта не оставленъ безъ разсмотрѣнія. Пишутся программы по различнымъ предметамъ: по Закону Божію, исторіи, математикѣ и т. п., предлагаются новые методы. Составляются детально вѣдомости расходовъ въ томъ или другомъ захолустьѣ, расходы на дрова, прислугу, свѣчи, etc., etc., для женатаго учителя и для холостого, чтобы выяснить, какой долженъ быть размѣръ его жалованья. Спорятъ о томъ, достаточно ли въ средней школѣ „формальнаго воспитанія", „образованія методами" или еще нужно давать и знанія, „прояснять" ими мысль учащихся.

Мы послѣ увидимъ, насколько были приняты во вниманіе всѣ эти рецензіи педагоговъ. Но какъ бы тамъ ни было, проектъ былъ еще разъ передѣланъ въ 1863 г. и затѣмъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Новыя измѣненія были сдѣланы по требованію государственнаго совѣта. Наконецъ, въ 1864 г. проектъ устава сталъ закономъ. Явились 7-классныя гимназіи и 4-классныя прогимназіи; гимназіи же двухъ типовъ — классическія и реальныя. Намъ нужно теперь съ ними познакомиться.

4.

Школа, созданная уставомъ 1864 г., была всесословная. Въ нее допускались дѣти лицъ „всѣхъ сословій, безъ различія званія и вѣроисповѣданія". Этотъ принципъ былъ внесенъ во всѣ проекты—и 1863 г., и 1862 г., и еще 1860 г.; въ проектахъ говорилось даже: „безъ различія подданства". Всесословная школа, какъ мы видѣли, не была у насъ новостью; это было возвращеніе къ эпохѣ Екатерины и Александра I; даже въ эпоху наибольшаго расцвѣта сословности и крѣпостного права правительство не считало невозможнымъ насаждать народныя училища. Послѣ долгой борьбы съ всесословной школой, наполнившей собой николаевское царствованіе, правительство уступило. Уже въ маріинскомъ вѣдомствѣ, гдѣ свила себѣ гнѣздо ультрасословная школа, — и тамъ двери распахивались шире; въ институтахъ появились купеческія дочки; устраивались женскія гимназіи для всѣхъ свободныхъ—и дворяне отдавали своихъ дѣтей въ эти, хотя не

сословныя, но зато дешевыя школы. То же должно было произойти съ мужской школой.

Но министерство народнаго просвѣщенія не сразу пошло на эту уступку. Первоначально предполагалось и при Александрѣ II, какъ при Николаѣ, удержать податныя сословія въ реальныхъ классахъ, учреждать для нихъ реальныя гимназіи, „дабы дать воспитывающимся полезное для нихъ самихъ спеціальное образованіе". Это была мысль Бибикова и самого Александра II. Только въ 1859 г. было отмѣнено въ мужской гимназіи правило Ширинскаго-Шихматова о неосвобожденіи отъ платы лицъ податныхъ сословій; теперь ихъ освобождали на общемъ основаніи. И первоначальный проектъ 1860 г., составленный при Ковалевскомъ, раскрывая всѣ школы для всѣхъ сословій, предпочелъ, однако, „высшія народныя училища", 4-классныя, взамѣнъ прежнихъ уѣздныхъ, предназначенныя *преимущественно* для лицъ торговаго и промышленнаго класса, „которыя предполагаютъ кончать въ нихъ свое образованіе". Это была идея устава 1828 г., тоже не закрывавшаго ни одной школы ни одному свободному сословію, тоже вводившаго оговорку: „но главнѣйшимъ образомъ"...

Крестьянская реформа 1861 г. дѣлала уже невозможнымъ всякій разговоръ о несвободныхъ сословіяхъ. Школу приходилось открыть и для „вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". Въ объяснительной запискѣ къ проекту 1862 г. читаемъ: „съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и съ дарованіемъ чрезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія оказывается болѣе, чѣмъ когда-либо, настоятельная необходимость приготовлять людей *для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности*". Въ 1862 г. къ этому прибавлялось, что „только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее *еще* у насъ разъединеніе между сословіями и явится разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями". Въ проектѣ 1863 года находимъ тотъ же §, но не ту же его мотивировку: „Въ гимназіи открывается доступъ дѣтямъ всѣхъ состояній, *какъ было и по уставу 1828 года,* безъ сдѣланнаго впослѣдствіи ограниченія, по которому отъ дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ податному состоянію, требуется увольнительное свидѣтельство отъ общества". Но все это вовсе не для того, чтобы „уничтожать господствующее *еще* у насъ разъединеніе сословій" или „разумно распредѣлять занятія между всѣми общественными дѣятелями". Наоборотъ, уваровскія увольнительныя свидѣтельства тѣмъ и грѣшили, что они „обрекали" поступающаго въ гимназію на выходъ изъ своего состоянія, *„чего никакъ не слѣдуетъ желать,* потому что всякое состояніе нуждается въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ для того, чтобы имѣть возможность выполнять *свое* назначеніе". Чтобы кончившіе курсъ не соблазнялись и не стремились выйти изъ своего сословія, для нихъ, и безъ выхода изъ сословія, проектировались различныя льготы.

Но и сдѣлавшись всесословной, новая школа не стала совмѣстной

для обоихъ половъ. Женщину, изгнанную изъ общей школы либеральными совѣтниками Александра I, не вернули туда и либералы Александра II. Даже въ первомъ проектѣ 1862 г. совмѣстное обученіе допускается только въ народныхъ училищахъ и ежедневныхъ школахъ грамотности.

И въ замѣчаніяхъ на проектъ устава 1862 г. намъ послышалось только 3 голоса, говорившіе о совмѣстномъ обученіи. Одинъ голосъ принадлежалъ Рѣдкину. Признавая раздѣльное обученіе на старшей ступени школы, онъ стоялъ за совмѣстное обученіе на ступени низшей. Другой голосъ требовалъ совмѣстнаго обученія во всѣхъ народныхъ школахъ, но до 13 лѣтъ. Это голосъ совѣта орловской гимназіи: „Школа должна готовить для совмѣстной жизни мужчину и женщину; зачѣмъ же съ юныхъ лѣтъ раздѣлять на нѣсколько часовъ тѣхъ, которые во все остальное время не раздѣлены?“ Наиболѣе радикальнымъ оказался и. д. старшаго учителя симбирской гимназіи Виноградовъ, доказывавшій, что „совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола можетъ быть допущено въ народныхъ училищахъ, прогимназіяхъ и гимназіяхъ“. Онъ полагалъ, что отъ этого нисколько не „испортится“ нравственность и ученика и ученицы,—вѣдь этого не бываетъ при домашнемъ воспитаніи, а „умственная сторона женщины не настолько ниже мужской, чтобы могла служить препятствіемъ къ совмѣстному образованію“. Наконецъ, „вслѣдствіе допущенія совмѣстнаго образованія нравы мужчинъ значительно смягчатся, а образованность женщинъ будетъ серьезнѣе“. Но это были единичные и одинокіе голоса. Въ дѣйствительности, школа дѣлилась, и даже задача ея оказывалась различной,—мужчинѣ давалось общее образованіе; женщинѣ—образованіе, какого должно требовать отъ каждой женщины, *въ особенности* отъ будущей супруги и матери семейства. И въ „Правилахъ внутренняго порядка въ женскихъ гимназіяхъ“ маріинскаго вѣдомства, составленныхъ Вышнеградскимъ и утвержденныхъ принцемъ Ольденбургскимъ, говорилось о „тихихъ семейныхъ обязанностяхъ“ женщины.

Не была новая школа и безплатной. И мужская, и женская, и министерская, и маріинская — были платныя. Новаго было только то, что въ мужскихъ гимназіяхъ плату устанавливалъ педагогическій совѣтъ и что отъ платы освобождаться могли лица всѣхъ состояній (но не болѣе 10% всего числа). Маріинскія гимназіи, открывавшіяся на счетъ вѣдомства, существовали затѣмъ на тѣ 20—30 тысячъ, которыя каждая изъ нихъ получала съ родителей въ видѣ платы за обученіе.

5.

Посмотримъ теперь, какую роль въ этой новой школѣ долженъ былъ играть учитель, какое мѣсто отводилось общественнымъ элементамъ, что оставляло себѣ учебное начальство. Вотъ министерская мужская гимназія. Съ давнихъ поръ въ ней существовалъ педагогическій совѣтъ. Онъ возникъ впервые въ

1804г. Уставомъ этого года были учреждены въ гимназіяхъ „педагогическія совѣтованія“ при директорѣ; но они не имѣли опредѣленнаго плана, не были совсѣмъ организованы, и уставъ относилъ ихъ къ частнымъ обязанностямъ преподавателей; совѣтованія были простой формальностью. Уставъ 1828 г. впервые организовалъ правильно педагогическій совѣтъ, опредѣлилъ его составъ и его кругъ дѣйствій. Совѣтъ составляли директоръ, инспекторъ и старшіе учителя; младшіе (учителя русской грамматики, географіи и новыхъ языковъ) приглашались въ совѣтъ лишь въ случаѣ надобности. Въ кругъ дѣйствій совѣта входили: всѣ соображенія по учебной части гимназіи, усовершенствованіе способовъ преподаванія, принятіе мѣръ къ нравственному улучшенію воспитанія, всѣ постановленія о порядкѣ внутренняго управленія въ гимназіи и гимназическомъ пансіонѣ; сверхъ того, онъ же вѣдалъ переводъ въ высшій классъ, награды, высшія мѣры наказанія и исключенія изъ гимназіи. „Отсюда видно, какой широкій просторъ предоставленъ былъ уставомъ 1828 г. педагогической дѣятельности учителей“,—говорило въ 1864 г. министерство. При всемъ томъ, идея устава на практикѣ долго не осуществлялась. Причины тому: отчасти равнодушіе педагоговъ ко всѣмъ педагогическимъ вопросамъ, отчасти недостатокъ въ хорошихъ руководителяхъ, такъ какъ директора были безъ ученой степени, вовсе не приготовленные ни къ ученому, ни къ педагогическому поприщу. Эти директора превратили большую часть статей устава въ мертвую букву, а самыя засѣданія совѣтовъ—въ срочныя собранія для подписыванія денежныхъ вѣдомостей и протоколовъ о переводахъ и награжденіяхъ учащихся. Только въ послѣдніе годы педагогическіе совѣты обнаружили нѣкоторую жизнь и стали пользокаться правами, предоставленными имъ по закону. Такъ объясняетъ судьбу этихъ совѣтовъ объяснительная записка министерства къ уставу 1864 г. („Представленія въ Государственный совѣтъ“). Но другая объяснительная записка, приложенная къ проекту 1862 г. и разосланная вмѣстѣ съ нимъ по Россіи и Западной Европѣ, объясняла дѣло нѣсколько иначе. Тотъ фактъ, что „педагогическій совѣтъ дѣйствуетъ въ большей части гимназій чисто-формально, заботясь только объ очисткѣ дѣла, а не о его сущности“, она признавала „совершенно естественнымъ,—при полной зависимости преподавателей отъ директора“; директоръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, а отъ него зависятъ избраніе преподавателей, ихъ аттестація, представленіе къ наградамъ и къ увольненію. Директоръ „естественно смотритъ на себя, какъ на начальника, — подавляетъ свободу голоса въ учителяхъ и обращаетъ педагогическій совѣтъ изъ коллегіальнаго учрежденія въ совѣщательное, дѣйствующее по его личному взгляду“. А младшіе учителя и воспитатели и совсѣмъ не принадлежатъ къ совѣту. Отсюда— „безгласіе“ педагоговъ и ихъ „равнодушіе“ къ дѣлу. Корень зла не въ личныхъ свойствахъ директоровъ и не въ равнодушіи педагоговъ, а

въ самомъ устройствѣ совѣта, въ его, такъ сказать, конституціи. Но не только весь педагогическій совѣтъ осужденъ на такое безгласіе; связанъ въ своемъ педагогическомъ дѣлѣ и каждый отдѣльный педагогъ. „Мертвою книгой можетъ остаться для юношества и хорошо приготовленный воспитатель и учитель, если останется въ своей силѣ настоящая система, при которой дѣятельность учебныхъ заведеній до такой степени сжата узкими рамками инструкцій и программъ, данныхъ свыше, что воспитателямъ и учителямъ нельзя даже пошевельнуться свободно.— При такомъ порядкѣ не мудрено превратиться въ настоящую машину".

И проектъ 1862 г., объясняя старую систему отношеній къ учителю и устройства педагогическаго совѣта недовѣріемъ правительства къ учителямъ, заявлялъ, что хочетъ порвать съ этимъ недовѣріемъ и со всей вытекающей изъ него системой. Онъ вводилъ въ составъ педагогическаго совѣта всѣхъ учителей, старшихъ и младшихъ, и всѣхъ воспитателей, съ *равнымъ для всѣхъ правомъ голоса*; ограничивалъ власть директора при опредѣленіи и увольненіи учителей и воспитателей (къ представленію объ этомъ директора попечителю—*прилагался и отзывъ совѣта*); наконецъ, расширялъ права педагогическаго совѣта, предоставляя ему выборъ учебныхъ руководствъ (*изъ числа одобренныхъ министерствомъ*), распредѣленіе числа уроковъ и предметовъ преподаванія по классамъ и составленіе программъ по каждому предмету, точнѣе—*утвержденіе программъ*, составленныхъ каждымъ преподавателемъ.

„Такая мѣра, сохранивъ однообразіе въ общемъ учебномъ планѣ, сниметъ вмѣстѣ съ тѣмъ оковы, стѣсняющія свободную дѣятельность учебныхъ заведеній, и возбудитъ преподавателей къ педагогической самодѣятельности". Ничего этого не было въ компетенціи педагогическаго совѣта по проекту 1860 г.; не было въ совѣтѣ и воспитателей.

Но уже проектъ 1863 года нѣсколько отличается отъ ближайшаго своего предшественника. Въ составъ совѣта входятъ всѣ учителя, но воспитатели приглашаются лишь при обсужденіи воспитательныхъ мѣръ по пансіону. Кругъ дѣйствій совѣта расширенъ составленіемъ „подробныхъ постановленій о мѣрахъ взысканій съ учащихся"; совѣту оставлено и представленіе своего отзыва о назначаемомъ или увольняемомъ преподавателѣ и одобреніе программъ, такъ какъ „употребленіе учебника не исключаетъ необходимости" составленія этихъ программъ; „учебникъ есть планъ предмета, программа—выраженіе взгляда учителя на исполненіе этого плана"; „не требовать отъ учителей программъ, значитъ — превратить ихъ почти въ безполезныхъ задавателей и выслушивателей уроковъ по учебнику". О связанности учителя инструкціями нѣтъ уже ни полслова. Но стоявшее рядомъ съ составленіемъ программъ преподаванія—распредѣленіе числа уроковъ и предметовъ преподаванія по классамъ—исчезло изъ компетенціи педагогическаго совѣта. Уставъ 1864 г. отнялъ еще у совѣта и право давать отзывъ о преподавателѣ, назначаемомъ въ гимназію или уволь-

няемомъ. Одно, что теперь осталось совѣту изъ его новыхъ правъ, было одобреніе программъ, составленныхъ отдѣльными преподавателями.

И министерство Ковалевскаго и министерство Головнина усиленно взывало къ содѣйствію общественныхъ силъ. Уже въ проектѣ 1860 г. министерство жаловалось на „отсутствіе крѣпкой духовной связи между училищами и обществомъ. Послѣднее (то-есть, общество) остается болѣе или менѣе равнодушнымъ къ учебнымъ заведеніямъ, содержимымъ отъ правительства, не принимаетъ участія въ ихъ интересахъ и не жертвуетъ для нихъ ни временемъ, ни достояніемъ“. Отъ общества требовалось именно пожертвованіе его достояніемъ; его звали помочь содержать училища; устроить ихъ и управлять ими сумѣетъ и само министерство. На этой точкѣ зрѣнія стояло и министерство Головнина.

„Правительство, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ“, — говоритъ объяснительная записка къ проекту 1862 г.,—„не имѣетъ матеріальной возможности заводить училища вездѣ, гдѣ они нужны“. Поэтому оказывается необходимымъ, „въ видахъ легчайшаго распространенія просвѣщенія, предоставить болѣе широкое участіе въ народномъ образованіи частнымъ лицамъ и обществамъ“. Общественныя силы приглашаются къ „широкому участію“ въ народномъ образованіи, такъ какъ это народное образованіе, плохо обезпеченное казной, нуждается въ пособіи изъ общественныхъ средствъ. Въ 1828 г., когда гимназію предполагалось сдѣлать дворянской, при гимназіяхъ учреждалась должность почетныхъ попечителей, выбиравшихся отъ дворянскаго сословія; они надзирали за ходомъ управленія и состояніемъ гимназій и за пансіонами и *изыскивали* средства для открытія этихъ пансіоновъ. Теперь—„въ гимназіяхъ учатся дѣти всѣхъ состояній, а потому необходимо привлечь къ нимъ участіе и прочихъ сословій“. Съ этой цѣлью оба проекта, 1862 и 1863 гг., предлагаютъ новый попечительный совѣтъ; эта идея—идея предыдущаго министерства; попечительный совѣтъ находимъ и въ проектѣ 1860 г. Но физіономія этого совѣта не остается одной и той же; она мѣняется. Въ проектѣ 1862 г. попечительный совѣтъ учреждается „для содѣйствія нравственному и матеріальному благосостоянію гимназій и прогимназій и для большаго сближенія ихъ съ обществомъ“. Въ проектѣ 1863 г. онъ учреждается „для содѣйствія матеріальному благосостоянію, а черезъ то и самымъ успѣхамъ образованія, и служитъ посредникомъ между обществомъ и сими учебными заведеніями“. И въ 1860 и 1862 гг. въ составъ совѣта входятъ 4 непремѣнныхъ члена, — попечитель гимназіи (избираемый отъ дворянства), директоръ, мѣстный благочинный и городской голова, и выборные члены, которыхъ самъ попечительный совѣтъ (то-есть, прежде всего непремѣнные его члены) избираетъ изъ мѣстныхъ жителей (въ 1860 г.—четырехъ, въ 1862 г.—въ неограниченномъ числѣ). Въ 1863 г. составъ совѣта мѣняется. Въ него входятъ представители учебнаго заведенія—директоръ и одинъ изъ преподавателей по выбору педагогическаго

совѣта, представитель духовнаго вѣдомства, избираемый попечительнымъ совѣтомъ, и выборные отъ всѣхъ мѣстныхъ сословій на основаніи существующихъ постановленій о выборахъ. Выборное начало расширяется; но компетенція совѣта суживается. По обоимъ проектамъ попечительный совѣтъ не имѣетъ распорядительной власти въ гимназіи, не можетъ вмѣшиваться въ учебную часть; но члены его могутъ посѣщать гимназію и сообщать свои замѣчаніе директору. Въ 1860 г. эти замѣчанія могутъ касаться „направленія преподаванія, нравственности учащихъ и учащихся и вообще степени довѣрія общества къ гимназіи“; въ 1862 г. это замѣчанія о „положеніи“ гимназіи, въ 1863 г. о „матеріальномъ“ ихъ положеніи; задача попечительнаго совѣта—„попеченіе о *матеріальномъ* улучшеніи гимназіи“.

Если мы возьмемъ теперь не проекты, а самый уставъ 1864 г., мы въ немъ совсѣмъ не найдемъ попечительнаго совѣта; вмѣсто того, но съ той же самой цѣлью, дѣйствуетъ почтный попечитель, какъ и по уставу 1828 г. Разница только въ томъ, что по новому уставу онъ выбирается не дворянствомъ, но тѣмъ обществомъ или сословіемъ, которое даетъ средства на гимназію или на пансіонъ при ней. Почетный попечитель входитъ съ правомъ голоса въ педагогическій совѣтъ и обязанъ участвовать въ тѣхъ его засѣданіяхъ, когда разсматривается смѣта или провѣряется хозяйственный отчетъ.

Если таково было положеніе педагога и педагогическаго совѣта, если такова была роль, отведенная общественнымъ элементамъ, —ясно, что доминирующимъ лицомъ въ гимназіи былъ директоръ. Это не былъ выбранный директоръ автономной школы; и проектъ 1860 г., и проектъ 1862 г., и проектъ 1863 г., и уставъ 1864 г. знаютъ только директора по назначенію, „избираемаго“ попечителемъ округа, и въ свою очередь „избирающаго“ всѣхъ учителей, воспитателей и служащихъ гимназіи. Избираемый, аттестуемый и увольняемый директоромъ, или по представленію директора, педагогъ былъ попрежнему обреченъ на безгласіе; директоръ оставался всесильнымъ; онъ былъ хозяиномъ заведенія.

Попечительный совѣтъ, который не удалось ввести въ мужской гимназіи, существовалъ въ женской. Министерская женская гимназія содержалась цѣликомъ на общественныя средства. Сначала, въ 1858 г., думали свести всю роль общества къ доставленію средствъ. Эти средства поступали въ полное *безотчетное* распоряженіе начальницы, которая не избиралась обществомъ. Министерство думало, что это „дастъ возможность пріобрѣтать въ званіе начальницъ лицъ, вполнѣ достойныхъ такого довѣрія“; повидимому, оно считало, что на *подотчетное* мѣсто не пойдутъ лица, достойныя довѣрія. Но при такихъ условіяхъ трудно было получить отъ общества нужныя средства. Въ 1860 г. пришлось писать новое „Положеніе“. Надъ начальницей учрежденъ попечительный совѣтъ; начальница имъ избирается и ему подотчетна. Попечительный совѣтъ состоитъ изъ семи лицъ, 5—непремѣнныхъ чле-

новъ и 2—выборныхъ, 1—отъ дворянъ, другой—отъ купечества. Предсѣдатель совѣта—предводитель дворянства или уѣздный судья; сверхъ того почетнымъ попечителемъ является губернаторъ. Весь составъ преподавателей избирается попечительнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ бюрократическій принципъ былъ отчасти нарушенъ, но въ пользу лишь одного дворянства; дворянскому сословію данъ рѣшительный перевѣсъ. Купечество получило въ совѣтѣ лишь одно мѣсто; педагоги—совсѣмъ ни одного. Этотъ попечительный совѣтъ назначалъ всѣхъ преподавателей, составлявшихъ педагогическій совѣтъ; предсѣдателемъ педагогическаго совѣта былъ директоръ училищъ или директоръ мужской гимназіи.

Маріинская женская гимназія, существовавшая на средства вѣдомства и на плату за обученіе, не нуждалась ни въ почетномъ попечителѣ, ни въ попечительномъ совѣтѣ. И при ней не было ни того, ни другого. Во главѣ ея стояли начальникъ по назначенію, назначенная главная надзирательница, такіе же инспекторъ, преподаватели, классныя дамы. За учебной частью наблюдали инспекторъ и конференція. Въ классѣ хозяиномъ былъ учитель; классная дама, когда учитель въ классѣ, не могла вмѣшиваться въ его работу; но могла послѣ сообщать начальству свои замѣчанія. Все это тамъ наверху подчинялось главноуправляющему IV отдѣленіемъ, принцу Ольденбургскому.

Таковы были всѣ 3 новыхъ школы: министерская мужская, министерская женская и женская маріинская. Автономію, скрѣпя сердце, давали университетамъ; средняя школа оставалась бюрократической

6.

Мы видѣли, каковы были главнѣйшія перемѣны, внесенныя въ *организацію* средней школы 60-ми годами. Наиболѣе жестокую критику рецензентовъ вызвала какъ разъ *организація* средней школы. Педагоги, педагогическіе совѣты были недовольны, недовольны даже той организаціей, какую предлагалъ проектъ 1862 г.

Цѣлый рядъ педагогическихъ совѣтовъ высказался за еще большее расширеніе правъ педагогическаго совѣта, чѣмъ какое въ самомъ началѣ предполагалось министерствомъ. Педагогическій совѣтъ долженъ имѣть право выбирать учебныя книги и руководства, не стѣсняясь тѣмъ, одобрены они или не одобрены министерствомъ. Онъ не долженъ быть связанъ никакими инструкціями и циркулярами; если за уставомъ послѣдуютъ еще разъясняющія инструкціи (какъ это предполагалось проектомъ), то не стóило и уставъ писать. Съ разныхъ сторонъ раздавались голоса объ избраніи директоровъ и инспекторовъ самими педагогическими совѣтами. Педагогическіе совѣты избираютъ кандидатовъ, окончательный выборъ принадлежитъ попечителю или его совѣту. Другія гимназіи настаивали, что „начальствующія лица“ должны быть избираемы педагогическимъ совѣтомъ и только утверждать ихъ долженъ попечитель или попечительскій совѣтъ. Въ кіевскомъ ок-

ругѣ это требованіе было повторное; о томъ же заявляли гимназіи при обсужденіи перваго проекта въ 1860 году. Точно такъ же учителя не должны избираться директоромъ, а или попечительскимъ совѣтомъ, или прямо педагогическимъ совѣтомъ; съ этимъ соглашались профессоръ Каченовскій и Пироговъ.

Мотивируя эти требованія, педагогическіе совѣты приводили цѣлый рядъ аргументовъ, часто совершенно различныхъ. Гдѣ же попечителю знать, кого назначить директоромъ или инспекторомъ,—заявляла одна гимназія; попечитель далеко; педагогическому совѣту виднѣй. „Тщеславіе здѣсь не играетъ никакой роли“, писалъ совѣтъ немировской гимназіи. Онъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ только за право, дорогое для всякаго мыслящаго человѣка: право зависѣть въ своей репутаціи, въ своемъ благосостояніи отъ собственнаго энергическаго труда, а не отъ пристрастія и произвола начальника. Произвольное управленіе одного лица будетъ всегда лишать учителей упомянутаго счастья; доставить его можетъ только разумно устроенное самоуправленіе“. Тотъ же совѣтъ писалъ, критикуя министерскій проектъ: „Директоръ выбираетъ надзирателей по своему усмотрѣнію, учителей съ незначительнымъ ограниченіемъ, аттестуетъ ихъ всѣхъ передъ попечителемъ, представляетъ къ наградамъ, увольняетъ отъ службы. Развѣ всего этого мало, чтобы подавить въ учителяхъ независимость, а стало быть, и энергію“. „Это пародія на коллегію“, писалъ одинъ житомірскій учитель.

„Всякая коллегія, а особенно педагогическая, — писала еще одна гимназія,—обращается такимъ путемъ въ молотильную машину, или, venia verbo, просто въ швальню, гдѣ главный закройщикъ раздаетъ каждому урочную работу, требуя исполненія ея безъ всякаго размышленія“.

Другого мнѣнія были директора гимназій, тоже недовольные проектомъ 1862 г. Директоръ 2-й кіевской гимназіи, не соглашаясь съ ея совѣтомъ, находилъ, что педагогическому совѣту должно принадлежать коллективное дѣло воспитанія, но ни въ коемъ случаѣ не коллективная власть. Директора московскихъ гимназій признавали, что проектъ и тѣми ограниченіями, какія уже въ немъ имѣются, связываетъ директора по рукамъ и по ногамъ; какъ же можетъ послѣ этого директоръ нести отвѣтственность?

Директоръ московской 4-й гимназіи Копосовъ выражалъ удивленіе: „Непонятно, по какимъ причинамъ въ литературѣ составилось понятіе о личномъ составѣ гимназіи, изображаемое въ картинѣ слѣдующаго содержанія: учителя молодые, энергичные, полные силъ и желанія принести необыкновенную пользу, при чемъ вѣчно угнетенные и стѣсненные самовластіемъ начальника заведенія; директоръ дряхлый, отсталый, необразованный старикъ, вѣчно мѣшающій, по непониманію дѣла, всякому развитію силъ преподавателей, или какъ звѣрь, случайно забѣжавшій въ заведеніе, придавляющій все своею властью и требующій поклоненія своей особѣ. Не чаще ли встрѣчается картина наоборотъ?“—

13

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

По современной фотографіи

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А и И. ГРАНАТЪ и К°".

Вооружился на права педагогическаго совѣта и старшій учитель пензенской гимназіи, опасавшійся, что, при ослабленіи власти директора, кружокъ учителей, дѣлающій директору „реакцію“, завладѣетъ положеніемъ; этотъ кружокъ и такъ уже ему противодѣйствуетъ, сближается съ учениками старшихъ классовъ, настраиваетъ ихъ противъ директора; ученики „ласкаются“ учителями и „привыкаютъ къ демонстраціямъ“. „Надобно подумать о судьбѣ дѣтей!“ А учитель одного приходскаго училища, говоря объ „осаждающихъ власть начальника совѣтахъ“, а тѣмъ паче о совѣтахъ, „гдѣ такъ развито вольнодумство“, производитъ власть директора по прямой линіи отъ Бога, такъ какъ „сущія власти отъ Бога учинены, и противляйся власти противится Ему“.

Рѣзкую критику вызвали и проектированные попечительные совѣты. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ совѣты и отдѣльные педагоги находили, что не слѣдуетъ давать доступа членамъ попечительнаго совѣта въ педагогическій совѣтъ, чтобы не стѣснять мнѣній учителей, не нарушать конфиденціальности засѣданій и не плодить доносовъ; въ другихъ мѣстахъ находили нужнымъ ввести въ попечительные совѣты полицію (напримѣръ, въ Западномъ краѣ); за то въ другихъ мѣстахъ совершенно разрушали всю концепцію этого „сближающаго“ школу и общества учрежденія. Приведемъ только нѣсколько отзывовъ.

Одна гимназія писала, что „единственное и самое вѣрное средство сблизить общество со школой состоитъ въ томъ, чтобы дѣло образованія признать его законнымъ дѣломъ, его неотъемлемымъ правомъ и его неизбѣжной обязанностью“. А что можетъ сдѣлать общество, когда „почти все дѣло воспитанія беретъ на себя правительство“? И §§ о попечительныхъ совѣтахъ легко обратятся въ простую формальность и мертвую букву. Члены этихъ совѣтовъ—читаемъ въ другомъ отзывѣ—будутъ только подписывать свои имена на протоколахъ; для нихъ это будетъ синекурой; за скудныя приношенія, безъ труда и заслугъ и безъ всякой отвѣтственности, они будутъ пользоваться правами государственной службы, почетомъ, чинами. „До сихъ поръ общество наше оказывало несомнѣнное содѣйствіе просвѣщенію“, пишетъ динабургскій учитель Рейро; „но это содѣйствіе выражалось: 1) въ учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній, каковы: школы грамотности, воскресныя и женскія гимназіи; 2) въ пожертвованіяхъ на извѣстную цѣль, слѣдовательно, на извѣстныхъ условіяхъ. Изъ этого видно, что общество содѣйствуетъ тамъ, гдѣ его содѣйствіе ближе достигаетъ цѣли, и что оно само хочетъ и *распоряжаться своимъ содѣйствіемъ*, хочетъ, такъ сказать, быть *хозяиномъ* своего дѣла. Послѣ этого сомнительно, чтобы оно захотѣло оказывать содѣйствіе правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Но допустивъ противное, представляется вопросъ: можно ли это содѣйствіе, нерѣдко своеобразное, заключить въ рамку попечительныхъ совѣтовъ, офиціальныхъ лицъ,

офиціальныхъ засѣданій, ни къ чему не ведущей повѣрки годового отчета и *участія* въ занятіяхъ хозяйственнаго комитета? Всѣ эти понудительныя мѣры или, лучше сказать, стѣсненія не поведутъ ни къ чему. Шататься по классамъ или въ педагогическихъ совѣтахъ общество, пожалуй, и станетъ, но это можетъ произвести только путаницу и не поведетъ ни къ чему хорошему. Обществу, для его содѣйствія, нужна рамка гостепріимная, предупредительная свободная".

7.

Но какъ бы она ни была организована, что должна была давать школа своимъ питомцамъ? Школа должна давать и умственное образованіе и нравственное воспитаніе; то и другое входитъ въ ея задачу; такъ опредѣлялась задача школы въ проектѣ 1860 года. Но открытая школа можетъ воспитывать, лишь давая образованіе.

„Если что есть воспитывающее въ школѣ, такъ это наука", говорилъ Пироговъ; „наукѣ и одной только наукѣ одолжена школа своимъ мощнымъ вліяніемъ. Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители". Эта идея была положена въ основу составителями проекта 1862 г.

Образовательная задача выдвигалась такимъ образомъ впередъ. Но цѣлью самого образованія было не пріобрѣтеніе знаній, а развитіе человѣка; важенъ былъ процессъ пріобрѣтенія знаній, его методы. Не зачѣмъ было дѣлать образованіе многопредметнымъ; нужно было, напротивъ, концентрировать школьную работу, сосредоточить ее на немногихъ наукахъ. „Въ воспитаніи наука должна быть не цѣлью, а средствомъ. Нужно стараться не о томъ, чтобы пройти ту или другую науку, какъ можно полнѣе"; наука „должна служить учащимся лишь средствомъ для развитія", говорилъ Стоюнинъ. Въ этомъ сходились съ нимъ и Водовозовъ и другіе педагоги; могъ имъ подать руку и Писаревъ.

Но на какихъ наукахъ надо было развивать человѣка? Налицо было двѣ системы, между которыми можно было выбирать, — классицизмъ и реальныя науки. Реальныя науки существовали въ нашей школѣ съ самаго ея возникновенія; реальными были училища Янковича и гимназіи Александра I. Но при томъ же Александрѣ въ школу вдвинулся уваровскій классицизмъ, вдвинулся сразу въ двухъ своихъ значеніяхъ: какъ подготовительная тренировка къ университету и какъ замѣна пагубному энциклопедизму. 48 годъ подорвалъ кредитъ классицизма, испортилъ его репутацію благонадежности,—въ школу снова вторглись реальныя науки. Теперь предстояло сдѣлать между обоими направленіями выборъ и обосновать этотъ выборъ достаточными аргументами. Аргументы на этотъ разъ были предложены педагогическіе и культурные.

Тѣ и другіе аргументы находимъ въ педагогическихъ статьяхъ и журналахъ, въ рецензіяхъ русскихъ педагоговъ и педагогическихъ со-

вѣтовъ на проекты 1860 и 1862 годовъ, въ отзывахъ ихъ иностранныхъ коллегъ на проектъ 1862 года. Съ разныхъ сторонъ дѣлались яростныя нападки на реальную школу. Противъ реальной школы особенно возражали европейскіе педагоги, говорившіе о важности классицизма, о связи новой и древней культуры. Классическое образованіе и христіанство составляютъ, по ихъ мнѣнію, одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ духовныхъ узловъ, соединяющихъ европейскія націи, а потому тотъ народъ, юношеству котораго не доступно классическое образованіе, не можетъ быть включенъ въ члены этого союза. Педагоги Запада приводили и примѣръ Англіи, съ ея классической школой; выдвигали изученіе классическихъ языковъ, какъ лучшую по ихъ трудности гимнастику для ума; съ этими языками юноша долженъ жить, „какъ бы въ брачномъ союзѣ, а съ другими учебными предметами—какъ бы съ менѣе дорогими подругами".

И среди русскихъ педагоговъ раздавались голоса въ пользу классицизма. Защитники мертвыхъ языковъ во многомъ повторяли западныхъ своихъ собратьевъ. „Весь цивилизованный міръ чувствуетъ себя одною великою семьей, духовное начало которой лежитъ въ грекоримскомъ мірѣ. Хотимъ ли мы, русскіе, причислять себя къ семьѣ народовъ цивилизованныхъ?" Но рѣчь идетъ не только о причисленіи къ лику цивилизованныхъ народовъ,— на карту поставлена сама цивилизація. „Съ преуспѣяніемъ такъ называемаго реализма педагогическаго необходимо должно остановиться движеніе ума въ области исторіи, политики, философіи и религіи, а чрезъ это самое должны разрушиться основанія общественной жизни и цивилизаціи, съ такимъ трудомъ выработанныя тысячелѣтіями". „Отчего же для насъ древній міръ долженъ быть извѣстенъ только съ чужого голоса. Неужели онъ не стоитъ того, чтобы взглянуть на него лицомъ къ лицу, чтобы напиться живой воды его изъ самаго источника, а не изъ нѣмецкой бутылки?" Безъ достаточной классической подготовки „у насъ не будетъ ни истинныхъ филологовъ, ни истинныхъ историковъ, ни вообще людей, имѣющихъ основательное общее образованіе"; „наша юридическая наука не будетъ имѣть фундамента, а вмѣсто судебнаго краснорѣчія мы будемъ довольствоваться фразами да заиканьемъ". „Древніе языки не безполезны, наконецъ, и для математики: геніальные геометры Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, Эйлеръ излагали высшій математическій анализъ на языкѣ латинскомъ; Фурье, Лагранжъ, Монжъ, Остроградскій учились въ юности древнимъ языкамъ".

Классическіе языки выдвигались также съ другой точки зрѣнія. Сами по себѣ, по своимъ особенностямъ, древніе языки обладаютъ, казалось, исключительной образовательной силой. „Нигдѣ не развивается такъ самостоятельность ученика, какъ при изученіи древнихъ языковъ: здѣсь едва ученикъ выучитъ какое-нибудь правило, сейчасъ ему даются примѣры, которые онъ самъ долженъ перевести, при чемъ самъ онъ рѣшаетъ, какъ и гдѣ долженъ примѣнить заученное правило. Вся-

кое заученное правило, всякая извѣстная ученику форма можетъ понадобиться ему для каждаго урока; каждый урокъ, въ которомъ онъ идетъ впередъ, есть въ то же время повторенiе пройденнаго. Ничто не можетъ быть опущено; на каждомъ шагу ученикъ постоянно пользуется своими знанiями; они не остаются у него мертвыми, но въ каждомъ урокѣ прилагаются къ дѣлу". Изученiе родного языка не могло итти и въ сравненiе. „Родной языкъ слишкомъ хорошо извѣстенъ всякому; мы изучаемъ его съ младенчества"; между тѣмъ, „ученiе должно состоять въ постепенномъ овладѣванiи предметомъ, неизвѣстнымъ учащемуся". Но вотъ и новые языки—чужiе учащемуся; можно было бы изучать ихъ. Нѣтъ! одни мертвые языки, „какъ нѣчто совершенно оконченное и отжившее, могутъ имѣть для насъ значенiе вполнѣ объективнаго предмета, на которомъ мы можемъ испытывать и изощрять свои силы, не враждуя съ нимъ и не подчиняясь ему". „Курсъ общаго образованiя долженъ быть, какъ бы *гимнастикой* духовныхъ силъ; для такой гимнастики лучше всего—мертвые языки; скажутъ, быть можетъ, что такая гимнастика трудна?" Но, „должно ли быть главною задачей педагога всевозможное *облегченiе* учащимся пути къ образованiю или, напротивъ, прiученiе ихъ къ труду постоянному и энергическому"? „Дѣтей надобно заохотить къ ученiю.— Какъ? Развѣ сама жизнь, для которой мы и воспитываемъ своихъ дѣтей, предлагаетъ намъ одно легкое и сладкое?" Скажутъ, можетъ быть, что не всѣ могутъ, по своимъ способностямъ, овладѣть классическими языками. Но и не нужно всѣхъ „оставлять въ гимназiяхъ" и вести въ университетъ: „что пользы въ томъ, когда аудиторiи университетовъ наполняются людьми, неспособными къ основательному и усидчивому труду?"

Убѣжденнымъ защитникомъ классицизма былъ также и Пироговъ. „Высшую образовательную силу" онъ приписывалъ „исключительно глубокому изученiю древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторiи и математики". „Изученiе этихъ наукъ одно и само по себѣ уже достаточно образуетъ и развиваетъ духъ человѣка". Напротивъ, „реализмъ одинъ, самъ по себѣ, никогда еще не могъ вполнѣ развить всѣ высшiя способности духа". Задачей воспитанiя Пироговъ ставилъ воспитанiе человѣка; а классическое образованiе онъ признавалъ общечеловѣческимъ. Защита классическаго образованiя соединялась у Пирогова съ враждой къ „суемудрiю грубаго матерiализма". И Грановскiй въ 50-хъ годахъ доказывалъ, что „естествознанiе, отрѣшенное отъ ученiй, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытiя, неминуемо приводитъ къ матерiализму". Поэтому, онъ считалъ вреднымъ изгнанiе классицизма и замѣну его естествознанiемъ. Такъ же думалъ и Норовъ, говорившiй, что „классическое образованiе предохранитъ юношество отъ влiянiя матерiализма".

Классицизмъ, какъ лучшая гимнастика для ума, какъ орудiе воспитанiя человѣка, какъ условiе для

включенія въ семью цивилизованныхъ націй, наконецъ, какъ оплотъ противъ матеріализма,—такова была система идей, выдвигавшихся сторонниками филологической школы.

Противники классицизма доказывали съ своей стороны, что если говорить о трудности изученія, необходимой для лучшей гимнастики ума, то русскій языкъ въ соединеніи съ церковно - славянскимъ представляетъ не меньшую трудность; можно еще прибавить и другія славянскія нарѣчія. Концентрація, конечно, необходима; многопредметность есть зло; но зачѣмъ же концентрировать школу непремѣнно на мертвыхъ языкахъ? Можно взять исторію, новые языки съ ихъ литературами. Эти литературы ничѣмъ не уступятъ классическимъ. „Неужели серьезно можно думать, что великія поэтическія произведенія новыхъ временъ, особенно ближайшей изъ нихъ эпохи, уступаютъ римскимъ и греческимъ?“ Для чего же такое предпочтеніе древнимъ литературамъ? Это все равно, что изъ любви къ старомоднымъ экипажамъ путешествовать въ колымагѣ, съ рискомъ завязнуть въ грязи и поломать себѣ бокъ, когда можно сѣсть въ вагонъ и быстро и безопасно проѣхать то же пространство. „Въ средніе вѣка ученый былъ непремѣнно богословъ. По мѣрѣ того, какъ стали искать жизни и истины въ классической древности, въ основу науки положили классическую филологію. До конца XVIII вѣка не былъ мыслимъ ученый безъ латинскаго и греческаго языковъ. Но могущественныя пріобрѣтенія математики въ XVII и XVIII вѣкахъ заставили ее поставить на ряду съ филологіей. Поэтому, „древніе языки и математика“ сдѣлались девизомъ педагоговъ того времени. Въ нашъ вѣкъ естественныя науки, по точности метода, по блестящимъ результатамъ, по многочисленнымъ приложеніямъ, стали такъ высоко, что затмили собою преобладающія знанія. О классической филологіи говорится уже весьма двусмысленно даже ея приверженцами; она видитъ передъ собою перспективу сдѣлаться маленькимъ провинціальнымъ городомъ изъ столицы науки. Сравнительная филологія грозитъ ее поглотить въ весьма непродолжительномъ времени“. Времена мѣняются. Какъ создавать классическую школу въ нашу эпоху, когда преподаватели уже не могутъ „проникнуться тѣмъ духомъ древности, который создалъ въ XV и XVI вѣкахъ цивилизацію Европы“? Говорятъ, что если мы не получимъ филологическаго образованія, какъ это было въ Западной Европѣ, то „въ нашемъ духовномъ развитіи всегда будетъ чувствоваться недостатокъ общечеловѣческихъ началъ. Но если всѣ народы и общества должны такъ педантически проходить чрезъ одинаковые фазисы, то не слѣдуетъ строить и желѣзныхъ дорогъ тамъ, гдѣ не было шоссейныхъ“. И на западѣ классицизмъ—только школьная привычка, которую пора оставить. Да ее уже и оставляютъ. „Въ Германіи гуманисты еще удерживаютъ за собой поле сраженія, зато во Франціи и особенно въ Бельгіи реальное направленіе вообще преоб-

ладаетъ надъ гуманнымъ, да и въ Англіи изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ господствуетъ преимущественно въ старинныхъ аристократическихъ университетахъ и школахъ, и то болѣе практическое, чѣмъ филологическое". Притомъ, если Англія извлекаетъ пользу даже изъ классицизма, то этимъ она обязана не ему, а своему государственному и общественному строю.

Гуманисты толкуютъ о воспитаніи человѣка, о развитіи его духовныхъ силъ; но они „какъ-то странно отдѣляютъ природу отъ человѣка, ставятъ его внѣ міра явленій внѣшнихъ, какъ будто все наше сознаніе не отражаетъ этихъ явленій и то, что мы называемъ душою, характеромъ, мыслью, не есть произведеніе соединенныхъ силъ: природы, жизни, общества". Изолируя искусственно человѣка отъ всѣхъ окружающихъ его условій, гуманисты такъ же искусственно стараются заглушить въ человѣкѣ естественные запросы его ума и привить вмѣсто нихъ другіе, естественно не возникающіе. „Дитя прежде всего и безсознательно принимаетъ впечатлѣнія природы внѣшней: отъ нихъ впервые пробуждается и мысль. Чтобы мысль пошла правильнымъ путемъ, не естественно ли дать ей тотъ самый матеріалъ, котораго она наиболѣе требуетъ?"

Но предположимъ, что классицизмъ имѣетъ общеобразовательное значеніе, что оба древнихъ языка въ этомъ смыслѣ необходимы; стало-быть, древніе языки необходимы для всѣхъ. А въ такомъ случаѣ, какъ же можно допускать, какъ это дѣлаетъ министерскій проектъ, общеобразовательную школу безъ греческаго языка (реальная гимназія) и совсѣмъ безъ древнихъ языковъ (прогимназія)? Нѣтъ ни одного древняго языка и въ общеобразовательной женской школѣ. Ясное дѣло, что мертвые языки нужны лишь для спеціальнаго образованія.

Въ общеобразовательной школѣ „ихъ узаконили только привычка и рутина". Эта привычка и рутина не оправдывается своими результатами, тѣмъ, что она даетъ; „изъ многихъ тысячъ лицъ, получившихъ въ теченіе полувѣка образованіе въ нашихъ *свѣтскихъ* училищахъ всякаго рода и степени, сколько найдется такихъ, которыя могли бы понять латинскую или греческую устную рѣчь, которыя были бы въ состояніи прочитать, понять и перевести на русскій языкъ страницу самой легкой прозы толково и безошибочно? Не думаемъ, чтобы досчитались до ста. И для достиженія этого бѣднаго результата сколько потрачено времени, драгоцѣннаго для юношества! сколько издержано денегъ, которыя можно было бы употребить на что-нибудь полезное!"

Но не всѣ противники классицизма сходились въ томъ, какую же школу предпочесть. Не всѣ они были реалистами. Напротивъ, многіе были убѣжденными врагами реализма. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ, напримѣръ, Ушинскій. Споря съ Пироговымъ, указывая ему, что „не Греція и не Римъ, а христіанство составляетъ основу европейской жизни", что „душу человѣка надо развить сообразно съ ея природой, а душа человѣка родится

христіанской" (въ этомъ сходился съ нимъ и Пироговъ, считавшій, что „основою нашего воспитанія должно быть откровеніе, такъ какъ мы христіане"),—Ушинскій не менѣе рѣзко обрушивался и на реальную школу. „Реальное направленіе въ образованіи пагубно для человѣка, если онъ прежде не былъ развитъ гуманно; оно сушитъ, убиваетъ въ человѣкѣ человѣка". Идеалъ Ушинскаго — школа христіанско - гуманитарная, не классическая, но и не реальная. Вмѣсто древнихъ языковъ и математики въ ней должны быть изученіе природы и новыя литературы, а во главу всего образованія должно ставить религію. И Ушинскій не одинокъ въ этомъ своемъ убѣжденіи. Вотъ другой педагогъ—провинціальный директоръ гимназіи,—думающій точно такъ же. „Воспитаніе нравственныхъ началъ принадлежитъ тѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ міръ свободно-нравственныхъ явленій, міръ духа человѣческаго,—закону Божію, словесности, исторіи и языкознанію. Человѣкъ, исключительно преданный изученію вещества, легко дѣлается самъ вещественнымъ, легко усваиваетъ себѣ матеріальныя понятія, матеріальныя чувства. Наше общество страдаетъ и безъ того этою болѣзнью, и надобно опасаться, чтобы размноженіе училищъ съ преобладаніемъ реальныхъ наукъ не послужило къ усиленію недуга". Этихъ-то гуманистовъ всего больше боялись заядлые классики, ихъ мнѣніе они считали „особенно опаснымъ; оно подкрадывается, какъ тать, и производитъ раздѣленіе между самими гуманистами" (сторонниками и противниками *классическаго* гуманизма). Они влекутъ гуманистовъ во враждебный имъ лагерь реалистовъ, съ ихъ „пагубнымъ многоученіемъ". Но и реалисты не всегда оказывались сторонниками „многоученія". У Писарева въ его педагогическихъ журнальныхъ статьяхъ находимъ еще болѣе строгую концентрацію, чѣмъ у сторонниковъ классицизма; въ реальной школѣ должны остаться лишь математика и отечественный языкъ. Писаревъ вычеркиваетъ исторію, географію, химію и естественную исторію. Четыре предмета „отправлены въ изгнаніе" и „какіе же предметы, Боже мой, какіе очаровательные предметы!?"

Въ результатѣ оказывалось, что „большинство нашихъ педагоговъ, писателей, людей опыта и науки, склоняется къ предпочтенію литературы новой литературѣ древней, ученія реальнаго — классическому, вопреки опыту и убѣжденію другихъ странъ Европы". За классицизмъ было въ Россіи меньшинство; противъ классицизма — „большинство, близкое къ единогласію". Мы сейчасъ увидимъ, какъ повліяло это, признанное въ Ученомъ Комитетѣ, большинство на судьбу школы. По уставу 1828 г., латинскій языкъ начинался съ 1 класса 7-классной гимназіи, и ему отводилось 39 недѣльныхъ часовъ, греческій начинался съ 4 класса и имѣлъ 30 часовъ. По проекту 1860 г., латинскій языкъ вводился въ 8-классной гимназіи съ 3 класса и получалъ 30 часовъ, греческій—съ 5-го и имѣлъ $21^1/_4$ часа. На ряду съ „нормальной" гимназіей, вооруженной обоими древними языками,

проектъ допускалъ другую, ненормальную, безъ греческаго языка и съ уменьшеннымъ латинскимъ, но зато съ естествознаніемъ. Это была уступка реальному направленію. Въ 1862 г. министерство готово было итти на новыя уступки. По проекту 1862 г., гимназія распадалась на прогимназію и гимназію; въ прогимназіи не было совсѣмъ древнихъ языковъ; въ реальной гимназіи не было совсѣмъ греческаго, а на латинскій отводилось 18 часовъ всего; въ филологической—на латинскій языкъ 24 часа и на греческій—22. Притомъ, реальнымъ гимназіямъ предполагалось дать количественный перевѣсъ. Въ 1864 г., по утвержденному уставу, положеніе измѣнилось въ пользу классическихъ языковъ. Гимназія опять слилась съ прогимназіей въ одну 7-классную гимназію (4-классная прогимназія, равная 4 младшимъ классамъ гимназіи, могла существовать и отдѣльно). Черезъ всѣ 7 классовъ проходитъ латинскій языкъ и, начиная съ 3-го, греческій; на нихъ отводились $42^1/_2$ и 30 часовъ. Такъ было въ классической гимназіи (въ проектѣ названной филологической); рядомъ съ нею были гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальныя—безъ древнихъ языковъ, съ расширенными: математикой (больше на 3 часа), новыми языками (на 3—5 часовъ), физикой (на 3 часа) и естественной исторіей (на 17 часовъ). Но гимназій классическихъ съ обоими языками была половина всего числа, съ однимъ языкомъ—$^1/_4$, и на реальную отводилась также $^1/_4$ всего числа. Перевѣсъ получила нереальная гимназія. Въ то же время выходъ изъ реальной гимназіи въ университетъ былъ закрытъ; можно было поступать лишь въ спеціальныя высшія заведенія.

Такимъ образомъ, старая система была поколеблена очень мало. И реалисты и гуманисты добились слишкомъ ничтожныхъ уступокъ. Мертвые языки оставались на своихъ мѣстахъ, преграждая входъ въ университетъ представителямъ побѣжденной реальной школы.

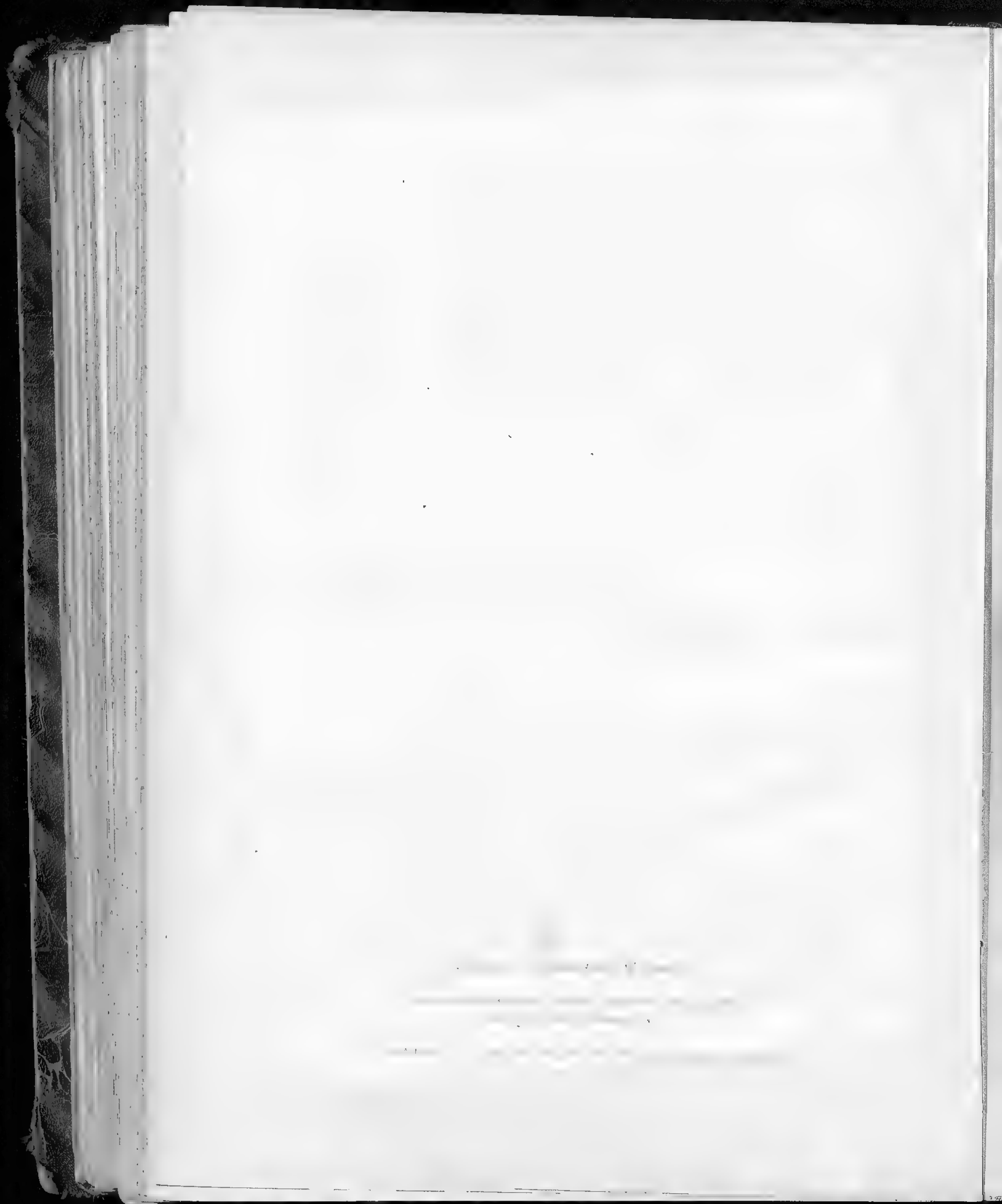
Борьба двухъ (и даже трехъ) направленій не кончилась побѣдой какого-нибудь одного изъ нихъ. Приходилось итти на компромиссъ, устраивать рядомъ и классическую и реальную школу. Между тѣмъ, школѣ ставилась не спеціальная, а общеобразовательная задача; задача эта была—воспитаніе человѣка. Въ этомъ пониманіи задачи школы сходились, повидимому, и педагоги и, шедшее на уступки имъ, министерство. Это была основная идея Пирогова. И въ объяснительной запискѣ 1862 г. министерство повторяло на всѣ лады эту идею. „Главная задача“ низшихъ и среднихъ училищъ есть „воспитаніе человѣка“. „Для достиженія такой высокой цѣли необходимо дать школѣ „характеръ общеобразовательный“. „Учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ“ (мужскія и женскія) имѣютъ одну задачу—общечеловѣческое воспитаніе. „Приготовленіе спеціалистовъ“ не можетъ быть задачей общеобразовательной школы, но и спеціалистамъ необходимо предварительное общее образованіе; оно даетъ имъ „несравненно болѣе ручательства за успѣшное изученіе избираемой ими спеціально-

8

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

Увеличенный снимокъ съ гравюры, исполненной Брокгаузомъ
(Историческій музей въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

сти". И въ объяснительной запискѣ къ проекту 1863 г. поддерживается та же мысль о важности общеобразовательной не-спеціальной школы. Гимназія должна дать учащимся „общее образованіе", а потому въ программу должны входить „только общеобразовательные предметы", „знакомящіе насъ съ Богомъ, съ человѣкомъ и съ природою, т.-е. съ тѣмъ именно кругомъ знаній, которыя должны составлять отличительный признакъ человѣка образованнаго, къ какой бы онъ спеціальности ни принадлежалъ". Поэтому, изъ учебнаго курса „устранены всѣ прикладныя науки, имѣющія сколько-нибудь утилитарный характеръ, какъ относящіяся къ области спеціальнаго, а не общаго образованія" и въ запискѣ 1864 г. задачей школы ставится „общее образованіе". Но эта общеобразовательная школа какимъ-то образомъ распадалась на 2 и даже на 3 школы.

Министерство оправдывало это раздѣленіе необходимостью избѣжать многопредметности. Въ объяснительной запискѣ 1862 г. оно признавало всѣ входящіе въ курсъ гимназій предметы общеобразовательными; всѣ они необходимы для полноты образованія; если приходится ихъ дѣлить, такъ это потому, что „развивать учащихся посредствомъ всѣхъ этихъ предметовъ въ одномъ учебномъ заведеніи было бы крайне трудно и даже невозможно". Это создало бы такую многопредметность, что „ученикамъ пришлось бы схватывать только верхушки каждаго предмета, къ явному вреду для своего развитія, или употреблять нечеловѣческія усилія для яснаго уразумѣнія всего проходимаго въ классѣ, или, бросивъ вовсе нѣкоторые предметы, обратить усиленное вниманіе на остальные, или, наконецъ, упавши подъ бременемъ непомѣрной тяжести, оставить вовсе ученіе и перейти въ разрядъ неуспѣшныхъ". Нарисовавъ столь ужасный рядъ картинъ, объяснительная записка и предлагаетъ спасительное дѣленіе. Тѣ же соображенія повторены вкратцѣ и въ запискѣ 1863 и 1864 гг. Правительство ни за что не хотѣло „попасть на прежнюю ложную дорогу поверхностнаго энциклопедизма". Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство заявляло, что допущенное имъ дѣленіе допущено въ видѣ опыта, лишь для пробы: „Время лучше всего покажетъ, какія гимназіи на дѣлѣ окажутся у насъ, по нашимъ средствамъ, болѣе возможными и болѣе полезными; какія должны получить преобладаніе или совершенный перевѣсъ".

Какъ бы то ни было, общеобразовательной школы при такихъ условіяхъ не получалось; не получалось, слѣдовательно, и воспитанія человѣка. Министерство уклонилось отъ имъ же себѣ поставленной задачи,— заявляли ему рецензенты,—оно не только создаетъ двѣ разныхъ школы, но и даетъ имъ обѣимъ спеціальное назначеніе. Обѣ будутъ готовить къ университету: одна—къ филологическому факультету, другая—къ физико-математическому; гдѣ будутъ готовиться юристы и медики— неизвѣстно. И эта спеціализація проходитъ черезъ всю школу, сверху донизу; она начинается съ самаго младшаго класса. Какъ можно для поступающаго въ 1 классъ мальчика

заранѣе опредѣлить его спеціальность? Если въ школѣ нужна бифуркація, то допустить ее можно лишь въ старшихъ классахъ.

Не достигалась, повидимому, и та цѣль, во имя которой дѣлилась школа. Рецензенты находили, что и въ предлагаемой новой школѣ слишкомъ еще велика многопредметность. „Число наукъ, призванныхъ воспитать человѣка, не уменьшилось". Ученикамъ гимназіи попрежнему „нѣтъ возможности сосредоточиться, подумать серьезно, углубиться спокойно въ изучаемый предметъ. Надъ ними будетъ тяготѣть то же проклятіе, какое лежитъ на нынѣшнихъ—дѣлать многое, но ничего не сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Они вынесутъ изъ школы разнообразныя знанія, но не прочныя, не переработанныя въ лабораторіи самостоятельнаго мышленія, не связанныя между собой органически, а потому безполезныя и обреченныя на скорое забвеніе". Такъ писалъ министерству одинъ провинціальный директоръ. То же самое доказывалъ въ своихъ статьяхъ Писаревъ.

И въ женской школѣ, какъ въ мужской, пересматривались учебныя программы. Тутъ не было борьбы реалистовъ съ сторонниками классицизма; дѣло было гораздо проще: надо было отвоевать наукамъ вообще подобающее имъ въ школѣ мѣсто. Мы видѣли, что собой представляла институтская образовательная программа въ предшествующія эпохи. Теперь въ ней были допущены существенныя перемѣны. Ушинскому было поручено начертать новую программу. Ушинскій прежде всего долженъ былъ усилить русскій языкъ, почти отсутствовавшій въ институтахъ; онъ отвелъ русскому языку небывалое количество часовъ (прежде ту же роль игралъ французскій), при чемъ курсъ грамматики сокращался, а литература должна была проходиться по образцамъ. По иностраннымъ языкамъ также сокращалась грамматика и выбрасывались біографическія подробности о „писателяхъ устарѣвшихъ". По географіи требовалось давать живую картину разныхъ странъ; ариѳметику начинали съ именованныхъ чиселъ, а не съ отвлеченныхъ, какъ было прежде. Изъ исторіи выкидывались хронологическія таблицы и политическія подробности и впередъ выдвигалось все касавшееся женщины и семейной жизни. Такъ, при всей новизнѣ этой программы, изъ нея все еще выглядывали и спеціально женское образованіе Маріи Ѳедоровны, и „тихія семейныя добродѣтели", передавшіяся и маріинскимъ гимназіямъ.

И въ маріинскихъ женскихъ гимназіяхъ приходилось прежде всего убрать языки; ихъ сосредоточили въ младшихъ классахъ; здѣсь позволили имъ господствовать и преобладать. Въ старшихъ классахъ должны были преобладать науки; на научные предметы отводилось больше часовъ, чѣмъ въ институтахъ. Въ министерскихъ женскихъ гимназіяхъ иностранные языки были сдѣланы совсѣмъ необязательными.

VIII.

Тѣлесныя наказанія.

Безъ главы о тѣлесныхъ наказаніяхъ нельзя обойтись въ исторіи средней школы, особенно русской средней школы, и исторія ихъ настолько характерна, что ей слѣдуетъ отвести особое мѣсто и отдѣльную главу.

Припомнимъ школу Петра Великаго, гдѣ у классной стѣны стоялъ неизмѣнно солдатъ съ хлыстомъ; припомнимъ шляхетскій корпусъ Анны, гдѣ провинившихся кадетъ публично драли кошками. Зато въ екатерининской, какъ сословной, такъ и народной школѣ, тѣлесныя наказанія запрещены—на бумагѣ—безусловно, „какого бы рода они ни были". Въ 1794 г. запрещены учителямъ даже „всѣ посрамляющія и честь поносящія униженія, какъ-то: ослиныя уши, названіе скотины и т. п.". Тѣлесныя наказанія были запрещены и при Александрѣ I. Но на практикѣ вывести ихъ изъ школы не удавалось.

Мы имѣемъ министерскій циркуляръ Разумовскаго отъ 1811 г., въ которомъ значится: „Училищными постановленіями всякія тѣлесныя наказанія учениковъ запрещены. Между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что нѣкоторые директора, смотрители, учителя, гувернеры и содержатели пансіоновъ дѣлаютъ оныя и даже съ ожесточеніемъ, безъ вѣдома высшаго начальства и безъ согласія родителей и родственниковъ. А какъ сіе противно доброму воспитанію, то я..." и т. д. Виновному въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній министръ грозилъ отрѣшеніемъ отъ должности. Но затѣмъ произошло и офиціальное возвращеніе въ школу тѣлесныхъ наказаній.

Въ женской школѣ розги воскресли при первой же преемницѣ Екатерины, Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ томъ же 1811 году, когда Разумовскій напоминалъ по своему министерству о запрещеніи тѣлесныхъ наказаній, Марія Ѳеодоровна разрѣшала ихъ въ своемъ вѣдомствѣ, хотя лишь въ крайности, съ большой умѣренностью и не иначе, какъ сохраняя всю благопристойность. „Въ крайнихъ случаяхъ нельзя не допустить, по сущей необходимости, тѣлесныхъ исправительныхъ средствъ, именно розгой", писала Марія Ѳеодоровна въ одной инструкціи.

Со всѣми оговорками розга вводилась въ женскую школу. При этомъ роль ея варіировалась: въ одномъ какомъ-то институтѣ розгу прикалывали воспитанницѣ къ плечу; въ другомъ воспитанницъ публично сѣкли, а въ Смольномъ даже „съ большой торжественностью".

При Николаѣ I розга царитъ и въ женской школѣ и въ мужской. Въ мужскую школу, и въ томъ числѣ гимназію, ввелъ розгу уставъ 1828 г. Въ этомъ уставѣ перечисляются всѣ мѣры исправленій, которыя могутъ быть допущены въ гимназіи. „Въ случаѣ недѣйствительности сихъ средствъ исправленій, совѣтъ гимназіи по необходимости опредѣляетъ наказаніе розгами. Учениковъ наказываютъ розгою не иначе, какъ въ присутствіи инспектора и въ особомъ мѣстѣ. Сіе допускается только

въ первыхъ 3-хъ классахъ. Въ высшихъ за проступки, кои могли бы подвергнуть наказанію сего рода, учениковъ исключаютъ изъ гимназіи". Черезъ 10 лѣтъ, въ 1838 г., кіевскій попечитель ходатайствовалъ передъ министерствомъ о разрѣшеніи подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ и воспитанниковъ 4-хъ старшихъ классовъ гимназіи, чтобы не прибѣгать къ болѣе серьезному—исключенію. Министръ разрѣшилъ ему это дѣлать, въ крайнихъ, конечно, случаяхъ, при томъ, съ согласія родителей.

Какъ примѣнялись тѣлесныя наказанія на практикѣ, разсказываютъ лучше всего люди сами ихъ испытавшіе.

Вотъ, напримѣръ, такой разсказъ: „Розги покупались возами, и это гнусное наказаніе производилось еженедѣльно по средамъ и субботамъ. Высшіе классы, начиная съ 4-го, подвергались этому наказанію лишь въ исключительныхъ случаяхъ; зато первымъ тремъ классамъ не прощались провинности; всякій, получившій въ субботу, понедѣльникъ или во вторникъ единицу или же записанный въ журналъ за шалость, былъ высѣченъ въ среду, а провинившихся въ среду, четвергъ или пятницу сѣкли по субботамъ. При чемъ не допускались апелляціи или вопросъ: „за что?"— „Самъ знаешь!" былъ обычный отвѣтъ. „О томъ, какъ однажды его самого наказали розгой, авторъ воспоминаній 50 лѣтъ спустя не можетъ вспомнить безъ ужаса. Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Онъ лишилъ бы себя жизни, если бы зналъ, какъ это сдѣлать. Замираніе сердца ему теперь еще памятно... Защитники этого гнуснаго наказанія, конечно, не испытали его на себѣ".

Очевидцы этихъ наказаній въ русской школѣ разсказываютъ, какъ происходилъ самый обрядъ сѣченія, какъ провинившагося мальчугана клали на лавку передъ всѣми товарищами, какъ гимназическіе солдаты держали его за плечи и за ноги, чтобы онъ не вырвался, и какъ извивалось подъ розгой все тѣло наказываемаго. „Чего вы хотите?" спрашивалъ Пироговъ педагоговъ, сѣкущихъ въ присутствіи класса. „Чего вы хотите? поселить въ присутствующихъ отвращеніе къ наказанному? Да вы поселяете одно отвращеніе къ наказующему. Вы хотите возбудить отвращеніе къ виновному? Но вы возбуждаете къ нему сочувствіе. Развѣ можно, не огрубѣвъ душевно, безъ сожалѣнія слушать вопли и смотрѣть на борьбу сильнаго съ безсильнымъ"?

Въ женской школѣ создался въ это время цѣлый уголовный кодексъ. Къ числу наказаній, на воспитанницъ институтовъ налагаемыхъ ихъ начальствомъ, принадлежали: замѣчаніе, выговоръ, лишеніе шнурковъ и бантовъ, дававшихся въ знакъ одобреній, языкъ, надѣвавшійся за разговоръ по-русски, лишеніе права причесаться, какъ всѣ другія причесывались, лишеніе передника, стояніе за столомъ и за чернымъ столомъ во время обѣда. Въ одномъ институтѣ виновную воспитанницу приводили въ классъ во время урока, обернутую въ мокрую простыню. Въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ самымъ крайнимъ нака-

заніемъ считался „тиковый передникъ“. „Кто одинъ разъ его заслужилъ, на томъ лежала печать отверженія. Объ этомъ передникѣ говорили только шопотомъ“.

Тѣлесныя наказанія практиковались въ разныхъ институтахъ. Про харьковскую начальницу ходили слухи, что она „рукой служанокъ“ сѣчетъ и взрослыхъ воспитанницъ. Губернскій предводитель внесъ записку на этотъ счетъ въ совѣтъ, но генералъ-губернаторъ запретилъ ее разсматривать. Въ Смольномъ былъ даже такой случай, что классная дама собственноручно высѣкла одну воспитанницу розгой въ утро передъ ея причастіемъ.

Потребовались новыя вѣянія, вѣянія 60 годовъ, чтобы снова вывести розгу изъ школы. Какъ нелегко было сдѣлать это, видно изъ опыта, произведеннаго Пироговымъ въ его кіевскомъ учебномъ округѣ. Пироговъ запросилъ педагогическіе совѣты своего округа, нельзя ли въ нашихъ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу? На этотъ вопросъ большинство отвѣтило отрицательно. Тогда Пироговъ ввелъ свой гимназическій кодексъ—правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. Кодексъ сокращалъ случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній и регламентировалъ ихъ, устраняя начальственный произволъ. Въ результатѣ тѣлесныя наказанія не исчезли, но ослабѣли въ 20 разъ. Въ цифрахъ, приведенныхъ самимъ Пироговымъ, мы имѣемъ сравнительную картину и успѣха его кодекса, и господства розги до его введенія. Изъ этихъ цифръ видно, что въ 11 гимназіяхъ кіевскаго округа подверглись тѣлесному наказанію: до кодекса изъ 4109—551; послѣ его введенія изъ 4310—27, не свыше 10 ударовъ каждый. По отдѣльнымъ гимназіямъ: въ бѣлоцерковской, полтавской и волынской до кодекса было высѣчено изъ 220—38, изъ 399—39 и изъ 600—290; послѣ введенія кодекса въ тѣхъ же гимназіяхъ изъ 266—ни одного, изъ 338—ни одного и изъ 635—5.

Война розгѣ была объявлена министерствомъ Головнина. „На нравственное воспитаніе учащихся учитель долженъ дѣйствовать преимущественно собственнымъ примѣромъ строгаго порядка, справедливости и уваженія къ закону. Мѣры, принимаемыя имъ для исправленія виновныхъ, должны развивать и укрѣплять нравственное чувство, а потому тѣлесныя наказанія ни въ коемъ случаѣ не допускаются ни въ одномъ учебномъ заведеніи мин. нар. пр.“.

Такъ говорило министерство въ проектѣ 1862 г. „Наказаніе розгами составляетъ самое дурное и самое ненадежное средство для воспитанія человѣка. Розги внушаютъ страхъ; инстинктъ ребенка возмущенъ; онъ постарается на будущее время, но о чемъ постарается? О томъ, чтобы экзекуція не повторилась, но вовсе не о томъ, чтобы не повторился его дурной поступокъ. Если онъ найдетъ возможность быть лѣнивымъ или сдѣлать проступокъ тайно, то онъ это и сдѣлаетъ. Наконецъ, кто можетъ опредѣлить, насколько виновенъ воспитанникъ въ своихъ дурныхъ наклонностяхъ и насколько самъ педагогъ; справедливо ли наказывать воспитанника

за то, въ чемъ, неизвѣстно, одинъ ли онъ виноватъ? Можно ли примѣнить уголовный кодексъ государственной жизни къ жизни школы?"

Но отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ русской школѣ, провозглашенная въ проектѣ съ такою торжественностью, подверглась жестокой критикѣ педагоговъ Западной Европы. Изъ 28 приславшихъ министерству свои отзывы только одинъ директоръ мюнстербергской семинаріи Бокъ, послѣ долгихъ и большихъ сомнѣній и опасеній, сказалъ „аминь" этой отмѣнѣ. Изъ остальныхъ 27-ми 9 совсѣмъ по этому вопросу не высказались; 18 стояли за тѣлесныя наказанія Необходимость ихъ сохраненія они доказывали и ссылками на примѣры европейскихъ странъ, нѣмецкихъ государствъ, Пруссіи и особенно Англіи; и ссылками на Библію, на ея простыя правила; говорили и то, что безъ розги не обойтись, что отъ ея отмѣны пострадаетъ порядокъ въ классѣ. Эта отмѣна „не шагъ, а прыжокъ", „идеальный взглядъ", „филантропическая поверхностность". Доказывали, наконецъ, что оплеуха „отмыкаетъ поле для раскаянія", что она „кончаетъ дѣло тихо и быстро"; что „боль розги развиваетъ нравственное чувство и весьма часто лучше всего другого пробуждаетъ совѣсть".

Точно такъ же стали горой за розгу и русскіе педагоги. Только немногія гимназіи были противъ тѣлеснаго наказанія. Кейданская гимназія въ Литвѣ соглашалась допускать сѣченіе въ крайнемъ случаѣ, но не иначе, какъ въ присутствіи родителей или попечителя училища. Томская затруднялась только рѣшить вопросъ, что подлежитъ отмѣнѣ: только ли розга (съ этимъ соглашались всѣ), или и ставленіе на колѣни, оставленіе безъ обѣда и т. п., какъ тоже своего рода тѣлесныя наказанія? За отмѣну и этихъ всѣхъ наказаній было изъ 8-ми 5 педагоговъ, съ директоромъ и законоучителемъ во главѣ; старшій учитель набросалъ списокъ наказаній, подлежавшихъ изгнанію изъ школы. Симферопольская гимназія присоединилась къ проекту единодушно. Кишиневская даже находила нужнымъ, чтобы и окончившихъ курсъ послѣ не подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ: „мы считаемъ совершенно нелогичнымъ не сѣчь дѣтей, а сѣчь взрослыхъ". Орловская не шла такъ далеко, но отвергая розгу, отвергала также и другія „*грубыя* наказанія", „соединенныя со страданіемъ и утомленіемъ тѣла"; меньшинство стояло даже за отмѣну всякихъ наказаній, наградъ и поощреній. Полтавская просто „вполнѣ соглашалась" съ проектомъ. Соглашалась и витебская.

Изъ отдѣльныхъ педагоговъ за отмѣну розги высказывались лишь весьма немногіе. Во всѣхъ 6 томахъ рецензій на проектъ 1862 г. наберется очень мало отдѣльныхъ противниковъ розги. Одинъ директоръ, одинъ учитель, одинъ и. д. учителя—вотъ, кажется, и всѣ. Подавляющее большинство и совѣтовъ и педагоговъ было противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Тутъ были обычныя ссылки на примѣръ европейскихъ странъ и даже Англіи, гдѣ не только сѣкутъ, но и бьютъ палкой, гдѣ педагоги „не сдѣлались еще поклон-

никами человѣческаго тѣла, не ставятъ тѣла воспитанника выше его души и не допускаютъ, въ какомъ-то ослѣпленіи, рѣшительной погибели души младенца, чтобы спасти его тѣло отъ наказаній". Англичане хорошо знаютъ, въ чемъ тайна воспитанія, и въ отвѣтъ на подобный вопросъ, указываютъ на березовую рощу.

Лица, признававшія, что розгу слѣдуетъ отмѣнить, находили, что это нужно сдѣлать лишь постепенно, что на первое время достаточно вернуться къ уставу 1828 г., запрещавшему тѣлесныя наказанія для старшихъ классовъ, что надо, чтобы сначала очистились, облагородились общественные и семейные нравы, что нужно перевоспитать наше поколѣніе, а если отмѣнить такъ, сразу, ученики начнутъ сейчасъ же препираться о своихъ правахъ. Другіе находили, что нужно бороться только съ злоупотребленіями розгой, что сѣчь должно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда уже исчерпаны всѣ иныя мѣры, что для сѣченія нужно просить согласія попечителя и законоучителя училища; но если сразу и совсѣмъ запретить розгу, дѣло сведется лишь къ тому, что учителя вмѣсто розги начнутъ драть за уши, за волосы и т. п. Что безъ розги нельзя обойтись въ школѣ, гдѣ 400 — 600 учащихся, что нельзя не сѣчь еще и потому, что въ дѣтяхъ еще сильна животность, животная натура, что только черезъ тѣло мальчика и можно дѣйствовать на его разумъ, что надо сначала воспитать въ человѣкѣ нравственное чувство (сѣченіемъ его въ младшихъ классахъ, а потомъ уже въ старшихъ классахъ — беречься оскорбить его). То, что можно сказать противъ тѣлесныхъ наказаній, можно привести и противъ наказаній вообще; а возможно ли отмѣнить ихъ всѣ? Право наказаній входитъ въ понятіе отцовскаго права, и учитель имѣетъ это право, переданное ему отцомъ воспитанника; ни одинъ отецъ не откажется отъ права наказывать своего сына; почему же лишать этого права учителя? Развѣ не слѣдуетъ уже въ молодыя лѣта строго наказывать за намѣренную дерзость? Это же говоритъ въ своей „Педагогикѣ" и истинно-гуманный профессоръ Негельсбахъ; что можно прибавить къ высказаннымъ имъ истинамъ? Если есть дурные педагоги, злоупотреблющіе розгой, то надо только прогнать ихъ; но зачѣмъ же отнимать розгу у хорошихъ педагоговъ? Никакъ не слѣдуетъ связывать педагога подобными запретами; „связанный по рукамъ и ногамъ, онъ сдѣлается, можетъ быть, предметомъ сожалѣнія, но никогда не сдѣлается предметомъ любви и уваженія". Ученики станутъ сожалѣть своего учителя, лишеннаго права сѣчь этихъ учениковъ: дальше этого не простиралась, кажется, еще ничья аргументація; изобрѣтателемъ ея былъ петербургскій директоръ Лемоніусъ. Но старшій учитель виленской гимназіи Здановичъ пошелъ, кажется, еще дальше: „розга въ учебномъ заведеніи то же, что непреложность законовъ въ матеріальномъ мірѣ; розга—это „неумолимость, непреложность законовъ нравственнаго міра. Какъ природа немедленно наказываетъ всякаго за поруганіе своихъ правъ, такъ и нравственность

имѣетъ своего мстителя въ розгѣ". Послышался, наконецъ, голосъ поневѣжскаго директора Малиновскаго, доказывавшаго, что, запрещая тѣлесныя наказанія, законъ вмѣшивается не въ свое дѣло; „педагогика сама знаетъ, когда нужно употребить тотъ или другой способъ для исправленія учащихся". Это дѣло не законодателя, а педагогическихъ совѣтовъ. Такъ же думалъ и виленскій попечитель.

Обратимся теперь къ новому проекту, выработанному въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій въ 1863 г.

Никакихъ громовъ противъ розги нѣтъ больше ни въ самомъ проектѣ ни въ объяснительной къ нему запискѣ. Вмѣсто того находимъ сухое указаніе, что „мѣры взысканій съ учениковъ опредѣляются мѣстными педагогическими совѣтами; высшую степень наказанія составляетъ исключеніе изъ заведенія, дѣлаемое всякій разъ не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта". „Только при такой системѣ можно оцѣнить вѣрно силу воспитательнаго таланта педагоговъ каждой гимназіи, по употребляемымъ ими средствамъ воспитанія учащихся". И въ уставѣ 1864 г. находимъ только § правилъ о взысканіяхъ, составляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ.

IX.

Заключеніе.

60-е годы внесли мало новаго въ жизнь русской школы. Правда, они думали перестроить старую мужскую школу по новому образцу,—но перестроили ее почти цѣликомъ по образцу 1828 года. Правда, они создали два ряда новыхъ женскихъ школъ, но признали для женской школы не совсѣмъ ту задачу, какая ставилась мужской школѣ, не ввели женщину въ одну школу съ мужчиной. Правда, они нанесли ударъ старой закрытой и сословной школѣ, но разрушали ее не столько, какъ закрытую и сословную, сколько какъ дорогую школу, и не разрушили ея совсѣмъ. Правда, они создали новую школу всесословную; но входныя двери повертывались на своихъ петляхъ съ большимъ трудомъ, и далеко не сразу раскрылись во всю ширь всесословной школы; къ тому же эта школа не была безплатной. Правда, въ школу проникли новые люди съ новыми, педагогическими, а не полицейскими, идеями. Но мы видѣли, какая роль отводилась въ школѣ самимъ этимъ педагогамъ. Видѣли, какъ исполнялись ихъ требованія, выраженныя въ рецензіяхъ. Видѣли, какъ расширялась власть педагогическаго совѣта.

Въ результатѣ, новыя школы были слишкомъ мало новыми, слишкомъ сильно напоминали старыя школы. Такъ было и въ мужскихъ, и въ женскихъ школахъ; всего больше сохранилось стараго въ женскихъ институтахъ. Здѣсь была все та же „желѣзная дисциплина", все та же „китайская стѣна" отдѣляла институтокъ отъ всего міра. И сюда черезъ эту китайскую стѣну проникали новыя идеи, новыя книги. Въ руки воспитанницъ попадали

Бѣлинскій и Герценъ. Но читать ихъ было трудно. Бѣлинскаго читали, „скрывшись въ умывальникѣ или ночью у ночника".—„Всѣми неправдами слѣдили мы за текущей литературой",—вспоминаетъ воспитанница выпуска 1863 г. „Мы поглощали ее (эту литературу) съ лихорадочной жадностью,—ночью, лежа подъ кроватью, при свѣтѣ потайного фонаря".

Измѣнились нѣсколько програмы школъ. Въ мужской школѣ, на ряду съ торжествующимъ классицизмомъ, было отведено небольшое мѣсто и для реальныхъ знаній. Въ институтахъ пересмотрѣна программа; въ женскихъ гимназіяхъ заново составлена. Въ мужскихъ гимназіяхъ упразднены переводные экзамены и замѣнены переводомъ по годовымъ отмѣткамъ (экзамены сохранены лишь для учениковъ сомнительныхъ); въ институтахъ—уничтожены публичные экзамены. Но методы почти вездѣ остались старые; попрежнему царила безсмысленная зубрежка. Въ институтахъ классныя дамы заставляли воспитанницъ въ праздничные дни и во время вакацій заучивать французскія слова—подъ рядъ, одно за другимъ, по лексикону Рейфа;—„и наши юныя головы поглотили изъ сей премудрости слова первыхъ пяти буквъ", разсказываетъ воспитанница выпуска 1863 г.

Скоро должно было кончиться и то новое, что вошло въ школу въ 60-е годы. Въ 1862 г. были уволены изъ институтовъ Ушинскій и Водовозовъ, въ 1867 г. долженъ былъ уйти организаторъ маріинскихъ женскихъ гимназій, ихъ творецъ Вышнеградскій. Съ 1864 г. началъ писать свои циркуляры принцъ Ольденбургскій. Въ этихъ циркулярахъ учителямъ предписывалось всюду указывать Премудрость Божію, ходить неуклонно къ церковнымъ службамъ; классныя дамы должны были доносить на учителей, если не хотѣли сами подвергнуться увольненію, какъ сообщницы. „Люди иныхъ убѣжденій" приглашались сами покинуть службу въ учебныхъ заведеніяхъ, если не хотѣли быть уволенными; они не могли быть дольше терпимы на этой службѣ. Вернулась реакція и въ другое учебное вѣдомство. Въ 1866 г. получилъ отставку Головнинъ; его мѣсто занялъ графъ Д. Толстой.

—

ГЛАВА XI.

Университеты въ Россіи въ эпоху 60-хъ годовъ.

(И. Н. Бороздина).

Въ новый фазисъ своего развитія вступаетъ исторія университетовъ съ наступленіемъ новаго царствованія. Крымская кампанія подвела краснорѣчивый и убѣдительный итогъ прошлаго и поставила на

очередь рядъ новыхъ неотложныхъ вопросовъ, рядъ важныхъ и сложныхъ проблемъ. Государственный механизмъ, казавшійся столь стройнымъ съ показной стороны, оказался негоднымъ съ начала до конца; внѣшній разгромъ ускорилъ и обострилъ процессъ внутренняго разложенія. Для возстановленія порядка, для правильнаго функціонированія расшатаннаго государственнаго механизма необходимы были реформы, цѣлый рядъ реформъ...

Наступившая новая эпоха ярко отражаетъ въ себѣ и происходящій переломъ въ экономическихъ отношеніяхъ и крупныя измѣненія въ общественныхъ группировкахъ. Основной тонъ всему совершающемуся даетъ ликвидація феодально-патріархальнаго строя, паденіе крѣпостническаго хозяйства. Растущій капитализмъ разрушаетъ старыя изолированныя „ойкосныя“ хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ сводитъ на нѣтъ нѣкоторыя особыя хозяйственныя и соціальныя привиллегіи „государей-помѣщиковъ“. Русскій феодалъ, подъ принудительнымъ вліяніемъ сложившихся отношеній, долженъ отказываться отъ патріархальныхъ идиллій минувшаго и искать новыхъ исходовъ. Новое экономическое развитіе ширится и растетъ, нанося смертельные удары разлагающемуся натуральному хозяйству; фабрично-заводская промышленность захватываетъ все большіе и большіе районы. Съ опредѣленными интересами и требованіями выступаетъ буржуазія, и къ ея голосу во многихъ отношеніяхъ теперь должно прислушиваться помѣстное дворянство. Совершающаяся экономическая эволюція находитъ себѣ отраженіе и въ общественной идеологіи. Всѣ классы русскаго общества находятся въ броженіи, происходитъ крупная и рѣзкая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Окончательная разруха правительственной машины заставляетъ всѣхъ и каждаго выступать съ своими планами и пожеланіями. Выступаетъ съ олигархическими замыслами крупно-землевладѣльческая аристократія, дѣлающая попытку сторицей получить за ликвидацію феодализма; съ либеральными требованіями идутъ представители другой части дворянства, стремящіеся увѣнчать зданіе умѣренной конституціей. Характерной и интересной фигурой русской общественности того времени является „кающійся дворянинъ“. Съ другой стороны, въ кадрахъ интеллигенціи выступаетъ „разночинецъ“, не желающій останавливаться на полъ-дорогѣ и требующій движенія впередъ. Въ горнилѣ общественныхъ катастрофъ и испытаній выковывается соціалистическая мысль и отъ теоретическихъ построеній дѣлаются попытки перехода къ практическому осуществленію идеаловъ общественнаго переустройства. Выпрямляетъ свою спину и задавленный государствомъ и помѣщиками крестьянинъ; его грозное проклятіе постылому прошлому и нерадостному настоящему выражается въ безсистемныхъ и почти всегда оканчивавшихся неудачей, но полныхъ глубокаго драматизма „мужицкихъ“ бунтахъ и возстаніяхъ.

Правительство силой вещей вынуждено стать реформаторомъ, но, при проведеніи своихъ начинаній, оно всегда старается поставить скры-

тые тормазы. Каждое правительственное движеніе впередъ сопровождается рефлективнымъ движеніемъ назадъ, и очень часто жестокій ураганъ реакціи сметаетъ всѣ недавніе либеральные посѣвы. Но въ общемъ, суровая и злая зима кончилась, ледъ тронулся, наступило время „ледохода", время широкихъ разливовъ и самыхъ раннихъ проявленій „весны"... Съ новымъ царствованіемъ наступаетъ и такъ называемая „эпоха великихъ реформъ". Превосходную характеристику новой эпохи даетъ въ слѣдующихъ словахъ Герценъ: „Новое время сказалось во всемъ, въ правительствѣ, въ литературѣ, въ обществѣ, въ народѣ. Много было неловкаго, неискренняго, смутнаго, но всѣ чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идемъ. Нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны — къ гласности, страна крѣпостного рабства—роптать на ошейникъ. Правительство дѣлало, какъ іерусалимскіе паломники, слишкомъ много нагрѣшившіе, три шага впередъ и два назадъ, одинъ все же оставался..."

1.

Въ рядѣ другихъ неотложныхъ и важныхъ вопросовъ реорганизаціи государственнаго и общественнаго строя стоитъ и вопросъ о судьбахъ высшаго образованія—вопросъ объ университетской реформѣ. Въ нашей первой статьѣ *), посвященной исторіи университетовъ въ первой половинѣ XIX вѣка, было указано, какое тяжелое и болѣзненное состояніе переживали университеты въ послѣдній періодъ николаевскаго правленія. Зловѣщая паутина реакціи опутывала всякое активное проявленіе общественной и научной мысли и заставляла безсильно умолкать всякое смѣлое проявленіе общественной совѣсти и сознанія. Государственнымъ дѣятелямъ конца 40-хъ годовъ, стоявшимъ у кормила правленія, казались недостаточными ограниченія устава 1835 года и, при наличности дѣйствія этого октроированнаго устава, были введены чрезвычайныя мѣры. Нормальная жизнь университетовъ, претерпѣвшая рядъ покушеній на свое существованіе, находилась въ состояніи остраго болѣзненнаго кризиса. Но съ 1856 года постепенно начинаетъ возстановляться порядокъ въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ году по высочайшему повелѣнію прекращается преподаваніе въ столичныхъ университетахъ военныхъ наукъ и экзерцицій, введенныхъ во время войны. Въ 1857 году возстановлено преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ; въ слѣдующемъ году разрѣшаются публичныя лекціи для постороннихъ слушателей. Наконецъ, въ 1860 году благополучно разрѣшается вопросъ о возстановленіи самостоятельной каѳедры философіи. Предшествующій десятилѣтній опытъ доказалъ всю абсурдность соединеннаго преподаванія философіи, психологіи и логики съ богословіемъ. Ходатайство попечителей учебныхъ округовъ о возстановленіи самостоятельной каѳедры философіи было разсмотрѣно въ главномъ правленіи училищъ, которое присоединилось

*) См. главу X 1-ой части.

къ заключенію департамента, гласившему: „что при совершенномъ измѣненіи теперь направленія современныхъ идей, вполнѣ отражающихъ въ себѣ чисто-утилитарныя стремленія вѣка, не представляется никакихъ препятствій къ возстановленію преподаванія философіи, если не въ полномъ ея объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ одной ея части—исторіи философіи, какъ науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предразсудки и стремленія къ матеріализму“. Надо къ этому добавить, что и представители высшей іерархіи—митрополиты московскій и кіевскій ходатайствовали объ освобожденіи профессоровъ богословія отъ преподаванія философскихъ дисциплинъ. Въ это же время возстановляется публичность диспутовъ и университеты получаютъ право выписывать изъ за границы книги и изданія безъ разсмотрѣнія ихъ цензурой. Еще въ 1856 г. харьковскій и кіевскій учебные округа, отданные подъ опеку генералъ-губернаторовъ, были возвращены подъ управленіе попечителей. По высочайшему повелѣнію 13 мая 1861 года было возстановлено избраніе ректора и проректора; въ томъ же году повелѣно было пересмотрѣть инструкціи ректору и деканамъ.

Таковы были первыя начинанія новаго царствованія. Но это были только палліативы; необходимо было произвести общую коренную реформу, старый уставъ съ самаго начала своего дѣйствія представлялся неудовлетворительнымъ. И на ряду съ частичными реформами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ поднятъ вопросъ объ общей реформѣ, о выработкѣ новаго устава. Вопросъ о новомъ уставѣ выдвигается самъ собой, но прежде, чѣмъ онъ былъ подготовленъ и выработанъ, передъ правительствомъ предстали вопросы, требующіе неотложнаго и быстраго разрѣшенія. Наиболѣе существенными и серьезными изъ этихъ вопросовъ были вопросы о пріемѣ учащихся въ университеты и еще болѣе смущавшій правительственную власть вопросъ о причинахъ и предотвращеніи студенческихъ безпорядковъ. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы правленія Николая I доступъ въ университеты былъ ограниченъ и былъ установленъ комплектъ студентовъ. Въ 1855 году, по воцареніи Александра II-го, эти реакціонно-охранительныя мѣры были отмѣнены и былъ разрѣшенъ неограниченный пріемъ студентовъ во всѣ университеты. На ряду съ этимъ подверглись пересмотру правила испытаній для поступающихъ, и въ результатѣ была установлена строгая оцѣнка абитуріентовъ. Болѣе сложнымъ и труднымъ оказалось рѣшеніе другого вопроса—вопроса о студенческихъ безпорядкахъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ предотвращенію безпорядковъ, мы должны остановиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на генезисѣ студенческихъ волненій и на основныхъ моментахъ ихъ исторіи за интересующій насъ періодъ. Здѣсь намъ придется коснуться вопроса о взаимоотношеніяхъ университета и общества, о взаимныхъ перекрещивающихся вліяніяхъ.

Въ нашей предшествующей статьѣ мы уже отмѣтили, что въ первой половинѣ вѣка правильно организованныхъ и систематическихъ студенческихъ волненій въ университетахъ не замѣчается. Правда, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ были отдѣльныя движенія и вспышки въ средѣ учащейся молодежи; часто даже эти вспышки заканчивались суровыми репрессіями. Но это были лишь отдѣльные эпизоды, случайныя выступленія молодой вольнолюбивой мечты. Другую картину представляетъ новая эпоха—эпоха большого и широкаго броженія русскаго юношества. Несомнѣнно, и университетское движеніе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ носитъ по преимуществу академическій характеръ, но все же оно является характернымъ симптомомъ, барометромъ—чуткимъ показателемъ вѣяній времени. Послѣ тяжелой спячки разбуженное громкимъ внѣшнимъ крахомъ, крахомъ дутаго могущества, русское общество должно было приступить къ рѣшенію грозно и неотложно поставленныхъ самой жизнью проблемъ. Внѣшнія узы временно спали, стало легче дышать, можно было работать. Передовые слои общества съ горячностью и съ жаромъ приступили къ дѣлу; начиналась эпоха русскаго „Sturm und Drang'a". Русскіе университеты, гдѣ получала свое научное и культурно-общественное образованіе интеллигенція, университеты, которые и въ годы злѣйшей реакціи не склонили своего знамени,—университеты, конечно, первые должны были реагировать на окружающія событія. И на передовыхъ постахъ оказались младшіе представители академической семьи, наиболѣе отзывчивые и экспансивные—студенты.

Съ наступленіемъ новой эпохи студенчество опредѣленно стало считаться представителемъ и носителемъ наиболѣе передовыхъ, прогрессивныхъ идей общества. Любопытное и интересно обоснованное выраженіе этой мысли мы находимъ въ одномъ лишь недавно опубликованномъ офиціальномъ документѣ—въ исторической запискѣ московской университетской комиссіи, изслѣдовавшей причины большихъ безпорядковъ 1861 года. Въ этой запискѣ, составленной профессорами Соловьевымъ, Бодянскимъ, Ешевскимъ и Чичеринымъ, читаемъ слѣдующее: „Русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствахъ, какое едва ли существуетъ въ другой странѣ. Тамъ, гдѣ образованіе разлито въ народѣ и пустило прочные корни, тамъ учащійся получаетъ естественно принадлежащее ему мѣсто въ общественныхъ рядахъ. Въ Россіи учащійся становится представителемъ образованія, и въ настоящее время всякій русскій человѣкъ глубоко чувствуетъ потребность образованія, какъ единственнаго выхода изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ. Сверхъ того, вслѣдствіе вкравшейся у насъ отъ бездѣйствія привычки возлагать по возможности всѣ обязанности на другихъ, у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подрастающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнью. Оттого молодые люди исполняются сознаніемъ своего

высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества; послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостью и нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи". Въ этихъ немногихъ строкахъ необыкновенно тонко и ярко характеризуется сущность этого особаго положенія студенчества, вызваннаго своеобразной коньюнктурой современной русской дѣйствительности; „отцы" почили на лаврахъ, а „дѣти" должны были работать, приниматься часто за непосильный трудъ. Весь историческій смыслъ студенческихъ волненій въ Россіи заключался въ ихъ агитаціонномъ вліяніи, въ ихъ дѣятельныхъ попыткахъ подвинуть общество впередъ и заставить его активно работать. Съ конца 50-хъ годовъ открываются первыя наиболѣе любопытныя страницы изъ краткой, но чреватой событіями и богатой фактами исторіи студенческаго движенія. Въ эту эпоху университеты высоко подняли стягъ общественности, университеты и передовое общество составляли единое гармоничное цѣлое; университетская молодежь, по счастливому выраженію Пирогова, была „самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ".

Уже съ чисто внѣшней стороны это оживленіе взаимоотношеній университета и широкихъ слоевъ общества выразилось въ томъ, что глухо-замкнутыя двери николаевскихъ университетовъ широко распахнулись. Академическая аудиторія стала доступна для всѣхъ и наполнялась самымъ разнообразнымъ составомъ слушателей. Современникъ и активный участникъ переживаемыхъ событій, г. Пантелѣевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ этотъ моментъ: „Въ то время университетъ какъ-то самъ собой открылся для всѣхъ желающихъ, даже не надо было записываться въ вольнослушатели, а просто—приходи и слушай. Въ аудиторіяхъ постоянно можно было видѣть воспитанниковъ римско-католической духовной академіи, чиновниковъ, офицеровъ, особенно изъ высшихъ учебныхъ заведеній; помню даже одного жандармскаго офицера, довольно регулярно посѣщавшаго лекціи М. М. Стасюлевича и, кажется, Костомарова, *) что, повидимому, нисколько не стѣсняло лекторовъ и нимало не смущало остальныхъ слушателей. Въ аудиторіяхъ нерѣдко появлялись извѣстные литераторы, учителя, профессора другихъ учебныхъ заведеній, люди почтенные по своему возрасту и офиціальному положенію". Въ этотъ знаменательный періодъ впервые вступаетъ въ академію русская женщина. Въ воспоминаніяхъ одной изъ слушательницъ „перваго призыва" мы видимъ, какъ сердечно и сочувственно отнеслись студенты къ появленію женщины въ университетъ и какъ въ свою очередь она заняла свое мѣсто; „съ незнакомыми раньше молодыми людьми, — говоритъ авторъ-слушательница, — мы встрѣчались, какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца". Харьковскій университетъ даже возбудилъ офиціальное ходатайство

*) Костомаровъ и Стасюлевичъ—наиболѣе популярные, либеральные профессора того времени.

о допущенiи женщинъ въ университетъ. Особнякомъ въ этомъ движенiи стоялъ лишь московскiй университетъ; совѣтъ профессоровъ высказался въ отрицательномъ смыслѣ, когда былъ поднятъ этотъ вопросъ.

Но кромѣ университетскихъ аудиторiй непосредственная связь и тѣсныя взаимоотношенiя студенчества и передовыхъ слоевъ общества проявлялись и въ другихъ направленiяхъ. Общественныя собранiя, публичныя лекцiи, вечера, диспуты—все это привлекало студенчество „en masse"; во всемъ этомъ ярко опредѣлялся „духъ времени"; всюду здѣсь устанавливались руководящiя идеи текущаго момента. Но особенно надо отмѣтить влiянiе передовой литературы и передовыхъ литературныхъ дѣятелей на молодое поколѣнiе. Чернышевскiй, Добролюбовъ, М. Михайловъ, Лавровъ и др. были властителями думъ молодежи; руководящiе органы печати—особенно „Современникъ"—были настольными книгами, кодексомъ новаго общественнаго воспитанiя. Чутко и съ уваженiемъ прислушивалась молодежь и къ зарубежному колоколу великаго писателя-изгнанника, непрестанно болѣвшаго интересами родины. Съ своей стороны и Герценъ внимательно присматривался къ броженiямъ въ средѣ университетской молодежи и ихъ проявленiямъ удѣлялъ много мѣста въ своихъ изданiяхъ. Разрастается и ширится „кружковщина", въ цѣломъ рядѣ такихъ кружковъ встрѣчаются студенчество и прогрессивная интеллигенцiя для совмѣстной работы, для совмѣстныхъ дѣйствiй. Кружки 60-хъ годовъ отличаются отъ романтическихъ и идеалистическихъ кружковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ; здѣсь уже не столько трактуются отвлеченныя проблемы духа и высшей морали, сколько горячо обсуждаются насущные вопросы времени, вырабатываются планы непосредственной дѣятельности. Жажда активной дѣятельности, стремленiе къ личному непосредственному участiю въ переживаемыхъ событiяхъ особенно отличаетъ студенчество изучаемаго перiода; стѣны университетской аудиторiи тѣсны, не удовлетворяютъ вполнѣ и лекцiи профессоровъ,—зоветъ и требуетъ сама жизнь. И этотъ призывъ заглушалъ все остальное; лихорадочно, восторженно, часто необдуманно, но всегда искренне, старается университетская молодежь всюду примѣнить свои силы, всюду сказать свое слово. Послѣднее стремленiе вызываетъ появленiе ряда сборниковъ и журналовъ, въ которыхъ часто посреди научныхъ работъ слышится опредѣленно бiенiе жизненнаго пульса, и гдѣ-нибудь за спецiальными изысканiями мы найдемъ лирическiя размышленiя о „нравственномъ пробужденiи Россiи". На ряду съ легальными изданiями, студенчество литографируетъ рядъ запретныхъ сочиненiй Герцена, Бюхнера, Фейербаха и др.; такимъ же способомъ издаются листки, брошюры и прокламацiи. Стремленiе къ активной дѣятельности также принимаетъ опредѣленныя формы. Въ рядѣ новыхъ вопросовъ, поставленныхъ жизнью и требующихъ самаго скораго разрѣшенiя, стали вопросы народнаго образованiя, и здѣсь студенчество нашло благодарное примѣненiе своимъ силамъ.

„Я думалъ тогда,—пишетъ одинъ современникъ,—что студенты всѣхъ императорскихъ университетовъ должны бы были теперь заняться исключительно освобожденіемъ народныхъ массъ отъ умственнаго рабства, просвѣтить затемненный злобою умъ и смягчить наукой ожесточенное неправдой ихъ сердце". Конечно, рѣшить во всей полнотѣ поставленныя задачи было невозможно, но все же въ предѣлахъ возможнаго работа молодыхъ силъ была глубокой и цѣльной. Съ 1859 г. возникаютъ воскресныя школы, и въ ихъ организаціи видное участіе принимаютъ студенты. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ кіевскимъ студентамъ въ эпоху попечительства Пирогова. Вслѣдъ за Кіевомъ возникаетъ рядъ воскресныхъ школъ въ другихъ городахъ Россіи. Кромѣ воскресныхъ школъ, студенты старались всякими другими способами послужить дѣлу просвѣщенія; одинъ современникъ такъ живо рисуетъ это общее движеніе. „Стремленіе учиться и учить въ то время было такъ велико, что, помимо всякихъ школъ и курсовъ, во многихъ студенческихъ квартирахъ можно было встрѣтить обученіе грамотѣ въ одиночку... Стремленіе послужить дѣлу образованія народа, развитію его самосознанія, развитію чувства уваженія къ себѣ было обычнымъ стремленіемъ учащейся молодежи того времени". Но, кромѣ содѣйствія дѣлу народнаго просвѣщенія, студенчество и въ другихъ направленіяхъ старалось сдѣлать свое дѣло и сказать свое слово.

Принимая внѣ университета горячее участіе въ общественной жизни, студенчество, естественно, старалось и свой университетскій обиходъ приспособить къ новымъ условіямъ. На смѣну разобщенности и случайности соединеній николаевской эпохи идетъ время большихъ общестуденческихъ организацій; корпоративный духъ, сознаніе необходимости единства проходитъ красной нитью черезъ всѣ общія начинанія академической молодежи. Возникаютъ кассы взаимопомощи, библіотеки, читальни, литературныя собранія и литературныя предпріятія; наконецъ, оживленно функціонируетъ институтъ сходокъ. Хроническая нужда большей части студенчества вызываетъ появленіе кассъ взаимопомощи; особенно характерна въ этомъ отношеніи судьба кассы взаимопомощи при петербургскомъ университетѣ. Эта касса, организованная студенческими силами, оказала посильную помощь бѣднякамъ, и кромѣ того, много способствовала сближенію и объединенію студентовъ. Эта касса возникла въ связи съ организаціей особаго студенческаго литературнаго предпріятія—сборника, гдѣ печатались научныя работы студентовъ. Изданіе этого сборника, выборы редакціи и завѣдованіе дѣлами, избраніе представителей въ кассу взаимопомощи и т. п.,—все это развивало общественные интересы студенчества и клало начало профессіональнымъ организаціямъ. И въ другихъ университетскихъ городахъ возникаютъ аналогичныя студенческія кассы; умственнымъ запросамъ студенчества отвѣчаетъ устройство библіотекъ и читаленъ. На ряду съ ростомъ корпоративной солидарно-

сти, вырабатываются и опредѣленныя этическія представленія, создается свой моральный кодексъ. За каждый проступокъ членъ академической семьи отвѣчаетъ передъ сотоварищами; некрасивый проступокъ отдѣльнаго представителя долженъ быть караемъ корпораціей. Идея товарищескаго суда ранѣе всего осуществилась въ Кіевѣ въ эпоху Пирогова; затѣмъ, мы находимъ аналогичныя попытки въ другихъ университетахъ. Въ Петербургѣ мы даже встрѣчаемся съ попыткой публичнаго суда подъ предсѣдательствомъ профессора-криминалиста (В. Д. Спасовича) и съ преніями сторонъ; дѣло возникло по поводу растраты денежныхъ суммъ однимъ студентомъ-кассиромъ. Всѣ эти организаціи базировали на выборномъ началѣ; всѣ редакторы, делегаты, судьи и т. д. выбирались студенческой массой. Поэтому естественное значеніе получаетъ „студенческое вѣче“—сходка. Это право собраній было осуществлено не сразу, да въ сущности, даже въ самую лучшую пору либеральныхъ вѣяній сходки никогда не были легализированы. Сходки въ отдѣльныхъ случаяхъ индивидуально признавались, въ другихъ терпѣлись, въ третьихъ осуществлялись „захватнымъ“ путемъ. Въ началѣ новаго царствованія, въ петербургскомъ и кіевскомъ университетахъ сходки начали играть большую роль и даже признавались, какъ опредѣленные выразители мнѣній и пожеланій студенчества. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ университетѣ Св. Владимира проф. Романовичъ-Славатинскій говоритъ: „Студенчество при Пироговѣ получило самое широкое самоуправленіе, установились правильныя и толковыя студенческія сходки, студенческій судъ, кассы, библіотеки, читальни. Всѣмъ этимъ завѣдывали сами студенты безъ всякихъ канцелярскихъ бугомараній и непрошеннаго надзора“

Но всѣ эти завоеванія студенчества были въ большинствѣ случаевъ кратковременны, они построены были на пескѣ; какъ только бдительный взоръ правящей власти устремлялся пристально на университеты, такъ тотчасъ же происходили попытки реставраціи, стремленіе повернуть движеніе назадъ. Понятно, эти тормазы вызывали обратное дѣйствіе и приводили къ рѣзкимъ эксцессамъ со стороны возбужденно - настроеннаго студенчества *).

Большинство первыхъ выступленій носило случайный характеръ, это были отдѣльныя эпизодическія вспышки студенчества, направленныя противъ университетскаго начальства, непопулярныхъ профессоровъ или общей полицейской власти. Лѣтописецъ „студенческихъ исторій въ казанскомъ университетѣ“, проф. Ѳирсовъ отмѣчаетъ, что въ періодъ 1855—1857 гг. академическая молодежь подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній рѣзко уклоняется отъ соблюденія старыхъ правилъ и часто приходитъ

*) Размѣры нашей работы лишаютъ насъ возможности подробно остановиться на всѣхъ перипетіяхъ университетскаго движенія за интересующій періодъ, и мы отсылаемъ къ цѣлому ряду напечатанныхъ воспоминаній, а также къ составленнымъ на основаніи этого матеріала статьямъ г. Ашевскаго—„Русское студенчество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ“ (въ журналѣ „Современный Міръ“, за 1907 г.).

въ столкновеніе и съ академическимъ начальствомъ и съ мѣстной администраціей. Начальство въ свою очередь чувствуетъ себя растеряннымъ и не можетъ правильно оріентироваться во всемъ происходящемъ. Первое время, вѣруя въ спасительность старыхъ испытанныхъ мѣръ, университетская администрація старается во всей неприкосновенной строгости блюсти правила николаевской эпохи. „И вотъ идутъ,— говоритъ проф. Ѳирсовъ,—неослабно взысканія съ провинившихся студентовъ, заключающіяся въ отеческомъ распеканіи и большею частью въ посаженіи въ карцеръ за непоклонъ инспектору, за небрежный поклонъ ему же, за ношеніе длинныхъ волосъ и усовъ, за несоблюденіе формы, за бытіе въ райкѣ театра, за хожденіе по трактирамъ, за нетрезвость, за поздній приходъ къ богослуженію, за неношеніе на шеѣ галстука, за сидѣніе во время обѣда въ растегнутомъ сертукѣ, за куреніе табака, за неприличное харканье въ присутствіи помощника инспектора студентовъ, за неодобреніе казеннаго стола и т. п.“. Уже изъ этого перечисленія наказуемыхъ дѣяній можно видѣть, съ запасомъ какихъ архаическихъ завѣтовъ выступила университетская администрація навстрѣчу волнующемуся студенчеству. И вотъ, по каждому поводу возникаютъ безпорядки; нѣкоторые изъ нихъ кончаются трагически для участниковъ; такъ, въ 1857 г. въ результатѣ одной студенческой исторіи, раздутой начальствомъ, провинившіеся студенты были сданы въ солдаты. Но подобныя мѣры не могли остановить начавшееся броженіе; оно, то усиливаясь, то затихая, продолжало развиваться. Въ лѣтописи движеній, составленной г. Ѳирсовымъ, мы видимъ различныя проявленія этого броженія; здѣсь на ряду съ уличными скандалами и битвами съ будочниками встрѣчаются и бойкоты профессоровъ „стараго закала“ и, наоборотъ, печально закончившіяся оваціи либеральному профессору. Въ послѣднемъ случаѣ, на лекціи только что вернувшагося изъ-за границы и быстро завоевавшаго общія симпатіи профессора Булича студенты „возобновили прежде существовавшее аплодированіе“, и за эти выраженія знаковъ одобренія 18 человѣкъ было уволено изъ университета. Аналогичныя студенческія исторіи возникаютъ и въ другихъ университетскихъ городахъ; въ свое время прогремѣли случившіяся въ 1857 и 1858 гг. студенческія исторіи въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ. Но въ рядѣ этихъ раннихъ студенческихъ волненій, являющихся своего рода введеніемъ къ исторіи студенческаго движенія въ Россіи, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ извѣстная студенческая исторія, имѣвшая мѣсто въ Москвѣ въ 1857 году. Дѣло возникло изъ-за простой случайности, изъ-за грубой безтактности столичной полиціи. Въ квартиру одного студента-медика, праздновавшаго въ товарищескомъ кругу именины, ворвалась по ложному подозрѣнію цѣлая армія городовыхъ съ квартальнымъ во главѣ и произвела форменное избіеніе. Хозяинъ квартиры и два его товарища, сильно избитые и изрубленные тесака-

ми, были арестованы и отправлены въ Срѣтенскую часть. Какъ только на слѣдующій день стали извѣстны подробности о ночномъ происшествіи, студенты въ большомъ количествѣ явились въ часть, взяли ее на „щитъ и на мечъ", выручили израненныхъ товарищей и доставили ихъ въ больницу. Московскій генералъ-губернаторъ, деспотъ и самодуръ изъ николаевскихъ сатраповъ, графъ Закревскій сообщилъ Александру II, что въ университетѣ бунтъ. Между тѣмъ, дикая полицейская расправа вызвала глубокое волненіе въ студенческой средѣ. Въ университетѣ непрестанно происходили сходки, появились прокламаціи, гдѣ предлагалось смыть обиду и стойко отстаивать свою неприкосновенность. Университетская администрація и попечитель округа Ковалевскій пошли навстрѣчу студенческимъ требованіямъ; студентамъ было даже предложено выбрать по два депутата отъ курса для веденія непосредственныхъ переговоровъ съ начальствомъ и наблюденія надъ слѣдствіемъ. Общественное мнѣніе также всецѣло было на сторонѣ студенчества; вся интеллигенція горячо возмущена была самоуправствомъ полиціи. „Общій голосъ,— замѣчаетъ Никитенко,—что молодые люди въ этомъ дѣлѣ вели себя превосходно. Даже враги университета винятъ во всемъ полицію". Герценъ въ „Колоколѣ" отозвался на это событіе: „съ ужасомъ и омерзѣніемъ получаемъ мы со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о гнусной исторіи полицейскаго безначалія въ Москвѣ, которое вѣнчаетъ позорное генералъ-губернаторство Закревскаго".

На этотъ разъ и правительство пошло навстрѣчу голосу общественнаго мнѣнія; для разбора инцидента была образована особая слѣдственная комиссія, и въ результатѣ разбора дѣла виновные полицейскіе чины преданы были военному суду. Московскій университетъ вышелъ изъ этой исторіи съ фактической и моральной побѣдой; московское студенчество сознало силу единства и корпоративной сплоченности. Съ этого времени въ Москвѣ дѣятельно начинаютъ функціонировать общестуденческія организаціи.

2.

Приведенные примѣры достаточно ярко характеризуютъ возбужденное и нервное состояніе студенчества, находящее себѣ выходъ въ активныхъ выступленіяхъ — академическихъ безпорядкахъ. Какъ мы уже отмѣчали, въ большинствѣ случаевъ эти волненія носятъ случайный характеръ, ведутся безъ системы, но все же они способствуютъ развитію солидарности и сплоченности въ защитѣ общихъ академическихъ интересовъ. Кромѣ того, университетская молодежь наиболѣе рельефно и опредѣленно отражаетъ настроеніе всей передовой интеллигенціи. А реакція уже надвигалась, и надъ университетами, гдѣ только что повѣяло духомъ свободы, собирались грозныя тучи. Правящая власть внимательно и пристально присматривалась къ студенческимъ безпорядкамъ и активно на нихъ реагировала. И результаты не всегда были благопріятны для университетовъ; если студенческая исторія въ Мо-

скв҃ пришла къ желанному исходу, то позднѣйшая университетская исторія въ Харьковѣ кончилась далеко неблагополучно. Правительство принимается за выработку мѣропріятій, способныхъ прекратить академическіе безпорядки; въ качествѣ необходимыхъ мѣръ выступаютъ—усиленіе полицейскаго надзора, запрещеніе различныхъ организацій и, наконецъ, ограниченіе доступа въ университетъ. Еще въ 1858 году появляется распоряженіе, гласящее студентамъ, „...что они не имѣютъ законнаго права изъявлять публично своимъ профессорамъ знаки одобренія (посредствомъ рукоплесканій и т. п.) или порицанія (шиканьемъ, свистомъ, выходомъ изъ аудиторій и т. п.), что законы наши строго воспрещаютъ всякаго рода сборища и демонстраціи, а потому, если студенты, не внявъ сему предостереженію, окажутся виновными въ какомъ-либо изъ означенныхъ проступковъ, то немедленно будутъ исключены изъ университета, несмотря на то, *какое бы ни было число виновныхъ*". Мы уже знаемъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ привели въ казанскомъ университетѣ рукоплесканія на лекціи профессора Булича. Въ 1859 году состоялось распоряженіе, близко напоминающее распоряженія николаевской эпохи, „что внѣ университетскихъ зданій студенты пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи". Наконецъ, въ 1860 году возрастъ для лицъ, поступающихъ въ университетъ, былъ повышенъ отъ 16 до 18 лѣтъ и были установлены особыя комиссіи. Совѣты университетовъ вырабатываютъ суровыя правила и на пріемныхъ экзаменахъ производится основательная „чистка" абитуріентовъ.

Ставя всѣ эти тормазы, правительство начинало новый кругъ въ исторіи гоненій на университеты. Военная и придворная клика, окружавшая Александра II, не ограничивалась этими мѣрами, она настаивала на болѣе крутыхъ и рѣшительныхъ „реформахъ". Противъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, считавшагося либераломъ, былъ предпринятъ походъ. Недавно въ статьѣ „Отставка Е. П. Ковалевскаго" г. Родзевичъ опубликовалъ весьма любопытныя документальныя данныя, иллюстрирующія интересный эпизодъ изъ исторіи нашего просвѣщенія. Недовольство противъ министра, не прибѣгающаго къ крутымъ мѣрамъ, подготовлялось уже давно; но особенно опредѣленно сказалось оно въ комиссіи, образованной въ 1860 году по высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1859 годъ. Въ эту комиссію подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго вошли петербургскій генералъ-губернаторъ, предсѣдатель комитета по дѣламъ книгопечатанія и одинъ изъ вождей придворной камарильи графъ Строгановъ, бывшій московскій попечитель. Комиссія, разсмотрѣвъ отчетъ, нашла въ немъ рядъ пробѣловъ и запросила объясненій министра. Намъ здѣсь особенно интересно отмѣтить, что комиссія подчеркиваетъ недостатокъ

свѣдѣній о „нравственной части нашихъ университетовъ“.

Упомянувъ о волненіяхъ и попыткахъ студенческихъ организацій, комиссія заявляетъ: „въ нѣкоторыхъ университетахъ они (т.-е. студенты) составляютъ изъ среды своей судъ, въ которомъ подвергаются разбору и осужденію не только поступки ихъ товарищей, но даже распоряженія ихъ начальства и дѣйствія профессоровъ. Такимъ образомъ между студентами распространяются начала, вовсе не свойственныя нашему образу правленія, могущія вредно дѣйствовать на ихъ умы и во всякомъ случаѣ отвлекающія ихъ отъ настоящей ихъ цѣли, т.-е. отъ занятій науками“. Министръ народнаго просвѣщенія представилъ на запросы комиссіи соотвѣтствующія разъясненія, въ которыхъ даетъ оцѣнку студенческихъ волненій и опровергаетъ огульныя обвиненія членовъ комиссіи. По мнѣнію Ковалевскаго, нельзя обвинять одни университеты и учащуюся молодежь въ броженіи умовъ, такъ какъ „оно существуетъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, почти вездѣ и, не принадлежа одному сословію студентовъ, идетъ не отъ нихъ къ обществу, а обратно“. Комиссія не удовлетворилась полученными разъясненіями и представила отчетъ со своими замѣчаніями. Возражая, между прочимъ, Ковалевскому, члены комиссіи заявляютъ, что „какъ ни сильно общественное вліяніе, однако же, необходимо рѣшительными и раціональными мѣрами оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія“. Въ этихъ замѣчаніяхъ членовъ комиссіи мы видимъ боевые замыслы реакціи, мечтающей вернуться къ старозавѣтной репрессивной политикѣ по высшему образованію; здѣсь уже на первый планъ выдвигаются „рѣшительныя“ мѣры. Ковалевскій въ свое оправданіе представилъ записку, гдѣ снова указываетъ на общія причины студенческихъ волненій и возражаетъ противъ мѣръ опеки надъ студенчествомъ. Въ поднятой полемикѣ былъ затронутъ рядъ сложныхъ и важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ общей реформой университетскаго строя. И для того, чтобы дать правильный историческій анализъ основъ устава 1863 года, необходимо ознакомиться съ его антецедентами. Мы уже указывали, что въ числѣ наиболѣе серьезныхъ и существенныхъ вопросовъ были вопросъ о пріемѣ въ университеты, вопросъ о корпораціяхъ и вопросъ о надзорѣ за студентами. Въ „николаевскую эпоху“ первый вопросъ былъ разрѣшенъ установленіемъ комплекта студентовъ; съ началомъ новаго царствованія эти ограниченія были отмѣнены. Теперь снова предстаетъ этотъ вопросъ и предлагается рядъ мѣръ разрѣшенія. Нѣкоторые изъ представителей реакціоннаго лагеря (въ томъ числѣ харьковскій попечитель Зиновьевъ) считаютъ широкій доступъ въ университеты серьезной причиной студенческихъ безпорядковъ и предлагаютъ вернуться къ мѣрамъ сокращенія числа студентовъ. Совершенно на противоположную точку зрѣнія сталъ членъ комиссіи Корфъ, который, словно повторяя пышныя фразы екатери-

нинскаго университетскаго плана*), заявлялъ: „Домъ науки долженъ бы быть открытъ всякому, какъ домъ молитвы, безъ спроса о томъ, насколько кто достоинъ туда войти". Ковалевскій по этому вопросу держался срединнаго мнѣнія. Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о студенческихъ организаціяхъ, вопросъ о желательности и допустимости корпоративнаго устройства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь мнѣнія рѣзко раздѣлились, не менѣе рѣзко различались и мотивировки этихъ мнѣній. Съ одной стороны, ссылались на корпоративное устройство германскихъ университетовъ, съ другой—корпоративныя организаціи признавались однимъ изъ главныхъ поводовъ для безпорядковъ. Будущій знаменитый шефъ жандармовъ и вдохновитель реакціонной политики, генералъ Шуваловъ, причину всѣхъ безпорядковъ видѣлъ въ ношеніи форменной одежды и тѣхъ преимуществахъ, которыя какъ бы дѣлаютъ студенчество особымъ сословіемъ. Но особый интересъ представляетъ мнѣніе, высказанное извѣстнымъ педагогомъ - гуманистомъ Пироговымъ, попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

Пироговъ считаетъ труднымъ введеніе корпоративнаго начала въ нашихъ университетахъ и потому онъ стоитъ за уничтоженіе корпоративной связи между учащимися. Это соображеніе онъ подкрѣпляетъ и слѣдующимъ доводомъ: „... въ наше время мы замѣчаемъ вездѣ стремленіе къ уничтоженію сословныхъ привилегій; во всѣхъ сословіяхъ пробудилась болѣе, чѣмъ когда-нибудь, наклонность къ образованію. Для чего же университетамъ отставать и не удовлетворять требованіямъ времени?" Въ заключеніе своей записки Пироговъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) открыть университетъ всѣмъ желающимъ за небольшую плату, уничтоживъ вступительные экзамены; 2) предоставить всѣмъ посѣтителямъ университета полную свободу выбирать курсы для слушанія, уничтоживъ, такимъ образомъ, обязательные факультетскіе курсы; 3) подвергнуть всѣхъ посѣщающихъ лекціи общему полицейскому надзору, наравнѣ съ прочими гражданами, сохранивъ университетскій надзоръ только въ зданіяхъ университета, 4) отмѣнить форменную одежду. Здѣсь мы видимъ, что вопросъ о корпоративной или не корпоративной организаціи въ университетахъ связанъ въ этой постановкѣ съ вопросомъ о широкой доступности образованія, объ открытіи дверей высшихъ учебныхъ заведеній. Идеаломъ является типъ французскаго университета съ его публичными курсами—типъ College de France". Но комиссія принца Ольденбургскаго не стала ни на одну изъ высказанныхъ точекъ зрѣнія; отвергнувъ корпоративное начало, которое „вовсе несвойственно нашему образу правленія", она въ то же время смотритъ на университеты не только, какъ на научно-учебныя учрежденія, но и приписываетъ имъ морально - воспитательныя функціи. Члены комиссіи предлагали взять подъ опеку студенчество, строго

*) См. главу X 1-й части „Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка", стр. 351.

блюсти его нравственную чистоту (вѣрнѣе, политическую невинность) и охранять его отъ всякихъ соблазновъ. Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, положенiе главныхъ вопросовъ университетской жизни, окончательное разрѣшенiе которыхъ попытался дать новый уставъ.

Въ апрѣлѣ 1861 года Ковалевскiй представилъ всеподданнѣйшiй докладъ, въ которомъ предложилъ рядъ существенныхъ университетскихъ реформъ. Министръ, главнымъ образомъ, отстаивалъ тотъ принципъ, что университеты должны быть прежде всего разсадниками просвѣщенiя, а отнюдь не привлекать для служебныхъ правъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣнiй о содержанiи доклада Ковалевскаго не имѣется. Между тѣмъ, на верху все болѣе и болѣе усиливалось недовольство студенчествомъ, и министру было дано понять, что университетскiе безпорядки долѣе не будутъ терпимы и правительство ни передъ какими крайними мѣрами не остановится. Въ засѣданiи совѣта министровъ возникли дебаты по поводу положенiя дѣлъ въ университетахъ, и въ результатѣ была назначена особая комиссiя. Добросовѣстный лѣтописецъ окружающихъ событiй, Никитенко такъ повѣтствуетъ объ этомъ въ „Дневникѣ“: „Ковалевскiй встрѣтилъ страшные нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ ссылался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, графа Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченiе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ“. Въ комиссiю вошли главари реакцiонной клики и личные противники министра народнаго просвѣщенiя; отставка послѣдняго представлялась неизбѣжной. Комиссiя ревностно принялась за работу и къ 9 мая былъ выработанъ цѣлый кодексъ правилъ. Мѣры, выработанныя комиссiей, носятъ рѣзко-выраженный охранительный характеръ. Приведемъ, въ качествѣ иллюстрацiй, нѣкоторые пункты: 2) производить прiемные въ университетъ экзамены при гимназiяхъ, подвергая постороннихъ лицъ, получившихъ домашнее образованiе, испытанiю вмѣстѣ съ учениками, если возможно, въ присутствiи депутата отъ университета; 4) слѣдуетъ издать правила о точномъ посѣщенiи лекцiй и о недопущенiи одобренiя или порицанiя преподавателей; 5) установить надзоръ за порядкомъ; неисполняющихъ правила послѣ напоминанiя увольнять, не подвергая другимъ взысканiямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по общимъ законамъ; 8) не принимать въ университетъ моложе 17 лѣтъ; отмѣнить форменную одежду и воспретить ношенiе какихъ-либо знаковъ народности или товарищества; 10) выдавать стипендiи отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа и т. п. Въ другихъ пунктахъ говорилось о необходимости возстановленiя въ гимназiяхъ классическаго образованiя, проектировался особо-строгiй надзоръ за студентами, предлагалось открытiе ряда высшихъ учебныхъ

заведеній въ сѣверо-западномъ краѣ съ руссификаторскими цѣлями и т. п. Но представители крайней правой не ограничились и этимъ; графъ Строгановъ проектировалъ возвращеніе къ николаевскимъ временамъ и реставрировалъ снова мысль о строго-классовомъ дворянскомъ университетѣ. Но этотъ выпадъ не удался и проектъ Строганова съ шумомъ провалился. Между тѣмъ, большинство пунктовъ, выработанныхъ комиссіей, были высочайше утверждены; и въ то же время Ковалевскій подалъ въ отставку. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ Путятинъ, а должность попечителя петербургскаго учебнаго округа занялъ генералъ Филиппсонъ. Началась краткая, но памятная въ исторіи русскаго просвѣщенія, дѣятельность этихъ военныхъ вершителей судебъ высшаго образованія; по поводу этой дѣятельности зло и остроумно замѣчаетъ Погодинъ въ одномъ письмѣ: „А просвѣщеніе-то наше! О горе намъ, горе! Путятина нашли на днѣ моря, да безъ премудрости и успѣлъ напакостить много... Атаманъ-попечитель въ Петербургѣ. Въ Москвѣ—начальникъ штаба".

3.

Въ то время какъ въ комиссіяхъ и канцеляріяхъ обсуждались проекты и изготовлялись мѣры пресѣченія и предупрежденія, движенія въ студенческой средѣ не прекращались. Еще до введенія новыхъ правилъ, до офиціальной перемѣны „курса" растетъ движеніе, предвѣщающее бури 1861 года. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей указываетъ, что на нѣкоторыя рѣшенія комиссіи сановниковъ оказали вліяніе безпорядки въ казанскомъ университетѣ. Намъ уже приходилось отмѣчать, что вторая половина 50-хъ годовъ и самое начало 60-хъ отмѣчены въ Казани цѣлымъ рядомъ студенческихъ вспышекъ, серіей университетскихъ исторій. Большая политическая демонстрація произошла въ Казани 12 апрѣля 1861 года; поводомъ къ ней послужила кровавая расправа съ „освобожденными" крестьянами въ селѣ Безднѣ. Вѣсть о суровой репрессіи облетѣла все Поволжье, и въ Казани была отслужена въ кладбищенской церкви панихида по убіеннымъ. Въ этомъ печальномъ торжествѣ приняли участіе студенты, а тогдашній наиболѣе популярный профессоръ А. П. Щаповъ произнесъ слѣдующую горячую рѣчь *): „Други, нечеловѣколюбиво убіенные! Самъ Христосъ возвѣщалъ народу искупительную свободу, братство и равенство, во времена Римской Имперіи и рабства народовъ, и по Пилатскому суду кровію запечатлѣлъ свое демократическое ученіе. Въ Россіи за 160 лѣтъ стали являться по причинѣ отстуствія просвѣщенія, среди сельскихъ общинъ, свои мнимые христы, которые по-своему возвѣщали свободу отъ своего рабскаго страдальческаго положенія въ государствѣ. Съ половины XVIII в.

*) Подлинникъ рѣчи затерялся, но приводимый текстъ, доставленный въ двухъ спискахъ слѣдователями, хранится въ архивѣ Св. Синода и новѣйшій біографъ Щапова г. Лучинскій считаетъ его близкимъ къ подлиннику.

2

Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

Съ портрета, писаннаго Н. А. Ярошенко. 1888.
(Съ любезнаго разрѣшенія М. П. Ярошенко.)

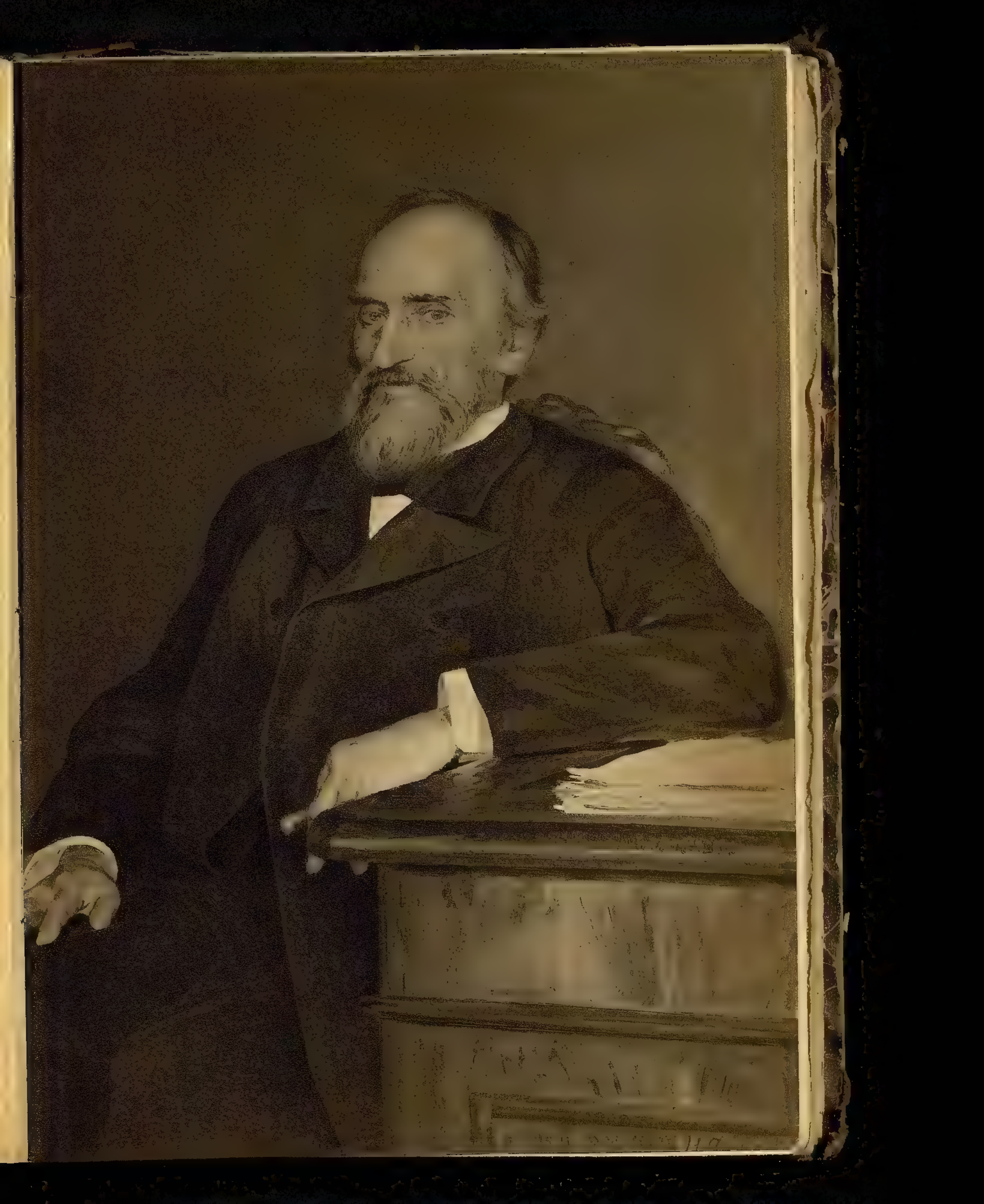
ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. Изданіе Т-ва бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

эти мнимые христы стали называться пророками, искупителями сельскаго народа; вотъ явился новый пророкъ*) и такъ же возвѣщалъ во имя Божіе свободу и за то много невинныхъ жертвъ пострадало, не понявъ ограниченнаго Государственнаго Положенія по причинѣ недарованнаго имъ просвѣщенія. Миръ праху вашему, бѣдные страдальцы, и вѣчная память! Да успокоитъ Господь ваши души и да здравствуетъ общинная свобода, даруемая вашимъ живымъ собратіямъ". Молва раздула эту панихиду, кончившуюся безъ всякихъ демонстративныхъ эксцессовъ, а о рѣчи Щапова пошли самые легендарные слухи. Въ результатѣ, въ Казань для разслѣдованія прибылъ генералъ-адъютантъ; Щаповъ лишился каѳедры, девять студентовъ-иниціаторовъ устройства поминокъ были исключены изъ университета. Далеко неспокойно было и въ другихъ университетахъ; въ февралѣ на обычномъ актѣ была вспышка петербургскаго студенчества, большія манифестаціи по поводу русско-польскихъ отношеній имѣли мѣсто въ Кіевѣ. Все это предвѣщало взрывъ, который со всей силой разразился осенью 61 года.

Начало было положено Петербургомъ. Студенты въ петербургскомъ университетѣ пользовались, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, рядомъ извѣстныхъ правъ и преимуществъ; студенчество было солидарно и сплочено, былъ развитъ строгій корпоративный духъ и сознаніе общности интересовъ. Навстрѣчу справедливымъ требованіямъ академической молодежи шла и прогрессивная профессура. Но все это измѣнилось съ назначеніемъ новаго министра; реакціонная волна прежде всего хлынула на петербургскій университетъ. Морской адмиралъ, взявшійся на сушѣ руководить судьбами народнаго просвѣщенія, сталъ устанавливать рядъ крутыхъ и строгихъ правилъ. Согласно его распоряженіямъ окончательно запрещались сходки, прежній свободный выборъ студентами казначеевъ, библіотекарей и т. п. былъ замѣненъ назначеніемъ отъ начальства, студенты, не выдержавшіе переходныхъ испытаній, увольнялись изъ университета и мн. др. Эти мѣропріятія должны были, конечно, вызвать естественный отпоръ со стороны студенчества, но онѣ встрѣтили противодѣйствіе и въ профессорской средѣ. Особая комиссія профессоровъ петербургскаго университета занималась выработкой правилъ объ организаціи студентовъ и надзора за ними. По этимъ правиламъ намѣчался выборный проректоръ, университетскій судъ изъ профессоровъ въ присутствіи двухъ товарищей обвиняемаго студента, сходки подъ руководствомъ профессора для избранія завѣдующихъ кассой, библіотекой и т. д. Кромѣ того, комиссія заимствовала изъ практики дерптскаго университета матрикулы—особыя книжки съ правилами, которыя выдавались каждому студенту. Эти правила, выработанныя профессорской коллегіей, были утверждены Путятинымъ; однако, какъ гласитъ офи-

*) Здѣсь подразумѣвается иниціаторъ крестьянскаго мятежа въ Безднѣ Антонъ Петровъ.

ціальное извѣстіе, „съ незначительными измѣненіями". Но на самомъ дѣлѣ реакціонный министръ постарался использовать проектируемыя правила въ своихъ цѣляхъ и внесъ въ нихъ рядъ грубыхъ и искажающихъ основной смыслъ нарушеній. Выборное начало въ студенческой средѣ, что такъ подчеркивалось профессорской комиссіей, всюду было отвергнуто и замѣнено назначеніемъ отъ начальства. Совѣтъ университета, гдѣ доминировала группа либеральныхъ профессоровъ, сталъ въ опредѣленную оппозицію министерскимъ начинаніямъ. И было ясно, что дѣло не обойдется безъ крупной катастрофы. Уже передъ началомъ осенняго семестра до студенчества доходили слухи о новыхъ теченіяхъ правительственной политики и эти случайныя, неясныя извѣстія волновали и взвинчивали учащуюся молодежь. Дѣйствительность оправдала самыя худшія ожиданія. Съ самаго открытія академическихъ занятій начались сходки и собранія, студенчество не могло примириться съ существующими порядками и искало исхода наростающему недовольству. Университетская администрація отличалась крайней нераспорядительностью и нерѣшительностью. Студенчество возбуждалось все больше и больше, бурно составленныя прокламаціи призывали къ активнымъ дѣйствіямъ; эта серія сходокъ и манифестацій продолжалась съ 18 по 25 сентября. Наконецъ, на послѣдней сходкѣ было постановлено новымъ правиламъ не подчиняться и матрикулъ и билетовъ не принимать. Въ отвѣтъ на эти постановленія университетъ былъ временно закрытъ. Студенты не знали объ этомъ и, собравшись въ количествѣ 900 человѣкъ, заняли университетскій дворъ и устроили сходку. Рѣшено было отправиться къ попечителю и затребовать у него необходимыя разъясненія. И вотъ, студенты въ полномъ порядкѣ двинулись по улицамъ Петербурга. По пятамъ за студентами двигались полицейскіе отряды подъ верховнымъ командованіемъ генералъ - губернатора и оберъ-полицеймейстера; былъ моментъ, когда едва-едва не разразилось побоище. Но въ это время появился попечитель и вступилъ въ переговоры со студентами; ни на какія реальныя уступки онъ не пошелъ, но обѣщалъ, что никто изъ студентовъ, принимающихъ участіе въ движеніи, не пострадаетъ. Обѣщаніе это исполнено не было, и цѣлый рядъ студентовъ былъ арестованъ полиціей. Какъ только вѣсть объ арестахъ распространилась, 27 сентября на университетскомъ дворѣ состоялась новая сходка. На сходкѣ обсуждались текущія дѣла и вырабатывался адресъ министру; передъ университетомъ дефилировали войска и военно-полицейскія власти. Подобнаго рода сходки имѣли мѣсто нѣсколько дней сряду. Между тѣмъ, полиція не дремала и аресты увеличивались; были захвачены члены комитета, руководившаго движеніемъ. Университетъ былъ окончательно закрытъ для студентовъ; въ то же время было сообщено, что студенты, желающіе остаться въ университетѣ, обязаны получить матрикулы. Этой политикой администрація старалась произвести рас-

колъ въ студенческой средѣ и отчасти добилась цѣли. Часть студентовъ (и довольно значительная) подала прошенія; и тогда—11 октября—университетъ былъ открытъ. Всѣмъ остальнымъ студентамъ было предложено оставить столицу въ 48 часовъ. Доступъ въ университетъ былъ открытъ только для „матрикулистовъ"; первый день прошелъ благополучно, но при крайне ничтожномъ количествѣ слушателей. На слѣдующій день около университета собрались группы студентовъ, „не-матрикулистовъ", старались войти въ зданіе; многіе изъ получившихъ матрикулы каялись и присоединялись къ товарищамъ-протестантамъ. Въ происходящее вмѣшалась полиція и тутъ же начались аресты; во время задержанія и попытокъ освободить захваченныхъ студентовъ былъ рядъ столкновеній съ жандармами и пѣшими гвардейцами. На слѣдующій день производились массовые обыски и аресты. Университетъ, хотя офиціально и продолжалъ числиться открытымъ, но de facto молчалъ, не посѣщаемый учащимися. Группа наиболѣе видныхъ профессоровъ (Пыпинъ, Спасовичъ, Стасюлевичъ, Утинъ и Кавелинъ) вслѣдствіе рѣзкаго расхожденія во взглядахъ съ министромъ народнаго просвѣщенія подала въ отставку. Наконецъ, 20 декабря послѣдовало высочайшее распоряженіе о закрытіи петербургскаго университета впредь до пересмотра университетскаго устава. Волненія въ университетѣ вызвали оживленное рефлективное движеніе въ обществѣ. Вся интеллингенція была на сторонѣ студенчества. Уже не говоря о другихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ томъ числѣ и военныхъ), надо отмѣтить сочувствіе многихъ представителей офицерства и юнкеровъ. Масса частныхъ лицъ, чиновниковъ и т. п., принимала участіе въ сходкахъ и демонстраціяхъ, многіе изъ нихъ были даже арестованы. Никитенко по этому поводу ворчливо замѣчаетъ: „Всѣ смотрятъ на студентовъ, какъ на мучениковъ. Ихъ дерзость, неповиновеніе закону и власти считаютъ геройствомъ, а правительство позорятъ всѣми возможными способами".

Горячо отозвался на текущія событія Герценъ. Въ яркой и сильной статьѣ „Исполинъ просыпается" читаемъ: „Въ Россіи закрыты университеты, въ Польшѣ церкви сами закрылись, оскверненныя полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ въ потьмахъ. Они сошли съ ума... Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?.. Сказать вамъ куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, растетъ стонъ, поднимается ропотъ, это—начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки"... („Колоколъ" отъ 1 ноября 1861 г., № 110).

Студенческое движеніе не ограничилось однимъ Петербургомъ и скоро поднялось въ другихъ университетскихъ городахъ. Московскій университетъ, подобно петербургскому собрату, активно реагировалъ

на происходящее. Но въ противоположность Петербургу въ Москвѣ дѣйствовало только одно студенчество, московская профессура не выступила съ осужденіемъ мѣропріятій, а, наоборотъ, стала проводить въ жизнь новыя правила во всей строгости. Въ средѣ студенчества шло броженіе; вѣсть о закрытіи петербургскаго университета послужила сигналомъ къ активному выступленію. Съ 27 сентября начинаются сходки; съ агитаціонными рѣчами выступаютъ пріѣхавшіе депутаты петербургскаго студенчества. Университетская администрація, рядомъ безтактныхъ и безцѣльныхъ мѣръ, еще болѣе раздражаетъ студенчество. Интересно отмѣтить, что университетское начальство неоднократно обращается за помощью къ полицейской силѣ, и генералъ-губернатору пришлось на это указывать, что вмѣшательство полиціи въ домашнія дѣла университета можетъ вызвать излишнія осложненія. Между тѣмъ, сходки шли своимъ чередомъ, а начальство занималось поисками оппозиціонеровъ и ихъ исключеніемъ. Большая демонстрація была произведена студенчествомъ 4 октября—въ годовщину смерти Грановскаго; на могилѣ произнесены были призывныя рѣчи, полиція не вмѣшивалась. Студенты собирались подать адресъ государю, но университетъ рѣшительно этому препятствовалъ. Въ результатѣ, въ университетѣ произошелъ рядъ бурныхъ сценъ, рѣзкихъ столкновеній между профессурой и студенчествомъ. Университетское начальство снова обратилось къ генералъ-губернатору съ просьбой арестовать зачинщиковъ движенія и дать для охраны университета полицейскую команду. На этотъ разъ генералъ-губернаторъ не отказалъ и цѣлый рядъ лицъ былъ арестованъ. Лишь только вѣсть о ночныхъ арестахъ распространилась, то 12 октября студенты въ большомъ количествѣ рѣшили идти къ генералъ-губернаторскому дому на Тверской площади и просить у администраціи освобожденія арестованныхъ товарищей. Остановившись передъ домомъ генералъ-губернатора (противъ гостинницы „Дрезденъ"), студенты для веденія переговоровъ послали четырехъ депутатовъ. Но не успѣли послѣдніе вернуться, какъ произошло столкновеніе съ полиціей и въ полной силѣ разразилось знаменитое „Дрезденское сраженіе". Студенты подверглись нападенію конной и пѣшей полиціи; наступила отвратительная бойня, во всю проявилась „жандармская пугачевщина". Цѣлый рядъ свидѣтельствъ современниковъ знакомитъ насъ со всѣми перипетіями этой „кровавой бани"; они напоминаютъ намъ наиболѣе тяжелыя страницы изъ нашего недавно пережитаго. Полиція не только сама производила избіенія, но и организовывала банды „черной сотни". Полицейскіе агитаторы возбуждали противъ студентовъ сѣрое простонародье, распуская небылицы о томъ, что они хотятъ возстановить крѣпостное право и т. п. Возмутительныя насилія, которымъ подверглась часть студенчества, вызвали взрывъ негодованія въ средѣ всей академической молодежи. Что касается до московскаго общества, то

оно было далеко не такъ солидарно, какъ общество невской столицы, и даже Иванъ Аксаковъ рѣзко выступилъ противъ студенчества. Но въ общемъ, впечатлѣніе отъ дикой полицейской расправы было огромное. „Колоколъ“ удѣлялъ много мѣста описаніямъ подробностей избіенія, а въ горячей статьѣ „Третья кровь“ Герценъ пишетъ: „Къ польской, къ крестьянской крови прибавилась кровь лучшихъ юношей въ Петербургѣ и Москвѣ... Не жалѣйте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей исторіи, вами Россія выходитъ во второе тысячелѣтіе... Ваша кровь во всякомъ случаѣ засвидѣтельствовала начало совершеннолѣтія и многое обличила... Она обличила сочувствіе къ вамъ всей Россіи, готовность идти за вами со стороны молодыхъ офицеровъ, со стороны всѣхъ учебныхъ заведеній... Курсъ за курсомъ, не зная того, безъ формы и знаковъ, передавалъ таинственный пароль, завѣщанный мучениками 14 декабря и этотъ пароль сказался теперь громко студентами въ Петербургѣ и Москвѣ. Тверская площадь прибавилась къ Исаакіевской. Инищіатива эта по праву принадлежитъ студентамъ— *они одни чисты*“ („Колоколъ“ отъ 15 ноября 1861 г., № 112).

Кромѣ столичныхъ университетовъ, студенческія волненія имѣли мѣсто и въ провинціальныхъ. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, отмѣтимъ только, что движеніе разразилось въ полной силѣ и въ Казани и въ Кіевѣ. Въ кіевскомъ университетѣ дѣло еще осложнилось счетами между польскими и русскими студентами, и волненія отлились въ нѣсколько своеобразныя формы. Болѣе спокойно обошлись дѣла въ харьковскомъ университетѣ; дерптскій университетъ со своимъ особымъ укладомъ стоялъ внѣ событій русской академической жизни.

Студенческіе безпорядки, разразившіеся съ такой силой и имѣвшіе такое широкое распространеніе, заставили не только внимательно и серьезно присмотрѣться къ условіямъ университетской жизни, но также и произвести общій учетъ значенія и смысла движенія. Съ горячимъ вниманіемъ слѣдитъ за выступленіями молодежи передовая интеллигенція; безпокойство и опасенія доставляютъ они правительству. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ о политическомъ значеніи студенческихъ выступленій, объ общественной роли студенчества. Университетскія исторіи въ большинствѣ носили профессіонально-академическій характеръ, но, съ другой стороны, онѣ имѣли извѣстный общественный смыслъ, оказывали опредѣленное агитаціонное вліяніе. Студенчество и общество находились въ тѣсныхъ взаимоотношеніяхъ и ихъ взаимо-вліянія перекрещивались. Мы уже наблюдали примѣры участія студенчества въ общественной работѣ, теперь дополнимъ только сказанное нѣкоторымъ фактическимъ матеріаломъ и нѣкоторыми соображеніями относительно участія студенчества въ общественномъ движеніи начала 60-хъ годовъ. Еще въ 1855 году, какъ свидѣтельствуютъ официальныя данныя, въ харьковскомъ университетѣ воз-

никло тайное политическое общество съ цѣлями широкой пропаганды. Занимались изданіемъ и распространеніемъ запрещенныхъ сочиненій также студенты другихъ университетовъ; съ этими студенческими начинаніями ожесточенно боролось правительство. Но особое оживленіе общественной дѣятельности студенчества относится къ 1861 году; это былъ памятный годъ „разбитыхъ надеждъ“ и начала „активныхъ выступленій“. Въ обществѣ живо чувствовалась перемѣна политики, и молодежь, какъ термометръ, показывала на повышеніе. Знаменитая прокламація „Къ молодому поколѣнію“ зоветъ молодежь къ дѣятельной работѣ, зоветъ идти къ народу и пропагандировать революціонныя идеи. Неустанно гремитъ съ того берега „Колоколъ“, постоянно напоминая молодежи объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ. Приведенные выше отрывки изъ статей Герцена показываютъ, какъ чутко и внимательно присматривался великій трибунъ къ университетскимъ волненіямъ. Съ своей стороны и молодое поколѣніе горячо и восторженно отзывалось на обращенные призывы... Студенчество идетъ въ деревню, проникаетъ въ казармы, всюду пропагандируя революціонныя начала. Правительство принимаетъ свои мѣры. Закрываются воскресныя школы, секретнымъ циркуляромъ военный министръ предписываетъ слѣдить за знакомствомъ офицеровъ со студентами. Особымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ было запрещено студентамъ занимать должности сельскихъ учителей и волостныхъ писарей, ибо это не соотвѣтствовало, по мнѣнію министра, высокой степени ихъ образованія, а также преподавать въ частныхъ школахъ и пансіонахъ; тѣхъ, кто уже занималъ означенныя мѣста, предписывалось уволить. Но дѣло шло своимъ чередомъ. Ведя широкую пропаганду, студенты сами составляютъ организаціи, вырабатываютъ планы, готовятъ прокламаціи и воззванія. Извѣстенъ рядъ революціонно - пропагандистскихъ студенческихъ кружковъ начала 60-хъ годовъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ кружокъ Аргиропуло-Зайчневскаго, выпустившій прокламацію „Молодая Россія“. Эта прокламація, составленная въ очень рѣзкомъ тонѣ, выставляла самыя рѣшительныя революціонныя требованія; въ 1861 году она пользовалась широкимъ распространеніемъ. Къ этому кружку примыкали и были въ сношеніяхъ нѣкоторые другіе студенческіе же кружки. Дѣятельность этихъ кружковъ заключалась, главнымъ образомъ, въ составленіи и распространеніи агитаціонной литературы. Не ограничиваясь дѣятельностью въ своихъ чисто-студенческихъ кружкахъ, университетская молодежь принимала видное участіе и въ общихъ тайныхъ организаціяхъ того времени. Такъ, хорошо извѣстно, что въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Земли и Воли“ выступали петербургскіе студенты. Въ нашу задачу не входитъ описаніе дѣятельности этой наиболѣе крупной революціонной организаціи 60-хъ годовъ, отмѣтимъ только, что цѣлью ставились коренныя реформы суще-

ствующаго строя, а средствомъ—активная работа. Принимали участіе студенты и въ рядѣ другихъ кружковъ какъ примыкающихъ къ центральной организаціи „Земли и Воли", такъ и дѣйствующихъ самостоятельно. Итакъ, мы видимъ, что студенчество выступаетъ не только съ своими академическими требованіями, но и принимаетъ вліятельное участіе въ общемъ ходѣ революціоннаго движенія.

4.

Реакціонныя мѣры правительства, суровыя репрессіи, которыми подавлялись безпорядки 61 года и отъ которыхъ долго не могли опомниться и придти въ себя университеты *), вызывали большое недовольство въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Особенно возбужденное настроеніе встрѣчала преобразовательная дѣятельность адмирала Путятина, который (по счастливому выраженію Герцена) былъ назначенъ для того, чтобы по-японски морскимъ кортикомъ разрѣзать животъ университетамъ. Правительство рѣшило посбавить пылъ, и адмиралъ-реформаторъ былъ отставленъ; его мѣсто занялъ либеральный чиновникъ Головнинъ. Съ новымъ назначеніемъ повѣяло и новыми вѣяніями. Усиленно и дѣятельно пошла работа по выработкѣ новаго университетскаго устава.

*) Нѣкоторыя цифровыя данныя краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о потеряхъ, понесенныхъ студенчествомъ: въ петербургскомъ университетѣ въ 1861 году было 1442 студента, въ 1863 году, по открытіи академическихъ занятій,—265 человѣкъ, въ 1869 году—950.

Въ Петербургѣ была сдѣлана любопытная попытка основать вольную высшую школу, которая должна была бы до извѣстной степени замѣнить заглохнувшій казенный университетъ. Профессора горячо откликнулись на этотъ планъ, выработанный молодежью, и цѣлый рядъ публичныхъ курсовъ началъ функціонировать въ залахъ городской думы и училища св. Петра. Но вольный университетъ просуществовалъ недолго; разразился извѣстный инцидентъ съ профессоромъ Платономъ Павловымъ, который за рѣчь по поводу тысячелѣтія Россіи былъ высланъ изъ столицы въ Ветлугу; далѣе, въ непосредственной связи съ предыдущимъ произошла исторія съ Костомаровымъ, который въ очень рѣзкой формѣ оборвалъ срывавшихъ его лекцію слушателей. Въ дѣло вмѣшалась администрація, и лекціи были прекращены. Вскорѣ возбужденное состояніе учащейся молодежи еще усилилось, благодаря знаменитой серіи петербургскихъ пожаровъ 1862 года, виновниками и зачинщиками которыхъ чернь, при благосклонномъ попустительствѣ полиціи, считала студентовъ. Въ другихъ университетахъ за этотъ періодъ ничего особенно крупнаго не произошло; послѣ сильнаго подъема наступила относительная тишина.

Дѣло о выработкѣ новаго университетскаго устава, поставленное на очередь съ самаго начала новаго царствованія, теперь, подъ вліяніемъ происшедшихъ событій, ярко показавшихъ существенные недостатки университетскаго механизма, стало быстро подвигаться впередъ. Созда-

ніе университетскаго устава 63 года имѣетъ свою, довольно длинную исторію; мы въ самыхъ общихъ чертахъ припомнимъ ея основные моменты. Прежде всего былъ составленъ петербургскимъ попечителемъ княземъ Щербатовымъ проектъ новаго устава с.-петербургскаго университета; разсмотрѣнный и обсужденный въ совѣтѣ профессоровъ проектъ былъ отправленъ для сужденія въ другіе университеты. Отзывы и мнѣнія всѣхъ этихъ университетовъ составили матеріалъ, разработка котораго была поручена въ декабрѣ 1861 года особой комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія подъ предсѣдательствомъ фонъ-Брадке и составленной изъ попечителей учебныхъ округовъ и нѣкоторыхъ профессоровъ. Къ началу 1862 года комиссія фонъ-Брадке составила проектъ новаго общаго устава университетовъ. Съ цѣлью привлеченія общественнаго вниманія проектъ устава былъ отпечатанъ и разосланъ для предварительнаго разсмотрѣнія во всѣ университетскіе совѣты и къ цѣлому ряду лицъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства. Кромѣ того, проектъ устава былъ переведенъ на нѣмецкій, французскій и англійскій языки и доставленъ многимъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ съ цѣлью воспользоваться ихъ совѣтами и указаніями. Въ этихъ же видахъ былъ командированъ за границу профессоръ Кавелинъ съ особой миссіей ознакомиться съ устройствомъ и организаціей университетовъ въ Германіи, Франціи и Швейцаріи.

Обращенія министерства встрѣтило широкій откликъ; изъ поступившихъ въ томъ году мнѣній и замѣчаній, а также изъ статей въ періодической прессѣ былъ составленъ весьма любопытный и до сихъ поръ не утратившій своего значенія двухтомный сборникъ матеріаловъ „Замѣчанія на проектъ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ“. Изъ-за границы также со вниманіемъ и сочувственно отнеслись къ русской университетской реформѣ, и рядъ представителей ученой и педагогической дѣятельности Англіи, Бельгіи, Германіи, Франціи и Швейцаріи высказали свои соображенія и указанія; особенно серьезно и вдумчиво отнесся извѣстный нѣмецкій ученый Робертъ Моль. Разборъ обильно доставленнаго матеріала былъ порученъ ученому комитету министерства, усиленному спеціалистами изъ профессоровъ и другихъ лицъ. Каждый отдѣлъ проектируемаго устава былъ тщательно и детально разработанъ; работа была выполнена въ 18 засѣданій. Но этимъ еще дѣло не кончилось. Основы выработанаго проекта были разсмотрѣны главнымъ правленіемъ училищъ, а затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, переданы на обсужденіе особаго совѣщанія. Это особое совѣщаніе составлено было изъ министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и ряда сановниковъ съ графомъ Строгановымъ во главѣ. Замѣчанія этихъ особо-назначенныхъ лицъ были доложены государю въ совѣтѣ министровъ и тогда уставъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Разсмотрѣнный государственнымъ совѣтомъ

уставъ (уже въ пятой переработкѣ) былъ утвержденъ 18 іюня 1863 г.

Такова была внѣшняя исторія устава 63 года, исторія его хожденія по мытарствамъ; теперь интересно разсмотрѣть основныя начала новаго устава, его главныя положенія. Въ основу университетскаго управленія былъ положенъ принципъ автономіи профессорской корпораціи. Власть попечителя округа, столь больно дававшая себя знать по старому уставу, была значительно сокращена и сведена, главнымъ образомъ, къ общему контролю. Почти всѣ авторы многочисленныхъ записокъ, особыхъ мнѣній и замѣчаній по поводу проекта новаго устава высказываются противъ всесильнаго господства попечителей; всюду и вездѣ выдвигается и защищается принципъ академической автономіи. Прекрасно высказана эта мысль Н. И. Пироговымъ; „Всѣ согласны въ томъ, что университетъ не можетъ не быть коллегіальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, коллегія представляетъ болѣе ручательствъ противъ личнаго произвола... Въ централизованномъ государствѣ вся автономія университета можетъ состоять только въ томъ, чтобы его сдѣлать *какъ можно менѣе бюрократическимъ и какъ можно менѣе зависимымъ отъ бюрократіи.* Автономія и чиновничество не идутъ вмѣстѣ. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновной, она теряетъ свое значеніе. *Именно у насъ*, чтобы дать университетамъ настоящую самостоятельность и нужно поставить его *внѣ* всего іерархическаго строя. Пусть свѣтитъ оттуда". Средоточіемъ университетской жизни, высшей инстанціей сталъ совѣтъ профессоровъ. Университетскій совѣтъ былъ возстановленъ во всѣхъ прежнихъ правахъ, нарушенныхъ уставомъ 1835 г.; совѣтъ являлся центральнымъ руководителемъ всего внутренняго строя университета. Факультеты являлись его ученымъ органомъ, ректоръ — исполнительнымъ, правленіе — хозяйственнымъ и административнымъ, особыя профессорскія комиссіи — судебнымъ. Совѣтъ руководитъ не только распредѣленіемъ текущаго преподаванія, но и производитъ перемѣны во внутренней учебной организаціи факультетовъ. Ученыя степени утверждаются окончательно совѣтомъ. Ближайшее управленіе университетомъ ввѣряется ректору, выбираемому совѣтомъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ на 4 года. Ректоръ является исполнительной и распорядительной властью. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ ректоръ можетъ принимать мѣры, превышающія его обычную власть, но немедленно онъ долженъ сообщить объ этомъ соотвѣтствующимъ инстанціямъ—совѣту, правленію или попечителю. Новымъ учрежденіемъ по уставу 1863 года является университетскій судъ. Организація этого суда отличается отъ особаго привилегированнаго суда, созданнаго уставами 1804 года; компетенція университетскаго суда простирается только на учащихся и ограничивается дѣлами дисциплинарными. Уставъ опредѣлилъ только общія основы новаго судебнаго учрежденія, предоставивъ разработку въ деталяхъ самимъ университетамъ. Каждый совѣтъ выбираетъ ежегодно трехъ судей и трехъ кандидатовъ

къ нимъ; одинъ изъ судей обязательно долженъ быть юристомъ. Полицейская власть поручалась, по избранію совѣта, проректору изъ профессоровъ, выбираемому на 3 года, или инспектору изъ посторонних чиновниковъ. Цѣлый рядъ перемѣнъ былъ произведенъ въ ученой и учебной жизни университетовъ; были приняты мѣры къ поднятію угасшей за послѣдніе годы научной дѣятельности, былъ организованъ институтъ приватъ-доцентуры.

Въ то время, какъ профессорская корпорація получила полную автономію и детально разработанныя основы организаціи, гораздо болѣе сложнымъ и затруднительнымъ оказалось установленіе правильныхъ взаимоотношеній университета и студентовъ, учащихъ и учащихся. По этому поводу еще при выработкѣ проекта новаго устава былъ высказанъ рядъ мнѣній и соображеній; отмѣченный выше сборникъ матеріаловъ содержитъ немало интересныхъ замѣчаній и указаній. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ этотъ вопросъ ставится очень широко, въ связи съ общимъ вопросомъ о коренномъ измѣненіи самаго типа русскаго университета. Наиболѣе крайнюю точку зрѣнія высказалъ Костомаровъ, и его статьи вызвали горячую полемику. Извѣстный историкъ развивалъ мысль, высказываемую и до него, о необходимости превратить университеты въ открытыя для всѣхъ учебныя заведенія, въ систему публичныхъ лекцій для лицъ обоего пола, безъ различія званія и возраста. „Люди, слушающіе лекціи профессоровъ,—говоритъ почтенный ученый,—только и могутъ быть между собой связаны общими занятіями наукой; во всемъ остальномъ, какое между ними можетъ быть основаніе связи, тѣснѣе той, которая естественно существуетъ между сочленами одного гражданскаго общества". Никакихъ корпоративныхъ узъ — пережитковъ средневѣковья, никакихъ обязательныхъ и принудительныхъ связей; во всемъ полная свобода. Переходя же къ университетамъ настоящаго, Костомаровъ замѣчаетъ: „университеты наши представляютъ собой что-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то середину между школой и ученой академіей, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно учебными или образовательно-учеными заведеніями. До сихъ поръ они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и въ самомъ дѣлѣ—они ни то ни другое, потому что то и другое не совмѣстимо по своей сущности". Мысли Костомарова вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній въ печати; съ возраженіями и вопросами выступали многіе представители ученаго міра, особенно полемизировали Стасюлевичъ и Чичеринъ. Послѣдній даже прямо выразился: „Для русскаго просвѣщенія не можетъ быть большаго удара, чѣмъ исполненіе мысли Костомарова. Это ни болѣе ни менѣе, какъ уничтоженіе высшаго преподаванія и обращеніе нашихъ университетовъ въ дѣло общественнаго развлеченія".

Кромѣ костомаровскаго плана, многіе старались, при наличности существующей университетской организаціи, установить нормальныя отноше-

нія между учащими и учащимися. Большинство изъ нихъ стояло за „свободу преподаванія и обученія". (Lehr und Lehrnfreiheit) германскихъ университетовъ. Особенно горячо и продумано защищалъ эту точку зрѣнія Пироговъ. Пироговъ во главу угла ставилъ научное значеніе университета; для достиженія этой цѣли необходима свобода научныхъ занятій и сношеній учащихъ и учащихся. Различныя привилегіи и служебныя отличія должны быть внѣ университета; Пироговъ протестуетъ противъ соединенія ученой степени съ чиномъ и службой. Съ цѣлью поддержанія на должной высотѣ научнаго духа профессорской корпораціи, Пироговъ настаиваетъ на болѣе частой перебаллотировкѣ профессоровъ, ратуетъ противъ непомѣрно развившагося непотизма, указываетъ на необходимость конкуренціи научныхъ силъ и привлеченія свѣжихъ молодыхъ ученыхъ. Но всѣ эти мысли гуманиста-реформатора не были приняты во вниманіе. Русскіе университеты соединили самоуправленіе профессорской корпораціи германскихъ университетовъ съ обязательностью учебнаго плана французскаго типа. Идея конкурирующихъ курсовъ и ученаго соревнованія отпала; институтъ приватъ-доцентовъ получилъ самое незначительное распространеніе. Въ отрицательномъ смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты, хотя за это высказались совѣты четырехъ университетовъ (петербургскаго, кіевскаго, харьковскаго и казанскаго *).

Чрезвычайно сложнымъ и трудно разрѣшимымъ представлялся вопросъ объ устройствѣ надзора за учащимися. Здѣсь также были высказаны и мотивированы самыя различныя мнѣнія. Одни довольно платонически мечтали о возстановленіи нравственнаго вліянія профессорской коллегіи на учащуюся молодежь; но въ связи съ этимъ пред-

*) Интересно отмѣтить мнѣніе, высказанное ученымъ комитетомъ по вопросу о допущеніи стороннихъ слушателей и женщинъ въ университетъ. „Наши университеты съ давняго времени—гласитъ это мнѣніе, выраженное въ объяснительной запискѣ къ проекту устава—сдѣлались заведеніями не только воспитательными, но и общеобразовательными; ихъ стали посѣщать люди посторонніе, любознательные, находящіе наслажденіе въ трудѣ мысли и посвящающіе ему свободныя отъ занятій минуты. По всеобщему убѣжденію, высказанному въ собранныхъ на проектѣ устава мнѣніяхъ, нельзя устранить изъ университета публику, не причинивъ чрезъ то существеннаго вреда народному просвѣщенію и не повредивъ самимъ университетамъ, какъ его разсадникамъ. Присутствіе публики весьма полезно не только потому, что оно служитъ средствомъ распространенія въ массахъ истинъ, добытыхъ наукою, но и потому, что оно не даетъ преподавателямъ заснуть на лаврахъ, читать одно и то же по тетрадкамъ, разъ навсегда заготовленнымъ, заставляетъ ихъ работать и обновлять свое преподаваніе". Развивая далѣе эту мысль ученый комитетъ находитъ, что при допущеніи публики на лекціи нѣтъ основанія устранять женщинъ. Почти всѣ университеты высказались не только въ пользу слушанія лекцій женщинами, но и за допущеніе ихъ къ испытаніямъ на ученыя степени. Московскій университетъ былъ противъ, но свое мнѣніе довольно курьезно обосновывалъ тѣмъ, что присутствіе женщинъ „можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей". Строгановская комиссія высказалась рѣшительно противъ допущенія женщинъ въ университетъ.

лагалось дать студентамъ свои организацiи, „дать имъ возможность группироваться въ товарищества и кружки подъ наблюденiемъ, съ разрѣшенiя или отвѣтственностью университетскаго начальства". На дiаметрально-противоположной точкѣ зрѣнiя стоялъ Пироговъ. Онъ не находитъ сильной нравственной связи между профессурой и студенчествомъ и не думаетъ, чтобы новый порядокъ какимъ-либо образомъ ее усилилъ. Для того, чтобы профессорамъ коллегiи брать на себя отвѣтственность, необходимо „возстановить свое нравственное влiянiе, а чтобы возстановить его, одной автономiи мало..." Но передъ рѣшенiемъ основного вопроса Пироговъ сталъ втупикъ; онъ далеко не былъ такъ опредѣленъ, какъ въ своихъ первыхъ мнѣнiяхъ, высказанныхъ во дни комиссiи принца Ольденбургскаго (см. выше). Съ одной стороны онъ считаетъ невозможнымъ разрушить корпоративное начало, говоря по этому поводу: „Гдѣ только собираются люди на продолжительное время, въ виду извѣстной цѣли, да къ тому же еще, если ихъ сближаетъ возрастъ, воспитанiе и нацiональность, то тамъ корпоративное начало уже есть несомнѣнно". Съ другой стороны, Пирогову, какъ и прежде, представляется невозможной правильная корпоративная организацiя студенчества; „для организацiи студенчества въ правильную корпорацiю намъ не достаетъ двухъ главныхъ условiй: преданiя и нравственной суприматiи организаторовъ. Будь они у насъ на лицо, то уже давно бы все было организировано само собой". Новый уставъ сталъ внѣ всѣхъ этихъ разсужденiй; былъ введенъ профессорскiй судъ и студенты разсматривались, какъ отдѣльные посѣтители. Легко, конечно, замѣтить, что это были лишь неудачные паллiативы и на практикѣ эти мѣры не имѣютъ никакого реальнаго значенiя.

Таковы были общiя основы новаго университетскаго устава. Несомнѣнно, этотъ уставъ шелъ значительно впередъ по сравненiю съ предшествующимъ „николаевскимъ уставомъ", но все же и онъ останавливался на полдорогѣ. Широкая профессорская автономiя базировала на непрочномъ и неустроенномъ фундаментѣ; и университетское зданiе, при такой несовершенной архитектурной постройкѣ, не могло оказать достаточнаго отпора реакцiоннымъ бурямъ...

ГЛАВА XII.

Русская литература шестидесятыхъ годовъ.

(П. Н. Сакулина.)

I.

Новыя черты литературной исторіи.

Уныло заканчивалось царствованіе Николая I. Правительство какъ бы задалось цѣлью произвести грандіозный соціологическій опытъ политической реакціи, обставивъ его самыми строгими условіями эксперимента.

Тридцать лѣтъ съ удивительной послѣдовательностью поддерживало оно свой желѣзный режимъ. При малѣйшей опасности, дѣйствительной или мнимой, оно съ удвоенной энергіей отстаивало свои принципы. Въ западныхъ революціонныхъ движеніяхъ 1848 г. николаевское правительство увидѣло достаточный поводъ для новыхъ и новыхъ репрессій. Послѣдній періодъ николаевскаго царствованія, отъ 1848 до 1855 г., даже въ офиціальномъ изданіи 1862 г. заслужилъ наименованіе „эпохи цензурнаго террора". Кары одна за другой сыпались тогда на писателей. Пострадали петрашевцы, Салтыковъ, Тургеневъ, Н. Ф. Павловъ, Юр. Самаринъ, авторъ „Рижскихъ писемъ"; въ немилости были славянофилы и А. Н. Островскій; имя Гоголя, смерть котораго (въ 1852 г.) глубоко опечалила русское общество, стало запретнымъ. Правительственная подозрительность не знала предѣловъ, и положеніе литературы было до крайности тягостнымъ. Никакихъ направленій не полагалось, кромѣ одного, офиціально одобреннаго. По требованію цензуры, Некрасову, издателю „Современника", приходилось печатно заявлять, какъ свое убѣжденіе, что „міръ славянорусскій и міръ романогерманскій—два совершенно особенные міра", что „у насъ свое дѣло, своя задача, своя цѣль, свое назначеніе, а потому и своя особенная дорога, свои особенныя средства". Очевидно, теперь было уже не до споровъ. Серьезная общественная полемика между партіями прекращается; писатели, видимо, мало дорожатъ своими идейными разногласіями и безразлично участвуютъ во всѣхъ органахъ печати. Если порой и возникаетъ полемика, то она по большей части носитъ мелочной, личный характеръ. Критика, самый живой отдѣлъ лучшихъ журналовъ, со смертью Бѣлинскаго и Вал. Майкова, въ рукахъ такихъ лицъ, какъ А. В. Дружининъ, пріобрѣтаетъ также безцвѣтный характеръ. Общій налетъ вялости, безжизненности легъ на литературу и журналистику; журналы поневолѣ предпочитали менѣе опасныя темы о дубленіи кожи, о тонкорунномъ овцеводствѣ и т. п.

Настроеніе писателей и вообще интеллигентныхъ круговъ было подавленное и подчасъ выливалось въ болѣзненныя, жуткія формы. Литераторы и образованные люди пре-

давались разнымъ шутовскимъ выходкамъ, въ которыхъ сквозило, выражаясь словами Пыпина, „частью инстинктивное, частью сознательное желаніе посмѣяться въ удушливой атмосферѣ времени“. Тогда именно въ „Современникѣ“ Дружининъ писалъ свои странные фельетоны „Путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ“; въ томъ же журналѣ група талантливыхъ писателей (братья Жемчужниковы, Алексѣй Толстой, Некрасовъ) сочиняла творенія Кузьмы Пруткова. И это было печальное знаменіе времени. „Мудрые афоризмы Кузьмы Пруткова, историческіе анекдоты, басни и проч.,—писалъ Пыпинъ,—все это было сплошное шутовство, гдѣ, однако, при нѣкоторомъ вниманіи, мелькала какая-то неопредѣленная насмѣшка: въ литературу введенъ былъ писатель, который, очевидно, былъ карикатурой,—тупоумный или одурѣлый чиновникъ, который считалъ себя и мудрымъ и благонамѣреннымъ“. Происходилъ своего рода пиръ во время чумы. Письма и дневники болѣе чуткихъ современниковъ, какъ Грановскій и Никитенко, полны тоскливыхъ жалобъ. Впереди не видѣлось просвѣта.

Крымская война принесла, наконецъ, развязку тяжелой драмы. Исторія съ неподкупной строгостью произвела смотръ матеріальнымъ и духовнымъ силамъ николаевской Россіи, и рѣшительная ставка была проиграна. Занавѣсъ опущенъ, занавѣсъ поднятъ, и начинается новый актъ русской исторіи. Наступила эпоха шестидесятыхъ годовъ, которую еще не такъ давно мы называли „эпохой великихъ реформъ“.

Хронологически этотъ періодъ можно начинать съ конца Севастопольской войны, съ 1856 г., и заканчивать приблизительно 1866—1868 годами, когда, послѣ выстрѣла Каракозова, разыгрывается безпощадная реакція. Въ свою очередь, въ предѣлахъ даннаго десятилѣтія намѣчаются два періода, границею которыхъ является крестьянская реформа 1861 г.

19-ое февраля, вызвавшее необходимость и другихъ преобразованій русской жизни, самымъ существеннымъ образомъ повліяло на экономическія и соціальныя взаимоотношенія русскаго населенія. Еще въ николаевскую эпоху можно было наблюдать, какъ постепенно назрѣвала потребность въ новыхъ формахъ экономической и соціально-политической жизни и какъ рядомъ съ дворянствомъ выростали въ своемъ значеніи другіе общественные слои. Съ освобожденіемъ крестьянъ дворянство утратило одинъ изъ самыхъ прочныхъ базисовъ, на которомъ зиждились его матеріальное благополучіе и привилегированное положеніе; безповоротно заканчивался дворянскій періодъ русской культуры и русской литературы. Народная масса, все еще неорганизованная и неспособная на планомѣрное участіе въ общемъ ходѣ жизни, отнынѣ тѣмъ не менѣе становится главнымъ, всеопредѣляющимъ факторомъ, обусловливающимъ собою характеръ общественныхъ и литературныхъ теченій. Экономическая метаморфоза, совершавшаяся въ эпоху ре-

формъ, поднимала значеніе и русской буржуазіи. Но въ періодъ шестидесятыхъ годовъ она еще не успѣла наложить своего отпечатка на характеръ нашей пореформенной культуры. Литература, конечно, не обходила жизни буржуазныхъ слоевъ: Островскій продолжалъ въ прежнемъ направленіи разрабатывать мотивы купеческаго быта, захватилъ его отчасти и Щедринъ въ своей сатирѣ (напр., „Что такое коммерція?" въ „Губернскихъ очеркахъ", „Утро у Хрептюгина", въ „Невинныхъ разсказахъ"). Но міръ русскихъ капиталистовъ въ шестидесятыхъ годахъ еще сохранялъ черты прежней патріархальности какъ въ частномъ быту, такъ и въ своей общественной дѣятельности. „У насъ нѣтъ старинныхъ большихъ торговыхъ домовъ,—писалъ Чернышевскій („Современникъ" 1857 г.).—Обыкновенно богатые наши торговцы бываютъ люди, не наслѣдовавшіе никакого капитала, а бывшіе въ молодости торговцами очень бѣдными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они сохраняютъ привычки *мелочной торговли* и тогда, когда посредствомъ оборотовъ, ей свойственныхъ, пріобрѣли значительный капиталъ". Только въ семидесятыхъ годахъ Салтыковъ заговорилъ о столпахъ Деруновыхъ, какъ важной соціальной силѣ. Зато видная роль выпала на долю той пестрой общественной группы, которую называютъ разночинской. *Разночинецъ* выступалъ и раньше, но по мѣрѣ того, какъ падала дворянская культура и параллельно развивался процессъ демократизаціи знанія, онъ все болѣе и болѣе выдвигался на авансцену русской жизни. Въ шестидесятые годы именно разночинецъ начинаетъ давать тонъ русской интеллигенціи, увлекая за собой и „кающагося дворянина", какъ ранѣе дворянская интеллигенція втягивала въ сферу своего вліянія разночинца (напр., такого типичнаго для николаевской эпохи, какъ Бѣлинскій). Люди съ грубыми, почти мозолистыми руками, неуклюжіе, застѣнчивые, безъ утонченнаго воспитанія, а иногда безъ законченнаго образованія, но зато хорошо закаленные въ житейской борьбѣ, сильные своей привычкой къ труду и лишеніямъ, сильные, наконецъ, спокойствіемъ своей совѣсти, — разночинцы органически должны были отрицать старый укладъ жизни, протестовать противъ барскаго, студенистаго „романтизма", противъ недавнихъ авторитетовъ. По природѣ своей они прежде всего отрицатели, „нигилисты". „Вотъ ultimatum нашего лагеря,—съ обычной рѣшительностью заявлялъ Писаревъ,—что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть". Разночинецъ принесъ съ собою свѣжій запасъ энергіи; онъ способствовалъ обостренію исторически необходимой борьбы за лучшія формы жизни, проповѣдуя новое міропониманіе и новые соціальные идеалы.

Передъ нами не простая смѣна поколѣній, „отцовъ и дѣтей". Было, конечно, и это. „Можно сказать,—свидѣтельствуетъ Софья Ковалевская,—что въ этотъ промежутокъ

времени, отъ начала 60-хъ до начала 70-хъ годовъ, всѣ интеллигентные слои русскаго общества были заняты только однимъ вопросомъ: семейнымъ разладомъ между старыми и молодыми". Родители и дѣти ссорились между собою, потому что „не сошлись убѣжденіями", и родители торжественно отрекались отъ дѣтей, а дѣти бросали родную семью и уходили въ Петербургъ, за-границу, гдѣ можно было жить по-новому. Но все же не въ этомъ расколѣ сущность движенія 60-хъ годовъ. Происходитъ смѣна однѣхъ соціальныхъ группъ другими, и шестидесятые годы представляютъ поучительную картину интенсивной гражданской войны. Естественно, что это должно было повести къ болѣе рѣзкой дифференціаціи общественныхъ фракцій, къ образованію новыхъ партійныхъ группировокъ. Строго говоря, только теперь и появляются у насъ партіи съ извѣстной соціально-политической программой. Дворянско-классовая оппозиція не переставала дѣйствовать, а съ 1863 г., когда наступило благопріятное для нея время общественной реакціи, обзавелась и собственнымъ органомъ „Вѣсть". Продолжали играть замѣтную роль и славянофилы. Хотя изъ ихъ строя очень скоро выбыли такія крупныя силы, какъ братья Кирѣевскіе (умерли въ 1856 г.), Хомяковъ (ум. въ 1860 г.), К. Аксаковъ (ум. въ 1861 г.), но они принимали дѣятельное участіе въ общественной и литературной жизни. Это особенно нужно сказать о Самаринѣ и Ив. Аксаковѣ. Послѣдній своей прямотой и смѣлостью причинялъ столько непріятностей правящимъ сферамъ, что имя его въ цензурномъ вѣдомствѣ порою произносилось съ неменьшимъ негодованіемъ, чѣмъ имя Чернышевскаго. Въ 1856 г. славянофилы получили возможность имѣть свой періодическій органъ — „Русскую Бесѣду"; за ней послѣдовали „Сельское Благоустройство", „Молва", „Парусъ", „День". Рядомъ съ этимъ развивается и та фракція славянофильства, которая въ пятидесятыхъ годахъ составляла „молодую редакцію Москвитянина". Теперь подъ названіемъ почвенниковъ, при участіи Ап. Григорьева, братьевъ Достоевскихъ и Н. Н. Страхова-Косицы, они работали въ журналѣ „Время" и „Эпоха". Но особеннымъ оживленіемъ отличался лагерь западниковъ. Эта старая кличка не могла уже покрыть всего широкаго развѣтвленія западническихъ идей, какое наблюдается въ шестидесятые годы. Западничество прежняго типа уступаетъ свое мѣсто нѣсколькимъ разновидностямъ общественнаго либерализма и радикализма: „Библіотека для чтенія" Дружинина распространяетъ идеи англійскаго консерватизма, „Русскій Вѣстникъ" (съ 1856 г.) Каткова служитъ проводникомъ идей конституціоннаго либерализма, „Колоколъ" Герцена поддерживаетъ традиціи ранняго народническаго соціализма съ примѣсью „реальной" политики, „Современникъ" съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ занялъ вліятельное положеніе, какъ органъ демократическаго радикализма, и, наконецъ, „Русское Слово" (1858—1866) съ Писаревымъ, въ качествѣ наиболѣе вліятельнаго сотрудника, насаждаетъ „нигилизмъ".

Весь смыслъ новаго движенія шестидесятыхъ годовъ заключался въ разрывѣ съ прошлымъ. Это порождало неизбѣжный конфликтъ между представителями отдѣльныхъ прогрессивныхъ фракцій и въ частности между „людьми сороковыхъ годовъ“ и демократами 60-хъ годовъ. Разночинецъ - демократъ, объявивъ рѣшительную войну старымъ формамъ жизни, возстанетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ тѣхъ людей, которые выросли въ періодъ барства и крѣпостничества, хотя бы это были лучшіе люди своего времени. Здѣсь лежатъ соціальная и психологическая причины недоразумѣній и ссоръ, происходившихъ между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Разночинцы знаютъ, что среди дѣятелей сороковыхъ годовъ были благородные идеалисты, но они поставятъ имъ въ вину, какъ, между прочимъ, дѣлалъ это Добролюбовъ въ статьѣ 1859 г. („Литературныя мелочи прошлаго года“), отвлеченность стремленій, безпочвенность, рабское подчиненіе „принципу“, „общей философской идеѣ, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали“, а больше всего станутъ упрекать за то, что они не были активными работниками жизни, что слово у нихъ расходилось съ дѣломъ, что, короче, они были „лишними людьми“. Съ другой стороны, представителямъ сороковыхъ годовъ трудно будетъ примириться съ вызывающимъ тономъ отрицателей, съ ихъ рѣзкимъ демократизмомъ. Тургеневъ не могъ сотрудничать въ „Современникѣ“ рядомъ съ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ. Герценъ рѣшительно ополчился на „невскихъ Даніиловъ“, „желчевиковъ“, которые бросали камнями въ „лишнихъ людей“, въ этихъ „лѣнтяевъ, дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneghine“, и зло смѣялись надъ потокомъ обличительныхъ фразъ. Герценъ старался исторически оправдать бездѣятельность „лишнихъ людей“ и вызвать сочувствіе къ ихъ нравственнымъ страданіямъ („Лишніе люди и желчевики“, 1860). Ему казалось далѣе „развратомъ мысли“ глумленіе надъ неудачными попытками гласности. „Теперь все вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи“, потому-то „пустое балагурство скучно, неумѣстно“ („Very dangerous“, 1859 г.). Впослѣдствіи, когда у насъ начало развиваться революціонно - демократическое движеніе, Герценъ рѣшительно разошелся съ „саперами революціи“, съ „прямолинейными доктринерами“. Психологія людей обоего типа была весьма различна, и въ разгаръ борьбы имъ трудно было понимать другъ друга. Временами полемика принимала крайне рѣзкій характеръ. Но въ болѣе спокойныя минуты взаимное пониманіе все же было возможно. Однажды Писаревъ отъ имени „новѣйшихъ реалистовъ“ засвидѣтельствовалъ „свое кровное родство“ съ Бельтовыми, Чацкими и Рудиными. Въ „этомъ отжившемъ типѣ,—говорилъ Писаревъ,—мы узнаемъ нашихъ предшественниковъ, мы уважаемъ и любимъ въ немъ нашихъ учителей, мы понимаемъ, что безъ *нихъ* не могло бы быть и *насъ*“. Базаровы, Лопуховы и Рахметовы продолжали дѣло лишнихъ людей, какъ

ни странно звучитъ такое сопоставленіе. Въ свою очередь и Герценъ оказывался способнымъ признать слабости своего поколѣнія и превосходство новыхъ людей. Какъ западники, такъ и славянофилы, говорилъ онъ въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарину отъ 1865 г., „по положенію, по необходимости, были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами нашихъ идей". Это было неизбѣжно послѣ 1825 года. „Все это такъ,— продолжаетъ онъ,—но *энергіей*, но *дѣломъ*, но *мужествомъ* мы мало отличались". Даже такіе люди, какъ Чаадаевъ и Хомяковъ „исходили болтовней". „Всѣ мы были отважны и смѣлы только въ области мысли... Не то теперь". Герценъ и Тургеневъ одинаково были увѣрены, что они могутъ „симпатично" встрѣтиться съ дѣтьми Базарова. Въ своей рѣчи о Пушкинѣ Тургеневъ возвысился до вполнѣ объективнаго, историческаго объясненія той литературной розни, какая происходила въ „политическую" эпоху шестидесятыхъ годовъ.

Имѣя все это въ виду, намъ не слѣдуетъ преувеличивать разстоянія, отдѣляющаго двѣ смежныя эпохи. Если взять идейное содержаніе шестидесятыхъ годовъ, то корни его мы безъ труда отыщемъ какъ разъ въ сороковые годы. Строго говоря, нѣтъ ни одной идеи шестидесятниковъ, которая съ большей или меньшей опредѣленностью не была уже высказана въ предыдущую эпоху. И вожди общественной мысли 60-хъ годовъ прекрасно сознавали свою идейную связь съ людьми сороковыхъ годовъ. Чернышевскій питалъ къ Бѣлинскому „горячую любовь преданнаго и благодарнаго ученика" и первый освѣтилъ его литературныя и общественныя заслуги въ „Очеркахъ гоголевскаго періода". Добролюбовъ сумѣлъ воздать должное возвышенному идеализму Станкевича, благородству Бѣлинскаго и Грановскаго. Появленіе сочиненій Бѣлинскаго (въ изданіи Солдатенкова и Щепкина) наполнило его сердце самой искренней радостью и дало ему поводъ написать восторженную замѣтку, гдѣ Бѣлинскій называется гордостью, славой и украшеніемъ русской литературы: „До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы". Даже Писаревъ призналъ въ Бѣлинскомъ „превосходнаго критика, честнаго гражданина и замѣчательнаго мыслителя" и заявилъ, что по своимъ основнымъ убѣжденіямъ онъ самъ близко подходитъ къ идеямъ „великаго бойца Бѣлинскаго". Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ идейномъ отношеніи шестидесятые годы находятся въ генетической связи съ сороковыми, но въ новыхъ соціальныхъ условіяхъ прежнія идеи пріобрѣтаютъ неизвѣстный ранѣе демократизмъ и радикализмъ. Мысль получаетъ болѣе широкій размахъ, волевая энергія—необычное прежде напряженіе.

Если теперь мы обратимся въ частности къ художественной литературѣ, то и здѣсь не увидимъ пропасти между сороковыми и шестидесятыми годами; напротивъ, мы наблюдаемъ строгую преемственность между двумя періодами. Тутъ, во-первыхъ, бы-

ла чисто личная унія. Писатели сороковыхъ годовъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Островскій) продолжаютъ свою дѣятельность и въ шестидесятые годы; Некрасовъ, Салтыковъ, Достоевскій, Л Толстой, поэты „чистаго искусства“ (Ап. Майковъ, Фетъ, Тютчевъ), работаютъ рядомъ съ писателемъ-разночинцемъ, съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Помяловскимъ, Рѣшетниковымъ, Никитинымъ, Н. Успенскимъ и т. д. Далѣе, вѣрная традиціямъ пушкино-гоголевской школы и принципамъ критики Бѣлинскаго, литература сороковыхъ годовъ завѣщала шестидесятымъ годамъ уже выработанные пріемы художественнаго реализма и первые попытки освѣщенія „соціальныхъ мотивовъ“ русской жизни. Эстетика шестидесятниковъ и весь характеръ литературы даннаго періода органически выводится изъ сороковыхъ годовъ.

Съ 1855 г. начали выходить „Сочиненія Пушкина“ въ изданіи Анненкова. Чернышевскій и Добролюбовъ привѣтствовали это событіе, какъ важный фактъ въ исторіи русской литературы и общественности. Чернышевскій по этому поводу посвящаетъ Пушкину обширную статью въ „Современникѣ“ (1855 г., № 2, 3, 7 и 8). „Достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики“ совпало съ юбилеемъ московскаго университета, „столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи“. Критикъ въ томъ и другомъ видитъ „торжество для русской науки и литературы“ и заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими словами, почти буквально воспроизводящими взглядъ Бѣлинскаго на значеніе поэзіи Пушкина: „Великое дѣло свое ввести въ русскую литературу поэзію, какъ прекрасную художественную форму, Пушкинъ совершилъ вполнѣ и, узнавъ поэзію, какъ форму, русское общество могло уже идти далѣе и искать въ этой формѣ содержанія. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтовъ и, особенно, Гоголь. Но художническій геній Пушкина такъ великъ и прекрасенъ, что, хотя эпоха безусловнаго удовлетворенія чистою формою для насъ миновалась, мы доселѣ не можемъ не увлекаться дивною художественною красотою его созданій. Онъ истинный отецъ нашей поэзіи, онъ воспитатель эстетическаго чувства и любви къ благороднымъ эстетическимъ наслажденіямъ въ русской публикѣ, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась, благодаря ему — вотъ его права на вѣчную славу въ русской литературѣ“.

„Память Пушкина, — писалъ въ 1858 г. Добролюбовъ по поводу того же изданія Анненкова,—какъ будто повѣяла еще разъ жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены“.

Критика 60-хъ годовъ начинаетъ съ того, гдѣ остановился Бѣлинскій, не только въ оцѣнкѣ основоположниковъ нашего художественнаго реализма Пушкина и Гоголя, но и въ

своихъ теоретическихъ предпосылкахъ. Нисколько не поступаясь сущностью своихъ эстетическихъ взглядовъ, всегда требуя, чтобы искусство было искусствомъ, Бѣлинскій сороковыхъ годовъ съ непреложной ясностью говорилъ о соціальномъ значеніи искусства и жизнь ставилъ выше искусства. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова (1841 г.) Бѣлинскій еще провозглашалъ, что „въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью нежели въ самой дѣйствительности", и это оттого, что въ произведеніяхъ искусства „нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное". Спорную проблему онъ рѣшалъ въ пользу искусства: роза въ стихотвореніи лучше и пышнѣе розы въ саду. Но вскорѣ онъ оцѣнитъ въ поэтѣ гражданина и скажетъ, что жизнь „всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни". Критикѣ 60-хъ годовъ предстояло укрѣпиться на тѣхъ позиціяхъ, которыя занялъ уже Бѣлинскій, и она сдѣлала это съ полнымъ сознаніемъ своихъ историческихъ обязательствъ. „Очевидно, критика Добролюбова и теперешняя критика „Русскаго Слова", по своему основному принципу, совершенно соотвѣтствуютъ стремленіямъ Бѣлинскаго", говорилъ Писаревъ какъ разъ въ той статьѣ 1865 г., гдѣ онъ выступилъ отрицателемъ Пушкина и антагонистомъ Бѣлинскаго.

Теоретикомъ въ области эстетики въ шестидесятые годы былъ прежде всего Н. Г. Чернышевскій, авторъ диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности" (1855 г.). Развивая дальше мысли Бѣлинскаго и опираясь на матеріалистическія идеи Фейербаха, Чернышевскій пытается заложить новыя начала позитивной эстетики. Дѣйствительность выше фантазіи, жизнь выше искусства и критерій для прекраснаго,—вотъ что стремится доказать намъ Чернышевскій. „Самое общее изъ того, что мило человѣку, и самое милое ему на свѣтѣ—*жизнь;* ближайшимъ образомъ такая жизнь, какую хотѣлось бы ему вести, какую любитъ онъ". Поэтому, каждая общественная группа, соотвѣтственно своему соціальному положенію, посвоему понимаетъ сущность прекраснаго и неизбѣжно вноситъ въ свои эстетическія представленія элементъ утилитарности. Человѣку кажется прекраснымъ „также то, съ чѣмъ связано счастье, довольство человѣческой жизни". Слѣдовательно, содержаніе искусства далеко не тожественно съ областью красоты въ узкомъ смыслѣ слова: „сфера искусства не ограничивается однимъ прекраснымъ и его такъ называемыми моментами, а обнимаетъ собою все, что въ дѣйствительности (въ природѣ и въ жизни) интересуетъ человѣка, не какъ ученаго, а просто какъ человѣка; общеинтересное въ жизни—вотъ содержаніе искусства". И роль искусства по отношенію къ жизни является подчиненной. „Истинная, высочайшая красота есть именно красота, встрѣчаемая человѣкомъ въ мірѣ дѣйствительности, а не красота, создаваемая искусствомъ". Но все же искусство имѣетъ

свое право на существованіе. Воспроизводя дѣйствительность, художникъ, „не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще“, волей-неволей, сознательно или безсознательно произноситъ свой приговоръ надъ изображаемыми явленіями: „въ его картинахъ или романахъ, поэмахъ, драмахъ будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью“. Такимъ образомъ, художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства, „оставаясь въ области искусства, пріобрѣтаетъ значеніе научное“. Слѣдовательно, задача искусства тожественна съ задачей науки. „Наука и искусство (поэзія) — „Handbuch“ для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе—приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности“. Диссертація Чернышевскаго была „апологіей дѣйствительности сравнительно съ фантазіей“, апологіей жизни сравнительно съ искусствомъ Въ своемъ взглядѣ онъ не видитъ ничего унизительнаго для искусства; онъ только вводитъ послѣднее въ его естественныя границы: „Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни“.

Точно такъ же и Добролюбовъ далекъ отъ какого-либо отрицанія искусства. Онъ отказывается отъ эстетической критики, какъ слишкомъ субъективной, произвольной и, пожалуй, мало существенной. Она стала теперь, говорилъ Добролюбовъ, „принадлежностью чувствительныхъ барышень“. Въ самомъ себѣ онъ не находилъ „призванія воспитывать эстетическій вкусъ публики“; ему „чрезвычайно скучно браться за школьную указку съ тѣмъ, чтобы пространно и глубокомысленно толковать о тончайшихъ оттѣнкахъ художественности“. Но онъ умѣетъ цѣнить поэзію, какъ искусство, и понимаетъ особенности художника и значеніе его дѣятельности „въ ряду другихъ отправленій общественной жизни“: „образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ“, говорилъ Добролюбовъ, и степень достоинства каждаго произведенія въ его глазахъ прежде всего обусловливается тѣмъ, „какъ глубоко проникаетъ взглядъ писателя въ самую сущность явленій, какъ широко захватываетъ онъ въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни“. Для Добролюбова литература есть „сила служебная, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ“. Въ качествѣ представителя „реальной критики“, онъ хочетъ изучать по литературнымъ

произведеніямъ жизнь и міросозерцаніе писателя; онъ цѣнитъ только реальное творчество, какъ и Чернышевскій, хотя послѣдній дѣлаетъ существенную оговорку о допустимости и „фантастическаго содержанія искусства“, если мечты имѣютъ для человѣка „значеніе чего-то объективнаго.

Итакъ, ни Чернышевскій съ своей эстетикой и критикой ни Добролюбовъ съ его публицистической критикой не были отрицателями искусства. Остается Писаревъ. За нимъ прочно укрѣпилась репутація разрушителя эстетики, вандала искусства, отрицателя Пушкина и т. д.

Эстетика Писарева пережила извѣстную эволюцію. Судя по его первымъ литературнымъ опытамъ (1859 г.), онъ начинаетъ, какъ вѣрный ученикъ Бѣлинскаго. Чѣмъ далѣе, тѣмъ суровѣе и суровѣе относится онъ къ эстетикѣ и поэзіи. Не совсѣмъ точно понявъ Чернышевскаго, Писаревъ принялся разрушать эстетику, какъ „науку о прекрасномъ“. Прекрасное не имѣетъ самостоятельнаго значенія, разсуждалъ онъ, а зависитъ „отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ“; у каждаго человѣка своя эстетика, и, слѣдовательно, „общая эстетика, приводящая личные вкусы къ обязательному единству, становится невозможной“ (1865 г.). Мы услышимъ отъ него утвержденіе, что различіе между поэтами и не поэтами „оказывается пустымъ оптическимъ обманомъ“, что всякій человѣкъ, „къ которому заходятъ въ голову умныя мысли, который умѣетъ задерживать и разрабатывать эти мысли въ своей головѣ и который посредствомъ упражненія сдѣлался мастеромъ словесныхъ дѣлъ“, можетъ, если захочетъ, сдѣлаться поэтомъ; мы услышимъ отъ Писарева совершенно серьезное отожествленіе художника съ ремесленникомъ и издѣвательства надъ „таинственнымъ процессомъ творчества“. Критикъ радуется, что „поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, клонится къ упадку“, что беллетристика оттѣснена на задній планъ разсужденіями по вопросамъ науки и общественной жизни, такъ какъ „серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета“. Словомъ, Писаревъ высказывалъ довольно упрощенный взглядъ на эстетику и искусство и бывалъ крайне рѣшителенъ въ своемъ отрицаніи. Но онъ рѣдко бывалъ послѣдователенъ въ своихъ нападкахъ, и мы въ сущности можемъ говорить скорѣе о колебаніяхъ въ сторону отрицанія, чѣмъ объ абсолютномъ отрицаніи искусства. Изъ ряда статей нетрудно опредѣлить, во имя чего отрицалъ Писаревъ эстетику и чего онъ требовалъ отъ произведеній искусства. Критикъ не прочь признать, что существуютъ „такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ“, какъ, напр., Некрасовъ, Тургеневъ или Чернышевскій (въ качествѣ автора романа „Что дѣлать“); онъ готовъ признать законность поэтической формы выраженія мыслей, особенно теперь,

когда „окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей и особенно читательницъ все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола". Но писатель пріобрѣтаетъ право на художественное творчество лишь въ томъ случаѣ, если ему есть что сказать, если трудъ его будетъ полезенъ обществу. „Послѣдовательный реализмъ, — читаемъ въ статьѣ „Реалисты" (1864),—безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы; но слово „польза" мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ его навязываютъ намъ наши литературные антагонисты... Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать". Поэтъ, какъ и всякій человѣкъ, членъ гражданскаго общества. „Истинный, „полезный" поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа". Страстный и впечатлительный, онъ полонъ святой любви и великой ненависти. Онъ — „титанъ, потрясающій горы вѣкового зла", онъ—„великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный „рыцарь духа", какъ говоритъ Генрихъ Гейне". Такими и были Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Гете, Гейне. Въ противномъ случаѣ поэтъ — „ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплатнаго фиглярства", „козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли". Таковъ Фетъ, который „поетъ тоненькой фистулой о душистыхъ локонахъ и еще болѣе трогательнымъ голосомъ жалуется печатно на работника Семена", который совмѣщаетъ въ себѣ нѣжнаго поэта и „разсчетливаго хозяина, солиднаго bourgeois и мелкаго человѣка".

Въ концѣ-концовъ Писаревъ былъ только болѣе рѣзокъ, чѣмъ Добролюбовъ и Чернышевскій, но говорилъ въ сущности то же, что и они, или ранѣе того Бѣлинскій сороковыхъ годовъ. Нѣкогда Пушкину приходилось защищать независимость искусства, и онъ написалъ свое сильное и спорное стихотвореніе „Поэтъ и Чернь". Критика шестидесятыхъ годовъ, въ свою очередь, сознавала историческую необходимость того, чтобы искусство своимъ соціальнымъ и идейнымъ содержаніемъ служило интересамъ общественной мысли. Въ моментъ, когда жизнь готова реформироваться на началахъ свободы и позитивизма, болѣе чѣмъ когда-либо нужны наука и „полезная" литература, нужны демократизація и популяризація знаній. Писатель не можетъ считать себя свободнымъ отъ общихъ задачъ, какія ставитъ передъ интеллигенціей время. Русскій, говорилъ Чернышевскій въ „Очеркахъ гоголевскаго періода", „до сихъ поръ не могъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ патріотомъ, въ смыслѣ Петра Великаго,—дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли". Необходимо „обнародить" науку, проповѣдовалъ Пироговъ. По мнѣнію Писарева, „великой задачей нашего времени становится *ум-*

ственная эманципація массъ" (1861 г.); „популяризированіе науки" — необходимое условіе и для разрѣшенія соціальнаго вопроса: „пока наука не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и просто мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ" (1864). Людямъ трудно жить по-новому при старомъ невѣжествѣ, при старомъ міросозерцаніи. Все должно быть употреблено для великой цѣли просвѣщенія—и художественная литература и „святое" искусство. Подъ такимъ настроеніемъ и слагалась эстетика шестидесятниковъ: велѣнія жизни имѣли здѣсь болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ вліяніе хотя бы Фейербаха. Уже въ сороковыхъ годахъ русская литература была знакома съ подобными требованіями и въ главномъ своемъ теченіи удовлетворяла имъ. Уже тогда „дворянская литература" подвергла обличенію крѣпостной строй жизни и намѣтила новые идеалы въ разныхъ сферахъ жизни; литература шестидесятыхъ годовъ пойдетъ по той же колеѣ, но значительно углубитъ и расширитъ ее.

По мѣрѣ того, какъ ускорялся темпъ общественной жизни, и содержаніе ея все болѣе и болѣе усложнялось, литература, особенно журналистика постепенно выростали въ своемъ культурномъ значеніи, превращаясь въ столь внушительную силу, что правительственная власть должна была удѣлять ей немалую долю своихъ заботъ. Въ офиціальныхъ разсужденіяхъ то и дѣло проскальзывала мысль о важности литературы, какъ руководительницы общественнаго мнѣнія. „Для Россіи,—писалъ министръ А. С. Норовъ въ 1858 г.,—наступаетъ теперь новая эпоха и въ дѣлѣ ея обновленія литература призвана играть немаловажную роль": помогая обществу разбираться въ сложныхъ вопросахъ жизни, она и для правительства является „нравственной силой, которою оно можетъ дѣйствовать на общество, на его довѣріе, убѣжденіе, сочувствіе и единомысліе". „Сферы" питали даже преувеличенный страхъ передъ силой печатнаго слова и всѣми мѣрами старались подчинить литературу своему вліянію. Именно прежде всего вліянію. Въ отличіе отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, русскіе администраторы шестидесятыхъ годовъ, и прежде всего Головнинъ съ Валуевымъ, находили своевременнымъ и для себя полезнымъ опираться на общественное мнѣніе, говорить въ либеральномъ духѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ заявлять о своемъ стремленіи содѣйствовать развитію просвѣщенія. Изъ устъ министра народнаго просвѣщенія (Головнина) можно было услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи, о преуспѣяніи оной... Сверхъ того, министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки по всѣмъ

отраслямъ оной, а для того необходима свобода анализа". Желая стоять на уровнѣ своей эпохи, русскіе министры иногда не прочь были прибѣгать къ болѣе просвѣщеннымъ способамъ борьбы. Владѣя уже собственнымъ органомъ „Сѣверной Почтой" (съ 1862 г.), Валуевъ стремится превратить въ официальную газету „Наше Время" Н. Ф. Павлова и организуетъ черезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ сообщеніе свѣдѣній о русскихъ дѣлахъ въ телеграфное агенство Рейтера. Головнинъ не мало думалъ о томъ, какъ бы парализовать широкое распространеніе заграничныхъ изданій Герцена. Министра вывелъ изъ затрудненія предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, Цеэ: онъ высказалъ мысль, что было бы весьма полезно „разрѣшить нашей печати возражать на статьи „Колокола". Идея Цеэ была одобрена министромъ, и русскій читатель вскорѣ получаетъ брошюры Шедо Ферроти и рядъ статей русскихъ литераторовъ съ Катковымъ во главѣ. Это происходило въ 1862 г. Съ цѣлью противодѣйствовать вреднымъ статьямъ русскихъ журналовъ, министры не разъ заказывали въ противовѣсъ имъ „благонамѣренныя" статьи. А въ январѣ 1859 г. былъ учрежденъ, по примѣру Пруссіи и Франціи, даже негласный „Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія", состоявшій изъ гр. А. В. Адлерберга, Н. А. Муханова, ген. А. Е. Тимашева и проф. А. В. Никитенка. Комитету была поставлена нелегкая задача направлять періодическія изданія „къ общей государственной цѣли", „обратить литературу на полезное поприще, указывая дѣятельности литераторовъ или специалистовъ на такіе предметы, по которымъ правительство желаетъ или подготовить общественное мнѣніе, или получить разъясненія, или собрать свѣдѣнія и т. п.". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ неудачной „работы" комитетъ понялъ, что онъ „сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать", и въ октябрѣ того же 1859 г. ходатайствовалъ о своемъ закрытіи. Неуспѣхъ того „bureau de la presse", дѣйствительно, упраздненнаго въ январѣ 1860 г., не лишилъ, однако, министерство вѣры въ свою способность „направлять" литературу. Этой тенденціей неизмѣнно окрашены всѣ отношенія правительства къ литературѣ. Въ лицѣ Головнина и Валуева оно сознавало справедливость общественнаго недовольства, охотно говорило о своемъ стремленіи предоставить большій просторъ свободѣ печати, но не рѣшалось приступать къ коренной реформѣ, пока само государство находится еще въ періодѣ строительства, и считало болѣе цѣлесообразнымъ вести литературу къ свободѣ слова черезъ рядъ постепенныхъ этаповъ, совершенствуя цензуру и внося въ нее принципъ закономѣрности. Какъ бы искренни ни были подобныя заявленія, всѣ министерскія усилія, естественно, были обречены на безрезультатность, и практика „эпохи великихъ реформъ", завершившаяся цензурнымъ уставомъ 1865 г., въ концѣ-концовъ повторяла намъ исторію цензурныхъ гоненій предыдущаго царствованія.

Въ началѣ изучаемаго періода, когда правительство еще не успѣло

оправиться отъ растерянности, вызванной событіями крымской войны, когда цензура утратила всякую руководящую нить, печать была предоставлена самой себѣ и „захватнымъ“ путемъ завоевывала себѣ законное право быть достойной выразительницей общественнаго настроенія. Берте, предсѣдатель комитета для пересмотра цензурнаго устава, въ своей запискѣ 1862 г. прямо свидѣтельствуетъ, „что сначала, когда литературные органы гласности, пріобрѣвъ или придавъ себѣ большую свободу слова сравнительно съ прежнею, со всею пылкостью и страстностью ложно понятой свободы устремились къ обсужденію и обработкѣ такихъ предметовъ, которые прежде лежали внѣ литературной сферы, цензоры захвачены были такимъ порывомъ, такъ сказать, врасплохъ, переходъ отъ стараго строя словесности къ новому засталъ ихъ неприготовленными, недостаточно вразумленными“. Отсюда — „нетолько шаткость, но и полное разнообразіе дѣйствій“. Среди самихъ цензоровъ находились лица, сочувствовавшія большей свободѣ печати, какъ, напр., кн. Вяземскій, Скрипицынъ, кн. Щербатовъ, Назимовъ.

Но новый путь казался опаснымъ реакціонерамъ, и среди хаоса административныхъ требованій трудно было разобраться литератору, трудно было привыкнуть къ „законамъ петербургской акустики“, по остроумному выраженію И. С. Аксакова. Дѣлая первые шаги въ сторону реформъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ явно боится открытаго разрыва съ прошлымъ, и цензурѣ предписывается (циркуляромъ отъ 15 авг. 1857 г.), что, „при выраженіи сочувствій къ правительственнымъ мѣрамъ, принимаемымъ нынѣшнимъ правительствомъ, не должно быть дозволяемо къ печатанію порицаніе мѣръ прошедшаго царствованія, имѣвшихъ еще недавно законную силу“. Мало того, сенатскій указъ отъ 23 янв. 1861 г. запрещалъ печати касаться историческихъ событій, происходившихъ послѣ смерти Петра Великаго: „послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣдѣній, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ мнѣній о скончавшихся Августѣйшихъ лицахъ царствующаго дома какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ“. Замѣтимъ, что въ 1859 г. Ковалевскій проектировалъ конечнымъ предѣломъ историческихъ изысканій сдѣлать восшествіе на престолъ импер. Екатерины II. Развитіе сатирической литературы вызываетъ постоянную тревогу администраціи, и цензурѣ то и дѣло преподаются наставленія, какъ слѣдуетъ ограждать престижъ власти, не допуская къ печати того, что влечетъ за собой „потрясеніе и подрывъ общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ“. Не дозволялись даже похвалы сановникамъ, ибо похвалы содержатъ въ себѣ иногда „косвенное порицаніе предыдущаго времени и другіе неумѣстные намеки“. Съ трудомъ допускалась литература и къ обсужденію предполагаемыхъ реформъ. На очереди крестьянскій вопросъ. Сравнительно либеральный кн. Вяземскій, хотя и

и не сомнѣвается „въ благонамѣренности и добросовѣсности нашихъ писателей“, но сомнѣвается, будетъ ли польза отъ гласнаго обсужденія вопроса. „Возбужденіе о немъ частныхъ сужденій и преній въ печати,—писалъ онъ въ 1856 г. предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета,—едва ли дѣло литературное и въ особенности журнальное, такъ какъ вопросъ сей и по сущности своей и по своимъ послѣдствіямъ есть преимущественно вопросъ правительственный и подлежащій въ свое время рѣшенію верховной власти“. Когда, наконецъ, въ 1858 г. журналы получили право разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, то циркулярами предписывалось цензурѣ не допускать критики правительственныхъ распоряженій, не допускать „толкованій о главныхъ началахъ, высочайшими рескриптами подписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учрежденнымъ“, не позволять „переносить настоящій крестьянскій у насъ вопросъ на политическую почву“. Статья Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ („Современникъ“, 1858 г. янв.) вызываетъ цѣлый переполохъ. Съ 1857 г. по 19 февр. 1861 г. было разослано 14 циркуляровъ только по одному крестьянскому вопросу. Въ результатѣ этихъ цензурныхъ предосторожностей, „Русскій Вѣстникъ“ въ апрѣлѣ 1858 г. принужденъ прекратить спеціальный отдѣлъ, носившій заглавіе „Крестьянскій вопросъ“, а Кошелевъ не нашелъ возможнымъ издавать „Сельское Благоустройство“, такъ какъ не хотѣлъ представлять читателямъ „статьи не полныя по содержанію и ослабленныя позднимъ появленіемъ“ (послѣдняя, февральская книжка 1859 г. могла выйти только въ апрѣлѣ). Та же исторія повторилась и съ вопросомъ о гласномъ судопроизводствѣ, о земскихъ учрежденіяхъ и пр. Разрѣшалось, читаемъ въ циркулярѣ отъ 3 апр. 1859 г., „оглашеніе о предметахъ правительственныхъ въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій“. А циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 1864 г. предписываетъ не разрѣшать къ печати статьи, „въ которыхъ вновь вводимымъ земскимъ учрежденіямъ стараются придавать политическое значеніе, обусловливающее самое широкое ихъ развитіе“, ибо „статьи подобнаго рода могутъ порождать въ умахъ несбыточныя ожиданія коренныхъ перемѣнъ въ нашемъ государственномъ строѣ и приводить публику къ празднымъ увлеченіямъ“. На цензуру возлагалась миссія охранять „основныя начала нашего государственнаго устройства“ отъ дерзкихъ нападокъ литературы, сдерживать ея пылкое своеволіе. Мысль объ этомъ съ удивительнымъ однообразіемъ повторяется на протяженіи всѣхъ шестидесятыхъ годовъ, независимо отъ того, въ чьихъ рукахъ ближайшимъ образомъ находилось дѣло цензуры.

Дозволивъ въ 1862 г. расширеніе иностраннаго отдѣла журналовъ, Головнинъ вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ редакціи, во-первыхъ,

чтобы онѣ „при описанiи государственныхъ переворотовъ, сколько возможно ограничивались одними фактами, безъ изъявленiя особеннаго сочувствiя стремленiямъ и успѣхамъ партiй или лицъ, возстающихъ противъ законныхъ правительствъ, безъ осужденiя сихъ послѣднихъ и изъявленiя удовольствiя въ виду ихъ паденiя“, и, во-вторыхъ, чтобы не допускали „такихъ разсужденiй о политическихъ формахъ правленiя, которыми прямо или косвенно доказывается преимущество конституцiонныхъ или ограниченныхъ правленiй предъ монархическимъ самодержавнымъ; толковъ народныхъ о сословныхъ правахъ, сближенiе которыхъ съ существующими въ Россiи могло бы повести къ неблагопрiятнымъ для нашей страны заключенiямъ, ученiй и теорiй о правахъ каждой нацiональности на самобытное гражданское существованiе, о равенствѣ правъ всѣхъ сословiй въ государствѣ, о правѣ рабочихъ классовъ на равное съ фабрикантами и капиталистами участiе въ заработкахъ и т. п. соцiальныхъ предметахъ, несообразныхъ съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ“.

Чтобы дорисовать картину тѣхъ условiй, въ которыхъ приходилось существовать русской прессѣ шестидесятыхъ годовъ, замѣтимъ, что очень долгое время въ разныхъ формахъ сохраняется также николаевскiй принципъ множественности цензуръ, а въ 1862 г. надзоръ за литературой имѣла также слѣдственная комиссiя кн. А. Ѳ. Голицына. Печать шестидесятыхъ годовъ можетъ назвать немало жертвъ цензурно-административнаго произвола. Такъ, въ 1859 г. на второмъ нумерѣ былъ прекращенъ „Парусъ“ И. С. Аксакова; 19 iюня 1862 г. были прiостановлены на 8 мѣсяцевъ, а въ 1866 г. окончательно закрыты: „Современникъ“ и „Русское Слово“; въ 1863 г. закрыты „Время“ Достоеских и „Современное Слово“ Н. Г. Писаревскаго и т. д. Положенiе печати было весьма печальнымъ, и группа литераторовъ еще въ 1861 г. ходатайствовала хотя бы о нѣкоторомъ улучшенiи цензурнаго дѣла: „не считая себя въ правѣ предлагать какiя-либо органическiя измѣненiя“, просили объ отмѣнѣ предупредительной цензуры, объ уничтоженiи множественности цензуръ, объ участiи въ Главномъ управленiи цензуры представителей печати съ правомъ совѣщательнаго голоса, объ установленiи открытыхъ и законныхъ отношенiй между правительствомъ и литературой.

На записку литераторовъ не обратили должнаго вниманiя. Но реформированiе законовъ о печати и цензурѣ было признано необходимымъ съ самаго же начала новаго царствованiя. За дѣло принялись въ серьезъ. Когда проектъ министра Ковалевскаго (1859 г.), въ сущности скопировавшаго уставъ 1828 г., оказался неудовлетворительнымъ, послѣдовательно учреждалось нѣсколько комиссiй и при министерствѣ народнаго просвѣщенiя и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; обращались за мнѣнiями даже къ представителямъ русской печати, было собрано и напечатано нѣсколько томовъ матерiаловъ, и въ результатѣ вся реформа свелась къ тому, что цензура передана въ вѣдѣнiе

министерства внутреннихъ дѣлъ и обнародованъ новый цензурный уставъ 6 апрѣля 1865 г., составленный подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашняго французскаго законодательства о печати. Министерство народнаго просвѣщенія, якобы радѣя о развитіи литературы, сочло несовмѣстнымъ съ своимъ призваніемъ заниматься цензурой книгъ и само предложило передать эту обязанность министерству внутреннихъ дѣлъ, которое по самой природѣ своей можетъ-де строже и искуснѣе выслѣживать литературные проступки. „На него (т.-е на министерство внутреннихъ дѣлъ),— писалъ Головнинъ,—не возложена обязанность покровительствовать литературѣ, помогать ей, изыскивать средства къ ея развитію. Оно обязано только наблюдать за ненарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія, ибо имѣетъ свѣдѣнія чрезъ высшую полицію о разныхъ неблагонамѣренныхъ стремленіяхъ, которыя проявляются въ государствѣ другимъ путемъ, и потому въ состояніи судить о томъ— есть ли связь между ними. Роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе". Интересная аргументація. Другъ и покровитель литературы, „изыскивая средства къ ея развитію", передалъ ее въ руки принципіальнымъ и завѣдомымъ врагамъ. Уставъ 1865 г. офиціально аттестовался, какъ „дарованіе нѣкоторыхъ облегченій и удобствъ отечественной печати". Главное „облегченіе" состояло въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ печать освобождалась отъ предварительной цензуры и что, въ случаѣ нарушенія законовъ, изданія должны подвергаться судебному преслѣдованію; „повременныя же изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ *вреднаго* направленія, подлежатъ и дѣйствію *административныхъ взысканій*", т.-е. предостереженіямъ, пріостановкѣ, закрытію или оштрафованію. (Валуевъ еще въ 1864 г. исхлопоталъ себѣ право налагать штрафы на редакторовъ.) При этомъ, необходимымъ дополненіемъ къ цензурному уставу были правила о типографіяхъ, разработанныя такимъ образомъ, что, по справедливому замѣчанію историка цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг., М. К. Лемке, „напрасно бы стали предполагать, что въ 1865 г. у насъ была напечатана хоть одна строка безъ цензурнаго просмотра". Валуевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) не замедлилъ воспользоваться своимъ правомъ налагать административныя кары, и печать очень скоро убѣдилась въ призрачности дарованной ей свободы. Никитенко, продолжавшій близко стоять къ цензурѣ, записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить". Русскій Персиньи увѣренно стремится къ своей цѣли. Цензора получаютъ рядъ подробныхъ наставленій, какъ имъ слѣдуетъ держаться въ новыхъ обстоятельствахъ. Оказывается, по прежнему безъ всяка-

го сомнѣнія они должны считать недозволенными тѣ произведенія, „которыя направлены: 1) противъ истинъ христіанской вѣры вообще и ученія и достоинства православной церкви въ особенности; 2) противъ началъ монархической самодержавной власти; 3) противъ коренныхъ началъ общественной и гражданской нравственности 4) противъ начала права собственности; 5) къ возбужденію недовѣрія или неуваженія къ правительству и 6) къ возбужденію вражды или ненависти одного сословія къ другому или одной части населенія къ другой". Какъ видимъ, невелико поле, гдѣ литература можетъ свободно развернуться, не боясь встрѣтиться съ цензурнымъ и административнымъ veto. Чтобы еще болѣе вооружать цензоровъ на борьбу съ литературой, Валуевъ приказалъ составить для нихъ руководство подъ заглавіемъ „Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годы". Въ составленіи этого оригинальнаго труда приняли участіе гр. П. И. Капнистъ, Болеславъ Маркевичъ и др., особенно первый. Здѣсь, какъ еще и ранѣе въ запискѣ Берте и Янкевича отъ 1861 г., съ грустью отмѣчался упадокъ идеализма и эстетики, развитіе тенденціозности, подчиненіе литературы, когда-то служившей чистому искусству, „духу вѣка, по преимуществу реальнаго и матеріальнаго". Естественно, что высшія похвалы достаются на долю такихъ поэтовъ, какъ Фетъ и Тютчевъ. Такъ какъ нѣкоторыя дѣла по проступкамъ печати могли сдѣлаться предметомъ судебнаго разбирательства, то Валуевъ добился того, что высочайше было повелѣно чинамъ судебнаго вѣдомства оказывать „надлежащее содѣйствіе" главному управленію по дѣламъ печати.

Конечно, не было недостатка въ диѳирамбахъ новому уставу; даже нѣкоторые прогрессивные органы печати удостоили его положительныхъ отзывовъ. Но нельзя не видѣть, что вопросъ о свободѣ слова былъ весьма далекъ отъ разрѣшенія. Слишкомъ очевидно было стремленіе къ обузданію литературы и слишкомъ явно было лицемѣріе министерскаго либерализма.

Н. И. Тургеневъ въ книгѣ „Чего желать для Россіи" (написанной въ 1864 г. и изданной въ 1868 г.) справедливо доказывалъ, что „идея цензуры неразлучна съ идеею произвола; цензура всегда будетъ и останется произволомъ; и что нѣтъ никакой возможности произволъ превратить въ законъ", т.-е., иначе говоря, невозможно создать такой цензурный уставъ, который заслуживалъ бы названія закона. И. С. Аксаковъ, съ своей стороны, предлагалъ единственно цѣлесообразное рѣшеніе вопроса, на который было затрачено столько бюрократическаго творчества. „Прежде всего,—писалъ онъ въ своемъ „Днѣ" (1862 г.),—необходимымъ кажется намъ постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ Св. Зак., разд. I, главу I,—слѣдующаго содержанія: „Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи, безъ различія званія и состоянія". Преступ-

ныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны, по мнѣнію Аксакова, подлежать юрисдикціи судебныхъ учрежденій съ участіемъ присяжныхъ. Цензура же, въ какомъ бы видѣ она ни предлагалась, „не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія".

Въ концѣ-концовъ, лишь съ большими оговорками можно утверждать, что въ шестидесятые годы литература пользовалась относительной свободой, и нельзя не присоединиться къ выводу г. Лемке, что серьезный историкъ едва ли можетъ „не только включать законъ 6-го апрѣля 1865 г. въ число *великихъ* реформъ шестидесятыхъ годовъ, но и придавать ему то особенное значеніе, которое по странному недоразумѣнію все еще ему приписывается".

Сановные покровители и „направители" литературы и въ 60-ые годы были тѣми же полицейскими надсмотрщиками и непрошенными опекунами, какъ и въ николаевскую эпоху, хотя ихъ опека нерѣдко облекалась въ мягкую и даже, повидимому, либеральную форму. Свою дѣйствительную силу литература шестидесятыхъ годовъ, какъ и всегда, почерпала изъ того же источника народной энергіи, который опредѣлилъ собою все идейное содержаніе эпохи.

II.

Первые шаги литературы въ новомъ періодѣ.

Война далеко еще не успѣла закончиться, какъ уже начали обнаруживаться первые признаки колебанія правительственной системы и стали слышаться первые голоса, призывавшіе къ обновленію русской жизни. Даже Погодинъ проникается гражданскимъ мужествомъ и пишетъ свои политическія письма, критикуя и внѣшнюю и внутреннюю политику Николая I, „всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка". Угрожая возможностью народной революціи, Погодинъ обращался къ царю съ полезнымъ совѣтомъ: „Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты—мало ли ихъ на святой Руси?.. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе общаго блага. Не книги опасны, а событія".

Послѣднія слова были особенно справедливы. Именно, событія заставили новое правительство подумать объ исправленіи того зла, которое причинилъ Россіи тридцатилѣтній режимъ Николая I. Потухли перуны въ грозныхъ дланяхъ, и что-то похожее на раскаяніе и смиреніе передъ другой, высшей правдой послышалось въ рѣчахъ властителей русскаго государства. „Хорошо, что мы заключили миръ,—говорилъ го-

сударю кн. М. Д. Горчаковъ,—дальше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ". Нерѣшительно, съ большими колебаніями, но все же правительство Александра II вступило, наконецъ, на путь реформъ.

Общество съ полнымъ единодушіемъ сдѣлало надлежащій выводъ изъ историческаго урока: „мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ", выразился Ю. Ѳ. Самаринъ. Севастополь долженъ былъ пасть, убѣжденно говорилъ И. С. Аксаковъ, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа". Такія рѣчи слышались отовсюду. Прозрѣлъ и средній россійскій обыватель, увидѣвши всѣ изъяны государственнаго зданія, которое еще такъ недавно казалось прочнымъ и цѣннымъ. Мысль о необходимости реформъ стала всеобщей. Каждая, даже скромная мѣра правительства, если только она носила либеральный характеръ, встрѣчалась радостными надеждами и довѣрчивымъ отношеніемъ къ „видамъ правительства".

Представители прогрессивныхъ теченій всѣхъ оттѣнковъ готовы были сплотиться ради общаго дѣла и помогать правительству. Кавелинъ доказывалъ Погодину въ письмѣ отъ 3 ноября 1855 г., что „всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи" слѣдуетъ отодвинуть на второй планъ взаимныя разногласія въ образѣ мыслей и поставить на первомъ планѣ „единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда". Чернышевскій спѣшитъ протянуть руку славянофиламъ, сотрудникамъ „Русской Бесѣды", въ убѣжденіи, что всѣ образованные русскіе люди хотятъ одного и того же. „Согласіе въ сущности такъ сильно,—писалъ онъ,—что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста". Вмѣстѣ съ тѣмъ Чернышевскій сочувственно относится и къ „Русскому Вѣстнику" Каткова и къ „Библіотекѣ для чтенія" Дружинина. Съ своей стороны Аксаковъ считалъ возможнымъ сотрудничать въ журналѣ Каткова, а Погодинъ хотѣлъ поручить редактированіе „Москвитянина" Е. Ѳ. Коршу, другу Грановскаго.

Бодрое, жизнедѣятельное настроеніе охватило лучшую часть русскаго общества, которая передъ тѣмъ „съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой въ согласный ладъ жила душой", по выраженію И. С. Аксакова. Теперь, въ 1858 г., тотъ же поэтъ привѣтствуетъ зарю, готовую прогнать тѣнь долгой ночи.

Новой жизни трепетъ слышенъ.
. . . .
На душѣ свѣтло и ясно.

„Мы долго лежали повергнуты въ прахъ, не мысля, не видя, не слыша; казалось, мы заживо тлѣемъ

въ гробахъ; забита "желѣзная крыша", писалъ въ 1857 г. другой поэтъ, А. М. Жемчужниковъ:

Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала,—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.

Балабинъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ, въ письмѣ къ Киселеву отъ 5 іюня 1858 г. удивляется тѣмъ успѣхамъ, какіе сдѣлало наше общественное мнѣніе за послѣдніе два года: „со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-помалу старую рутину". Проходитъ еще два года, и „Сѣверная Пчела" (1860 г., № 1) говоритъ о явныхъ признакахъ духовнаго перерожденія провинціи: въ самыхъ глухихъ городахъ заводятся публичныя библіотеки, десятками выписываются журналы и газеты; „вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества". Это перерожденіе не было особенно глубокимъ, но все оставляло впечатлѣніе необычайнаго возбужденія мысли, лихорадочнаго напряженія общественныхъ силъ. „Русь! была ты тогда хороша!" вспоминалъ это время Некрасовъ:

Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ,
И, не вѣря себѣ самому,
Богатырскую мощь ощущаетъ,
Ты казалась сильна, молода,
Къ Правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремилась.

Хотѣлось поскорѣе покончить съ своимъ прошлымъ, покаяться въ старыхъ грѣхахъ и начать новую жизнь.

Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась.

Этотъ покаянный порывъ съ необычайной яркостью выразился въ *обличительныхъ мотивахъ* нашей журналистики и художественной литературы.

Видя главное зло въ повсемѣстномъ господствѣ лжи, Кошелевъ самъ принимается за обличеніе лжи помѣщичьей (т.-е. крѣпостного права) и побуждаетъ Хомякова писать о лжи церковной, Самарина—о лжи правительственной, Кирѣевскаго—о лжи общественной и частной. Н. И. Пироговъ въ своихъ „Вопросахъ жизни" („Морской Сборникъ", іюль 1856 г.) выступаетъ грознымъ карателемъ лжи, на которой держится вся наша цивилизація, только по имени христіанская, а по своимъ проявленіямъ истинно языческая. Противъ лжи русской жизни воздвигаютъ настоящій крестовый походъ. Въ дѣло пущены всѣ средства, какими только располагаетъ литература.

Во множествѣ появляются сатирическіе журналы и листки („Искра", „Арлекинъ", „Гудокъ", „Развлеченіе", „Зритель", „Заноза", „Оса" и т. п.). Самъ Добролюбовъ беретъ въ руки „Свистокъ", чтобы освистывать смѣшныя и регрессивныя явленія жизни. Его „Свистокъ" и „Искра" В. С. Курочкина и Н. А. Степанова пріобрѣтаютъ серьезное общественное значеніе. „Искра сдѣлалась грозою для всѣхъ, у кого была нечиста совѣсть", свидѣтельствуетъ А. М. Скабичевскій, и его слова подтверждаютъ Елисѣевъ и Михайловскій.

Лирики преисполнились гражданскаго жара и одинъ передъ другимъ спѣшатъ бичевать пороки и злоупотребленія. По большей части, какъ

у Бенедиктова и Розенгейма, это дѣлалось банально и реторично, но съ немалымъ усердіемъ и готовностью напомнить о „чести, законѣ“, объ „общей пользѣ“ *).

„Крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями!“ восклицалъ Надимовъ, герой комедіи гр. В. А. Соллогуба „Чиновникъ“ (1856), и тѣмъ выразилъ основную тенденцію всѣхъ обличительныхъ драмъ первой половины шестидесятыхъ годовъ. Блестящій разборъ этой пьесы, сдѣланный Н. Ф. Павловымъ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1857 г.), не помѣшалъ ея шумному успѣху и появленію ряда аналогичныхъ пьесъ. („Уголовное дѣло“ 1858 г., „Бѣдный чиновникъ“ Н. С. Дьяконова, 1858 г., и др.). Изъ нихъ выдѣлилась комедія Н. М. Львова „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (1858 г.), гдѣ фигурируетъ абсолютно честный становой. Отдавая должное серьезности тона, честности и добросовѣстности автора, Анненковъ, посвятившій комедіи обширную статью, долженъ былъ, однако, признать, что произведеніе Львова „не можетъ выдержать не только эстетической критики, но и простой повѣрки собственныхъ своихъ положеній“.

Къ тому же циклу обличительныхъ пьесъ относится несравненно болѣе ихъ художественная комедія Островскаго „Доходное мѣсто“ (1856 г., напечатана въ № 1 „Русской Бесѣды“ за 1857 г.). Поставленная на сценѣ лишь въ сент. 1863 г., комедія Островскаго, по свидѣтельству М. И. Писарева, въ теченіе многихъ лѣтъ не сходила съ репертуара и всюду дѣлала полные сборы, вызывая самыя восторженныя оваціи“. Читатели и зрители радовались паденію Вышневскаго, видя въ этомъ крушеніе старыхъ бюрократическихъ порядковъ, восторженно вслушивались въ горячія рѣчи Жадова, раздѣляя его надежду, что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости и долга, что растетъ общественное мнѣніе и недалекъ моментъ, когда взяточникъ будетъ болѣе бояться суда общественнаго, чѣмъ уголовнаго.

Глубокое и серьезное впечатлѣніе произвели „Губернскіе очерки“ М. Е. Салтыкова-Щедрина (1857 г.), написанные на основаніи наблюденій въ Крутогорскѣ (Вяткѣ). Читатели и критика въ лицѣ Чернышевскаго, Добролюбова, Анненкова, К. Аксакова горячо встрѣтили новаго сатирика, привѣтствуя его „законное негодованіе“ на „общественныя искаженія“, его „очень живую и очень важную“ правду. „Эта благородная и превосходная книга, — патетически говорилъ Чернышевскій,—принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни. „Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература“. Записки „отставного надворнаго совѣтника Щедрина“ создали особый жанръ въ тогдашней литературѣ, „дѣловую беллетристику“, по выраженію Анненкова, и „разсказы въ щедринскомъ родѣ“, (таковы, напр., повѣсть „Червячки“—С. От. 1857 г. или романъ „Откупное дѣло“—

*) Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что сборникъ Розенгейма „Русскія элегіи“ (1858) могъ появиться лишь въ сильно оскопленномъ видѣ (между прочимъ, при участіи цензора И. А. Гончарова).

Совр. 1858 г.), по словамъ Добролюбова, прежде всего прочитывались въ журналахъ. Педагогъ и литературный критикъ, П. Е. Басистовъ, такъ былъ увлеченъ общими восторгами, что въ одной изъ своихъ статей („С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1857 г., № 187) провозгласилъ, что въ нашей литературѣ „кончился (или, можетъ быть, прервался на время), т. н. гоголевскій періодъ, и она вступила въ новый періодъ своего развитія, который по справедливости слѣдуетъ назвать щедринскимъ“. Какъ ни преувеличены подобные отзывы, но „Губернскіе очерки“, несомнѣнно, были прекраснымъ началомъ сатирической дѣятельности Салтыкова и какъ нельзя болѣе отвѣчали потребностямъ момента, когда, по выраженію Добролюбова, „поэты и прозаики, ученые и дилетанты, теоретики и практики—всѣ бросались самоотверженно въ мрачное болото невѣжества и злоупотребленій съ пламенникомъ обличеній“. Объектомъ этихъ обличеній на первыхъ порахъ было чиновничество, бюрократическій строй, въ которомъ естественно видѣли главнаго виновника всѣхъ пережитыхъ бѣдствій.

Одновременно съ сатириками, наши художники слова спѣшатъ подвести *итоги* отходящему въ вѣчность крѣпостному періоду русской жизни.

Благодушный славянофилъ *С. Т. Аксаковъ* издаетъ свою „Семейную хронику“ (1856 г.) и „Дѣтскіе годы Багрова внука“ (1858 г.). Съ теплой симпатіей повѣствовалъ юный старецъ о томъ, какъ текла помѣщичья жизнь, жизнь близкихъ ему людей и его собственная. Дорогой ему міръ Багровыхъ онъ озарилъ лучами нѣжной поэзіи. Но эта любовная и яркая лѣтопись барскаго житья-бытья наводила современниковъ на мысли далеко не идиллическаго свойства. Освѣтивъ „деревенскую жизнь помѣщика въ старые годы“, на основаніи матеріаловъ Аксакова, Добролюбовъ предается грустному раздумью, „при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ“, и находитъ лишь одну утѣшительную сторону въ картинѣ, нарисованной Аксаковымъ: „это видъ добраго, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д** и т. п.“. Критикъ стыдитъ помѣщиковъ примѣромъ крестьянъ и внушаетъ имъ сознаніе, „что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью“. Сердце Добролюбова трепетно бьется при мысли, что „грядущія поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посѣяно. Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предразсудковъ!“ (1858 г.).

Съ этою мыслью И. А. Гончаровъ писалъ свой романъ *„Обломовъ“* (1858 г.). По сущности концепціи, онъ представляетъ, какъ бы продолженіе перваго романа Гончаро-

ва—„Обыкновенная исторія". Романистъ далъ такой сгущенный образъ обломовскаго прозябанія, что фигура этого живого мертвеца привела въ неподдѣльный ужасъ современное общество. Каждый со смѣшаннымъ чувствомъ стыда и страха оглядывался на себя, боясь увидѣть на себѣ хотя бы рукавъ обломовскаго халата. Во вдохновенной статьѣ Добролюбовъ разъяснялъ читателямъ весь соціальный смыслъ „Обломова" и далъ широкое психологическое и бытовое истолкованіе этому „коренному, народному нашему типу". Гончаровъ, писалъ онъ, создалъ „живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадной строгостью и правильностью"; ясно и твердо сказалъ онъ новое слово нашего общественнаго развитія: это слово—обломовщина; „оно служитъ ключомъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни". Въ типѣ Обломова сконцентрированы всѣ черты его многочисленныхъ предшественниковъ — Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Подколесиныхъ, Тентетниковыхъ и т. д. Художникъ произнесъ свой судъ надъ дворянской интеллигенціей, надъ старымъ крѣпостнымъ бытомъ, и современники охотно повторяли слова Штольца: „Прощай, старая Обломовка! Ты отжила свой вѣкъ!". Каждый охотно вѣрилъ Добролюбову, что „чувствуется вѣяніе новой жизни", что „уже настало или настаетъ неотлагательно время работы общественной". Романъ Гончарова такъ мѣтко клеймилъ „лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости", что и Добролюбовъ и самъ авторъ впослѣдствіи склонны были видѣть въ обломовщинѣ „стихійную русскую черту". И теперь еще нерѣдко говорятъ о національномъ значеніи типа Обломова, видятъ въ обломовщинѣ особенности „русскаго національнаго уклада" (проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій). Подобное толкованіе въ свое время было понятно, какъ результатъ публицистическаго самобичеванія, но теперь трудно признать его твердо обоснованнымъ, если научно говорить о свойствахъ русской національности. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ этого еще не было сдѣлано, и намъ кажется, вполнѣ справедливымъ отказать дворянину Ильѣ Ильичу Обломову въ правѣ быть представителемъ всего русскаго народа. Довольно сохранить за нимъ исторически-бытовое значеніе, которое и безъ того огромно: крупный художникъ воплотилъ въ немъ родовыя черты дворянскаго класса дореформенной эпохи, и этотъ, какъ изъ бронзы отлитый образъ, поставилъ на рубежѣ старой и новой Россіи. Въ Обломовѣ ярче всего изображена его связь съ помѣщичьей средой, но авторъ не забылъ приписать своему герою и нѣкоторыя черты русскаго интеллигента сороковыхъ годовъ съ неизбѣжной романтической и идеалистической закваской.

Та же сторона умирающей жизни, но гораздо тоньше воспроизведена другимъ писателемъ изъ „плеяды сороковыхъ годовъ"—И. С. Тургеневымъ. Близко зная среду московскихъ идеалистовъ 30—40-хъ годовъ, Тургеневъ беретъ матеріалъ для своего романа *„Рудинъ"* (1855 г.) изъ жизни Бакунина, Бѣлинскаго, Станкевича и подобныхъ представителей нашихъ философскихъ круж-

ковъ николаевской эпохи. Распредѣливъ ихъ черты между Покорскимъ, Лежневымъ и Рудинымъ, авторъ ставитъ послѣдняго въ центрѣ всего дѣйствія. Подобно своему прототипу Бакунину, Рудинъ—философская голова; онъ весь ушелъ въ сферу философскихъ обобщеній, поэтическихъ образовъ, красивыхъ словъ. Упиваясь „музыкой краснорѣчія" и заражая идеализмомъ юныя сердца Басистова и Наташи, самъ онъ, въ качествѣ типичнаго представителя своего поколѣнія, остается неудачникомъ, „безпріютнымъ скитальцемъ", красиво, но случайно погибающимъ на чужбинѣ, на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г. Автору болѣе чѣмъ понятно настроеніе Рудиныхъ, этихъ лишнихъ людей, не приспособленныхъ къ жизни, не знающихъ Россіи. Онъ видитъ ихъ слабости и порою иронизируетъ надъ своимъ героемъ. Но ему не по силамъ роль прокурора. Устами Лежнева и отъ себя онъ трогательно рисуетъ идеалистическое настроеніе московскихъ кружковъ и подъ конецъ окружаетъ личность Рудина такимъ ореоломъ симпатіи, что читатель проникается не только жалостью, но и уваженіемъ къ тому, кто „маялся много", кто „скитался не однимъ тѣломъ,— душой скитался". Въ „Рудинѣ" Тургеневъ въ значительной степени хоронилъ свое, дорогое ему прошлое, и оттого его кисть дрожала и на глаза набѣгала слеза сочувствія, когда онъ подводилъ итогъ рудинству нашей интеллигенціи. Существенно иначе отнесся къ тому же типу Некрасовъ. Въ жизни Некрасова не было полосы беззавѣтнаго идеализма. Несмотря на свое дворянское происхожденіе, въ молодости онъ хорошо познакомился съ голодомъ и страданіями бѣдняка, попавшаго въ негостепріимную столицу и принужденнаго ютиться въ „углахъ". Естественный въ юношѣ романтизмъ ежеминутно подвергался тяжкимъ испытаніямъ, и Некрасовъ сознательно убивалъ въ себѣ идеализмъ, „стараясь развить въ себѣ практическую смѣтку", по его собственнымъ словамъ. По своему настроенію, Некрасовъ гораздо ближе стоялъ къ плебеямъ - разночинцамъ, чѣмъ къ своему брату-дворянину. Идеалисты, которые ровно ничего не смыслили въ жизни, сердили его. Такъ онъ велъ себя и въ качествѣ издателя „Современника". Познакомившись съ рукописью „Рудина", Некрасовъ, какъ бы въ отвѣтъ Тургеневу, пишетъ свою поэму „*Саша*" (1855 г.). Его Агаринъ—тотъ же Рудинъ, но значительно болѣе мелкаго калибра. Поэтъ намѣренно даетъ ему почти комическую наружность.

Въ лорнетку глядѣлъ,
Мало волосъ на макушкѣ имѣлъ.

Тогда какъ у Тургенева Рудинъ красивъ, какъ путешествующій принцъ, эффектенъ въ своей изящной позѣ увлекательнаго оратора. Нисколько не щадя слабостей Агарина, Некрасовъ высмѣиваетъ тщеславіе и самомнѣніе, фразерство и холодность „современнаго героя", который

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитый.

Не вдаваясь въ тонкости психологіи лишнихъ людей, а подчеркивая то, что лежитъ на поверхности, Некрасовъ судитъ, какъ свидѣтель со стороны, безучастно и сурово. Онъ не допускаетъ у Агарина никакихъ убѣжденій, никакихъ устойчивыхъ стремленій.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

И только въ концѣ поэмы, какъ бы по долгу безпристрастія, онъ прибавилъ, что сѣетъ Агаринъ все-таки доброе сѣмя и что на доброй почвѣ „пышнымъ плодомъ отродится оно". Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Некрасовъ бывалъ менѣе строгъ къ лишнимъ людямъ, къ тому „чистоплотному либералу", который „рукъ въ грязи житейской не маралъ" („онъ для того былъ слишкомъ идеаленъ"). Въ „Медвѣжьей охотѣ" (1867 г.) Некрасовъ заставляетъ Мишу правдиво и сочувственно рисовать портретъ „обаятельнаго діалектика".

Ты стоялъ передъ отчизною,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ,
Воплощенной укоризною,
Либералъ-идеалистъ.

Молодое племя подчасъ склонно клеймить „героевъ слова" предателями.

Но я ему сказалъ бы: не забудь,
Кто выдержалъ то время роковое,
Есть отъ чего тому и отдохнуть.

Эти справедливыя слова скорѣе подсказаны Некрасову чувствомъ безпристрастнаго историка, чѣмъ продиктованы той непосредственной симпатіей, какую питалъ къ Рудинымъ Тургеневъ.

Типичное столкновеніе двухъ настроеній произошло далѣе, по поводу повѣсти Тургенева *„Ася"* (1858 г.). Чернышевскій („Русскій человѣкъ на rendez-vous", 1858 г.) ставитъ героя повѣсти по его чувствамъ, стремленіямъ и поступкамъ рядомъ съ Рудинымъ, Агаринымъ и Бельтовымъ и заразъ предъявляетъ къ нимъ тяжелое обвиненіе въ томъ, что жизнь ихъ слишкомъ мелка и бездушна, что они неспособны на „широкую рѣшимость и благородный рискъ". Наши „лучшіе люди" бойки только на словахъ, а когда имъ предложатъ дѣйствовать, то „одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить,... что вообще, развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать". Между тѣмъ, по мнѣнію критика, жизнь теряетъ свой смыслъ, если человѣку чужды „мысли объ общественныхъ дѣлахъ", „идеи и побужденія, имѣющія предметомъ общую пользу".

Нападки Чернышевскаго были такъ сильны и мѣтки, что Анненковъ, человѣкъ одного поколѣнія съ Тургеневымъ, счелъ нужнымъ заступиться за „литературный типъ слабаго человѣка" (какъ и озаглавлена его статья 1858 г.). Анненковъ согласенъ съ отрицательнымъ отношеніемъ Чернышевскаго къ слабымъ людямъ, но, утверждаетъ онъ, „покамѣстъ" такой характеръ есть единственный нравственный типъ какъ въ современной намъ жизни, такъ и въ отраженіи ея—текущей лите-

ратурѣ. Свое объясненіе и оправданіе слабый человѣкъ находитъ въ историческихъ условіяхъ русской жизни. Все же они—лучшіе люди своего круга. Первообразомъ „слабаго“ характера были у насъ тѣ, кто умѣлъ вносить съ собой „жизнь мысли“, сѣять „въ душахъ сѣмя русскаго образованія“, создавать вокругъ себя „цѣлительную атмосферу, освѣжавшую всякаго, кто подходилъ къ нимъ“. Жизнь иногда накладываетъ на этотъ типъ „черты загрубѣнія и паденія“. Таковъ и герой тургеневской повѣсти. Но не въ немъ дѣло. Нельзя же изъ-за него не видѣть другихъ,—у которыхъ „есть доля стойкости, упорства и рѣшимости въ способѣ относиться къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ и нѣкоторымъ нравственнымъ положеніямъ“. Если исключить ихъ, то въ нашемъ обществѣ окажется или—„совершенная нравственная пустота“, или характеры „цѣльные“, но такіе, съ которыми не хотѣлость бы и встрѣчаться, въ родѣ самодуровъ Островскаго, чиновниковъ Щедрина, помѣщиковъ Аксакова и Тургенева. Въ концѣ концовъ, наше будущее лежитъ все въ томъ же „слабомъ человѣкѣ“ и въ томъ классѣ, къ которому онъ принадлежитъ. „Краснорѣчивыя слова упрека и поученія“, дѣйствительно, заслужены слабымъ человѣкомъ. Ему, безъ сомнѣнія, нужно еще поработать надъ собой, но не такъ уже много. Едва ли намъ предвидится серьезная надобность въ какихъ-либо исключительныхъ по силѣ личностяхъ: „Въ свойствахъ нашего характера и складѣ нашей жизни нѣтъ ничего похожаго на *героическій* элементъ. Задачи, которыя предстоитъ разрѣшить современности, кажется намъ, всѣ такого свойства, что могутъ быть хорошо разрѣшены однимъ честнымъ, постояннымъ, упорнымъ трудомъ сообща и нисколько не нуждаются въ появленіи чрезвычайныхъ, исключительныхъ огромныхъ личностей, такъ высоко цѣнимыхъ Западной Европой, гдѣ на нихъ возлагаютъ и всѣ надежды общества“. Съ насъ достаточно обыкновенныхъ человѣческихъ способностей. Онѣ найдутся въ описываемомъ „классѣ людей“: „ему именно суждено привести къ концу силою мысли, соображенія и изысканій труднѣйшія изъ задачъ современости“. Отрицать ихъ—значитъ не понимать, гдѣ враги и друзья, не понимать, „гдѣ скрывается истинное зерно многихъ событій настоящаго и многихъ явленій будущаго“. Словомъ, „кругъ такъ называемыхъ *слабыхъ* характеровъ есть *историческій* матеріалъ, изъ котораго творится самая жизнь современности. Онъ уже образовалъ какъ лучшихъ писателей нашихъ, такъ и лучшихъ гражданскихъ дѣятелей, и онъ же въ будущемъ дастъ основу для всего дѣльнаго, полезнаго и благороднаго“.

Съ свойственной ему корректностью, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно Анненковъ, какъ видимъ, возсталъ на защиту дворянской интеллигенціи отъ нападокъ Чернышевскаго. Трудно представить себѣ въ этомъ вопросѣ болѣе противоположныя точки зрѣнія. Чернышевскій для новаго и большого дѣла жизни ждалъ новыхъ, сильныхъ

людей, а Анненковъ не видѣлъ нужды въ гражданскомъ героизмѣ и всѣ свои надежды основывалъ на вѣрѣ въ нравственныя силы того же круга людей, откуда до сихъ поръ выходили русскіе писатели и общественные дѣятели.

Пока Анненковъ писалъ свою статью въ защиту „слабаго человѣка", Тургеневъ готовилъ ему новое затрудненіе: въ 1859 г. выходитъ „*Дворянское гнѣздо*", гдѣ въ художественныхъ образахъ представлена вся внутренняя исторія нашего дворянства. Передъ нами и жестокій самодуръ, Андрей Лаврецкій, и Петръ Андреевичъ, „простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ"; далѣе Иванъ Петровичъ, типъ русскаго вольнодумца, бывшаго послѣдовательно вольтерьянцемъ и англоманомъ-конституціоналистомъ, но всегда пренебрежительно относившагося къ родинѣ и позорно опустившагося послѣ 1825 г. Эту цѣпь дворянскихъ типовъ замыкаетъ Өедоръ Ивановичъ Лаврецкій. Какъ нравственная личность, онъ неизмѣримо выше своихъ предковъ. Онъ— благородный идеалистъ въ духѣ тридцатыхъ годовъ, какъ его товарищъ Михалевичъ; онъ искренно и честно относится къ жизни. Сознавая, какъ много чужеяднаго во всемъ складѣ дворянской культуры, Тургеневъ вливаетъ въ жилы Лаврецкаго часть плебейской крови, заставляетъ его быть славянофиломъ и помогаетъ ему одержать побѣду надъ своимъ, впрочемъ, весьма слабымъ соперникомъ, западникомъ Паншинымъ. Съ нескрываемымъ сочувствіемъ рисуетъ авторъ фигуру Өедора Лаврецкаго, какъ бы приглашая читателя вмѣстѣ съ Лаврецкимъ преклониться предъ „народной правдой" и воздержаться отъ самонадѣянной ломки жизни. Славянофильство Лаврецкаго, какъ это прекрасно освѣтилъ проф. Д. Н. Овсянико - Куликовскій, вытекло какъ изъ факта личнаго сближенія Тургенева съ Аксаковымъ, такъ и изъ того наблюденія, что къ концу пятидесятыхъ годовъ, когда Герценъ уже эмигрировалъ, а Бѣлинскій и Грановскій умерли, старое западничество разлагалось, чтобы уступить свое мѣсто новымъ теченіямъ болѣе демократическаго характера. Но и славянофильство мало помогло Лаврецкому. Сколько задушевности и теплоты ни влагалъ авторъ въ обрисовку его портрета, романъ все же оставляетъ насъ подъ впечатлѣніемъ, что не Лаврецкимъ суждено было разрѣшить проблему тогдашней жизни. Өедоръ Лаврецкій, повидимому, серьезно занятъ своимъ самообразованіемъ; живя за границей, онъ рвется въ Россію, чтобы „приняться за дѣло". „Трудно сказать,— спѣшитъ прибавить безпристрастный авторъ,—ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло", и мы на этотъ вопросъ скорѣе склонны давать отрицательный отвѣтъ. Какъ Рудинъ, онъ не зналъ Россіи и не былъ подготовленъ къ опредѣленной дѣятельности. Баричъ, „прекрасная душа" (schöne Seele), онъ жилъ болѣе всего чувствомъ. Неудачи на этомъ пути подрывали его нравственныя силы, развивали въ немъ

скептицизмъ и равнодушіе. „На женскую любовь ушли мои лучшіе годы", сознается Лаврецкій и намѣревается вытрезвить себя въ глуши деревни, чтобы потомъ приняться за работу—„пахать землю" и притомъ, какъ можно лучше. Но дѣло не налаживалось. Упреки восторженнаго Михалевича мало помогли „байбаку", а новая неудача въ любви надолго обезсилила Лаврецкаго. Понадобилось восемь лѣтъ, чтобы въ его душѣ совершился окончательный переломъ: „онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою". Теперь онъ сдѣлался хорошимъ хозяиномъ и, „насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ". Но все же передъ нами уже инвалидъ жизни, грустно ожидающій неизбѣжнаго конца. „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь"! восклицаетъ онъ самъ и всѣ свои надежды переноситъ на молодое поколѣніе, которому „надобно дѣло дѣлать, работать".

Мягкимъ, трепещущимъ свѣтомъ озарилъ Тургеневъ образъ послѣдняго изъ могиканъ, послѣдняго представителя стараго періода въ жизни „дворянскихъ гнѣздъ". Его романъ—тихая элегія, заунывные звуки вечерняго колокола, за которыми уже слышатся веселыя трели утреннихъ колоколовъ. „Избранный и непревосходимый лѣтописецъ безвыходныхъ положеній", Тургеневъ, писалъ Анненковъ, исчерпалъ этотъ мотивъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" и показалъ „необходимость обновленія, упрощенія и освѣженія" дворянскаго круга да и всѣхъ другихъ классовъ общества. „Обломовъ" и „Дворянское гнѣздо"—драгоцѣнныя урны, въ которыхъ заключены остатки недавняго прошлаго и которыя съ печальной торжественностью поставлены на распутьѣ нашихъ историческихъ дорогъ. Вокругъ нихъ уже шумитъ молодое поколѣніе, новые люди.

Кто же эти *новые люди?* Откуда придутъ они?

Подводя художественные итоги старому, Гончаровъ и Тургеневъ неизбѣжно думали и о новомъ.

Въ противовѣсъ Ильѣ Ильичу Обломову, Гончаровъ создалъ положительнаго героя, удовлетворяющаго идеаламъ автора. *Штольцъ*—воплощеніе движенія и труда, какъ Обломовъ—воплощеніе покоя и бездѣятельности. По характеристикѣ самого автора, Штольцъ „весь составленъ изъ костей, мускуловъ и нервовъ, какъ кровная англійская лошадь... Какъ въ организмѣ нѣтъ у него ничего лишняго, такъ и въ нравственныхъ отправленіяхъ своей жизни онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа". Онъ искусно управлялъ своей матеріальной и духовной жизнью, во всѣхъ смыслахъ жилъ по бюджету. Умѣренный раціоналистъ, онъ не давалъ воли своему воображенію, онъ внимательно контролировалъ движеніе своего сердца, и „среди увлеченія онъ чувствовалъ землю подъ ногой". Все было продумано, разсчитано, все было въ мѣру. „Простой, т.-е. прямой, настоящій взглядъ на

жизнь—вотъ что было его постоянною задачею". Этотъ „настоящій взглядъ на жизнь" прежде всего предполагаетъ идею труда. Штольцъ ведетъ широкія и выгодныя предпріятія, но не изъ-за денегъ хлопочетъ онъ: онъ трудится, по его словамъ, „для самаго труда, больше ни для чего. Трудъ—образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей". Какъ ранѣе, въ „Обыкновенной исторіи", такъ и теперь Гончаровъ рисуетъ все тотъ же идеалъ общественнаго дѣятеля: Штольцъ—умѣренный либералъ и представитель грядущаго капитализма. Онъ убѣждаетъ Обломова, что не слѣдуетъ стѣснять свободы передвиженія крѣпостныхъ: пусть живутъ, гдѣ имъ выгоднѣе, тогда и помѣщику будетъ выгоднѣе. Онъ ожидаетъ благихъ послѣдствій для Обломовки отъ устройства пристани, шоссе и вообще отъ оживленія края въ торговопромышленномъ отношеніи и рекомендуетъ другу, для предотвращенія деморализующаго вліянія города на народъ, завести школы, въ которыхъ мужиковъ учили бы тому, какъ лучше пахать. Въ концѣ романа Штольцъ патетически привѣтствуетъ „зарю нового счастья", „лучи солнца". Года черезъ четыре, пророчествуетъ онъ, Обломовка будетъ станціей дороги, обломовскіе мужики пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится обломовскій хлѣбъ къ пристани. „А тамъ... школы, грамота, а дальше..." Штольцъ не договариваетъ: передъ его умственнымъ взоромъ открывается ослѣпительная перспектива общественнаго прогресса. Тогда онъ вмѣстѣ съ сыномъ Обломова, Андреемъ, будетъ приводить въ дѣло юношескія мечты. Мы не знаемъ, каковы были эти мечты, но намъ ясно, въ какихъ контурахъ рисуется будущее Россіи Штольцу и, слѣдовательно, Гончарову. Россію ожидаетъ быстрый матеріальный ростъ, и экономическая жизнь потребуетъ просвѣщенныхъ и энергичныхъ дѣятелей—Штольцевъ. Пока этого новаго человѣка авторъ нашелъ лишь среди обрусѣвшихъ нѣмцевъ, но рядомъ съ нимъ пойдетъ и молодой Обломовъ, человѣкъ полудворянскаго происхожденія. Русь просыпается. Вотъ „глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!"

Въ художественномъ отношеніи Штольцъ, по признанію самого автора, слабъ и блѣденъ; онъ похожъ на манекенъ, изъ котораго „слишкомъ голо выглядываетъ идея". Положительный типъ не удался, какъ и вообще онъ удается рѣдко. Но за Гончаровымъ остается заслуга вѣрнаго пониманія экономическихъ условій грядущей эпохи. Кромѣ Штольцевъ, онъ не сумѣлъ замѣтить другихъ носителей новаго, но въ Штольцѣ все же воплотилъ одну изъ важныхъ сторонъ эпохи перелома, которую онъ зарегистрировалъ еще въ романѣ „Обыкновенная исторія".

Гончаровъ, котораго ошибочно считаютъ объективнымъ художникомъ-бытописателемъ, весь на сторонѣ Штольцевъ. Въ немъ воплотился его личный и общественный идеалъ: его уравновѣшенность, его

трезвая практичность, его просвѣщенный, но умѣренный либерализмъ. Даже и позднѣе, когда передъ нимъ уже вполнѣ развернулась перспектива, такъ манившая Штольца своей интригующей загадочностью, Гончаровъ, какъ увидимъ, не пошелъ въ своихъ идейныхъ требованіяхъ дальше Штольца.

Тургеневъ опять пополнилъ недостающія части общественной картины, которую далъ намъ Гончаровъ: игнорируя соціально-экономическую сторону, онъ ярко выдвинулъ мотивъ политической свободы въ романѣ „*Наканунѣ*“ (того же 1859 года). Инсаровъ, (тоже еще не русскій человѣкъ), какъ бы излучаетъ изъ себя волны политическаго героизма и заражаетъ имъ окружающихъ его русскихъ людей. Идея освобожденія родины отъ турокъ всецѣло захватываетъ Инсарова и не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. И Шубинъ, его соперникъ въ любви, искренно преклоняется передъ „героемъ“, увлекаясь поэзіей революціонной борьбы: „Да, молодое, славное, смѣлое дѣло. Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности все равно. А тамъ—натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!“ Инсаровъ—не русскій, да онъ и не могъ быть русскимъ, думаетъ Елена, а Шубинъ, какъ бы поясняя ея мысль, даетъ безпощадную характеристику русскаго общества, гдѣ „все—либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя“. Уваръ Ивановичъ внушительно увѣряетъ, что наступитъ и наша пора, что народятся и у насъ люди. Пока Инсаровъ увлекъ своей личностью и идеей даровитую русскую дѣвушку: она предпочла ему и „добросовѣстно умѣреннаго жреца науки“ Берсенева и художника Шубина.

Уже одно это предвѣщаетъ наступленіе боевого момента въ русской жизни, появленіе своихъ Инсаровыхъ. Въ романѣ чувствуется трепетъ новой жизни, приближеніе своей грозы. И Добролюбовъ чутко откликнулся на романъ статьей „Когда же придетъ настоящій день?“ „Вездѣ и во всемъ,—констатируетъ критикъ, — замѣтно самосознаніе, вездѣ понята несостоятельность стараго порядка вещей, вездѣ ждутъ реформъ и исправленій“. Растетъ молодое поколѣніе, критически настроенное къ прошлому и напитанное „надеждами и мечтами лучшаго будущаго“. Когда наступитъ для него время работы, оно внесетъ въ нее „ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе. Тогда и въ литературѣ явится полный, рѣзко и живо очерченный образъ русскаго Инсарова“.

Русскаго Инсарова не оказалось въ дворянской средѣ, служившей до сихъ поръ преимущественнымъ предметомъ литературнаго изображенія. Жизнь выдвинетъ его изъ другихъ соціальныхъ слоевъ. Уже

литература сороковыхъ годовъ удѣляла немало вниманія недворянскимъ элементамъ общества. Теперь сюда именно переносится центръ тяжести, потому что здѣсь происходитъ свой знаменательный процессъ возрожденія и накопляются новыя силы для предстоящей борьбы.

III.

Разночинецъ въ литературѣ.

Жадовъ („Доходное мѣсто", 1856), бѣдный, но образованный человѣкъ, брошенный въ міръ Юсовыхъ и Бѣлогубовыхъ, трактуется авторомъ еще въ рамкахъ прежняго пониманія жизни: передъ нами въ сущности честный чиновникъ, одинъ изъ тѣхъ, о комъ писали Соллогубъ, Львовъ и мн. др., безъ сознательнаго пріуроченія къ опредѣленной соціальной средѣ.

Писемскій въ романѣ *„Тысяча душъ"* (1858) пытается уже дать не только типъ новаго чиновника, но и разночинца. Однако, и этому „писателю сороковыхъ годовъ" замыселъ удался далеко не вполнѣ. Его Калиновичъ, умный и честолюбивый человѣкъ, вступаетъ въ жизнь бѣднякомъ, принужденъ вести тяжелую борьбу за существованіе и переживать рядъ трудныхъ нравственныхъ испытаній. Во что бы то ни стало ему хочется овладѣть непокорной судьбой, занять вліятельное положеніе въ жизни и въ то же время сохранить чистоту своихъ идейныхъ стремленій. Задача до чрезвычайности трудная, даже для такихъ исключительныхъ натуръ, какъ Некрасовъ. „Я по натурѣ большой корабль,—говорилъ о себѣ Калиновичъ,—и мнѣ всегда было надобно большое плаваніе". Въ силу этого онъ признавалъ за собой право дерзать, не задумываться надъ выборомъ средствъ. По выраженію Анненкова, „онъ не беретъ взятокъ изъ рукъ въ руки, уничтожилъ до основанія заднее крыльцо, но расположенъ брать хорошія взятки съ самой жизни, чиномъ, мѣстомъ, значительнымъ содержаніемъ, женитьбой, прикрывая это какимъ-то строгимъ, пуританскимъ видомъ". Выбившійся въ люди карьеристъ, Калиновичъ, въ качествѣ важнаго чиновника, обѣими руками принимается вырывать цвѣты зла на бюрократической нивѣ. Онъ неумолимо честенъ и послѣдователенъ въ своихъ требованіяхъ: „Я сыну бы родному, умирай онъ съ голоду въ моихъ глазахъ, гроша бы жалованья не прибавилъ, если бъ не зналъ, что онъ полезенъ для службы, въ которой я хочу быть какъ голубь святъ и чистъ отъ всякаго лицемѣрія". Калиновичъ—суровый жрецъ законности, идеальный администраторъ.

Есть что-то ложное въ самой концепціи романа Писемскаго, и онъ произвелъ на современную критику далеко не благопріятное впечатлѣніе. Добролюбовъ не хотѣлъ даже и писать о „Тысячѣ душъ". Анненковъ отрицательно отнесся къ герою „дѣлового романа", какъ онъ назвалъ произведеніе Писемскаго: за дѣятельностью Калиновича, по его словамъ, „нѣтъ мысли, нѣтъ глубокаго пред-

ставленія современныхъ нуждъ, нѣтъ живого взгляда на общество". Дѣйствительно, Калиновичъ только въ слабой степени является новымъ человѣкомъ своего времени. На общемъ фонѣ начинающагося разложенія стараго строя авторъ хотѣлъ изобразить разночинца, энергично завоевывающаго себѣ мѣсто въ жизни, но приписалъ ему противоположныя стремленія и тѣмъ обрекъ его на безсиліе. Соціальная сторона заслонена личной эпопеей даровитаго плебея. Передъ нами попрежнему чиновникъ, попрежнему борьба личнаго благородства съ неправдой жизни. Мы все еще не видимъ борьбы соціальныхъ группъ, а лишь борьбу личностей и ихъ идей.

Очевидно, нуженъ былъ не посторонній наблюдатель разночинца, а именно писатель-разночинецъ, который явился бы естественнымъ уполномоченнымъ своей среды и, на основаніи собственнаго опыта, разсказалъ бы намъ, что происходило тамъ наканунѣ новаго періода. Эта роль прежде всего выпала на долю *Н. Г. Помяловскаго*. Въ его лицѣ разночинецъ выступаетъ съ первой своей соціальной исповѣдью, высказываетъ первое классовое самоопредѣленіе. Въ сравненіи съ „Мѣщанскимъ счастьемъ" (1861) и „Молотовымъ" (1861) Помяловскаго, произведенія сороковыхъ годовъ, говорившія о разночинцѣ, не болѣе какъ рекогносцировки гуманныхъ изслѣдователей въ новой для нихъ территоріи. Сынъ дьячка малоохтенской кладбищенской церкви (въ Петербургѣ), воспитанникъ бурсы, Помяловскій уступалъ Тургеневу, Гончарову, даже Писемскому въ литературномъ мастерствѣ, но превосходилъ ихъ всѣхъ знаніемъ разночинскаго быта. Поставивъ себѣ сознательную задачу показать „отношенія плебея къ барству", онъ производитъ настоящій художественный экспериментъ. Въ Молотовѣ (героѣ обѣихъ повѣстей) онъ сливаетъ, какъ въ амальгамѣ, плебейскій и дворянскій элементы и затѣмъ художественно-химическими реактивами снова разлагаетъ эту амальгаму, провозглашая соціальную необходимость разрыва между дворяниномъ и разночинцемъ. Отецъ Егора Ив. Молотова—мѣщанинъ, слесарь; дѣтство свое нашъ герой провелъ въ темной конурѣ, среди грязи и бѣдности. А потомъ, по капризу судьбы, онъ попадаетъ на воспитаніе къ благородному старику-профессору, проходитъ гимназическій и университетскій курсы и, по складу своихъ понятій и настроенію, становится настоящимъ идеалистомъ барскаго покроя, довѣрчивымъ оптимистомъ. Служба у „добрыхъ" и образованныхъ помѣщиковъ Обросимовыхъ мало-по-малу раскрываетъ передъ нимъ дѣйствительную жизнь во всей суровости и наготѣ. Постепенно въ немъ заговорила плебейская кровь и чувство плебейской гордости. На самомъ себѣ Молотовъ испыталъ дѣйствіе „экономическаго національнаго закона", которымъ регулируются отношенія труда и капитала. Онъ понялъ, что за внѣшней вѣжливостью и даже ласковостью его патроновъ скрывается высокомѣрный взглядъ на него, какъ на подчиненнаго и плебея, и онъ все болѣе и болѣе сталъ чувствовать себя чужимъ въ домѣ Обросимовыхъ. Въ грубыя и крупныя

слова одѣвалась мысль его.—„Бѣлая порода!.. чѣмъ же мы, люди черной породы, хуже васъ? Мы мѣщане, плебеи, дворянскаго гонору у насъ нѣтъ? *У насъ свой есть гоноръ!*“ Молотовъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ „негодяямъ, аристократишкамъ, барамъ-кулакамъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ отчетливѣе понимать свое собственное положеніе въ обществѣ. „Жизнь глянула своими широкими, прекрасными и страшными глазами“. Мучительно захотѣлось Молотову своей, новой жизни, захотѣлось опредѣлить свое настоящее „призваніе“. Для этого нужно было прежде всего порвать съ людьми, въ которыхъ онъ, по недоразумѣнію, видѣлъ своихъ, порвать и съ Леночкой, той „кисейной барышней“, которая съ беззавѣтной искренностью отдавала ему свое сердце. Молотовъ такъ и дѣлаетъ. Мѣщанское счастье дворянъ было не для него, онъ пошелъ искать своего, буквально мѣщанскаго счастья. Послѣ длиннаго и поучительнаго ряда мытарствъ Молотовъ попадаетъ въ среду петербургскаго чиновнаго мѣщанства. Съ затаенной скорбью, но вмѣстѣ и съ готовностью оправдать, рисуетъ Помяловскій сѣрую, блѣдную жизнь петербургскаго чиновника изъ плебеевъ, жизнь безъ духовныхъ интересовъ, съ вѣчнымъ подчиненіемъ условнымъ понятіямъ и традиціонной морали. Пошлое мѣщанство царитъ здѣсь, обезличивая каждую живую душу, убивая каждый живой порывъ. Надя Дорогова должна была выдержать тяжелую борьбу, чтобы отстоять, повидимому, элементарное право свободнаго выбора жениха. Она побѣдила, и авторъ торжествуетъ вмѣстѣ съ нею. „Семья разлагалась. Изъ нѣдръ ея вставали новыя силы—нравственныя, непобѣдимыя“. Свобода дѣлала здѣсь свои завоеванія, и мѣщанская семья, какъ и купеческая (въ лицѣ Катерины), выдѣляла изъ своей среды новыхъ людей. Надя выходитъ замужъ за Молотова. Они—свои люди; этотъ бракъ естественъ, не то что бракъ съ „кисейной барышней“. Самому Молотову не удалось осуществить своего призванія такъ, какъ онъ хотѣлъ: жизнь оказалась сильнѣе, онъ затаилъ въ себѣ идейные порывы и помирился на *честной чичиковщинѣ*“. „Чего фальшивить и становиться на ходули? Деньги всѣмъ нужны. Были когда-то побужденія иныя, высшія, а теперь пріобрѣтать хочется, копить, запасать и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. Честная чичиковщина настала, и вотъ сознаю, что я тоже пріобрѣтатель“. Но эти слова онъ произноситъ съ глубокимъ чувствомъ неудовлетворенности. Лишь въ минуты добраго расположенія духа онъ съ чувствомъ плебейской гордости говорилъ, что единственно себѣ обязанъ своимъ культурнымъ комфортомъ, но когда просыпалась душа, онъ начиналъ проклинать благонравную чичиковщину, свое мѣщанское счастье. И авторъ поддерживаетъ его въ этой самокритикѣ и заканчиваетъ послѣднюю сцену „мѣщанскаго счастья“ Нади и Молотова восклицаніемъ: „Эхъ, господа, что-то скучно!..“ Разночинецъ сдѣлалъ лишь первый шагъ: отвоевалъ себѣ личную независимость, право быть хозяиномъ въ своей собственной жизни, право на то мѣщанское

счастье, которымъ безмятежно наслаждается дворянская семья. Но этого ему мало. Ни Молотовъ ни тѣмъ болѣе Помяловскій не видятъ здѣсь предѣла своимъ желаніямъ.

Рядомъ съ Молотовымъ стоитъ у Помяловскаго другой, автобіографическій типъ, художникъ Череванинъ. Онъ глубже и болѣзненнѣе чувствуетъ бѣдность и пошлость мѣщанства, предпочитая вести безпорядочную жизнь богемы, топить горе въ винѣ. Мысль его непрестанно занята разрѣшеніемъ мучительныхъ вопросовъ о смыслѣ жизни, о правдѣ и справедливости. Онъ не въ силахъ найти на нихъ удовлетворяющій отвѣтъ и носитъ въ своей груди мрачное „кладбищенство“. Въ Череванинѣ Помяловскій воплотилъ моральныя и интеллектуальныя муки разночинца, ищущаго новыхъ идеаловъ, новыхъ путей жизни, мукъ, которыя такъ хорошо были знакомы и самому автору. Череванинъ и Помяловскій остались съ мучительными сомнѣніями, но намъ ясно то направленіе, въ которомъ они искали отвѣта. Череванинъ хотѣлъ „честно мыслить, не бояться въ своей головѣ своего ума, смотрѣть въ свою душу не подличая“, прямо ставить передъ собой всѣ страшные вопросы. И первымъ результатомъ былъ безпощадный скептицизмъ и „нравственная торичелліева пустота“. Всѣ прекрасныя слова—трудъ, отечество, любовь, совѣсть, свобода, счастье, слава—для него лишь звуки безъ содержанія. „На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть аппетитъ здороваго человѣка; нѣтъ дѣвы, а есть бабы; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость какая-то, скука и тоска неисходная; ну, луна, пожалуй, и есть, да мнѣ плевать на луну: какого чорта я въ ней не видалъ?“ Все гадко, ничтожно и скоро преходяще. „Я никого не люблю“, продолжалъ клеветать на себя Череванинъ: „Себя только люблю... Одинъ эгоизмъ, полный, безаппеляціонный эгоизмъ!.. Да нѣтъ, и не эгоизмъ...“ А просто полное безразличіе, непониманіе смысла жизни: „Для кого же, зачѣмъ я буду работать?.. Ужъ не для будущаго ли поколѣнія трудиться?... Вотъ еще діалектическій фокусъ, пунктъ помѣшательства, благодумная дичь!“ Кладбищенство заѣло Череванина, „прогрессивное кладбищенство“, по его собственному опредѣленію. Въ это кладбищенство входило и стремленіе понять смыслъ жизни и исканіе соціальной правды. Отсюда—чувства горечи и злобы, которыми проникнуты рѣчи Череванина и все повѣствованіе Помяловскаго. Въ этихъ чертахъ много типическаго для нашихъ разночинцевъ 60-хъ годовъ: стоитъ только припомнить жизнь Помяловскаго, Левитова, Рѣшетникова, Н. Успенскаго. Такіе люди, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, которыхъ не надломила суровая школа жизни, были своего рода счастливцами.

Съ отчетливостью, не подлежащей ни малѣйшему сомнѣнію, поставилъ Помяловскій вопросъ о разночинцѣ на соціальную почву, показалъ намъ весь скорбный путь отъ каморки мѣщанина-слесаря до кабинета интеллигентнаго работника, раскрылъ весь болѣзненный процессъ внутренняго перерожденія разночинца, трудные роды новаго человѣка, всю бытовую

и психологическую основу „нигилизма“.

Молотовъ и Череванинъ дѣлаютъ намъ понятными и Базаровыхъ. Тургеневъ воспроизвелъ одинъ изъ результатовъ того процесса, о которомъ говоритъ Помяловскій: изобразилъ человѣка съ новымъ теоретическимъ міросозерцаніемъ, но безъ соціальныхъ мукъ Череванина.

Напечатанный въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1862 г., романъ „*Отцы и дѣти*“ написанъ въ томъ же 1861 г., когда появились и повѣсти Помяловскаго. Положеніе Тургенева по отношенію къ изображаемому типу было существенно иное, чѣмъ положеніе Помяловскаго. Послѣдній пережилъ, перечувствовалъ, даже болѣе—перестрадалъ содержаніе своихъ повѣстей, Тургеневъ былъ въ роли внимательнаго и умнаго наблюдателя интереснаго явленія русской жизни.

„Я бралъ морскія ванны въ Вентнорѣ, маленькомъ городкѣ на островѣ Уайтѣ,—разсказываетъ самъ Тургеневъ;—дѣло было въ августѣ мѣсяцѣ 1860-го года, когда мнѣ пришла въ голову первая мысль „Отцовъ и дѣтей“... Въ основаніе главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача“. Художникъ замѣтилъ въ немъ „то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма“. Впечатлѣніе было сильное, но еще смутное. Писатель старается провѣрить его, внимательно прислушиваясь ко всему, что его окружало, и приглядываясь къ такимъ людямъ, какъ Добролюбовъ. Плодомъ этой творческой работы былъ Базаровъ. Тургенева, очевидно, прежде всего поразило міросозерцаніе врача, и это обстоятельство существенно отразилось на всей концепціи романа. Базаровъ — носитель новаго теоретическаго міросозерцанія, принципіальный отрицатель „романтизма“; на этой почвѣ и происходитъ въ романѣ столкновеніе отцовъ и дѣтей. Правда, авторъ не забываетъ подчеркнуть демократизма Базарова. Онъ—лѣкарскій сынъ и дьячковскій внукъ, его отецъ не изъ столбовыхъ и называетъ себя плебеемъ, homo novus. Но этотъ демократизмъ далеко не того свойства, что у Молотова или Череванина, да и не имѣетъ опредѣляющаго значенія въ романѣ. Сознавая себя демократомъ, Базаровъ, тѣмъ не менѣе, равнодушенъ къ общественному положенію народа, глумится надъ строемъ его жизни и особенно міросозерцаніемъ, какъ и надъ міросозерцаніемъ романтиковъ-отцовъ. Все спасеніе для него въ позитивизмѣ. Въ письмѣ къ К. К. Случевскому (отъ апрѣля 1862 г.) Тургеневъ увѣрялъ, что его повѣсть „направлена противъ дворянства, какъ передового класса“, что при созданіи Базарова ему мечтался „какой-то странный pendant Пугачевымъ“, „мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная, и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ предверіи будущаго“. Но романъ не оправдываетъ такого истолкованія, хотя, безъ сомнѣнія, Базаровъ въ духовномъ родствѣ и съ тѣми типами, на которые намекаетъ Турге-

невъ и которые предстоитъ еще изобразить другимъ. Авторъ разсматриваетъ вопросъ въ иной плоскости, чѣмъ Помяловскій или впослѣдствіи Чернышевскій. Въ его глазахъ существенной стороной является не взаимоотношенія плебеевъ и баръ, а встрѣча двухъ міросозерцаній, распредѣленныхъ между двумя поколѣніями: одного—съ барской окраской, другого—болѣе демократическаго. На первомъ планѣ борьба идей, борьба поколѣній, а не соціальныхъ классовъ, итогъ неизвѣстнаго, но сложнаго процесса. О борьбѣ поколѣній, какъ главномъ мотивѣ романа, Тургеневъ говорилъ и въ своей застольной рѣчи на петербургскомъ обѣдѣ 1879 г. Очевидно, въ произведеніи есть какая-то недоговоренность. Вотъ почему романъ Тургенева удостоился оффиціальныхъ похвалъ за то, что вопросъ о нигилизмѣ оказался въ немъ „не въ симпатичномъ колоритѣ для способности всеотрицанія", вотъ почему вокругъ него загорѣлась жестокая полемика, и Базарова не хотѣли признавать своимъ даже тѣ, къ кому онъ былъ, несомнѣнно, близокъ. Но были глубоко несправедливы упреки, будто Тургеневъ хотѣлъ написать памфлетъ на молодое поколѣніе. Отношеніе автора къ Базарову въ общемъ сочувственное, и Тургеневъ горячо опровергалъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Его безспорной заслугой является художественное воспроизведеніе борьбы стараго и новаго міросозерцанія; онъ изобразилъ новый типъ писаревскаго склада съ той стороны, какая была доступна его наблюденію, и сдѣлалъ это съ любовью истиннаго художника и интересомъ мыслящаго человѣка.

Полемика по поводу „Отцовъ и дѣтей" окончательно показала, что общественная мысль вступила во вторую стадію своего отрицанія, чтобы начать затѣмъ созидательную работу новаго: сначала отрицаніе было направлено противъ стараго строя жизни, теперь—противъ старой интеллигенціи.

Писаревъ объявилъ Базарова представителемъ молодого поколѣнія, узналъ въ немъ себя и своихъ и доказывалъ его превосходство надъ предшественниками: „у Печориныхъ есть воля безъ знанія, у Рудиныхъ — знаніе безъ воли, у Базаровыхъ — и знаніе и воля. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое". Словомъ, это—идеалъ мыслящаго реалиста, который смѣло предъявляетъ свое обвиненіе отцамъ. „Но мы этого счета не принимаемъ, — отвѣчалъ Герценъ отъ имени отцовъ,—и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ". Герценъ вовсе не хочетъ отожествлять себя и интеллигенцію своего поколѣнія съ Кирсановыми; ея жизнь сложнѣе и значеніе выше, тогда какъ „Кирсановы самые старые и пошлые представители отцовъ". Съ другой стороны, и въ Базаровѣ нельзя видѣть абсолютнаго совершенства: „Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобы ему долго удержаться". А главное, напрасно Базаровы отдѣляютъ себя отъ отцовъ. Жизнь интеллигенціи идетъ

непрерывной чередой: декабристы— наши отцы, Базаровы—наши дѣти". Идеи „нигилистовъ" можно найти уже у людей сороковыхъ годовъ. „Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе созналь себя, даже сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... Все это неоспоримо. Но новыхъ началъ, принциповъ онъ не внесъ".

Герценъ былъ безусловно правъ въ своемъ историческомъ діагнозѣ; но въ то время, когда только что слагалось новое міросозерцаніе, трудно было безпристрастно размежеваться, и борьба съ ея обычными эксцессами по самой природѣ вещей была неизбѣжна.

Помяловскій и Тургеневъ установили несомнѣнный фактъ появленія *разночинской интеллигенціи* съ своимъ особымъ міросозерцаніемъ.

Въ первую половину шестидесятыхъ годовъ руководящая роль въ дѣлѣ созданія и распространенія новаго міросозерцанія принадлежала Чернышевскому и Добролюбову, во вторую — Писареву. Въ 1862 г. Чернышевскій былъ арестованъ и черезъ два года сосланъ; въ 1861 г. умеръ Добролюбовъ, и около этого же времени началась дѣятельность Писарева. Самъ Писаревъ, въ свою очередь, пережилъ нѣсколько моментовъ въ своемъ идейномъ развитіи. Но по существу все умственное движеніе, представленное Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ, было однимъ и тѣмъ же, съ неизбѣжными, конечно, индивидуальными оттѣнками. Если тутъ и можно говорить о періодахъ, то лишь въ смыслѣ усиленія тона отрицанія. Уже Чернышевскій и Добролюбовъ съ 1859—1860 гг. обнаруживаютъ болѣе революціонное настроеніе, чѣмъ раньше, а Писаревъ постепенно становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ въ своемъ нигилизмѣ, который у его соратниковъ по „Русскому Слову"— М. А. Антоновича, В. А. Зайцева, Н. В. Соколова—превращается въ нигилизмъ, по выраженію С. А. Венгерова, „вульгарный, внѣшне-крикливый и неглубокій". Не упуская изъ виду этой эволюціи нигилизма, мы, однако, будемъ разсматривать его какъ цѣльное теченіе и возьмемъ лишь наиболѣе типическія его черты.

IV.

„Нигилизмъ".

Базаровъ и Аркадій отрекомендовали себя недоумѣвавшимъ отцамъ, что они—нигилисты. А нигилистъ, пояснилъ Аркадій, „это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ". „Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ", говоритъ въ другомъ мѣстѣ самъ Базаровъ: „Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ". Отрицаютъ, чтобы „мѣсто расчистить".

Тургеневъ воспользовался словомъ, которое еще въ XII в. упо-

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

Съ портрета, писаннаго Н. А. Ярошенко.
(Съ любезнаго разрѣшенія М. П. Ярошенко.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ" Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

7

треблялось на Западѣ по отношенію къ ереси Петра Ломбардскаго и у насъ въ концѣ 20-хъ годовъ XIX в. примѣнялось Надеждинымъ къ романтикамъ. Сами нигилисты шестидесятыхъ годовъ подчеркиваютъ въ себѣ прежде всего духъ отрицанія и независимость мысли. Въ качествѣ отрицателей, они сдѣлались пугаломъ благомыслящихъ людей. Присмотримся, однако, поближе къ характеру „нигилистическаго“ міросозерцанія. Отвергая старые кумиры, нашъ нигилистъ охотно шелъ на выучку къ новымъ авторитетамъ. Это были представители естественно-историческаго матеріализма и позитивизма: Карлъ Фохтъ, Луи Бюхнеръ, Як. Молешоттъ, Фейербахъ, Ог. Контъ, Дж. Ст. Милль и др. Ихъ произведенія переводились и пересказывались въ передовой журналистикѣ; ихъ имена пестрятъ страницы сочиненій Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева. Естествознаніе и точныя науки стремятся вытѣснить гуманитарныя науки. „Собственно говоря, только математическія и естественныя науки имѣютъ право называться науками“, провозглашалъ Писаревъ. „Однѣ естественныя науки, положенныя въ основу общаго образованія, могутъ развить умъ и сообщить учащемуся прочныя знанія“, повторялъ онъ мысль, высказанную еще Герценомъ. Писаревъ шелъ такъ далеко въ своей апологіи естествознанія, что требовалъ „навсегда отложить попеченіе о такъ называемомъ гуманномъ образованіи“, существенно расходясь въ этомъ пунктѣ съ Н. И. Пироговымъ, который, не отрицая естествознанія, въ гуманитарной наукѣ видѣлъ также важное орудіе воспитанія „человѣка“. „Мыслящій реалистъ“ шестидесятыхъ годовъ признавалъ лишь то, что можно измѣрить, взвѣсить, высчитать. Лишь это—фактъ, все прочее—слова и иллюзіи. „Слова и иллюзіи гибнутъ—факты остаются“, говорилъ Писаревъ. Натурфилософія, познаніе общихъ свойствъ вещества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка—все это—„дребедень, которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ“. Идеалистическая философія, философія романтизма стремилась къ синтезу явленій; теперь точная наука довольствуется анализомъ, и въ этомъ ея значеніе. „Цѣль естественныхъ наукъ“, думалъ Писаревъ, „никакъ не формированіе міросозерцанія... Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе...“ Фохтъ, Молешоттъ и другіе подобные имъ ученые откинули старыя бредни и „рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами“. Они видѣли и устанавливали нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями, но общихъ результатовъ не нашли, своей теоріи міра не построили, „и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга“.

Естественно—историческій матеріализмъ легъ въ основу теоретическаго міросозерцанія „нигилистовъ“.

„Подобно тому, какъ паровая машина создаетъ движеніе, — училъ Бюхнеръ,—такъ сложное органическое соединеніе одаренной силой матеріи создаетъ въ животномъ организмѣ совокупность извѣстныхъ эффектовъ, единство которыхъ мы называемъ духомъ, душой, мыслью". Всѣмъ этимъ понятіямъ дается чисто физіологическое опредѣленіе, и Писаревъ надѣется, что, разложенныя на свои составные элементы, понятія „психическая жизнь", „психическое явленіе"—„пойдутъ туда же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила". Разбирая сочиненіе П. Л. Лаврова „Очерки вопросовъ практической философіи", Чернышевскій въ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи" (1860) считаетъ незыблемымъ завоеваніемъ науки идею монизма. Основаніемъ философіи, какъ въ той ея части, которая занимается изученіемъ внѣшней природы, такъ и въ той, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, одинаково служатъ естественныя науки, говоритъ Чернышевскій. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ". Раздѣленіе природы человѣка на тѣло и душу не только противорѣчитъ научнымъ представленіямъ, но и есть, говоритъ Добролюбовъ, грубѣйшій матеріализмъ въ пониманіи „души". Идея монизма, наоборотъ, „отличаясь простотою и вѣрностью фактамъ жизни", устанавливаетъ болѣе возвышенный взглядъ на человѣка и „согласно съ высшимъ, христіанскимъ взглядомъ вообще на личность человѣка, какъ существа самостоятельно-индивидуальнаго".

Въ природѣ совершается вѣчный круговоротъ, говорилъ Молешоттъ въ книгѣ „Der Kreislauf des Lebens"; міръ живетъ по принципу сохраненіи матеріи и силы. Какой-нибудь рудокопъ, добывая изъ земли фосфорно-кислую известь, тѣмъ самымъ приготовляетъ „матеріалъ для лучшихъ головъ и величайшихъ идей": известь идетъ на удобреніе поля, поле родитъ пшеницу, которая питаетъ тѣло и мозгъ людей. Черезъ кишечный каналъ и мозгъ матерія изъ внѣшней природы проникаетъ въ нашъ организмъ и опредѣляетъ собою ходъ нашихъ мыслей, теченіе идей, проектовъ и предпріятій. „Черты нашего лица и мысли нашего мозга имѣютъ такую же географію, какъ и растенія". Зная качество питательныхъ веществъ, мы можемъ

регулировать мысль и волю людей. „Естествоиспытатель,—по словамъ Молешотта,—„Прометей нашего времени, а химія—высшая наука. Соціальный вопросъ находитъ свое разрѣшеніе, если только возможно узнать истинное распредѣленіе тѣхъ веществъ, съ которыми связана жизнь мысли и воли“. Не только психологія, но и соціологія покрываются физіологіей. Если наши ранніе позитивисты—Вл. Ѳ. Одоевскій, Пироговъ, Герценъ—стояли за необходимость синтеза эмпиріи и спекуляціи, то реалистъ шестидесятыхъ годовъ рѣшительно отвергаетъ второй элементъ, какъ всякую метафизику и „романтизмъ“.

Нашъ мыслящій реалистъ типа Базарова и Писарева ригористически преслѣдуетъ все, въ чемъ видно родство съ областью ирраціональнаго, съ областью чувства. Онъ постарается отнять поэтическое обаяніе у любви, сведя ее къ чисто физіологическому акту; онъ будетъ сдержанъ въ проявленіи всякихъ чувствъ, хотя бы родственныхъ, чтобы не „разсиропиться“; онъ отвернется отъ „изящной стороны жизни“, отъ красотъ природы, отъ искусства, въ убѣжденіи, что „порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта“. Религіозное чувство дѣлитъ общую участь. „Первая битва, — говоритъ Степнякъ (Кравчинскій), — была дана на почвѣ религіи“. Подъ дружнымъ и энергичнымъ напоромъ молодой фаланги пала церковная вѣра, заколебался авторитетъ и христіанства. Матеріализмъ, атеизмъ сдѣлался своего рода религіей образованнаго общества.

Исходя изъ общихъ предпосылокъ естествознанія, изъ ученія Фейербаха и Дж. Ст. Милля (объ утилитаризмѣ), реалистъ строитъ и свою систему этики, которую противопоставляетъ этикѣ идеалистовъ сороковыхъ годовъ.

Люди того поколѣнія, разсуждаетъ Добролюбовъ, страшной мукой сомнѣнія и отрицанія покупали свои принципы и дѣлались сознательными рабами принципа. „Большая часть (исключеніе составляетъ, напримѣръ, Бѣлинскій) осталась только при *разсудочномъ* пониманіи принципа и потому вѣчно насиловали себя на такія вещи, которыя были имъ вовсе *не по натурѣ и не по нраву*“. Въ результатѣ—недовольство собой, неудачи, фальшь. Этика должна быть построена въ строгомъ соотвѣтствіи съ велѣніями человѣческой природы. Человѣкъ весь во власти законовъ природы, и было бы безсмысленно и пагубно вступать въ борьбу съ ними. Человѣкъ „положительный“ (позитивистъ), говоритъ Чернышевскій, знаетъ, что „все не натуральное вредно и тяжело для человѣка“, и дѣйствуетъ согласно этому убѣжденію. Такъ называемые добродѣтельные люди, принуждающіе себя къ исполненію отвлеченнаго для нихъ принципа, не только не заслуживаютъ пламенныхъ восхваленій, они просто жалки и „въ нравственномъ отношеніи стоятъ на очень низкой ступени“. Истинно нравственнымъ человѣкомъ поэтому слѣдуетъ назвать того, „кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутренняго существа своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внут-

реннимъ процессомъ самосознанія и саморазвитія такъ, чтобы они не только сдѣлались инстинктивно-необходимыми, но и составляли внутреннее наслажденіе" (Добролюбовъ). Человѣкъ долженъ оставаться самимъ собой и эмансипироваться отъ всякихъ внѣшнихъ принциповъ. „Скажутъ, — предвидитъ Добролюбовъ возможное возраженіе, — что въ подобномъ направленіи выражается очень сильно собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчиняются всѣ другія, высшія чувствованія". Онъ принимаетъ это возраженіе и доказываетъ, что всѣ люди во всѣхъ своихъ дѣяньяхъ и чувствахъ неизмѣнно остаются эгоистами. Эгоизмъ главный источникъ нашихъ дѣйствій; даже тѣ, кого мы считаемъ величайшими альтруистами, руководятся эгоизмомъ: „мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастья". Вся суть дѣла, однако, въ томъ, что каждый изъ насъ по-своему понимаетъ счастье, по-своему эгоистъ. По настоящему, мелкій, грубый эгоизмъ противорѣчитъ даже человѣческой природѣ. „Положительнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова, — по мнѣнію Чернышевскаго, — можетъ быть только человѣкъ любящій и благородный". Чего-либо другого и трудно было ожидать отъ такихъ „эгоистовъ", какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. „Добродѣтель" не потерпѣла никакой порухи; всѣ этическія нормы остались прежними. Смыслъ же горячей проповѣди эгоизма, съ которой такъ выступали шестидесятники, кроется въ идеѣ научнаго монизма и, что еще важнѣе, въ стремленіи защитить свободу личности. „Эгоистами могутъ быть и хорошіе и дурные люди", разсуждаетъ Писаревъ: „эгоистъ—человѣкъ свободный въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова... Отсутствіе нравственнаго принужденія—вотъ единственный существенный признакъ эгоизма... Эгоизмъ-система умственныхъ убѣжденій, ведущая къ полной эмансипаціи личности и усиливающая въ человѣкѣ самоуваженіе... Эгоизмъ, если понимать его, какъ слѣдуетъ, есть только полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей, а не искорененіе добрыхъ влеченій и благородныхъ порывовъ". Дѣло ясно: весь эгоизмъ сводился къ освобожденію человѣка отъ всякаго нравственнаго деспотизма, къ праву на этическое самоопредѣленіе. Это та самая идея индивидуализма, которую развивалъ еще Герценъ, аргументируя ее въ сущности точно такимъ же образомъ; это та идея свободы личности, которая стала центральной для западниковъ, для Пирогова, которая будетъ обоснована въ ученіи Лаврова и Михайловскаго и не замретъ до нашихъ дней, такъ какъ по природѣ своей она вѣчна. Особенно жгучій характеръ пріобрѣтаетъ она въ условіяхъ русской жизни, сверху донизу построенной на началахъ крѣпостничества. Шестидесятые годы боролись съ грубѣйшими проявленіями крѣпостничества, и оттого для людей этой эпохи такъ дорога была идея освобожденія личности. Реальная личность, ея интресы и права—высшая цѣнность; ради нея, а не ради

осуществленія отвлеченныхъ идей справедливости, законности существуетъ и самое государство. „Выше человѣческой личности мы не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего“, заявляетъ Чернышевскій, и для Писарева процессъ историческаго развитія имѣетъ своею цѣлью — эмансипацію личности. У Писарева, а еще болѣе у писаревцевъ идея индивидуализма подчасъ принимала уродливыя формы, противъ которыхъ въ свое время энергично ратовалъ Михайловскій, создатель теоріи борьбы за индивидуальность. Но это не умаляло исторической и жизненной важности самой идеи. Всѣ стремились къ свободѣ, и каждый, вспоминаетъ Н. В. Шелгуновъ, „освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно... Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникла повсюду, и совершалось дѣйствительно что-то небывалое и невѣдомое“.

Личность освобождала себя отъ гнета, отъ внѣшнихъ принциповъ, но не освобождала себя отъ нравственныхъ и соціальныхъ идеаловъ.

„Жизнь—мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ“, скажетъ эгоистъ и реалистъ Базаровъ. Производительный трудъ—вотъ неизмѣнный критерій, съ которымъ разночинецъ подходитъ къ оцѣнкѣ каждой личности и каждаго явленія. Отъ каждаго потребуютъ „настоящаго дѣла“, каждому поставятъ вопросъ, съ которымъ Добролюбовъ обращался къ обломовцамъ: „что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?“

Идея освобожденія личности и проповѣдь новыхъ соціальныхъ идеаловъ и составляютъ главное содержаніе художественной литературы и критики шестидесятыхъ годовъ.

V.

Новые соціальные идеалы.

При господствѣ въ русской жизни крѣпостническихъ тенденцій, уже школа и семья начинаютъ работу подавленія личности, подчиненія ея всевозможнымъ авторитетамъ и принципамъ. Какъ и всегда, дореформенная *школа* въ малыхъ размѣрахъ отражала общій порядокъ въ странѣ. Учителя были поставлены въ обычное положеніе чиновниковъ, съ тою, однако, разницей, что, какъ наиболѣе сомнительные чиновники, они подлежали и особо бдительному надзору. Мелочная и принудительная регламентація опредѣляла каждый шагъ школьной жизни. Приниженный и обезличенный учитель лишался своего законнѣйшаго права быть педагогомъ, обрасталъ грубой корой педантизма, рутинерства и нерѣдко самъ превращался въ жестокаго палача своихъ учениковъ. Розга и кулачная расправа считались обыденными педагогическими средствами. Тлетворное вліяніе николаевской системы обезличенія, казарменной нивеллировки калѣчило и учителей и учениковъ. На школу какъ бы возлагалась обязанность исправлять грѣхъ природы, создавшей человѣка по образу и подобію Божію, и формировать ребенка по казенному образцу. Наиболѣе уродливаго своего проявленія

антипедагогическія начала дореформенной школы достигали въ закрытыхъ заведеніяхъ, въ институтахъ и бурсѣ, этихъ учебно-воспитательныхъ казармахъ. Помяловскій въ „Молотовѣ“ (1861 г.) бѣглыми, но мѣткими штрихами набросалъ нѣсколько картинокъ институтской жизни, гдѣ въ утрированномъ видѣ царили приличіе, благочиніе и опрятность, гдѣ „жизнь и наука были выдуманы, построены искусственно и фальшиво, заперты въ стѣны институтскаго зданія“, гдѣ на почвѣ затворничества и „обожанія“ создавались „искусственные, фальшивые, институтскіе характеры“, гдѣ „блѣдненькихъ, тоненькихъ, дохленькихъ барышень“ подвергали суровымъ наказаніямъ вплоть до рубашки сумасшедшихъ. А знаменитая бурса? Когда-то ее живописали Нарѣжный, Гоголь, теперь ее прославили Никитинъ и Помяловскій. Это — тернистый путь многихъ и многихъ разночинцевъ. Какъ было не сказать о ней всей горькой правды! Педагоги бурсы сами получили схоластическое образованіе, „произошли всевозможную синекдоху и гиперболу, остріемъ священной хріи вскормлены“, какъ выразился Помяловскій въ „Очеркахъ бурсы“ (1862 г.), и, естественно, что вся ихъ педагогическая система сводилась къ долбнѣ, „долбнѣ ужасающей и мертвящей“, отъ которой ученикъ терялъ простой здравый смыслъ и получалъ непреодолимое отвращеніе къ книгѣ. „Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то препаратъ, въ которомъ стоитъ пожать пружину—вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ — удивительно! — нѣтъ мысли, какъ бывало прежде“.

Страшная картина! Помяловскій ведетъ своего читателя на уроки, показываетъ въ дѣйствіи всю жестокую учобу съ розгами и пытками; одинъ „артистъ въ своемъ дѣлѣ“ доходилъ до виртуозности: „заставлялъ кланяться печкѣ, цѣловать розги, сѣкъ и солилъ сѣченаго“. Съ неопровержимой правдивостью изобразилъ Помяловскій нравы, развлеченія и интересы бурсаковъ. Впечатлѣніе было таково, что Писаревъ прибѣгъ къ сравнительному методу и параллельно разбираетъ „Очерки бурсы“ Помяловскаго и „Записки изъ Мертваго дома“ Достоевскаго: здѣсь — погибшіе, тамъ — погибающіе.

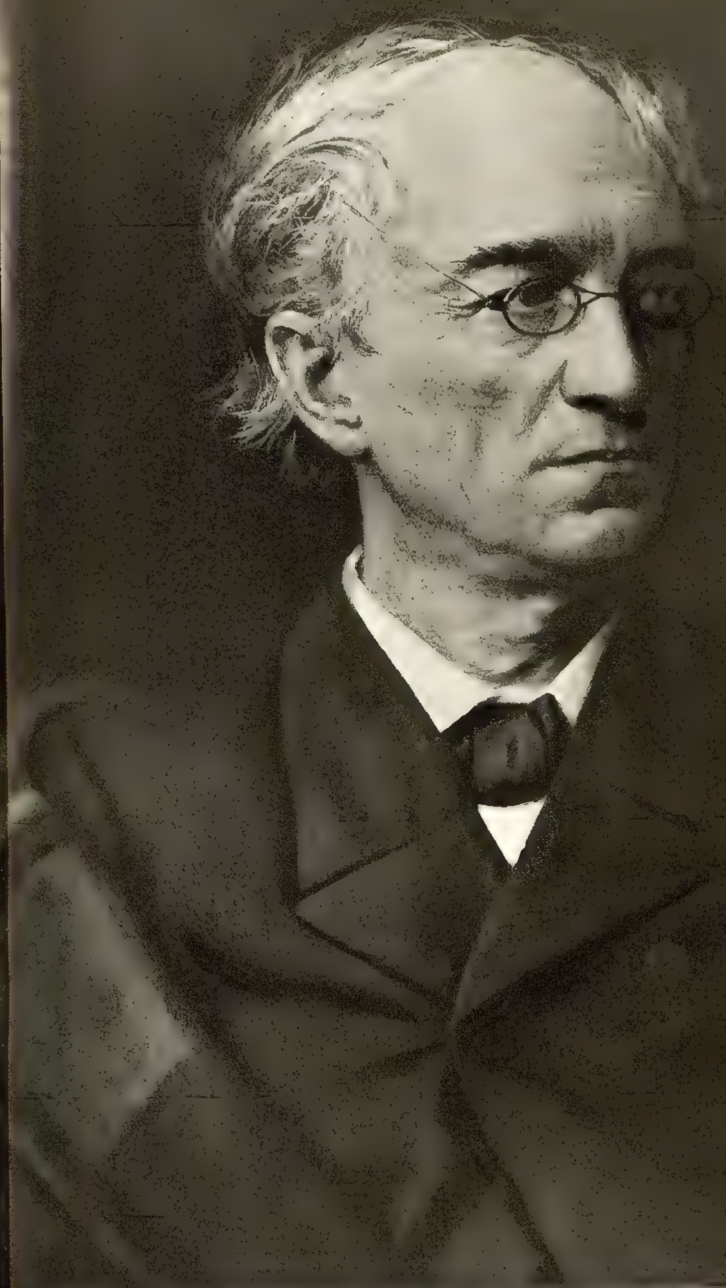
Школа нуждалась въ полномъ оздоровленіи. Увлеченный идеей, что „мы истиннаго прогресса можемъ достигнуть однимъ, единственнымъ путемъ воспитанія“, Н. И. Пироговъ превращается въ педагога и пишетъ свои извѣстные „Вопросы жизни“ (въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 г., іюль). Въ качествѣ попечителя одесскаго и кіевскаго округовъ и въ своихъ педагогическихъ статьяхъ, Пироговъ ратовалъ за гармоническое развитіе человѣка, за воспитаніе свободной, самоопредѣляющейся лично-

9

Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи С. Ө. Александровскимъ 1876
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

сти. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого педагога-освободителя начала быстро развиваться новая педагогическая мысль, и уже вскорѣ выступаютъ у насъ столь крупные дѣятели школы, какъ Ушинскій и Стоюнинъ. Педагогическіе вопросы становятся предметомъ общей журналистики и литературы. „Мы требуемъ,—писалъ Добролюбовъ,—чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи внутренняго человѣка въ своихъ воспитанникахъ". Обращаясь къ молодежи, критикъ-публицистъ внушаетъ ей: „Сохраните же свою личную самостоятельность противъ всякого авторитета, сохраните свою внутреннюю нравственность противъ всякихъ внѣшнихъ внушеній, противъ всего, что насильственно захотятъ навязать вамъ подъ ложнымъ названіемъ долга". Писаревъ, какъ и Л. Н. Толстой, склоненъ былъ даже отрицать самое право воспитывать другихъ.

Вторымъ факторомъ, угнетавшимъ личность, была *семья*. Драмы Островскаго, беллетристическія произведенія Писемскаго, Тургенева, Гончарова, Помяловскаго и др. давали нашей публицистической критикѣ обильный матеріалъ для проповѣди освобожденія личности отъ самодурства, деспотизма, домостроевской морали, мѣщанскаго уклада, „патріархальной рутинности понятій и отношеній". Тяжелыя послѣдствія домостроевщины и мѣщанства сильнѣе всего сказывались на положеніи женщины, и вотъ *женскій вопросъ* разносторонне трактуется въ тогдашней литературѣ, продолжавшей и въ этомъ случаѣ дѣло, начатое литературой сороковыхъ годовъ.

Женщина рвется изъ семейной тюрьмы и стремится отвоевать себѣ право на свободу чувства. Катерина въ „Грозѣ" (1860 г.) полна стихійнаго протеста противъ семейнаго крѣпостничества, и этотъ первый „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ" гаснетъ въ холодныхъ волнахъ Волги. Въ мѣщанской семьѣ чувство женщины также могло проявляться лишь въ дозволенныхъ формахъ, при условіи законнаго брака, устройство котораго берутъ на себя старшіе члены семьи. Но Надя Дорогова („Молотовъ" Помяловскаго) недаромъ читала Тургенева, который „сдѣлался ея любимымъ поэтомъ", и „Фауста" сначала Тургенева, а потомъ Гете: она „инстинктивно берегла сердце для того, кого полюбитъ, а не для перваго встрѣчнаго, рекомендованнаго отцомъ". Послѣ борьбы ей удалось уклониться отъ „обязательной любви" и выйти за любимаго человѣка. Въ темномъ царствѣ чиновнаго мѣщанства Надя была тѣмъ же лучомъ свѣта, что Катерина въ купеческомъ.

Лучше, конечно, жилось дѣвушкѣ дворянскаго круга: ей, по крайней мѣрѣ, можно „влюбляться". Но какой жалкой представляется „кисейная барышня", Леночка Илличова („Мѣщанское счастье" Помяловскаго). Наивная, добрая дѣвушка, искренняя и любящая, она не лишена извѣстныхъ стремленій и рѣшимости, но все у нея выходитъ какъ-то „по-птичьи". Леночкѣ достало ума, чтобы понять необходимость разрыва съ Молотовымъ, и она съ трогательной искренностью гово-

рить: „Никому мы не нужны... кому любить такихъ?.. Я знаю,—ты не можешь любить меня, потому что я глупенькая". Молотову и автору повѣсти, несмотря на все ихъ разночинство, стало невыносимо жаль эту глупенькую дѣвушку, которую впереди ожидаетъ пошлость, которой предстоитъ стать „не человѣкомъ-женщиной, а бабой—женщиной". То же теплое чувство вызвала Леночка и въ Писаревѣ („Романъ кисейной барышни").

Стремленіе сдѣлаться „человѣкомъ-женщиной" воплощено въ длинномъ рядѣ литературныхъ типовъ, выражающихъ собою разныя ступени и формы женской эмансипаціи. Тутъ и Ольга (въ „Обломовѣ") съ ея напряженными, но смутными порывами, и Вѣра (въ „Обрывѣ") съ ея любовью къ Марку Волохову и „паденьемъ", и Елена (въ „Наканунѣ"), увлекшаяся идеей политической свободы, и Вѣра Павловна (въ романѣ „Что дѣлать" Чернышевскаго), построившая свою жизнь на новыхъ началахъ свободной любви и общественно-полезнаго труда, и поверхностная жоржзандистка Лизавета Аркадьевна (въ „Мѣщанскомъ счастьѣ" Помяловскаго), и комическая femme émancipée Кукшина (въ „Отцахъ и дѣтяхъ"), и многочисленныя героини романовъ Авдѣева („Подводный камень" 1860 г.), Слѣпцова, Шеллера-Михайлова и т. д.

Критика беретъ сторону освобождающейся женщины, ободряетъ ее, помогаетъ ей найти дорогу и уяснить свои идеалы. „Пора, мнѣ кажется, сказать рѣшительно и откровенно,—заявляетъ Писаревъ:—женщина ни въ чемъ не виновата. Она постоянно является страдалицей, жертвой или, по крайней мѣрѣ, страдательнымъ лицомъ". Ей приходится шагъ за шагомъ отстаивать свою свободу, свое право на образованіе и общественный трудъ. На мужчинѣ лежитъ обязанность будить „ребяческую полудремоту дѣвушки или женщины", помогать ей въ тяжелой борьбѣ съ собой и окружающими. На пути женщины разсыпано столько терніевъ, что „когда она изнемогаетъ и падаетъ, мы должны ей сочувствовать, какъ мученицѣ; когда она одолѣваетъ препятствія, мы должны прославлять ее, какъ героиню".

Самостоятельность и право на уваженіе даются человѣку трудомъ. Эту мысль литература неуклонно внушала и русской женщинѣ. Шелгуновъ спеціально для „прекраснаго пола" пишетъ свой очеркъ „Женское бездѣлье" (1865 г.), элементарный трактатъ по политической экономіи, въ ироническомъ тонѣ доказывающій, что нужно производить какъ можно болѣе полезныхъ предметовъ и что каждый непремѣнно долженъ трудиться.

Женщина, свободная въ своемъ чувствѣ, женщина товарищъ мужчины, женщина общественный работникъ—вотъ идеалъ, неизмѣнно мелькающій на страницахъ журналовъ и воплощенный въ женскихъ типахъ беллетристики шестидесятыхъ годовъ.

Но центральное мѣсто, по всему ходу тогдашней жизни, долженъ былъ занимать въ литературѣ вопросъ о положеніи *народа*. Съ нимъ явно или тайно сплетались всѣ дру-

гіе вопросы, не исключая и разночинской проблемы, всѣ реформы и общестенныя движенія какъ конституціоннаго, такъ и демократически-революціоннаго характера. При этомъ рѣчь шла почти исключительно о сельскомъ населеніи, о мужикѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Правда, литературой не былъ забытъ классъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Не одинъ Писаревъ сознавалъ, что „конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка все-таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ". Пролетарскій вопросъ теоретически разрабатывали у насъ въ 60-хъ годахъ Н. Г. Чернышевскій, Н. В. Шелгуновъ („Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи" 1861 г., „Соціально-экономическій фатализмъ" 1868 г.) и незаслуженно забытый Вас. Вас. Берви (псевдонимъ Н. Флеровскій), авторъ книги „Положеніе рабочаго класса въ Россіи" (1869 г.). Беллетристы и поэты, съ своей стороны, удѣляютъ мѣсто изображенію городского пролетаріата. Таковы разсказы Левитова, Рѣшетникова, „Нравы Растеряевой улицы" Гл. И. Успенскаго (1866 г.) и нѣкоторые эпизоды въ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать". Некрасовъ, обязанный своимъ настроеніемъ столько же впечатлѣніямъ деревни, сколько и вліянію столицы съ ея соціальными контрастами, въ немногихъ, но сильныхъ стихотвореніяхъ набросалъ жуткія картины столичнаго быта („О погодѣ", 1859 г.; „Плачъ дѣтей", 1861 г.; „Крещенскіе морозы", 1865 г.; „Кому холодно, кому жарко", 1865 г.; „Пѣсни о свободномъ словѣ", 1865 г. и т. д.).

Въ нашей улицѣ жизнь трудовая,—

писалъ, напр., Некрасовъ въ стихотвореніи „О погодѣ" (1859 г.):

Начинаютъ, ни свѣтъ, ни заря,
Свой ужасный концертъ, припѣвая,
Токари, рѣзчики, слесаря,
А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
Дикій крикъ продавца-мужика,
И шарманка съ пронзительнымъ воемъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячъ,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
И дѣтей раздирающій плачъ
На рукахъ у старухъ безобразныхъ,—
Все сливается, стонетъ, гудетъ,
Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,
Словно цѣпи куютъ на несчастный народъ,
Словно городъ обрушиться хочетъ.
Давка, говоръ... (о чемъ голоса?—
Все о деньгахъ, о нуждѣ, о хлѣбѣ)...
Смрадъ и копоть. Глядишь въ небеса,
Но отрады не встрѣтишь и въ небѣ.

Подобные мотивы, однако, незамѣтно растворяются въ общемъ содержаніи мужицкой беллетристики и народнической поэзіи. Нашъ капитализмъ дѣлалъ еще первые свои шаги, а въ судьбѣ деревни сосредоточивались главные матеріальные и духовные интересы эпохи. Сравнительно съ сороковыми годами, когда о народѣ писали Тургеневъ и Григоровичъ, крестьянскій вопросъ сильно осложнился и выросъ въ своемъ соціальномъ значеніи.

Въ 1855 г., по иниціативѣ в. кн. Константина Николаевича, была организована этнографическая экспедиція съ участіемъ Писемскаго, Потѣхина, Островскаго, Максимова,

Аѳанасьева—Чужбинскаго, М. Л. Михайлова и Н. Н. Филиппова. Собранные тогда матеріалы дали содержаніе ряду этнографическихъ и беллетристическихъ очерковъ изъ народнаго быта. Соединеніе этнографа и беллетриста видимъ мы въ оригинальной фигурѣ П. И. Якушкина и въ В. И. Далѣ. Въ 1861 г. вышли „Картины изъ русскаго быта“ (2 тома) Даля. Значеніе ихъ было не велико. „По правдѣ говоря,—писалъ тогда Чернышевскій,—изъ его разсказовъ ни на волосъ не узнаешь ничего о русскомъ народѣ, да и въ самихъ-то разсказахъ не найдешь ни капли народности“. Это—анекдоты изъ народнаго быта, собранные наблюдательнымъ этнографомъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ „Словарь живого великорусскаго языка“ Даля, выходившій отъ 1861 по 1868 г. Тутъ все важно и типично для эпохи: и самый фактъ появленія такого словаря и горячее увлеченіе достоинствами живой народной рѣчи. Съ оттѣнкомъ стараго сантиментальнаго жалѣнья изображали народъ Кохановская (Н. С. Соханская) и Марко Вовчокъ (М. А. Марковичъ). Разсказы послѣдней („Разсказы изъ народнаго русскаго быта“, М. 1859 г.) вызвали обширную и цѣнную статью Добролюбова „Черты для характеристики русскаго простонародія“.

Пробовалъ вернуться къ старымъ темамъ о народѣ и Григоровичъ въ повѣсти „Пахатникъ и бархатникъ“ (1860 г.).

Чрезвычайно колоритными чертами набросаны въ „Губернскихъ очеркахъ“ Салтыкова народные типы изъ „бродячей Руси“. Народно-эпическимъ, пѣсеннымъ складомъ нарисовалъ онъ портреты отставного солдата Пименова, Ѳедосьюшки свѣтъ - Пахомовны, которая собралась „въ путь во дороженьку, угодникамъ Божіимъ помолиться, святымъ преславнымъ мѣстамъ поклониться“, Аринушки - странницы, Старца пустынно-жителя, попавшаго въ острогъ, и т. д. При этомъ, сатирикъ съ очевидной преднамѣренностью противопоставляетъ качествамъ народа отрицательныя черты другихъ сословій и въ частности „интеллигенціи“.

Къ 1858 г. относится „Горькая судьбина“ Писемскаго. До „Власти тьмы“ Толстого это была единственная хорошая пьеса съ сюжетомъ изъ народной жизни. Поставленная въ 1863 г. на Александринской сценѣ, она имѣла огромный успѣхъ и долго за тѣмъ держалась въ репертуарѣ нашихъ театровъ.

Но настоящими писателями - народниками въ 60-ые годы были Никитинъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Ник. Успенскій и Некрасовъ.

Горемыки-разночинцы внесли въ народническую литературу ноты глубокой скорби и горькой правды, и критика (въ лицѣ Добролюбова) спѣшитъ опровергнуть мнѣніе Анненкова о невозможности простонародной беллетристики.

Рано умершій *Никитинъ* (16 окт. 1861 г., на 37-мъ году жизни) сознавалъ отвѣтственность, которую возлагала на каждаго русскаго человѣка важность историческаго момента:

Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Но печальный жребій выпалъ на его долю, и его поэзія полна надрывающей сердце тоски. Поэтъ по себѣ знаетъ жизнь Лукичей; онъ понимаетъ и потому готовъ оправдать пьяницу и деспота кулака („Кулакъ“, 1858 г.). Его сердце любовно раскрыто для всѣхъ обиженныхъ судьбой. Никитинъ любитъ народъ и страдаетъ за него. Жизнь народа рѣдко представляется ему въ свѣтѣ кроткой идилліи, чаще это — безрадостное, тоскливое существованіе („Пахарь“, „Соха“, „Жена ямщика“, „Зимняя ночь въ деревнѣ“, „Ночлегъ извозчиковъ“, „Пѣсня бобыля“, „Бурлакъ“, „Нищій“, „Наслѣдство“ и пр.). Въ крестьянскомъ трудѣ онъ не видитъ тѣхъ свѣтлыхъ, бодрыхъ красокъ, какими рисовалъ его Кольцовъ. Мужицкая соха, эта „вѣковѣчная работница“, способна вызвать въ немъ лишь мысли о горькой заброшенности.

Про тебя и вспомнить некому...
Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?..
Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!
На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается;
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Россія для Никитина — „царство скорби и цѣпей, царство взятокъ и мундира, царство палокъ и плетей“. Съ негодованіемъ говоритъ онъ о томъ позорномъ смиреніи, съ какимъ „наше племя“ носитъ „оковы тяжкія рабовъ“.

Мы рабство съ молокомъ всосали,
Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
Не подготовили гражданъ.
Не мстить насъ матери учили
За цѣпи сильнымъ палачамъ.
Увы! безсмысленно водили
За палачей молиться въ храмъ.

Но все же поэтъ вѣритъ въ приближеніе того момента, когда

Падетъ презрѣнное тиранство,
И цѣпи съ пахарей спадутъ,
И ты, изнѣженное барство,
Возьмешься нехотя за трудъ.
. . . .
Ужъ восходитъ солнце
земледѣльца!..
Забитый, онъ на месть не скоръ;
Но знай: на своего владѣльца
Давно ужъ точитъ онъ топоръ...

И тогда барство будетъ „ненавистной тѣнью, пятномъ въ исторіи родной“, и просвѣщенное потомство его проклятьемъ поразитъ. („Былое“ 1906 г., 7).

Тою же скорбью вѣетъ со страницъ Левитова и Рѣшетникова. *Левитовъ* („Степные очерки“, „Горе селъ, деревень и городовъ“) еще смягчаетъ свои мрачныя картины искреннимъ лиризмомъ и поэтическими аксессуарами; нѣкоторые называли его даже идеализаторомъ народа, принимая за идеализацію его безграничную любовь къ каждому пасынку жизни, въ какомъ бы отталкивающемъ видѣ онъ ни представалъ передъ нами. *Рѣшетниковъ* же, безъ всякаго помышленія объ искусствѣ, далъ почти топорный рисунокъ жизни полудикихъ обитателей Пермской губ. („Подлиповцы“ 1864 г.). Своими очерками Рѣшетниковъ, какъ говорится въ его письмѣ къ Некрасову, желалъ „хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ... По

моему, написать все это иначе— значитъ, говорить противъ совѣсти, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій". Читатели пришли въ ужасъ отъ жизни подлиповцевъ, которые показались ему одной изъ разновидностей русскаго „народа". Шестидесятые годы не боялись говорить о мужикѣ голую правду, не оскорблялись за народъ, если писатели, какъ *Н. Успенскій*, С. Т. Славутинскій и Слѣпцовъ, выставляли его въ смѣшномъ видѣ. Чернышевскій даже привѣтствовалъ разсказы Успенскаго (какъ Добролюбовъ повѣсти Славутинскаго), усмотрѣвъ въ ихъ тонѣ „начало перемѣны". (Современникъ, 1861 г.). Прежде литература идеализировала народъ, прикрашивала народные нравы и понятія, говорила о немъ такъ, какъ Гоголь о своемъ Акакіи Акакіевичѣ. И это потому, писалъ Чернышевскій, что тогда считали положеніе народа безнадежнымъ и жалѣли его. Теперь не то. Успенскій „пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ", и это—„очень хорошій признакъ". Во-первыхъ, очевидно, дурное положеніе народа признается подлежащимъ измѣненію, „представляется продолжающимся только по его собственной винѣ и для своего улучшенія нуждается только въ его собственномъ желаніи измѣнить свою судьбу". Во-вторыхъ, Успенскій „говоритъ о мужикахъ безъ церемоніи, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все, что замѣчаешь о нихъ". Авторъ чувствуетъ себя своимъ человѣкомъ въ обществѣ мужиковъ, изъ чего видно, „что образованные люди уже могутъ, когда хотятъ, становиться понятны и близки народу", сближаться съ нимъ просто, безъ всякихъ „фантастическихъ фокусовъ-покусовъ", о которыхъ говорятъ славянофилы и другіе идеалисты. „Это дѣло совершенно легкое для того, кто въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ,—любитъ не на словахъ, а въ душѣ".

Этой способностью, которая безъ всякихъ усилій давалась разночинцу, обладалъ и *Некрасовъ*, несмотря на свое дворянское происхожденіе и связь съ сороковыми годами.

„Печальная спутница печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ", муза Некрасова до конца оставалась вѣрна своему призванью:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Выполняя величайшую задачу своего времени, Некрасовъ съ неистощимой изобрѣтательностью разрабатывалъ сюжеты изъ народной жизни. Кажется, онъ не оставилъ неизслѣдованною ни одной стороны крестьянскаго быта, ни одного уголка мужицкой души; онъ, можно сказать, перепробовалъ всѣ тона, отъ щемящей душу тоски и грустной ироніи до восторженнаго паѳо-

са и свѣтлаго умиленія. Но преобладающими и у него оставались скорбныя, элегическія ноты. 19-ое февраля сдѣлало народъ свободнымъ; Некрасовъ напряженно ждалъ этого момента, онъ „съ надеждой привѣтствовалъ свободу“. Но вмѣстѣ съ другими лучшими людьми эпохи онъ не думалъ, чтобы 19-ое февраля окончательно рѣшило вопросъ о народѣ.

„Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ“,
Шепнула муза мнѣ. „Пора итти *впередъ*:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ!“

Отвѣтъ, разумѣется, долженъ былъ послѣдовать отрицательный.

Немного выигралъ народъ,
И легче нѣтъ ему покуда
Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,
Ни отъ фанатиковъ народныхъ,
Ни отъ начитанныхъ глупцовъ,
Лакеевъ мыслей благородныхъ!

Вотъ почему Некрасовъ до самой смерти не покидаетъ своего поста „печальника народа“.

Много передумалъ онъ о народной жизни и не разъ задавалъ себѣ вопросъ о будущей судьбѣ русскаго крестьянина. Бывали моменты, когда нескончаемое зрѣлище народнаго горя, отсутствіе замѣтнаго улучшенія въ нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ его быта наводили поэта на грустныя сомнѣнія, и изъ глубины души поднимался скептическій вопросъ:

Ты проснешься ли, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?

На этомъ скептицизмѣ, однако, Некрасовъ не могъ остановиться. Вѣря въ людей вообще, онъ вѣрилъ и „въ нѣмыя народныя силы“. Его вѣра въ народъ не заключала въ себѣ ничего мистическаго. Она никогда не переходила у него въ мистическій культъ мужика, въ преклоненіе передъ непостижимой сущностью народнаго духа. Поэтъ не закрывалъ глазъ на народные недостатки, видѣлъ ихъ и открыто изображалъ; среди его крестьянскихъ типовъ немало отрицательныхъ (Климка Лавинъ, Глѣбъ староста, вся семья Матрены Тимоѳеевны и пр.). Даже „міръ“ крестьянскій иногда вызываетъ съ его стороны осужденіе. Свекоръ Матрены Тимоѳеевны, напр., жалуется (въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“, гл. VI—„Трудный годъ“):

Гдѣ видано, гдѣ слыхано:
Давно ли взяли старшаго,
Теперь меньшого дай!
Я по годамъ высчитывалъ,
Я міру въ ноги кланялся,
Да міръ у насъ какой?
и т. д.

Признавъ печальный фактъ, что народъ

бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятья о правдѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи,

Некрасовъ ставилъ будущую судьбу народа въ извѣстную зависимость отъ работы интеллигенціи. Образованные люди и народъ—не враждебныя силы, не антагонисты, а союзники. Поэтъ съ горячимъ призывомъ обращается къ „сѣятелямъ разумнаго, добраго, вѣчнаго“, обѣщая имъ сердечное спасибо рус-

скаго народа и увѣряя, что „почва добрая душа народа русскаго“.

Самое задушевное желаніе Некрасова состояло въ томъ, чтобы освобожденный народъ принялъ, наконецъ, равное участіе въ культурномъ развитіи страны, чтобы Бѣлинскій и Гоголь стали и его писателями.

Вся, можно сказать, формула народнаго прогресса вылилась у Некрасова въ тепломъ „Гимнѣ Богу“.

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народный правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья,
Господь, Ты ввѣришь на Руси!..“

Но Некрасовъ не обрекалъ народъ на пассивную роль. Онъ вѣрилъ, что, несмотря на вѣковое рабство, народъ сохранилъ чистоту своей души, спасъ „сердце свободное“, „совѣсть спокойную и правду живучую“. Такіе люди, какъ грѣшникъ Власъ, въ моментъ своего раскаянія обнаружившій „великую силу души“, Ермилъ Гиринъ, Савелій, „святорусскій богатырь“, Якимъ Нагой и пр., служили для поэта порукой нравственной крѣпости народа, высоты его духовной личности.

Въ разговорѣ съ Тургеневымъ, по свидѣтельству Головачевой-Панаевой, Некрасовъ отдавалъ явное предпочтеніе народу передъ собой, какъ представителемъ интеллигенціи. „Когда я бесѣдую съ русскимъ мужикомъ,—говоритъ онъ,—его безхитростная, здоровая рѣчь, безкорыстное человѣческое чувство къ ближнему заставляютъ меня сознавать, какъ я развращенъ передъ нимъ и сердцемъ и умомъ, и краснѣть за свой эгоизмъ, которымъ пропитался до мозга костей... Можетъ быть, тебѣ это кажется дикимъ, но въ бесѣдѣ съ образованными людьми у меня не появляется этого сознанія“.

Некрасовъ раздѣлялъ убѣжденіе своихъ современниковъ, что русскій народъ „широкую, ясную грудью дорогу проложитъ себѣ“. Въ 1858 г. онъ пишетъ знаменитую „Пѣсню Еремушки“, которая приводила въ восторгъ Добролюбова и въ свое время не могла быть напечатана въ ея подлинномъ видѣ. Поэтъ желаетъ, чтобы Еремушка „жизни вольнымъ впечатлѣніямъ душу вольную отдалъ“, чтобъ онъ возлюбилъ братство, равенство, свободу, чтобы, покинувъ холопское терпѣніе, надъ угнетателями, надъ неправдою лукавою грянулъ Божьею грозой.

Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

„Безъ счастья и воли ночь безконечно длинна“, и поэтъ призываетъ бурю, которая расплескала бы „чашу вселенскаго горя“. Онъ не мирится съ сѣренькой жизнью, тусклыми буднями, жаждетъ сильныхъ ощущеній, борьбы, подвига и стремится направить и другихъ на тотъ же путь. Матери онъ совѣтуетъ натвердить сыновьямъ съ ранней молодости что

Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе терноваго вѣнка..

Для него нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что только тотъ себя переживетъ,

Кто, служа великимъ *цѣлямъ вѣка*,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка.

Поэтъ ждетъ активныхъ работниковъ народнаго освобожденія и изъ среды молодого крестьянства (Еремушка) и изъ среды демократической интеллигенціи. Павлуша Веретенниковъ и семинаристъ Гриша (въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо")—народники, тѣ „сильныя, любвеобильныя души", которыя по тѣсной, но честной дорогѣ идутъ

На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго.

Эти мотивы некрасовской поэзіи попадали въ тонъ господствовавшему настроенію радикальныхъ демократовъ 60-хъ годовъ, провозвѣстниковъ народническаго соціализма. Некрасовъ служитъ связующимъ звеномъ между народнической литературой сороковыхъ годовъ и народниками 60—70-хъ годовъ.

Большую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто составитъ себѣ представленіе о соціальныхъ идеяхъ „нигилистовъ" по тургеневскому Базарову: авторъ приписалъ своему герою отрицательное отношеніе къ общинѣ и равнодушіе къ крестьянскому вопросу. Между тѣмъ, „настоящій нигилизмъ, какимъ его знали въ Россіи", по вѣрному замѣчанію Степняка, „былъ борьбою за освобожденіе мысли отъ узъ всякаго рода традиціи, шедшей рука объ руку съ борьбой за освобожденіе трудящихся классовъ отъ экономическаго рабства". Такими „нигилистами" въ крестьянскомъ вопросѣ и были Добролюбовъ и Чернышевскій. Сопоставляя дворянскую интеллигенцію съ народомъ, *Добролюбовъ* видѣлъ въ послѣднемъ больше нравственной силы и стойкости, чѣмъ въ первой. Замученный крѣпостнымъ правомъ, невѣжественный народъ „не замеръ, не опустился, источникъ жизни не изсякъ въ немъ", писалъ Добролюбовъ въ 1860 г. „Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное",—говорилъ онъ еще въ 1859 г. по поводу распространенія обществъ трезвости. Народъ не умѣетъ красно говорить, но онъ умѣетъ дѣло дѣлать, „приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу". Въ этомъ—величіе народной массы, которое недоступно интеллигенту съ его „отвлеченной образованностью и прививною гуманностью". „Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности, бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ". Скептикъ по отношенію къ образованнымъ классамъ, Добролюбовъ вѣрилъ, что народное дѣло рѣшится

самодѣятельностью народа. А это народное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы разрушить весь старый строй и создать новый порядокъ, построенный не на фетишахъ юридической законности и отвлеченной справедливости, а на принципѣ—„человѣкъ и его счастье“.

Таково же было убѣжденіе Чернышевскаго и другихъ демократовъ шестидесятыхъ годовъ. Какъ экономистъ, *Чернышевскій* много потрудился надъ выясненіемъ экономической и соціальной стороны народной жизни. Развивая и углубляя народническій соціализмъ Герцена, онъ энергично защищалъ сельскую общину, составлялъ проекты промышленно - земледѣльческихъ товариществъ въ духѣ Фурье, проповѣдовалъ націонализацію земли и былъ вообще главнымъ истолкователемъ идей радикальнаго демократизма шестидесятыхъ годовъ. Эти идеи горячо были подхвачены радикальной молодежью и сдѣлались лозунгомъ революціоннаго движенія эпохи. Въ прокламаціяхъ того времени, какъ, напр., „Къ молодому поколѣнію“, „Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“, „Молодая Россія“ и т. д., неизмѣнно повторяется одна и та же мысль о необходимости революціи во имя народно-соціалистическихъ идеаловъ и о томъ, что этотъ переворотъ долженъ быть произведенъ силами самого народа, солдатъ, раскольниковъ, при участіи меньшинства изъ „общества“, особенно революціонной молодежи.

Своего рода литературный синтезъ новыхъ идей и идеаловъ 60-хъ годовъ представилъ Чернышевскій въ романѣ „*Что дѣлать*“ (1863 г.). Писаревъ провозгласилъ это произведеніе „небывалымъ явленіемъ въ нашей литературѣ“ и посвятилъ ему обширную статью („Мыслящій пролетаріатъ“). Герои романа—„новые люди“, мыслящіе реалисты, строящіе свою личную жизнь на началахъ „эгоизма“ и въ то же время занятые рѣшеніемъ соціальныхъ проблемъ своего времени. Французская пѣсенка, „бойкая, смѣлая“, которую въ началѣ романа поетъ Вѣра Павловна, опредѣляетъ соціальный фонъ всего произведенія. „Мы бѣдны, говорила пѣсенка, но мы рабочіе люди, у насъ здоровыя руки. Мы темны, но мы не глупы и хотимъ свѣта. Будемъ учиться — знаніе освободитъ насъ; будемъ трудиться, — трудъ обогатитъ насъ,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ—

Ça ira,
Qui vivra verra.

. . . .

„Трудъ безъ знанія безплоденъ, наше счастье невозможно безъ счастья другихъ. Просвѣтимся—и обогатимся; будемъ счастливы—и будемъ братья и сестры,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ.

„Будемъ учиться и трудиться, будемъ пѣть и любить, будетъ рай на землѣ. Будемъ же веселы жизнью,—это дѣло пойдетъ, оно скоро придетъ, всѣ дождемся его“.

Осуществляя идею пѣсенки, Вѣра Павловна организуетъ мастерскія на кооперативныхъ началахъ, а въ своихъ снахъ уже видитъ будущее блаженство людей, когда они станутъ жить въ роскошныхъ аллюминіевыхъ дворцахъ, освѣщенныхъ электричествомъ, когда воцарится

равенство и братство, когда свободный трудъ будетъ наслажденіемъ, когда будетъ царить свободная поэтическая любовь, когда люди будутъ жить въ матеріальномъ довольствѣ и наслаждаться всей полнотой физическаго и духовнаго счастья. Здѣсь „нѣтъ ни воспоминаній ни опасеній нужды и горя; здѣсь только воспоминанія вольнаго труда въ охоту, довольства, добра и наслажденія, здѣсь и ожиданія только все того же впереди... Всѣ они—счастливые красавцы и красавицы, ведущіе вольную жизнь труда и наслажденія,—счастливцы, счастливцы!“ Но не скоро человѣчество дождется осуществленія своихъ соціальныхъ надеждъ. Смѣнится еще не мало поколѣній, прежде чѣмъ настанетъ на землѣ это свѣтлое царство, но все же работа идетъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе. „Говори же всѣмъ“, слышитъ Вѣра Павловна во снѣ, „вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго“.

Вѣра Павловна, Кирсановъ и Лопуховъ—это тѣ „новые люди“, которые идутъ вѣрнымъ шагомъ по пути къ свѣтлому царству. Но въ глазахъ автора это—только „обыкновенные порядочные люди новаго поколѣнія, люди, которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни“. Есть, однако, въ романѣ „особенный человѣкъ“, Рахметовъ. Это—могучая натура, суровый ригористъ, перевоспитывающій себя для великой цѣли служенія народу. Романъ лишь намекаетъ на таинственныя задачи, къ рѣшенію которыхъ стремится Рахметовъ, но эти задачи огромны и требуютъ колоссальныхъ силъ. Такихъ людей, какъ Рахметовъ, еще мало, „но ими расцвѣтаетъ жизнь всѣхъ; безъ нихъ она заглохла бы, прокисла бы; мало ихъ, но они даютъ всѣмъ людямъ дышать, безъ нихъ люди задохнулись бы. Велика масса честныхъ и добрыхъ людей, а такихъ людей мало; но они въ ней—теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ; это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли“.

Если вопросъ о характерѣ соціализма Чернышевскаго еще возбуждаетъ споры, то не подлежитъ сомнѣнію его политическій радикализмъ и соціалистическая окраска его идеаловъ. Въ романѣ „Что дѣлать“, отразившемъ на себѣ вліяніе Фурье и Оуэна, авторъ далъ картины дѣйствительной русской жизни шестидесятыхъ годовъ и показалъ направленіе, въ которомъ шло у насъ тогда развитіе соціальныхъ идей. Слабое въ чисто литературномъ отношеніи произведеніе Чернышевскаго сыграло важную роль въ общественной жизни: подъ его вліяніемъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ устроить общины наподобіе фаланстеръ Фурье, наподобіе тѣхъ, которыя видѣла во снѣ Вѣра Павловна. Къ роману Чернышевскаго примыкаетъ цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, посвященныхъ изображенію новыхъ людей демократическаго типа. Въ ро-

манахъ Шеллера-Михайлова („Гнилыя болота", 1864 г., „Жизнь Шупова", 1865 г.), въ повѣстяхъ Н. Ѳ. Бажина, въ „Трудномъ времени" Слѣпцова (1865 г.), въ романѣ Омулевскаго (И. В. Ѳедорова) „Шагъ за шагомъ" (1870 г., отдѣльно подъ заглавіемъ „Свѣтловъ") и подобныхъ произведеніяхъ мелькаетъ одна и та же стереотипная фигура реалиста и радикала, ратующаго за новую правду, въ союзѣ съ женщиной—гражданкой. Всѣ герои этого типа болѣе или менѣе сродни Лопуховымъ и Кирсановымъ. Литературные недостатки, а подчасъ искусственность и явная тенденціозность не помѣшали нѣкоторымъ изъ этихъ произведеній получить широкую популярность и имѣть сильное вліяніе на молодые умы.

Авторитетный вождь радикально-демократическаго движенія шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскій, какъ соціалистъ, тѣмъ не менѣе, подаетъ руку своимъ идейнымъ предшественникамъ дореформенной эпохи. Въ шестидесятые годы продолжали дѣйствовать нѣкоторые представители нашего ранняго соціализма, занимая, конечно, нѣсколько обособленное мѣсто среди разночинной демократіи. За границей энергично работали Герценъ съ Огаревымъ и Бакунинымъ. Въ Россіи съ самаго начала новой эпохи вступили въ ряды писателей возвращенные изъ ссылки петрашевцы.

Въ 1856 г. возобновилъ свою поэтическую дѣятельность *А. Н. Плещеевъ*. Перенесенная имъ катастрофа навсегда наложила отпечатокъ глубокой грусти на его творчество. Когда-то

Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльность духъ парилъ;
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ кипучихъ думъ.

Теперь остались одни воспоминанія о быломъ. Но это былое попрежнему ему дорого, съ прежней любовью вспоминаетъ онъ Петрашевскаго, который „училъ итти путемъ тернистой правды", „училъ любить страну свою родную, отдать ей весь запасъ духовныхъ силъ". Плещеевъ до конца остается вѣренъ этимъ идеаламъ. Отзываясь на ходъ русской жизни, съ тихой грустью скорбя о страданіяхъ отчизны, съ тихой радостью отмѣчая каждое „отрадное" явленье, поэтъ не перестаетъ напоминать людямъ о вѣчныхъ идеалахъ братской любви, свободы, правды и справедливости. Въ отвѣтъ на слова загробныхъ призраковъ, убѣждавшихъ поэта бросить безплодную борьбу за „грёзы юности" и послѣдовать за ними „въ край ничтожества", онъ энергично говоритъ:

Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!
И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ..

Юный старецъ, Плещеевъ былъ пѣвцомъ христіанскаго идеализма, пѣвцомъ „чистыхъ химеръ души возвышенной".

Онъ съ надеждой ждалъ разсвѣта „иного радостнаго дня" и призывалъ молодежь твердою рукой нести „святое знамя жизни новой",

Всей душой желая,
Чтобъ не меркнулъ
Правды лучъ въ краю родномъ,
Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ
И чтобъ мира кроткій геній
Осѣнилъ его крыломъ.

Все это сказано слишкомъ общими мѣстами, пожалуй, даже банально; все отзывается привычной фразеологіей сороковыхъ годовъ, и Чернышевскому приходилось защищать Плещеева отъ упрековъ и невниманія современниковъ. „Благородныя чувства, благородныя мысли“ Плещеева, писалъ Чернышевскій (въ 1861 г.), не пустыя фразы, а плодъ искренняго настроенія. Они выражены неопредѣленно, обще, „но дѣйствительно ли всѣ мы такъ высоко и безукоризненно развиты, что намъ не нужно слышать искренняго голоса, заступающагося, хотя бы и въ общихъ чертахъ, за лучшую сторону нашей природы, до сихъ поръ мало торжествовавшую?..“ „Поэты съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе г. Плещеева“, заключаетъ Чернышевскій, „всегда будутъ полезными для общественнаго воспитанія и найдутъ путь къ молодымъ сердцамъ“. Идеалистъ петрашевецъ, Плещеевъ сочувствовалъ всему доброму и свѣтлому и среди людей шестидесятыхъ годовъ былъ благожелательнымъ дѣдомъ, который сердечной молитвой напутствуетъ молодежь въ путь—дорогу, не безъ страха за ея будущее.

Въ 1859 г. вернулся изъ Сибири другой петрашевецъ, *Ѳ. М. Достоевскій* и принялъ самое активное участіе въ жизни. Но онъ не могъ итти въ общей колеѣ и выставилъ свои собственные идеалы въ противовѣсъ тому, чѣмъ главнымъ образомъ жило его время. Оторванный каторгой отъ непосредственнаго участія въ жизни, Достоевскій, естественно, отдался работѣ отвлеченной мысли, подходя къ каждому вопросу не съ его конкретно-житейской стороны, а съ абстрактно-принципіальной. За долгіе годы своей ссылки онъ много передумалъ, пересмотрѣлъ свои прежніе взгляды на людей и жизнь, подвергнувъ тщательному анализу весь внутренній строй своего „я“. Тамъ, въ каторгѣ, онъ ясно сознаыъ, что „насъ бы осудилъ народъ“ за идеалы, въ которые вѣрили петрашевцы. Въ каторгѣ онъ почувствовалъ, что „родня всему русскому“, понялъ величіе народной души и превосходство его идеаловъ. Пусть народъ, который онъ видѣлъ въ сибирской каторгѣ, „гадокъ, воръ, убійца, пьяница“, но именно въ немъ скрывается „самое главное, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ“. Христіаниномъ, исповѣдующимъ евангеліе и народные идеалы, возвратился Достоевскій въ Россію и увидѣлъ передъ собой картину соціальной борьбы, ломки старыхъ формъ жизни и стараго міросозерцанія. „Матеріальное развитіе“, матеріализмъ въ міросозерцаніи стояли на первомъ планѣ. Литература была на службѣ жизни. Достоевскій не могъ не выступить съ своимъ протестомъ. Еще въ Сибири онъ работалъ надъ статьей о „назначеніи христіанства въ искусствѣ“. Кри-

тика шестидесятыхъ годовъ его не удовлетворяетъ. Правда, вмѣстѣ съ нею онъ осуждаетъ (въ статьѣ „Г—бовъ и вопросъ объ искусствѣ“ 1861 г.) „сумасшедшихъ поэтовъ и прозаиковъ, которые прерываютъ всякое сношеніе съ дѣйствительностью, дѣйствительно умираютъ для настоящаго, обращаются въ какихъ-то древнихъ грековъ или средневѣковыхъ рыцарей и прокисаютъ въ антологіи или въ средневѣковыхъ легендахъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что Добролюбовъ (именно о немъ идетъ рѣчь въ статьѣ Достоевскаго) „уже слишкомъ далеко“ заходитъ въ своихъ требованіяхъ гражданственности: Достоевскій видитъ свой смыслъ и въ чистой поэзіи, въ „погремушкахъ и альбомныхъ побрякушкахъ“, такъ какъ здѣсь устанавливается связь русскаго творчества съ „историческимъ прошедшимъ и общечеловѣчностью“. Мало того, „чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое“, думаетъ Достоевскій, „тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ развитію“. Самъ Достоевскій, какъ художникъ, и выступаетъ передъ нами не реалистомъ—бытописателемъ или писателемъ—гражданиномъ, а мыслителемъ, рѣшающимъ идейныя и психологическія проблемы. Жизнь даетъ ему только необходимый конкретный матеріалъ, который онъ и размѣщаетъ въ глубокой перспективѣ высшихъ идеаловъ. Творчество Достоевскаго, какъ онъ самъ признавался Аверкіеву, обыкновенно исходитъ отъ идеи, носитъ дедуктивный характеръ по преимуществу. Даже въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ (1861—62 гг.) авторъ не остается только непосредственнымъ наблюдателемъ тюремной жизни. Гуманный художникъ въ каторжникѣ открылъ человѣка, способнаго иной разъ проявить „богатство чувства, сердце, яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія“, открылъ русскаго человѣка и притомъ, можетъ быть, лучшаго. „Вѣдь надо ужъ все сказать, вѣдь этотъ народъ,—необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?“ Достоевскій началъ свое знакомство съ народомъ съ „необыкновенныхъ“ его представителей и въ „необыкновенныхъ“ условіяхъ жизни. И отнынѣ онъ дѣлается художникомъ „необыкновеннаго“. Онъ любитъ криминальные сюжеты, патологическія проявленія, все „ненормальное“ и вѣритъ, что именно въ этой области раскрывается самое цѣнное въ жизни, „самое главное, безъ чего нельзя жить“. Люди, которые кажутся намъ странными, чудаками, идіотами, не всегда частность, обособленіе, говорилъ Достоевскій, а иной разъ они то и носятъ въ себѣ „сердцевину цѣлаго“, отъ которой „какимъ-то наплывнымъ вѣтромъ“ всѣ остальные оторвались. Нашъ художникъ мучительно ищетъ эту „сердцевину цѣлаго“, это „самое главное“.

Мы не можемъ и не должны, доказывалъ Достоевскій въ своемъ журналѣ „Время“ (1861 — 1864),

слѣпо продолжать итти по тому пути, на который насъ толкнула реформа Петра. Мы не въ состоянiи втиснуть себя въ одну изъ западныхъ формъ жизни, выжитыхъ и выработанныхъ Европою изъ собственныхъ своихъ нацiональныхъ началъ, намъ чуждыхъ и противоположныхъ". Намъ нужно создать свою, новую форму, которая бы примирила „цивилизацiю съ народнымъ началомъ", представила бы „синтезъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа въ отдѣльныхъ своихъ нацiональностяхъ". Русской нацiи свойственна „способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности". Ей предстоитъ, отправляясь отъ *своей* почвы, совершить мiровую миссiю, „двинуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторiи дѣятельность", начавъ съ того, на чемъ кончитъ Европа. Достоевскiй содрогнулся отъ той бездны соцiальнаго зла, которая раскрылась передъ нимъ въ буржуазной Европѣ, въ богатыхъ городахъ капиталистическихъ странъ („Зимнiя замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣнiяхъ" 1863 г.). Въ Лондонѣ, который гордится своей культурой, народъ дошелъ до полной потери человѣческаго облика: „эти миллiоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тьмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какiя-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобы не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу, и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть по своему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами". Это—та же потрясающая сцена, какую нарисовалъ Л. Андреевъ въ послѣднемъ актѣ своей „Жизни Человѣка". Въ Европѣ торжествуетъ миллiонъ; своею тяжестью онъ задавилъ liberté, égalité и fraternité, своимъ обольстительнымъ звукомъ онъ заглушилъ эти звучныя слова, своимъ блескомъ онъ затмилъ сiянiе этихъ идеаловъ. „Что такое человѣкъ безъ миллiона? Человѣкъ безъ миллiона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно". А такъ называемое братство—„статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенiя на Западѣ". Бѣда западнаго человѣка въ томъ, что въ немъ „нѣтъ братскаго начала, а напротивъ, начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукѣ своихъ правъ". Европейскiй индивидуализмъ служитъ главной помѣхой для осуществленiя идей свободы, братства и равенства. Поэтому, европейскiй соцiалистъ, проповѣдуя равенство, всегда „соблазняетъ выгодой", разсказываетъ, „сколько ему отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ... А ужъ какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать... И вотъ, въ самомъ послѣднемъ отчаянiи соцiалистъ провозглашаетъ, наконецъ: liberté, égalité, fraternité ou la mort. Ну, ужъ тутъ

нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ". Гдѣ же выходъ? Личность прежде всего должна бы „все свое *я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій". Такое самовольное и сознательное самопожертвованіе есть „признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли". Общество, „братство", конечно, не приметъ всей этой жертвы, а скажетъ: „Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше самоправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны". Такова соціальная идеологія Достоевскаго въ шестидесятыхъ годахъ, такъ понималъ онъ примиреніе личнаго и общаго, индивидуализма и соціализма. Въ романахъ „Униженные и оскорбленные" (1861 г.), „Записки изъ подполья" (1864), „Преступленіе и наказаніе" (1866 г.) и „Идіотъ" (1868—69 гг.) Достоевскій, какъ художникъ, разрѣшаетъ тѣ же соціальные и психологическіе вопросы, при чемъ „Записки" направлены непосредственно противъ романа Чернышевскаго. Эгоизмъ кн. Валковскаго, ницшеанскій индивидуализмъ Раскольникова противопоставляются нравственнымъ воззрѣніямъ Сонечки Мармеладовой и кн. Мышкина. По убѣжденію Валковскаго, „въ основѣ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей лежитъ эгоизмъ. Раскольниковъ причисляетъ себя къ категоріи „необыкновенныхъ" людей, „имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей новое слово". „Необыкновенный человѣкъ имѣетъ право... т.-е. неофиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ". Такой человѣкъ имѣетъ право черезъ трупы другихъ итти къ своей цѣли. Эти другіе—низшіе, обыкновенные люди, „такъ сказать, матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ". Между ними и „необыкновенными" идетъ постоянная и совершенно законная борьба. Люди второго разряда—господа будущаго, они „двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли". Итакъ, „vive la guerre éternelle,—до Новаго Іерусалима, разумѣется". „Необыкновенные" люди „должны, по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками". И Раскольниковъ совершаетъ преступленіе, какъ совершилъ его студентъ Даниловъ, какъ совершали его многіе, какъ совершали его всѣ революціонеры 60-хъ годовъ. Достоевскій съ художественной проникновенностью раскрываетъ интимныя глубины психологіи революціонера и даетъ ей свою моральную оцѣнку. „Какія-то новыя трихины" вселились въ тѣла людей, и люди стали „бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, ни-

15

Иванъ Саввичъ Никитинъ.

По современной фотографіи.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ЦЕНТРАЛЬНАЯ [illegible]
БИБЛ[illegible]

когда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій". Наступила умственная анархія и хаосъ. „Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ... Всѣ и все погибало... Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса". Все это „грезилось въ болѣзни" Раскольникову. Авторъ знаетъ этихъ „чистыхъ и избранныхъ" людей. Они носятъ въ себѣ не гордый эгоизмъ, не безпощадный индивидуализмъ, а христіанскую любовь и смиреніе, тѣ качества ума и сердца, которыя воплощаетъ въ себѣ „идіотъ" Мышкинъ. Пусть онъ „боленъ умомъ", но вѣдь „есть два ума: главный и неглавный". У Мышкина „главный умъ лучше, чѣмъ у нихъ всѣхъ, такой даже, какой имъ не снился". „Главный умъ" Мышкина это и есть то „самое главное, безъ чего нельзя жить", и что таитъ въ себѣ простой русскій народъ. Во имя этихъ высшихъ началъ Достоевскій отрицаетъ и буржуазную цивилизацію Европы и революціонный индивидуализмъ. Но, если протянуть далѣе нити идей Достоевскаго, онѣ сойдутся съ лучшими идеалами шестидесятыхъ годовъ въ той далекой точкѣ, которая блещетъ передъ взорами человѣчества изъ мрака грядущихъ временъ. Пророкъ будущаго братства, Достоевскій для своей эпохи былъ художникомъ-обличителемъ.

Подобное же положеніе въ шестидесятые годы занялъ и *Л. Н. Толстой.* Пока мы видимъ лишь раннюю стадію толстовства, но и она представляетъ столь типичную сторону умственнаго движенія новой Россіи, что ее нельзя обойти молчаніемъ въ нашемъ очеркѣ. Повидимому, нѣтъ ничего общаго между разночинцемъ-шестидесятникомъ и *графомъ* Толстымъ или его Николаемъ Иртеньевымъ, который привыкъ дѣлить людей на людей comme il faut и comme il ne faut pas, причисляя къ послѣдней группѣ и „простой народъ", который „какъ бы не существовалъ для него—онъ ихъ презиралъ совершенно". Толстой-юноша не былъ увлеченъ естествознаніемъ, не былъ мыслящимъ реалистомъ, а зачитывался Шиллеромъ и Стерномъ, Вольтеромъ и Руссо и, наконецъ, евангеліемъ отъ Матѳея. Между тѣмъ, родство Толстого со всѣмъ духомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ не подлежитъ сомнѣнію. Съ пятнадцати лѣтъ онъ сталъ уже читать философскія книги, и въ немъ очень рано начало развиваться критическое отношеніе къ религіи. „Когда я 18-ти лѣтъ вышелъ со второго курса университета, — говоритъ Толстой въ „Исповѣди",—я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили". Онъ былъ уже „нигилистомъ". Мысль Толстого пошла не по общей колеѣ, но все же по колеѣ отрицанія, которымъ была насыщена атмосфера шестидесятыхъ годовъ. Со всей искренностью и страстностью своего

чувства, со всею силой своей логики Толстой подвергъ обличенію ложь современной цивилизаціи во имя чистаго демократизма и евангельскихъ идеаловъ. Еще въ повѣсти „Казаки“ (1852 г.) Оленинъ палъ ницъ предъ вѣчнымъ алтаремъ природы и къ ея подножію принесъ блага культуры: „ему ясна казалась вся та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна“. Въ своемъ органическомъ протестѣ противъ цивилизаціи онъ жаждетъ „опрощенія“, „жизни во всей ея безыскусственной красотѣ“, въ непрестанномъ общеніи съ природой. „Человѣкъ родится совершеннымъ—есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ. Родившись, человѣкъ представляетъ собою первообразъ гармоніи правды, красоты и добра“. Воспитаніе, жизнь, культура искажаютъ природу человѣка. „Идеалъ нашъ сзади, а не впереди“. Вся жизнь цивилизованныхъ народовъ полна роковыхъ противорѣчій ихъ же собственнымъ идеаламъ. „Христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія“, допускаютъ организованное убійство — войну и прославляютъ убійцъ, какъ героевъ отечества; допускаютъ примѣненіе смертной казни. Толстой самъ пережилъ „безуміе и ужасъ“ войны, видѣлъ и смертную казнь въ Парижѣ. „Когда я увидѣлъ,—разсказываетъ Толстой въ „Исповѣди“,—какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а *всѣмъ существомъ,* что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка и что, если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что, поэтому, судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а *я съ своимъ сердцемъ*“. Всѣмъ своимъ существомъ возстанетъ Толстой противъ позора цивилизованныхъ странъ, онъ смѣло предъявитъ свой обвинительный актъ всему „прогрессу“. Въ Люцернѣ передъ лучшей гостиницей уличный пѣвецъ забавлялъ богатую и праздную публику, и никто не бросилъ ему копейки. „Вотъ событіе, которое историкъ нашего времени долженъ записать огненными, неизгладимыми буквами“, говоритъ Толстой („Изъ записокъ кн. Нехлюдова“, 1857 г.). Этотъ фактъ какъ нельзя болѣе обличаетъ суевѣріе прогресса и цивилизаціи. „Неужели,—спрашиваетъ онъ,—распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это—то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступленій? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова равенство? Равенство передъ закономъ? Да развѣ вся жизнь людей происходитъ въ сферѣ закона? Только одна тысячная доля ея подлежитъ закону, остальная часть происходитъ внѣ его, въ сферѣ нра-

вовъ и воззрѣній общества". Знають ли люди доподлинно, гдѣ добро и гдѣ зло? Дѣйствительно ли цивилизація и свобода—благо? Не есть ли ученіе о прогрессѣ простое суевѣріе и заблужденіе? „Общаго закона движенія впередъ человѣчества нѣтъ". Это доказывается примѣромъ восточныхъ народовъ и тѣмъ, что „$^9/_{10}$ того же самаго европейскаго народа, будто бы находящагося въ процессѣ прогресса, сознательно ненавидятъ прогрессъ и всѣми средствами стараются противодѣйствовать ему". Вѣрятъ въ прогрессъ и желаютъ его „незанятые классы", меньшинство, интересы котораго всегда противоположны интересамъ народа, „занятыхъ классовъ". Электрическіе телеграфы и даже само книгопечатаніе служатъ къ выгодѣ высшихъ классовъ. „Литература такъ же, какъ и откупа, есть только искусная эксплоатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа". Журналы, даже издаваемые для народа, сочиненія даже такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Державинъ, „неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды... Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плесть лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться—не учится и не научился народъ изъ книгъ", говорилъ Толстой въ статьѣ 1862 г. „Прогрессъ и опредѣленіе образованія". Трудно подвергнуть бо́льшему сомнѣнію пользу цивилизаціи, чѣмъ это сдѣлалъ Толстой. И критерій его отрицанія неизмѣнно одинъ и тотъ же: не нужно, потому что не нужно народу, потому что этимъ не пользуются $^9/_{10}$ населенія. Какъ Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика", Толстой самъ отдается служенію народу: онъ заводитъ школу въ Ясной Полянѣ, учитъ крестьянскихъ дѣтей и пишетъ для нихъ книжки. Чѣмъ больше онъ сближался съ русскимъ крестьянствомъ, тѣмъ больше проникался уваженіемъ къ его нравственнымъ качествамъ и къ его идеаламъ. Толстой любитъ въ своихъ произведеніяхъ приводить на очную ставку интеллигента и представителя народа, чтобы показать нравственное превосходство послѣдняго. Въ романѣ „Война и миръ" (1864—1869 гг.) онъ уже заставитъ Пьера Безухова преклониться предъ стихійной мудростью Платона Каратаева.

Расцвѣтъ дѣятельности Л. Н. Толстого падаетъ на слѣдующія десятилѣтія. Наступитъ моментъ, когда толстовство, какъ религіозно-философская система, явится однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ русской жизни и окраситъ собою цѣлое движеніе нашей общественной мысли. Теперь оно только что зарождается.

Оставляя въ сторонѣ черты этическаго индивидуализма, который получитъ у Толстого дальнѣйшее развитіе и войдетъ составной частью въ его систему анархизма, мы видимъ, что, при всемъ различіи исходныхъ пунктовъ, Толстой своимъ отрицаніемъ культуры помогалъ общему дѣлу демократизаціи жизни, приближенію царства правды и справедливости. Раннее толстовство своей дорогой, но стремилось къ достиженію тѣхъ же конечныхъ цѣлей, что и лучшіе представители

русской жизни и мысли шестидесятыхъ годовъ.

Толстой и Достоевскій, какъ художники—мыслители, были глашатаями мира, христіанской любви и братства, придавая тѣмъ самымъ свою окраску широко развѣтвившемуся русскому народничеству.

VI.

Внѣ колеи.

Мы прослѣдили тѣ литературныя явленія, въ которыхъ отразились наиболѣе типичныя стороны шестидесятыхъ годовъ. Это—главное теченіе литературной жизни, созданное новыми соціальными условіями пореформеннаго періода. Въ немъ отчетливо выразился разрывъ съ прошлымъ и исканіе новыхъ путей. Многіе „писатели сороковыхъ годовъ“ принимали дѣятельное участіе въ умственной жизни эпохи. Хотя нерѣдко они расходились съ съ наиболѣе радикальными теченіями, и новыя волны отбивали ихъ отъ берега, но все же они были заняты рѣшеніемъ тѣхъ же соціальныхъ проблемъ, что и разночинская литература.

Въ иномъ отношеніи къ эпохѣ находятся тѣ писатели, творчество которыхъ носитъ болѣе или менѣе ясные признаки отчужденности отъ текущаго момента, стоитъ внѣ связи съ событіями, думами и чувствами эпохи реформъ. Таковы поэты *„чистаго искусства“*.

Люди шестидесятыхъ годовъ были всецѣло поглощены конкретными вопросами тогдашней русской жизни; шла великая гражданская война. Теоретическая мысль, порвавъ съ „романтизмомъ“, съ идеалистическимъ міросозерцаніемъ и ограничивъ себя предѣлами точнаго знанія, вращалась въ области конечнаго, очевиднаго, земного и отказывалась, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время отъ какого-либо „общаго міросозерцанія“. Синтезъ, даже въ смыслѣ герценовскаго сліянія эмпиріи и спекуляціи, казался шестидесятникамъ непріемлемымъ. Все ирраціональное, какъ устарѣлый „романтизмъ“, подвергалось гоненію. Въ частности, эстетика была заподозрѣна въ своемъ правѣ на существованіе. Да и не до того было. „Намъ ли, труженикамъ мѣщанамъ,—говоритъ Шеллеръ-Михайловъ въ романѣ „Гнилыя болота“,—писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, расчетливо эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты, записываемъ пережитое и перечувствованное и радуемся, если удается иногда высказать накопившееся горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи, но если и ихъ не найдется, то горевать нечего—обойдется и такъ...“

Подобно многимъ другимъ писателямъ шестидесятыхъ годовъ, А. М. Жемчужниковъ также сознавалъ, что въ „эпоху пробужденія ума и

совѣсти", въ „такое серьезное время" преимущественное значеніе должна имѣть гражданская поэзія и его самого тянуло къ ней. Но значить ли это, что теперь уже не должно быть мѣста иному творчеству. „Такъ называемая „чистая" поэзія, отрѣшенная отъ злобы дня,— возвышенна и прекрасна всегда", разсуждаетъ Жемчужниковъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ: „такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бываетъ".

Не умолкая пѣснь свою поетъ
Весь міръ про жизнь, которою онъ дышитъ,—
И тотъ блаженъ, кто слушаетъ и слышитъ!
О, сколько онъ узнаетъ и пойметъ,—
Развѣдавъ путь *въ звучащій міръ гармоній*,—
Непонятыхъ поэмъ, невѣдомыхъ симфоній!..

писалъ Жемчужниковъ въ стихотвореніи 1857 г. Умомъ человѣка разоблаченъ ужъ не одинъ кумиръ, „въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ намъ бросилъ слово утѣшенья". Но жизнь все еще не удовлетворяетъ насъ, и „мысль трудиться не устала" и попрежнему ставитъ роковой вопросъ—почему?

Да! *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научитъ,—
Все будемъ требовать отвѣта: почему?
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

И, наконецъ, признается поэтъ („Тяжелое признаніе", 1859 г.),

Мнѣ жить нельзя безъ женской ласки,
Какъ міру безъ лучей весны;
Поэмы, звуки, формы, краски—
Какъ хлѣбъ насущный мнѣ нужны.

Вотъ неизмѣнныя потребности человѣка, о которыхъ некогда было думать въ горячку шестидесятыхъ годовъ, когда вся энергія мысли и воли уходила на ближайшее творчество жизни. Въ *такой* моментъ къ удовлетворенію этихъ вѣчныхъ запросовъ человѣческой мысли и чувства должны были стремиться прежде всего тѣ, кто, по условіямъ своего соціальнаго положенія, могъ сохранить нейтралитетъ среди воюющихъ сторонъ или даже спокойный индиферентизмъ къ больнымъ вопросамъ дня.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ важнѣйшіе представители *„чистой поэзіи"* (Тютчевъ, Фетъ, Ап. Майковъ, Ал. Толстой), вышли изъ дворянской среды и воспитались на идеяхъ и настроеніяхъ сороковыхъ годовъ. Ѳ. И. Тютчевъ, человѣкъ почти пушкинскаго поколѣнія (родился въ 1803 г.), ученикъ Раича и Мерзлякова, получилъ типичное для тогдашнихъ дворянъ образованіе и при своей жизни занималъ высокіе служебные посты. Гр. А. К. Толстой, родившійся еще въ 1817 г., восьмилѣтнимъ мальчикомъ уже вошелъ въ придворные круги въ качествѣ товарища по играмъ цесаревича Александра Николаевича и до конца жизни сохранилъ близость ко двору, исполняя должность егермейстера Двора Его Величества. Ап. Н. Майковъ родился въ 1821 г. въ старинной дворянской семьѣ, былъ ученикомъ И. А. Гончарова, воспитывался въ атмосферѣ эстетическихъ интересовъ и жизнь свою провелъ на службѣ въ департаментѣ государственнаго казначейства, въ библіотекѣ Румянцевскаго музея и въ комитетѣ иностранной

цензуры. Аѳ. Аѳ. Шеншинъ (Фетъ) былъ почти ровесникомъ Майкова (родился въ 1820 г.), обучался въ свое время въ пансіонѣ Погодина и московскомъ университетѣ, прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ кирасирскомъ полку и въ лейбъ-гвардіи уланскомъ Его Величества полку, а съ 1856 г. выходитъ въ отставку и живетъ русскимъ помѣщикомъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и исполняя нѣкоторое время обязанности мирового и почетнаго мирового судьи; умеръ Фетъ уже въ званіи камергера. Эти сухія біографическія справки говорятъ сами за себя.

Всѣ названные поэты, начавшіе свою дѣятельность еще въ 30—40-хъ годахъ, стояли весьма далеко отъ бурнаго потока литературы шестидесятыхъ годовъ и въ новый періодъ перенесли съ собой литературные завѣты пушкинской эпохи и въ частности культъ античной красоты.

Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима,
Далось почуять красоты,

сказалъ Майковъ о себѣ, Фетѣ и Полонскомъ. И они продолжали жреческое служеніе у алтаря чистаго искусства. Когда въ январѣ 1858 г. Катковъ предложилъ было Фету своимъ перомъ „иллюстрировать“ общественные толки о крестьянскомъ вопросѣ, обиженный поэтъ не отвѣтилъ ни слова, „не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія бы то ни было событія“. „Я,—прибавляетъ Фетъ,—никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо, помимо красоты“. И по представленію Майкова, поэтъ не можетъ служить временнымъ интересамъ партій.

„Не отставай отъ вѣка“—лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣтъ: *выше вѣка будь*!..
Куда бъ ни шелъ шумящій міръ,
Что бъ разумъ будничній ни строилъ,
На что бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,
Поэтъ не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа,—
Они все въ Книгѣ Жизни—знай—
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался самъ пророку...
И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
И въ *тьмѣ* приволье всѣ найдутъ,
И ради *похоти и хлѣба*
На все святое посягнутъ,—
Одинъ онъ—съ поднятымъ забраломъ—
На площади предъ всей толпой—
Швырнетъ Астартамъ и Вааламъ
Перчатку съ вызовомъ на бой.

Поэтъ стоитъ выше вѣка. Въ красивую одежду чистаго искусства облекаетъ онъ жизнь безсмертнаго духа.

Мы духа не видимъ,
Но объ его совершенствахъ гласитъ совершенная форма—
То же, что въ мірѣ, гдѣ каждый цвѣтокъ незабудки, а также
Полныя звѣздъ небеса проповѣдуютъ славу Господню.

Ал. Толстой, по его словамъ, былъ бы не прочь взять на себя долю „полезнаго дѣла“ въ предѣлахъ своихъ „дарованій“, но, заявляетъ онъ, „мои дарованія слишкомъ діаметрально противоположны дарованіямъ передовыхъ людей, и я могу только махнуть рукой... Остается *истинное, вѣчное, абсолютное*, что не зависитъ ни отъ вѣка, ни отъ моды, ни отъ вліянія, ни отъ какой-нибудь fashion, и этому я отдаюсь всецѣло. Да здравствуетъ абсолютное, т.-е. *человѣчество и поэзія!*“

Плывя противъ теченія, Фетъ, Тютчевъ, Ап. Майковъ и Ал. Толстой творили для себя и для тѣхъ немногихъ, кто способенъ былъ уйти отъ шума повседневной сутолоки въ далекій міръ античной красоты, безраздѣльно отдаться сладкой нѣгѣ, любви и страсти, унестись въ царство поэтическихъ грезъ и мимолетныхъ ощущеній, погрузиться въ созерцаніе жизни космоса, растворить свое я въ пантеистическомъ сліяніи съ природой, или, наконецъ, переживать радости философско-поэтическаго общенія съ Божествомъ. „Волшебной силой пѣснопѣнья" Тютчевъ болѣе другихъ раскрывалъ глубину космическихъ тайнъ, какъ онѣ представляются вдохновенному взору поэта. Люди живутъ, какъ впотьмахъ; имъ ничего не говорить ни солнце, ни морская волна, ни звѣздная ночь, ни шумъ лѣса. Они готовы принять природу за „слѣпокъ", за „бездушный ликъ", а между тѣмъ

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вѣтеръ, воющій темной ночью", понятнымъ сердцу языкомъ" твердитъ о „непонятной мукѣ". Въ его звукахъ поэту чудятся страшныя пѣсни „про древній хаосъ, про родимый", и его сердце „съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться". Природа и жизнь полна мистическаго очарованія. Ночью „звучными волнами стихія бьетъ о берегъ свой" и быстро насъ уноситъ „въ неизмѣримость темныхъ волнъ".

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Не разумомъ, а чувствомъ постигаетъ поэтъ тайны міра. „Богъ далъ намъ чувство, что бъ итти дальше, чѣмъ разумъ", говорилъ Ал. Толстой. Чувство приближаетъ человѣка и къ пониманію Божества, помогаетъ побѣдить узы матеріи. „Если бы мы не были скованы матеріей, мы сейчасъ вернулись въ наше нормальное состояніе, которое есть непрерывное обожаніе Бога и единственное, въ которомъ можно быть безъ страданій", писалъ Ал. Толстой, такъ любившій и умѣвшій разрабатывать религіозныя темы.

Таково было господствующее настроеніе нашихъ служителей чистаго искусства, такими, по крайней мѣрѣ, они хотѣли быть. Въ „періодъ бурныхъ стремленій" они оберегали святость чистаго искусства, алтарь вѣчной красоты и поэзію старыхъ вѣрованій. Но даже имъ трудно было совершенно изолировать себя отъ властныхъ требованій жизни. Въ сущности, только одинъ Фетъ не далъ въ своей поэзіи мѣста повседневнымъ прозаическимъ мотивамъ, не выразилъ своего гражданскаго настроенія. А его гражданское настроеніе дѣйствительно трудно поддается опоэтизированію. Фетъ былъ „образцовымъ" хозяиномъ и помѣщикомъ; онъ такъ усердно защищалъ (даже въ печати, въ статьяхъ „Изъ деревни") свои владѣльческія права, что Тургеневъ, въ письмѣ къ нему (отъ 1862 г.), не постѣснился назвать его „закоренѣлымъ и остервенѣлымъ крѣпостникомъ и поручикомъ стариннаго закала", а Писаревъ и „свистящая журналистика" объявили работника Семена, на котораго жаловался помѣщикъ Фетъ, лицомъ замѣ-

чательнымъ въ исторіи русской литературы: „ему было назначено Провидѣніемъ показать намъ обратную сторону медали въ самомъ яромъ представителѣ томной лирики. Благодаря работнику Семену, мы увидѣли въ нѣжномъ поэтѣ, порхающемъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, расчетливаго хозяина, солиднаго bourgeois и мелкаго человѣка“. 19 февраля не вызвало въ Фетѣ особенной радости, а лишь „дѣтское любопытство“. „Отцы и дѣти“ Тургенева навѣяли на него скуку, а романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“ привелъ его въ негодованіе, которое онъ и излилъ въ рѣзкой критической статьѣ, предназначавшейся для „Русскаго Вѣстника“, но не напечатанной даже Катковымъ. Фетъ благоразумно поступилъ, что не сдѣлалъ своихъ „гражданскихъ“ настроеній предметомъ поэтическаго творчества и тѣмъ не загрязнилъ свѣтлыхъ струй своей „чистой поэзіи“, хотя, обнаживъ психологическую подоплеку своей практической дѣятельности, онъ внесъ роковые диссонансы въ представленіе читателей о себѣ, какъ цѣльной личности.

Тютчевъ и особенно Майковъ отозвались на злобы дня и въ своихъ стихахъ, доказавъ, что служеніе чистому искусству легко уживается съ общественно-политическимъ консерватизмомъ. Не даромъ за „свободное“ искусство горячо ратовала офиціальная и секретная книга „Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.“. Майковъ мало-по-малу превращается даже въ патріотическаго и офиціознаго поэта съ оттѣнкомъ славянофильства. Въ 50—60-хъ годахъ творчество Майкова становится весьма продуктивнымъ и „идейнымъ“; въ это время онъ пишетъ „Савонароллу“, „Клермонтскій соборъ“, не избѣгая откликовъ и на текущія событія, какъ это было во время Крымской войны, и какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ стихотворенія: „Картинка“, „Нива“ и „Князю Друцкому-Любецкому“ (по поводу польскаго возстанія 1863 г.). Мало того, даже тотъ сюжетъ, который интересовалъ Майкова всю жизнь и далъ содержаніе его произведеніямъ: „Три смерти“ (1857 г.) и „Два міра“ (окончательная редакція 1872 г.), былъ дорогъ поэту особенно потому, что онъ былъ связанъ съ идейной борьбой его времени: въ настоящемъ онъ видѣлъ аналогію съ прошедшимъ, въ борьбѣ міросозерцаній двухъ періодовъ русской жизни ему слышались отголоски давней борьбы язычества съ христіанствомъ. Своими историческими картинами поэтъ давалъ какъ бы отвѣтъ проповѣдникамъ матеріализма и утилитаризма. Въ другомъ смыслѣ, но не менѣе очевидно былъ связанъ съ эпохой шестидесятыхъ годовъ Ал. Толстой. Хотя мы и не можемъ вполнѣ принять взгляда Н. А. Котляревскаго, что поэзія Толстого— „родная сестра той гражданской пѣсни, которая гордилась въ тѣ годы своимъ ригоризмомъ и стоицизмомъ“, но должны подчеркнуть, что Ал. Толстой, кромѣ „вѣчнаго, абсолютнаго“, обнаружилъ живой и прогрессивный интересъ къ временному, къ основамъ русскаго историческаго бытія. Его душу влечетъ къ

себѣ незримый міръ безпредѣльнаго, но, говоритъ поэтъ, „я не чуждъ и здѣшней жизни“;

Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа,
И бытъ родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю,
И все земное я люблю.

Чаще всего въ формѣ сатиры и юмористики, а порой въ формѣ былины или баллады Толстой вторилъ духу критики и свободы, которымъ были проникнуты шестидесятые годы. Его историческая трилогія, какъ думаетъ Н. А. Котляревскій, „была косвеннымъ наставленіемъ властителю, своего рода école des rois, какъ назывались въ старину такія драмы“. Поэтъ—противникъ деспотизма, онъ охотно мечтаетъ о временахъ новгородской вольности и желалъ бы для настоящаго либеральной и гуманной монархіи. Онъ не испугался даже Базаровыхъ. „Если бы я встрѣтился съ Базаровымъ,—говорилъ Толстой,—я увѣренъ, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить“.

До сихъ поръ мы намѣренно обходили *Як. П. Полонскаго,* хотя Майковъ въ своемъ стихотворномъ привѣтствіи Полонскому именно его называетъ рядомъ съ собой и Фетомъ членомъ поэтическаго тройственнаго союза. Творчество Полонскаго, уступая поэзіи Фета и Майкова въ степени художественности, болѣе задушевно, жизненно и демократично. Сынъ провинціальнаго чиновника, Полонскій перенесъ немало невзгодъ въ своей жизни. Его муза знала и „нервическій плачъ“: „такъ тяжела была для насъ намъ жизнью данная задача“. Болѣе того, по мнѣнію Полонскаго, „писатель, если только онъ есть нервъ великаго народа, не можетъ быть не пораженъ, когда поражена свобода“. И онъ самъ, по совѣсти, не могъ рѣшить, „эстетикъ я или не эстетикъ“. Отъ мотивовъ „чистой поэзіи“ авторъ „Кузнечика-музыканта“ (1859 и 1863 гг.), безъ труда переходитъ къ вопросамъ жизни общечеловѣческой и русской, сближаясь порою съ Никитинымъ и Некрасовымъ (наприм., „Голодъ“, 1868 г.). Не даромъ онъ такъ любилъ Гейне и Шиллера, „чье полнѣе сердце было пѣсенъ вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ, чья душа сильнѣй людей любила и стояла горячѣй за нихъ“. Полонскій творилъ въ убѣжденіи, что

Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты.

Полонскій умѣлъ понимать тѣхъ, „кто жаждетъ свѣта“, кому „и Брэмъ знакомъ, и Вундтъ знакомъ, и Сѣченовъ“, кто стремится устроить свою жизнь на началахъ труда и свободы, кому приходится проводить молодость „въ душной тюрьмѣ“. Поэтъ сѣтуетъ, что наше время „свободы золотое сѣмя отъ очей завистливыхъ таитъ“.

Но встаетъ вопросъ—народы ждутъ отвѣта...
Страшно не признать народныхъ правъ,—
И для мысли, какъ для воздуха и свѣта,
Невозможно выдумать заставъ.

Это сказано было Полонскимъ въ 1862 г. Онъ знаетъ, что „лучшихъ

дней нескоро мы дождемся“, но вмѣстѣ съ другими поэтами, „вѣстниками боговъ“, онъ вѣритъ,

Что всѣ мы соберемся
Мирно раздѣлять плоды трудовъ;
Что безумный произволъ свобода свяжетъ,
Что любовь прощеньемъ свяжетъ грѣхъ,
Что побѣда мысли смертнымъ путь укажетъ
Къ торжеству, отрадному для всѣхъ.

Не менѣе другихъ Полонскій радовался, что проходитъ темная ночь, что наступаетъ заря, что родной корабль благополучно пережилъ „вчерашнюю грозу“ и теперь готовъ въ новый путь („На кораблѣ“, 1856 г.).

Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь—
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ.
Господь, благослови грядущій день!

И въ 1867 г. поэтъ продолжаетъ повторять: „Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени, за правду я биться готовъ, готовъ умереть“. Но у каждаго знамени рядомъ съ друзьями онъ находилъ и враговъ. „И правду любилъ я, ни въ комъ не увѣренный, друзьямъ и врагамъ руки жалъ, какъ *потерянный*“.

Тихіе звуки элегической поэзіи Полонскаго могли дойти до сердца русскаго читателя, но для шестидесятыхъ годовъ они все жъ были недостаточно слышны. „Намъ теперь нужны энергія и страсть“, писалъ Добролюбовъ какъ разъ по поводу стихотвореній Полонскаго (въ 1859 году): „мы и безъ того слишкомъ кротки и незлобивы; мы не можемъ довольствоваться тѣми поэтами, которые, восхищаясь истиной, раскрытой для нихъ, не дѣлаютъ усилія для того, чтобы поставить ее на высокомъ пьедесталѣ, на видъ всѣмъ своимъ собратьямъ“. Незлобіе и добродушіе помѣшали Полонскому стать вліятельнымъ поэтомъ шестидесятыхъ годовъ.

Поэты чистаго искусства, какъ видимъ, болѣе или менѣе шли въ сторонѣ отъ главнаго теченія. Въ ихъ творчествѣ сказалось стремленіе отстоять самодовлѣющее значеніе искусства, сохранить за человѣкомъ право на личное счастье, на наслажденіе красотой, природой и искусствомъ; они хотѣли вернуть единство и гармонію въ представленія человѣка о мірѣ, поэтическимъ синтезомъ слить разъятыя части цѣлаго, посмотрѣть на вещи sub specie aeternitatis, взоръ, прикованный къ землѣ, направить туда, „къ звѣздамъ“.

Гражданскую и всякую свободу
Свободой поэтической моей
Предупредивъ, я буду пѣть природу,
Искусство, зло, добро, родникъ идей—
Все буду пѣть—и все, что человѣчно,
То истинно,—что истинно, то вѣчно,

сказалъ Полонскій.

Это—нашъ литературный Росмерсгольмъ: возвышая и облагораживая настроеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблялъ волю къ жизни и тѣмъ вызывалъ исторически законный протестъ со стороны эпохи бурнаго пробужденія молодыхъ силъ страны.

VII.

Конецъ эпохи.

Рахметовы пошли въ народъ, началась подготовка соціальной и политической революціи. Но правительство и само общество послѣ крестьянской реформы все болѣе и болѣе обнаруживали склонность къ попятному движенію, и только по инерціи, подъ давленіемъ могучихъ толчковъ извнѣ, вяло продолжались преобразованія разныхъ сторонъ нашего внутренняго быта.

Загадочные пожары 1862 г., студенческіе безпорядки, польское возстаніе 1863 г. и, наконецъ, каракозовскій выстрѣлъ 1866 г. обострили непрекращавшуюся борьбу враждебныхъ другъ другу силъ. Общественная и правительственная реакціи торжествовали, унося жертву за жертвой.

И буря новая пришла
На смѣну старой бури!
И новымъ силамъ новый бой
Готовился...

Послѣ періода свѣтлыхъ надеждъ настала трудная, смутная пора.

Благодатное время надеждъ!
Да, прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало,—

вспоминалъ это время Некрасовъ.

Гражданское негодованіе крѣпостниковъ и „радикаловъ вчерашнихъ“ всей силой своей тяжести обрушилось на молодое теченіе, на нигилистовъ.

Та вражда къ молодымъ поколѣньямъ
Здѣсь начальные корни взяла,
Что впослѣдствіи дикимъ явленьемъ
Въ нашу жизнь такъ глубоко вошла.

Литература второй половины шестидесятыхъ годовъ ярко выразила это больное состояніе общества въ періодъ гражданскаго междоусобія и крушенія надеждъ.

Размножается *обличительная беллетристика* („Взбаломученное море“ Писемскаго 1863 г., „Марево“ Клюшникова 1864 г., „Некуда“ Лѣскова 1865 г., „Бродящія силы“ Авенаріуса 1867 г.), на разные лады изображая одинъ и тотъ же условный типъ „нигилиста“, человѣка съ длинными волосами на головѣ, съ пледомъ на плечахъ, съ толстой палкой въ рукахъ и съ готовностью въ сердцѣ ниспровергнуть весь существующій строй, человѣка нечистоплотнаго какъ въ смыслѣ внѣшней опрятности, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Нигилистъ обнаруживаетъ пагубную склонность къ революціонной смутѣ и нерѣдко зараженъ польской интригой. Свое наиболѣе рѣзкое слово эта беллетристика скажетъ въ семидесятые годы. Теперь въ ней чаще слышится разочарованіе, неумѣнье понять смыслъ движенія въ его цѣломъ. Растерянный и буржуазный страхъ передъ „революціей“ выразились въ стремленіи развѣнчивать героевъ времени, доказывать, что „это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ и отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу разной дряни“ (Писемскій), что черезъ декоративную внѣшность

сквозитъ „затаенная ложь“ (Клюшниковъ).

Съ той же точки зрѣнія взглянулъ на радикальное движеніе шестидесятыхъ годовъ и Гончаровъ, хотя вмѣстѣ съ своимъ Штольцемъ и сочувственно ожидавшій наступленія новаго дня.

Въ 1869 г. выходитъ третій его романъ „*Обрывъ*“. По обыкновенію, онъ писался долго. По свидѣтельству автора, еще съ 1849 г. онъ „носилъ эту толпу лицъ, сценъ, пейзажей въ памяти и въ программѣ, набросанной безпорядочно, какъ все это носилось у меня въ головѣ“. Романъ впиталъ въ себя все, что наблюдалъ авторъ за цѣлыхъ два десятилѣтія. И, кажется, по отношенію къ „Обломову“, онъ является тѣмъ же, чѣмъ былъ у Гоголя II томъ „Мертвыхъ душъ“ по отношенію къ первому. Какъ будто авторъ хотѣлъ реабилитировать міръ Обломовыхъ, создавая знаменитую бабушку, Тушина и даже Райскаго, въ противовѣсъ отъявленнымъ нигилистамъ, Маркамъ Волоховымъ. Совершенно неудавшійся типъ Марка Волохова долженъ, по замыслу автора, дискредитировать радикаловъ, которые, начитавшись Прудона, Фейербаха и подобныхъ книжекъ, не признаютъ ничего святого въ жизни и мнятъ себя лучшими людьми страны. Въ немъ воплотилась „новая ложь“, которая вошла въ русскую жизнь рядомъ съ старой правдой. Носительницей этой правды является бабушка, Татьяна Марковна, которая „говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости“, но не теряется и передъ лицомъ новаго. Новое должно было органически, безъ потрясеній войти въ сочетаніе съ старымъ. Въ Райскомъ, этой неустойчивой, артистической натурѣ, происходитъ борьба стараго съ новымъ; онъ—проснувшійся Обломовъ. Но, если нужно назвать настоящаго новаго человѣка, которому принадлежитъ безспорное будущее, такъ Гончаровъ указалъ бы на Тушина. Правда, онъ „безсознательный новый человѣкъ“, но онъ обладаетъ многими драгоцѣнными качествами: „онъ простъ, потому что созданъ такимъ, онъ работаетъ, потому что иначе жизни не понимаетъ... Онъ мудро, т.-е. просто, здравымъ смысломъ, рѣшаетъ вопросы и своей и чужой жизни... и идетъ по своему пути твердымъ, сознательнымъ шагомъ“. Тушинъ прежде всего человѣкъ долга и труда. Онъ уже давно ведетъ свое хозяйство на раціональныхъ началахъ и строгой справедливости. Жизнь со всѣми преобразованіями не застала его врасплохъ, а, наоборотъ, нашла въ немъ готоваго работника. Устами Райскаго авторъ убѣжденно заявляетъ, что „Тушины наша настоящая партія дѣйствія, наше прочное будущее“. Когда для Россіи настанетъ моментъ настоящаго дѣла, то „на всей лѣстницѣ русскаго общества“ явятся Тушины; они оттѣснятъ жалкихъ утопистовъ и „сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе“. Уравновѣшенный и умѣренно-либеральный авторъ всѣ свои надежды возлагалъ на скромныхъ культурныхъ работниковъ, какіе должны были появиться въ обновленной Рос-

сіи, на мирной земской нивѣ. Идеалъ Гончарова, какъ видимъ, остался прежній. „Обрывъ“ въ сущности писанъ тѣми же чернилами, что и „Обломовъ“.

Другихъ писателей запутанный ходъ русской жизни вызывалъ на болѣе сложныя и тяжелыя размышленія. До освобожденія крестьянъ путь казался прямымъ и яснымъ. „Колоколъ“ Герцена звонилъ бодро и увѣренно. Теперь сбились съ пути. Каждый звалъ на свою дорогу, а кто и назадъ. Исчезла недавняя увѣренность. Даже опытная рука Герцена дрожала отъ нервнаго возбужденія, и его „Колоколъ“ издавалъ уже, можетъ быть, болѣе рѣзкіе, но колеблющіеся звуки. Не было согласія и въ рядахъ самихъ прогрессивныхъ партій, шли затяжные споры по основнымъ вопросамъ между славянофилами, западниками типа Тургенева, Герценомъ и радикальной молодежью. Гдѣ истина? гдѣ выходъ? Тургеневъ хорошо представлялъ себѣ перспективу нашего общественно-политическаго развитія, когда писалъ „Наканунѣ“ и „Отцовъ и дѣтей“. Послѣдній романъ вызвалъ продолжительную и страстную полемику, во время которой (при участіи между прочимъ и Герцена) сводились счеты между двумя поколѣніями и представителями двухъ соціальныхъ классовъ. Полемика эта тяжело отзывалась на Тургеневѣ. Онъ готовъ былъ сказать себѣ, какъ писателю, „довольно“, но, повинуясь влеченію своей художнической натуры, пишетъ новый романъ *Дымъ* (1867 г.). Это произведеніе—свидѣтель его мучительныхъ сомнѣній, его гражданской скорби при видѣ творящагося хаоса. Появленію романа предшествовала интересная переписка Тургенева съ Герценомъ. Еще тогда, когда Герценъ не терялъ надежды „на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не сдѣлали“, когда онъ еще твердо вѣрилъ въ возможность русской революціи и скораго осуществленія идеаловъ народническаго соціализма,—Тургеневъ скептически относился къ этимъ мечтамъ и не раздѣлялъ увлеченія народомъ. Герценъ упрекалъ Тургенева за страхъ „передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни“, за „привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности“, за то, что онъ не только защищаетъ идеи западнаго міра, а хочетъ „права маіората перенести и на самыя формы западной жизни“, которыя „яко бы однѣ только и даютъ необходимыя условія умственной и художественной жизни“.

Отвергая упрекъ въ эпикуреизмѣ, усталости и лѣни, Тургеневъ высказывался (въ письмѣ отъ 8 октября 1862 г.) въ томъ смыслѣ, что Герценъ и Огаревъ ошибочно истолковываютъ „субстанцію“ народа и отношенія къ нему интеллигенціи. „Роль образованнаго класса въ Россіи,—писалъ онъ,—быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать“. Эта роль проста, но единственно плодотворна. „Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа

тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и—что всего важнѣе—въ сущности, отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніе ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собой всѣ мѣтко—вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ“.

Тургеневъ отказывается раздѣлять соціалистическія идеи Герцена и Огарева. Особенно не долюбливалъ онъ послѣдняго за его проповѣдь „старинныхъ соціалистическихъ теорій общей собственности и т. д.“ и вообще за „значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ“. Артель, община и „земство“ въ интерпретаціи Щапова, принятой Герценомъ и Огаревымъ,—все это казалось Тургеневу какой-то „кабинетной, высиженной штучкой“. „Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: „земство, артель и община“, или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ“.

Плодомъ тяжкихъ думъ Тургенева, плодомъ его „рефлексіи“ и явился романъ „Дымъ“, дѣйствіе котораго начинается въ 1862 г.

Не только русское великосвѣтское общество моднаго курорта, не только реакціонеры изображаются отрицательными чертами, порою съ негодованіемъ и желчнымъ раздраженіемъ: писателя не удовлетворяютъ и другіе представители нашихъ общественныхъ теченій и вся русская жизнь. Въ періодъ реформъ „весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово „свобода“ носилось, какъ Божій духъ надъ водами“. Но хаосъ еще не оформился. Губаревы думаютъ, что жизнь приметъ самобытныя, народныя формы. Но какъ смѣшны и жалки эти радикалы съ оттѣнкомъ народническаго соціализма, которые составляютъ кружокъ Губарева: они безъ конца трактуютъ „вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ яицъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гумиластика: ни соку, ни толку. Ну, и конечно, тутъ же кстати достанется и гнилому Западу“. Наши идейныя настроенія вообще непрочны, эфемерны. Молодежь пошла теперь въ кабалу къ естествознанію, сотнями учится въ Гейдельбергѣ химіи, физикѣ, физіологіи, но перемѣнится вѣтеръ, и дымъ хлынетъ въ другую сторону. Вспоминаетъ Литвиновъ многое, „что́ съ громомъ и

трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы", вспоминаетъ споры и крики у Губарева, вспоминаетъ рѣчи государственныхъ людей, вспоминаетъ, наконецъ, свои стремленія и чувства—все дымъ, дымъ... „Дымъ", „дымъ", повторилъ онъ нѣсколько разъ, и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь,—все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности, все то же да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра".

И авторъ готовъ присоединиться къ словамъ Литвинова. Въ русской жизни еще нѣтъ ничего рѣзко очерченнаго, устойчиваго. Измученный зрѣлищемъ хаоса, художникъ спѣшитъ успокоить свой взоръ картиной другой, старой культуры, которая продолжаетъ свое величавое существованіе и есть цвѣтъ всей цивилизаціи человѣчества. Вѣра въ „ци-ви-ли-зацію", которую горячо проповѣдуетъ Потугинъ противъ самобытническихъ идеаловъ славянофиловъ (къ 1867 г. Тургеневъ окончательно порываетъ съ славянофилами) и народныхъ соціалистовъ, не даетъ автору впасть въ безнадежно-скептическое настроеніе. Великая идея свободы не даромъ носилась надъ русской землей; изъ брошеннаго сѣмени выступилъ ростокъ, „и уже не растоптать его врагамъ – ни явнымъ, ни тайнымъ". Это было прочнымъ завоеваніемъ цивилизаціи. Она освѣщаетъ и дальнѣйшій намъ путь. Потугинъ привѣтствуетъ проектъ о судебныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, гдѣ „берутъ хорошее чужое цѣликомъ", и съ такимъ напутствіемъ обращается къ Литвинову, ѣдущему на родину: „Всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи—въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова,—проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время у насъ? Если такъ—идите смѣло впередъ, вы на хорошемъ пути, и дѣло ваше—благое! Слава Богу! Вы не одни теперь. Вы не будете „сѣятелемъ пустыннымъ"; завелись уже у насъ труженики... піонеры..."

Рѣчи Потугина нѣсколько смягчаютъ безотрадное впечатлѣніе, производимое романомъ, но все же чувствуется, что ни у автора ни у его героевъ (Литвинова и Потугина) нѣтъ должнаго воодушевленія, нѣтъ молодого подъема, сообщаемаго увѣренностью, что идешь по вѣрной дорогѣ къ значительной цѣли. Нѣкоторое спокойствіе достигается цѣною суженія самой задачи, какъ и у Гончарова. Тургеневъ не могъ пойти за Герценомъ и Огаревымъ, измѣнить своему „западничеству", еще носившему окраску сороковыхъ годовъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше становилось растояніе между нимъ и лѣвымъ крыломъ молодежи, которая и самого Герцена не замедлила зачислить въ категорію отсталыхъ.

Болѣзненные эксцессы, которыми ознаменовалась „эпоха великихъ реформъ", какъ нельзя болѣе, способны были питать скептическое настроеніе. Въ яркой и характерной формѣ выразилось оно и въ сатирѣ *М. Е. Салтыкова*. Щедринъ отозвался на явленія русской общественной жизни въ періодъ „освободительнаго движенія" рядомъ своихъ сатиръ („Невинные разсказы", 1857—63 гг., „Сатиры въ прозѣ", 1860—62 гг., „Признаки времени", 1866—69 гг. и „Письма изъ провинціи", 1869 г.). Сатирикъ такъ мало вѣрилъ въ глубокое „обновленіе", такимъ мелкимъ казался ему нашъ соціальный прогрессъ 60-хъ годовъ, что онъ не переставалъ говорить о немъ въ тонѣ горькой насмѣшки, въ которой Писаревъ усмотрѣлъ лишь „цвѣты невиннаго юмора". Мирно и сонно жили глуповцы, зная лишь „убѣжденія затылка, убѣжденія брюшной полости, но отнюдь не убѣжденія мысли". Вдругъ—возрожденіе. „Но что можетъ значить глуповское возрожденіе?.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстное, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи". Рядомъ съ староглуповцами появились новоглуповцы. „Нѣтъ того болота на всемъ пространствѣ глуповскихъ палестинъ, на которомъ не слышалось бы щелканіе соловья-либерала". Но какая ему цѣна? Увлеченія мысли и движенія страсти дѣйствуютъ на людей различно. „Однихъ доводятъ они до отчаянія и крайняго упадка нравственныхъ силъ". Эти люди всегда возбуждаютъ къ себѣ искреннюю симпатію, „ибо въ сегодняшнемъ истощеніи еще чуется вчерашняя сила". Въ другихъ работа мысли вызываетъ „общее возбужденіе, доходящее до героизма"; въ нихъ живетъ „та вулканическая сила, которая изъ сокровенныхъ нѣдръ толпы выбрасываетъ историческихъ дѣятелей", „та неистощимая струя, которая, капля по каплѣ, неотступно долбитъ камни невѣжества и предразсудковъ". А глуповскіе либералы—„не больше какъ прыщи, посредствомъ которыхъ разрѣшалось долго сдерживаемое умственное глуповское худосочіе". Вотъ это печальное зрѣлище и заставляетъ сатирика скорбѣть и „положительнымъ образомъ протестовать противъ претензіи прыщей на право безконечнаго господства въ жизни и противъ того безнравственнаго девиза, съ которымъ они являются въ міръ и въ силу котораго *абсолютная истина жизни* представляется опасною и недостижимою химерой, а вмѣсто нея предлагается въ руководство другая истина, заключающаяся въ болѣе или менѣе проворномъ эскамотированіи одной лжи посредствомъ другой".

„Абсолютная истина жизни" недоступна ни староглуповцамъ ни новоглуповцамъ. А между тѣмъ, именно они составляютъ общественный фонъ эпохи возрожденія. Неудивительно, что преобразованія и мѣропріятія имѣютъ только видимость реформъ, и полковникъ (жандармскій) Семенъ Михайловичъ, обезпокоенный было слухами о томъ, что *ихъ* не будетъ болѣе, послѣ зрѣлаго размышленія могъ рѣшить: „Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя". Слова Семена Михайловича были пророческими.

17

Николай Герасимовичъ Помяловскій.

Съ гравюры, исполненной В В. Маттэ.
(Историческій музей въ Москвѣ.)

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Сомнѣнія сатирика носятъ трезвый и мужественный характеръ: за обличеніеми глуповскаго прогресса видна вѣра въ „абсолютную истину жизни“, въ демократическіе идеалы шестидесятыхъ годовъ, которые переживутъ годы реакціи и будутъ вдохновлять героическое народничество семидесятыхъ годовъ.

Оглядываясь теперь на шестидесятые годы въ цѣломъ, мы видимъ, что они были не столько „эпохой великихъ реформъ“, сколько эпохой великой гражданской борьбы. Но все же это былъ знаменательнѣйшій періодъ русской исторіи. По красивому выраженію Короленка, въ шестидесятые годы по всей странѣ какъ бы были разставлены рефлекторы и резонаторы, которые придавали особенную мощь каждому звуку, каждому лучу свѣта. Страна напрягала свои матеріальныя и духовныя силы, чтобы разрѣшить рядъ основныхъ задачъ русской и общечеловѣческой жизни. Вступивъ въ новый фазисъ своей соціально-экономической исторіи, Россія хотѣла жить и мыслить по-новому. На мѣсто стараго міросозерцанія разночинская интеллигенція провозгласила господство позитивнаго мышленія. Закончился дворянско - крѣпостническій періодъ русской жизни, и прогрессивная часть Россіи выставила требованіе коренныхъ государственныхъ реформъ, а демократическая интеллигенція послала въ народъ Рахметовыхъ съ вѣрой въ возможность скораго осуществленія идеаловъ народническаго соціализма. Развивъ и углубивъ идейное наслѣдіе дореформеннаго періода, шестидесятые годы, въ свою очередь, положили начало и дали первые лозунги народническому движенію семидесятыхъ годовъ.

ГЛАВА XIII.

Украинская литература въ XIX вѣкѣ.

Первый періодъ съ 1798 по 1862 г.

(С. Ф. Русовой).

Въ августѣ 1903 года Украйна праздновала свое первое, за 200 лѣтъ общей жизни съ Россіею, національное торжество: въ г. Полтавѣ, при многочисленномъ стеченіи публики, на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ ставился памятникъ первому писателю новаго періода украинской литературы, И. П. Котляревскому. На этотъ праздникъ съѣхались представители всѣхъ областей Украйны; пріѣхали чествовать его делегаты изъ Галичины; вся Украйна, уже много вѣковъ раздѣленная политической исторіей, объединилась въ этомъ культурномъ праздникѣ столѣтняго юбилея украинской литературы. Деньги на

первый украинскій памятникъ собирались въ теченіе 20 лѣтъ, и къ іюлю 1903 г. ихъ насчитывалось 14.107 р. (съ %, наросшими на поступавшія пожертвованія). Не велика эта сумма на 25 милліоновъ украинцевъ, живущихъ въ Россіи, и на 3 милліона галичанъ; приходила она изъ селъ и хуторовъ Полтавской губерніи буквально по грошамъ, но она имѣла громадное значеніе, какъ свидѣтельство національнаго самосознанія Украйны. Изъ всего числа жертвователей Полтавской губерніи—родина поэта дала почти половину. Художникъ Позенъ изготовилъ изящный памятникъ съ барельефами, передающими сцены изъ произведеній Котляревскаго. Праздникъ назначенъ былъ первоначально на 1898 годъ,—столѣтняго юбилея выхода изъ печати поэмы „Энеиды“; но по „независящимъ“ обстоятельствамъ онъ могъ состояться только въ 1903 году. Всѣ южныя земства, города, университеты и общественныя учрежденія прислали свои привѣты и почтили память поэта адресами. Въ этотъ день, впервые послѣ 200-лѣтняго молчанія, громко, смѣло зазвучала украинская рѣчь въ привѣтствіяхъ галицкихъ депутатовъ, и казалось, что всѣ преслѣдованія малорусской рѣчи пали и ей возвращено естественное право раздаваться безпрепятственно въ краѣ, населенномъ украинскимъ народомъ. Но чуть заговорилъ на своемъ родномъ языкѣ не пріѣзжій галичанинъ, а украинецъ, сынъ земли, вскормившей Котляревскаго, какъ администрація грубо прервала его рѣчь и запретила продолжать произнесеніе рѣчей и адресовъ на украинскомъ языкѣ. Праздникъ былъ прерванъ и закончился скандаломъ. На столѣтнемъ юбилеѣ украинской литературы оказалось не дозволено говорить на украинскомъ языкѣ. Этотъ характерный эпизодъ рисуетъ все унизительное безправное положеніе украинскаго слова, въ какомъ оно находилось до самаго послѣдняго времени. Исторія украинской литературы въ XIX в. есть исторія ея борьбы за существованіе, происходившей среди самыхъ грубыхъ преслѣдованій. Возрожденная къ жизни своеобразнымъ художественнымъ дарованіемъ Котляревскаго, эта литература нашла въ жизненныхъ силахъ своего народа достаточно энергіи, чтобы развиваться наперекоръ всѣмъ препятствіямъ и донести свое родное слово не искалѣченнымъ и не извращеннымъ къ лучшимъ днямъ народнаго освобожденія начала XX вѣка. Сила преслѣдуемой украинской литературы была въ томъ демократическомъ началѣ, которому она всегда служила и въ тѣхъ богато одаренныхъ писателяхъ, которые выходили изъ народной среды и имѣли такого великаго представителя, какъ Т. Г. Шевченко.

До сихъ поръ нѣтъ полной, критически разработанной исторіи новой украинской литературы, по которой можно было бы прослѣдить всѣ теченія и направленія, характеризующія разные періоды ея развитія. Существуетъ, правда, нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій, какъ напр. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы въ XIX вѣкѣ“; въ трудѣ Пыпина и Спасовича „Исторія славянскихъ литературъ“ есть пространная глава, по-

священная украинской литературѣ; Дашкевичъ въ своемъ „Отзывѣ о сочиненіи Петрова“, представленномъ на соисканіе преміи Уварова, далъ обстоятельную характеристику украинскихъ литературныхъ направленій, но только до 80-хъ годовъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ Эфрона въ 80-мъ томѣ Франко далъ очень сжатый очеркъ украинской литературы, но остановился больше на ея древнемъ, а не на новѣйшемъ періодѣ. Самой детальной разработкой украинской литературы именно XIX вѣка можно считать четырехтомный трудъ галицкаго изслѣдователя Омельяна Огоновскаго: „Історія литературы русской“, 1891 г., изданной во Львовѣ, а потому мало доступной въ Россіи, такъ какъ всѣ украинскія книжки, изданныя въ Галиціи, считались до самаго послѣдняго времени запретнымъ плодомъ для украинцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Но въ исторіи Огоновскаго можно только ознакомиться съ украинскими писателями съ чисто внѣшней стороны, такъ какъ въ ней нѣтъ никакой литературно-критической точки зрѣнія, а только перечень писателей и ихъ произведеній какъ галицкихъ, такъ и украинскихъ. Это—цѣнный трудъ, но не освѣщающій литературную жизнь Украйны никакими ни публицистическими ни критическими точками зрѣнія. Такимъ требованіямъ лучше всего удовлетворяютъ талантливыя статьи украинскаго критика-публициста С. Ефремова, писавшаго о новѣйшей украинской литературѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“ и въ „Кіевской Старинѣ“. Если прибавить еще нѣсколько случайныхъ отрывочныхъ статей по поводу того или иного изданія или писателя, появлявшихся въ самомъ концѣ XIX вѣка, статьи Гринченко, Черняховской - Старицкой и др., то всѣмъ этимъ и исчерпывается скудный запасъ историко-критическаго матеріала, по какому можно было бы получить общее вѣрное знакомство съ новой украинской литературой. А, между тѣмъ, и по творческимъ силамъ, ее созидавшимъ, и по соціально-политическимъ идеямъ, лежащимъ въ основѣ ея, эта литература, принадлежащая многомилліонному народу, заслуживаетъ гораздо болѣе внимательнаго отношенія. Въ великорусской печати часто оспаривали самостоятельное значеніе украинской литературы, указывали на ея зависимость отъ польской и великорусской и въ ея демократизмѣ видѣли залогъ ея скораго истощенія, такъ какъ, по мнѣнію великорусской прессы, народъ украинскій, состоящій изъ одного демоса, безъ своей національной аристократіи, не можетъ вскормить содержательную литературу; ей подносились совѣты о скорѣйшемъ духовномъ сліяніи съ великорусской болѣе сильной культурой. Но украинцы отвѣчали на эти совѣты словами Шевченка: „добрий кожухъ, та не на мене шитий“. Несмотря на силу великорусской культуры, невзирая на страшныя угнетенія всей украинской духовной жизни, сліянія не послѣдовало за всѣ два съ лишнимъ вѣка общей государственной жизни. Хотя въ городахъ Украйны и господствуетъ великорусская офиціальная рѣчь во всѣхъ общественныхъ, административныхъ, судебныхъ и учебныхъ учре-

жденіяхъ, но изъ-подъ этой насильственно надѣтой на мѣстную жизнь желѣзной сѣтки пробиваются живые ростки не умирающей національной жизни. Многомилліонный народъ не поддается обрусѣнію, а продолжаетъ думать, говорить и творить на своемъ родномъ богатомъ языкѣ и жить своеобразными формами жизни. Лишенный всякаго правильнаго просвѣщенія, безъ родной школы, безъ понятной своей книги, одно появленіе которой преслѣдовалось, какъ чума, всѣми сельскими властями, безъ родной интеллигенціи, давно оторвавшейся отъ народной массы, украинскій народъ продолжалъ втеченіе всего тяжело сложившагося для него XIX вѣка накапливать духовныя богатства и проявлялъ ихъ въ своей національной литературѣ. Шевченко—поэтъ и Драгомановъ—ученый выносятъ на свѣтъ творческое чувство и мысль украинскаго народа и навсегда закрѣпляютъ за украинскимъ народомъ его право на положительное участіе въ міровомъ прогрессѣ. Широкимъ братолюбіемъ и научно обоснованнымъ демократизмомъ дышитъ и вся поэзія Шевченка и всѣ научно - политическія статьи Драгоманова. Не бѣденъ духовно тотъ народъ, не оскудѣла та страна, которая въ теченіе одного столѣтія при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ выставила изъ своей среды двухъ такихъ сильныхъ мыслителя и художника, какъ Шевченко и Драгомановъ.

Исторія украинской литературы XIX вѣка естественно распадается на двѣ части, выясняющія: 1) какіе литературные и соціальные факты, какія общественно-культурныя явленія въ украинскомъ обществѣ подготовили поэтическое творчество Шевченка и 2) какія вызвали политическую дѣятельность Драгоманова. Въ этихъ двухъ періодахъ ярче всего выступаетъ вся литературно-общественная жизнь Украйны въ теченіе всего XIX вѣка.

1.

XVIII вѣкъ былъ для Украйны вѣкомъ окончательнаго закрѣпощенія: ея политическая независимость была раздавлена послѣдовательными усиліями двухъ самыхъ абсолютныхъ централистовъ россійской имперіи: Петра I и Екатерины II. Вся культурная работа, всегда отличавшаяся особенной интенсивностью въ Украйнѣ: ея школы, которыхъ въ концѣ XVIII вѣка въ одной Гетманщинѣ было 866, а въ одномъ Черниговскомъ полку на 142 села было 143 школы, ея типографіи, ея высшее просвѣтительное учрежденіе—Братская академія въ Кіевѣ—все было уничтожено, закрыто или сведено къ нулевой дѣятельности. Всѣ просвѣщенныя силы страны были стянуты въ столицы, свѣтскія и церковныя книги на украинскомъ языкѣ были запрещены, и наѣхавшее въ Украйну чужое панство съ презрѣніемъ третировало украинскій языкъ, какъ нарѣчіе рабовъ. Между тѣмъ, на этомъ языкѣ за XVI и XVII вѣка выработана была цѣлая литература, гораздо болѣе содержательная и разнообразная, чѣмъ та ветошь, съ какою великорусская письменность добралась до конца XVIII вѣка. Западно-европейская культура широкими дверями входила въ город-

скую жизнь Украины до Петра; село совершенно независимо творило свои самобытныя общественно - экономическія формы жизни и чутко отзывалось на родную, свободно приходившую къ нему литературу въ видѣ проповѣдей, памфлетовъ, драматическихъ представленій и сатиръ, такъ называемыхъ „пашквилей“, панегириковъ и разныхъ „виршей“. Стефанъ Яворскій, Аѳанасій Заруцкій особенно прославились своими хвалебными Словами; но, стараясь угодить русскому наѣзжему боярству, они поддѣлывались подъ тогдашнюю великорусскую рѣчь и извращали настоящій украинскій языкъ*). Онъ сохранялся гораздо болѣе чистымъ въ виршахъ и драмахъ, писанныхъ большею частью кіевскими академиками и учениками харьковскаго коллегіума, обслуживавшаго въ просвѣтительномъ отношеніи слободскую Украйну; много было безыменныхъ авторовъ, выходившихъ изъ темной глубины народа и выражавшихъ его настроеніе. Такъ, реформы Разумовскаго и другихъ, ставленныхъ русскимъ правительствомъ гетмановъ, встрѣчались украинскимъ населеніемъ съ большимъ негодованіемъ и вызывали цѣлую серію очень ѣдкихъ сатиръ, гдѣ новопоявившимся акцизнымъ чинамъ предлагалось, напр., „лучше пороки у сильныхъ истреблять, нежели робить (дѣлать) горѣлку (водку) бѣднымъ воспрещать“. Еще болѣе національный характеръ сохраняли украинскія драматическія произведенія, особенно любимыя въ Украйнѣ во всѣхъ слояхъ населенія. Возникшія изъ пасхалій и мистерій, эти драматическія сцены часто получали общественное содержаніе, гдѣ бытовой элементъ не только смѣшивался, но и господствовалъ надъ религіознымъ. А рядомъ съ мистеріями разыгрывались и чисто комическія, большею частью тоже сатирическаго характера „интермедіи“.

Когда всѣ другіе роды письменной литературы были запрещены, эти интермедіи, сатиры и вирши одни черезъ все XVIII столѣтіе продолжаютъ звучать родными отзвуками и въ дворахъ мелкихъ и крупныхъ пановъ и въ сельскихъ хатахъ; своимъ юморомъ и художественными образами заявляли они о творческихъ силахъ задавленной націи, давали удовлетвореніе незасыпавшимъ культурнымъ запросамъ Украйны. Многія изъ этихъ драматическихъ произведеній дошли до насъ отчасти въ рукописныхъ спискахъ, отчасти въ устной передачѣ; нѣкоторыя печатались въ разныхъ историко-литературныхъ трудахъ— Тихонравова, въ „Трудахъ кіевской духовной академіи“ и др. Такова, напр. „Розмова вкратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ Судіи справедливаго, Христа Спасителя“. Въ этой мистеріи очень много интересныхъ бытовыхъ подробностей изъ тогдашнихъ судебныхъ порядковъ. Дошла до насъ и драма, написанная Конисскимъ, автора многихъ дидактическихъ виршей,— „Воскресенье мертвыхъ“ съ коми-

*) Такія „Слова“ часто обращались то въ обличенія, то въ похвалы; за одно изъ такихъ ругательныхъ „Словъ“ противъ Мазепы Петръ I наградилъ автора помѣстьями, понимая развращающую силу купленаго слова.

ческими эпизодами въ концѣ, драма Довгалевскаго — „Комическое дѣйствіе царя царей“, гдѣ вся 2-я часть состоитъ цѣликомъ изъ народныхъ сценъ, и много другихъ. Исполнялись эти произведенія школьниками, странствующими дьяками и другими личностями, болѣе извѣстными подъ понятнымъ для всѣхъ прозвищемъ „пиворѣзовъ“. Они же разносили вирши, въ которыхъ оплакивалось печальное положеніе закрѣпощенной народной массы, сатиры на казачью старшину, стремившуюся породниться съ русскимъ дворянствомъ и выйти въ дворяне; во многихъ виршахъ звучалъ сильно протестующій тонъ, какъ, напр., въ одной виршѣ приведенной П. Житецкимъ въ его изслѣдованіи объ Энеидѣ Котляревскаго: „Що настало теперь въ світі!“

Распѣвали школяры, конечно, и любовные вирши, изъ которыхъ въ однихъ уже звучитъ тотъ денатурализированный языкъ съ напыщенными, часто неумѣстно вставленными русскими и славянскими словами, который такъ рѣжетъ намъ ухо и смѣшитъ насъ на Украйнѣ въ рѣчахъ писарей, урядниковъ и др. лицъ, якобы вкусившихъ цивилизаціи. Другіе же вирши съ сильно выраженнымъ народнымъ элементомъ отличаются красотой и искренностью и долго живутъ въ народномъ обиходѣ, какъ, напр., нѣкоторыя пѣсни Сковороды: „Ой доле людськая!“ или стихотвореніе Климовскаго: „Їхав козак за Дунай“ и др. Писалось немало и чувствительныхъ элегическихъ стихотвореній о страданіяхъ населенія. Чѣмъ они были ближе и формой и языкомъ къ національнымъ, народнымъ пѣснямъ, тѣмъ они выше въ художественномъ отношеніи. Такая пѣсня дошла до насъ подъ названіемъ „Ирмологія“ отъ 1757 года, начинающаяся такъ:

Хто хоче лиха зазнати,
Нехай іде в N дякувати
То буде панщину в будни робити
Сала по селі прохати
І скризь за хлібомъ шмарувати и т. д.

Сохранились отъ этого времени и болѣе серьезныя сочиненія: дневники, мемуары тогдашнихъ еще не обрусѣвшихъ пановъ, для которыхъ украинскій языкъ оставался ближе и роднѣе офиціальнаго — русскаго; эти цѣнные бытовые матеріалы были напечатаны уже въ XIX вѣкѣ въ историческомъ журналѣ „Кіевская старина“ (Записки Маркевича Я. А. 1718—1768 г., дневникъ или по тогдашнему „Діаріушъ“ Н. Ханенка и т. д.); по рукамъ ходили списки разныхъ историческихъ очерковъ, напр., „Лѣтопись“ Грабянки, „Описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“ Симоновскаго, „Лѣтописное повѣствованіе Ригельмана“ и всѣмъ извѣстная „Исторія руссовъ“ Кониского. Все это поддерживало въ украинскомъ обществѣ XVIII вѣка національное самосознаніе, подчеркивало особенность и самобытность населенія и какъ бы охраняло отъ напора офиціально - господствующаго чужого просвѣщенія. Творческимъ силамъ народа не давалось свободнаго проявленія; онѣ журчали подъ ледяной корой и время отъ времени выдвигали такія крупныя своеобразныя фигуры, самород-

ки ума и одаренности, какъ философъ Сковорода, оригинальное ученіе котораго было извѣстно даже за границей. Сынъ простого казака Полтавской губ., онъ учился въ Переяславской семинаріи, пѣшкомъ путешествовалъ по Европѣ, слушалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ, преимущественно въ германскихъ университетахъ, и увлекался философіей. Вернулся онъ съ опредѣленнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ пантеизмъ сына народа, такъ непосредственно живущаго въ близости съ природой, сочетался со строгой этикой Сократа. Одаренный талантомъ популяризатора, онъ сначала взялъ мѣсто преподавателя въ харьковскомъ коллегіумѣ, но, страстно любя свою личную независимость, онъ, при первомъ столкновеніи съ начальствомъ, оставилъ коллегіумъ и странствовалъ по Харьковской губ., временно останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время въ домахъ разныхъ людей—дворянъ, крестьянъ,—вездѣ проповѣдуя искать счастье въ бѣдности и въ строгомъ выполненіи своего долга. „Все проходитъ, но любовь остается, а любовь это—Богъ, отсюда вѣченъ человѣкъ", говорилъ Сковорода. Языкъ его былъ образенъ, но затемнялся смѣшанностью словъ, синтаксиса и оборотовъ: это былъ уже не украинскій красивый народный языкъ, какимъ говорило окружавшее его населеніе, изъ среды которой онъ и самъ вышелъ, и не великорусскій и не славянскій, а тотъ порченный говоръ, который офиціально признавался обязательнымъ для тогдашней Украины. Неправильность языка значительно мѣшаетъ и мѣшала усвоенію ясной и простой философіи оригинальнаго народнаго мыслителя—странника Сковороды. Но, несмотря на то, и его ученіе и личность философа рѣзко выдѣлялись на общемъ фонѣ умственной подавленности тогдашняго украинскаго общества. Вліяніе его было громадно, и мы видимъ именно его учениковъ и послѣдователей въ числѣ тѣхъ жертвователей, на чьи деньги былъ открытъ въ 1805 году первый южный университетъ въ Харьковѣ.

Таковъ былъ тотъ литературно-соціальный фонъ, на которомъ въ самомъ концѣ XVIII в. выступилъ органически съ нимъ связанный талантливый возродитель новой украинской литературы И. П. Котляревскій. Появившаяся подъ его собственною редакціей въ 1809 г. его поэма „Энеида" *) справедливо можетъ считаться синтезомъ всей той сатирической и обличительной народной литературы, которой господствовавшій въ то время въ Украйнѣ централизмъ не давалъ выйти наружу. Къ Котляревскому можно отнести слова Ламменэ: „Люди, стоявшіе во главѣ великихъ историческихъ эпохъ, имѣли силу лишь потому, что они болѣе другихъ умѣли отожествлять себя съ духомъ своего времени". Малообразованный, по сравненію со многими украинцами того времени, Котляревскій перечувствовалъ и реализировалъ

*) Раньше она издана была безъ спроса у автора въ 1798 и 1808 гг. помѣщикомъ Парпурою, котораго за это авторъ въ своемъ первомъ изданіи 1809 г. помѣстилъ въ адъ подъ прозвищемъ „мацапура".

въ своихъ творческихъ образахъ все то, что было разбросано въ разныхъ устныхъ и письменныхъ литературныхъ произведеніяхъ того времени на его родинѣ. Онъ родился въ 1769 г. въ Полтавѣ въ бѣдной дворянской семьѣ, въ небольшомъ дубовомъ домикѣ на горѣ. Чудный видъ открывался съ этого мѣста на рѣчку Ворсклу, на ея луга, хутора и села, бѣлѣющіе среди зелени. И теперь это одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Полтавы. Полтавщина того времени была одной изъ наиболѣе культурныхъ частей Украйны, сохранившей свою національную физіономію. Учился Котляревскій въ полтавской духовной семинаріи и уже тамъ получилъ прозваніе риѳмача за писанные имъ стихи. По окончаніи семинаріи, былъ учителемъ во многихъ помѣщичьихъ домахъ; живя по селамъ, онъ увлекался народными пѣснями, записывалъ ихъ и часто принималъ участіе въ народныхъ гуляньяхъ и въ такъ называемыхъ въ Украйнѣ „вечерницахъ". Затѣмъ, онъ служилъ въ военной и гражданской службѣ. Въ 1808 г. вышелъ въ отставку и до конца жизни занималъ мѣсто надзирателя дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ въ Полтавѣ и проявилъ въ этомъ дѣлѣ много заботливости и сердечности въ своихъ попеченіяхъ о воспитанникахъ. Только слабость здоровья заставила его за три года до смерти выйти въ отставку, послѣ чего одинокій, не женатый, но всегда окруженный друзьями, Котляревскій тихо жилъ на пенсіи все въ томъ же небольшомъ дубовомъ домикѣ и умеръ въ 1838 г., бѣдный и не дослужившійся до какихъ-либо чиновъ, но оплакиваемый и уважаемый всѣми жителями родного ему города.

„Энеида", „Наталка-Полтавка" и „Москаль Чарівникъ" составляютъ все то небольшое литературное наслѣдіе, какое Котляревскій оставилъ своимъ землякамъ и какимъ онъ при жизни пріобрѣлъ свою громадную популярность среди современниковъ и заслужилъ уваженіе многихъ поколѣній. Онъ поднялъ чисто народное украинское слово на такую высоту, какой не достигало оно до него ни въ виршахъ странствующихъ бурсаковъ-риѳмачей ни въ драматическихъ сочиненіяхъ. На „Энеиду" литературная критика долго смотрѣла свысока, какъ на передѣлку, грубое подражаніе недосягаемо высокому классическому образцу. Но такія передѣлки были въ модѣ въ то время; онѣ подняли борьбу съ выдохшимся лжеклассицизмомъ XVIII в. Много такихъ передѣлокъ было и на русскомъ языкѣ, но онѣ давно забыты, а „Энеида" Котляревскаго и до сихъ поръ читается съ удовольствіемъ не только простымъ читателемъ изъ народа, а и литературно-образованными цѣнителями художественныхъ произведеній. Это зависитъ отъ того народнаго характера, какимъ она проникнута: всѣ бытовыя сцены, перенесенныя на почву украинской тогдашней народной жизни, дышатъ реализмомъ; а неподдѣльный юморъ и вѣрная оцѣнка политическихъ и соціальныхъ явленій того времени расширяютъ перспективу всей этой самобытной поэмы, дѣлаютъ ее интересной и для нашихъ дней. Правда, сцены флирта и пьянства въ

„Энеидѣ“ отталкиваютъ насъ своей грубостью, но онѣ не казались такими для своего времени, когда „пиворѣзы“ складывали тропари въ честь вакхическихъ изліяній и распѣвали ихъ на пирахъ украинскихъ вельможъ. Это было вѣрно и согласно съ нравами, а Котляревскій не допускалъ никакой лжи въ своемъ творчествѣ. Для него, выросшаго среди народныхъ пѣсенъ и народной литературы, поэзія была правдой жизни. Этимъ онъ стоялъ выше своихъ современниковъ—великорусскихъ піитовъ—Державина, Богдановича, Капниста, Соллогуба и др. Знаніе народной жизни, искренняя и глубокая симпатія къ своему народу и талантливое чутье художественной правды дали Котляревскому возможность еще до Гоголя направить новую украинскую литературу именно на то жизненное реальное направленіе, которое великорусская литература усвоила лишь полъ вѣка спустя въ такъ наз. гоголевскій періодъ ея литературы. И это направленіе было не теоретическое, надуманное, а органически связанное съ окружающею жизнью и непосредственнымъ чувствомъ автора. Котляревскій явился истиннымъ украинскимъ народникомъ и силою своего таланта сразу далъ возрожденной украинской литературѣ народническое направленіе. До Котляревскаго украинское слово, лишенное научной обработки и стѣсненное въ своемъ развитіи, какъ бы ощупью искало само себя, сомнѣвалось въ своей силѣ среди охватившихъ Украйну тисковъ и потемковъ мысли. Котляревскій далъ ему опредѣленную форму выраженія, направленіе, обнаружилъ всю его красоту. Юмористическій, реальный до грубости и яркій до картинности въ разныхъ мѣстахъ „Энеиды“, языкъ Котляревскаго получаетъ особую нѣжность и задушевность въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“. За эту маленькую „оперу“ Котляревскаго много упрекали въ излишней сантиментальности, но критики не понимали, что между сантиментализмомъ Карамзина и чувствительными сценами „Наталки-Полтавки“ лежитъ пропасть: въ характерѣ украинскаго народа много лиризму, чуткости и той задушевности, которая со стороны кажется сантиментальностью. Красота природы, счастье или несчастье вызываютъ слезы и тоску: Sehnsucht по чему-то лучшему, недосягаемому. Эта чувствительность отличаетъ всю украинскую поэзію какъ народную, такъ и искусственную и проявляется у всѣхъ поэтовъ Украйны въ большей или меньшей степени. Оставаясь и въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“ реалистомъ-знатокомъ національныхъ характеровъ, Котляревскій вполнѣ вѣренъ психологіи своего народа, и нѣтъ у него никакого напускного сантиментализма. „Наталка-Полтавка“— художественное тонко выполненное произведеніе; оно переноситъ насъ въ ту Украину XVIII в., гдѣ народъ уже такъ обѣднѣлъ на своемъ богатомъ черноземѣ, что Петру, жениху Наталки, надо, прежде, чѣмъ ее сватать, уходить на далекіе заработки, гдѣ среди бѣднаго простого народа живутъ утонченныя психическія организаціи, какъ сама „Наталка“, и покоряютъ даже просвѣщенныхъ чиновниковъ,

очевидно, охваченныхъ еще свѣжей тогда философіей Сковороды—въ лицѣ Вознаго. Яркій художественный талантъ, правда, сочувствіе народу—все это дѣлаетъ произведеніе Котляревскаго безсмертнымъ: въ теченіе всего столѣтія „Наталка Полтавка“ не только не сходитъ съ репертуара украинскаго театра, но и въ Украинѣ и въ столицахъ пользуется и теперь любовью публики. Такой долговѣчной славой отличаются только истинно художественныя произведенія. Поэтическое творчество есть проникновеніе въ самую суть вещей. Котляревскій проникнулъ въ самую суть національнаго характера украинскаго народа и внесъ въ его литературу то демократическое, гуманное начало, которое составляетъ его основу; онъ своимъ творчествомъ еще разъ подтвердилъ, что истинная поэзія всегда неразлучна съ правдой и великой любовью. Не даромъ Шевченко посвятилъ основателю новой возрожденной украинской литературы такія сильныя строки:

Будешь, батьку, панувати
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяе
Тебе не забудуть!

2.

Начало, вложенное Котляревскимъ въ украинское общественное сознаніе, нашло себѣ очень скоро не только послѣдователей, но и талантливыхъ продолжателей. Одно культурное событіе, несомнѣнно, имѣло въ данномъ случаѣ благопріятное вліяніе: въ 1805 году въ Харьковѣ былъ открытъ первый на югѣ Россіи университетъ. На устройство его, какъ извѣстно, были собраны пожертвованія и среди жертвователей было много именъ учениковъ и друзей Сковороды: его просвѣтительная работа въ Слободской Украйнѣ дала блестящіе плоды. Скоро вокругъ молодого университета группируются мѣстные таланты, свѣжія умственныя силы и даютъ новый толчокъ литературной дѣятельности. Возникаютъ новые журналы, появляются писатели. Одни пишутъ тяжелымъ вымученнымъ русскимъ языкомъ, подражая высокимъ авторитетамъ столичной прессы. Другіе, по образцу болѣе близкаго, понятнаго творчества Котляревскаго, творятъ на родномъ языкѣ, черпаютъ темы изъ окружающей дѣйствительности. Среди этихъ послѣднихъ выступаютъ два сильныхъ художника украинскаго слова: магистръ, а потомъ и ректоръ харьковскаго университета — Гулакъ-Артемовскій и Квитка-Основьяненко, бывшій въ Харьковѣ предсѣдателемъ уголовной палаты и предводителемъ дворянства. Эти два имени лучше всего характеризуютъ первый, такъ сказать, харьковскій періодъ новой украинской литературы. Въ произведеніяхъ Гулака-Артемовскаго украинскій языкъ получаетъ новую силу и яркость. Онъ написалъ немного, но въ лучшемъ своемъ произведеніи „Панъ та Собака“ онъ выступаетъ и по идейности содержанія достойнымъ преемникомъ Котляревскаго. „Панъ та Собака“—басня, гдѣ подъ видомъ несчастной дворовой собаки представлена доля крѣпостного, является однимъ изъ смѣлыхъ обличеній крѣпостного права, хотя и замаскированнаго въ

форму басни, но для всѣхъ очень яснаго. Вся критика привѣтствовала съ восторгомъ новаго украинскаго писателя, но онъ далъ очень немного: кромѣ этой образцово написанной басни Гулакъ-Артемовскій обогатилъ нарождавшуюся литературу прекрасными переводами Гёте, Горація, но его оригинальныя вещи—„Солопій та Хивря“, „Тюхтій та Чванько“—очень слабыя по содержанію. Во всей своей литературной дѣятельности Гулаку-Артемовскому недоставало широты общественнаго развитія: послѣ одного совершенно случайнаго обыска въ его квартирѣ онъ по трусости оставилъ свое украинское творчество.

Гораздо больше и разнообразнѣе писалъ Квитка. Харьковцы очень гордятся этимъ землякомъ и ко времени столѣтней годовщины его рожденія харьковское уѣздное земство издало полное собраніе его сочиненій какъ на русскомъ, такъ и на украинскомъ языкѣ. Жизнь Квитки довольно необычна: болѣзненный ребенокъ, онъ учился дома и въ монастырской школѣ и прожилъ все дѣтство подъ Харьковомъ, въ селѣ Основѣ, откуда взялъ и свой литературный псевдонимъ—Основьяненко. Очень молодымъ поступилъ на военную службу, но скоро вернулся домой и застѣнчивый, робкій, онъ 23 лѣтъ ушелъ жить въ сосѣдній монастырь. Тамъ, однако, онъ оставался недолго, и хотя по выходѣ изъ монастыря отдался шумной свѣтской жизни, но сохранялъ всю жизнь глубокую религіозность. Въ общественной жизни Харькова принималъ самое горячее участіе, служилъ по выборамъ—былъ предводителемъ дворянства, а затѣмъ, совѣстнымъ судьей; временно былъ директоромъ харьковскаго театра, склонилъ благотворительное общество открыть въ Харьковѣ „институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ“ и всей душой отдался его устройству. Позднѣе его же стараніями были открыты въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и публичная библіотека. Во всей культурной просвѣтительной работѣ тогдашняго Харькова онъ былъ и руководителемъ и самымъ неутомимымъ работникомъ. Но любимымъ его дѣломъ была литературная дѣятельность. Въ 1816 году онъ уже одинъ изъ редакторовъ „Украинскаго Вѣстника“, гдѣ печатаетъ юмористическіе фельетоны изъ городской жизни „Письма Ѳалалея Повинухина“ на русскомъ языкѣ и одновременно печатаетъ русскія же стихотворенія въ другомъ харьковскомъ журналѣ — „Харьковскомъ Демокритѣ“.

Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, хотя и самоучка, Квитка читалъ много и хорошо былъ знакомъ не только съ русской, но и съ французской литературой и читалъ въ подлинникѣ Жоржъ Зандъ. Онъ много писалъ по-русски, и столичные журналы цѣнили его сотрудничество („Вѣстникъ Европы“, „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“). Здѣсь напечатана была 1-я часть его лучшаго произведенія на русскомъ языкѣ—„Панъ Халявскій“ (1839 г.). Свои украинскія произведенія онъ началъ повѣстью „Ганнуся“ въ

1839 г. Но еще раньше въ „Утренней Звѣздѣ“ появился разсказъ на украинскомъ языкѣ „Салдатський патретъ“, довольно невыгодно рисующій простоватость украинскаго простолюдина. Нѣсколько мелкихъ разсказовъ—„Мертвецький Великдень“, „Маруся“ и болѣе крупная вещь—„Конотопська Відьма“—вышли въ 1834 г. отдѣльнымъ изданіемъ и очень быстро разошлись, такъ что въ 1841 г. они издаются вторично. Квитка мастерски владѣлъ не только языкомъ, но и самою формой повѣствованія; онъ творецъ украинской повѣсти и лучшею въ этомъ родѣ является „Маруся“, а также „Сердешна Оксана“; онѣ отличаются особенной художественностью и этнографической правдой. Изящные тонкіе женскіе образы вставлены въ реальную рамку тогдашнихъ трагическихъ условій народной жизни. Вообще женскіе типы у Квитки отличаются особенной тонкостью отдѣлки и глубокой психологической правдой. Женщина въ Малороссіи всегда отличалась многими привлекательными душевными чертами; она пользуется въ общественной жизни и въ семьѣ гораздо большей независимостью, чѣмъ у великоруссовъ. Квитка ярко очертилъ, какимъ опасностямъ подвергалась украинская дѣвушка съ ея красотой и довѣрчивостью среди грубыхъ нравовъ тѣхъ военныхъ молодыхъ людей и господъ - помѣщиковъ, которые являлись въ ту эпоху безнаказанными хозяевами Украйны. Въ этомъ отношеніи особенно сильно написаны: на русскомъ языкѣ „Пані Сотниковна“ и „Сердешна Оксана“, гдѣ обѣ эти героини стали жертвой насилія и обмана военныхъ „героевъ“. Многіе критики ставятъ образы Маруси и Оксаны—любящіе и страдающіе—какъ бы предпосылками тѣхъ высокохудожественныхъ женскихъ образовъ, какіе черезъ нѣкоторый промежутокъ времени выступили съ еще большей силой и красотой въ поэмахъ Шевченка: „Катерина“, „Наймичка“ и др. Нѣкоторыя повѣсти Квитки заслуживаютъ упрекъ въ растянутости и сантиментальности, напр. „Божі Діти“, „Щира Любовь“. „Добре роби, добре й буде“ носитъ слишкомъ сентенціозный характеръ изложенія. Красиво написана сказка — быль „Перекати поле“, гдѣ эта трава является, согласно народной символикѣ, обличительницей совершоннаго въ степи преступленія.

Изъ драматическихъ мелкихъ произведеній Квитки лучше другихъ „Сватання на Гончарівці“, гдѣ тонкое пониманіе души человѣческой дало автору возможность показать намъ человѣка подъ внѣшностью всѣми осмѣиваемаго дурачка Стецька. Эта пьеса-водевиль долго держалась на украинской сценѣ. Но драматическія произведенія не составляли лучшій жанръ Квитки; его творчество ярче всего обнаруживалось въ формѣ повѣсти, разсказа, гдѣ его языкъ вполнѣ народный, гибкій, образный. Надо помнить, что въ то время еще не было повѣстей ни Григоровича ни Тургенева, хотя Гоголь уже чаровалъ всю Россію своими несравнимыми повѣстями; у Квитки часто встрѣчаются подражанія великому земляку. Извѣстный харьковскій этнографъ Сумцевъ очень высоко цѣнитъ этнографиче-

скій элементъ въ повѣстяхъ Квитки; всѣ его бытовыя описанія обнаруживаютъ его наблюдательность и знаніе народной жизни. Всѣ сословія харьковской губерніи—крестьяне, дворяне, горожане, казаки—мѣтко очерчены имъ въ ихъ тогдашнемъ семейномъ быту, во множествѣ неуловимыхъ подробностей, въ характеристикахъ, повѣріяхъ.

Около этого же времени начинается возрожденіе Галичины; конечно, національное сознаніе является результатомъ созвучія многихъ индивидуальныхъ мыслей, и трудно уловить его начало; тѣмъ не менѣе, въ извѣстныя эпохи это созвучіе милліоновъ выносится изъ глубины народной жизни наверхъ и находитъ себѣ талантливыхъ и чуткихъ выразителей. Отданная по раздѣлу Польши во власть Австріи, Галичина надолго замерла и не проявляла никакой національно-культурной жизни. Съ 1796 по 1808 г. не издано было ни одной украинской книги, и польскій языкъ господствовалъ во всемъ культурномъ обществѣ Галиціи. Даже духовенство не пользовалось роднымъ языкомъ ни при богослуженіи ни для произнесенія проповѣдей. Но съ 20-хъ годовъ появляются разные сборники народныхъ пѣсенъ, обрядовъ, игръ. Три человѣка принимаются энергично за дѣло національнаго пробужденія — Шашкевичъ, Головацкій и Вагилевичъ. Они собираютъ и издаютъ разные памятники Галицкой народной поэзіи и знакомятся въ то же время съ украинской литературой. Всѣ трое горячо преданы были родинѣ; они сошлись еще въ университетѣ во Львовѣ и объединяли вокругъ себя лучшую украинскую молодежь. Шашкевичъ былъ поэтъ съ тонкой душевной организаціей. Его стихи восторженно читались по всей Галиціи. Австрійская цензура долго задерживала ихъ печатаніе и они вышли только въ 1837 г. подъ заглавіемъ „Русалка Днистрова". Затѣмъ, изданы были сборники, альманахи съ украинскими разсказами. 1848-й годъ со своей, хотя и далеко не совершенной, австрійской конституціей облегчилъ дальнѣйшее развитіе національно-литературнаго движенія въ Галичинѣ. Оно питалось, главнымъ образомъ, трудами украинскихъ ученыхъ того времени—Бодянскаго, Срезневскаго и литературными произведеніями украинскихъ писателей. Но ближайшее единеніе національной работы въ обѣихъ оторванныхъ одна отъ другой украинскихъ земляхъ началось позднѣе и создало то галицко-украинское общественное движеніе, которое имѣло важное значеніе для обѣихъ земель въ тяжелую для Украины эпоху между 70-ми годами и концомъ XIX в.

Пробудившееся въ Харьковѣ національное самосознаніе украинцевъ проявлялось въ то время въ оживленномъ интересѣ къ памятникамъ народной поэзіи: пѣсни, думы, повѣрья съ любовью записывались, собирались и мало-по-малу выходили на свѣтъ Божій на страницахъ разныхъ журналовъ и сборниковъ. Первое изданіе украинскихъ народныхъ пѣсенъ, составленное княземъ Цертелевымъ вышло въ 1819 году. Впрочемъ, еще раньше его Ходаковскій составилъ въ 1814—

1817 гг. сборникъ украинскихъ пѣсенъ, но онъ не былъ изданъ. Какимъ яркимъ контрастомъ вставало это богатое сильное народное творчество и высота выраженнаго въ немъ этическаго идеала рядомъ съ тѣмъ закрѣпощеніемъ и обезличеніемъ, въ какомъ прозябалъ тотъ самый народъ, который создалъ такую художественную поэзію! Въ повѣстяхъ Квитки тоже съ этнографической вѣрностью выступаетъ тотъ же народъ съ благороднымъ, чувствительнымъ характеромъ, недостойный тѣхъ рабскихъ условій, въ какихъ ему приходилось прозябать. Къ сожалѣнію, Квиткѣ, при всей его любви къ родинѣ, недоставало широкаго политическаго и общественнаго развитія: нигдѣ въ его повѣстяхъ нѣтъ того строгаго осужденія крѣпостничества, какое звучитъ въ произведеніяхъ Котляревскаго. Квитка, по своей службѣ въ судѣ и въ званіи предводителя дворянства, былъ близко знакомъ со многими злоупотребленіями крѣпостничества; но ни въ одномъ разсказѣ ни въ одной повѣсти онъ не представилъ тѣхъ страданій, которыя на его глазахъ переносилъ тотъ самый народъ, характеры и бытовую обстановку котораго онъ умѣлъ такъ художественно обрисовать. Человѣкъ высокой личной этики, чуткій къ правдѣ и красотѣ, Квитка въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ былъ очень мало развитъ. Вотъ почему его „Листи до селянъ“ являются реакціонными даже для своего времени: монархизмъ, рабская покорность господину составляютъ основу развиваемыхъ въ нихъ совѣтовъ украинскому сельскому населенію; талантливая популяризація Квитки въ этихъ „Листахъ до селянъ“ по своему содержанію не имѣетъ никакой цѣнности.

Этотъ недостатокъ политическаго развитія не мѣшалъ, однако, Квиткѣ занять по богатству своего творчества первое мѣсто въ возрожденной Котляревскимъ новой украинской литературѣ. Его богатый языкъ, его задушевные образы и этнографическая абсолютная вѣрность описаній, тождественность настроенія во многихъ его произведеніяхъ съ народными пѣснями—все это дѣлаетъ повѣсти Квитки цѣнными и до сихъ поръ литературными произведеніями, родными для каждаго украинца. Они сыграли большую роль для пробужденія національнаго чувства и цѣлымъ рядомъ законченныхъ картинъ народной жизни продолжали народническое направленіе украинской литературы. Квитка въ свое время являлся тѣмъ свѣтлымъ живительнымъ началомъ, которое вызвало къ жизни много новыхъ литературныхъ силъ; онѣ любовно прислушивались къ его звучному украинскому слову и откликались на него изъ разныхъ угловъ Украйны своими стихами, баснями, оперетами и разсказами. Украинская литература расцвѣтала и получала все большую популярность. Народная космогонія, народная жизнь, украинская исторія составляютъ ея содержаніе. Макаровскій пишетъ чувствительную поэму „Наталю“ и прославляетъ въ ней трудовую сельскую жизнь. Кирилла Тополя перерабатываетъ украинское повѣрье о вѣдьмахъ въ прелестную

оперу „Чары“, которая еще въ концѣ XIX в. ставилась на любительскихъ сценахъ. А. Чужбинскій-Аѳанасьевъ является любимцемъ украинскихъ барышень своими лирическими стихами, романсами („Скажи мені правду мій любий козаче“ и др.). Л. Боровиковскій черпаетъ изъ народнаго творчества сатирическую основу своихъ басенъ и, владѣя чистымъ народнымъ языкомъ, передѣлываетъ на украинскій ладъ басни Крылова и польскаго писателя Красицкаго. Онъ оставилъ, кромѣ того, послѣ себя нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича и Пушкина, переводъ „Свѣтланы“ Жуковскаго. Нѣкоторыя его короткія басни до сихъ поръ пользуются извѣстностью, напр. „Крилля у вітряка“, „Климъ“ и др. Но талантливый Гребінка затмѣваетъ Боровиковскаго своими остроумными баснями. Этотъ баснописецъ украинской школы обладалъ недюжиннымъ сатирическимъ талантомъ и хотя тоже главнымъ образомъ передѣлывалъ Крылова, но сохранилъ свою поэтическую оригинальность. Къ сожалѣнію, и дворянское воспитаніе и жизнь вдали отъ Украины оторвали его отъ родной почвы и не дали развиться несомнѣнному художественному дарованію. Все, что онъ писалъ на русскомъ языкѣ, силясь подражать повѣстямъ Гоголя, не имѣетъ никакой литературной цѣнности, и хотя издавалось 2 раза (въ 1862 г. и въ 1903 г.), но не составило славы автору. За то небольшой томикъ его украинскихъ „Приказокъ“ еще долго будетъ читаться всѣми возрастами, какъ вполнѣ художественныя, прекрасно написанныя басни.

Между ними особенно любимы его оригинальныя, какъ, напр., „Лебідь і гусі“, „Будякъ та конопляночка“. Хороши и нѣкоторыя передѣлки Крылова, напримѣръ, „Ведмежій суд“ и др. Но очень слабъ его переводъ „Полтавы“, который онъ посвятилъ Пушкину.

Между украинскими сатириками того времени нельзя пропустить К. Думитрашко, автора комической поэмы, передѣланной съ греческаго, „Жабомышодракивка“, или „Борьба мышей съ жабами“, не лишенной политическаго значенія, такъ какъ подъ видомъ мышей обрисованы поэтомъ поляки, а подъ видомъ жабъ—казаки.

Особенно талантливымъ разсказчикомъ украинской старины около этого же времени является А. П. Стороженко; хотя его 2 тома украинскихъ разсказовъ вышли позднѣе, въ 1863 г., но на немъ не отразились тогдашнія движенія общественной мысли въ Украинѣ и своимъ творчествомъ онъ больше принадлежитъ эпохѣ 30-хъ годовъ. Талантливый писатель съ красивымъ, яркообразнымъ языкомъ, онъ написалъ больше 20 мелкихъ разсказовъ изъ украинской жизни, преимущественно изъ быта запорожцевъ, и изъ народныхъ устъ. Особенно хороши его комическія повѣсти „Вуси“, „Голка“, „Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ“, „Марко проклятый“ и др. Хотя онъ несомнѣнно отличался сильнымъ талантомъ и владѣлъ народнымъ языкомъ, но весь преданный своей бюрократической службѣ, онъ такъ же, какъ Гребінка, стоялъ въ сторонѣ отъ украинскихъ литературныхъ кружковъ и, по спра-

ведливому замѣчанію Житецкаго, является временнымъ и до извѣстной степени случайнымъ гостемъ въ украинской литературѣ.

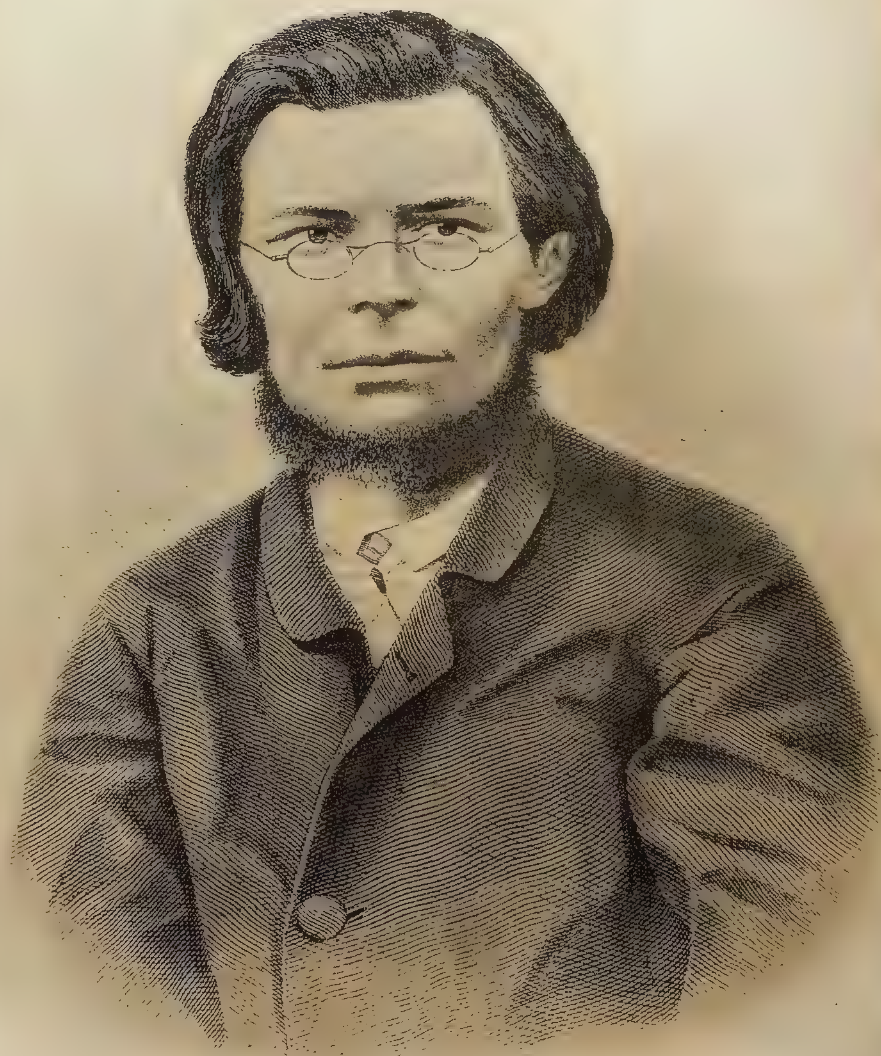
Рядомъ съ поэзіей развивалась и крѣпла въ Харьковѣ украинская этнографія. Это вызывалось не только повышеннымъ національнымъ самосознаніемъ, но вліяніемъ западно-европейскаго движенія, направленнаго на изученіе народностей въ ихъ словесныхъ, правовыхъ и бытовыхъ проявленіяхъ. Въ харьковскомъ университетѣ украинской этнографіей въ то время особенно много занимался профессоръ русской словесности Амвросій Метлинскій, извѣстный также подъ своимъ псевдонимомъ—Амвросій Могила. По точности записей и по богатству пѣсенъ (8.000), его „Сборникъ народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ“ представляетъ выдающееся научное явленіе того времени (1854 г.). Павловскій еще въ 1818 г. издалъ первую украинскую грамматику, или, какъ онъ самъ ее называлъ „грамматику малороссійскаго нарѣчія“, которое онъ считалъ уже исчезающимъ. Во главѣ научнаго изученія украинскаго фольклора стояли выдающіеся ученые—Бодянскій, Срезневскій, Максимовичъ, молодой еще историкъ Костомаровъ. Максимовичъ сначала былъ профессоромъ московскаго университета, гдѣ изучалъ ботанику, но самъ украинецъ (родомъ изъ кіевской губерніи), онъ всегда живо интересовался памятниками народной старины и словесности и, перейдя въ кіевскій университетъ, занялъ каѳедру русской словесности. Онъ прекрасно перевелъ на малорусскій языкъ „Слово о Полку Игоревѣ“ и нѣсколько псалмовъ. Въ 1827 г. онъ издаетъ „Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ“, въ 1836 г. „Сборникъ думъ и казацкихъ бытовыхъ пѣсенъ“. Надъ собраніями этихъ пѣсенъ и думъ работало много лицъ. Красота ихъ привлекала къ нимъ всеобщее вниманіе. Гоголь и Пушкинъ совершенно были увлечены ими. Пушкинъ прямо говоритъ, что онъ обираетъ эти пѣсни и по нимъ пишетъ свою Полтаву. Съ появленіемъ этихъ сборниковъ, точно новая, всѣми на время забытая, народность, полная высокихъ умственныхъ силъ, выступила передъ всѣмъ западнымъ славянствомъ и привлекла къ себѣ всѣ симпатіи. Максимовичъ пишетъ къ пѣснямъ комментаріи и классифицируетъ ихъ, а Костомаровъ дѣлаетъ первую попытку ученой разработки народныхъ пѣсенъ и для своей магистерской диссертаціи беретъ темой „Историческое значеніе народной поэзіи“. Бодянскій издаетъ матеріалы украинской исторіографіи въ „Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ“, издававшихся въ Москвѣ, „Лѣтопись самовидца“, „Исторію Руссовъ“ и др.; но скоро это ученое изданіе было прекращено „по независящимъ обстоятельствамъ“. Срезневскій издаетъ „Запорожскую Старину“, въ которой печатаетъ много красивыхъ украинскихъ думъ, подлинность которыхъ, впрочемъ, подвергалась потомъ сомнѣнію. Всѣ эти изданія создавали научную почву, на которой назрѣвали начала будущей точной этнографической науки; это поддерживало національное общественное движеніе въ Украй-

19

Өедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ.

По современной гравюрѣ.
(Историческій музей въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ЦЕНТРАЛЬНАЯ [illegible]
[illegible]
[illegible]

нѣ, подтверждало сознаніе самобытности украинскаго народа. Поэты того времени берутъ содержаніе для своихъ поэмъ и разсказовъ изъ казацкой старины, прославляютъ героевъ народныхъ думъ. Такъ, Костомаровъ подъ псевдонимомъ Галка пишетъ драму „Савва Чалый“, „Переяславська Ніч“. Много въ это время появляется и поддѣльныхъ думъ, сочиненныхъ казацкихъ пѣсенъ. Увлекаются казачьей стариной и польскіе романтики, отражающіе ее въ своей литературѣ, какъ напр. извѣстный Падурра. Очень популярно было его стихотвореніе „Не журися мій хозяін“ и нѣкоторыя думы, которыя и теперь поются въ юго-западномъ краѣ торбанистами. Польскіе поэты того времени писали восторженныя героическія поэмы изъ украинской исторіи, и, такъ какъ польскою литературою зачитывалось все высшее общество западной части Украйны, то этимъ путемъ также воспитывалось національное самосознаніе среди украинцевъ.

Максимовичъ въ одной изъ своихъ актовыхъ рѣчей въ кіевскомъ университетѣ громко заявлялъ: „самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворной жизнью и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія“.

Такимъ образомъ, начавшееся вокругъ харьковскаго университета національно-литературное движеніе, мало-по-малу расширяясь, охватило большой кругъ писателей, поэтовъ, ученыхъ: они разрабатывали народную поэзію, развивали ея народный языкъ и подготовили ту общественную атмосферу національнаго и литературнаго сознанія, при которой могъ появиться такой великій національный поэтъ, какъ Т. Г. Шевченко.

Къ 40-мъ годамъ, съ открытіемъ кіевскаго университета въ 1834 г., центръ научно-литературной жизни Украйны переносится въ Кіевъ, гдѣ и начинается новый періодъ развитія украинской литературы XIX в.— періодъ не романтическій и не сантиментальный, а съ опредѣленнымъ соціально-политическимъ направленіемъ.

3.

Народническая литература и этнографическое изученіе народной жизни приводили представителей украинскаго интеллигентнаго общества къ пониманію соціальныхъ условій жизни народныхъ массъ въ Украйнѣ. Скоро политическіе и соціальные взгляды, носившіеся въ то время въ украинскихъ литературныхъ группахъ, нашли себѣ конкретное выраженіе въ такъ назыв. кирилло-меѳодіевскомъ братствѣ. Три человѣка—Костомаровъ, Шевченко и Бѣлозерскій организовали его; ихъ объединяла горячая любовь къ родинѣ, живой интересъ ко всему славянству и страстное желаніе новыми соціальными и политическими реформами обновить весь тяжелый строй жизни, въ какомъ задыхалась тогда Украйна и украинскій народъ. Они часто сходились; ихъ взгляды, ихъ настроенія гармонировали, широкіе планы возрожденія не только родного края, но и всего славянскаго міра увле-

кали ихъ. Эта идея славянской взаимности нигдѣ не могла такъ естественно созрѣть, какъ въ Кіевѣ, гдѣ живутъ рядомъ три народности—украинская, великорусская и польская, и гдѣ ихъ взаимныя отношенія далеки отъ желательной справедливости. Кирилло - меѳодіевскіе заговорщики выдвинули начало федеративнаго объединенія всѣхъ славянскихъ народовъ съ полной свободой и независимостью каждаго. Мирная работа для распространенія этой идеи была, конечно, принята правительствомъ за открытую революцію, и жестокія кары прекратили дѣятельность только что образовавшагося общества: Костомаровъ и Шевченко были внезапно схвачены и увезены въ Петропавловскую крѣпость, откуда отправлены въ далекую ссылку. Шевченко пострадалъ особенно сильно: его отдали въ солдаты и выслали въ далекую пустыню надъ Ураломъ.

Вотъ нѣкоторые §§ устава кирило-меѳодіевскаго общества:

1) Духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они и должны стремиться. 2) При соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность и такими племенами признаемъ: южноруссовъ, сѣвероруссовъ съ бѣлоруссами, поляковъ, чеховъ съ словенцами, лужичанъ, сербовъ съ хорутанами и болгаръ. 3) Каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство гражданъ. 4) Правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Іисуса Христа. 5) При полномъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи. 6) Долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Небезъинтересны также правила поведенія, выработанныя кирилло-меѳодіевскимъ обществомъ. Такъ, § 2 требуетъ отъ членовъ его присяги въ томъ, что они будутъ употреблять всѣ свои дарованія, труды свои и состояніе и общественныя связи для цѣлей общества и никакія мученія и гоненія за принятыя обществомъ идеи не должны вынуждать ихъ выдать кого-либо изъ своихъ братій. Въ члены принимались славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій. Между членами было полное равенство. Общество старалось объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды, объ искорененіи рабства и всякаго униженія одного класса другимъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности. Какъ все общество, такъ и каждый членъ соображаетъ свое поведеніе съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія и не признаетъ правила, что цѣль оправдываетъ средства. Общество должно оставаться тайнымъ для всѣхъ, кто не раздѣляетъ его устава.

Такимъ образомъ строгія нравственныя требованія отъ всѣхъ членовъ общества, широкое политическое переустройство жизни на основѣ народнаго управленія и федеративнаго объединенія съ полнымъ равенствомъ какъ всѣхъ гра-

жданъ, такъ и всѣхъ народовъ—таковъ былъ новый соціально-политическій и этическій лозунгъ, легшій въ основу устава кирилло-меѳодіевскаго общества.

Эта новая федеративная идея одушевила украинскую литературу того времени. Стоя близко къ московскимъ славянофиламъ, кирилло-меѳодіевское общество, однако, рѣзко отличалось отъ ихъ ученія, построеннаго на торжествѣ централизма и абсолютной гегемоніи Россіи въ славянскомъ мірѣ. Идея федерализма и уваженіе всѣхъ національныхъ правъ каждой народности была поставлена кирилло-меѳодіевскимъ обществомъ гораздо шире и опредѣленнѣе, чѣмъ у южнаго общества декабристовъ. Быстро начавшееся гоненіе на всѣхъ его членовъ не дало ему какъ слѣдуетъ разработать и распространить эти идеи, но толчокъ, данный имъ украинской мысли, не остался безъ результата, и новая молодая группа украинскихъ писателей, не удовлетворяясь однимъ этнографическимъ изученіемъ родины и бытописаніями народной жизни, занялась болѣе критическимъ обличеніемъ всей соціальной неправды, угнетавшей народную жизнь, и подняла дружную борьбу противъ крѣпостного права. Могучій голосъ Шевченка раздался среди славянскаго міра впервые съ опредѣленнымъ требованіемъ правды, равенства и свободы. Національный поэтъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, Шевченко органически былъ проникнутъ украинскимъ міросозерцаніемъ и явился яркимъ выразителемъ этическихъ и соціальныхъ взглядовъ своего народа. Полученное имъ въ столицѣ умственное развитіе не оторвало вовсе Тараса Григорьевича отъ той народной массы, изъ среды которой онъ вышелъ, а только помогло ему ясно видѣть все зло, служившее причиной угнетенія, обезличенія и разоренія народа; оно расширило его кругозоръ и освѣтило національное сознаніе широкимъ пониманіемъ жизни другихъ народовъ.

Въ первый періодъ своего творчества Шевченко весь отдается только воспроизведенію печальной жизни своихъ земляковъ и героическимъ картинамъ ихъ недавняго прошлаго.

Лучшими поэмами этого перваго періода творчества являются „Наймичка“—исторія страданій матери, „Катерина“ — загубленная любовь, „Гайдамаки“, „Иванъ Підкова“—эпическія картины героическаго прошлаго Украйны.

Кирилло - меѳодіевскій федерализмъ выливается у Шевченка прекрасной поэмой „І. Гусъ“, которая только въ 1906 г. была вся возстановлена по рукописямъ, найденнымъ въ архивѣ департамента полиціи, и въ „Кобзарѣ“, изданномъ въ 1907 году, появляется впервые въ цѣломъ видѣ. Та же идея единенія народовъ лежитъ и въ его стихотвореніи „Къ Шафарику“, „Къ Полякамъ“; сочувствіе угнетеннымъ народамъ Кавказа выражено съ глубокой задушевностью въ поэмѣ „Кавказъ“. Вездѣ звучитъ нота братской любви и уваженія къ національнымъ правамъ, какой не слышится у корифеевъ тогдашней великорусской поэзіи. Послѣ ареста въ глубинѣ Аральскихъ песковъ

Шевченко отдается лирическому настроенію и хотя всякое писательство было ему строго воспрещено, но онъ украдкой записываетъ тѣ полные тоски и отчаянія стихи, какими полна его душа: его личное горе и страданія родины одинаково терзають его сердце и находятъ выраженіе въ сильныхъ стихахъ: напр. „Міні однаково“, „І день іде і ніч іде“, „Минають дні, минають ночи“ и др.; но рядомъ съ ними онъ пишетъ поэмы, проникнутыя глубокимъ христіанскимъ чувствомъ любви—„Неофіти“, „Москалева Криница“, „Відьма“ и неподражаемую по своему изяществу и серьезному позитивизму—„Марію“, поэму рожденія и первыхъ дѣтскихъ лѣтъ Іисуса Христа. Эта поэма теперь впервые появляется въ Россіи въ печати; она была запрещена вмѣстѣ со многими другими произведеніями Шевченка. Драгомановъ очень цѣнилъ эту прелестную вещицу Шевченка и издалъ ее во Львовѣ съ своими примѣчаніями отдѣльнымъ дешевымъ изданіемъ для распространенія ея между массой, какъ „написанную въ духѣ наиболѣе свободнаго прогрессивно—христіанскаго направленія“. Только въ послѣднемъ петербургскомъ изданіи 1907 г. „Кобзарь“ явился въ полномъ видѣ и обнаруживаетъ впервые въ Россіи все творчество Шевченка, не обезображенное тѣми пропусками и совершенными изъятіями, какія требовались русской цензурой отъ предшествующихъ изданій. Эта полнота была достигнута только на 42-ю годовщину смерти великаго поэта и только въ 5-мъ изданіи его произведеній. Впервые печатаются въ Россіи „Саулъ“, „Цари“, „Розрита Могила“ „Великий Льох“, „Молитви“, „Марія“, нѣсколько мелкихъ стихотвореній, совершенно неизвѣстно почему запрещенныхъ и впервые напечатанныхъ безъ всякихъ прежде очень длинныхъ пропусковъ—„Сон“, „Кавказ“, „Иржавець“, „Чигирин“, Суботів“ и др. мелкія. Всѣ эти произведенія проникнуты глубокимъ, христіанскимъ братолюбіемъ и всепрощеніемъ и широкимъ соціальнымъ пониманіемъ народной жизни. Стихотворенія, написанныя въ неволѣ преисполнены глубокой тоской, но видно, что надежда и вѣра въ лучшее будущее никогда не покидали поэта. Пониманіе христіанства было у него позитивное и въ то же время глубоко любящее. Вѣрующій и преданный христіанскому ученію о правдѣ и любви, Шевченко старался очистить его отъ тѣхъ ложныхъ наслоеній, какія за многіе вѣка налегли на это чистое и высосое вѣрованіе. Во многихъ стихотвореніяхъ Шевченко прямо возстаетъ противъ всякихъ обрядовыхъ стѣсненій, какъ, напр., въ „Ликері“, — „Не ймуть нам віри без хреста, не ймуть нам віри безъ попа, раби, невільники недужі!“... „Не хрестись і не кленись, і не молись нікому въ світі!“ „Збрешуть люде і візантійськй Саваоф одурить: Не одурить Богъ, Карать і миловать не буде: Ми не раби його—ми люде!“ Это свободное пониманіе идеи Бога, какъ вѣчной правды и любви, понимаемаго внѣ всего окружающаго его до сихъ поръ суевѣрія, вполнѣ согласно съ народнымъ украинскимъ міросозерцаніемъ и выражено и въ ученіи

его народнаго философа Сковороды и проявляется въ распространенности среди украинскаго населенія такой позитивной секты, какъ штундисты. Вообще, очень интересно было бы прослѣдить, насколько дѣйствительно все міросозерцаніе, все творчество Т. Г. вполнѣ національно и являются истинными выраженіями того гуманизма, демократизма и искренной преданности идеѣ, какая характеризуетъ національную поэзію украинскаго народа. Истинный сынъ Украйны, онъ всегда жилъ въ полномъ общеніи съ нею. Жизнь Т. Г. достаточно извѣстна по своимъ внѣшнимъ условіямъ и съ этой стороны она очень проста. Но еще не явился тотъ біографъ, который сумѣлъ бы, чутко заглянувши въ душу поэта, вскрыть всѣ сложные моменты душевной драмы, составлявшей внутреннее содержаніе его жизни. Сынъ крѣпостного, сирота, очень рано лишившійся материнской ласки, затѣмъ, панскій слуга и безправный штрафованный солдатъ—таковы были тѣ безотрадныя условія, въ какихъ прошли дѣтство, юность и самые лучшіе молодые годы поэта. Лишь короткими свѣтлыми промежутками дарила его судьба и все счастье его невеселой жизни заключалось въ его творчествѣ, какъ онъ самъ это и говоритъ въ своемъ стихотвореніи „Муза“, въ которомъ такъ характерно выражено отношеніе Шевченка къ своему творчеству:

Міні ти всюди помогала,
Мене ти всюди доглядала
Въ степу безлюдному
Въ далекій неволі
Ти сияла, пишалася
Як квіточка в полі
Ти, золотокрила,
Мов живущою водою
Душу окропила
І я живу, і надо мною
З своєю божою красою
Гориш ти зіронька моя,
Моя порадонька святая,
Моя ти доля молодая.
Не покидай мене! В ночі
І в день, і в вечері, і рано
Вітай зо мною і учи
Сказати правду. Поможи
Молитву діяти до краю!

Родился Т. Г. 25 февраля 1814 г. въ с. Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. Дѣтство его протекло, однако, въ другомъ селѣ—въ Кирилловкѣ, того же уѣзда, куда переселены были его родители. До 8 лѣтъ его грѣла материнская ласка; но ему не исполнилось и 8 лѣтъ, какъ умерла его мать, и ея мѣсто въ семьѣ замѣнила мачеха, женщина недобрая и сварливая, сразу невзлюбившая маленькаго Тараса. Все дѣтство его омрачено ея несправедливыми преслѣдованіями и неудовлетворенной жаждой знанія; рано проявились у мальчика способности къ рисованію, но онъ тщетно ищетъ руководства у мѣстныхъ дьяковъ—единственныхъ въ то время учителей; поперемѣнно то пастухъ, то помѣщичій слуга, молодой талантливый самородокъ попадаетъ со своимъ паномъ въ Петербургъ и у какого-то маляра учится рисованію. Случайная встрѣча съ землякомъ-художникомъ Сошенко рѣшаетъ судьбу будущаго поэта. Литературные круги тогдашняго Петербурга принимаютъ участіе въ начинающемъ художникѣ, выкупаютъ его у его помѣщика Энгельгардта; онъ получаетъ волю, онъ

больше не рабъ, а человѣкъ и съ помощью новыхъ друзей получаетъ возможность учиться въ академіи художествъ. Но тутъ властно заявляетъ себя истинное вдохновеніе молодого художника: въ маленькой комнатѣ, среди красокъ, мольбертовъ и картинъ, другое призваніе охватываетъ душу одареннаго, еще не вѣрящаго въ себя поэта: въ интродукціи къ поэмѣ „Гайдамаки" выражена та нравственная борьба, которая шла въ душѣ его, и то мучительное настроеніе, какое онъ переживалъ въ эту лучшую пору своей жизни: одиночество—среди болѣе интеллигентнаго общества, тоска по родинѣ, жгучее желаніе уничтоженія цѣпей рабства для всѣхъ близкихъ, оставшихся крѣпостными—все это не давало ему отдаваться своему личному чувству свободы и удовлетворенію давнихъ желаній: „Ви розумні люде, а я дурень, — пишетъ Шевченко, — один собі у моїй хатині заспіваю заридаю, як мала дитина..." Только образы родной стороны, родного села утѣшаютъ его: „В моїй хатині, як в степу безкраїм Козацтво гуляе, байрак гомонить; У моїй хатині сине море грае, Могила сумуе, тополя шумить, Тихесенько, Грицям, дівчина співае,—Я не одинокій, е з ким вік дожити"! Эти образы воплощались въ поэмы, въ лирическія стихотворенія (напр., „Думи мії думи!"), полныя самобытной прелести и такой сильной пламенной любви къ родинѣ, какая не звучитъ такъ искренно, такъ просто ни у одного народного поэта, ни на какомъ другомъ языкѣ.

Эти стихи не могли остаться незамѣтными, они и теперь жгутъ сердца и зовутъ ихъ къ добру, къ беззавѣтному подвигу любви. Изъ записной книжки живописца они передавались изъ рукъ въ руки землякам, заучивались на память и открывали украинцамъ новый свѣтлый горизонтъ міровыхъ великихъ идеаловъ; его осужденіе соціальнаго строя жизни проникало въ самую глубину общественнаго сознанія. Вчерашній рабъ становился вдохновеннымъ учителемъ своего народа, велъ его къ освобожденію, къ братскому единенію съ другими народами.

Конфликтъ съ современной дѣйствительностью былъ неизбѣженъ; участіе Шевченка въ кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ *) было для правительства только удачнымъ предлогомъ для самаго суроваго наказанія смѣлаго автора „Сна", „Кавказа" и мн. др. стихотвореній. Украинскаго поэта опредѣляютъ въ солдаты и ссылаютъ на Аральское море и въ довершеніе всего запрещаютъ ему писать и рисовать.

Только черезъ 10 лѣтъ удалось друзьямъ Шевченка выхлопотать ему разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, куда онъ и пріѣхалъ съ совершенно разстроенымъ здоровьемъ, но съ прежней любовью къ Украйнѣ и вѣрой въ ея лучшее будущее: „встане Украіна", пишетъ онъ въ близкомъ ожиданіи великаго историческаго акта, освобожденія крестьянъ въ 1860 году: „і на оновленій землі, врага не буде, супостата, А буде син і буде мати и будуть люде на землі". „Люде" лю-

*) Общество было предано; о немъ сдѣланъ доносъ Петровымъ.

бимый терминъ Т. Г.; онъ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы люди стали ими въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, отказались отъ ветхозавѣтнаго, владѣющаго ими звѣря зла и восприняли бы все гуманное, дѣлающее ихъ „братьями". Шевченко дожилъ до великаго дня 19 февраля, онъ привѣтствовалъ его великими словами:—„Сонце йде і за собою день веде!". Но черезъ недѣлю его уже не стало и праздничные дни свободы были омрачены для украинцевъ похоронами великаго поэта. Онъ похороненъ согласно своему „Заповіту" надъ Днѣпромъ (возлѣ г. Канева) на высокой горѣ, съ которой видно далеко Украйну и тѣ села, которыя часто упоминались въ его поэмахъ. Эта могила въ теченіе 42 лѣтъ служитъ своего рода Меккой для сознательныхъ украинцевъ; побыть въ этой сторожкѣ, убранной въ чисто украинскомъ стилѣ, украшенной портретами великаго апостола правды и воли, посидѣть на его простой зеленой могилѣ передъ разстилающеюся у ногъ ея украинской степью, повторить завѣты великаго Кобзаря—все это среди гоненій и *реакціоннаго* гнета украинской мысли долгое время было нравственной потребностью и утѣшеніемъ для многихъ, стоявшихъ въ рядахъ національной борьбы Украйны.

Умеръ Шевченко въ 1861 году, а только въ 1907 году украинцы получили возможность издать его „Кобзарь" въ полномъ видѣ и узнать въ настоящемъ свѣтѣ его опредѣленные политическіе и соціально-этическіе взгляды. Они, по своей широтѣ, еще долго могутъ служить тѣми идеалами жизни, во имя которыхъ должна идти національно—политическая и соціальная борьба народа со всѣми его притѣснителями.

Украинская и иностранная критика много занималась произведеніями Шевченка, великорусская не понимала его, судя по отзывамъ Бѣлинскаго. Но и украинская почти вся состоитъ изъ мелкихъ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, по большей части писанныхъ не учеными критиками, а дилетантами. Настоящей научной критики „Кобзарь" дождется лишь съ развитіемъ украинской національной науки. Конечно, „Кобзарь" не нуждается ни въ разъясненіяхъ ни въ толкованіяхъ; онъ такъ написанъ, что его пойметъ и простолюдинъ и ученый. Нуженъ и желателенъ анализъ его органической общности съ національнымъ міросозерцаніемъ украинскаго народа и психологія творчества великаго народнаго поэта. Шевченко составилъ эпоху въ исторіи развитія украинской мысли, и значеніе его для роста украинскаго національнаго самосознанія громадно; дальнѣйшая украинская литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей пошла по завѣтамъ Шевченка. Подъ его непосредственнымъ обаяніемъ сложились художественныя повѣсти Марка Вовчка—украинской Бичеръ Стоу,—своимъ художественнымъ талантомъ нарисовавшей яркія картины крѣпостного быта въ Украинѣ. Его значеніе отразилось и на всемъ послѣдующемъ періодѣ украинской литературы въ Галичинѣ.

Изъ другихъ членовъ кирилло-

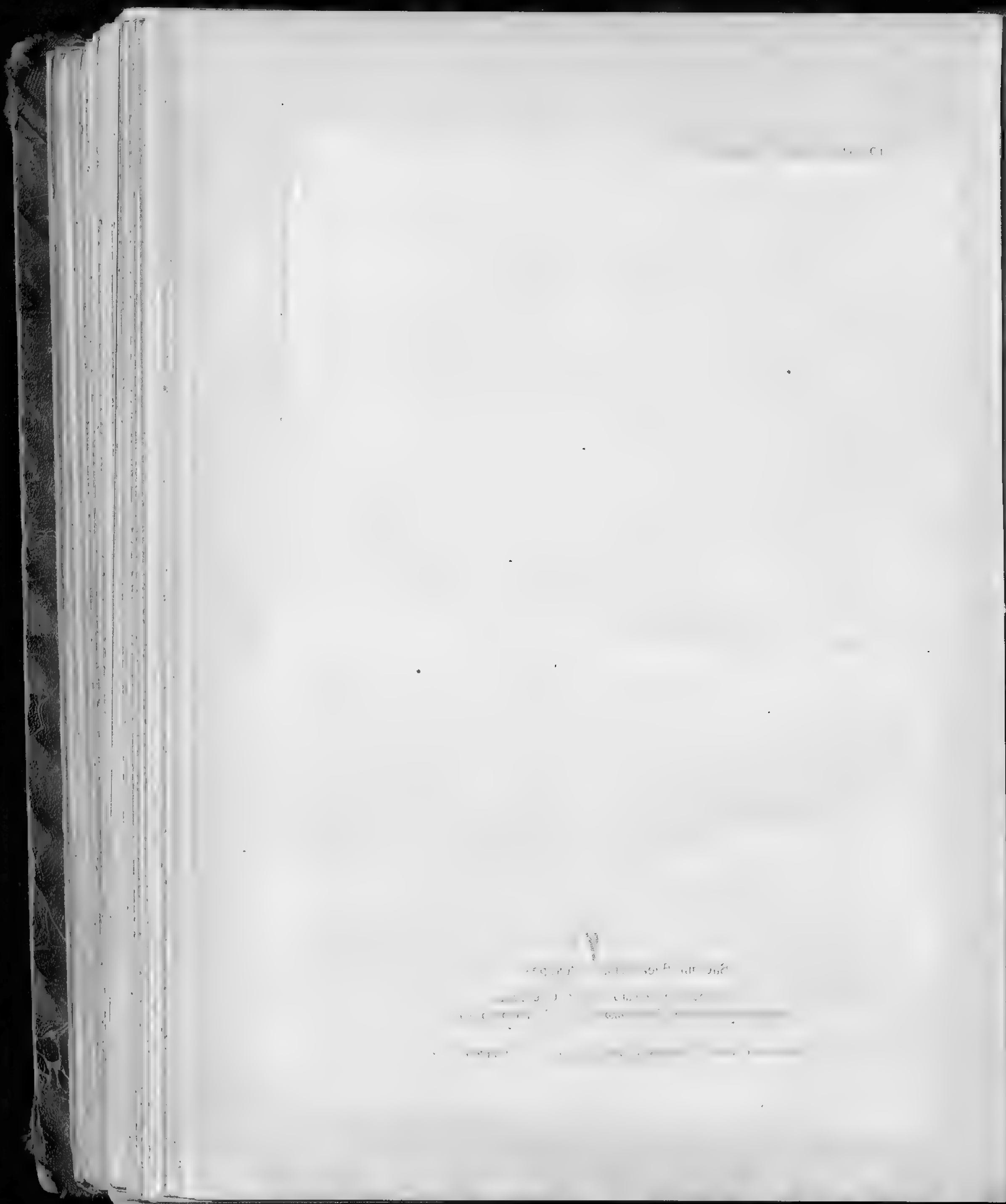
меѳодіевскаго общества необходимо остановиться на Костомаровѣ и Кулішѣ, какъ на самыхъ видныхъ его представителяхъ. Н. И. Костомаровъ, окончившій харьковскій университетъ, выступилъ и какъ поэтъ и какъ историкъ. Въ литературномъ сборникѣ „Сніп" (изд. г. Корсуня была напечатана его историческая драма „Переяславська Ніч" и переводъ съ еврейскихъ мелодій Байрона. Онъ подписывался Іереміей Галкой и выпустилъ самъ свой сборникъ стиховъ подъ названіемъ „Вітка". Въ 1838 г. Костомаровъ напечаталъ свою драму „Савва Чалый". По мѣрѣ того, какъ онъ погружался въ изученіе украинской исторіи и народной поэзіи, его все болѣе захватывала красота образовъ и трагизмъ эпизодовъ, какими такъ богато все прошлое украинскаго народа, и поэтическое воображеніе Н. И. перерабатывало ихъ въ литературныя произведенія; если они не отличались большимъ художественнымъ талантомъ, то все же проникнуты были національнымъ романтизмомъ и популяризировали украинскую исторію. Но не они, конечно, создали извѣстность Костомарову: гораздо больше шуму надѣлала его магистерская диссертація „Объ уніи"; одобренная научной критикой харьковскаго университета, она министерствомъ была не только признана нецензурной, но сожжена за свою смѣлость. Пришлось Костомарову въ одинъ годъ написать другую—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи" и получить за нее степень магистра. Но Костомаровъ не остался при харьковскомъ университетѣ, а взялъ мѣсто учителя на Волыни. Тамъ онъ съ увлеченіемъ принялся собирать матеріалы для изученія эпохи Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1846 г. онъ уже занимаетъ въ Кіевѣ каѳедру русской исторіи и горячо увлекается славяновѣдѣніемъ, видя въ единеніи славянскихъ народовъ залогъ ихъ будущаго національнаго возрожденія и освобожденія. Занятія исторіей отвлекли Н. И. отъ литературной дѣятельности на украинскомъ языкѣ: зато исторія родины нашла въ немъ и ученаго и художника; его монографіи и изслѣдованія освѣтили прошлое Украйны въ самую важную эпоху—XVI и XVII вѣковъ. Рядомъ съ этимъ его статьи о „Федеративномъ началѣ" и „Двѣ русскія народности" являются классическими для освѣщенія украинскаго національнаго вопроса и взаимнаго отношенія двухъ исторически связанныхъ между собою народовъ — украинскаго и великорусскаго. Обѣ онѣ проливали свѣтъ на федеративное начало, которое противоставлялось централизму тогдашнихъ славянофиловъ, и выясняли національныя особенности украинской націи и ея права на самостоятельное развитіе. Изъ литературно-историческихъ вещей Костомарова извѣстенъ его разсказъ „Черниговка" и романъ „Кудеяръ", написанные на русскомъ языкѣ. Характерно, что самъ писавшій въ молодости по-украински, Костомаровъ впослѣдствіи не признавалъ за украинскимъ языкомъ широкихъ правъ для развитія, а видѣлъ въ немъ только подсобное средство для популяризаціи научныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. Такова непослѣдовательность

Ч

Василій Алексѣевичъ Кокоревъ.

Съ портрета, писаннаго бар. К. Шлейбенъ.
(Русскій музей имп. Александра III въ С. Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

[illegible]

[illegible]

многихъ выдающихся умовъ, когда жизнь отрываетъ ихъ отъ живого общенія съ народомъ и закупориваетъ въ одни теоретическія занятія.

Взаимное общеніе славянскихъ народовъ особенно занимало Костомарова въ тотъ годъ, когда онъ работалъ въ кіевскомъ университетѣ. Велика была его радость, когда, при первой же встрѣчѣ съ Шевченко, онъ увидѣлъ его полное сочувствіе этой же идеѣ. Общность мыслей привела поэта и историка къ организаціи такого ученаго мирнаго общества, которое установило бы взаимное общеніе между славянскими народами и оказывало бы имъ культурную помощь. Къ нимъ присоединились ихъ друзья—Гулакъ, Бѣлозерскій, Навроцкій и Кулішъ, жившій тогда въ Петербургѣ. Такъ образовалось кирилло-меѳодіевское общество. Оно дало украинскому общественному движенію широкое политическое начало и направило его на опредѣленную борьбу за свободу, за національную независимость; оно же своими этическими требованіями имѣло большое воспитательное значеніе. Къ сожалѣнію, оно прожило такъ недолго. Уже въ 1847 г. и Шевченко и Костомаровъ арестованы въ Кіевѣ и отвезены въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость; послѣ года заключенія Костомаровъ сосланъ въ Саратовъ, гдѣ и остается до 1857 г. По возвращеніи изъ ссылки, Костомаровъ занимаетъ въ петербургскомъ университетѣ каѳедру русской исторіи, но уже въ 1892 г. вмѣстѣ съ другими профессорами онъ вынужденъ подать въ отставку и съ этого времени всецѣло отдается историческимъ трудамъ. Умеръ Н. И. въ 1885 году.

Арестованный единовременно съ Костомаровымъ, Навроцкій былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ и оставался до 1849 года. Это была искренняя поэтическая натура съ религіознымъ господствующимъ настроеніемъ. Его стихи носятъ нѣсколько элегическій характеръ. Онъ прекрасно перевелъ на украинскій языкъ стихи Хомякова „Зорі". Освобожденіе крестьянъ Навроцкій привѣтствовалъ прочувствованнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ касается главнымъ образомъ отношенія этого великаго факта къ украинской жизни.

Гораздо важнѣе, конечно, литературное значеніе другого члена к.-м. общества—П. Куліша. Талантливый и начитанный, съ многосторонними писательскими способностями—онъ всю жизнь страдалъ отъ непомѣрнаго самолюбія, а всему творчеству его недостаетъ цѣльности и опредѣленности міросозерцанія. Критики Куліша всегда находили, что его литературно-художественному творчеству мѣшало его черезчуръ страстное публицистическое дарованіе и наоборотъ. Во всѣхъ своихъ ученыхъ работахъ онъ не всегда оставался объективенъ; не всегда справедливъ онъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ; такъ, напр., Котляревскаго онъ обвинялъ въ осмѣяніи украинскаго народа и ставилъ ему въ вину „пренебрежительное отношеніе къ народу". Въ „Исторіи Возсоединенія Руси" (въ 1874 г.) нѣтъ историческаго изложенія, а есть вытекающее изъ настроенія автора одностороннее освѣщеніе фактовъ. Муза Шевченка об-

зывается имъ „полупьяной“, а казачество выставлено, какъ некультурная грубая сила, лишенная всякаго этическаго значенія въ исторіи украинскаго народа и т. п. Еще болѣе односторонне написана изданная авторомъ во Львовѣ брошюра „Крашанка Русскимъ и Полякамъ на Великдень“ (въ 1882 г.). Несмотря на эти грѣхи позднѣйшаго періода писательской дѣятельности, Кулішъ своими украинскими поэтическими произведеніями всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ украинской литературѣ. Вся жизнь его прошла въ лихорадочной дѣятельности, почти всецѣло посвященной Украйнѣ, онъ перевелъ 13 драмъ Шекспира, Донъ-Жуана и Чаильдъ Гарольда Байрона; имъ переведена вся библія, изданная въ 1903 г. англійскимъ библейскимъ обществомъ. Множество статей его разбросано по галицкимъ украинскимъ газетамъ—„Правда“, „Мета“, „Вечорниці“. Самыми цѣнными художественными произведеніями Куліша считаются „Чорна Рада“—историческая повѣсть изъ временъ смутъ и междоусобій, разорявшихъ Украйну въ первые годы московскаго угнетенія, — „Орися“ прелестная идиллія, перефразирующая въ украинской бытовой обстановкѣ эпизодъ Навзикаи изъ Одиссеи,—и сборникъ стихотвореній „Досвітки“, первоначально (въ 1876 г.) изданный Кулішемъ во Львовѣ. Въ этомъ сборникѣ есть нѣсколько высокохудожественныхъ стихотвореній и очень талантливыхъ переводовъ. Въ творчествѣ Куліша много патріотизма и красивыхъ образовъ. Но языкъ „Ориси“ и „Чорной Рады„ несравненно лучше, проще нѣсколько искусственнаго языка „Досвітокъ“.

Большою популярностью пользовался этнографическій сборникъ Куліша: „Записки о южной Руси“, гдѣ записано много хорошихъ украинскихъ думъ и приведены біографическія свѣдѣнія о кобзаряхъ и т. п. Кромѣ того Кулішъ много работалъ, какъ издатель украинскихъ книгъ въ Петербургѣ *); но при всей этой богатой литературной украинской работѣ идейнаго наслѣдія Кулішъ не оставилъ никакого; слишкомъ часто украинская демократическая національная идея была имъ оскорбляема и попираема и въ литературѣ и въ жизни: такъ, служа по народному просвѣщенію въ Западномъ краѣ, онъ находилъ возможнымъ поддерживать руссификаторскую политику центральнаго правительства по отношенію къ украинцамъ Холмской Руси. Отсутствіе цѣльнаго направленія отняло у этого талантливаго писателя всякое значеніе въ прогрессивной эволюціи украинскаго общества. Но заслуги Куліша въ развитіи украинской литературы безспорны и могутъ быть вполнѣ оцѣнены лишь тогда, когда выйдетъ полное собраніе всѣхъ его переводовъ и оригинальныхъ художественныхъ вещей на украинскомъ языкѣ.

Рядомъ съ именами Куліша, Костомарова и Шевченка ярко блистаетъ одно женское имя, псевдонимъ писательницы, Марко Вовчокъ, по-

*) Объ этой дѣятельности умѣстнѣе говорить въ слѣдующей главѣ, въ которой выступитъ украинская литература послѣ 60-хъ годовъ.

вѣсти которой по своей художественности и по своей идейности должны стоять рядомъ съ лучшими народническими произведеніями всей славянской литературы. Ея повѣсти рѣзко отличались отъ повѣстей Квитки тѣмъ громкимъ протестомъ противъ крѣпостного права, который звучалъ во всѣхъ нарисованныхъ ею эпизодахъ изъ жизни закрѣпощенныхъ людей. Лучшими ея разсказами считаются: „Институтка", „Сестра", „Два сини", „Викуп", „Горпина" и другіе. Все это маленькіе художественно выполненные эскизы, сразу обратившіе на себя вниманіе современной тогдашней критики; Тургеневъ перевелъ ея разсказы на русскій языкъ (въ 1859 г.). Шевченко посвящаетъ ей одно изъ своихъ сильныхъ стихотвореній, гдѣ называетъ ее кроткимъ пророкомъ Украйны.

Недавно умершая (въ 1907 г.), Марко Вовчокъ въ свое время являлась одной изъ самыхъ чуткихъ послѣдовательницъ идей Шевченка и талантливой выразительницей новаго направленія украинской литературы—не только національно-этнографическаго, но реально-соціальнаго содержанія, знаменующаго начало третьяго послѣшевченковскаго періода украинской литературы XIX в. Вызванная къ жизни кирилло-меѳодіевскимъ обществомъ, идея соціально-политическаго возрожденія Украйны, усиленная вдохновеннымъ „Кобзаремъ" Шевченка, начинала воплощаться въ литературѣ и въ новомъ общественномъ движеніи, которое сосредоточилось въ это время въ Петербургѣ. Разгромъ кирилло-меѳодіевскаго общества пріостановилъ на цѣлыхъ 10 лѣтъ подъемъ силъ украинской интеллигенціи: съ 1846 по 1856 г литература замираетъ, стихи Шевченка доходятъ лишь случайно и тайкомъ передаются изъ рукъ въ руки. Съ возвращеніемъ изъ ссылки Костомарова и Шевченка, среди петербургскихъ украинцевъ возникаетъ мысль объ изданіи періодическаго органа, посвященнаго изученію Украйны и развитія ея литературы. Возникаетъ въ 1861 г. журналъ „Основа", выходящій съ января 1861 по сентябрь 1862 г. Редакторомъ его былъ Вас. Мих. Бѣлозерскій. Статьи писались и на украинскомъ и на великорусскомъ языкахъ; руководящими были главнымъ образомъ статьи Костомарова („Двѣ русскія народности", „О федеративномъ началѣ въ древней Руси", „Правда полякамъ о Руси", „Правда москвичамъ о Руси" и др.). Шевченко принималъ горячее участіе въ организаціи этого украинскаго органа, но умеръ въ самомъ началѣ дѣла. По смерти его, въ „Основѣ" печаталось много его поэмъ и стиховъ, писанныхъ въ ссылкѣ и въ послѣдніе годы жизни. Главной рабочей силой въ „Основѣ" былъ Кулішъ. На страницахъ „Основы" печатались разсказы Марко-Вовчка, и Мордовцевъ писалъ свои лучшія украинскія вещи — „Дзвонарь" и „Солдатка". Родомъ изъ украинской слободы на Дону, Д. Л. Мордовцевъ почти всю жизнь прожилъ далеко отъ Украйны; однако, любовь ко всему украинскому согрѣвала его сердце до глубокой старости. Въ Саратовѣ онъ втрѣтился съ Костомаровымъ (бывшимъ тамъ въ ссылкѣ) и издалъ тамъ въ 1859 г.

„Малорусскій литературный сборникъ"; переѣхавъ въ Петербургъ, участвовалъ въ „Основѣ". Строгости цензуры, далекія путешествія,—все это вызвало перерывъ въ украинскомъ творчествѣ Мордовцева на цѣлыя 25 лѣтъ, и слѣдующія послѣ того произведенія на украинскомъ языкѣ уже не отличаются яркостью и образностью первыхъ и по содержанію являются больше лирично-философскими—какъ, напр., „Скажи місяченко!" „Из уст младенців", „Будяк" и др. Во всѣхъ ихъ онъ оплакиваетъ тяжелое положеніе Украйны. Мордовцева не оставляла никогда вѣра въ возрожденіе Украйны. Вотъ почему, уйдя съ головой въ столичную литературную и служебную работу, онъ, однако, до послѣднихъ дней жизни отзывался на всѣ нужды родины и старался помочь землякамъ и въ личныхъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Вообще, если у Мордовцева и не было крупнаго художественнаго дарованія, то все имъ написанное по украински отличается большой искренностью и прекраснымъ языкомъ.

Тѣ же качества находимъ и въ разсказахъ сотрудницы „Основы"—жены Кулiша, выступавшей на литературномъ поприщѣ подъ псевдонимомъ „Ганны Барвинокъ". Эта почтенная писательница пережила всѣхъ своихъ современниковъ и продолжаетъ еще писать, несмотря на свой преклонный возрастъ. Выступивши почти въ одно время съ Марко Вовчкомъ, Ганна Барвинокъ, однако, рѣзко отличалась отъ нее сантиментализмомъ своихъ разсказовъ и отсутствіемъ опредѣленнаго соціальнаго міросозерцанія. Рисуя народный бытъ тоже изъ временъ крѣпостного права, Ганна Барвинокъ какъ будто старается найти въ немъ хорошія стороны жизни. Въ ея произведеніяхъ изображена преимущественно семейная жизнь и положеніе женщины въ украинскомъ селѣ. Этнографическія детали и прекрасный народный языкъ составляютъ главное достоинство произведеній этой писательницы. Лучшими можно назвать „Молотники", „Половинщик", „Вірна пара" и др. Писала она очень много и, начиная съ „Хати", нѣтъ почти тѣхъ украинскихъ альманаховъ и повременныхъ изданій, гдѣ Ганна Барвинокъ (еще и подъ пседонимомъ Ночуй-Вітер) не участвовала бы.

Въ „Основѣ" же напечатана была и художественная повѣсть Кузменко „Не такъ ждалося, да такъ склалося", гдѣ обрисованъ симпатичный образъ наймита-сироты съ глубоко-любящей самоотверженной душой. Эта повѣсть не устарѣла и теперь и читается съ большимъ интересомъ,—такъ много художественнаго чувства вложено въ нее авторомъ.

Однако, несмотря на участіе въ „Основѣ" многихъ ученыхъ и выдающихся писателей, она мало встрѣчала сочувствія въ Украйнѣ и за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ прекратила свое существованіе въ 1862 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда надъ общественнымъ движеніемъ Украйны собирались тучи. „Основа" придерживалась направленія кирилло-меѳодіевскаго общества; она продолжала его украинофильство, какъ стало въ это время называться національно-народническое украинское движеніе.

Но украинофильство 60-хъ годовъ отличалось отъ движенія 40-хъ годовъ большимъ реализмомъ; не увлекаясь расплывчатыми планами славянскаго единенія, украинофилы „Основы“ все свое вниманіе обратили на просвѣщеніе народа, на поднятіе его національной культуры. Открывая свои страницы всѣмъ изслѣдованіямъ по этнографіи и географіи Украйны, всѣмъ украинскимъ писателямъ, „Основа“ явилась въ Петербургѣ объединительнымъ центромъ, гдѣ работали лучшія тогдашнія умственныя силы Украйны и участвовали многіе выдающіеся писатели великороссы, относившіеся очень сочувственно къ украинскому органу. Слишкомъ скоро, однако, эта оживленная научно - литературная дѣятельность возбудила снова подозрѣніе столичной администраціи: „Основа“ прекратилась, а просвѣтительной дѣятельности украинофиловъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ пришлось натолкнуться на цѣлый рядъ препятствій, запрещеній, преслѣдованій. Начинался тяжелый періодъ борьбы окрѣпнувшаго уже украинскаго національнаго самосознанія за свободу самоопредѣленія, за родное слово. Эта борьба наполняетъ всю вторую половину XIX в. и тѣсно связана съ національно - демократическимъ движеніемъ въ Галиціи. О ней рѣчь впереди. Оканчивая обзоръ украинской литературы въ дореформенную эпоху прошлаго столѣтія, нельзя не отмѣтить, что въ народническомъ общественномъ и литературномъ движеніи, подготовившемъ въ Россіи реформу 1861 г., Украйна сыграла одну изъ главныхъ ролей. Первое слово новой украинской поэзіи было сказано Котляревскимъ достаточно громко и опредѣленно во имя лучшихъ демократическихъ идеаловъ, во имя освобожденія народныхъ массъ. Могучій голосъ Шевченка провозгласилъ на украинскомъ языкѣ лучшіе завѣты братства народовъ, народной свободы и свѣтлой правды науки. Эти завѣты украинцы пронесли, какъ святыню, по тернистой дорогѣ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ.

ГЛАВА XIV.

Пластическія искусства.

(В. М. Фриче.)

Академія художествъ.

Властной рукой насаждая западно-европейскую цивилизацію, Петръ I намѣревался перенести на русскую почву и западно-европейскія искусства.

Рядомъ съ академіей наукъ онъ задумалъ учредить и академію художествъ.

Ни онъ самъ ни ближайшіе его преемники по разнымъ причинамъ не осуществили этого замысла.

Остался на бумагѣ очень понра-

вившійся Петру проектъ Нартова объ основаніи академіи, гдѣ рядомъ съ отдѣленіями „живописнымъ", „скульптурнымъ" и „архитектуры цивилисъ" предполагались и отдѣленія „мельницъ всякихъ", „слюзовъ", „фонтановъ" и даже „инструментовъ лѣкарскихъ".

Не былъ выполненъ и одобренный Екатериной I проектъ Аврамова объ учрежденіи академіи, куда „входъ всѣмъ былъ бы не возбраненъ" и гдѣ обучались бы „безъ платы" „скульпторы, архитектора, иконописцы, чеканщики, грыдоровальщики, штукатурщики" и т. д.

Не придавая особаго значенія пластическимъ искусствамъ, центральная власть считала долгое время возможнымъ довольствоваться художественнымъ отдѣленіемъ при академіи наукъ (1726 г.), гдѣ четыре преподавателя „къ тому дѣлу опредѣленные" помогали ученикамъ „перенимать" всякія художества „въ житіи человѣческомъ преполезныя".

Еще въ 1733 г. на одномъ изъ засѣданій академіи наукъ ея президентъ, баронъ Кайзерлингъ, ставилъ вопросъ, „потребна ли вообще академія художествъ и въ чемъ она государству полезна быть можетъ".

Этотъ вопросъ былъ, наконецъ, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ императрицей Елизаветой въ 1757 г., когда по проекту гр. Шувалова была открыта академія художествъ въ Петербургѣ.

Въ продолженіи шести первыхъ лѣтъ она находилась при московскомъ университетѣ, потомъ перешла въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1839 г., по желанію Николая I, была приписана къ министерству двора.

Академія обязана была въ первую голову обслуживать художественныя потребности двора. Новыя отдѣленія открывались въ ней всегда тогда, когда на верху обнаруживался интересъ къ какому-нибудь новому виду художественнаго творчества.

Такъ, въ 1799 г. былъ учрежденъ особый „гравировальный" классъ, откуда должны были выходить „видописцы" спеціально царскихъ дворцовъ и парковъ.

Академія обязана была обслуживать далѣе и художественныя потребности господствующаго класса—дворянства.

Помѣщики спѣшили отдавать въ академію своихъ крѣпостныхъ, въ надеждѣ получить хорошихъ маляровъ, рѣзчиковъ и т. д.

Среди учениковъ царили самые дикіе нравы. Назначенный въ 20-хъ годахъ президентомъ академіи Оленинъ, въ виду учащавшихся жалобъ, задумалъ произвести въ ней существенную реформу.

Такъ какъ, по его мнѣнію, „гнусные самые пороки вообще принадлежатъ холопскому или рабскому состоянію, въ которомъ они, такъ сказать, получаются по наслѣдству", то „тѣсное сообщеніе такого рода людей съ юношами свободнаго состоянія болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы".

Оленинъ рекомендовалъ поэтому помѣщикамъ отпускать на волю тѣхъ изъ своихъ крѣпостныхъ, которыхъ они намѣрены отдать на выучку въ академію. Такая мѣра, доказывалъ онъ крѣпостникамъ, бу-

деть только въ ихъ собственныхъ выгодахъ. Возвращаясь изъ академіи, гдѣ ему толковали о свободномъ искусствѣ и свободномъ художникѣ, въ обстановку барскаго помѣстья, въ положеніе раба, крѣпостной, подъ вліяніемъ рѣзкой противоположности между слышаннымъ въ академіи и совершающимся у него на глазахъ, „по общей привычкѣ русскаго народа начнетъ съ горя пить“ и сдѣлается „негоднымъ ни Богу, ни государю, ни помѣщику“.

Однако, противъ такой либеральной затѣи въ духѣ „философовъ нынѣшняго вѣка“ ополчился вождь крѣпостнической партіи Аракчеевъ, рѣзко заявившій, что никто не смѣетъ „приневолить“ помѣщика отпускать на волю кого-либо изъ своихъ людей.

Проектъ Оленина остался только на бумагѣ. Помѣщики отдавали своихъ крѣпостныхъ не только въ академію, а часто такъ же къ отдѣльнымъ профессорамъ, получавшимъ такимъ образомъ побочный заработокъ, и даже къ „постороннимъ“ ученикамъ, т.-е. такимъ, которые жили на своей квартирѣ, получавшимъ такимъ образомъ дарового слугу: такой „парень“ занимался, по словамъ Рамазанова, рисованіемъ одинъ только часъ въ день, остальное время онъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги, набивалъ трубку и т. д.

Съ перваго дня поступленія своего въ академію художникъ превращался въ ея „крѣпостного“. „Съ первыхъ же эскизовъ, — говорилъ Ахшарумовъ, — школа ломала въ немъ все свободное и естественное“.

Нуждаясь прежде всего въ умѣлыхъ техникахъ, академія такъ успѣшно муштровала своихъ учениковъ, что они могли съ одинаковой легкостью набросать на холстъ все, что отъ нихъ потребуютъ: „Христа передъ Пилатомъ или Пріама, вымаливающаго у Ахиллеса трупъ Гектора, Авраама, изгоняющаго изъ своей ставки Агарь, или Андромеду, спасаемую Персеемъ“.

Всѣ эти темы художнику были одинаково близки и одинаково чужды.

Такъ съ первыхъ шаговъ научался онъ „лгать“. Наиболѣе способныхъ учениковъ академія отправляла за границу, преимущественно въ Италію, гдѣ ихъ обязывали рабски копировать старыхъ мастеровъ, окончательно забивая въ нихъ послѣдніе остатки самостоятельности.

Разорвать со всѣми школьными традиціями, выйти на путь самобытнаго творчества у большинства художниковъ не хватало мужества, потому что пришлось бы бросить „жизнь на казенный счетъ“. Окончивъ годы ученія, художникъ вступалъ въ свѣтъ. Къ нему онъ стремился всѣми помыслами своей души, несмотря на то, что свѣтъ относился къ его профессіи сверху внизъ.

Когда графъ Толстой рѣшилъ отказаться отъ военной карьеры и всецѣло посвятить себя искусству, то семья и родственники съ пѣной у рта заявили, что онъ „безчеститъ“ не только ихъ фамилію, но и все дворянство „неблагородной профессіей маляра“, а когда онъ все-таки настоялъ на своемъ, всѣ двери аристократическихъ салоновъ закрылись передъ этимъ „опаснымъ сумасбродомъ“.

Въ глазахъ придворнаго и свѣтскаго общества художникъ былъ не болѣе, какъ жалкій наемный скоморохъ.

Его развозили, какъ живописца Орловскаго, protégé великаго князя Константина Павловича, по баламъ и ужинамъ, гдѣ онъ долженъ былъ развлекать танцующихъ и пирующихъ своими хитроумными фокусами, преображая чернильныя кляксы въ животныхъ и кикиморъ, рисуя спичками, носомъ и т. д.

Завися отъ небольшой кучки меценатовъ, художники съ завистью посматривали на каждаго новаго конкурента, готовые выцарапать ему глаза. Когда среди нихъ разнесся слухъ, что гр. Толстой намѣренъ посвятить себя искусству, они встрѣтили его бранью,—его дѣло „натирать полы на парадныхъ обѣдахъ", а онъ пришелъ „отбивать хлѣбъ" у бѣдныхъ художниковъ.

Очутившись въ свѣтскомъ обществѣ, художникъ стремился прежде всего замазать неблагородство своей „профессіи маляра" аристократическими замашками и манерами и, какъ гоголевскій Чартковъ, не имѣлъ иныхъ вожделѣній, какъ стать „моднымъ" артистомъ.

Добившись чина академика, художникъ достигалъ вершины своихъ мечтаній.

„Теперь у него будутъ заказы... Онъ получитъ должность съ жалованіемъ и обезпеченъ на смерть". (Ахшарумовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно погибалъ для искусства.

„Вѣра его въ себя утрачена навсегда и въ дѣлѣ художественнаго созиданія онъ — кастратъ. Никто уже не ждетъ отъ него ни согрѣтаго внутренней теплотой произведенія ни живого слова".

Такъ „закрѣпостила" при помощи академіи центральная власть искусство за придворной и барской средой.

Архитектура и скульптура.

Изъ всѣхъ видовъ художественнаго творчества архитектура особенно тѣсно была связана съ императорскимъ дворомъ.

Правительство порой пользовалось строительнымъ искусствомъ просто ради политическихъ цѣлей.

Когда, напр., турецкая война расшатала финансы Екатерины II, она поспѣшила заказать архитектору Баженову построить на мѣстѣ московскаго Кремля грандіозный дворецъ, одна модель котораго обошлась въ 60.000 руб., а парадная лѣстница, вся изъ мрамора, должна была стóить 5 мил. руб. Расходуя такія огромныя суммы на архитектурныя сооруженія, Екатерина хотѣла доказать Европѣ, какъ блестящи ея финансы, а когда на западѣ вѣра въ ея кредитоспособность поднялась, мысль о постройкѣ чудодворца была немедленно заброшена.

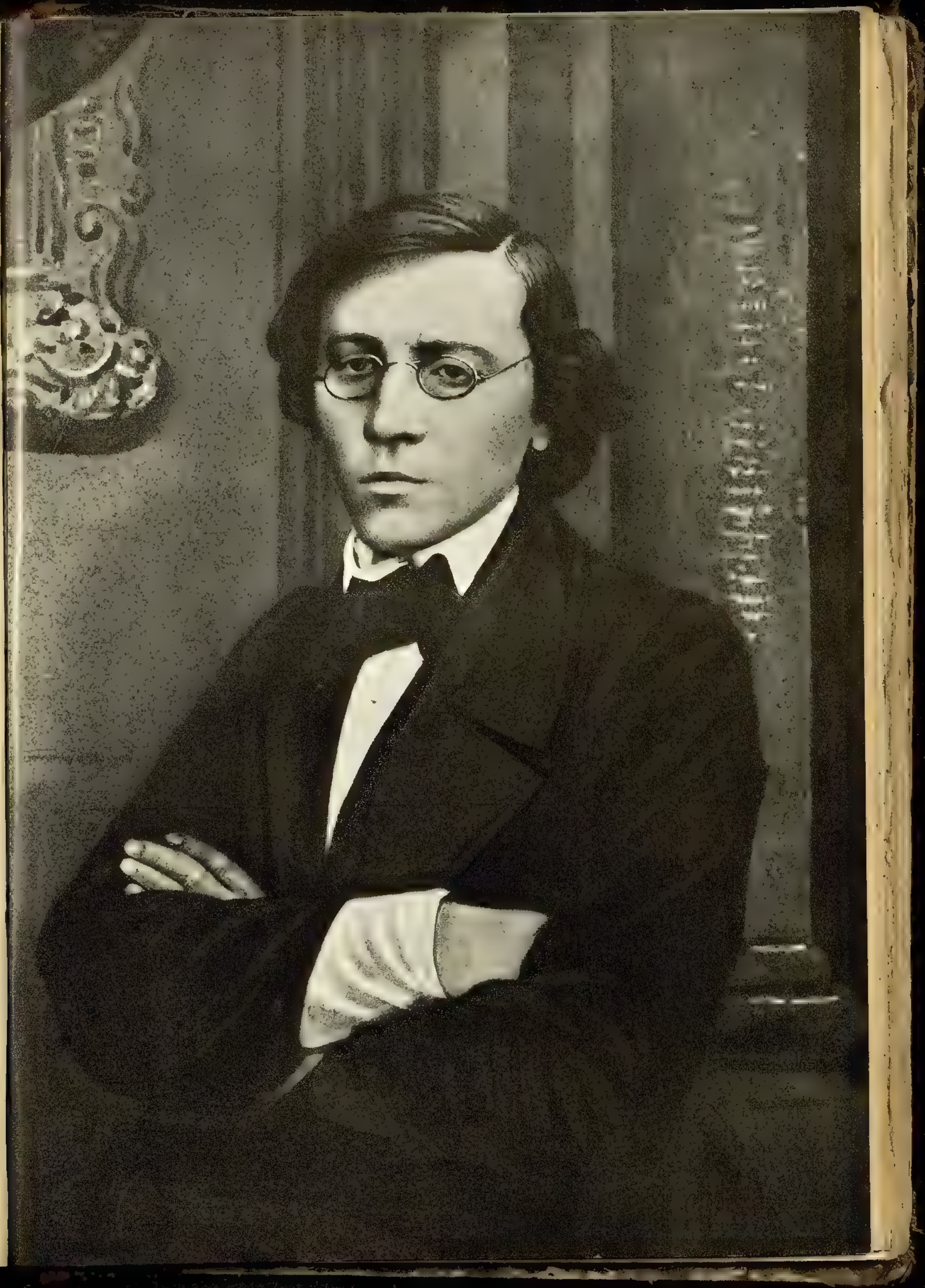
Архитектора всецѣло зависѣли отъ двора. Они возвышались и падали въ зависимости отъ господствовавшаго наверху настроенія. Такъ, Екатерина II отставила отъ дѣлъ Баженова, считая его почему-то опаснымъ масономъ, а Павелъ, во всемъ шедшій въ разрѣзъ съ Ека-

12

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Съ негатива, любезно предоставленнаго М. Н. Чернышевскимъ въ С.-Петербургѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°."

териной, немедленно приблизилъ его къ себѣ и даже пожелалъ издать за свой счетъ всѣ составленные имъ планы и чертежи.

Отъ господствовавшаго наверху настроенія зависѣла и осуществимость того или другого художественнаго замысла.

Такъ, Екатерина II велѣла сломать воздвигнутый Баженовымъ царицынскій дворецъ, показавшійся ей, благодаря его мрачной серіозности, порожденіемъ ненавистнаго ей масонскаго духа, а Александръ I съ жаромъ ухватился за составленный Витбергомъ проектъ храма Христа Спасителя именно потому, что лежавшая въ его основѣ масонская концепція очаровала его мистически настроенный умъ. По мѣрѣ того, какъ наверху мѣнялась мода, смѣнялись и архитектурные стили.

Царившій при Петрѣ нѣмецко-голландскій вкусъ уступилъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ ложноклассическому направленію, а это послѣднее въ свою очередь смѣнилось, по приказанію Николая I, русско-византійскимъ.

Если при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ архитектора всецѣло зависѣли отъ каприза неустойчивыхъ и барски-мимолетныхъ вкусовъ державныхъ меценатовъ, то Николай I окончательно сковалъ свободу ихъ творчества веревками казенныхъ программъ.

Въ 1825 г. былъ изданъ высочайшій указъ, чтобы всѣ планы и фасады церквей составлялись или, по крайней мѣрѣ, разсматривались особой строительной комиссіей при департаментѣ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, которая въ свою очередь обязана была руководиться изданнымъ въ 20-хъ годахъ офиціальнымъ „Собраніемъ плановъ, фасадовъ и профилей для строенія каменныхъ церквей".

Въ виду того, что помѣщенные въ этомъ казенномъ сборникѣ планы были скомпанованы въ ложноклассическолъ духѣ, св. синодъ почтительнѣйше ходатайствовалъ передъ верховною властью о разрѣшеніи строить храмы и „по примѣру древнихъ православныхъ церквей".

Въ отвѣтъ на это заявленіе синода правительство издало распоряженіе о составленіи плановъ и фасадовъ „по видамъ древнихъ церквей въ Россіи", а когда въ 1841 г. архитекторъ Тонъ поднесъ Николаю I книгу: „Церкви, сочиненныя архитекторомъ его величества проф. К. Тономъ", то изобрѣтенный имъ quasi русскій стиль и былъ объявленъ обязательнымъ для каждаго строителя-художника.

Правительственная регламентація не ограничилась одними только церковными зданіями, а распространялась и на гражданскія сооруженія и даже на крестьянскіе дома въ казенныхъ селеніяхъ, для которыхъ точно такъ же обязательнымъ былъ тоновскій „русскій" стиль.

Состоя на государственной службѣ, первые архитектора—Кокориновъ, Баженовъ, Витбергъ, Тонъ, Казаковъ—тратили свое вдохновеніе исключительно на возведеніе казенныхъ зданій-дворцовъ, храмовъ, присутственныхъ мѣстъ, руководясь иностранными оригиналами, сооружая, напр., академію художествъ по образцу казертскаго

дворца, а исаакіевскій соборъ по плану парижскаго Пантеона.

Заимствованные съ Запада стили уступили, по приказанію Николая, „русско-византійскому“ направленію, которое, однако, подъ рукой „архитектора его величества, проф. Тона“, исказилось до неузнаваемости.

Не было ничего истинно-византійскаго въ храмѣ Христа Спасителя, по поводу котораго такой знатокъ византійскаго искусства, какъ Дидронъ, замѣтилъ, что „если бы г. Тонъ терпѣливо изучилъ византійскія церкви Греціи, Турціи, Аѳона и въ самой Россіи, то онъ, конечно, подарилъ бы отечество памятникомъ совсѣмъ иного характера, чѣмъ этотъ храмъ“.

Не было ничего истинно-русскаго и въ кремлевскомъ дворцѣ, въ которомъ отсутствуютъ характерные для этого стиля крыльцы съ рундуками и тщательно затушованы подъѣзды.

Такъ вносили художники въ правительственную регламентацію строительнаго искусства и нѣчто „свое“, обнаруживая наибольшую самостоятельность въ его искаженіи и порчѣ. Какъ архитектура, такъ и скульптура обязана была прежде всего обслуживать потребности центральной власти.

Начиная съ перваго ваятеля, иностранца Фальконета, и кончая скульпторами николаевской эпохи, всѣ они сооружали въ первую очередь статуи самодержцевъ Россіи, строителей государства россійскаго, а затѣмъ фигуры тѣхъ „героевъ“ и „полководцевъ“, которые такъ или иначе участвовали въ этомъ государственномъ строительствѣ: таковы статуи Петра Фальконета, Екатерины II, Шубина, Александра I, Мартоса, Николая I, Клодта, Сусанина, Демутъ, Малиновскаго, Минина и Пожарскаго, Мартоса, Суворова, Козловскаго и т. д.

Одной рукой украшая статуями фронтонъ государства Россійскаго, скульпторы другой рукой лѣпили барельефы для церковыхъ фасадовъ— какъ Витали, творецъ „Поклоненіе волхвовъ“ или „Благословеніе императора Ѳеодосія св. Исаакіемъ“ въ Исаакіевскомъ соборѣ.

Для украшенія царскихъ дворцовъ, а также богатыхъ барскихъ хоромъ ваятели создавали, сообразно господствовавшей наверху ложноклассической модѣ, всевозможныхъ „Венеръ, выходящихъ изъ воды“ (Щедринъ), „Меркуріевъ, отдающихъ нимфѣ новорожденнаго Бахуса“ (Гордѣевъ), „Амуровъ“ и „Гименеевъ“ (Козловскій), „Парисовъ“ (Орловскій), „Сатировъ, обнимающихъ нимфу“ (Рамазановъ) и т. д.

Эта ложноклассическая скульптура достигла подъ рѣзцомъ гр. Ѳ. П. Толстого значительной высоты изящества и граціи. Въ противоположность своимъ коллегамъ гр. Толстой въ самомъ дѣлѣ „увлекался красотой статуй Греціи“ и въ самомъ дѣлѣ „любилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ и скульптурахъ“. Онъ относился къ классической старинѣ не обычнымъ казеннымъ образомъ, а съ добросовѣстностью филолога и археолога, „читая и изучая все, что было писано о нравахъ и обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого отличавшагося необыкновенно изящ-

нымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа древности".

Чѣмъ-то почти греческимъ вѣетъ въ самомъ дѣлѣ отъ его „Морфеи", (а также отъ его иллюстрацій къ „Душенькѣ" Богдановича и трагедіямъ Щербины). Въ эту эпоху казенно-барскаго вкуса, признававшаго единственно достойными вниманія темами фигуры царей, святыхъ, героевъ и боговъ, жанровая скульптура естественно находилась не только въ пренебреженіи, а прямо подъ опалой. Правда, Шубинъ началъ было лѣпить статуэтки косарей-крестьянъ и уличныхъ торговцевъ, но его учитель, проф. Жилле, такъ старательно исправлялъ ихъ, что вытравилъ изъ нихъ все естественное и простонародное. Такъ точно и Рамазановъ, „нуждаясь въ деньгахъ", лѣпилъ для продажи фигурки подгулявшаго нѣмца, которыя пользовались большимъ успѣхомъ среди публики, но его учитель, проф. Орловскій, поспѣшилъ прочесть ему нотацію, предостерегая отъ подобныхъ вульгарныхъ темъ, и Рамазановъ, работавшій впослѣдствіи исключительно надъ классическими сюжетами, потомъ всю жизнь былъ признателенъ профессору за то, что онъ его сдержалъ отъ столь „погибельнаго" пути. Пытались приблизиться къ жанровому реализму и Пименовъ своимъ Бабочникомъ и Логоновскій своимъ Сваечникомъ, оба восторженно встрѣченные Пушкинымъ, но и въ ихъ фигурахъ изъ простонародья все вымыселъ и поза. Только въ эпоху Николая I пробиваются первые робкіе проблески реалистической скульптуры, напр. въ произведеніяхъ бар. Клодта, особенно въ созданномъ имъ памятникѣ Крылову, гдѣ на пьедесталѣ съ большой правдой изображено воспѣтое баснописцемъ звѣриное царство.

Академія побѣдоносно и всевластно царила надъ фантазіей художника.

Даже наиболѣе смѣлые новаторы безсильно склонялись передъ ея авторитетомъ.

Молодой ваятель Гольбергъ задумалъ было цѣлую своеобразную реформу въ области скульптурнаго искусства, принимаясь лѣпить портреты „безъ зрачковъ, даже безъ бровей". Въ Италіи онъ имѣлъ такой успѣхъ, что итальянцы говорили (по его словамъ) Sono innamorato nel suo fare, нѣмцы находили и Fleisch и Leben, французы стояли étonnés.

Въ концѣ-концовъ и онъ смирился и покорно поплелся вслѣдъ за академической рутиной. Когда, по порученію великаго князя Михаила Павловича, ему была заказана статуя Ахиллеса, то Гольбергъ, повинуясь жившему въ немъ инстинкту правды, первоначально хотѣлъ изобразить его съ наклоненной головой, во-первыхъ, потому, что такъ его изображали греки, а во-вторыхъ, потому, что такъ держитъ голову человѣкъ, высматривающій удобный моментъ для нападенія, но отступилъ отъ этого реалистическаго замысла въ угоду условному шаблону...

Въ мраморномъ царствѣ, созданномъ этими казенными ваятелями, вѣяло офиціальнымъ духомъ, вѣрноподанническими чувствами.

Не слышно было ни свободолюбивыхъ мечтаній ни гордаго протеста.

Художники поднимали свой рѣзецъ исключительно во имя апоѳеоза патріархальнаго помѣщичьяго государства.

Своего наиболѣе откровеннаго выраженія это казенное настроеніе казенныхъ художниковъ достигаетъ въ мраморной группѣ Пименова „Георгій Побѣдоносецъ“.

Маленькій уродливый драконъ, пронзенный копьемъ святого воина, изображаетъ, по словамъ самого художника, „европейскую крамолу вообще и венгерскую въ частности“, которую „по счастію имп. Николай раздавилъ съ такой энергіей и геніальностью“, и чтобы не было никакихъ сомнѣній на счетъ тенденцій, въ лицѣ Георгія изображенъ самъ побѣдитель революціи, Николай I.

Живопись.

Придворно-барская живопись.

Какъ архитектура и скульптура, такъ и живопись зародилась при императорскомъ дворѣ. Первыми ея меценатами были государи.

Уже Екатерина II считала своей обязанностью покровительствовать не только литературѣ, но и искусству.

Она приближаетъ къ себѣ Левицкаго, который въ красочныхъ портретахъ увѣковѣчиваетъ какъ ее, такъ и весь ея дворъ. Она отправляетъ Семена Щедрина заграницу учиться пейзажной живописи. Она спѣшитъ пріобрѣсти картину Лосенки „Чудесный уловъ“, какъ только академія провозгласила ее превосходной какъ „въ рисункахъ, композиціяхъ, пассіяхъ, такъ и въ колерахъ“. Она своими руками одѣваетъ актера Дмитревскаго въ костюмъ Рогнѣды, чтобы онъ позировалъ Лосенкѣ для его картины „Владимиръ и Рогнѣда“.

Большимъ любителемъ живописи былъ и Павелъ.

Наслѣдникомъ онъ приглашаетъ къ себѣ С. Щедрина, который долженъ рисовать для него виды любимой Гатчины. Вступивъ на престолъ, онъ задумалъ превратить михайловскій дворецъ въ настоящее чудо искусства. По его порученію академикъ Угрюмовъ расписывалъ окна дворца цвѣтной живописью, а стѣны украшалъ патріотическими картинами, въ родѣ „Вступленіе Іоанна IV въ Казань“ или „Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова“. Такъ точно Александръ I заказалъ „русскому Пуссену“, проф. Шебуеву расписать плафонъ царскосельскаго дворца, заплативъ ему за его работу 45000 р.

Какъ архитектора и ваятели, такъ и живописцы были „крѣпостными“ двора. Державные меценаты безпощадно гнали тѣхъ художниковъ, которыхъ тенденція была имъ въ данную минуту не по вкусу. Когда въ 1808 г. Венеціановъ издалъ „Журналъ карикатуръ“, то Александръ I положилъ на него свое veto, находя, что, въ качествѣ землемѣра при лѣсномъ департаментѣ, Венеціановъ „могъ бы обратить свое дарованіе на гораздо лучшіе предметы и временемъ могъ бы восполь-

зоваться съ большой выгодой къ пріученію себя къ службѣ, въ коей находится".

Малѣйшая оплошность могла безповоротно загубить положеніе и репутацію художника. Когда Егоровъ, „русскій Рафаэль", плохо выполнилъ заказанныя ему для церкви св. Екатерины четыре образа, то его немедленно уволили въ отставку, несмотря на сорокалѣтнюю исправную службу, „въ примѣръ другимъ". И все же художники не знали другой высшей награды, какъ быть офиціально признанными „крѣпостными" двора.

Когда Александръ I, оставшійся чрезвычайно доволенъ работами проф. Шебуева, велѣлъ его спросить, чего онъ больше всего желаетъ себѣ, художникъ скромно отвѣтилъ: „прошу одной царской милости, удостоить меня званія живописца Его императорскаго величества". Такъ какъ главнымъ заказчикомъ былъ императорскій дворъ, то художникамъ приходилось прежде всего специализироваться на картинахъ офиціально-историческаго характера.

Сообразно господствовавшей при дворѣ ложноклассической модѣ русскіе сюжеты и лица коверкались при этомъ на античный ладъ. Такъ, на картинѣ Угрюмова „Испытаніе силы Яна Усмаря" Владиміръ изображенъ въ костюмѣ и съ атрибутами римскаго императора, а Усмарь въ видѣ античнаго гладіатора. Порой оригиналомъ для картинъ изъ русской исторіи прямо служили, какъ для „Владимира и Рогнѣды" Лосенки, сцены изъ ложноклассическихъ трагедій.

Религіозные живописцы, какъ Егоровъ, Шевцовъ, въ свою очередь, рабски копировали великихъ итальянцевъ Возрожденія.

Такъ какъ примѣру двора скоро послѣдовала аристократія и провинціальное дворянство, то въ особенности великъ былъ спросъ на портреты.

Наиболѣе талантливые художники конца XVIII и начала XIX в.— Левицкій, Боровиковскій, Кипренскій, Тропининъ — были поэтому именно портретистами.

„Русская (свѣтская) публика,—замѣчаетъ П. Петровъ,—начала любить портреты изъ тщеславія, требуя (прежде всего) отъ кисти художника выписки регалій чиновныхъ заказчиковъ, бантиковъ, мушекъ, кружевъ, цвѣтовъ".

„Послѣ выписки матеріи даннаго цвѣта, также золота, брилліантовъ, мѣха, бархата и пр. позу и расположеніе отдавали на произволъ артиста, совѣтуя ему или только выражая желаніе, чтобы онъ не оставлялъ фона однотоннымъ, а наполнялъ его роскошной архитектурой, дорогой мебелью и (рѣже, особенно къ концу XVIII ст.) пейзажемъ". „За сходствомъ не гнались, уважали собственно не сходство, а благообразіе".

Придворная и свѣтская публика вообще цѣнила портреты не столько за красоту работу, а скорѣе по величинѣ.

„Портреты поясные и грудные,— замѣчаетъ Петровъ,—цѣнились не дорого, какъ бы ни были написаны голова и руки".

Выраженіе лицъ всегда идеализировалось—женщины неизмѣнно кокетливы, изящны, мечтательны, муж-

чины—всѣ напыщенны, благородны и сановиты.

Портреты Левицкаго, Боровиковскаго, Кипренскаго возсоздають въ своемъ вылощенномъ и красивомъ однообразіи старый барскій міръ съ его страстью къ блеску и чинамъ, его праздною безпечностью, его склонностью къ сантиментальнымъ позамъ и мечтательнымъ вздохамъ.

Подобно тому, какъ придворное и свѣтское общество хотѣло имѣть свои портреты, такъ хотѣло оно имѣть и виды своихъ дворцовъ и садовъ.

Такъ возникла пейзажная живопись, которая состояла первоначально просто изъ архитектурныхъ и топографическихъ снимковъ.

Изъ этого зародыша пейзажа выросли постепенно щедринскіе и галоктіоновскіе виды Гатчины и Павловска, Марли и Монплезира, загородныхъ дворцовъ и англійскихъ парковъ, оживленные фигурами „чувствительныхъ кавалеровъ въ чулкахъ и фракахъ и мечтательныхъ дамъ въ длинныхъ ампирныхъ платьяхъ“ (Бенуа).

Постепенно область пейзажа расширялась, стали изображать виды городовъ, моря и т. д.

„Вплоть до 40-хъ годовъ—справедливо замѣчаетъ Мутеръ—русскіе живописцы были убѣждены, что ихъ родина, эта плоская, сѣрая, грустная страна, не можетъ дать матеріала для живописи и что для искусства годятся только богатые красками виды юга“.

Въ этотъ періодъ придворно-барской живописи, въ самомъ дѣлѣ, только изрѣдка промелькнетъ видъ московскаго Кремля (Алексѣева), петербургскихъ улицъ (Мартынова), какое-нибудь гуляніе на Елагинскомъ островѣ (Ал. Брюлова).

Придворная и свѣтская публика предпочитала шикарный пейзажъ далекихъ южныхъ странъ, любуясь въ особенности видами Неаполя и Сорренто Сильвестра Щедрина, видами Іерусалима и Мертваго моря Воробьева и др.

Первое выступленіе демократіи.

Въ эпоху Александра I выступила група художниковъ, пытавшихся наполнить русскую живопись болѣе демократическимъ содержаніемъ. Ея кистью впервые заговорило въ области искусства третье сословіе.

Во главѣ этой группы стоялъ „отецъ русской бытовой живописи“ Венеціановъ.

Академія относилась къ жанру сверху внизъ. Хотя въ ней и былъ открытъ особый классъ „домашнихъ упражненій“ для выработки русскихъ Теньеровъ и Остаде, серьезнаго значенія темамъ изъ мѣщанскаго и народнаго быта никто изъ ея профессоровъ не придавалъ. Подобные сюжеты иначе, какъ юмористически, не принято было трактовать. Ученикамъ задавали, напр., темы въ родѣ слѣдующей: „изобразить мѣщанина, который, чувствуя легкій припадокъ, готовится принять лѣкарство“.

Тѣмъ не менѣе, еще при Павлѣ нашлась группа новаторовъ, воспроизводившихъ, наперекоръ устано-

вившейся модѣ, темы изъ простонародной жизни.

Это были Тынковъ, Мерцаловъ, Якимовъ. Русскаго крестьянина они изображали, однако, не иначе, какъ въ праздничномъ костюмѣ и въ праздничномъ настроеніи, во время пляски (Тынковъ) или наканунѣ свадьбы (Якимовъ), и онъ уже черезчуръ походилъ на голландскаго или французскаго мужика.

Ближе, чѣмъ они, стоялъ къ обыденной жизни полякъ Орловскій, изображавшій въ своихъ могочисленныхъ рисункахъ карандашомъ, сепіей, акварелью и гуашью типы и сцены изъ уличной сутолоки, генераловъ и франтовъ, солдатъ и торговцевъ, лѣтніе и зимніе виды русской деревни.

Несмотря на цѣлый рядъ предшественниковъ, Венеціановъ все же имѣетъ полное право на почетный титулъ отца бытового реализма, и Оленинъ не преувеличивалъ, когда въ 1829 г. въ своемъ „краткомъ историческомъ свѣдѣніи о состояніи императорской академіи художества писалъ: „Венеціановъ *первый* открылъ въ Россіи путь къ сему пріятному роду живописи (peinture de genre), изображающему разныя домашнія и народныя явленія".

Венеціановъ выросъ въ домѣ купца, торговавшаго растегаями, и его глаза съ дѣтства привыкли покоиться на фигурахъ рабочихъ и работницъ въ своеобразныхъ костюмахъ, въ большомъ количествѣ толпившихся кругомъ.

Этотъ реалистическій вкусъ, вынесенный изъ родительскаго дома, привлекъ потомъ его вниманіе къ собраннымъ въ Эрмитажѣ старымъ голландскимъ мастерамъ, ихъ картинамъ мѣщанскаго быта.

Въ 1820 г. онъ увидалъ картину Гране: „Обѣдня у капуциновъ" (или внутренность костела). Она произвела на Венеціанова впечатлѣніе какого-то эстетическаго откровенія, вызвала, какъ онъ самъ выразился, „сильное движеніе въ его понятіяхъ о живописи". Въ этой картинѣ онъ увидѣлъ „изображеніе не подобное только или точное", а „живое", не „писаніе съ натуры", а воспроизведеніе „самой натуры". Венеціановъ рѣшилъ отнынѣ бросить всѣ вынесенные изъ Эрмитажа „правила и манеры", не творить „à la Рубенсъ или Рембрандтъ", а „какъ бы сказать à la натура", не писать „ничего иного, какъ въ натурѣ что является".

Такъ постепенно создалъ онъ свою особую теорію, которую излагалъ, по словамъ Мокрицкаго, слѣдующимъ образомъ своимъ ученикамъ:

„Нарисуй комнату по правиламъ перспективы и начни писать ее, не фантазируя. Копируй натуру настолько, сколько видитъ глазъ твой, потомъ помѣсти въ ней, пожалуй, и человѣка и скопируй его такъ же безхитростно, какъ стулъ, какъ лампу, дверь и т. д.".

Покинувъ городъ, Венеціановъ поселился въ купленномъ имъ небольшомъ имѣньицѣ въ Тверской губ. и принялся за осуществленіе своего новаго художественнаго замысла.

Такъ возникла большая его картина „Гумно", поднесенная Александру I, которая и представляетъ прежде всего „видъ" гумна съ коегдѣ разставленными группами точно

неподвижныхъ крестьянъ и крестьянокъ.

Впослѣдствіи, Венеціановъ создалъ еще цѣлый рядъ этюдовъ изъ деревенской жизни: „Хозяйка, раздающая ленъ бабамъ", „Крестьянка, чешущая шерсть", „Одѣвающійся мужикъ", „Спящій пастушокъ", „Крестьянка съ грибами въ лѣсу", „Вотъ и батькинъ обѣдъ" и др.

Венеціановъ не самъ шелъ къ крестьянамъ ихъ изучать, а крестьяне шли къ нему позировать.

Они являлись къ нему въ опрятныхъ костюмахъ, пріодѣвшись и пріумывшись, и въ такомъ прикрашенномъ, свѣтломъ и праздничномъ видѣ перешли они и на его картины. Художникъ наблюдалъ мужика не за сохой, не съ косой въ рукѣ, а празднымъ, отдыхающимъ.

На его картинахъ и этюдахъ поэтому не видно трудящагося пахаря, изнемогающаго подъ двойнымъ ярмомъ барщины и нищеты, и только развѣ обстановка (Гумно) или пейзажъ (Весна и Лѣто) напоминаютъ о томъ, что изображена среда не обезпеченныхъ тунеядцевъ, а работниковъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ.

Тѣмъ не менѣе, самая мысль отвоевать для искусства мужика была и такъ достаточно дерзкой. Аристархи академіи продолжали клеймить бытовые сюжеты попрежнему эпитетомъ „дикихъ". Гораздо отзывчивѣе патентованныхъ цѣнителей искусства оказалась свѣтская публика, которая подолгу стояла передъ выставленными въ 1824 г. деревенскими картинами и этюдами Венеціанова, проходя равнодушно мимо многочисленныхъ портретовъ и въ томъ числѣ портретовъ самого Венеціанова. Впрочемъ, главной причиной успѣха художника-бытописца былъ, разумѣется, не демократизмъ столичной знати, воспылавшей вдругъ нѣжностью къ закрѣпощенному мужику-пахарю, а то обстоятельство, указанное еще П. Петровымъ, біографомъ Венеціанова, что „портретный родъ одной техникой не могъ привлекать и тогда уже общаго вниманія на экземпляры, мало разнившіеся другъ отъ друга, при условности позъ въ то время, не говоря уже о ничтожности выраженія на лицахъ и некрасотѣ костюма вообще".

Интересъ къ новому направленію въ живописи былъ, однако, такъ значителенъ, что даже „Отечественныя Записки", стоявшія принципіально на точкѣ зрѣнія академизма, заявляли, что „заслуги Венеціанова передъ отечественнымъ художествомъ возбуждаютъ къ нему уваженіе". А издатель журнала (Свиньинъ), обозрѣвая выставку 1827 г., писалъ даже: „Особое вниманіе публики обращено здѣсь на произведенія Венеціанова, состоящія, какъ обыкновенно, изъ небольшихъ картинъ, *плѣняющихъ русскаго патріота* вѣрнымъ изображеніемъ *предметовъ близкихъ его сердцу:* эти лица, это небо, эти вещи — *все взято съ самой природы*".

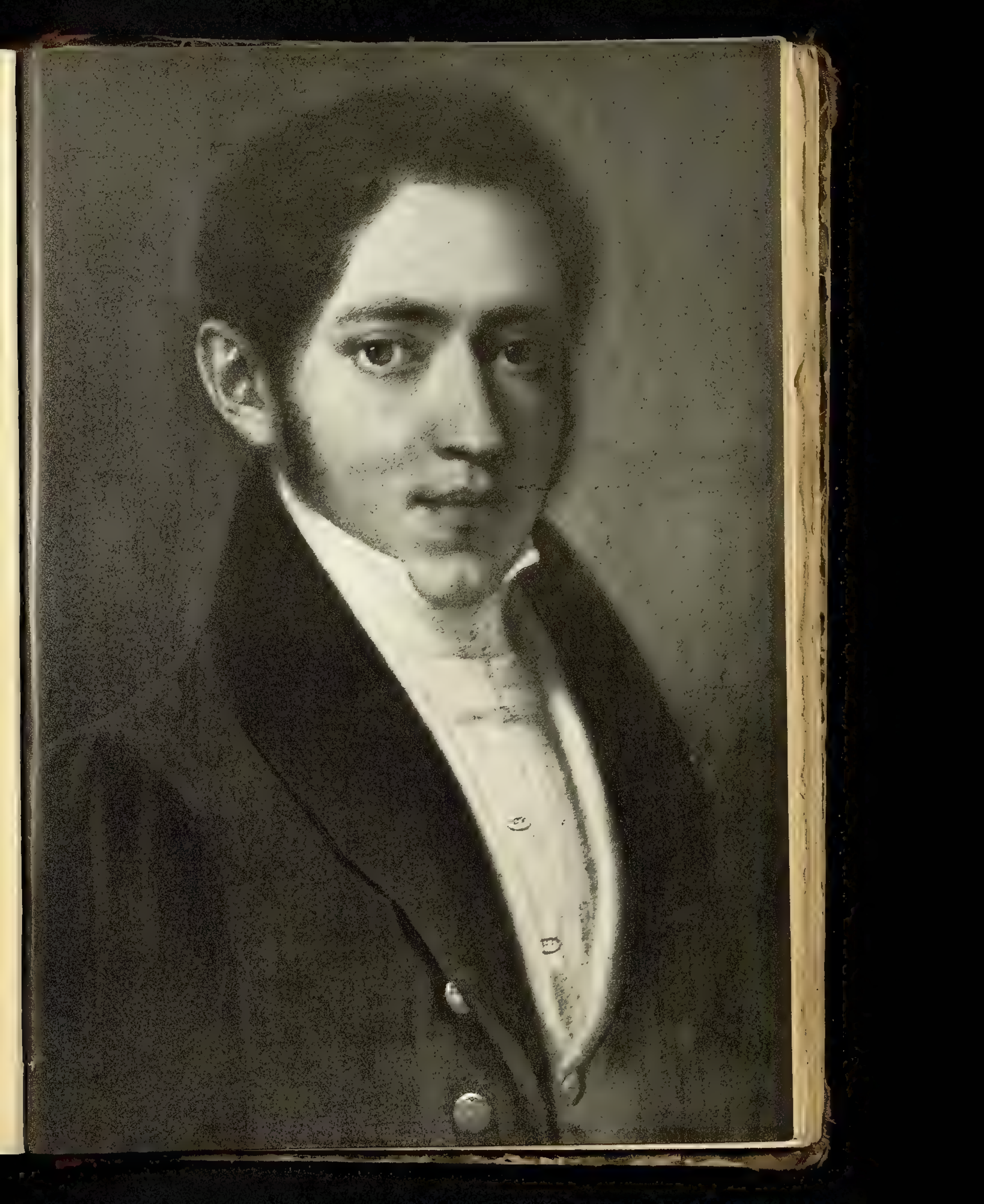
Вѣря въ прочность своего дѣла, Венеціановъ рано принялся строить собственную школу. Своихъ учениковъ онъ отыскивалъ въ простонародьѣ, среди способныхъ маляровъ и значительную часть ихъ содержалъ на свой счетъ. „Всѣ ученики,—вспоминаетъ Мокрицкій,—были,

II

Николай Платоновичъ Огаревъ.

Съ портрета, писаннаго крѣпостнымъ художникомъ еще при отцѣ поэта.
(Комната людей 40-хъ годовъ при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

какъ братья родные, какъ одна семья, несмотря на разность лѣтъ, состоянія и происхожденія". Учитель зорко присматривался къ способностямъ каждаго, „только слегка наталкивая его на прямую дорогу".

„Всѣ шли ровно, никто не выскакивалъ впередъ".

„Никто не походилъ на учителя". „Каждый имѣлъ свою манеру писать".

Это была своего рода демократическая академія, неожиданно выросшая подъ носомъ у академіи казенной.

Изъ этихъ учениковъ Венеціановъ готовилъ „реалистовъ" по своей излюбленной методѣ, усаживая ихъ сначала за „перспективы".

„Почти всѣ комнаты зимняго дворца и многія галлереи Эрмитажа были написаны учениками Венеціанова, — говоритъ Мокрицкій (одинъ изъ его учениковъ),—всѣ эти „виды" были представлены государю, и многіе изъ нихъ были посланы въ подарокъ прусскому королю и другимъ королевскимъ особамъ въ Германіи".

Изъ „перспективистовъ" они, какъ Плаховъ, Тырановъ, Щедровскій, превращались потомъ постепенно въ „жанристовъ". Они заимствовали сюжеты для своихъ картинъ какъ разъ изъ той самой обыденной жизни, которая академіей признавалась негоднымъ для искусства матеріаломъ. Они изображали, какъ Тырановъ, простую комнатку, гдѣ собрались два пріятеля, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, а другой слушаетъ или пляшущаго кучера, какъ Плаховъ, или, какъ Щедровскій, мастерскую бондаря, гдѣ работа подходитъ къ концу, а хозяинъ и часть рабочихъ ухмыляясь посматриваютъ на печь, гдѣ хозяйка готовитъ для нихъ обѣдъ.

Если самъ Венеціановъ еще всецѣло зависѣлъ отъ милости двора и свѣтской публики; для которыхъ онъ, повидимому, и подкрашивалъ мужиковъ подъ цвѣтъ пейзановъ, то нѣкоторые изъ его учениковъ уже нашли себѣ другую аудиторію, иныхъ цѣнителей. Такъ, его первый (по времени) ученикъ Крыловъ, картины котораго до насъ не дошли, работалъ преимущественно для капиталиста, владѣльца химическаго завода (Чернягина), который выстроилъ для него среди зимняго поля цѣлую мастерскую, гдѣ художникъ нарисовалъ зимній пейзажъ, „весь цѣликомъ съ натуры".

Эта новая публика еще только зарождалась. Попрежнему главнымъ заказчикомъ для художниковъ оставался дворъ и свѣтъ, которымъ одинаково мало дѣла было до мѣщанскаго и народнаго быта.

„Венеціановцы" видѣли своими глазами, какъ академизмъ достигалъ апогея расцвѣта, какъ, ослѣпляя всѣхъ, всходила звѣзда Брюлова.

И одинъ за другимъ они покидали стараго учителя.

Талантливѣйшій изъ нихъ Плаховъ вдругъ переходитъ въ академію, коверкаетъ свою кисть надъ конкурсной темой „Велизарій", попадаетъ въ тиски дюссельдорфской школы и исчезаетъ затѣмъ, невѣдомо какъ и гдѣ въ глухой провинціи.

Тырановъ устремляется въ Италію и измѣняетъ жанровымъ темамъ

ради исторических картинъ въ родѣ „Мать, опускающая младенца Моисея въ рѣку Нилъ въ корзинѣ".

Михайловъ, начавшій съ изображенія кухарокъ и торговцевъ, дѣлается любимымъ ученикомъ Брюлова и портитъ его свѣтскимъ шикомъ картину изъ крестьянской жизни, расписывая „Дѣвушку, ставящую свѣчку" въ видѣ жеманной барышни.

Да и самъ учитель не устоялъ передъ всесильной модой.

Послѣдняя картина Венеціанова „Причащеніе умирающей" старается въ еще большой степени, чѣмъ всѣ его прежнія произведенія, угодить условному вкусу свѣтскаго общества—превращая крестьянку, готовую изъ рукъ священника принять причастье, въ какую-то мистически экзальтированную мадонну.

Выступившая подъ знаменемъ реализма, съ бытовыми сюжетами и простонародными типами, демократическая академія не устояла и склонилась побѣжденная передъ академіей казенной.

„Весь послѣдній періодъ жизни Венеціанова,—замѣчаетъ Бенуа,—прошелъ одной сплошной драмой. Любимое его дѣло разваливалось, уничтожалось, ненавистный врагъ крѣпъ, взлелѣянные ихъ птенцы, самые лучшіе, самые надежные, одинъ за другимъ перелетали во вражескій станъ, попадали въ общую темницу, гдѣ пребывали въ постоянной галлюцинаціи передъ ложнымъ блескомъ, и гибли отъ леденящаго воздуха брюловскаго чванливаго творчества".

Венеціановъ умеръ въ 1847 г.

Годъ спустя публика привѣтствовала восторженными кликами „Сватовство маіора".

Расцвѣтъ офиціально-барскаго искусства.

Въ эпоху Николая I офиціально-барская живопись достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта.

Жанровый реализмъ—это порожденіе демократическаго духа—снова предается анаѳемѣ. Въ 1820 г. возникаетъ Общество поощренія художниковъ, отправляющее за свой счетъ наиболѣе талантливыхъ учениковъ академіи за границу для довершенія своего художественнаго образованія.

Вкусы этихъ любителей-меценатовъ ничѣмъ не отличались отъ эстетики академическихъ профессоровъ.

„Общество" усматривало одну изъ главныхъ своихъ задачъ въ томъ, чтобы бороться противъ всякихъ демократическихъ ересей въ искусствѣ.

Посылая въ Италію своего любимца и свою гордость К. Брюлова, оно напоминало ему въ инструкціи, что теперь „люди къ несчастью предпочитаютъ пейзажи, внутренности, сельскія сцены", то, что „французы называютъ жанромъ", и поучало его въ то же время, что только историческая живопись достойна вниманія, тогда какъ „задачи изъ вседневной жизни имѣютъ мало значенія" и на нихъ надо употреблять только „время, свободное отъ другихъ болѣе важныхъ занятій".

Въ 1834 г. К. Брюловъ выставилъ свою „историческую" картину „По-

слѣдній день Помпеи". Успѣхъ былъ колоссальный.

Какъ „свѣтлое воскресеніе искусства" привѣтствовалъ ее Гоголь, а поэтъ Лавровъ въ экстазѣ восклицалъ:

И былъ „Послѣдній день Помпеи"
Для русской кисти первымъ днемъ.

Брюловъ сталъ въ центрѣ вниманія.

Весь свѣтъ лежалъ у ногъ его, корифеи литературы и музыки, какъ Пушкинъ и Глинка, были съ нимъ на ты, художники смотрѣли на него съ завистью и благоговѣніемъ, академія чествовала его праздничными гимнами и трубными звуками.

Публика, дотолѣ равнодушная къ живописи, встрепенулась, заинтересовалась.

Двери академіи, прежде открывавшіяся черезъ каждые три года, теперь каждое воскресенье осаждались толпами любопытныхъ.

„Огонь Везувія и блескъ молній, похищенныхъ съ неба и заключенныхъ въ раму, пробудили (по словамъ Рамазанова) для искусства еще дремавшую публику".

Успѣхъ Брюлова объясняется, конечно, прежде всего тѣмъ, что при всемъ ея академизмѣ картина его содержала въ себѣ много новаго.

Въ отличіе отъ старыхъ академиковъ, отъ Шебуевыхъ и Егоровыхъ, Брюловъ, по словамъ его біографа Сомова, изобразилъ на своей картинѣ уже не фантастическую, а имъ же видѣнную мѣстность, придавалъ лицамъ выведенныхъ персонажей выраженіе сообразно переживаемымъ ими настроеніямъ, связывалъ всѣ подробности сюжета одной общей идеей и поражалъ глаза зрителей цѣлымъ моремъ бившихъ по нервамъ свѣтовыхъ и красочныхъ эффектовъ, ослѣпительныхъ и ошеломляющихъ...

Хотя послѣ Помпеи Брюловъ и не создалъ ничего крупнаго, хотя вопреки предсказанію Пушкина изъ „Нашествія Гензериха" не вышло картины „выше" первой, онъ до конца своихъ дней оставался общепризнаннымъ „царемъ живописи" (Ахшарумовъ), кумиромъ свѣтской публики. Между аристократическимъ бомондомъ и его любимцемъ существовало несомнѣнное „сродство душъ". Въ своемъ творчествѣ Брюловъ почти не возвышался надъ свѣтскимъ обществомъ, поднявшимъ его на щитъ.

Онъ былъ не столько поэтъ-художникъ, сколько ловкій театральный режиссеръ. Не даромъ первыя его двѣ картины написаны, такъ сказать, въ театрѣ, одна подъ впечатлѣніемъ оперы Паччини: „Послѣдній день Помпеи", другая подъ вліяніемъ оперы Персіани: „Инесъ де Кастро".

Принимаясь за ту или другую картину, Брюловъ имѣлъ прежде всего въ виду поразить зрителя какимъ-нибудь пикантнымъ или кричащимъ эффектомъ—огнемъ и молніей въ „Послѣднемъ днѣ Помпеи", контрастомъ между темными варварами и бѣлыми римлянами въ „Нашествіи Гензериха". Излагая однажды на вечерѣ планъ „Осады Пскова", только что мелькнувшій въ его воображеніи, онъ началъ указаніемъ на то, что черезъ проломъ стѣны, гдѣ будетъ самая жаркая схватка, онъ пропуститъ лучъ

солнца, который, играя на шишакахъ, панцыряхъ, мечахъ и топорахъ, усилитъ царящую кругомъ сумятицу.

Эти театральные эффекты, расчитанные не для духа, а для глазъ и нервовъ, должны были привлекать къ нему сердца свѣта, падкаго до внѣшней красоты.

Какъ аристократическій свѣтъ, и Брюловъ, его любимецъ, былъ эпикуреецъ-матеріалистъ.

Въ его картинахъ, будь то жанровый эскизъ „Полдень", или историческое полотно „Послѣдній день Помпеи," или даже религіозная композиція въ родѣ „Распятія" или „Св. Троицы", всегда выдвигается на первый планъ не голова изображаемыхъ персонажей, не мысль, одухотворяющая ихъ лица, а голое тѣло, красиво и эффектно освѣщенное. Эротическому чувству Брюловъ, какъ и свѣтъ, отводилъ огромную роль въ жизни человѣка и человѣчества. Въ его рисункахъ изъ средневѣковой жизни рыцарь только и занятъ тѣмъ, что цѣлуетъ черезъ рѣшотку ручку или ножку своей возлюбленной. Въ богатой событіями жизни Ришелье Брюловъ не сумѣлъ отыскать другого болѣе важнаго и типичнаго момента, какъ тотъ, когда правитель Франціи пляшетъ передъ вѣтренной Анной австрійской въ надеждѣ добиться ея любви. Изображая возвращеніе въ Римъ папы Пія IX, Брюловъ заставляетъ все римское населеніе отъ свѣтскихъ щеголей и красавицъ до послѣдняго человѣка изъ простонародья заниматься исключительно флиртомъ и амурами.

Даже въ религіозныхъ картинахъ Брюлова („Распятіе", „Взятіе Божьей матери на небо") земное беретъ верхъ надъ небеснымъ, святые только пріятны и приличны, а Пресвятая Дѣва скорѣе похожа на элегантную даму изъ высшаго общества. Съ пріятнымъ изумленіемъ останавливалась свѣтская публика и передъ вычурными аллегоріями художника, представлявшими такую обильную пищу для остроумничанья и отгадыванія, казавшимися пресыщеннымъ дилетантамъ такими пикантными и интересными. Вотъ Сатурнъ представляетъ олимпійцамъ Нептуна—картина, какъ будто миѳологическая, а въ дѣйствительности, изображающая аллегорически открытіе астрономомъ Леверрье новой планеты Нептунъ. Или вотъ встрѣтились на небѣ Аполлонъ и Діана, поцѣловались и снова разъѣхались въ противоположныя стороны, въ дѣйствительности — аллегорическое воспроизведеніе солнечнаго затменія 1851 г.

Чѣмъ-то роднымъ и близкимъ вѣяло отъ картинъ Брюлова на столичный свѣтъ, изъ котораго выходили во всемъ разочаровавшіеся Онѣгины и ни во что не вѣрившіе Печорины.

Брюловъ былъ такой же пессимистъ съ опустошенной душой и скептическимъ умомъ. Развѣ не исповѣдью русскаго байрониста звучитъ, напр., его, оставшаяся только въ эскизѣ, картина „Невинность, покидающая землю", гдѣ любовь превращена въ чувственную страсть, дружба объявлена коварнымъ обманомъ, изъ всѣхъ угловъ глядитъ подлая зависть, на фонѣ пылаютъ пожары, проносится война, льется

кровь, а невинность въ образѣ молодой дѣвы отлетаетъ на небо, бросая послѣдній грустный взглядъ на оскверненную землю.

Близкія по духу свѣтскому обществу картины Брюлова были вмѣстѣ съ тѣмъ панихидой по старому міру.

Брюловъ точно слышалъ въ своихъ ушахъ грохотъ разваливающейся вселенной.

Всѣ его крупныя картины представляютъ эпопею гибнущаго міра. Помпея, Гензерихъ, Jl tempo destruttore—всѣ онѣ изображаютъ распадъ и уничтоженіе. Гибнетъ отъ огня и молній прекрасная Помпея, валятся съ трескомъ статуи старыхъ боговъ, безсильны предотвратить разрушеніе и боги новые, христіанскіе. Гибнетъ вѣчный Римъ, столица старыхъ императоровъ, подъ ударами орды звѣроподобныхъ варваровъ, не щадящихъ ни храмовъ ни женъ и дѣтей. Гибнетъ подъ косой всеразрушающаго времени—бога Сатурна—все, чѣмъ жило и гордилось человѣчество, все, что имъ было создано изящнаго и великаго, падаютъ въ Лету цари и законодатели, философы и поэты, свобода, на копьѣ поднявшая красную фригійскую шапку, и деспотизмъ, готовый задушить ее своими цѣпкими когтями.

И лицомъ къ лицу съ непобѣдимой всепоглощающей стихіей ужасъ и смятеніе охватываютъ всѣхъ: богатыхъ и сильныхъ, воиновъ и жрецовъ, невѣстъ и мудрецовъ.

Цѣлый міръ рушится въ огнѣ и отчаяніи. И забвеніе нависаетъ, точно гробовой крышкой, надъ тѣмъ, что когда-то жило и цвѣло, любило и мыслило.

Хороня своимъ красочнымъ и эффектнымъ творчествомъ отживающій старый міръ, Брюловъ уловилъ за его гранью неясныя очертанія новой жизни.

И онъ самъ строилъ мостъ къ этому будущему. Въ немъ самомъ жилъ уже новый человѣкъ. Несмотря на предостереженія Общества поощренія, Брюловъ своими первыми картинами „Утро“ и „Полдень“ открылъ какъ ни какъ широко двери той самой „жанровой живописи“, которую офиціальная эстетика признавала не имѣющей „значенія“. Когда меценаты общества нашли, что итальянка, срывающая виноградъ („Полдень“), отличается скорѣе „пріятностью“, нежели „изяществомъ“, Брюловъ, не колеблясь, отвѣтилъ имъ, что задачей художника является „посредствомъ красокъ, освѣщенія и перспективы приблизиться болѣе къ *натурѣ*“, и поэтому онъ имѣетъ „нѣкоторое“ право „иногда отступать отъ условій красоты“. Онъ и „рѣшился,—писалъ онъ,—искать предположеннаго разнообразія въ тѣхъ формахъ простой природы, которыя намъ чаще встрѣчаются и нерѣдко даже болѣе нравятся, нежели строгая красота статуй“. Не даромъ впослѣдствіи, въ качествѣ профессора академіи, ея идейнаго вождя, Брюловъ училъ своихъ учениковъ прежде всего „уважать дѣйствительность“ и неустанно толковалъ имъ, что все то, чего нѣтъ въ природѣ, есть „отсебятина“.

Стоитъ только присмотрѣться къ его лучшимъ портретамъ (Крылова, кн. Голицына, скульптора Витали и собственному), чтобы убѣдиться

въ вѣрности замѣчанія Ахшарумова, что Брюловъ былъ въ сущности „реалистъ“ (хотя, какъ мѣтко выразился тотъ же Ахшарумовъ, „безъ реальной почвы“).

Въ этихъ портретахъ поражаетъ, даже по словамъ такого суроваго къ Брюлову критика, какъ Стасовъ, „простота и естественность“, „близость къ жизни и правдивое изображеніе характеровъ“: „мы точно видимъ предъ собой того человѣка, котораго изображаетъ портретъ“. Не даромъ Брюловъ привѣтствовалъ, умирая, того художника, который призванъ былъ „Сватовствомъ маіора“ убить „Послѣдній день Помпеи“. Въ глубинѣ души Брюловъ чувствовалъ, что Ѳедотовъ ему „сродни“.

Когда къ постели больного академика принесли первыя картины Ѳедотова, онъ пришелъ въ восторгъ, и по его настоянію академія назначила послѣднему „Сватовство маіора“, какъ „программу“. Такъ благословлялъ послѣдній великій академикъ молодые всходы демократическаго искусства.

Брюловъ отнесся къ грядущимъ поколѣніямъ, къ „дѣтямъ“ любовнѣе, чѣмъ они къ нему, къ „отцу“.

Въ 50 и 60 годахъ разночинцы, пришедшіе завоевать Россію, и слышать не хотѣли о нѣкогда прославленномъ свѣтскомъ художникѣ, передъ которымъ Пушкинъ стоялъ на колѣняхъ, вымаливая рисунокъ для своего альбома, и котораго Гоголь провозгласилъ обновителемъ живописи.

Устами Стасова они развѣнчали его, какъ холоднаго ритора, свѣтскаго пустозвона, какъ эпикурейца, у котораго не было ни вѣры ни идеаловъ, умѣвшаго рисовать только грубыя драки, обнаженное тѣло и животныя чувства.

На смѣну гражданскимъ скорбникамъ, „реалистамъ“ и „народникамъ“ потомъ пришли новыя поколѣнія съ другими настроеніями, но и они не нашли возможнымъ снять съ автора Помпеи позорное клеймо, наложенное на него старшимъ поколѣніемъ. Съ эпитетомъ „лжеца“, желающаго прежде всего „поразить и блеснуть“, лишеннаго „проникновеннаго душевнаго убѣжденія“, перешелъ Брюловъ и на страницы Исторіи русской живописи Бенуа.

Впрочемъ, самъ Брюловъ какъ бы предчувствовалъ, что потомство его осудитъ и забудетъ.

Полный гордыхъ надеждъ и огромнаго самомнѣнія вступалъ онъ въ жизнь.

На его первой большой картинѣ „Послѣдній день Помпеи“, среди объятыхъ ужасомъ жрецовъ и воиновъ, стариковъ и женщинъ, подъ огнемъ лавы и молній, спокойно стоитъ художникъ—онъ самъ,—безстрастно созерцая картину разрушенія, которая обезсмертитъ его имя.

На послѣдней его картинѣ „Il tempo destruttore“, оставшейся недодѣланной, блестящимъ эскизомъ, какимъ въ сущности было все его творчество, всеразрушающее время хоронитъ въ пучинѣ Леты вслѣдъ за царями и законодателями, поэтами и философами и художника—его самого,—нѣкогда прославленнаго творца „Помпеи“.

———

Если К. Брюловъ порой дѣлалъ фронтъ противъ официiальной эстетики, то его соперникъ Бруни съ самаго начала пытался отыскать для искусства новые пути. Равнодушно проходя мимо великихъ итальянцевъ Возрожденiя, онъ наперекоръ академiи углублялся въ изученiе прерафаэлитовъ, этихъ мечтательныхъ мистиковъ, не знавшихъ, по словамъ Иванова, „свѣтскихъ угодностей" и руководившихся одной только „чистой вѣрой". Однако, всѣ эти исканiя самобытныхъ путей остались въ области платоническихъ порыванiй. Отъ нихъ не осталось и слѣда въ большой картинѣ Бруни „Мѣдный Змiй", которой онъ мечталъ затмить огонь и молнiи Помпеи.

Снова передъ нами поэма сумятицы и гибели. Цѣлый народъ умираетъ въ мученiяхъ и отчаянiи отъ укусовъ ядовитыхъ змѣй. Одни уже окоченѣли, другiе корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ, третьи въ страхѣ хватаются за изображенiе идола въ надеждѣ спастись отъ неминуемой гибели: всюду гримасы, разложенiе, ужасъ и смерть. Только группа жрецовъ съ Моисеемъ во главѣ стоитъ спокойно среди кругомъ царящаго распада, хаоса и мрака.

Превосходя „Послѣднiй день Помпеи" яркостью колорита, „Мѣдный Змiй" не произвелъ на публику такого же ошеломляющаго впечатлѣнiя, потому, вѣроятно, что не болѣе, какъ повторялъ мотивы, затронутые Брюловымъ.

Если бы даже Бруни серьезно задался цѣлью возродить для родного искусства стиль старыхъ прерафаэлитовъ, онъ едвали бы сумѣлъ возсоздать ихъ наивную религiозность, ихъ застѣнчивую и неуклюжую экстатичность. Въ его душѣ, какъ показываютъ его наяды, амуры и вакханки, жилъ язычникъ, а не христiанинъ, но „дитя изолгавшейся эпохи", профессоръ академiи и наемникъ свѣта, Бруни предпочиталъ рисовать Богоматерь, Христа и святыхъ, насыщая свои религiозныя картины смѣсью сладострастiя и мистицизма.

Теперь академiя торжествовала.

Она могла гордиться уже не только вполнѣ приличными профессорами—какъ Угрюмовъ, Шебуевъ и Егоровъ,—а и первоклассными талантами, какъ Брюловъ и Бруни. Оба они поставили ея авторитетъ на недосягаемую высоту, окружили ее ореоломъ величiя и непогрѣшимости и оба они надолго приковали къ ней подраставшiя поколѣнiя, какъ плѣнниковъ официiальнаго искусства.

Бунтъ интеллигента-разночинца.

А среди подданныхъ академiи уже зрѣло открытое возмущенiе.

Въ лицѣ А. Иванова, творца „Явленiя Христа народу", снова поднялъ свой протестующiй голосъ разночинецъ-демократъ.

Ивановъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми фибрами своей души ненавидѣлъ казенный режимъ, бичомъ хлеставшiй по вольному искусству.

Черезъ всѣ его письма идетъ, то понижаясь, то крѣпчая, бунтовщическiй ропотъ противъ всемогущей

академіи, этого пережитка „прошедшаго столѣтія", этого „коммерческаго учрежденія" со всѣмъ ея „притчомъ и ужасомъ", способной только „казнить" художника, а не „споспѣшествовать его успѣхамъ". Изъ рукъ академическихъ профессоровъ могутъ выйти только чиновники отъ искусства, потому что „въ спитомъ, высоко-стоящемъ воротникѣ" ничего другого сдѣлать нельзя, какъ „стоять вытянувшись". Когда въ 1836 году за „Явленіе Христа Магдалинѣ" Ивановъ получилъ титулъ академика, онъ глубоко объ этомъ „жалѣлъ" — „мое намѣреніе было никогда не имѣть чина".

Рѣзко ополчался Ивановъ и противъ другого офиціальнаго центра эстетическаго вкуса, противъ Общества поощренія художниковъ, пансіонеромъ котораго онъ имѣлъ несчастье состоять почти всю свою жизнь. „Письма его въ это Общество, — замѣчаетъ Стасовъ, — это рядъ мягкихъ фразъ и жесткихъ отпоровъ. Задаетъ оно ему сюжеты, онъ ихъ не принимаетъ, уговариваетъ оно его на время оставить въ сторонѣ большія работы и писать маленькія картины для его лотерей, онъ все это отводитъ отъ себя рѣшительной рукой". Порой съ его пера срываются по адресу самодовольныхъ въ своей ограниченности меценатовъ такіе рѣзкіе эпитеты, какъ „мерзавцы".

Прекрасно понимая, что за академіей и Обществомъ стоитъ, ихъ вдохновляя и направляя, центральная власть, Ивановъ дѣлалъ фронтъ и противъ нея. Съ негодованіемъ отмѣчаетъ онъ, что правительство тратитъ „громадныя суммы на покупку самыхъ посредственныхъ картинъ", позволяетъ „иностранцамъ и пришельцамъ" (Брюловъ и Бруни) монополизировать искусство, „завладѣвать вниманіемъ отечества".

Въ отличіе отъ своихъ коллегъ, рвавшихся въ свѣтъ, мечтавшихъ о заказахъ и славѣ, Ивановъ упрямо сторонился барской среды и никогда не писалъ картины „для коммерціи", несмотря на всѣ увѣщанія благожелателей, въ родѣ придворнаго поэта Жуковскаго.

Ивановъ до самаго дна души страдалъ отъ сознанія, что для „великихъ міра" художникъ, какъ и крѣпостной, „свой человѣкъ", и задыхался подъ „великой тяжестью" всеобщаго „пренебреженія".

Чураясь свѣтской среды, Ивановъ не сходился и съ своими собратіями по профессіи, корчившими изъ себя тѣхъ же свѣтскихъ франтовъ.

Это была интеллектуально очень не высокая среда, восторгавшаяся (за очень немногими исключеніями) только живописной стороной дѣйствительности, приходившая въ восторгъ отъ лохмотьевъ нищаго или головы капуцина, не задумываясь надъ соціальной подкладкой этихъ явленій, равнодушная къ „общественнымъ толкамъ" и „политическимъ мнѣніямъ", къ „камернымъ преніямъ" и „испанскимъ дѣламъ".

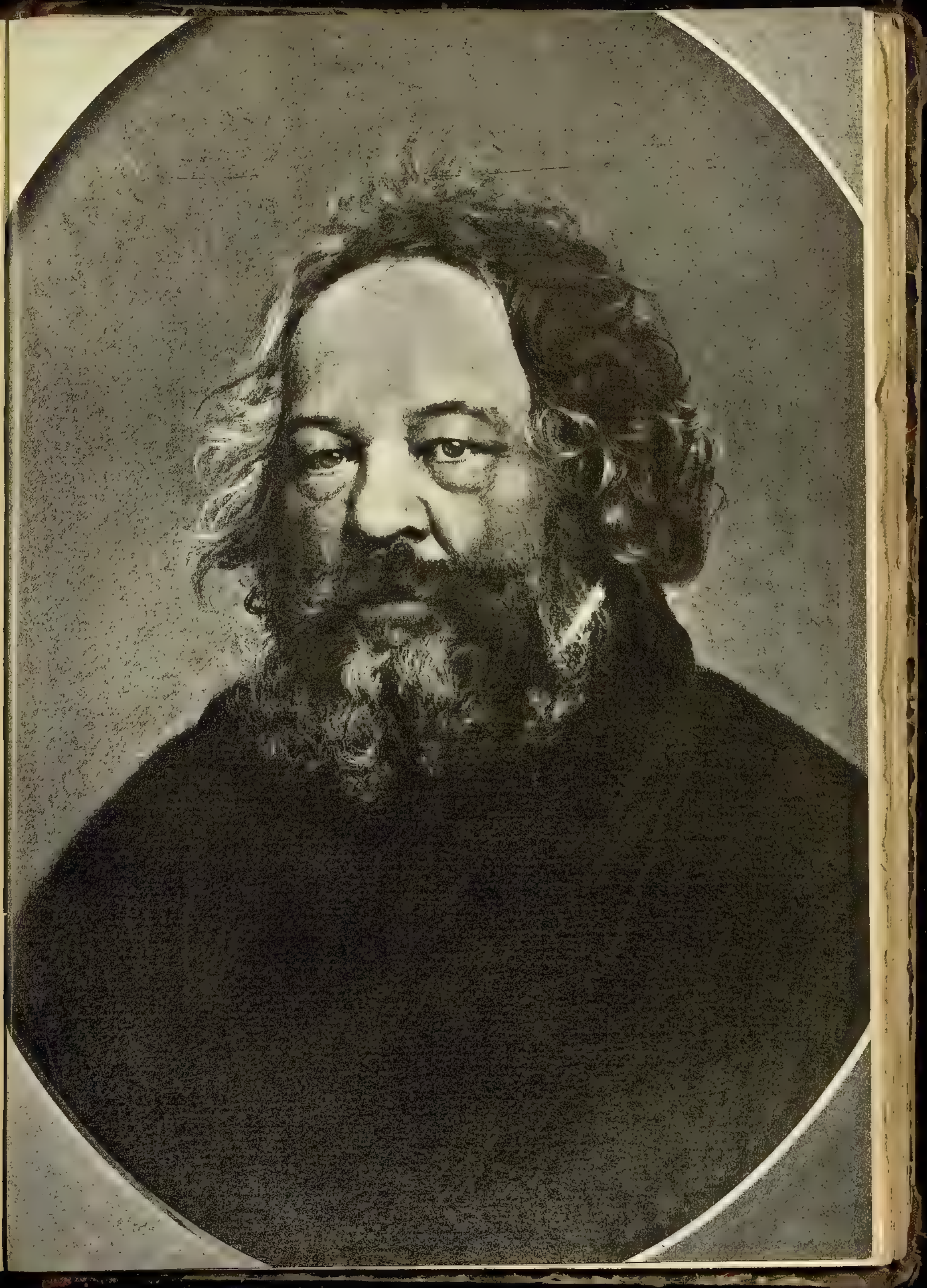
Такъ стоялъ Ивановъ—типическій протестантъ-разночинецъ—одиноко среди окружавшаго его барскаго общества. Онъ прожилъ жизнь какимъ-то свѣтскимъ схимникомъ, какъ „монахъ въ монастырѣ", по выраженію Гоголя, работая въ своей студіи или читая въ библіоте-

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

Съ портрета писаннаго масляными красками.
(Съ любезнаго разрѣшенія Н. Н. Ге въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

14

[illegible]

кахъ, среди книгъ, на которыя онъ тратилъ свои послѣдніе гроши, и идей, которыя неотразимо очаровывали его умъ. Единственный міръ, который онъ признавалъ, былъ міръ формировавшейся тогда интеллигенціи и его инстиктивно тянуло къ этимъ кружкамъ (славянофиловъ и западниковъ), гдѣ въ тиши и опалѣ слагались на зло правительству литературныя и политическія партіи.

Вплоть до 1848 г. Ивановъ былъ человѣкъ патріархальнаго склада ума, вѣрующій христіанинъ и образцовый семьянинъ; какъ Гоголь, устремившійся въ поиски за Христомъ, и Ивановъ видѣлъ смыслъ искусства въ томъ, чтобы оно обращало взоры человѣка съ земли къ небесамъ.

Выразить въ одной картинѣ „всю сущность Евангелія“—такъ рисовалось его благочестивому воображенію великая задача его жизни. Послѣ долгихъ колебаній Ивановъ остановился на темѣ „Явленія Христа народу“. Медленно подвигалась работа, эскизъ слѣдовалъ за эскизомъ, этюды шли за этюдами, цѣлыхъ 30 лѣтъ длился упорный и упрямый трудъ. Эта картина, выношенная среди сомнѣній и мученій, должна была стать для русскаго искусства новой „станціей“, и за эту „станцію“ онъ былъ готовъ биться до послѣдней капли крови, до предсмертнаго вздоха.

А въ результатѣ фіаско!

Бунтъ одинокаго схимника противъ академіи оказался почти холостымъ выстрѣломъ. Картина все же осталась „дѣтищемъ академіи“. Уступку за уступкой дѣлалъ Ивановъ „великимъ міра“. Въ угоду общепризнаннымъ авторитетамъ онъ испортилъ стереотипными аксессуарами, напр., крестомъ въ рукѣ Іоанна, фигуры своихъ оригинально задуманныхъ героевъ. Во имя прилизанной манеры итальянцевъ и академиковъ онъ переносилъ глубоко жизненные образы предварительныхъ этюдовъ (Христа, апостоловъ Андрея и Іоанна, раба) на полотно въ видѣ обезцвѣченныхъ и условныхъ шаблоновъ. Вмѣсто того, чтобы создать свой собственный стиль, онъ только безпомощно бился въ тискахъ поверхностнаго эклектизма, соединяя традиціи классическаго рѣзца (Аполлонъ и Лаокоонъ, какъ прообразы Христа) съ манерой Ліонардо да Винчи („я постараюсь придать Іоанну и Андрею типы, изобрѣтенные Ліонардо да Винчи въ „Вечерѣ Тайной“) и съ впечатлѣніями отъ Тиціана (колоритъ пейзажа).

Между тѣмъ, какъ художникъ работалъ надъ своей картиной, въ немъ самомъ совершался мучительный переломъ.

Наступила великая смута 1848 г. Мысль вѣка проникла и въ запертую студію отшельника. Она прежде всего разложила его наивную вѣру. Прочтя книгу Штрауса „Жизнь Христа“, Ивановъ похоронилъ то чувство, которое, „облегчало ему работу, жизнь“. Душа его „разстроилась“. И по мѣрѣ того, какъ въ немъ совершался распадъ старыхъ вѣрованій, Ивановъ все болѣе охладѣвалъ къ своей картинѣ. „Она все болѣе понижается въ моихъ глазахъ“, писалъ онъ. Она уже не кажется ему послѣдней станціей, за которую стоило бы биться.

Порожденныя великой смутой 1848 г., новыя настроенія мучительно искали себѣ выхода, ища образовъ и красокъ для того, чтобы воплотиться. Ивановъ ихъ не находилъ. „Я мучусь, — признавался онъ Герцену,—что не могу формулировать искусствомъ, не могу выразить мое новое воззрѣніе".

Постепенно изъ нѣдръ этихъ новыхъ полусознанныхъ настроеній родилась въ Ивановѣ мысль изобразить въ *особомъ* освѣщеніи жизнь Христа.

Эти картины, — сообщаетъ братъ художника, архитекторъ С. Ивановъ, — предполагалось помѣстить въ „особо на то посвященномъ зданіи", „разумѣется, не въ церкви".

„Сюжеты, — продолжаетъ С. Ивановъ,—располагались слѣдующимъ образомъ: главное и большое поле каждой стѣны должны были занять картины замѣчательнѣйшаго происшествія въ жизни Христа. Сверху же должны были быть представлены въ гораздо меньшемъ размѣрѣ относящіяся къ этому происшествію или сюжеты на тѣ мѣста Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится о Мессіи или происшествія, подобныя, случившіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ".

Какъ нетрудно видѣть, Ивановъ хотѣлъ положить въ основу своей Жизни Христа тотъ же самый планъ, по которому построено изслѣдованіе Штрауса („Жизнь Христа").

Какъ показалъ г. Философовъ, вліяніе нѣмецкаго богослова можно прослѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Такъ архитекторъ С. Ивановъ сообщаетъ, что вокругъ картинъ, посвященныхъ различнымъ моментамъ Преображенія, художникъ думалъ расположить три маленькія на темы изъ второй книги Моисея, причемъ справа и слѣва значились надписи: Ис. 52, 7 и Мал., 4, 5. Затѣмъ, въ длинной полосѣ помѣщены были надписи: Пс. 2, 7. Ис. 112, 2, Deut. 18, 15. Наконецъ, надъ двумя продолговатыми отдѣленіями значилась надпись: Платонъ.

„Что онъ тутъ хотѣлъ помѣстить, не могу сказать",— признается его братъ.

Если раскрыть Жизнь Христа Штрауса (§ 98), то сразу видно, что и здѣсь приведены, какъ прообразы евангельскаго эпизода Преображенія, тѣ же мѣста изъ Ветхаго Завѣта, а затѣмъ, еще заключительныя слова Платоновскаго „Пира".

Такъ готовился питомецъ академіи открыто порвать и съ офиціальной церковью и съ офиціальнымъ толкованіемъ Св. Писанія.

Ивановъ не осуществилъ и этого замысла, оставшагося только фрагментомъ.

Переломъ, захватившій художника, не ограничился одними его религіозными вѣрованіями. Въ 50 годахъ, подъ стоны „побитыхъ" (слова Герцена), Ивановъ глубоко заглянулъ въ лицо соціальному вопросу и самъ готовился обновить себя для грядущаго „третьяго царства".

Для него становилось все очевиднѣе, что подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни и искусство должно „принять новое направленіе", что „необходимо его приспособить къ *требованіямъ времени* и *настоящему положенію въ Россіи*".

Трудно угадать, какой смыслъ вкладывалъ Ивановъ въ эти много-

Hel. Meisenbach Riffarth & Co. Berlin

А. А. Ивановъ. Голова Іоанна Крестителя.

21

знаменательныя слова. Въ немъ, конечно, еще въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Брюловѣ, сидѣлъ реалистъ.

Работая надъ своей большой картиной, онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ нездоровыхъ понтійскихъ болотахъ, чтобы получить хоть приблизительное представленіе о восточной пустынѣ, послѣ того, какъ Общество поощренія наотрѣзъ отказалось послать его въ Палестину на томъ основаніи, что Рафаэль тамъ не былъ и все же создалъ прекрасныя творенія. Онъ посѣщалъ купальни въ Перуджіи и Римѣ, чтобы изучить пластику голаго тѣла, заходилъ въ еврейскія синагоги, чтобы уяснить себѣ душу семитической расы, подолгу простаивалъ въ церквахъ, чтобы уловить выраженіе лица у человѣка, обратившагося къ Христу, и упорно искалъ прообразъ Спасителя, пока не нашелъ его въ двухъ итальянкахъ (а также въ старинной мозаикѣ палермскаго собора).

Тѣмъ не менѣе, ничто не говоритъ въ пользу того, что Ивановъ сдѣлался бы жанристомъ. Онъ былъ весьма плохого мнѣнія о французскихъ натуралистахъ и называлъ художниковъ, бравшихъ свои сюжеты изъ повседневной жизни, „шуточными“.

Впрочемъ, впослѣдствіи онъ дѣлалъ исключеніе для одного только Ѳедотова.

Лучше всего передаетъ, повидимому, эстетическое profession de foi Иванова послѣднихъ лѣтъ мысль, брошенная имъ во время бесѣды съ Чернышевскимъ, что цѣлью искусства въ „настоящее время“ должно быть соединеніе „рафаэлевской техники“ съ „идеалами новой цивилизаціи“.

Эти мысли только смутно бродили въ головѣ художника, не воплощаясь въ осязаемые образы. „Идея новаго искусства, — писалъ онъ въ 1858 г.,—искусства сообразно *современнымъ понятіямъ* и *потребностямъ* до сихъ поръ еще не прояснилась во мнѣ“. Онъ открыто сознавался, что долженъ еще „долго и неусыпно“ работать надъ развитіемъ „своихъ понятій“, прежде чѣмъ „начать производить новыя картины“. Этотъ моментъ никогда не наступилъ.

Быть можетъ смерть явилась во время, чтобы спасти его отъ новаго фіаско.

Какъ Гоголь, перейдя отъ изображенія русской дѣйствительности къ религіозному творчеству, потерпѣлъ жестокое крушеніе, такъ, вѣроятно, Ивановъ, перейдя отъ религіознаго творчества къ изображенію русской дѣйствительности, сдѣлался бы жертвой отчаянія и безумія.

А между тѣмъ, его ожидало еще одно великое разочарованіе.

Въ 1857 г. Ивановъ открылъ, наконецъ, свою такъ долго запертую студію для публики. Въ Италіи успѣхъ его картины былъ большой. Какъ только раскрылись двери мастерской, то и „мастеровой съ инструментами, шедшій на работу, и факинъ, тащившій на головѣ глину сосѣднему скульптору, и аббатъ въ очкахъ, и хорошенькая натурщица, и капуцинъ съ толстымъ животомъ, и англичанинъ, и всѣ нѣмцы, а потомъ архіереи, купцы, граждане, князья—все потянулось вереницей къ безлюдной нѣсколько лѣтъ

студіи“ (П. Ковалевскій). „Кто могъ бы подумать?“ воскликнулъ Овербекъ, взглянувъ на „Явленіе Христа“; Valoroso maestro — назвалъ Корнеліусъ его творца, дружески хлопнувъ его по плечу.

Въ Россіи картина не произвела никакого впечатлѣнія.

Рамазановъ объяснялъ ея фіаско тѣмъ, что „большая публика привыкла принимать впечатлѣнія лишь отъ яркаго расцвѣчиванія красками“, отъ „какой-то скорѣе иллюминаціи, чѣмъ живописи“, тѣмъ, что она была „неподготовлена къ пониманію художества вообще и тѣмъ менѣе къ пониманію высокаго стиля и содержанія“.

Въ этихъ словахъ не *вся* правда.

Ближе къ истинѣ былъ, несомнѣнно, самъ Ивановъ. Публика предъявляла къ искусству уже иныя требованія, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, когда она стояла, очарованная и ослѣпленная, передъ „Послѣднимъ днемъ Помпеи“. Другая по своему соціальному составу, она, по выраженію Ахшарумова, видѣла въ живописи нѣчто въ родѣ „гражданской службы по департаменту обвинительнаго суда“.

И она прошла равнодушно мимо „Явленія Христа“.

„Требованія публики ушли дальше“—такъ спокойно и просто примирился Ивановъ съ крушеніемъ дѣла всей своей жизни, жизни, полной тревогъ, сомнѣній и лишеній!

И все же значеніе его картины огромно.

На ней учились искусству новыя поколѣнія художниковъ. Одинъ изъ нихъ, Крамской, слѣдующими словами выразилъ, чѣмъ былъ для нихъ творецъ „Явленія Христа“. „Ивановъ,—говоритъ онъ,—внесъ въ *композицію* идею не произвола, а внутренней необходимости: соображенія о красотѣ линій отходили на послѣдній планъ, а на первомъ стало выраженіе мысли. Въ *рисунокъ* (онъ внесъ) чрезвычайное разнообразіе, т.-е. индивидуальность не только лица, но и всей фигуры, по анатомическому строенію, и исканіе, какое анатомическое строеніе должно отвѣчать задуманному характеру. (Наконецъ) въ живопись (онъ внесъ) совершенно натуральное освѣщеніе всей картины сообразно мѣсту и времени, а во *внѣшній видъ* картины — необходимость эпохи“.

„Явленіе Христа“ останется навсегда вмѣстѣ съ тѣмъ и интереснымъ памятникомъ изъ исторіи развитія русской интеллигенціи, какъ завѣщаніе перваго сознательнаго разночинца-художника. Отличаясь въ противоположность „Послѣднему дню Помпеи“ удивительной скромностью и сдержанностью, своеобразнымъ эстетическимъ аскетизмомъ, инстинктивно избѣгающимъ всего рѣзкаго и кричащаго, блеска и позы, картина Иванова изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность твореніямъ Брюлова, не гибель стараго міра, разваливающагося среди грохота и отчаянія, а великій моментъ зарожденія среди стараго міра новой идеологіи, появленія новаго ученія и новыхъ людей.

Второе выступленіе демократіи.

Въ 1847 г. Өедотовъ выставилъ первыя свои картины въ Петербургѣ.

Успѣхъ былъ огромный.

„Имя Павла Андреевича гремитъ по городу“, — сообщаетъ его сослуживецъ по полку, Дружининъ. „Все пространство отъ картинъ до дверей было запружено любопытными“.

Въ Москвѣ, гдѣ картины были выставлены нѣсколько позже, онѣ произвели, по словамъ совсѣмъ не хвастливаго автора, „фуроръ“. Въ лицѣ Өедотова демократія снова поднимала свой голосъ.

Она врывалась въ храмъ искусства шумно, крикливо, истинно по мѣщански.

Өедотовъ воображалъ себя точно какимъ-то содержателемъ балагана, призваннымъ зазывать свою публику.

Къ своей „программной“ картинѣ „Сватовство маіора“ онъ присочинилъ стихи—настоящее ярмарочное зазываніе:

Честные господа
Пожалуйте сюда!
Милости просимъ
Денегъ не спросимъ!

А затѣмъ слѣдуетъ балаганное рекламированіе новой картины:

Начинается,
Почитается
О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ иные на чужой счетъ жуютъ,
Сами работать лѣнятся,
Такъ на богатыхъ женятся.

Демократія и на этотъ разъ выступала подъ знаменемъ бытоваго реализма.

Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали Өедотову стать художникомъ-жанристомъ. Онъ выросъ въ бѣдной семьѣ, а жизнь бѣднаго ребенка обильна „разнообразіемъ“. Ежедневно мальчикъ видѣлъ „десятки народа“, самаго „разнохарактернаго и живописнаго“. „У тетушки и у кумы отца, и у приходскаго священника, и около сѣнника“ онъ встрѣчалъ „представилей разныхъ сословій“. Ребенкомъ онъ уже зналъ прекрасно „московское купечество“. Такъ исподволь еще въ дѣтствѣ сдѣлалъ онъ „запасъ знаній“, составившихъ потомъ „основной фондъ его дарованій“.

Впослѣдствіи, взрослымъ человѣкомъ Өедотовъ сохранилъ эти еще въ дѣтствѣ пробудившіяся наклонности.

Онъ любилъ забираться, по словамъ его біографа, Дитерихсъ,—въ какое-нибудь захолустье Петербурга, напр., въ гавань, знакомился съ ея обитателями, дѣлалъ съ ними прогулки по взморью, ухаживалъ за тамошними Евами и возвращался домой, обремененный новымъ запасомъ наблюденій. Онъ любилъ подолгу останавливаться передъ окнами трактировъ, заводилъ рѣчь съ простонародіемъ, уговаривая то того, то другого понравившагося субъекта зайти къ нему и тутъ между разговоромъ и чаемъ набрасывалъ въ свой альбомъ его портретъ, зачерчивалъ характерную позу.

Отъ природы Өедотовъ обладалъ превосходной зрительной памятью, до того чувствительной, что стоило ему только закрыть глаза и все

забытое или потускнѣвшее оживало, точно „написанное на бумагѣ“.

Ѳедотовъ росъ и развивался свободно. Въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ учился, никто не насиловалъ его ума и не навязалъ ему эстетическихъ формулъ. Въ полку, гдѣ онъ служилъ, онъ наблюдалъ уголокъ живой жизни въ казармѣ; академія, которую онъ посѣщалъ по вечерамъ, уже не могла его испортить.

Перейдя отъ батальной живописи, по совѣту Крылова, къ юмористическому жанру, Ѳедотовъ клалъ въ основу своего творчества тотъ же принципъ, какъ и Венеціановъ, писать„ какъ бы сказать à la натура“.

Задумавъ картину „Сватовство маіора“, онъ по цѣлымъ днямъ толкался среди купцовъ, наблюдалъ старухъ и горничныхъ на толкучемъ и андреевскомъ рынкахъ, упросилъ знакомаго офицера позировать ему для маіора и вплоть до мельчайшихъ подробностей, до стеклушекъ въ люстрѣ и бутылки шампанскаго, все имъ было изучено и срисовано съ натуры. Задумавъ картину „Пріѣздъ Государя въ Институтъ“, онъ около двухъ недѣль клеилъ изъ бумаги и палочекъ институтскую залу въ видѣ большой бѣлой коробки съ прорѣзанными окнами, бѣлыми колоннами и рядомъ кроватей: „каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ, каждая кроватка отдѣлывалась, какъ будто для игрушки“. Такъ работалъ „реалистъ“ Ѳедотовъ. Въ своихъ картинахъ онъ изображалъ преимущественно мѣщанскую среду—обѣднѣвшее дворянство, купечество, мелкое чиновничество.

То передъ нами франтовато одѣтый молодой аристократъ, съ испугомъ покрывающій газетой кусокъ чернаго хлѣба, чтобы не обнаружить свое финансовое банкротство передъ входящимъ свѣтскимъ пріятелемъ (Завтракъ), то бѣдная комната, гдѣ за перегородкой лежитъ родильница, а мужъ съ шумомъ входитъ съ купленной въ долгъ бутылкой шампанскаго (Крестины), то, наконецъ, компанія промотавшихся свѣтскихъ кавалеровъ и дамъ, пирующихъ на „книжку“ (Жатва на чужой счетъ).

Между тѣмъ какъ барская среда опускается, не въ силахъ отказаться отъ своихъ прежнихъ привычекъ, на смѣну идетъ новый общественный слой, вооруженный силой времени, капиталомъ, темное царство купечества, къ которому тотчасъ же примазываются всевозможные паразиты. (Сватовство маіора).

Изображая жизнь мѣщанства съ кропотливой тщательностью, почти съ фотографической точностью, Ѳедотовъ озарялъ ее своимъ тихимъ, благодушнымъ смѣхомъ.

Самъ плоть отъ плоти этого мѣщанскаго общества, онъ не противополагалъ себя ему, какъ личность, уже вышедшую за узкіе предѣлы его горизонта, а только по-братски, деликатно и какъ бы извиняясь, журилъ его за слишкомъ рѣзко бросающіеся въ глаза недостатки.

Только изрѣдка, какъ въ „Смерти Фидельки“, гдѣ барыня слегла въ постель съ горя по околѣвшей собачкѣ, тогда какъ въ домѣ все идетъ шиворотъ-на-выворотъ, и въ „Свѣжемъ кавалерѣ“, гдѣ чиновникъ отпраздновалъ пирушкой получку

Heb Meisenbach Riffarth & Co. Berlin

П. А. Федотовъ. Первый крестъ

перваго ордена, смѣхъ Ѳедотова звучитъ какъ бы задорнѣе, воинственнѣе. Но и здѣсь онъ смѣется безъ всякой „тенденціи“. Цензура только по свойственой ей излишней мнительности усмотрѣла въ „Свѣжемъ кавалерѣ“ сатиру на священные устои бюрократическаго царства, заставивъ автора замазать орденъ на груди самодовольнаго чиповника. Ничего „гоголевскаго“ въ смѣхѣ Ѳедотова не было. И Ѳедотовъ не даромъ не долюбливалъ Гоголя. Онъ былъ не сатирикъ, а чистѣйшей воды юмористъ. И онъ осмѣивалъ въ первую голову себя самого. На одномъ изъ его рисунковъ, онъ стоитъ передъ зеркаломъ, надѣвая парикъ на лысую голову, и задорно восклицаетъ: „Теперь невѣстъ сюда, невѣстъ“, а на другомъ дѣвочка (предполагаемая дочка) надѣваетъ ему на голову чепецъ и восклицаетъ: „Папа, какъ къ тебѣ идетъ чепчикъ. Правду мамочка говоритъ, что ты ужасная баба“.

Порой этотъ смѣхъ надъ собой, здѣсь безхитростный и благодушный, звучитъ въ его кисти нѣсколько печальнѣе и тревожнѣе, какъ на картинѣ „Смерть Фидельки“, гдѣ у мольберта сидитъ онъ самъ, нуждающійся художникъ, и готовится писать портретъ околѣвшей собаки.

Этотъ скорбный смѣхъ надъ своей жалкой долей переходитъ уже въ рѣжущій диссонансъ на картинѣ „Художникъ, женившійся безъ приданаго“.

Въ жалкой конурѣ сидитъ самъ Ѳедотовъ въ фризовой шинелѣ и съ полотенцемъ вокругъ головы, изъ-подъ сломанной шляпы торчитъ штофъ водки, кухарка ломаетъ послѣднюю раму для того, чтобы затопить печь, а жена художника, на лицѣ которой нищета провела глубокія морщины, въ ужасѣ спрашиваетъ мальчугана-сына, гдѣ онъ стащилъ серебрянный чайникъ, который онъ ей украдкой показываетъ.

Такова была бы горькая доля семьи художника, если бы онъ „женился безъ приданаго“. Въ послѣдніе годы, подъ надвигавшимся кошмаромъ безумія, смѣхъ постепенно замираетъ въ больной груди юмориста и уступаетъ мѣсто безпредѣльной грусти.

Тоской дышитъ его „Вдовушка“, погрузившаяся въ нерадостныя воспоминанія о прошломъ, скукой вѣетъ отъ „Офицера, квартирующаго въ деревнѣ“, заставляющаго пуделя продѣлывать фокусы, тогда какъ дымъ отъ трубки полусоннаго деньщика заволакиваетъ туманомъ непривѣтливую, постылую комнату.

Ѳедотовъ былъ не только юмористъ, но и моралистъ.

Въ своихъ картинахъ онъ постоянно читалъ публикѣ нотаціи, неглубокія по содержанію, немного даже пошленькія, варьируя избитыя моральныя истины: „не женитесь ради денегъ“, „не придавайте слишкомъ большаго значенія внѣшнимъ признакамъ отличія“, „живите сообразно вашимъ средствамъ“ и т. д. Путемъ такихъ филистерскихъ поученій думалъ Ѳедотовъ „перевоспитать“ родное ему мѣщанство.

Заговоривъ кистью Ѳедотова, это мѣщанство внесло въ живопись (какъ западно-европейское) свой почти фотографическій реализмъ, любовь къ обыденщинѣ, склонность къ

морализированію, юмористическій смѣхъ пополамъ съ безпросвѣтной тоской.

Выпавшій на долю Ѳедотова успѣхъ возмутилъ до глубины души ревнителей классическихъ традицій-аристарховъ барскаго вкуса.

Въ торжествѣ реалистическаго жанра имъ мерещилось новое нашествіе варваровъ. Съ грустью констатировали они, какъ проф. Леонтьевъ, что „историческая живопись, несмотря на внѣшнія пособія и поощренія, уступаетъ все больше мѣсто ежедневному быту, au genre“. Съ презрѣніемъ отворачивались они отъ этихъ картинъ въ „народномъ“ духѣ, воспроизводящихъ „временное и современное“, изображающихъ „дѣйствительность, какъ она бываетъ“. Причину этого отцвѣтанія „высокихъ родовъ живописи“ они усматривали, какъ проф. Леонтьевъ, въ томъ прискорбномъ для ихъ аристократическаго чувства фактѣ, что если прежде тонъ задавали „образованные“, теперь жизнь завоевали „необразованные“.

Ворчливые голоса этихъ ветерановъ „высокаго и истиннаго“ искусства одиноко терялись въ восторженныхъ апплодисментахъ новой „необразованной“ публики.

Мѣщанство побѣдоносно врывалось въ офиціальный храмъ искусства.

Академія назначила Ѳедотова своимъ членомъ, а императоръ Николай содержалъ его на свои деньги.

Такъ санкціонировалъ старый барскій міръ зародившееся новое демократическое искусство — оно вѣдь не было для него опаснымъ!

ГЛАВА XV.

Музыка въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

(Ю. Д. Энгель).

Русская музыка развивалась во многомъ иначе, чѣмъ западная.

На Западѣ церковь, долго бывшая средоточіемъ духовной жизни народа, и народная музыка оказали другъ на друга огромное взаимное вліяніе. Народная пѣсня давала церкви напѣвъ, въ видѣ ли новаго заимствованія народной мелодіи или въ видѣ стараго григоріанскаго „хорала“, а церковные композиторы обволакивали его сложной контрапунктической тканью, при чемъ въ техникѣ вокальнаго многоголосія достигли уже въ 15—16 в. в. поразительнаго мастерства, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставшагося непревзойденнымъ и понынѣ. Рядомъ съ церковной музыкой стала развиваться и свѣтская художественная музыка. Вмѣстѣ съ паденіемъ универсальнаго вліянія церкви вторая получала все большее значеніе и, наконецъ, заслонила первую. При этомъ, однако, свѣтская музыка заимствовала отъ церкви все богатство выработанныхъ вѣками музыкальныхъ средствъ выраженія и техники:

Алексаг др[illegible] Ни[illegible]с [illegible] Пы[illegible]

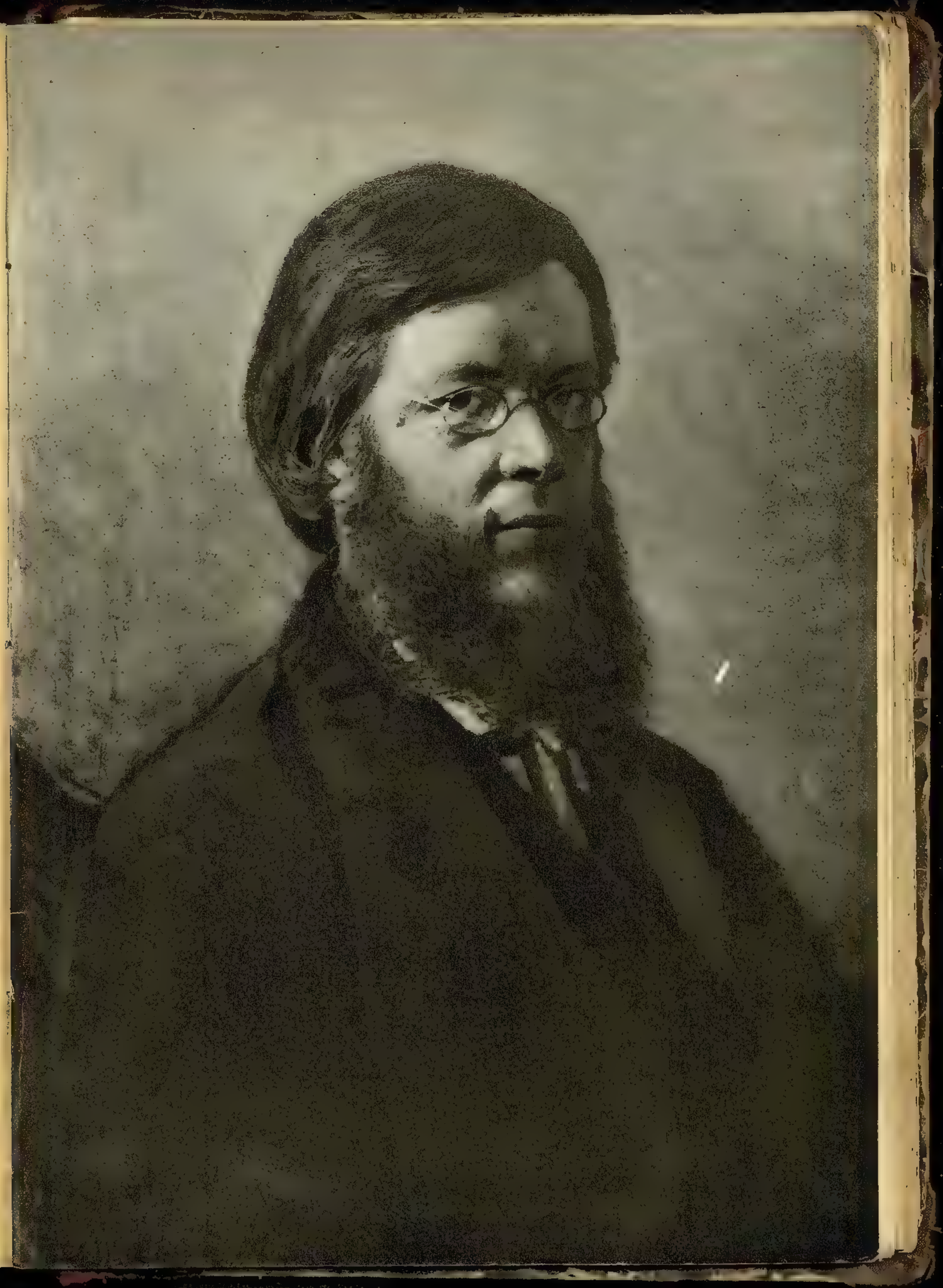
С[illegible] портрета, пи[illegible]а[illegible] [illegible] Н. [illegible]е. 1871.

(Городская га[illegible]ерея [illegible] [illegible]овых[illegible] въ Москвѣ.)

3

[illegible]

[illegible] сии усматривали, какъ проф. Леоч-
[illegible] ньевъ, въ томъ [illegible]
[illegible]

контрапунктическое многоголосіе, систему семиступенныхъ діатоническихъ ладовъ съ обозначившимися въ предѣлахъ этихъ семи ступеней пятью хроматическими полутонами, зачатки гармоніи и т. д. Церковь, однако, долго не уступала первенства „міру“, стараясь въ свою очередь использовать и приспособить къ своимъ надобностямъ всѣ завоеванія свѣтской музыки. Такъ, оперѣ она противопоставила ораторію, свѣтскимъ инструментальнымъ пьесамъ—инструментальные камерные и церковные „концерты“ и т. д., вплоть до Перози, который на порогѣ XX в. съ благословенія папы стремится привить духовной католической музыкѣ сложный симфоническій стиль Вагнера.

Не то видимъ мы въ исторіи русской музыки. Правда, и въ Россіи древнецерковные напѣвы, заимствованные отъ грековъ и южныхъ славянъ, несомнѣнно, подверглись значительнымъ измѣненіямъ, приспособившимъ ихъ къ русскому уху и вкусу, сблизившимъ ихъ съ русской народной пѣснью. Въ церковное употребленіе вошли также, несомнѣнно, и нѣкоторые русскіе напѣвы, въ особенности въ пѣснопѣніяхъ въ честь русскихъ святыхъ. Но по существу православная церковь чуралась народныхъ пѣсенъ, какъ вообще народныхъ обычаевъ и старины, считая ихъ пережитками язычества. Если она что и воспринимала отъ народа, то дѣлала это безсознательно, противъ воли. Съ другой стороны, она стояла въ сторонѣ и отъ вѣковой музыкальной работы, свершавшейся въ западной церкви и достигшей расцвѣта въ эпоху Палестрины и Лассо (16 в.). Предоставленная самой себѣ русская церковная музыка, хотя и медленно, можетъ быть, также пришла бы къ эпохѣ запоздалаго самостоятельнаго расцвѣта. Кое-что и даже немало въ этомъ направленіи было уже сдѣлано: создана была оригинальная система музыкальной записи (крюки); появились новые, болѣе свободные роды духовной музыки (демество), стали вырабатываться основы гармоніи и т. д.

Но когда Россія пришла въ близкое музыкальное соприкосновеніе съ Западомъ—сначала черезъ Кіевъ (17 в.) и позднѣе черезъ Петербургъ (18 в.), эти неокрѣпшіе начатки самостоятельнаго развитія неминуемо должны были уступить мѣсто болѣе сильной, давно перешагнувшей черезъ тѣ же ступени, европейской музыкальной культурѣ,—подобно тому, какъ это происходило и въ русской архитектурѣ, и въ русской живописи, и въ русской литературѣ. Въ лицѣ итальянцевъ (Галуппи, Сарти и др.) и шедшихъ по ихъ стопамъ русскихъ композиторовъ иностранное вліяніе въ русской церковной музыкѣ получило къ началу 19 в. даже одностороннее, исключительно преобладающее вліяніе,—по крайней мѣрѣ, въ высшихъ, задававшихъ тонъ кругахъ.

Въ подобномъ-же положеніи въ концѣ 18 в. находилась въ Россіи и свѣтская (не народная!) музыка, начало которой положено было появившимися при Дворѣ,—вмѣстѣ съ другими иноземными новшествами—камеръ-музыкантами, оркестрами и, наконецъ, оперой (при Аннѣ Іоанновнѣ). Отъ Двора стали перенимать то же знать и дворяне. Многіе изъ

нихъ обладали сотнями и тысячами крѣпостныхъ, изъ которыхъ и образовывали цѣлыя труппы, оркестры, или, въ крайнемъ случаѣ, своихъ собственныхъ „камеръ-музыкантовъ". Ѳоминъ и Матинскій, оперы которыхъ *) имѣли наибольшій успѣхъ въ 18 в., оба происходили изъ крѣпостныхъ, точно такъ же, какъ замѣчательный скрипачъ Хандошкинъ. Учителями, дирижерами, композиторами сначала были исключительно, а позднѣе преимущественно иностранцы, которымъ во всемъ старались подражать и русскіе музыканты. Въ понятномъ преклоненіи передъ иностранной культурой они слишкомъ мало обращали вниманія на родной богатѣйшій музыкальный матеріалъ, на родную жизнь, и потому, даже при наличности дарованія, не могли стать на твердый путь самостоятельнаго развитія.

Что касается русской народной пѣсни, то она также находилась въ критическомъ положеніи. Отличаясь, по общему признанію изслѣдователей, удивительной оригинальностью и красотой, она, однако, какъ мы видѣли, оказывала мало вліянія на церковь. Еще меньше было обратное вліяніе церковной музыки на народную. Сколько-нибудь значительно оно выразилось лишь въ такъ называемыхъ народныхъ „духовныхъ стихахъ" да еще въ томъ косвенно замедляющемъ воздѣйствіи, которое исключительная вокальность русской церковной музыки имѣла на развитіе инструментальной музыки въ Россіи. Надо еще принять во вниманіе и замкнутость Россіи, сравнительно поздно подпавшей подъ нивелирующія вліянія европейской культуры. Такимъ образомъ, народная пѣсня жила у насъ своей собственной обособленной жизнью дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Европѣ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ окраинъ послѣдней. Немало можно найти у насъ мѣстъ, гдѣ народная пѣсня сквозь рядъ вѣковъ донесла до нашего времени въ почти нетронутомъ видѣ всѣ свои оригинальныя черты, зачастую восходящія къ глубокой древности (напримѣръ, напѣвы, основанные на пятитонной гаммѣ, даже на трихордахъ и тетрахордахъ). Но, сохранивъ до 19 в. свои здоровые, многоплодные корни, народная пѣсня еще раньше пріостановилась въ своемъ развитіи подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни: крѣпостного права, обострившагося классоваго раздѣленія, новыхъ экономическихъ и бытовыхъ условій, западныхъ вліяній и др. Старые источники, питавшіе народное искусство, стали изсякать, новыхъ же почти не создавалось, ибо народъ въ своей массѣ оставался въ сторонѣ отъ европейской культуры, которую власть старалась прививать только высшимъ классамъ, да и то лишь въ той мѣрѣ, насколько это необходимо было для военнаго укрѣпленія государства и для внѣшняго лоска.

Народной музыкѣ предстояла такимъ образомъ диллема: или понемногу атрофироваться въ своемъ прежнемъ значеніи полной выразительницы народной музыкальной жизни и быть вытѣсненной—какъ на Западѣ—спеціальными жанрами

*) „Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ" (1779 г.) Ѳомина и „Гостинный дворъ" (1791 г.) Матинскаго.

художественной музыки, или же слиться съ новой, заимствованной съ Запада, музыкальной культурой, претворить ее, заимствовавъ отъ нея силу мышцъ и вливъ въ нее свѣжую силу духа, и такимъ путемъ воскреснуть къ новой, чреватой будущимъ, самостоятельной жизни. 19-й вѣкъ разрѣшилъ эту задачу во второмъ смыслѣ; Глинка первый сумѣлъ это сдѣлать и въ этомъ его величайшая заслуга.

Младшими современниками и отчасти сотоварищами Глинки въ дѣлѣ созданія самостоятельной русской художественной музыки были Даргомыжскій и Сѣровъ. Эту первую группу композиторовъ преемственно смѣнила вторая, открывшая передъ русской музыкой новые горизонты. Появленіе ея совпало съ освободительной эпохой 60-хъ годовъ, не оставшейся безъ вліянія на нѣкоторыхъ ея представителей. Къ этой 2-й групѣ, кромѣ членовъ былой „Новой руской школы“ (Балакиревъ, Мусоргскій, Бородинъ, Кюи, Римскій—Корсаковъ), надо причислить А. Рубинштейна, Чайковскаго и отчасти Глазунова, относящагося собственно уже къ нашему новѣйшему времени. Такимъ образомъ, исторію руской музыки въ 19 в. можно раздѣлить—поскольку вообще допустимы подобныя дѣленія, часто разсѣкающія однородное и связывающія разнородное—на 4 періода: доглинкинскій, глинкинскій, новый и новѣйшій.

Въ области духовной музыки сходный процессъ синтеза высшей современной музыкальной культуры съ оригинальнымъ духомъ и особенностями національной музыки значительно запоздалъ и происходитъ только теперь, на нашихъ глазахъ.

Русская музыка до 60-хъ—70-хъ годовъ.

Положеніе искусства—и въ частности музыки—въ Россіи на порогѣ 19 вѣка глубоко отражало на себѣ вліяніе помѣщичье-крѣпостного уклада, проникавшаго всю тогдашнюю русскую жизнь. Пропасть между высшими и низшими классами замѣтна была въ этой области не менѣе, если не болѣе, чѣмъ во всемъ остальномъ. Въ то время, какъ первые имѣли къ своимъ услугамъ и домашнюю музыку, и оперу, укрѣпившуюся на императорскихъ театрахъ обѣихъ столицъ, и публичные концерты, начинавшіе получать распространеніе въ эту эпоху,—простой народъ попрежнему пѣлъ свои собственныя, старыя, безыскусственныя пѣсни. По примѣру Запада, музыка стала входить въ кругъ воспитанія „благороднаго сословія“. Въ помѣщичьемъ кругу принято было учить музыкѣ дѣтей съ ранняго возраста, какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ. Но на музыку смотрѣла при этомъ исключительно, какъ на развлеченіе, какъ на одинъ изъ способовъ имѣть успѣхъ въ „свѣтѣ“. Видѣть въ ней насущную культурную потребность, а тѣмъ болѣе предметъ призванія всей жизни почти никому и въ голову не приходило Впрочемъ, такое же отношеніе господствовало въ обществѣ и къ литературѣ. Единственно достойнымъ занятіемъ для дворянина была служ-

ба и еще Пушкину, какъ извѣстно, приходилось доказывать право и возможность для дворянина быть литераторомъ и ничѣмъ болѣе.

По отношенію къ музыкѣ предубѣжденіе было еще сильнѣе, и почти всѣмъ нашимъ композиторамъ первой половины 19-го вѣка, да еще и позднѣе, приходилось терять лучшіе годы и много бороться прежде, чѣмъ они могли всецѣло отдаться своему призванію. Богатые помѣщики, особенно склонные къ музыкальнымъ забавамъ или желавшіе пустить пыль въ глаза сосѣдямъ, имѣли собственные оркестры, труппы изъ крѣпостныхъ, даже собственныхъ „придворныхъ" композиторовъ. И эти подневольные, столь характерные для всей той эпохи, артисты, которыхъ „гнали" на музыку и, случалось, сѣкли въ антрактахъ, только укрѣпляли господствовавшее въ обществѣ презрительно - снисходительное отношеніе къ искусству и его профессіональнымъ служителямъ. Насколько такое отношеніе находило себѣ поддержку даже въ законодательствѣ, видно изъ того, что еще въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка существовалъ законъ, по которому всякій дворянинъ, поступавшій въ качествѣ актера или музыканта на императорскую сцену, тѣмъ самымъ терялъ дворянство. Да и какъ могло быть иначе: вѣдь поступая на сцену, онъ становился на одну доску со своими товарищами по профессіи, бывшими крѣпостными артистами, которыхъ императорскіе театры скупали для своихъ надобностей у ихъ прежнихъ хозяевъ, разорившихся помѣщиковъ!

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественной является черта, проникавшая всю русскую музыкальную жизнь въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка—дилетантизмъ. Въ обществѣ не было сколько-нибудь серьезнаго и сознательнаго отношенія къ искусству звуковъ, несмотря на то, что времени и вниманія отдавалось ему довольно много; даже любители съ дарованіемъ обучались по части музыки лишь „чему-нибудь и какъ-нибудь". Въ области музыкальныхъ потребностей и сужденій руководились почти исключительно запоздалымъ западнымъ успѣхомъ и авторитетомъ иностранцевъ-учителей. Но были въ этомъ дилетантизмѣ и положительныя стороны. Онъ все-таки распространялъ въ обществѣ знакомство съ музыкой и, подымая уровень музыкальной культуры, тѣмъ самымъ повышалъ стремленіе и уваженіе къ ней. Такимъ образомъ, онъ являлся признакомъ такого же процесса въ исторіи русской музыки, какой раньше наблюдался въ русской литературѣ. Лишь пройдя стадію писанія „для забавы", для кружка немногихъ, литература въ началѣ 19-го вѣка стала пріобрѣтать самодовлѣющее значеніе широкой и серьезной общественной потребности. Съ музыкой, естественно, это случилось значительно позже. Какую роль въ этомъ процессѣ усвоенія музыкальной культуры и прививки вкуса къ ней сыграли иностранцы, упомянуто было выше.

Иностранные музыканты приглашались въ Россію и до Петра, но при Петрѣ, съ укрѣпленіемъ театра и началомъ ассамблей, количество такихъ музыкантовъ, „искусныхъ въ

поючихъ дѣйствахъ“ и „игрѣ на струментахъ“, конечно, значительно увеличилось. Особенно же, усилился притокъ ихъ послѣ основанія въ Россіи, при дворѣ Анны Іоанновны, первой оперной сцены (итальянской, въ 1735 г.). Имена придворныхъ капельмейстеровъ Арайи (написавшаго первую оперу на русскій текстъ), Раупаха, Галуппи, Траэтты, Паэзіелло, Сарти, Мартини и камеръ-музыкантовъ Булана (автора оперы „Сбитенщикъ“), Дица, и др. сыграли видную роль въ исторіи музыки въ 18 вѣкѣ. Многіе изъ нихъ пользовались широкой извѣстностью и въ Европѣ. Ихъ же учениками были и выдающіеся русскіе музыканты 18-го вѣка, къ числу которыхъ, кромѣ ранѣе упомянутыхъ Ѳомина, Матинскаго и Хандошкина, надо еще отнести Пашкевича, автора оперы „Февей“, духовныхъ композиторовъ Березовскаго, Дегтярева, Давыдова и др. Нѣкоторые изъ этихъ музыкантовъ ѣздили учиться еще и за границу (въ Италію).

Среди рядовыхъ музыкантовъ большинство состояло также изъ иностранцевъ, дававшихъ главные кадры и для императорскихъ театровъ. Положеніе ихъ и съ матеріальной стороны и въ смыслѣ отношенія къ нимъ общества было значительно лучше, чѣмъ положеніе музыкантовъ русскихъ. Благодаря, главнымъ образомъ, ихъ стараніямъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ дилетантовъ, среди которыхъ былъ, между прочимъ, и извѣстный князь Н. Б. Голицынъ, одинъ изъ рѣдкихъ въ тѣ времена дѣйствительныхъ знатоковъ музыки, основано было въ 1802 г. въ Петербургѣ первое въ Россіи музыкальное общество, „Филармоническое“. Своими большими концертами (ораторіи, симфоніи и др.) общество это сыграло видную роль въ дѣлѣ музыкальнаго развитія Петербурга. Подобные же концерты устраивались иногда и въ Москвѣ. Такъ, въ 1811 г. первая руская ораторія, „Освобожденіе Москвы“ Дегтярева, исполнена была здѣсь при участіи 200 человѣкъ. Въ эту же эпоху стали распространяться публичные концерты и въ провинціальныхъ центрахъ. Постоянные оперные спектакли давались только въ обѣихъ столицахъ, при чемъ не было такой спеціализаціи, какъ теперь, и одни и тѣ же артисты участвовали зачастую и въ оперѣ и въ драмѣ. Впрочемъ, въ тогдашнихъ операхъ музыка большей частью была очень несложная, при чемъ только часть текста пѣлась, часть же говорилась. Такія оперы были иногда по плечу и странствующимъ провинціальнымъ драматическимъ труппамъ.

Учителями музыки были, главнымъ образомъ, иностранцы,—какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ и у помѣщиковъ, имѣвшихъ собственные оркестры и труппы. Спеціальныхъ музыкально-учебныхъ заведеній не было, кромѣ, отчасти, придворной Пѣвческой капеллы, гдѣ подготовляли церковныхъ пѣвчихъ, да театральнаго училища, гдѣ, между прочимъ, учили будущихъ актеровъ и актрисъ пѣнію. Шольцъ, бывшій въ 1820—30 гг. капельмейстеромъ Московскаго большого театра, еще до поступленія своего на эту должность, подалъ проектъ учрежденія въ Москвѣ музыкальнаго училища, указывая, между прочимъ, на то, что

„недостатокъ въ хорошихъ композиторахъ въ Россіи происходитъ единственно отъ неимѣнія удобнаго случая изучить правила гармоніи". Въ 1830 г. Шольцу удалось открыть такое училище въ Москвѣ, но въ томъ же году онъ умеръ отъ холеры, и дѣло его заглохло. Изъ выдающихся учителей музыки этой эпохи надо назвать знаменитаго піаниста Фильда, начиная съ 1804 г. болѣе четверти вѣка жившаго въ Петербургѣ и Москвѣ, и его ученика Шарля Майера († 1862 г.), бывшаго, между прочимъ, учителемъ Глинки.

Въ 1822 г. въ Петербургѣ насчитывалось около 20 разнаго рода дипломированныхъ профессоровъ и учительницъ музыки, около 40 музыкальныхъ магазиновъ и мастерскихъ. Музыкальное издательство, начало котораго относится еще къ концу 18 в., также представлено было нѣсколькими фирмами, которыя печатали, главнымъ образомъ, школы для разныхъ инструментовъ и танцы. Большинство бывшихъ въ обращеніи нотъ были еще рукописными.

Интересно отмѣтить, что къ началу 19 в. (1790 г. и позже) появилось уже въ печати въ Спб. *Собраніе русскихъ* (народныхъ) *пѣсенъ съ ихъ голосами* чеха Прача,—первая серьезная обдуманная работа въ этой области. Несмотря на выраженное Прачемъ желаніе быть точнымъ, многія пѣсни искажены въ записи, не говоря уже о шаблонной гармонизаціи, совсѣмъ не вытекающей изъ особенностей оригинальныхъ напѣвовъ. Послѣ сборника Прача въ 1-й половинѣ 19-го вѣка были изданы еще подобные сборники Кашина, Снегирева, Гурилева Бернарда и др. По точности записи, эти сборники стоятъ ниже Прача; подлинный текстъ часто измѣненъ, точно такъ же какъ и мелодія; гармонизація не соовѣтствуетъ складу мелодій.

Чтобы дополнить краткій очеркъ тогдашней музыкальной жизни въ Россіи, надо напомнить еще о дѣятельности помѣщичьихъ хоровъ, оркестровъ и труппъ. Музыкальныя исполненія ихъ иногда происходили публично, но даже тамъ, гдѣ этого не было, они собирали обыкновенно значительный кругъ приглашенныхъ лицъ. Иногда эти исполненія стояли на высокомъ музыкальномъ уровнѣ. Такъ, графъ Михаилъ Віельгорскій, въ 1816 г. сосланный за запрещенный церковью бракъ въ свое имѣніе Луизино (Курск. губ.), въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ устраивалъ тамъ, при ближайшемъ участіи своего брата Матвѣя и собственномъ, симфоническіе и камерные концерты, программы которыхъ заставляютъ думать, что Луизино было въ то время чуть ли не передовымъ музыкальнымъ центромъ въ Россіи. Особымъ русломъ текла музыкальная жизнь въ такихъ окраинныхъ городахъ, какъ Рига, Варшава, Вильно.

Естественно, что при такомъ уровнѣ публики, композиторовъ и музыкантовъ не могли культивироваться въ русскомъ музыкальномъ творчествѣ широкія формы, да и мелкія прививались лишь въ простѣйшемъ, элементарномъ видѣ. До Глинки въ Россіи не было не только настоящей русской оперы, но и вообще оперы, если подъ послѣдней понимать произведеніе съ широко развитыми, органически вытекающими изъ со-

держанія, музыкальными формами. Не существовало до Глинки и русской симфонической музыки. Русскіе композиторы той эпохи вообще очень мало вниманія удѣляли инструментальной музыкѣ, ограничиваясь въ этой области мелкими пьесами, главнымъ образомъ, для фортепіано, вытѣснившаго любимую раньше гитару. Свои силы отдавали они, главнымъ образомъ, вокальной музыкѣ, въ которой связь со словомъ и возможность опереться на него до извѣстной степени облегчаетъ задачу композитора. Можетъ быть, впрочемъ, въ этой склонности къ вокальной музыкѣ сказались также унаслѣдованныя вѣковыя симпатіи къ пѣнію, о которыхъ говорилось раньше. Но и здѣсь дѣло ограничивалось примитивнымъ романсомъ, именно въ эту эпоху впервые получившимъ распространеніе; музыкой къ водевилямъ, въ 20-хъ—30-хъ годахъ очень моднымъ („лишь водевиль есть вещь, а прочее все гиль!"), да операми примитивнаго типа, по музыкѣ приближавшимися къ водевилямъ.

Ранняя исторія русскаго романса еще мало выяснена, но несомнѣнные зачатки его имѣются уже въ XVIII вѣкѣ (напр., *Стонетъ сизый голубочекъ* Дица или *Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить* Сарти). Н. Д. Кашкинъ въ своемъ *очеркѣ исторіи русской музыки* (1908 г.) выводитъ русскій романсъ изъ „городской" народной пѣсни, во многомъ складывавшейся подъ напоромъ западныхъ вліяній и относившей къ коренной „деревенской" народной пѣснѣ, примѣрно, какъ сказка о Бовѣ королевичѣ къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ. Такимъ образомъ титулъ „дѣдушка русскаго романса", съ которымъ съ легкой руки Глинки перешелъ въ потомство Титовъ *), можетъ быть принятъ лишь съ оговоркой. Но несомнѣнно, Титовъ былъ первымъ русскимъ композиторомъ, посвятившимъ себя, главнымъ образомъ, этому жанру и придавшимъ ему широкую популярность. Его *Уединенная сосна* (1820 г.), долго считавшаяся первымъ русскимъ романсомъ, въ свое время распѣвалась всюду, точно такъ же, какъ *Коварный другъ, Лампада* и др. Все это—устарѣлые продукты музыкальнаго сентиментализма, при всей своей наивности и малограмотности, не лишенные теплоты и элементарной мелодичности.

Современниками и товарищами Титова по романсному творчеству были Алябьевъ и Варламовъ **). Въ то время, какъ Варламовъ писалъ почти исключительно романсы (около 225), Алябьевъ пробовалъ свои силы и въ болѣе крупныхъ формахъ: сочинялъ музыку къ водевилямъ (вмѣстѣ съ Верстовскимъ, М. Віельгорскимъ и Мауреромъ) и даже сочинилъ двѣ оперы *Лунную*

*) Николай Алексѣевичъ Титовъ (1800—75), интендантскій генералъ; отецъ его, дядя (Сергѣй) и братъ (Михаилъ) также писали романсы, танцы и оперы.

**) Александръ Александровичъ Алябьевъ (1787—1851) служилъ въ военной службѣ; за убійство въ запальчивости сосланъ былъ въ Сибирь, позднѣе помилованъ и жилъ въ Москвѣ. Александръ Егоровичъ Варламовъ (1801—1848) преподаватель музыки въ Спб. Придворной пѣвческой капеллѣ и въ Москвѣ, гдѣ одно время былъ помощникомъ капельмейстера Большого театра.

ночь и *Кавказскій плѣнникъ*. „Оперы" эти въ высшей степени безпомощны и ничтожны по музыкальному содержанію. Гораздо интереснѣе романсы Алябьева (около 100), болѣе удачные и въ смыслѣ техникѣ, хотя, конечно, также довольно примитивные. Варламовъ лучше Алябьева соразмѣрялъ свои силы, лучше примѣнялъ ихъ, да пожалуй, былъ и талантливѣй. Романсы этихъ двухъ композиторовъ въ общемъ относятся къ тому же простѣйшему типу, какъ и романсы Титова, по сравненію съ которыми представляютъ, однако, нѣкоторый шагъ впередъ. Лучшіе изъ нихъ способны еще привлекать своей искренностью и непосредственностью. Наивный сентиментализмъ подаетъ здѣсь руку столь же наивному романтизму. Въ „пѣсняхъ", т.-е. романсахъ на тексты въ народномъ стилѣ (Цыганова, Дельвига и др.) встрѣчаются попытки подражать народной пѣснѣ. Несмотря, однако, на отдѣльные удачные обороты, ни Алябьеву ни Варламову не удавалось схватить духъ послѣдней, да и убогая ихъ техника не давала имъ возможности выйти изъ шаблонныхъ гармоническихъ рамокъ, неизбѣжно искажающихъ и обезцвѣчивающихъ народную пѣсню. Тѣмъ не менѣе, популярные *Соловей* Алябьева и *Красный сарафанъ* Варламова долго слыли (а за границей и понынѣ слывутъ) „русскими народными пѣснями" и удостоились транскрипцій Листа, Глинки, Венявскаго и др. Историческая заслуга Алябьева и Варламова *) несомнѣнна; въ сущности, первые романсы Глинки и Даргомыжскаго, этихъ „отцовъ русскаго романса", по характеру почти нисколько не отличаются отъ произведеній Варламова и Алябьева и непосредственно къ нимъ примыкаютъ.

Того же типа и романсы Верстовскаго *), который, однако, имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ сценическій композиторъ. Верстовскій учился музыкѣ съ дѣтства, но никогда серьезно и основательно не занимался ею. Какъ и его современники, — Титовъ, Алябьевъ, Варламовъ, Гурилевъ, Вьельгорскій и др., — онъ всю жизнь оставался дилетантомъ въ музыкѣ, только болѣе талантливымъ и умѣлымъ, чѣмъ тѣ. Впервые достигъ онъ извѣстности музыкой къ водевилямъ, особенно процвѣтавшимъ въ то время. Сюжеты этихъ водевилей были почти всегда заимствованы съ французскаго. Около 20 такихъ водевилей снабдилъ онъ своей музыкой и его легкіе, мелодичные водевильные куплеты на нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлались прототипомъ произведеній подобнаго рода. Большое вниманіе обращали на себя въ свое время и забытыя нынѣ кантаты Верстовскаго (на разные случаи). На сюжетахъ оперъ Верстовскаго (ихъ 6; всѣ онѣ написаны для Москвы) отразились два тогдашнихъ теченія: романизмъ, въ духѣ веберовскаго „Фрейшюца", имѣвшаго большое вліяніе на Верстовскаго, и славяно-

*) Къ нимъ надо отчасти прибавить и А. Л. Гурилева (1802—1856), автора около 200 романсовъ.

*) Алексѣй Николаевичъ Верстовскій (1799—1862) окончилъ въ Спб. институтъ корпуса путей сообщенія, но служилъ (инспекторомъ) при императорскихъ театрахъ въ Москвѣ 1822—60 гг.

фильство въ той простѣйшей формѣ, въ какой, напримѣръ, выразилось оно у Загоскина, любимаго либреттиста Верстовскаго. Лучшая изъ нихъ, *Аскольдова могила* (1835), въ свое время пользовалась огромной популярностью, да и понынѣ не совсѣмъ исчезла съ репертуара. Несмотря на обиліе бутафорскихъ ужасовъ, музыкальнаго драматизма въ *Аскольдовой могилѣ* нѣтъ никакого. Въ ней господствуютъ простѣйшія, преимущественно куплетныя формы; въ музыкальномъ замыслѣ нѣтъ ширины, что связано, конечно, и съ убогой техникой Верстовскаго; характеръ музыки близокъ къ водевильному типу. Особенно первобытна инструментовка оперы, про которую Сѣровъ говорилъ, что по ней можно учиться, какъ не надо оркестровать. Вообще, въ смыслѣ обладанія музыкальными средствами выраженія, Верстовскій гораздо больше отсталъ отъ современнаго ему Запада, чѣмъ лучшіе русскіе оперные композиторы XVIII вѣка отъ европейскихъ мастеровъ своей эпохи. Но всѣ эти недостатки не смущали тогдашнюю публику, которой Верстовскій былъ какъ разъ по плечу. Она восхищалась въ *Аскольдовой могилѣ* ясностью и свѣжестью мелодіи, доступностью музыкальнаго изложенія, главное же оригинальнымъ складомъ многихъ мѣстъ въ оперѣ, отчасти напоминавшимъ народную русскую музыку. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи живые, веселые эпизоды *Аскольдовой могилы*. Но у Верстовскаго не хватало ни таланта ни—главное—ширины музыкальнаго кругозора, чтобы, поднявшись выше отдѣльныхъ поверхностныхъ удачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ, создать въ области русской оперы нѣчто сильное, цѣльное, новое. Это суждено было совершить Глинкѣ, въ числѣ предшественниковъ котораго Верстовскій занимаетъ видное и почетное мѣсто.

Среди этихъ предшественниковъ надо отмѣтить еще забытаго нынѣ Кавоса *), автора свыше 50 оперъ, балетовъ и другихъ сценическихъ произведеній. Кромѣ итальянскихъ и французскихъ оперъ Кавосъ написалъ много русскихъ. Наибольшій успѣхъ изъ послѣднихъ имѣлъ *Иванъ Сусанинъ*, появленіе котораго (1815 г.) не случайно совпало съ патріотическимъ подъемомъ послѣ низверженія Наполеона. „Капельмейстерская“ музыка Кавоса, въ свое время очень нравившаяся, написана гладко и красиво, но не запечатлѣна особой оригинальностью. Въ его операхъ встрѣчается русскій элементъ въ видѣ заимствованныхъ народныхъ пѣсенъ, обработанныхъ на итальянскій ладъ; элементъ этотъ гораздо менѣе ярко выраженъ, чѣмъ у Верстовскаго, который, однако, сильно уступалъ Кавосу въ мастерствѣ и стройности чисто-музыкальнаго развитія.

Обзоръ композиторовъ доглинкинской эпохи будетъ, однако, не полонъ, если мы оставимъ безъ вниманія церковную музыку—единственную отрасль искусства звуковъ, которая болѣе или менѣе доступна

*) Катеринъ Альбертовичъ Кавосъ (1776 — 1840), итальянскій композиторъ, въ 1797 г. переѣхалъ въ Спб., гдѣ вскорѣ сдѣлался капельмейстеромъ императорской оперы. Въ этой должности Кавосъ и умеръ.

была дѣйствительно широкимъ народнымъ массамъ. Здѣсь первое мѣсто должно быть отведено, конечно, Бортнянскому *). Вліяніе Бортнянскаго, несомнѣнно, наиболѣе талантливаго и музыкально-образованнаго изъ старинныхъ духовныхъ русскихъ композиторовъ, сказалось въ исторіи русской музыки тѣмъ сильнѣй, что оно было закрѣплено спеціальнымъ закономъ, согласно которому при богослуженіи могли быть исполняемы только одобренныя Бортнянскимъ духовныя композиціи. Разумѣется, законъ этотъ во всей строгости исполнялся только въ придворной капеллѣ и, можетъ быть, въ Петербургѣ. Чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ онъ имѣлъ меньше практическаго значенія. Тамъ, рядомъ съ сочиненіями Бортнянскаго, пѣлись безграмотныя доморощенныя нескладицы, рядомъ съ изощренными концертами итальянцевъ—строгіе старинные напѣвы, обиходные или свои мѣстные. Воспитанный въ Италіи, въ понятномъ преклоненіи передъ итальянской музыкальной культурой, Бортнянскій не могъ отрѣшиться отъ господствовавшихъ тогда въ высшемъ русскомъ обществѣ симпатій къ привившемуся въ Петербургѣ въ XVIII вѣкѣ итальянскому типу церковной музыки. Типъ этотъ характеризовался склонностью къ вокальной виртуозности, недостаточнымъ вниманіемъ къ духу текста, пренебреженіемъ къ стариннымъ крюковымъ напѣвамъ. Но съ другой стороны, талантъ и чутье не давали Бортнянскому идти въ этомъ направленіи дальше извѣстныхъ предѣловъ и подсказывали ему много новаго, свѣжаго, болѣе соотвѣтствующаго потребностямъ Россіи. Онъ сгладилъ виртуозныя крайности формы духовнаго концерта и въ такомъ видѣ водворилъ ее въ русской духовной музыкѣ; онъ умѣлъ уже цѣнить древніе напѣвы и обращался съ ними гораздо осторожнѣе своихъ предшественниковъ; сочиненія его отличаются чистотой стиля и благозвучіемъ. Бортнянскій создалъ цѣлую школу. Родственными этой школѣ, несмотря на несходство иныхъ пріемовъ, надо признать П. И. Турчанинова (1779—1856) и отчасти А. Ѳ. Львова (1798—1870). Надо, впрочемъ, сказать, что переложеніе полнаго годового круга церковнаго пѣнія на 4 голоса, извѣстное подъ именемъ Львовскаго, сдѣлано, главнымъ образомъ, Воротниковымъ и Ломакинымъ.

Сопоставляя со всѣми вышеназванными композиторами Глинку *), ихъ современника, особенно ясно видишь, какое поразительное явле-

*) Дмитрій Степановичъ Бортнянскій (1751—1825) былъ пѣвчимъ придворной пѣвческой капеллы; затѣмъ, отправленъ былъ учиться въ Италію; въ 1779 вернулся и съ 1796 былъ управляющимъ капеллой.

*) Михаилъ Ивановичъ Глинка (1804—1857) род. въ с. Новоспасскомъ (Смоленск. губ.), гдѣ и росъ до 13 лѣтъ; окончилъ, затѣмъ, Благородный пансіонъ при Педагогич. институтѣ въ Спб. Большая часть жизни Глинки протекла въ Спб., но онъ подолгу живалъ въ Италіи (1830—33 гг.), Парижѣ (1844—45 гг.), Испаніи (1845—47 гг.), Берлинѣ, гдѣ въ 1833—34 г. 5 мѣсяцевъ изучалъ композицію подъ руководствомъ теоретика Дена; не мало путешествовалъ Глинка и по Россіи (въ Малороссіи, Польшѣ, на Кавказѣ и др.). Умеръ въ Берлинѣ, похороненъ въ Спб.

ніе въ исторіи музыки представляетъ собою авторъ *Руслана*. И до него и послѣ него были геніи, составлявшіе эпоху въ искусствѣ; но они выростали на почвѣ, подготовленной предшественниками. Надъ тѣмъ, что было уже раньше создано искусствомъ, появлялись новыя вершины, только потому и способныя подняться въ небо, что опирались на могучее плоскогорье художественной культуры предыдущихъ поколѣній. Съ Глинкой было иначе.

Конечно, и онъ явился не въ пустынѣ. Не даромъ цѣлый вѣкъ до него ушелъ на прививку въ Россіи музыкальной грамоты, вкусовъ и обычаевъ западной Европы (оперы, концертовъ, камерной музыки); не даромъ Пушкинъ еще до него создалъ русскую литературу. Но мы видѣли, изъ кого состояли представители русской художественной музыки до Глинки и отчасти еще при немъ. Это были—одно изъ двухъ—или музыкально образованные иностранцы (отъ Арайи до Кавоса), всѣ симпатіи которыхъ естественно тяготѣли въ сторону метрополіи, что неизбѣжно отражалось на каждомъ тактѣ ихъ музыки, даже когда они пускали въ ходъ русскіе сюжеты и русскіе напѣвы, или же русскіе, можетъ быть, инстинктивно и чувствовавшіе силу этихъ напѣвовъ, но музыкально мало культурные, по существу дилетанты, не имѣвшіе достаточно ни таланта ни знаній, чтобы создать нѣчто новое, художественно самостоятельное, люди, которымъ въ лучшемъ случаѣ удавалось только мастерски подражать иностранцамъ (оперы XVIII вѣка), или чутьемъ уловить одну-двѣ вѣрныхъ родныхъ нотки (Верстовскій и др.). При такой перспективѣ Глинка представляется историку музыки уходящею въ облака вершиной, тѣмъ болѣе поражающею взоръ, что опирается она не на гористую возвышенность, а на плоскую, бѣдную даже холмами, равнину.

Глинка какъ-то удивительно глубоко усвоилъ себѣ наиболѣе совершенныя стороны созидавшейся вѣками музыкальной культуры Запада, и все богатство ея художественныхъ средствъ и формъ впервые сумѣлъ использовать въ духѣ оригинальнаго русскаго народнаго музыкальнаго творчества. Обѣ эти стороны дѣла Глинки одинаково важны. Не надо забывать, что основнымъ признакомъ искусства высшаго типа является полное обладаніе средствами высшей художественной культуры, безъ котораго и богатѣйшему матеріалу народнаго творчества въ наши дни заказаны пути для дальнѣйшаго развитія. И это-то обладаніе впервые далъ русской музыкѣ Глинка, тѣмъ самымъ открывшій и для народной музыки новые, невѣдомые ей раньше горизонты. Самому Глинкѣ это обладаніе далось не сразу. Въ противоположность своимъ предшественникамъ - дилетантамъ, онъ очень серьезно относился къ задачамъ творчества — также одинъ изъ признаковъ высшей художественной культуры. Много успѣлъ онъ перевидѣть и переслышать, много учился и искалъ, прежде чѣмъ вполнѣ овладѣлъ своими силами и призваніемъ.

Глинка выросъ (и позднѣе не разъ живалъ) въ деревнѣ, гдѣ научился любить и понимать народ-

ную пѣсню. Тамъ же рано познакомился онъ и съ художественной музыкой въ исполненіи крѣпостного оркестра своего дяди. Этотъ же оркестръ, для котораго Глинка впослѣдствіи не мало писалъ „упражненій въ композиціи“, послужилъ ему для практическаго усвоенія оркестровки и особенностей симфоническаго стиля. Уже въ 10—11 лѣтъ будущій композиторъ сознательно заявилъ „музыка—душа моя“. Онъ не довольствуется, затѣмъ, ранними успѣхами въ области романса; не довольствуется заявленіемъ своего учителя, виднѣйшаго въ то время петербургскаго авторитета (піаниста и композитора Шарля Майера): „мнѣ больше нечему васъ учить“. Усиленно продолжаетъ онъ, изучая лучшіе западные образцы, работать надъ широкими формами симфоніи, увертюры, сонаты, пробуя развивать въ нихъ и русскія темы. Пріобрѣтши извѣстность и въ Италіи въ качествѣ автора сладкозвучныхъ романсовъ, онъ ѣдетъ оттуда въ Берлинъ, къ Дену, подъ руководствомъ котораго терпѣливо, по собственному признанію, „приводитъ въ порядокъ не только свои знанія, но и самыя идеи объ искусствѣ“. Только послѣ этого рѣшается онъ взяться за оперу (*Жизнь за царя*),—онъ, таланта и знаній котораго давно уже было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы написать оперу въ стилѣ хотя бы имѣвшаго тогда успѣхъ *Пана Твардовскаго* Верстовскаго. Если прибавить къ этому постоянныя путешествія Глинки, дававшія обильную пищу его музыкальной любознательности, и общеніе его съ выдающимися европейскими музыкантами (Берліозъ, Листъ, Мейерберъ, Денъ и др.), то станетъ еще болѣе яснымъ, насколько выше стоялъ онъ въ смыслѣ музыкальнаго развитія, не говоря уже о степени таланта всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

Заимствовавъ отъ французовъ разнообразіе и гибкость ритма, отъ итальянцевъ ясность и рельефность мелодіи, отъ нѣмцевъ богатство гармоніи и контрапункта, Глинка сумѣлъ въ лучшихъ своихъ сочиненіяхъ и особенно въ *Русланѣ и Людмилѣ* претворить все это и воссоздать соотвѣтственно духу народной русской пѣсни, коренныя особенности которой были постигнуты имъ съ такой проникновенностью, какъ ни кѣмъ другимъ до него. При этомъ онъ гораздо меньше руководился какими-нибудь ясно сознанными теоретическими соображеніями *), чѣмъ непосредственнымъ полуинстинктивнымъ чутьемъ. Талантъ Глинки прошелъ на этомъ пути три періода. Начавъ съ дилетантскихъ попытокъ (романсы), онъ, затѣмъ, формируется, крѣпнетъ, ищетъ новыхъ путей. Во второмъ періодѣ (*Жизнь за царя.* 1836 г.) Глинка находитъ свою настоящую дорогу; онъ мастерски и увѣренно владѣетъ художественными формами, но творчество его въ значительной степени связано еще вкусами окружающихъ, еще не достигло апогея силы и самобытности. Послѣднимъ характеризуется третій пе-

*) Вообще, внѣ задачъ музыкальнаго творчества, кругозоръ Глинки былъ довольно ограниченъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, „Записки“ композитора и его письма.

ріодъ—періодъ *Руслана и Людмилы* (1842 г.).

Старый споръ о томъ, какая изъ двухъ оперъ Глинки значительнѣй, можно считать теперь рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что *Жизнь за царя* выше, какъ сценическое произведеніе *), *Русланъ* же сильнѣй и оригинальнѣй въ чисто музыкальномъ отношеніи. Несмотря на всѣ недостатки либретто, полная красотъ музыка *Руслана* можетъ быть названа классической въ лучшемъ смыслѣ слова, на что ей даютъ право кристалльная чистота, ясность и какая-то особая, отрѣшенная отъ будничной злободневности, объективность. Обѣ оперы придерживаются законченныхъ мелодическихъ формъ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ первыми русскими операми, цѣликомъ—отъ перваго до послѣдняго слова — положенными на музыку. Формы эти развиваются въ органической связи съ сюжетомъ и текстомъ, достигая въ то же время удивительной красоты со стороны музыкальной архитектоники; съ этой стороны оперы Глинки представляютъ явленіе свѣжее и оригинальное даже по сравненію съ европейской музыкой того времени. То же надо сказать и о речитативахъ Глинки. Гибкіе, выразительные, они сливаются съ тѣсно примыкающими къ нимъ аріями, а не служатъ только сухими придатками къ послѣднимъ, какъ это было въ тогдашнихъ итальянскихъ операхъ. Глинка яркій и неистощимый мелодистъ; своимъ строеніемъ (старинные лады) и очертаніями мелодіи его часто напоминаютъ народную пѣсню; рѣже пользуется онъ подлинными русскими народными напѣвами. Гармоніи Глинки также нерѣдко строятся на старинныхъ ладахъ; онѣ всегда свѣжи, сильны, но при всей своей гибкости и богатствѣ никогда не впадаютъ въ изысканность. Такимъ же классическимъ мастеромъ является Глинка и въ области контрапункта (сопоставленія самостоятельныхъ голосовъ), который у него даже въ оркестрѣ сохраняетъ ясность и вокальную пѣвучесть. Оркестровка Глинки для своего времени совершенна, особенно въ эпизодахъ „монографическаго" характера. Одной изъ сильнѣйшихъ сторонъ музыки Глинки является разносторонняя музыкальная характеристика дѣйствующихъ лицъ и положеній; наиболѣе совершенно выражены при этомъ элементы лирическій, эпическій и фантастическій; сравнительно слабѣе моменты комическіе. Замѣчательна также способность Глинки къ музыкальной обрисовкѣ національностей, для чего онъ охотно пользовался народными напѣвами—пріемъ для того времени совершенно новый. Такъ, въ *Жизни за царя* сопоставлена русская и польская музыка; въ *Русланѣ* рядомъ съ русской музыкой мы встрѣчаемъ персидскій хоръ, лезгинку, музыку Финна, Ратмира (восточную); можно указать еще на *Камаринскую*, двѣ испанскія увертюры, еврейскую пѣсню (изъ музыки къ *Князю Холмскому*).

Масса художественныхъ и техни-

*) Здоровый драматическій остовъ оперы перевѣшиваетъ здѣсь отрицательное дѣйствіе варварскаго „самаго лучшаго русскаго языка" барона Розена и неестественнаго сгущенія патріотическихъ красокъ въ нѣкоторыхъ сценахъ.

ческихъ пріемовъ, созданныхъ Глинкой, съ тѣхъ поръ настолько вошли въ плоть и кровь русской музыки, что трудно указать автора, который такъ или иначе не пользовался бы ими. И это относится также къ русской симфонической музыкѣ въ Россіи, отцомъ которой Глинка можетъ быть названъ съ полнымъ основаніемъ, хотя и не оставилъ ни одной симфоніи. На это даютъ ему право образцовыя оркестровыя партитуры обѣихъ его оперъ, особенно ихъ увертюры; обѣ испанскія увертюры; увертюра и антракты къ *Князю Холмскому,* вальсъ-фантазія и *Камаринская,* про которую Чайковскій сказалъ, что современная русская симфоническая школа „вся въ *Камаринской,* какъ дубъ въ жолудѣ". Наконецъ, и въ области русскаго романса Глинка создалъ эпоху, придавъ этому жанру небывалую полноту художественной законченности и значительности. Начавъ съ романсовъ, близкихъ по характеру къ варламовскимъ и титовскимъ, Глинка впослѣдствіи поднялся неизмѣримо выше послѣднихъ, подобно тому, какъ *Жизнь за царя* и *Русланъ* выше всѣхъ предшествовавшихъ русскихъ оперъ.

Насколько Глинка обогналъ свое время, видно изъ отношенія къ его музыкѣ тѣхъ влiятельныхъ современниковъ, отъ которыхъ въ тѣ времена—какъ отчасти и нынѣ—зависѣла судьба композитора. Обыкновенно думаютъ, что *Жизнь за царя* была понята и оцѣнена сразу. Но первоначальный успѣхъ *Жизни за царя* въ значительной долѣ не имѣлъ ничего общаго съ музыкой. Прежде всего, ея долго вовсе не хотѣли принять на императорскую сцену; она попала туда лишь благодаря художественной самоотверженности капельмейстера Кавоса, который, вопреки ожиданіямъ дирекціи, призналъ, что *Жизнь за царя* по музыкѣ выше его собственной оперы на тотъ же сюжетъ *(Ивана Сусанина).* Но когда *Жизнь за царя* уже поставили, то высшимъ, наиболѣе вліятельнымъ кругамъ нравились въ ней только отдѣльные какъ разъ наименѣе оригинальные, подражательно - итальянскіе эпизоды; вся же опера характеризовалась сначала, какъ musique des cochers. Послѣднее относилось къ народному складу музыки *Жизни за царя,* который вызывалъ такое же недовольное недоумѣніе этихъ круговъ, какъ и сложность ея формъ. Опера удержалась въ репертуарѣ, только благодаря поощренію Двора, послѣ котораго и высшіе круги нехотя стали ею восхищаться. Но и здѣсь, конечно, не музыка обратила на себя вниманіе Николая II, истинныя симпатіи котораго сосредоточены были на балетѣ; рѣшающимъ факторомъ явился сюжетъ, благодаря которому опера сдѣлалась даже непремѣннымъ спутникомъ всяческихъ официальныхъ празднествъ и чествованій. Совсѣмъ иной была судьба *Руслана,* сюжетъ котораго ничѣмъ не могъ привлечь особаго поощренія свыше. Эта классическая опера, несмотря на свой первоначальный успѣхъ, уже въ слѣдующемъ послѣ постановки году снята была съ репертуара подъ вліяніемъ рѣзко опредѣлившагося въ придворныхъ кругахъ курса на итальянскую оперу. При жизни Глинки она болѣе не

возобновлялась, и мы знаемъ изъ біографіи композитора, какъ пагубно подѣйствовала на него печальная судьба любимаго дѣтища его творческой фантазіи: послѣ *Руслана* онъ прожилъ 15 лѣтъ, но больше не написалъ ни одной оперы...

Тернистъ былъ также композиторскій путь младшаго товарища Глинки въ дѣлѣ созданія русской оперы—Даргомыжскаго*). Какъ и Глинка, Даргомыжскій началъ съ дилетантскихъ романсовъ. Знакомство съ Глинкой заставило его серьезнѣй отнестись къ своему дарованію; по тетрадямъ Дена, полученнымъ отъ Глинки, онъ изучилъ теорію композиціи и подъ вліяніемъ успѣха *Жизни за царя* взялся за оперу. Его первая опера *Эсмеральда,* написанная въ 1839 г., поставлена была только въ 1847 г. и эти восемь лѣтъ напраснаго ожиданія, по собственному признанію композитора, „тяжелымъ бременемъ легли на всю его артистическую дѣятельность". Опера-балетъ Даргомыжскаго *Торжество Вакха* (1848 г.) вовсе не была принята дирекціей. Все это повліяло на композитора такъ, что опера *Русалка* была окончена двѣнадцатью годами позже, чѣмъ была задумана. При первой постановкѣ (въ 1856 г.) она была довольно холодно принята публикой и лишь послѣ громаднаго успѣха при возобновленіи въ 1865 г. сдѣлалась одной изъ любимѣйшихъ русскихъ оперъ. Послѣдней своей оперы, *Каменнаго Гостя,* Даргомыжскій не успѣлъ вполнѣ закончить; она была кончена Римскимъ-Корсаковымъ и Кюи.

Начавъ въ *Эсмеральдѣ* съ явнаго, отчасти полудилетантскаго подражанія гремѣвшимъ тогда французамъ (Галеви и Мейерберу), Даргомыжскій въ *Русалкѣ* ступилъ на путь болѣе зрѣлаго творчества, несомнѣнно, примыкающаго къ Глинкѣ, но во многомъ совершенно новаго и самостоятельнаго. По силѣ и непосредственности музыкальнаго дарованія Глинка стоитъ много выше Даргомыжскаго, который зато вносилъ въ свое творчество болѣе сознательности, разсудительности; послѣднее, между прочимъ, сказалось и на выборѣ текстовъ для композицій Даргомыжскаго. По сравненію съ классической объективностью Глинки *Русалка* поражаетъ живымъ, острымъ драматизмомъ своей музыки, дѣйствіе котораго еще усиливается, благодаря совершенству цѣльнаго пушкинскаго либретто. Но на ряду съ этимъ сильна въ Даргомыжскомъ и черта юмора,—та именно, которая такъ слабо развита была въ Глинкѣ. Этотъ живой и правдивый юморъ, проявившійся какъ въ обѣихъ главныхъ операхъ Даргомыжскаго, такъ и въ нѣкоторыхъ романсахъ его (*Червякъ, Титулярный совѣтникъ* и др.), кое въ чемъ роднитъ композитора съ предшествовавшими ему Гоголемъ (въ литературѣ) и Ѳедотовымъ (въ живописи).

---

*) Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (1813—1869), сынъ чиновника съ четырехъ лѣтъ росъ въ Петербургѣ, гдѣ прожилъ почти всю жизнь. Рано сталъ сочинять, 30-ти лѣтъ бросилъ службу и всецѣло отдался композиціи, давая въ то же время уроки пѣнія (не ради заработка, ибо Д. былъ матеріально обезпеченъ). Въ 1844 и 1864—65 былъ за границей (Франція, Брюссель, Лейпцигъ), при чемъ съ успѣхомъ исполнялъ нѣкоторыя свои композиціи.

Оркестръ въ операхъ Даргомыжскаго сравнительно бѣденъ; малозначительны и отдѣльныя его симфоническія пьесы. Въ этомъ отношеніи Даргомыжскій далеко уступаетъ Глинкѣ, точно такъ же какъ и въ богатствѣ голосоведенія, контрапунктѣ и вообще въ мастерствѣ техники. Русскій элементъ въ музыкѣ Даргомыжскаго является прямымъ продолженіемъ того, что далъ въ этомъ направленіи Глинка, конечно, съ тѣми новыми завоеваніями въ этой области, какія созданы были лучшими особенностями таланта Даргомыжскаго (драматизмъ, юморъ, музыкальная декламація). Тамъ, гдѣ Даргомыжскій менѣе самостоятеленъ, онъ тяготѣетъ большей частью къ французамъ, въ противоположность Глинкѣ, который въ такихъ случаяхъ склонялся къ итальянцамъ. Уступая Глинкѣ по ширинѣ и красотѣ мелодіи, Даргомыжскій превосходитъ его въ гибкости и выразительности речитативовъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчателенъ *Каменный гость*.

Опера эта написана на неизмѣненный (!) текстъ Пушкина. Даргомыжскій отказался здѣсь, за исключеніемъ двухъ „вставныхъ" пѣсенъ, отъ законченныхъ оперныхъ формъ. Вся опера построена изъ речитативовъ, мелодически и ритмически стилизующихъ измѣнчивыя интонаціи рѣчи и не оставляющихъ безъ музыкальнаго подчеркиванья ни одной сколько-нибудь выдающейся подробности текста. Драматическая концепція преобладаетъ здѣсь надъ музыкальной, реалистическая—надъ чисто эстетической. Въ своей реакціи противъ исключительнаго „ушеугодія" прежней итальянской оперы и, въ связи съ этимъ, въ стремленіи повысить за счетъ закругленныхъ оперныхъ формъ значеніе речитатива, Даргомыжскій соприкасается съ Вагнеромъ, но средства достиженія цѣли у обоихъ разныя: у перваго центръ тяжести въ пѣніи, у второго въ оркестрѣ. Оркестръ Вагнера—въ высшей степени сложный, безконечно развертывающійся изъ лейтмотивовъ, симфоническій организмъ, имѣющій сплошь и рядомъ вполнѣ самостоятельное, независимо отъ пѣнія художественное значеніе. Наоборотъ, роль оркестра у Даргомыжскаго, безконечно уступающаго Вагнеру по композиторской техникѣ, ограничивается поддержкой пѣнія; лейтмотивовъ нѣтъ. За то речитативы Даргомыжскаго гораздо богаче по тонкой индивидуализаціи и силѣ выраженія, чѣмъ вагнеровское Sprechsingen. Они даютъ право назвать *Каменнаго гостя* школой мелодической декламаціи, понимая подъ послѣдней художественное сліяніе и взаимодѣйствіе логическихъ акцентовъ рѣчи съ акцентами музыкальными. Во всемъ, что касается бережнаго отношенія къ слову и вообще къ драматическому элементу въ оперѣ, Даргомыжскій пошелъ здѣсь самостоятельнымъ и новымъ путемъ по сравненію не только съ Глинкой, но и со всѣми своими западными современниками. Въ этомъ отношеніи *Каменный гость* представляетъ unicum своего рода во всемірной оперной литературѣ.

Не удивительно, что объ этой оперѣ, за предѣлами Россіи совершенно неизвѣстной, въ русской критической литературѣ высказано было

столько самыхъ противоположныхъ мнѣній, какъ, кажется, ни о какой другой. Вполнѣ примирить ихъ въ настоящее время еще не представляется возможнымъ, но большинство можно, кажется, объединить на слѣдующемъ. Соотвѣтственно особенностямъ своего таланта и отчасти сюжета, Даргомыжскій создалъ въ *Каменномъ гостѣ* замѣчательный въ своемъ родѣ образецъ речитативной оперы, съ второстепенной ролью оркестра. Но такой типъ оперы далеко не является идеаломъ оперы вообще, какъ думали подъ конецъ жизни самъ Даргомыжскій и одно время члены кружка „Новой русской школы“ *). По пути Даргомыжскаго въ этомъ отношеніи, за единичными исключеніями, не пошелъ никто изъ русскихъ композиторовъ; наоборотъ, сильное частичное вліяніе *Каменнаго гостя* (именно, въ эпизодахъ речитатива) на позднѣйшее русское оперное творчество — несомнѣнно.

Нѣсколько обособленное по отношенію къ Глинкѣ и Даргомыжскому положеніе занимаетъ въ исторіи русской музыки Сѣровъ **), несомнѣнно, однако, во многомъ съ ними связанный. Въ музыкѣ, какъ и въ жизни, Сѣровъ самъ себѣ долженъ былъ пробивать дорогу. Въ юности онъ не получилъ музыкально-теоретическаго образованія и развивался въ этомъ отношеніи самоучкой: путемъ чтенія, изученія образцовъ, переложенія оркестровыхъ партитуръ для фортепіано и т. п. Его раннія композиціи (въ томъ числѣ двѣ оперы) остались большей частью неизданными и неизвѣстными. Только въ 43 году рѣшился онъ выступить со своей оперой *Юдиөью*, крупный успѣхъ которой (какъ и послѣдовавшей за ней *Рогнѣды*) скрасилъ послѣдніе годы жизни композитора. Но еще гораздо раньше Сѣрову удалось создать себѣ извѣстность въ качествѣ музыкальнаго писателя и критика.

До Сѣрова серьезной музыкальной критики въ Россіи почти не существовало; и это вполнѣ естественно, ибо народиться такая критика могла лишь послѣ того, какъ появились достойныя ея произведенія. Первыя продуманныя и достаточно компетентныя статьи по музыкѣ (о значеніи Глинки и др.) принадлежали перу кн. В. Ө. Одоевскаго (1804—69 г.), небезызвѣстнаго и въ другихъ отрасляхъ литературы; особнякомъ стоятъ писавшіе на иностранныхъ языкахъ А. Д. Улыбоиновъ (1794—1858 гг.), авторъ французской книги о Моцартѣ, и В. Ленцъ (1808—83 гг.)—нѣмецкой книги о Бетховенѣ. Но первымъ русскимъ музыкальнымъ критикомъ какъ по количеству написанныхъ статей, такъ и по вліянію ихъ, впервые охватившему широкіе круги

*) Такимъ образомъ „Каменный гость“, объединившій вокругъ себя кружокъ „новой русской школы“, не только хронологически, но и по проникающему его духу относится уже къ слѣдующему „новому“ періоду въ исторіи русской музыки въ 19-мъ в.

**) Александръ Николаевичъ Сѣровъ (1820—1871), сынъ чиновника; окончилъ училище правовѣдѣнія и почти до конца жизни, съ перерывами, вынужденъ былъ служить на государственной службѣ въ провинціи и Петербургѣ. Послѣдней своей оперы (*Вражья сила*) не успѣлъ вполнѣ кончить; она была закончена женой Сѣрова, В. С. Сѣровой и Н. Ө. Соловьевымъ.

публики, слѣдуетъ назвать Сѣрова. Бывъ сначала поклонникомъ итальянской оперы, онъ увлекался позднѣе Мейерберомъ, отъ котораго отрекся, затѣмъ, сдѣлавшись вагнеристомъ (первымъ въ Россіи!). При всѣхъ увлеченіяхъ въ основу своей критики Сѣровъ всегда, однако, стремился поставить методъ историко-сравнительнаго анализа, до него почти не примѣнявшійся въ этой области. Не удивительно, что статьи его (между прочимъ, о Глинкѣ, Даргомыжскомъ, Верстовскомъ), отличавшіяся къ тому же широкой общей и музыкальной эрудиціей и зачастую полемическимъ задоромъ, имѣли для своего времени крупное значеніе,—да во многомъ сохранили интересъ и понынѣ. Кромѣ сотрудничества во множествѣ изданій общаго и спеціальнаго характера, Сѣровъ пытался создать первый у насъ серьезный музыкальный журналъ (*Музыка и театръ,* 1867—68 г.).

Какъ композиторъ, Сѣровъ, подобно Даргомыжскому, стоитъ гораздо ниже Глинки и по непосредственной силѣ таланта и по мастерству письма. Въ его творческомъ дарованіи крупное значеніе имѣлъ, между прочимъ, мыслительный, критическій элементъ, выработанный долголѣтней критической дѣятельностью; это былъ превосходно начитанный (въ партитурахъ, какъ и въ книгахъ) европеецъ - мейерберистъ, главная сила котораго заключалась въ выдумкѣ, картинности, чутьѣ сцены. Уже первою своей оперой, *Юдиѳью* (1863) Сѣровъ раздвинулъ поле русской музыки, впервые создавъ серьезную, жизнеспособную оперу не на русскій сюжетъ. Опера эта болѣе цѣльна, чѣмъ остальныя двѣ оперы Сѣрова; композитору удалось здѣсь придать музыкѣ своеобразный строгій ораторіальный характеръ, посколько, впрочемъ, это позволяла его аляповатая манера письма. Въ [*Юдиѳи*, между прочимъ, Сѣрову удалось сильно и своеобразно выразить восточный элементъ, въ чемъ, можетъ быть, сказалось его еврейское (со стороны матери) происхожденіе.

Рогнѣда (1866 г.), въ свое время имѣвшая огромный успѣхъ, представляетъ очевидную попытку сочетать русскій складъ Глинки и Даргомыжскаго. (періода *Русалки*) съ требованіями „большой", изобилующей всяческими эффектами, мейерберовской оперы; послѣднее тѣмъ любопытнѣе, что теоретически Сѣровъ въ это время уже отвергалъ Мейербера и проповѣдывалъ Вагнера, нѣкоторое вліяніе котораго, впрочемъ, также замѣтно на *Рогнѣдѣ*. Несмотря на отдѣльные красивые эпизоды, музыка *Рогнѣды* лишена цѣльности и выдержанности. Сѣровъ не разъ высказывалъ въ печати рядъ дѣльныхъ и здравыхъ мыслей по поводу строенія и гармонизаціи русскихъ народныхъ пѣсенъ, но непосредственное, практическое чутье народной пѣсни въ немъ развито было слабо. Даже про лучшіе эпизоды *Рогнѣды* въ этомъ отношеніи можно скорѣе сказать, что они хорошо сдѣланы „въ русскомъ родѣ", чѣмъ являются проявленіемъ непосредственнаго творчества, принимающаго національную окраску не по заказу, а въ силу свободнаго внутренняго влеченія.

То же можно сказать и про по-

слѣднюю оперу Сѣрова *Вражья сила* (на сюжетъ Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется*). *Вражья сила* замѣчательна, между прочимъ, какъ первый опытъ дать „простонародную“, будничную русскую музыкальную драму. Разрѣшить свою задачу Сѣровъ не могъ уже потому, что въ характерѣ его дарованія было очень мало „народности“. Тѣмъ не менѣе, и во *Вражьей силѣ* есть удачные, интересные эпизоды. Такъ, музыкальная картинка масленичнаго гулянья, изображающая преломленный сквозь призму благозвучія многоголосый хаосъ, царящій надъ масленичною площадью, для своего времени была новымъ и смѣлымъ словомъ въ русской музыкѣ. Въ постановкѣ подобныхъ реалистическихъ задачъ, какъ и въ самомъ стремленіи Сѣрова создать „народную“ оперу, несомнѣнно, сказались вѣянія новой эпохи, начавшейся съ 60-хъ годовъ, эпохи, съ которой послѣдняя опера Сѣрова связана не менѣе, чѣмъ послѣдняя опера Даргомыжскаго.

Библіографія.

ГЛАВА I.

Николай I.

(Главы IV — VII первой части и гл. I второй части).

А. Общія сочиненія. *Н. Шильдеръ.* Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе. Тт. I—II (до 1831 г.), Спб. 1903. (О первомъ томѣ см. рефератъ *П. Щеголева,* „Истор. Вѣстн." 1903 г., кн. VII). *P. Lacroix.* Histoire de la vie et du règne de Nicolas I (Paris 1864 и сл. Часть I тома переведена на русскій языкъ, М. 1877—78 гг.).

Б. Личность Николая I. Матеріалы для біографіи см. въ т. 98-мъ „Сборника Русскаго Историческаго Общества" („Матеріалы и черты къ біографіи Николая I и исторія его царствованія", подъ ред. Дубровина). Отрывокъ изъ *Записокъ* Николая напечатанъ въ журн. „Былое", 1907 г., кн. 10-я (о 14 декабря; литературу относительно этого событія см. въ II томѣ къ статьѣ „Декабристы"). *Письма* Николая къ гр. Дибичу (1828—29 гг.), въ „Русской Старинѣ", тт. XXVII — XXXII, XXXIV, XXXVI, XXXVII. Къ кн. Паскевичу—въ приложеніяхъ къ V тому соч. *кн. Щербатова* „Ген.-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность", перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ", 1897 г., кн. I. Къ Лепарскому и др.—„Русская Старина", 1896 г., іюнь. Тамъ же: депеши Николая къ имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику цесаревичу. Письма Николая и в. кн. Михаила Павловича—тамъ же, 1902 г., май. См. также „Русск. Стар.", 1897 г., май и др. Выписка изъ „послужного списка" Николая (14 декабря) — „Русск. Архивъ", 1897 г., кн. I. Николай и его дворъ: „Изъ воспоминаній баронессы Фредериксъ", „Истор. Вѣстн.". 1898 г., январь—май. „Имп. Николай I и его сподвижники" (воспоминанія гр. Оттона де-Брэ, 1849 — 1852 гг.) „Русск. Старина", 1902 г., январь. „Эпизодъ изъ жизни имп. Николая I" (сообщ. В. Шиманъ) „Русск. Архивъ", 1901 г., кн. II. „Имп. Николай Павловичъ" (сообщ. онъ же)—тамъ же, 1902 г., кн. I. „Изъ жизни имп. Николая Павловича"—„Русская Старина", т. CXXII. „Имп. Николай I въ военно-судныхъ конфирмаціяхъ", ib., т. CXXIV. Смерть Николая: письмо д-ра Мандта—„Русскій Архивъ", 1884 г., кн. I и 1905 г., кн. II. „Нѣкоторыя подробности о кончинѣ имп. Николая Павловича"—тамъ же, 1906 г., кн. III. *А. Шидловскій.* „Болѣзнь и кончина импер. Николая Павловича", „Русская Старина". 1896 г., іюнь. „Имп. Николай I тюремщикъ декабристовъ", *П. Щеголевъ.* „Былое", 1906 г., кн. 5.

В. Внутренняя политика. „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества", тт. 74-й (журналы секретнаго комитета 6 дек. 1826 г.) и 90-й (бумаги того же комитета), т. 103-й (въ двухъ книгахъ: матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе Николая I, подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина), т. 122 (архивъ кн. Чернышева: письма и документы, относящіеся до военной администраціи въ царств. Николая). Т. 98—„Николай I въ законосовѣщательныхъ собраніяхъ" (изъ записокъ бар., впосл. гр., *Корфа*; выдержки изъ другихъ частей этихъ же записокъ напечатаны въ „Русской Старинѣ" за 1899 — 1900 гг.). Записки *Бенкендорфа* тамъ же, 1896 г. и 1898 г., февр. и „Историческій Вѣстникъ", 1903 г. „Состояніе государства въ 1841 г." (Записка Кутузова, поданная имп. Николаю I), „Русск. Старина". 1898 г., сентябрь. „Внутреннее положеніе Россіи въ 1855 г." (Записка, составленная для гр. Ридигера), тамъ же, 1901 г., мартъ. Мемуары, относящіеся къ царств. Николая I, очень многочисленны. Изъ нихъ можно отмѣтить дневникъ *Дивова* („Русская Старина", 1897—99 и 1902 гг.). „Записки стараго преображенца" *кн. Имеретинскаго* (тамъ же, 1900 — 1901 г.). *В. И. Семевскій.* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II. Спб. 1888 г. *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время", 4 тт. Спб. 1882 г. *„Историческое обозрѣніе* пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государст. имуществъ" (т. II, Спб. 1888 г.). „Историческое обозрѣніе дѣятельности комитета министровъ". 1902—3 гг. *Божеряновъ.* „Гр. Е. Ф. Канкринъ". Спб. 1897 г.

Г. Экономическій строй. Источники. *Статистическое* изображеніе городовъ и посадовъ Россійской имперіи по 1825 г. Изд. центр. стат. комитета. *Вильсонъ.* Объясненіе

къ хозяйственно-статист. атласу Европ. России. *Тройницкій.* Крѣпостное населеніе России по 10-й переписи. Спб. 1861 г. *Хозяйственно-статистич.* матеріалы, собираемые комиссіями и отрядами уравненія денежныхъ сборовъ съ государств. крестьянъ. 1857 г. *Матеріалы* для хозяйств. статистики Россіи, издав. Импер. Вольно-Экон. Обществомъ. Спб. 1853 г. *Сборникъ* статистич. свѣдѣній о Россіи, изд. Императ. Рус. Географич. Обществомъ, 1851—58 гг. *Матеріалы* по статистикѣ Россіи, собираемые по вѣдомству минист-ва государств. имуществъ. В. I—IV. Спб. 1858—71 гг. *Матеріалы* редакціонныхъ комиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Первое изд. Ч. I—XVIII. Спб. 1859—60 гг. Второе изд. Т. I—III. Спб. 1859—60 гг. *Докладъ* Высочайше утвержден. комиссіи для изслѣдованія нынѣш. положенія сельск. хозяйства въ Россіи. Спб. 1873 г. *Скребицкій.* Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ. По офиціальнымъ источникамъ. 4 тома въ 5 частяхъ. Боннъ на Рейнѣ. 1862—68 гг. *Сборникъ матеріаловъ* для изученія сельск. поземельной общины. Изд. Императ. Вольно-Экономич. Общества. 1880 г. *Статистическія* вѣдомости о состояніи россійскихъ мануфактуръ. 1815—1820 гг. *Матеріалы* для исторіи и статистики мануфактурной промышленности въ Россіи. (Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству мин-ва финансовъ. 1865 г.). *Обзоръ* различныхъ отраслей мануфакт. промышленности Россіи. Спб. 1862 г. *Матеріалы* для изученія кустарн. промышленности и ручного труда Россіи. Спб. 1872 г. *Труды* комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабрич. и ремесленныхъ. Спб. 1863 г. *Гулишамбаровъ.* Итоги торговли и промышленности Россіи въ царствованіе имп. Николая I. Спб. 1896 г.

Общія сочиненія. *Soltau.* Briefe über Russland und dessen Bewohner. Berl. 1811 г. *Schäffer.* Beschreibung des russischen Reichs. Berl. 1812 г. *Арсеньевъ.* Начертаніе статистики Россійскаго государства. Спб. 1818 г. *Зябловскій, Е.* Статистическое описаніе Россійской имперіи. Спб. 1808 г. *Горловъ.* Обозрѣніе экономич. статистики Россіи. Спб. 1849 г. *Арсеньевъ.* Статистическіе очерки Россіи. Спб. 1848 г. *Schnitzler.* Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie. Paris. 1829 г. *Reden.* Das Kaisertum Russland. Berlin. 1843 г. *Кирилловъ.* Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства. 1831 г.—*Пельчинскій.* О состояніи промышлен. силъ Россіи (1822—1833). Спб. 1833 г. *Haxthausen.* Studien über die inneren Zustände des Volkslebens und insbesondere der ländlichen Einrichtungen Russlands. 3 Theile. Hannover. 1847—52 гг. (Рус. сокращ. переводъ 1869 г.). *Бутовскій.* Опытъ о народномъ богатствѣ. Спб. 1847 г. *Тенгоборскій.* О производительныхъ силахъ Россіи. Ч. I. М. 1855 г. 5 т. *Besobrasoff.* Economie nationale de la Russie. St.-Petersb. 1863 г. *Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. Вып. I. Изд. 5-е. Спб. 1904 г.—*Турчиновичъ.* Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1854 г. *Вешняковъ.* Крестьянская собственность въ Россіи. Спб. 1858 г. *Лященко.* Очерки аграрной эволюціи Россіи. Спб. 1908 г. *Энгельманъ.* Исторія крѣпостного права въ Россіи. М. 1900 г. *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси. М. 1860 г. *Половцовъ.* Къ вопросу о сельской общинѣ. Спб. 1878 г. *Чичеринъ.* Обзоръ исторіи сельской общины въ Россіи. 1865 г. *Молодая Россія.* (О крестьян. вопросѣ и сельскомъ хозяйствѣ.) Штуттгартъ. 1871 г. *Keussler.* Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 3 т. 1876—87 гг. *Кавелинъ.* Общинное владѣніе. 1876 г. *Васильчиковъ.* Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ Европ. странахъ. 2 т. Спб. 1876 г. *Самаринъ, Ю. Ѳ.* Крестьянское дѣло до Высочайшаго рескрипта 2 окт. 1857 г. М. 1878 г. *Панаевъ.* Общинное владѣніе и крестьянскій вопросъ. Спб. 1881 г. *Кавелинъ.* Крестьянскій вопросъ. Спб. 1882 г. *Заблоцкій-Десятовскій.* Графъ П. Д. Киселевъ и его время. 4 т. (въ т. II приложеніе—„Записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“). Спб. 1882 г. *Трироговъ.* Община и подать. Спб. 1882 г. *Ефименко.* Изслѣдованіе народной жизни. Вып. I. М. 1884 г. *Ходскій.* Земля и земледѣлецъ. Спб. 1891 г. *Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостн. правѣ. (Труды Рязан. Ученой Архив. Комиссіи. 1897 г. Т. XII, вып. 2 и 3). *Струве.* Крѣпостная статистика. Спб. 1901 г. *Его же.* Основные моменты въ развитіи крѣпостного права въ Россіи. („Міръ Божій“, 1901 г., 9—12 кн.).—*Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 1907 г. *Storch,* Russland unter Alexander dem Ersten. Manufaktur und Fabrikindustrie. Band V, 1804 г. *Мордвиновъ.* Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи. 1815 г. *Herman. C.* Coup d'oeuil sur l'état des manufactures en Russie. Mémoires de l'Academie des Sciences. 1822 г. Т. VIII. *Engelhard.* Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg nach dem Ural. 1830 г. *Ивановъ.* Исторія управленія мануфактур. промышленностью Россіи. („Журналъ М-ва внутр. дѣлъ“, 1844 г.). *Köppen.* Kurzer Bericht über eine Reise von St.-Petersburg nach Kasan. 1847 г. *Изслѣдованіе* о состояніи льняной промышленности въ Россіи. Спб. 1847 г. *Мельниковъ.* Павловская промышленность. („Москвитянинъ“. 1851 г. Ч. IV). *Чевкинъ* и *Озерскій.* Обзоръ горной промышленности въ Россіи. Спб. 1851 г. *Корсакъ.* О формахъ промышленности. М. 1861 г. *Шереръ.* Хлопчатобумаж. промышленность Россіи. Спб. 1864 г. *Полетика.* О желѣзной промышленности въ Россіи. Спб. 1864 г. *Историко-статистическій обзоръ* промышленности Россіи. Спб. 1866 г. *Нисселовичъ.* Исторія фабрично-заводскаго законодательства Россійской имперіи. Спб. 1883 г. *Горелинъ.* Городъ Иваново-Вознесенскъ. Шуя, 1884 г. *Ordega.* Die Gewerbe-Politik Russlands. Tübingen. 1885 г. *Пологсевъ.*

Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные. „Вѣстникъ Европы", 1889 г., іюль.—*Виртъ, Ф. Г.* Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и комерціей россійской имперіи, переводъ И. Степанова. Спб. 1807 г. *Petri.* Russland's blühendste Handelstädte. Leipzig. 1811 г. *Өожинъ.* О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія Россіи. Спб. 1829 г. *Неболсинъ.* Статистич. записки о внѣшней торговлѣ Россіи. Спб. 1835 г. *Его же.* Статистич. обозрѣніе внѣшней торговли Россіи.Спб. 1850 г. *Заблоцкій.* Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣдніе 25 лѣтъ. Сборникъ свѣд. о Россіи. Кн. I. Спб. 1851 г. *Н. П.* О торгѣ хлѣбомъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи („Отечеств. Записки". 1840 г. Кн. 8-я). *Веселовскій.* О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. („Журналъ Мин-ва Государств. Имуществъ". 1845 г. XV кн.). *Егуновъ.* О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. М. 1855 г. *Аксаковъ, И.* Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. Спб. 1858 г. *Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія до 1858—59 гг. *П—въ, П.* Хлѣбные избытки и народное продовольствіе („Отеч. Записки"-1879 г., кн. III). *Ладыженскій.* Исторія русскаго таможеннаго тарифа. *Любіенскій.* Исторія таможеннаго тарифа. 1886 г. *Матеріалы* къ пересмотру общаго таможен. тарифа. Спб. 1887 г. *Козловскій.* Краткій очеркъ русской торговли. Кіевъ. 1898 и 1900 гг. *Виды* внѣшней торговли Россіи (1802—1869 гг.) Изданіе бывш. департамента внѣшней торговли и департ. таможен. сборовъ. *Гулишамбаровъ.* Историко-статист. обзоръ торговли и промышленности Россіи. Спб. 1899 г. *Историческій обзоръ* торговли и промысловъ Россіи. Изд. Д-та торговли и мануфактуръ. *Сборникъ свѣдѣній* по исторіи и статистикѣ внѣш. торговли Россіи. Подъ ред. Покровскаго. Изд. Д-та таможен. сборовъ. Т. I. Очеркъ исторіи внѣш. торговли Россіи. Отпускъ и привозъ товаровъ въ XIX стол. Спб. 1902 г. *Досужковъ.* Статистич. очеркъ таможен. доходовъ Россіи. 1822—90 гг. Спб. 1892 г.—*Ламанскій.* Историч. очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 г. *Его же.* Статист. обзоръ операцій государств. кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящ. времени (обѣ статьи въ „Сборникѣ статист. свѣдѣній о Россіи", кн. II, 1854 г.). *Безобразовъ.* О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. М. 1863 г. *Гольдманъ.* Русскія бумажныя деньги. Спб. 1867 г. *Вагнеръ.* Русскія бумажныя деньги. Перев. Бунге. 1871 г. *Печеринъ.* Историч. обзоръ росписей государств. доходовъ и расходовъ съ 1803 г. по 1843 г. включительно. (Спб. 1896 г.) и „съ 1844 г. по 1863 г. включительно" (Спб. 1898 г.). *Бліохъ.* Финансы Россіи XIX столѣтія. Исторія—статистика. Спб. 1882 г. *Бржесскій.* Государст. долги Россіи. Истор.-статист. изслѣдованіе. Спб. 1884 г. *Божерьяновъ.* Графъ Е. Ф. Канкринъ, его жизнь... Спб. 1897 г. *Кашкаровъ.* Денежн. обращеніе въ Россіи. Спб. 1898 г. *Гурьевъ.* Очеркъ развитія кредит. учрежденій въ Россіи. 1904 г. *Печеринъ.* Историч. обзоръ правительств. учрежденій и частныхъ кредитныхъ установленій въ Россіи. 1904 г. *Мигулинъ.* Наша банковая политика (1729—1903 гг.). Харьковъ. 1904 г. *Его же.* Русскій государст. кредитъ со временъ Екатерины II до нашихъ дней. 1899 г.

Д. Внѣшняя политика (до Крымской войны). Назван. сочин. *Шильдера. Его же* статьи: „Импер. Николай I и Восточный вопросъ" („Русск. Старина", 1898—1901 гг.) и „Имп. Николай I въ 1848—49 гг." („Историческій Вѣстникъ", 1899 г.). *С. Татищевъ.* „Внѣшняя политика Николая I". Спб. 1887 г. *Его же.* „Импер. Николай I и иностранные дворы". 1889 г. *А. Заіончковскій.* „Восточная война 1853—56 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой". Т. I. (Спб. 1908 г. (Первый томъ посвященъ политикѣ Николая I до кризиса 1853 г. Богатыя приложенія). *M. de Thouvenel.* Nicolas I et Napoléon III 1852—1854 гг. Paris. 1891 г. „Импер. Николай I и Наполеонъ III". (Изъ бумагъ ген. де Кастель-Бажака, бывш. посланн. въ Россіи. „Русская Старина", 1901 г., іюль). *Александренко.* „Россія и Англія въ началѣ царств. Николая I". (Ibid., 1907 г.).

Крымская война. Мемуары. Переписка имп. Александра II съ Горчаковымъ и Паскевичемъ. *Духонинъ:* Подъ Севастополемъ. „Русская Старина", 1885 г. *Крыжановскій.* Севастополь и его защитники въ 1855 году „Русская Старина", 1886 г., май. *Миношевичъ.* Севастополь въ ночь съ 27 на 28 августа 1855 г. „Русская Старина", 1886 г., декабрь. *Зальсовъ.* Записки адъютанта. (Начаты въ „Отечеств. Запискахъ", 1873 г., кн. 4, продолженіе въ „Русск. Старинѣ" 1903 г.) *Ольшевскій.* Русско-турецкая война за Кавказомъ 1853—54 гг. *Н. Н. Муравьевъ.* Война за Кавказомъ въ 55 г. Спб. 1876 г. („Русск. Старина", 1884 г.) *Князь Имеретинскій.* Записки стараго преображенца. „Русская Старина", тт. LXXVII, LXXVIII, LXXX. *Васильчиковъ.* Севастополь. „Русскій Архивъ". 1891 г., кн. 6. *Аванасьевъ.* Къ исторіи черноморскаго флота. „Русскій Архивъ". 1902 г., кн. 4. *Хлѣбниковъ.* Записки. „Русскій Архивъ". 1907 г., отъ 3—6 кн. *Изъ воспоминаній баронессы Фредерикcъ.* „Историческій Вѣстникъ". 1898 г., январь—май. *В. И. Алабина.* Походныя записки. 1872—1874 гг. *Общія сочиненія: Богдановичъ.* Исторія восточной войны 1853—56 гг., 4 т. *Дубровинъ.* Исторія Крымской войны и обороны Севастополя. 3 т. *Тотлебенъ.* Оборона Севастополя. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate. (Есть рус. пер. въ „Вѣстн. Евр." 1886 г., февр.—окт.). *Татищевъ.* Восточная политика императора Николая I. *Sybel,* H. von. Die Entstehung des deutschen Reichs. B. I—II. *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина. Тт. 13—16.

ГЛАВА II.

Крестьянская реформа.

Источники. *Матеріалы редакціонныхъ комиссій. Первое* изданіе. 1859—60 гг., 18 томовъ. *Второе* изданіе. 1860 г., 3 тома. *А. Скребицкій.* Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. 4 тома. (2-й т. въ двухъ частяхъ). Боннъ-на-Рейнѣ. 1862—1868 гг. *Н. П. Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. 3 тома. (III томъ въ двухъ частяхъ). Спб. 1889—1892 гг. *Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи* въ царствованіе императора Александра II. 3 тома. Берлинъ 1860—62 гг. *Изъ записокъ Маріи Агеевны Милютиной.* „Русская Старина". 1899 годъ, январь—апрѣль. *На зарѣ крестьянской свободы.* Тамъ же. 1897—98 гг. *Я. Соловьевъ.* Записки о крестьянскомъ дѣлѣ. Тамъ же. 1880—84 гг. *Ю. Самаринъ.* Сочиненія. Тт. II и слѣд. Москва. 1878 г. и сл. *Кн. О. Трубецкая.* Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго. *Кавелинъ.* Собраніе сочиненій. Т. II „Публицистика". Спб. 1898 г. *Кошелевъ.* Записки. Берлинъ. 1884 г. *Герценъ.* Сочиненія. Т. V, заграничнаго изданія. *Чернышевскій.* Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1906 г. *Левшинъ.* Достопамятныя минуты моей жизни. „Русскій Архивъ", 1885 г., № 8. *Валуевъ.* Дневникъ. „Русская Старина". 1891 г., IX. *A. Leroy-Beaulieu.* Un homme d'état russe. (Nikolas Milutine), d'après sa correspondance inédite. Paris. 1884.

Общія сочиненія. *Иванюковъ.* Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Москва. 1882 г. (Первое изд., есть второе). *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е изд. М. 1894 г. *Его же.* А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. М. 1894 г. *А. А. Корниловъ.* Крестьянская реформа. Спб. 1905 г. (Въ серіи „Великія реформы 60-хъ гг." и въ сборникѣ „Крестьянскій строй", изд. кн. П. Долгорукова и гр. С. Толстого. Спб. 1905 г.). *Его же.* Губернскіе комитеты, въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1904 г. и въ собраніи статей. *Его же.* Крестьянская реформа въ калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ. Въ сборникѣ „Памяти В. А. Арцимовича". Спб. 1904 г. *А. Лосицкій.* Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права. „Образованіе". 1906 г., № 11. *Его же.* Выкупныя операціи. Спб. 1906 г. *Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина, книга XVI и XVII. Спб. 1902—1903 гг.

ГЛАВА III.

Земская реформа.

Источники. *Скребицкій.* Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Боннъ. 1862—68. *Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. 3 т. Спб. 1889—1892 гг. *Матеріалы* для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія (I и II т.). Изданы въ Берлинѣ безъ обозначенія имени составителя (Хрущева). *Записки Александра Ивановича Кошелева* (1812—1883 гг.) съ семью приложеніями. Берлинъ. 1884 г. *Изъ записокъ* Маріи Агеевны *Милютиной.* „Русская Старина" за 1899 г. *Матеріалы* по земскому общественному устройству. Т. I. Спб. 1885 г. (381—409); *Н. Іорданскій.* Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906 г. *А. Д. Градовскій.* Труды комиссій объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ. Часть I. Учрежденія уѣздныя. Книги I и IV, напечатанныя въ 1860 г. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ (4 т.) *Труды комиссіи,* высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборовъ. *Записки Головачева. Ольхинъ.* Сводъ сужденій и постановленій земскихъ собраній о земскихъ повинностяхъ. 1868 г. *И. П. Руковскій.* О смѣтахъ и расклад. губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ въ 30 губерніяхъ. 1870 г. *Труды комиссіи* о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Часть II. Земскія учрежденія. Книги I и II. Спб. 1863 г., перепечатанныя съ дополненіями 1885 г. хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутр. дѣлъ подъ названіемъ *Матеріалы* по земскому общественному устройству. (Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.), 2 тома. *Историческая записка* о ходѣ работъ по составленію и примѣненію положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Изд. оф. Записка, составленная 1888—89 гг. для комиссіи по выработкѣ новаго проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ при графѣ Толстомъ и Дурново. *Середонинъ.* Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. III, ч. II. Спб. 1902. (Рекомендуется сравнивать съ матеріалами по земскому устройству и первоначальн. очерк. проектовъ.) *Проектъ Валуева.* „Вѣстникъ права". 1905 г., ноябрь.

Общія сочиненія. Дореформенное мѣстное управленіе. *Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Спб. 1870 г. *М. Яблочковъ.* Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. Спб. 1876 г. Баронъ *С. А. Корфъ.* Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1769—1855 гг. Спб. 1906 г. (Обильныя библіографическія указанія, въ особенности на литературу мемуаровъ). О губернаторской власти: *А. Лохвицкій.* Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія. Часть I, изд. 2-е. Спб. 1865 г. *А. Д. Градовскій.* Начала русскаго государственнаго права, ч. III. Системы мѣстнаго управленія въ Западной Европѣ и Россіи. Статьи о губернской реформѣ. (Собраніе сочиненій, тт. VIII и IX. Спб. 1904 г.) *В. М. Гессенъ.* Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904 г. (Губернаторъ, какъ органъ надзора.) *И. Блиновъ.* Губернаторы. Историко-юридическій очеркъ. Спб. 1905 г. Обширный сырой матеріалъ. *С. М. Середонинъ.* Историческій обзоръ дѣятельно-

сти комитета министровъ, 3 тома. Наказъ губернаторамъ 1837 г. напечатанъ въ полномъ Собраніи Законовъ, а затѣмъ вошелъ въ позднѣйшія изданія Свода Законовъ. (Послѣднее изданіе до реформы 1857 г., т. II, ч. I. Общее губернское учрежденіе, книга II, раздѣлъ I: о начальникахъ губерній, ст. 357—713).

О дореформенномъ земско-хозяйственномъ управленіи. *Кашкаровъ.* Историческій обзоръ законодательныхъ работъ по общему устройству земскихъ повинностей. Изданіе департамента окладныхъ сборовъ министер. фин. Спб. 1894 г. *Матеріалы* по земскому общественному устройству. Изд. хозяйств. департ. мин. внутр. дѣлъ. Спб. 1885 г., т. I, стр. 3—128. *А. Градовскій.* Начала русскаго государственнаго права. Ч. III. *Н. Іорданскій.* Конституціонное движеніе 60-хъ гг. Спб. 1906 г. *А. Головачевъ.* Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 г.

Земская реформа. *Leroy—Beaulieu.* Un homme d'état russe (Milutine) d'après sa correspondance inédite. P. 1884. *Иванюковъ.* Наденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1882 г. *Корниловъ.* Крестьянская реформа. *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ. 5 изд. Москва. 1899 г. *А. Д. Градовскій.* Начала русскаго государственнаго права. Спб. 1883 г. *Кавелинъ.* Сист. мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи. (Сборн. госуд. знаній, тт. V и VI). *Головачевъ.* 10 лѣтъ реформъ. Спб. 1892 г. *Лохвицкій.* Губернія. Ч. I, изд. II. Спб. 1865 г. Записка *С. Ю. Витте*—Земство и самодержавіе. *Свѣшниковъ.* Основы и предѣлы самоуправленія. Спб. 1892 г. *Скалонъ.* Земскія учрежденія. (Слов. Брокгауза, XII). Земскіе взгляды на реформу мѣстн. управленія. М. 1882 г. *Корниловъ.* Исторія земскаго представительства. „Сарат. земск. недѣля", за 1903 г. *Гронскій.* Земское представительство. „В. права". 1905 г. *Авиновъ.* Графъ Корфъ и земская реформа 1864 г. М. 1904 г. Смотри также библіографію къ главѣ III части II и обзоръ къ ст. „Земское движеніе" въ концѣ IV части (литература о земскомъ самоуправленіи послѣ реформы 1890 г.).

ГЛАВА IV.

Судебная реформа.

Источники. *Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи* (подлинные матеріалы по судебной реформѣ, собранные и систематизированные С. И. Зарудным). Спб. *Судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны.* Спб., изд. государственной канцеляріи, тт. I—IV. *Историческій очеркъ министерства юстиціи за сто лѣтъ.* Спб., (изд. офиц.). *Исторія комитета министровъ*, особ. тт. II и VI. Спб. (изд. офиц.). *Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.* Спб. 1862 г. *Ровинскій.* Русскія народныя картины. Спб. 1881 г.

Общія сочиненія. *Шильдеръ.* Императоръ Николай I. Тт. I и II. *Лероа-Больё.* L'empire des Tzars, особ. т. II. *Фойницкій.* Курсъ уголовнаго судопроизводства. Спб. 1881 г. *Баршевъ.* Основанія уголовнаго судопроизводства. Спб. 1841 г. *Кони.* Очерки и воспоминанія. Спб. 1906 г. *Спасовичъ.* Сочиненія, особ. т. 3. Спб. 1889 г. *Никитенко*, акад. Записки и дневникъ. Спб. 1893 г., особ. т. 2-й. *Аксаковъ.* Полное собраніе сочиненій. Тт. III и IV. *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ. М. изд. 5. 1894 г. *Стояновскій.* Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству. 1852 г.; *Головачевъ.* Десять лѣтъ реформъ.

Монографіи и журнальныя статьи. См. „Русская Старина". 1886 г. Воспоминанія Калмыкова. „Морской сборникъ". 1861 г. „Журналъ мин. юстиц.". 1864, 1865, 1866 и 1867 гг. „Современникъ". 1863 г. (особ. ст. Унковскаго). „Отечеств. Записки". 1863 и 1864 гг. (особ. ст. Утина). „Судебный Вѣстникъ". 1866 г. Далѣе: *Филипповъ, М. А.* Судебная реформа въ Россіи. Спб. 1871 г. *Гессенъ, І. В.* Судебная реформа. Спб. 1905 г. *Тимофеевъ, А.* Судебная реформа (въ энцикл. слов. Брокгауза). *Джаншіевъ.* С. И Зарудный и судебная реформа. М. 1888 г. *Фуксъ.* Судъ и полиція. *Джаншіевъ.* Основы судебной реформы. М. 1891 г. *Буцковскій.* Очерки судебныхъ порядковъ. Спб. 1874 г. *Муравьевъ.* Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. М. 1889 г. *Арсеньевъ, К. К.* Судебное слѣдствіе. *Владиміровъ.* О судѣ присяжныхъ. 1873 г. *Васьковскій.* Организація адвокатуры.

ГЛАВА V.

Польское возстаніе 1863 г.

Кн. Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ. *Н. В. Бергъ.* Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. „Русскій Архивъ", 1870—73 гг. *K. Borkowski.* Wyprawa partyzancka do Polski w r. 1833. *Rufina Piotrowskiego* Pamiętniki. (Biblyoteka pisarzy polskich. Poznań, 1860). *Стороженко.* Записки по дѣламъ польскимъ съ 1833 по 1848 г. *Moskale w Polszcze...* 1833. *O powstaniu i wojnie partyzanckiej.* Paryż. 1835. *Cztery lata w Galicyi Austryackiej...* przez jednego z więźniów. Bruxella. 1838. *Polska nad brzegami Wisły...* Raspail. Poitiers. 1840. *Towarzystwo Demokratyczne polskie.* Kwestye 1—6. *Wł. Kosinski.* Sprawa polska z roku 1846. Poznań. 1850. *Alcyato.* Wypadki w r. 1846. *Sprawa więźniów poznańskich 1846—1848 r.* (T. XXIX, Bib. Pisarzy polskich). *Powstanie poznańskie w roku 1848.* Paryż, 1860. *A. Guttry.* Pan Ludwik Mierosławski. Lipsk. 1870. *v. Sala.* Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. *Louis Wawel.* Kronika Krakowska z roku 1846. *Uruski.* Sprawa Włościańska. *Wł. Grabski.* Towarzystwo Rolnicze, 2 т. *Горемыкинъ.* Очерки изъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ. *Корниловъ.* Судьба крестьянской реформы въ Ц. Поль-

скомъ. *Lisicki.* Aleksander Wielopolski, 2 т. *Agaton Giller.* Historya powstania narodu polskiego. *Н. В. Бергъ.* Записки о польскомъ возстанiи 1863 г. *Мих. Ник. Муравьевъ.* Записки объ управленiи сѣверо-западн. краемъ. „Рус. Стар." 1882, 83, 84 гг. *Спасовичъ.* Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго. *Walery Przyborowski* Historya szesciu miesięcy. *Wydawnictwo materyalów do historyi powstania 1863—1864 r.* 5 тт. *Z. L. S.* Historya dwóch lat. *Его же.* Dzieje 1863 roku. *Limanowski.* Historya ruchu narodowego. *Fr. Rawita-Gawronski.* Rok 1863 na Rusi. *Z. Milkowski.* W Galicyi i na Wschodzie. *St. Koźmian.* Rzecz o roku 1863. 3 тт. *Jerzy Laskarys.* Wyprawa Sierakowskiego na Kurlandyę. *С. Кулеша.* Горы-Горецкая катастрофа. „Рус. Стар.". 1883 г. *В. Кренке.* Усмиренiе польскаго мятежа въ кiевской губ., въ 1863 г. „Историч. Вѣстникъ". 1883 г. *Б. Познанскiй.* Воспоминанiя о польскомъ возстанiи въ Украинѣ 1863 г. „Кiевская Старина". 1885 г. *M. Dubiecki.* Edmund Różycki. Szkic biograficzny. *С. Райковскiй.* Польская молодежь западнаго края въ мятежѣ 1861—63 гг. „Русск. Вѣстникъ", т. LXXXIII. *М. Н. Катковъ.* Собранiе передовыхъ статей „Московскихъ Вѣдомостей", 1863 и 1864 гг. „Колоколъ" Герцена, 1859—1864 гг. *Ю. Ѳ. Самаринъ.* Сочиненiя. Т. I, VIII—X. *Leroy-Beaulieu.* Un homme d'état russe.

ГЛАВА VI.

Городъ и городовое положенiе 1870 г.

Источники. *Экономическое состоянiе городскихъ поселенiй Европейской Россiи въ 1861—1862 гг.*, 2 ч. Изд. хоз. деп. м. в. д. 1863 г. *Матерiалы, относящiеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперiи.* Изд. хозяйств. деп. м. в. д. Спб. 1877 — 1888 гг. *Матерiалы Высочайше утвержденной особой комиссiи для составленiя проектовъ мѣстнаго управленiя* подъ предсѣдательствомъ ст.-секрет. Каханова. *Отчеты о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ*, издаваемые хозяйств. департ. м. в. д. Спб. 1887—1891 гг.

Общiя сочиненiя. *И. Дитятинъ.* Устройство и управленiе городовъ Россiи. Т. I. Спб. 1875 г., т. II. Ярославль. 1877 г. *Его же.* Статьи по государственному праву. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1893 г. *М. П. Щепкинъ.* Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—1887 гг. Историко-статистическое описанiе. М. 1888 г. *С. А. Приклонскiй.* Очерки самоуправленiя земскаго, городского и сельскаго. Спб. 1886 г. *А. Д. Градовскiй.* Полное собранiе сочиненiй. Т. VII, ч. 1. *М. И. Свѣшниковъ.* Основы и предѣлы самоуправленiя. Спб. 1892 г. *Гр. Джаншiевъ.* Эпоха великихъ реформъ. 10-е изд. Спб. 1907 г. *Д. Семеновъ.* Городское самоуправленiе. Очерки и опыты. Спб. 1901 г. *Г. И. Шрейдеръ.* Наше городское общественное управленiе. Этюды, очерки и замѣтки. Т. I. Спб. 1902 г. Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ, подъ редакцiей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Изд. товар. „Общ. Польза", вып. VI (т. II), статьи: *В. М. Гессена*: Городское самоуправленiе и *Г. И. Шрейдера*: Городское хозяйство. *Тридцатилѣтiе дѣятельности черниговскаго городского общественнаго управленiя 1870 — 1901 гг. съ очеркомъ исторiи города Чернигова.* Черниговъ. 1901 г.

ГЛАВА VII.

Городъ и городское самоуправленiе въ Прибалтiйскомъ краѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Прибалтiйскiе сборники *Сиверса*, тт. I—IV. *F. Bunge.* Chronologisches Repertorium der Russischen Gesetze und Verordnungen für Liv-Esth Kurland. *Possart.* Statistik und Geographie von Kurland. Stuttgart. 1843 г. *Bienenstamm.* Beschreibung von Kurland. Mitau. 1841 г. *К. Случевскiй.* По сѣверу Россiи—Балтiйская сторона. *А. Орановскiй.* Курляндская губернiя. (Матерiалы для географiи и статистики Россiи). Спб. 1862 г. *I. Kohl.* Die Völker Europas. *Ѳ. Веймарнъ.* Статистическiя свѣдѣнiя по лифляндской губернiи. (Матерiалы для географiи и статистики Россiи, изд. Главнаго Штаба). *Ю. Самаринъ.* Исторiя Риги. *Bergmann.* Geschichte der Rigaschen Stadtkirchen. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россiи за разн. годы. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Внѣшняя торговля по Европейской границѣ Россiи. Изд. департамента таможенныхъ сборовъ. Матерiалы, относящiеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперiи, нѣск. томовъ. „Статистическiй Временникъ Россiйской Имперiи.—Schriften der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst: 1) Jahresverhandlungen, 2) Sendungen und, 3) Arbeiten. *Rosing.* Latmeeschu Semnecks. *Bunge.* Geschichtliche Entwickelung der Standesverhältnisse in Liv-Esth-Kurland. „Курляндскiй Статистическiй Ежегодникъ", за разн. годы. Матерiалы для статистики лифляндской губернiи. Kurländisches statistisches Jahrbuch. 1860—62 гг. Много интересныхъ статей и весьма цѣнныхъ матерiаловъ имѣется въ перiодическомъ изданiи „Inland", выход. съ 1829 г. подъ ред. Бунге, а также въ курляндскомъ „Magasin"'ѣ. *Henny.* Tabellarisches Uebersicht des Handels von Libau und Windau. 1859 г. *Штукенбергъ.* Описанiе остзейскихъ губернiй. *Gadebusch.* Livländische Jahrbücher. *Berkholz.* Die sieben Jahrhunderte Livlands (1159—1859). *Derschau* und *Keyserling.* Beschreibung der Provinz Kurland. *Bunge.* Archiv. Много свѣдѣнiй о развитiи торговой и промышленной жизни прибалтiйскихъ городовъ находится въ слѣдующихъ перiодиче-

скихъ изданіяхъ: 1) „Ostseeprovinz Blatt" (использовано мною за 1826 г.). 2. „Livländisches Magasin", за разн. годы. 3. „Rigascher Almanach", за разн. годы. 4. „Zeitung für Stadt und Land", за 1868—70 гг. 5. „Inländische Blätter". Riga. 1814—17 гг. 6. „Neue Inländische Blätter", Dorpat, 1817—18. 7. „Rigasche Stadtblätter". 1810—21. 8. „Kurländisches Provinzialblatt". 1810—11 гг. 9. „Rigaische Handelszeitung", 1862 (и др. годы), а также въ нѣкоторыхъ латышскихъ и современныхъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ: „Düna Zeitung", „Rigaer Tageblatt", „Libauer Tageblatt", „Libausche Zeitung", „Baefs", „Deenas Lapa", „Peterburgas Avises" и мн. др. Можно еще указать на нѣкоторые календари, латышскіе и нѣмецкіе (напр. Mitauscher Kalender за разн. годы, использов. 1816—26) и на „Сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній остзейскихъ".

ГЛАВА VIII.

Расколъ въ первой половинѣ XIX в.

Источники. *А. Поповщина. Н. Поповъ.* Сборникъ для исторіи старообрядчества. Т. I. М. 1864 г. *К. Николаевъ.* Очерки исторіи поповщины съ 1846 г. въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1865 г., III. *Матеріалы* по исторіи поповщины въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1868, III, 1869, I. *Б. Безпоповщина. Н. Поповъ.* Сборникъ для исторіи старообрядчества, т. I, М. 1864 г. и т. II, вып. V, М. 1866 г. *Его же.* Матеріалы о ѳеодосѣевцахъ (Чтенія, 1869, II). *Его же.* Монинское согласіе въ Москвѣ (Чтенія, 1869, III).

Общія сочиненія. *А. Поповщина. П. И. Мельниковъ.* Историческіе очерки поповщины. М. 1874 г. и въ „Русск. Вѣстникѣ" 1863, 1864, 1866 и 1867 гг. *Н. С. Соколовъ.* Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Саратовъ, 1888 г. *Н. Субботинъ.* Исторія Бѣлокриницкой іерархіи. М. 1874 г. *П. Н. Милюковъ,* гл. IV второго выпуска „Очерковъ по исторіи русской культуры". *Б. Безпоповщина. Д. И. Сапожниковъ.* Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. (Чтенія, 1891 г.). *А. И. Розовъ.* Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ („Вѣстн. Европы", 1872 г., XI и XII; 1873 г., I). *П. Н. Милюковъ,* гл. V второго выпуска „Очерковъ по исторіи русской культуры".

ГЛАВА IX.

Народное образованіе въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Тт. I—III. *Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія.* Тт. I—5. *Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія.* 1833—1843 гг. Спб. 1864 г. *Всеподданнѣйшіе отчеты министра народнаго просвѣщенія за 1831—1855 г. Рождественскій.* Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902 гг. *Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи.* Тт. I—IV. *Государственный совѣтъ.* 1801—1901 гг. *Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ.* 1802—1902 гг. *Всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора Св. Синода за 1837 и послѣд. годы. Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія.* 1797—1897 гг. *Историческое обозрѣніе 50 лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ.* 1837—1887 гг. *Krusenstern.* Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Varsovie. 1837 г. *Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Россійской имперіи по 1825 годъ.* Изд. центр. статист. комитета. *Статистическія таблицы Россійской имперіи за 1856 годъ.* Изд. центр. статист. комитета. *Статистическій Временникъ Россійской имперіи.* I. 1866 г. *Бліохъ.* Финансы Россіи. *Багалѣй, Д. И.* Опытъ исторіи харьковскаго университета. *Буличъ, Н.* Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета. *Пѣтуховъ,* И. Юрьевскій, б. дерптскій университетъ за столѣтіе его существованія. *Пестель.* Русская Правда. Спб. 1906 г. Планъ государственнаго преобразованія графа *М. М. Сперанскаго.* М. 1905 г. *Сухомлиновъ, М.* Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. *Успенскій, Д.* Помѣщики и грамотность крестьянъ. „Русская Мысль". 1904 г. *З. Алексѣевъ.* Историческій очеркъ казанскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Съ 1806 по 1890 гг. *Вороновъ.* Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1853 гг. *Дубасовъ.* Очерки изъ исторіи тамбовскаго края. *Леопольдовъ.* Историко-статистическое описаніе заволжскаго края саратовской губерніи. 1833 г. „Матеріалы для статистики Россійской имперіи". Спб. 1839 г. *Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній черниговской дирекціи, съ 1789—1832 г.* „Циркул. по Кіевск. Учебн. Округу". 1865 г. 1—8 г. *Сухомлиновъ.* Училища и народное образованіе въ черниговской губерніи. „Журн. Мин. Нар. Просв.". 1864 г. ч. CXXI. *Харьковскія школы въ старину.* „Харьковск. Губернск. Вѣдомости". 1865 г. 6—9. *Милюковъ, П.* Очерки по исторіи русской культуры. Ч. 2. „Церковь и Школа". Спб. 1899 г. *Миропольскій.* Школа и государство. Спб. 1883 г. *Т. Фальборкъ* и *В. Чарнолускій.* Народное образованіе въ Россіи. 1899 г. *Аксаковъ, С. Т.* Сочиненія. *Герценъ.* Сочиненія. *Добролюбовъ, Н. А.* Сочиненія. *Никитенко, Л.* Записки и дневникъ. Спб. 1905 г. *Помяловскій.* Сочиненія. *Щедринъ.* Сочиненія.

ГЛАВА X.

Средняя школа (до 1866 г.).

Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II, очерк. VII. Спб. *Рождественскій*. Историческій обзоръ дѣятельности М. Н. П. 1802—1902 гг. Оффиціальные сборники распоряженій и постановленій по М. Н. П. Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Спб. 1863 г. Въ 6 томахъ. Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на тотъ же проектъ. Журналы засѣданій ученаго комитета по разсмотрѣнію этого проекта. *Лихачева*. Матеріалы по исторіи женскаго образованія въ Россіи. 4 т. *А. С. Вороновъ*. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній Спб. округа. Спб. 1849—54 гг. *Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи просвѣщенія на Руси въ царств. Александра I. Спб. 1866 г. Юбилейныя изданія учебныхъ заведеній: московской 1-й гимназіи, московскаго училища ордена св. Екатерины, моск. 3-й гимназіи. Воспоминанія *З. Н. Окуньковой-Гольдингеръ* въ сборникѣ „Дѣло". Педагогическія статьи *Писарева, Пирогова, Ушинскаго, Стоюнина*.

ГЛАВА XI.

Университеты.

„Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія" за 1802—73 гг. С.-Петербургъ. 1866—73 гг. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія" за 1802—88 гг. С.-Петербургъ. 1864—94 гг. „Замѣчанія на проектъ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ". Части I и II. С.-Петербургъ. 1862 г. „Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія". С.-Петербургъ. 1863 г. „Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ". С.-Петербургъ. 1862 г. „Сводъ мнѣній по пересмотру университетскаго устава 1863 г. съ замѣчаніями". С.-Петербургъ. *С. Рождественскій*. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія 1802—1902 гг. С.-Петербургъ. 1902 г. „*Обзоръ* дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и подвѣдомственныхъ ему учрежденій въ 1862, 63 и 64 гг.". (Съ приложеніями). С.-Петербургъ. 1865 г. *Н. Ферлюдинъ*. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ России. Вып. I. „Академія наукъ и университеты". Саратовъ. 1894 г. *В. Иконниковъ*. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. „Вѣстн. Европы" за 1876 г. №№ 9—11. *П. Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. „Церковь и школа". С.-Петербургъ. *П. Милюковъ*. Университеты въ Россіи. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, полутомъ 68. С.-Петербургъ. 1902 г. *Матеріалы* по исторіи студенческаго движенія въ Россіи. Вып. I. „Извлеченіе изъ книги А. И. Георгіевскаго". *Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ*. С.-Петербургъ. 1906 г. (То же предварительно вышло въ изд. „Освобожденіе" *П. Б. Струве*). *С. Ашевскій*. Русское студенчество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ (1855—1863 гг.) въ журн. „Совр. Міръ" за 1907 г. №№ 7—11. *С. Ашевскій*. Изъ исторіи московскаго университета (къ полуторастолѣтнему юбилею 1755—1905 гг.) въ журн. „Міръ Божій" за 1905 г. №№ 2—6. *С. Ашевскій*. Реформы императора Александра II и „Колоколъ" *Герцена* „Совр. Міръ" за 1907 г. № 2. *Н. Родзевичъ*. Отставка Е. П. Ковалевскаго. (По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенія) въ журн. „Истор. Вѣстникъ" за 1905 г. № 1. *Н. Ѳирсовъ*. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ 1855—1863 гг. „Русская Старина" за 1889 г. №№ 3—8. *Воспоминанія стараго казанскаго студента 1856—1858 г.* „Русская Старина" 1892 г. № 5. *Л. Пантелѣевъ*. Происшествіе 20 сентября (1857 г.) между студентами (московскаго) университета и полиціей. Журн. „Минувшіе Годы". 1898 г. № 4. *Л. Пантелѣевъ*. Изъ воспоминаній прошлаго. С.-Петербургъ. 1905 г. *А. Ауэрбахъ*. Воспоминанія. „Истор. Вѣстн.". 1905 г. № 8. *М. Бутурлинъ*. Записки. „Русскій Архивъ". 1898 г. №№ 8—10. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованія, составленный проф. *Багалѣемъ, Сумцовымъ* и *Бузескуломъ*. Харьковъ. 1906 г. *Н. Мазуренко*. Первая харьковская университетская исторія. „Истор. Вѣстн.". 1907 г. № 9. *В. Григорьевъ*. Императорскій с.-петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. С.-Петербургъ. 1870 г. *В. Спасовичъ*. Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета. („Сочиненія", т. 4). С.-Петербургъ. 1891 г. *К. Кавелинъ*. Записка о безпорядкахъ въ с.-петербургскомъ университетѣ (1861 г.). Сочиненія, т. 2. С.-Петербургъ. 1898 г. Воспоминанія стараго студента *В. Сорокина* въ журн. „Русская Старина". 1888 г. № 12 и 1906 г. № 11. *Кн. А. А. Суворовъ* въ воспоминаніяхъ проф. Андреевскаго. „Русская Старина". 1882 г., № 5. *Студенческіе безпорядки* въ московскомъ университетѣ въ 1861 г. Историческая записка, составленная университетской комиссіей. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ". 1905 г., кн. 2. *С. Ешевскій*. Московскій университетъ въ 1861 году. „Рус. Старина". 1898 г., № 6. *П. Шестаковъ*. Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. „Рус. Старина". 1888 г., №№ 10—11. *Е. Саліасъ*. Семь арестовъ. (Изъ воспоминаній) въ журн. „Истор. Вѣстникъ". 1898 г., №№ 1—3. *Автобіографія М. П. Драгоманова*. „Былое". 1906 г., № 6. *А. Романовичъ-Славатинскій*. Моя жизнь и академическая дѣя-

тельность. „Вѣстникъ Европы“, 1902 г. *Б. Юзефовичъ*. Тридцать лѣтъ тому назадъ. „Рус. Старина“. 1895 г., № 10. *В. Авсѣенко*. Школьные годы. (Отрывки изъ воспоминаній) въ журн. „Истор. Вѣстн.“. 1881 г., № 4. *Н. Аристовъ*. А. П. Щаповъ. С.-Петербургъ. 1883 г. *Г. Лучинскій*. Аф. Пр. Щаповъ. Біографическій очеркъ. „Сочиненія А. П. Щапова“. Изд. Пирожкова, т. 3. С.-Петербургъ. 1908 г. *М. Лемке*. Дѣло профессора Павлова (въ сборникѣ статей г. Лемке „Очерки освободительнаго движенія и шестидесятыхъ годовъ“. С.-Петербургъ. 1908 г.). *М. Лемке*. Молодость „отца Митрофана“ (въ журн. „Былое“. 1907 г., № 1, и перепечатано въ сборникѣ статей г. Лемке „Очерки освободительнаго движенія и шестидесятыхъ годовъ“). *М. Лемке*. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. С.-Петербургъ. 1907 г. (ранѣе напечатано въ журн. „Былое“. 1906 г.). *Еленевъ*. Студенческіе безпорядки. С.-Петербургъ. 1888 г. *С. Мельгуновъ*. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. Москва. 1904 г. *Г. Джаншіевъ*. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1893 г. *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Томы XV—XXI. С.-Петербургъ. 1901—1907 гг. *А. Никитенко*. Записки и дневникъ. Томъ 2. Изд. подъ ред. М. Лемке. С.-Петербургъ. 1905 г. „Колоколъ“ Герцена за 1857—1863 гг. Лондонъ. *По поводу* новаго университетскаго устава. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1863 г., ч. 119. *Н. Пироговъ*. Университетскій вопросъ. С.-Петербургъ. 1863 г. (также „Сочиненія“ т. I. С.-Петербургъ. 1900 г.). *С. Татищевъ*. Императоръ Александръ II. Томы I и II. С.-Петербургъ. 1903 г. *Воспоминанія* о студенческой жизни. Москва. 1899 г.

ГЛАВА XII.

Русская литература 60-хъ годовъ.

См. библіографію къ IX тому.

ГЛАВА XIII.

Украинская литература.

Изслѣдованія. *Житецкій, П.* Очерки литературнаго малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. К. 1899 г. *Его же*. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. К. 1893 г. *Его же*. Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малор. литер. XVIII в. К. 1901 г. *Науменко, В.* Обзоръ фонетическихъ особенностей малор. рѣчи. Кіевъ. 1889 г. *Костомаровъ, Н.* Историческое значеніе малорусской народной поэзіи. *Потебня*. Объясненія малорус. и сродныхъ пѣсенъ. Ч. I и II. В. 1883 г. *Пыпинъ, А.* Исторія русской этнографіи. Т. III. Малорусская этнографія. *Пыпинъ, А.* и *Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. Малороссійская литература. *Гербель*. Поэзія славянъ. См. Костомарова. Поэзія малороссійская. *Петровъ, Н.* Очерки исторіи украинской литературы XIX в. *Дашкевичъ*. Отчетъ о XXIX присужденіи Уваровской преміи. 1888 г. *Огоновскій, О.* Исторія литературы русской. Львовъ. I—V томовъ. 1891 г. *Горленко*. Южнорусскіе очерки и портреты. К. 1898 г. Матеріалы *), очерки и характеристики отдѣльныхъ писателей. *Сковорода, Г.* Сочиненія, собран. и редакт. проф. Д. Багалѣемъ. Х. 1894 г. *Котляревскій, И.* Сочиненія. Полтава. 1896 г. (Дашкевичъ. Вопросъ о литературномъ источникѣ „Москаля Чаривника“ Котляревскаго. 1893 г.—Житецкій, П. Енеида Котляревскаго. — А. Русовъ. Роль Возная въ Наталкѣ Полтавкѣ см. „Кіев. Ст.“ 1905 г.— Стешенко, И. Ив. П. Котляревскій. 1902 г.). *Квітки Основьяненко*. Сочиненія. Тт. I и II. Хар. 1899 г. (Сумцовъ. Квітка, какъ этнографъ. Науменко. Къ 50-лѣтію со дня смерти Г. Квітки. 1893 г.). *Кулішъ*. Оповидання. 1900 г. Досвитки. Х. 1899 г. (Шенрокъ. Кулішъ. Біогр. 1901 г.). *Вик*. Украинская антологія. 3 т. Кіевъ. 1902 г. *Марко Вовчокъ*. Народні Оповидання. 2 тома. К. 1902 г. (Ефремовъ. Марко-Вовчокъ). *Шевченко, Т.* Кобзарь. Спб. 1908 г. (Комаровъ. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Од. 1903 г. Кониссій, А. Тарасъ Шевченко. Хроника его життя. Льв.). *Гребинка*. Байки. *Глібовъ, Л.* Твори. К. 1905 г. (Гринченко. Л. И. Глѣбовъ. Черн. 1901 г.). *Федьковичъ, О.* Повісти (зъ переднимъ словомъ М. П. Драгоманова. К. 1876 г.). *Франко, И.* В поті чола. 3 т. К. 1904 г. (про галицку литературу см. М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія т. 1, изд. Сытина. М. 1908 г. Про Франка: Ефремовъ, С. Пѣвецъ борьбы и контрастовъ. „Кіев. Ст.“ 1905 г.). *Левицькій, И.* Повісти и оповидання. 3 тома. К. 1905 г. (Ефремовъ, С. Бытописатель пореформенной Украины. 1905 г.). *Мирний, О.* Твори. 3 т. К. 1903 г. *Старицкій, М.* Малороссійскій театръ. 2 т. К. *Его же*. Поэзія. К. 1908 г. *Свидницкій, А.* Любарацьки. К. 1902 г. *Щоголевъ*. Ворскло. Слобожанщина (сборн. стиховъ). Х. 1898 г. *Грабовській*. Поэзіи. Львовъ. (Ефремовъ. Поэтъ гражданинъ). *Руданскій*. Твори. К. 1902 г. *Самійленко*. З поэзій. К. 1905 г. *Гринченко*. Писання. 2 т. 1903 г. *Леся Украинка*. На крилахъ пісень. К. 1904. *Д. Маркевичъ*. По степамъ и хуторамъ. К. 1908 г. *Коцюбинскій, М.* Оповидання. 1 т. К. 1903 г. (Л. Старицкая Черняховська. Коцюбинскій. „Кіев. Ст.“ 1904 г.). *Тобилевичъ, И.* Драми и комедіи. 1897—1903 гг. 5 т. (Корифеи украинской сцены. К. 1902 г.). *Крапивницкій*. Збірникъ творівъ. 3 т. Х. 1895—1903 гг. (Старицкая Черняховская, Л. Украинскій театръ. *Яновская, Л.* Оповидання. Т. 1. К. 1904 г. *Черняевскій, М.* Зорі, поэзіи. К. 1903 г. *Сте-*

*) Указаны только болѣе или менѣе полныя собранія сочиненій.

фаникъ. Оповидання. 1904 г. *Бордулякъ.* Оповидання. К. 1903 г. (Ефремовъ, С. На мертвой точкѣ. К. 1904 г. Его же. Въ поискахъ новой красоты 1902 г.—К. Е. Т. Бордулякъ. К. 1903 г.—Грушевскій, О. Сучасне украинске писменство въ ёго типових представникахъ. Литературно-науковий Вістник". К. 1907—1908 гг. Грушевскій, М. Украинскій вопросъ въ Россіи).

ГЛАВА XIV.

Пластическія искусства.

Общія сочиненія. *Новицкій.* Исторія русскаго искусства. Т. II. *Бенуа.* Исторія русской живописи въ XIX в. Тт. I и II. *Рамазановъ.* Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. *Мутеръ.* Исторія живописи въ XIX в. *Петровъ.* Очеркъ исторіи скульптуры въ Россіи. „Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ". 1890 г. *Петровъ.* Художественная живопись за 100 лѣтъ. „Сѣверное Сіяніе". 1862 г. *Hasselblatt.* Historischer Ueberblick der Entwickelung der Kais. Rus. Akademie der Künste zu S.-Petersburg. *Оленинъ.* Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Им. академіи художествъ съ 1764—1829 гг. *Гаршинъ.* Первые шаги академическаго искусства въ Россіи. „Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ". Тт. IV, V, VI и VII.

Монографіи. *Мокрицкій.* Воспоминанія объ А. Г. Венеціановѣ. „Отечественныя Записки". 1857 г. № 11. *Петровъ.* А. Г. Венеціановъ, отецъ русской бытовой живописи. „Русская Старина". 1878 г. № 11. *Стасовъ.* Полное собраніе сочиненій. Т. I. *Сомовъ.* К. П. Брюловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ. „Міръ Искусства". Т. III. *Бенуа.* Ѳ. Бруни. „Міръ Искусства". Т. IV. *А. С.* Ѳ. А. Бруни. „Пчела". 1875 г. № 35. *А. А. Ивановъ.* Его жизнь и переписка. Изд. М. Боткинымъ. *Цомакіонъ.* А. А. Ивановъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Изд. Павленкова. *Философовъ.* Ивановъ и Васнецовъ въ оцѣнкѣ Бенуа. „Міръ Искусства". 1907 г. № 10. *Андреева.* Эскизы А. Иванова. (Тамъ же). *Булгаковъ.* П. Ѳедотовъ и его произведенія. *Дитерихсъ.* П. А. Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность.

ГЛАВА XIV.

Русская музыка.

Ник. Финдейзенъ. Музыка въ русской общественной жизни начала XIX в. „Русск. Музык. Газ.", 1899 и 1900 гг. *Блохъ.* Кавосъ. „Ежегодникъ Импер. театр.". 1896—97 гг. *Н. Финдейзенъ.* Верстовскій. (Ibidem). *Смоленскій.* Рѣчь о Бортнянскомъ. „Русск. Муз. Газ.". 1901 г. №№ 39—40. *Записки М. И. Глинки.* 1887 г. *Ларошъ.* Глинка и его значеніе въ русской музыкѣ. „Русск. Вѣстн.". 1867 г., кн. 10; 1868 г., кн. 1 и 9. *Финдейзенъ.* Глинка. 1894 г. *Вальтеръ.* Глинка. 1907 г. „Русскіе композиторы". *Буличъ.* Русская музыка. „Энциклопедич. Словарь Брокгауза и Эфр.". Т. 55. *Корзухинъ.* Даргомыжскій. „Артистъ". 1894 г. №№ 33—38. *Автобіографія Даргомыжскаго.* (Ibidem). *Финдейзенъ.* Даргомыжскій. 1904 г. *Финдейзенъ.* Сѣровъ. 1904 г. *Сѣровъ.* Собраніе сочиненій въ 4 т. 1892—96 гг. *Стасовъ.* Собраніе сочиненій. Т. 4. *Кашкинъ.* Очеркъ исторіи русской музыки. 1908 г. *Гентхинъ.* Исторія русской оперы. 1905 г. Для справокъ Музык. словарь Римана.

Оглавленіе II части (III и IV томовъ) *).

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

Крымская кампанія.

(М. Н. Покровскаго.)

*) Страницы III-го тома набраны прямымъ шрифтомъ, страницы IV-го тома—курсивомъ.

ГЛАВА II.

Крестьянская реформа.

ГЛАВА III.

Земская реформа.

(С. Я. Цейтлина.)

ГЛАВА IV.

Судебная реформа.

(М. П. Чубинскаго.)

ГЛАВА V.

Польское возстаніе 1863 г.

(З. Ленскаго.)

I. До возстанія.

II. Революціонное движеніе 1861—64 гг.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА VI.

Городъ и городовое Положеніе 1870 года.

(Г. И. Шрейдера.)

ГЛАВА VII.

Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера.)

ГЛАВА VIII.

Религіозное движеніе.

(М. Н. Никольскаго.)

ГЛАВА IX.

Народное образованіе въ первой половинѣ XIX столѣтія.

(В. И. Чарнолусскаго.)

ГЛАВА X.

Средняя школа.

(М. Н. Коваленскаго.)

Мужская и женская школа 60-хъ годовъ.

ГЛАВА XI.

Университеты въ Россіи въ эпоху 60-хъ годовъ.

(И. Н. Бороздина.)

ГЛАВА XII.

Русская литература шестидесятыхъ годовъ.

(П. Н. Сакулина.)

ГЛАВА XIII.

Украинская литература въ XIX в.

(С. Ф. Русовой.)

ГЛАВА XIV.

Пластическія искусства.

(В. М. Фриче.)

ГЛАВА XV.

Русская музыка.

(Ю. Д. Энгеля.)

Введеніе.

Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные во второй части (тома III и IV).

II f

